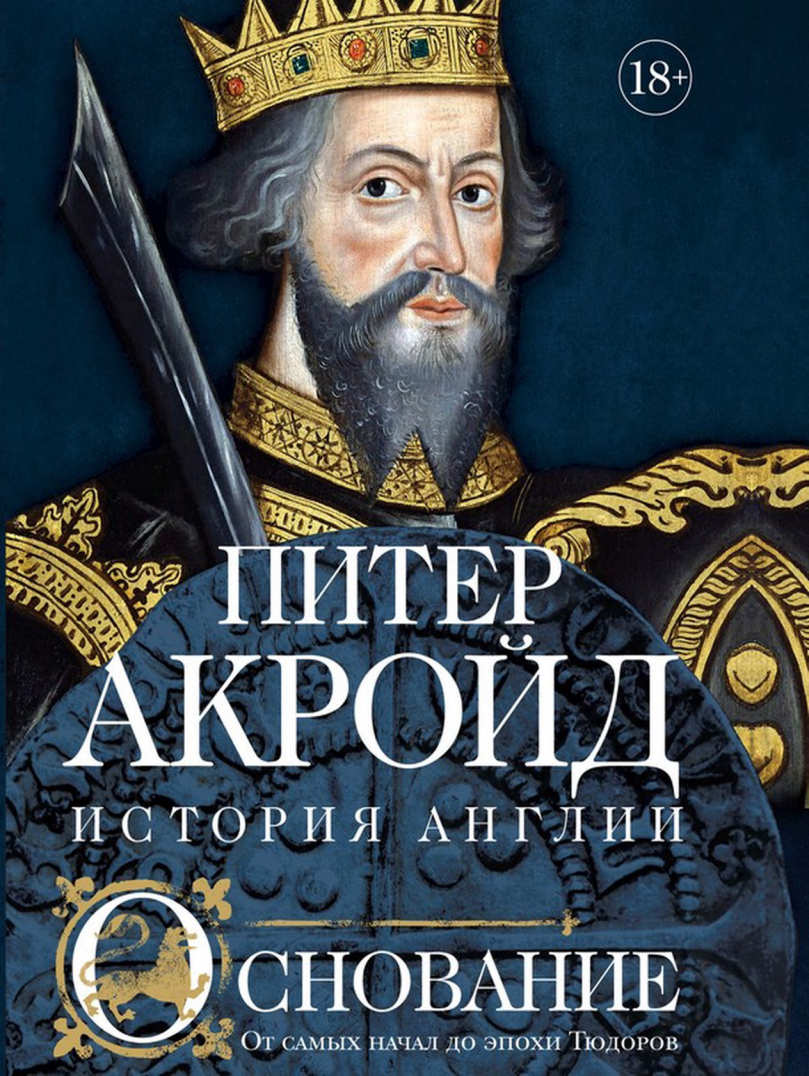

18+
ПИТЕР
АКРОЙД
ИСТОРИЯ АНГЛИИ
ОСНОВАНИЕ
От самых начал до эпохи Тюдоров

Основание. От самых начал до эпохи Тюдоров

Питер Акройд

Аннотация
Питер Акройд. Основание. От самых начал до эпохи Тюдоров
1. Воспетые в камне
2. Путь римлян
3. Изменения климата
4. Наконечники копий
5. Кровавый орел
6. Королевская мера
7. Приход захватчиков
8. Дом
9. Дьяволы и нечестивцы
10. Дорога
11. Закон мертв
12. Имена
13. Мятежный поп
14. Потерянная деревня
15. Великая хартия
16. Преступление и наказание
17. Простой король
18. Сезонный календарь

19. Император Британии
20. Молот
21. Королевские фавориты
22. Рождение и смерть
23. Национальное самосознание
24. Ночные школы
25. Беспорядки
26. В лесах
27. Страдающий король
28. Старые привычки
29. Воитель
30. Какими другие видят нас
31. Простой человек
32. Знакомство с одной семьей
33. Разделенное королевство
34. Мир в игре
35. Лев и агнец
36. Основа жизни
37. Король весны
38. Идем в город
39. Король-фанатик
40. Король подозрений
Заключение
Библиография
Фотоматериалы

Аннотация

История Англии — это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней — не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна, которая всегда была единым целым, сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому.

В этой книге показана история Англии от периода неолита, первых поселений и постройки Стоунхенджа до возведения средневековых соборов, формирования всеобщего права и конца правления первого короля династии Тюдоров Генриха VII. Повествование ведется о последовательных волнах захватчиков — римлян, викингов, саксов и норманнов, о воюющих королях, о междоусобицах внутри страны и о чужеземных войнах.

В труде Акройда, которого по праву считают одним из лучших английских литераторов, воссоздается не только политическая история, будни королевских особ и перипетии их взаимоотношений, но и повседневная жизнь простых людей с ее традициями, обычаями и материальной культурой. Солидный историко-литературный труд, снабженный 51 цветной иллюстрацией, представит интерес для широкого круга читателей.

Питер Акройд
Основание. От самых начал до эпохи Тюдоров

Peter Ackroyd
THE HISTORY OF ENGLAND
Volume I. Foundation

Впервые опубликовано в 2012 году Macmillan, импринт Pan Macmillan, подразделение Macmillan Publishers International Limited

© Peter Ackroyd, 2011
© Краснянская В. В., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
КоЛибри®

* * *

Эта книга начинается со времени строительства Стоунхенджа и заканчивается закатом династии Плантагенетов и восшествием на престол Генриха VII Тюдора. Впечатляет исследование роли обычаев, традиций и непредвиденных обстоятельств в формировании истории Англии. Автор отвергает точку зрения на английскую историю описываемого периода как на сознательное движение вперед, например к появлению

парламента. Он допускает сохранение преемственности после Нормандского завоевания, подчеркивая поддержание образа жизни коренного населения и, к примеру, их родного языка, который, пусть даже и три столетия спустя, при Чосере, заменил французский язык завоевателей в качестве языка общественной жизни и правящей элиты. Пока бушевали сражения за корону, шли Столетняя война и Война Алой и Белой розы, крестьяне продолжали обрабатывать землю, пить эль и время от времени подниматься на господ с вилами и факелами. Чрезвычайная эрудиция автора поражает.

Booklist

Автор истолковывает одни мифы, развенчивает другие и словно возвращает английских королей к жизни… Приводятся одновременно и положительные, и отрицательные черты каждого правителя, причем не упускаются очаровательные мелочи, такие как появление носовых платков. Настоящая история Англии — это неразрывная связь множества деталей.

Kirkus Reviews

Захватывающая и отличающаяся новизной история отдаленного прошлого Англии, имеющая отношение к национальной памяти и «чувству места». Автор мастерски обобщает результаты исследований многих ученых, представляя также и собственные изыскания. В первых главах, посвященных временам до Вильгельма Завоевателя, блестяще описываются находки современных археологов, углубившие наше понимание того, как жили древние бритты и как изменили нацию различные миграции и завоевания.

New York Times Book Review

Потрясающе! История Англии от расселения племенных групп и формирования региональных различий до римского владычества и саксонских вторжений с их долгосрочными последствиями… Не только рассказ о жизни английских монархов и описание войн, но и анализ обычаев, традиций, материальной культуры и наследия, актуального по сей день. Даже если вы эрудит в английской истории, многое будет для вас в новинку.

Sunday Express

1
Воспетые в камне

Когда в круг Стоунхенджа был поставлен первый камень-валун, земля, которую мы называем Англией, уже была очень давно заселена. Неподалеку от деревни Хэпписбург в Норфолке недавно было найдено семьдесят восемь кремневых предметов, возраст которых оценивается приблизительно в 900 000 лет. Так началась долгая история этой земли.

Воспользовавшись преимуществами теплого межледникового периода, продолжавшегося много тысяч лет, из южной части Европы прибыли по крайней мере девять отдельных, непохожих друг на друга волн поселенцев. Они не оставили никакого следа в истории, только камни и кости как свидетельства своих успехов и поражений. У стены пещеры на полуострове Гауэр был обнаружен скелет человека, пролежавший там 29 000 лет. Его кости были покрыты тонким налетом красного цвета, предположительно либо их присыпали красной охрой, либо похоронные одеяния были очень густо прокрашены. На ногах у

него были туфли. Вокруг него лежали различные похоронные подношения, в том числе костяные браслеты и раковины с пробитыми дырочками. Головы не было, а само тело было погребено с черепом мамонта.

Мужчина был молод, возможно не старше двадцати одного года, но в те далекие времена все мужчины и женщины не доживали до старости. Он явно был кем-то вроде главы клана или вождя племени. На заре человечества уже существовала социальная иерархия со своими обозначениями ранга или статуса. Пещеру, где был похоронен неизвестный мужчина, посещали многие последующие поколения, но мы так и не знаем, какие тайны она хранила. Народ, к которому принадлежал покойный, исчез с лица земли.

Выжила только последняя волна прибывших в Англию. Эти люди появились там примерно 15 000 лет назад и расселились на разных территориях, включая места, известные нам как Ноттингемшир, Норфолк и Девон. На известняковом потолке пещеры в Ноттингемшире 13 000 лет назад были вырезаны фигурки птиц и зверей; среди них были рогач и медведь, олень и бизон.

Поколения приходили и уходили, но в жизни людей, насколько мы можем судить, не менялось

ничего или почти ничего. Они не сдавались. Они выживали. Мы не знаем, на каком языке они говорили. О том, как и кому они молились, мы тоже не имеем понятия. Но они не были безъязыкими. Их интеллектуальные возможности были так же велики — или так же малы, — как наши собственные. Они смеялись, плакали и молились. Кто же они? Прародители англичан, прямые предки многих из тех, кто и сейчас принадлежит к этому народу. Существует аутентичная и мощная генетическая структура, связывающая живущих с давно ушедшими. В 1995 году два палеонтолога доказали, что образец генетического материала, взятый из тела мужчины, захороненного в пещерах ущелья Чеддер 9000 лет назад, во многом совпадает с образцами, взятыми у нынешних жителей этой территории. У них всех был общий предок по материнской линии. Значит, есть преемственность. Те древние люди выстояли. Англичане изначально не были «англосаксами» или «кельтами»; они были доисторическим островным народом.

Изучение доисторической эпохи невозможно без изучения географии. Когда поселенцы прибыли в Англию 15 000 лет назад, Северное море было великой равниной с озерами и лесами. Теперь

она находится под водой, вместе с невидимыми свидетельствами прошлого. И все же частично мы можем воссоздать утраченное. Дубовые леса, трясины, покрытые камышом, и просторные луга. Мир был теплым и влажным. Его населяли благородные олени и полевки, но им приходилось делить территорию со слонами и макаками. Там же в поисках добычи бродили группы людей, по двадцать пять или более человек каждая. Они убивали животных стрелами с кремневыми наконечниками и использовали обработанные оленьи рога как топоры; они носили деревянные копья. Мы не знаем, как именно была организована их жизнь, но обнаруженные в стороне от основных поселений «места разделки добычи», где производились инструменты и готовилась пища, предполагают некоторую степень социального управления.

Мы и сейчас можем увидеть, как эти люди словно проходят перед нами. На песчаных дюнах Формби, на северо-западном побережье Англии есть полоса длиной 9,75 метра, полная отпечатков человеческих следов. Среди них много детских отпечатков. Мужчины имели рост примерно 1,55 метра, женщины были сантиметров на двадцать ниже. Они искали креветок и ост-

рые ракушки. Такие же отпечатки находили и в других частях Англии, в частности на береговой полосе в устье реки Северн; они постепенно стирались там, где 7000 лет назад сухая земля становилась болотом. Теперь они исчезли, смытые приливом.

Это отпечатки ног так называемых людей мезолита. Термин «мезолит», как и смежные «палеолит» и «неолит», достаточно размыт, но удобен в использовании. Люди той эпохи выжигали леса, чтобы построить поселения или сделать охоту более эффективной. Выжигали и сосняки, чтобы освободить место для орешника, чьи созревающие по осени плоды были широко распространенным источником пищи. Люди знали, как распределить свои ресурсы. Первых англичан называют «охотниками-собирателями»: для охоты они использовали собак, но в целом жизнь их не была спонтанно кочевой: они действовали в четко определенных границах, передвигаясь по прилегающим друг к другу территориям. Особенно привлекали их местности, где земля встречалась с водой.

Примерно 11 000 лет назад территорию современной долины Пикеринга в Йоркшире занимало огромное озеро. На его берегу была

построена платформа из березового дерева. Возможно, она использовалась и для того, чтобы было удобнее ловить рыбу, но скорее служила местом ритуальных церемоний: приходящие туда люди носили янтарные бусы и оставляли после себя кости свиней, оленей, журавлей и уток. Кроме того, исследователи нашли круглый дом 3,5 метра в диаметре, датируемый примерно 9000 годом до н. э.; он был построен с помощью восемнадцати вертикально укрепленных деревянных столбов, толстые слои мха и камыша служили спальным местом.

Обитатели этого дома использовали стрелы с заостренными наконечниками из оленьих рогов, кремневые ножи и скребки; они разжигали огонь с помощью пирита (железного колчедана). В самом доме, вероятно, имелся очаг. Люди пользовались каноэ, чтобы плавать по озеру: было обнаружено одно весло, хотя самих плавучих средств найдено не было. Их разрушило время, но кое-что все-таки осталось. В месте под названием Стар-Карр обнаружили двадцать один фрагмент оленьих черепов, на некоторых из них сохранились рога. Служили ли они маскировкой для охоты? Впрочем, более вероятно, что оленьи черепа были частью костюма шамана и помогали ему

призвать дух оленя. Возможно, они были связаны с какой-то ранней формой моррисданса[1]: то, что когда-то воспринималось как мистическое, теперь кажется просто причудливым.

Англичане эпохи мезолита жили в поселениях, подобных обнаруженному в городе Тэтчем в Беркшире; сегодняшний город на самом деле является наиболее современной версией общины, проживавшей там же в древности. Какие-то атавистические побуждения заставляют людей селиться на одном и том же месте. 10 000 лет назад они жили на берегу озера. Были обнаружены обугленные кости, обгорелые ветви орешника и куски угля, которые использовались для разведения костров; другими словами, здесь люди жили обычной повседневной жизнью. Расчищенные места служили полом для маленьких хижин. Первые английские дома строились из гибких молодых деревьев, которые связывались вместе и покрывались шкурами. Размеры жилища составляли приблизительно 6 метров на 4,8 метра.

Существовали сотни таких поселений, многие из них находились в прибрежном районе, кото-

[1] Примечания: 1

Моррисданс — народный театрализованный танец в Англии, исполняется во время майских празднеств в костюмах героев легенд о Робин Гуде. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

рый теперь лежит ниже уровня моря. Береговая линия тогда была на 20–30 метров выше, чем сейчас, так что близлежащие поселения затопило. Возможно, мы никогда не будем знать об Англии эпохи мезолита намного больше, чем сейчас, потому что ее останки погребены под волнами. Одна такая покрытая водой деревня нашлась, когда случайные ныряльщики заглянули в нору, вырытую лобстером неподалеку от острова Уайт: ракообразное выбрасывало наружу куски обработанного кремня. Тогда и было открыто это поселение ремесленников и мастеров, а также охотников и рыболовов. Из воды достали деревянный столб с кремневым ножом в нем. Было найдено вырезанное из бревна каноэ. Можно ясно разглядеть остатки конструкций, которые раньше были домами. Их жители строили как из дерева, так и из камня. Все это часть английского мира, ушедшего под воду.

Вода поднялась так высоко, что после таяния ледникового покрова, оставшегося от периода обледенения, она окружила архипелаг, на котором расположены современные Англия, Шотландия и Уэльс. 8000 лет назад луга и леса равнины, лежащей между Великобританией и континентальной Европой, были затоплены юж-

ной частью Северного моря. Вероятно, причиной стал не единовременный мощный прилив, хотя землетрясения могли вызвать огромную волну. Скорее всего, процесс происходил постепенно, на протяжении 2000 лет, когда земля медленно превращалась в болото, а затем — в озеро. В более раннюю эпоху два катастрофических наводнения уже образовали пролив между Англией и Францией. В результате был сформирован архипелаг (для простоты мы можем называть его островом), 60 % которого сегодня занимает Великобритания.

Здесь неизбежно возникают вопросы топографического характера. Например, где же точно находится центр Великобритании? Он отмечен каменным крестом в поселке Мериден в Уорвикшире; созвучие названия Мериден со словом «меридиан» или с выражением *middle of the day* (середина дня) не может не обращать на себя внимание, и, возможно, в самом деле имелась причина достаточно веская, чтобы поставить крест именно в этом месте. Но в действительности центр страны находится на ферме Линдли-Холл в Лестершире, которая с недавнего времени принадлежит супружеской чете по фа-

милии Фармер[2].

Изолированное положение Англии в какой-то момент начало влиять и на изготавливаемые там инструменты. Они стали меньше по сравнению со сделанными на континенте, а некоторые типы миниатюрных каменных орудий вообще не производились за пределами этой земли. Тем не менее остров по-прежнему оставался привлекательным для путешественников, которые приплывали в лодках, построенных из дерева или ивовой лозы и кожи. Они приплывали из Северо-Западной Европы, что доказывает: вторжения англосаксов и викингов были продолжением процессов, начавшихся в древности.

Приплывали люди и с Атлантического побережья Испании, и из Юго-Западной Франции, но эта волна миграции не была чем-то новым. Мореходы Атлантики колонизировали юго-западную часть Англии еще в мезолите, поэтому к тому времени, когда сформировался остров, в западных районах страны уже существовала обособленная процветающая цивилизация. Путешественники из Испании селились и в Ирландии, отсюда и родственность корней в названиях «Иберия»

---

[2] Примечания: 2
Фамилия созвучна с *англ.* farmer — фермер.

и «Гиберния»[3]. Племена силуров, поселившиеся в Южном Уэльсе в железном веке, всегда считали, что их предки прибыли из Испании в некоем отдаленном прошлом; Тацит отмечал, что у людей из этих племен темная кожа и курчавые волосы. Именно их позднее начали называть кельтами.

Итак, различия между регионами Англии существовали уже 8000 лет назад. Кремневые орудия, например, можно разделить на пять отдельных, самостоятельных категорий. Предметы, найденные на юго-западе, выглядели совершенно иначе по сравнению с обнаруженными на юго-востоке, что стимулировало торговлю между двумя территориями. Создавались самобытные культуры, использующие географические и геологические особенности того или иного региона. В любом случае не могло не быть разницы между культурами, основанными на известняке, и культурами, которые строились на граните.

Англия представляет собой две масштабные зоны. Низменность (Лоуленд), куда входят срединные земли (Мидленд), «ближние графства», окружающие Лондон, Восточная Англия, Хамберсайд и юг центральной равнины — мягкий

[3] Примечания: 3

Иберия и Гиберния — одно из названий Пиренейского полуострова и античное название Ирландии соответственно. — *Прим. ред.*

известняк, мел и песчаник. Для здешних мест характерны низкие холмы, равнины и речные долины. Это земля централизованной власти и поселений, мягкая и податливая. Возвышенность (Хайленд) на севере и западе, куда входят Пеннинские горы, Камбрия, Северный Йоркшир, Скалистый край Дербишира, Девон и Корнуолл, в основном сформирована из гранита, сланца и известняка. Здесь земля гор, высоких холмов и болот — твердый, суровый и кристально-прозрачный край, населенный клановыми группами или независимыми друг от друга семьями. Эти два региона обращены не друг на друга, а наружу, к морям, по которым приплывали их обитатели. Мы можем увидеть, как меняется сама земля. В Уэссексе граница обнаруженных поселений прерывается в месте, где мягкий известняк встречается с кимериджскими глинами. Дальше на запад местные народности не продвигались. Так начали углубляться региональные различия.

Различия диалектов и произношения могли существовать и раньше. На юго-востоке бытовал праязык, следы которого можно проследить в современной речи: названия «Лондон», «Темза» и «Кент» не имеют германских или кельтских корней. Вполне возможно, что люди в Восточной

Англии и на юго-востоке начали говорить на языке, который развился в германский, а люди на северо-западе использовали язык, который стал кельтским. Германское наречие превратилось в среднеанглийский, который позже трансформировался в стандартный английский; кельтский же разделился на валлийский, корнский и гэльский языки. Кстати, в Уэльсе и Корнуолле можно найти надписи на кельтском языке, вырезанные на камне в римскую эпоху, в то время как в Южной Англии таких надписей нет. Тацит писал, что во времена римской колонизации на юго-востоке Англии говорили на языке, не так уж сильно отличавшемся от наречий балтийских племен. Впрочем с уверенностью ничего по этому поводу утверждать нельзя. Все теряется в туманных сумерках прошлых веков.

Когда же туман рассеивается, мы видим необыкновенные вещи. Под похоронным холмом в Уилтшире неподалеку от Эйвбери археологи обнаружили то, что примерно в 3500 году до н. э. было верхним слоем почвы; он сохранился благодаря особой конструкции могильника. Значимость находки этой древней земли стала еще очевиднее после обнаружения на ней крошечных канавок, расположенных под прямым углом

друг к другу, так, что они образовывали нечто вроде клеток. Канавки были проложены плугом, представлявшим собой раздвоенную ветку дерева, укрепленную каменным наконечником, которую тащил бык. Это первое доказательство существования полей в Англии. Оно говорит о начале сельского хозяйства. Мы попадаем в так называемую Англию эпохи неолита. Люди расчистили небольшой клочок земли от густого леса, обработали его плугом, запустили туда овец и крупный рогатый скот и возвели вокруг участка забор или изгородь. Сам могильный холм появился где-то на 1500 лет позже. Учитывая такую последовательность событий, мы видим, как медленно происходили изменения в доисторический период.

Переход от охоты к сельскому хозяйству также происходил постепенно; никакой серьезной сельскохозяйственной революции не случилось, в ходе дней, лет и веков привычный уклад менялся едва заметно. Жизнь покоилась на традиции. За этот долгий период кремневые орудия сменились серпами и блестящими топорами; в Англии появилось гончарное дело; выработались новые формы общинных ритуалов. Но на протяжении жизни отдельного поколения, которая, по нашим

оценкам, составляла от двадцати до тридцати лет, должно было казаться, что ничего не меняется. Используя такие термины, как мезолит и неолит, мы должны помнить, что речь идет о глубинной преемственности, характеризующей и суть самой Англии.

Начало медленного распространения сельского хозяйства можно датировать 4000 годом до н. э. Начали расчищаться леса, сперва спорадически, а затем все более масштабно; болотистые низины Северной и Юго-Западной Англии и пустоши Восточной Англии были отчасти созданы рукой человека. На свежерасчищенных землях росли пшеница и ячмень, паслись одомашненные свиньи и коровы, овцы и козы. Впрочем, овцы не являются исконно английскими животными. Вообще все эти животные были завезены на кораблях, на острове они не водились: это дает представление о том, насколько важен был вклад морских путешественников в формирование знакомого нам сегодня пейзажа.

Это было время потепления, и под сверкающим солнцем людей становилось больше; за весь период неолита, примерно с 4700 до 2000 года до н. э., население утроилось и составило приблизительно 300 000 человек. Постоянный рост

населения стимулировал интенсивность земледелия, и к 3000 году до н. э. все доступные земли были поделены на маленькие квадратики полей. Там, где есть поля, появляются ограды и канавы, возводятся каменные стены. Изгороди были обнаружены под доисторическими могильными холмами, что говорит об их древности.

Наличие курганов, где мертвые господствуют над окружающим пейзажем, — еще один признак оседлого общества с собственными ритуалами и культами. Можно обнаружить свидетельства постройки домов и рассредоточенных крестьянских поселений, общинных колодцев и огороженных площадок, где, возможно, пасли скот или устраивали ярмарки и собрания. Одно такое место, сооруженное в Корнуолле до 3000 года до н. э., было защищено огромной каменной стеной; там были найдены остатки домов, где могли жить примерно двести человек. Таким образом, английская деревня или маленький английский городок восходят к периоду неолита.

Дороги и тропинки прокладывали от поселения к поселению. Икнилдская дорога вела доисторического путешественника из Бакингемшира в Норфолк. Тропинки шли от одного крестьянского двора к другому. Путь Пилигрима

соединял крупные религиозные центры Кентербери и Винчестер. Эрмин-стрит сейчас, помимо всего прочего, известна как Старая Северная дорога. Джурасик-Уэй тянулся от Оксфордшира до Линкольншира. Уотлинг-стрит пролегала между Кентербери и Сент-Олбансом, проходя через местность, где мог находиться доисторический Лондон. Длинные гати через болотистые низменности Сомерсета строились из бревен, которые были срублены примерно в 3800-х годах до н. э. Для строительства использовалась самая разная древесина, от ясеня и липы до орешника и остролиста; есть предположения, что деревья специально выращивали для этой цели. Качество и состав древесины, используемой в Англии периода неолита, нам неизвестны. Технология ее обработки утрачена.

Многие дороги, условно считающиеся римскими, гораздо более древние: римляне просто использовали доисторические тропы. Современные дороги были построены вдоль этих древних линий, так что мы по-прежнему идем по стопам наших предков. Они создали сеть коммуникаций, охватившую всю Англии. Это была многолюдная и деятельная цивилизация, куда более развитая, чем считалось раньше. По дорогам перевозили

орудия для фермеров и строителей домов, разного рода гончарные изделия и товары из кожи. Кремень добывался в подземных галереях, куда вели сотни шахт, достигавших глубины в 15,2 метра; затем его развозили по всей стране.

Тем временем разделение между регионами становилось все более явным. На побережье Атлантики вырастали мегалитические гробницы с дверями и пещерные могилы, которые были неизвестны в Восточной Англии, во внутренней части острова и на юго-востоке. Эти огромные каменные сооружения, воспевающие мертвых, строившиеся в течение 600 лет с 3800 года до н. э., — порождения уникальной культуры, пришедшей из Юго-Западной Европы. Такие же могилы были обнаружены в Португалии и Бретани, Шотландии и на Оркнейских островах, что позволяет предположить существование фактически общей европейской религии, о которой свидетельствует определенное расположение камней.

Мощеные огороженные участки того же периода встречаются по преимуществу в Южной и Восточной Британии; они представляют собой овальное или круглое пространство, окруженное рвом и поделенное на сегменты. Участки

использовались для ритуальных целей, но местная система верований и религиозных практик отличалась от той, что существовала на юго-западе. Здесь не ставили огромных ворот смерти вроде тех, что были обнаружены при раскопках портальных гробниц, — открытое пространство предполагает более демократичную или, по крайней мере, коллективную веру.

От той же эпохи сохранились длинные параллельные линии рвов, которые стали известны как курсус: они пересекают то, что должно было быть открытым сельским ландшафтом, и в длину могут достигать почти 10 километров. Эти борозды являлись частью некоей обрядовой культуры, значение которой утрачено. Тем не менее мы вполне уверены, что в ту эпоху земля в Англии была святыней: и камни, и почва считались священными. Англичане раннего неолита непосредственно общались со своей землей и с существами, которые жили на ней; такое общение недоступно воображению современного человека.

Все дороги ведут в Стоунхендж, одно из величайших священных мест. Оно началось с круга из пятидесяти шести бревен, поставленных примерно в 2800 году до н. э. посреди ритуального про-

странства, которое к тому времени существовало уже 500 лет. Курсус протяженностью в 2,4 километра тянется на север. Также были обнаружены осколки каменных кристаллов, которые, должно быть, были привезены из Альпийского региона. Солсбери-Плейн тогда была культовым центром острова. Отсюда расходились известняковые и меловые хребты низменности Британии. Здесь сходилась паутина тянущихся вдоль гребней холмов дорог и торговых маршрутов. Это была самая большая пригодная для жизни территория. Там был доступ к рекам. Это был великий котел, в котором кипели человеческие сила и воля.

Около 2200 года до н. э. был создан первый каменный круг. Переход от дерева к камню был связан со значительными культурными изменениями, в результате которых монументальные сооружения стали возводиться на новых местах — по мере того как слабел культ предков и продолжались столкновения между враждующими группами. В Питерборо в одной могиле были обнаружены тела мужчины, женщины и двух детей; мужчина был убит стрелой в спину. В Дорсете несколько тел лежали в яме, над которой был насыпан вал; один из них был убит стрелой.

Строительство Стоунхенджа было самым

масштабным и длительным общественным проектом в истории Англии. Вначале, в 2200 году до н. э., были поставлены голубые камни; они имели вулканическое происхождение и наделялись магическими и лечебными свойствами. Примерно через сто лет голубые камни убрали и заменили тридцатью валунами песчаника; они сформировали круг вокруг пяти пар трилитов[4], расположенных в форме подковы. Примерно в то же время был построен деревянный хендж, или круглый монумент, состоящий из двадцати четырех обелисков, на расстоянии примерно в 0,8 километра от своего каменного компаньона; возможно, это было место погребений или какой-то другой обрядовой деятельности.

Еще один хендж, или каменный круг, известный как Блустоунхендж, был сооружен примерно в полутора километрах на юго-восток по берегу реки Эйвон. Где-то в трех километрах была построена большая деревня, которую считают местом остановки для паломников, обрядовым центром, местом лечения или домом для рабочих, строивших сооружения из песчаника. Так

[4] Примечания: 4

Трилит — один из видов неолитических памятников — мегалитов, представляющий собой три больших камня, установленные в виде ворот или врытые в землю параллельно друг другу.

или иначе, Солсбери-Плейн была общественным и религиозным центром очень крупного масштаба. Когда-то считалось, что на этом месте было в основном пустое поле, но теперь мы знаем, что там кипела жизнь.

К этому периоду относится найденное тело мужчины, которого называют Лучником из Эймсбери или «королем Стоунхенджа»; в его могиле обнаружили более ста предметов, в том числе золотые украшения для волос, ножи из меди, горшки и клыки кабанов. Вокруг его тела, скрюченного в позе эмбриона, были разбросаны кремневые наконечники стрел. Здесь обрел свое последнее пристанище вождь какого-то племени. Изотопный анализ показал, что он вырос в более холодных районах Северной Европы. Что иностранный король делал на Солсбери-Плейн? Прибыл ли он как паломник? Исследователи обнаружили, что при жизни несчастный страдал гнойным воспалением и болезненной инфекцией костей. Может быть, он пересек море, чтобы излечиться от своих недугов? Или же он правил в этих землях как один из вождей, ведь в ту эпоху, когда еще не было ни стран, ни наций, племенам было не обязательно жить на одном месте.

На последнем этапе строительства, примерно

в 1600 году до н. э., были вырыты ямы, или лунки, для двух кругов вертикально стоящих камней, но они так и остались пустыми. Таким образом, форма и, возможно вследствие этого, сама концепция Стоунхенджа менялись на протяжении 1200 лет. Было бы странно, будь это иначе. Такой же период времени отделяет нас от англосаксонской эпохи. Идут споры о том, были ли эти камни местом захоронения, центром паломничеств и обрядового лечения, великой обсерваторией и небесными часами или местом общественных церемоний и ритуалов. Нет никаких причин, по которым Стоунхендж не мог выполнять все эти функции — и какие-то другие — в различные эпохи своего существования. Когда воздвигались эти огромные камни, они казались величественными и непоколебимыми, сейчас, спустя 4000 лет, они танцуют перед нами, выстраиваясь в сложные узоры.

Впрочем, о какой бы эпохе ни шла речь, эти камни говорят о том, что в то время существовала правящая сила, способная организовать большое число людей для работы в общем проекте. Это было иерархическое общество с элитой, племенной или жреческой, которая могла заставить многие тысячи людей — силой или убеждением — вы-

полнять ее волю. Обитатели Солсбери-Плейн (не будем брать более обширные территории) жили под руководством и защитой лидеров, богатых землей и скотом; чем больше мы находим артефактов этой культуры неолита, тем сильнее впечатляет размах ее власти. Для сооружения ритуального холма Силбери-Хилл недалеко от Стоунхенджа потребовался ежедневный труд тысячи человек на протяжении пяти лет. Само строительство Стоунхенджа подразумевало миллионы часов труда. Голубые камни доставлялись с гор Пресели на юго-западе Уэльса, а это расстояние примерно в 320 километров. Таким образом, бóльшая часть территории Англии уже существовала под организованным управлением задолго до того, как там появились римляне и англосаксы; земля, труд и материальные ресурсы находились в ведении некоего органа централизованного контроля.

Есть предположение, что в процессе создания Стоунхенджа коллективные погребения сменились индивидуальными. «Король Стоунхенджа» — лишь один тому пример. В некоторых могилах тело вождя обложено оружием, в других еще какими-то ценными предметами. Есть могилы вождей и жрецов, которых часто хоронили вме-

сте с их близкими родственниками. В Англии сложилось скорее аристократическое, чем племенное общество.

Черты бронзового века, сменяющего неолит в общепринятой хронологии доисторического периода, все еще обнаруживаются повсюду. Они продержались почти 4000 лет, и их до сих пор можно различить при определенном свете. В час перед закатом, когда лучи солнца пересекают английские поля, на земле проступают старые узоры, и кажется, что этот край возвращается к своему началу. Можно разглядеть валы и рвы, огораживавшие сотни и сотни маленьких прямоугольных полей. Их размах и протяженность действительно необыкновенны: по-настоящему оценить их масштаб можно только с воздуха, и в 1929 году, когда впервые были сделаны снимки с воздуха, историку Дж. М. Тревельяну пришлось констатировать: «Открытие этих древних кельтских полей, проглядывающих из-под палимпсеста[5] более поздних сельскохозяйственных систем, — это самое романтичное, что

[5] Примечания: 5

Палимпсест — в древности рукопись, написанная на пергаменте, уже бывшем в употреблении. Позже это понятие было распространено и на наскальные росписи первобытного искусства, когда на стены с полустершимися от времени росписями наносили новые изображения.

поразило наше историческое воображение с тех пор, как был найден первый предмет минойской цивилизации».

Мы увидели потерянный мир. Возвышенности и низменности Южной Британии были покрыты полями с тянущимися на многие километры изгородями и каменными стенами; среди этих прямоугольных полей, окруженных рвами, можно было разглядеть дороги и водопои. Это достижение цивилизации, которая по степени организованности может соперничать со строителями Стоунхенджа, и все благодаря централизованному проектированию. Кажется, что многие тысячи квадратных километров земли были поделены на поля единомоментно, или всего за несколько раз. Подобные высоты в земельном планировании с тех пор ни разу не были достигнуты в истории Англии. В процессе обустройства полевой системы был создан современный английский ландшафт.

Такое активное земледелие является самым убедительным из возможных свидетельств устойчивого роста численности населения. К 1900 году до н. э. в Англии жил миллион человек, а ко времени вторжения Юлия Цезаря в 55 году до н. э. это число удвоилось. Разумеется, это были

общины земледельцев, имевшие определенные региональные особенности. Обрабатывалось все больше и больше земли, и эти участки остаются плодородными пахотными угодьями с тех пор и поныне. Лес расчищался. На его месте всходила трава для пастбищ. Овец было больше, чем станет в XVI веке. Большого желания — а возможно, и свободного времени — для возведения монументальных конструкций не было: работа на земле считалась более важным занятием.

Поселения находят повсюду, большинство из них расположены вдали от монументальных строений. В большом количестве встречаются как отдельные дома, так и небольшие деревушки. Загоны окружали изгородью или рвом. «Круги хижин» представляли собой группы круглых каменных домов с крышами как у ульев, и аромат горящего торфа смешивался там с запахами скотного двора. Если бы в каждом из этих поселений был свет, то сияла бы вся Англия. Жители острова селились в Дартмуре, в Озерном краю и на вересковых пустошах Северного Йорка.

Своих умерших они хоронили в семейных могильниках, тела сжигали, а пепел помещали в украшенные урны. Поэтому кладбища позднего бронзового века примерно с 1300 года до н. э.

стали известны как «поля урн». Их открытие в середине XVII века вдохновило знатока древностей сэра Томаса Брауна на написание текста под названием «Hydriotaphia: погребение в урнах, или Рассуждение о погребальных урнах, недавно найденных в Норфолке» (Hydriotaphia, Urn Burial, or a Discourse of the Sepulchral Urns lately found in Norfolk). Автор счел необходимым констатировать: «Могут быть самые различные разгадки того, в какое время люди из этих оссуариев присоединились к знаменитому народу мертвых и упокоились с принцами и советниками. Но кто были обладатели этих костей и какими телами был этот пепел — вопрос не к любителям древностей; он не может быть разрешен человеком и, возможно, не так прост и для духов». Так Браун охарактеризовал удаленность во времени этих мертвых, о чьих ритуалах и традициях мы и понятия не имеем.

Тем не менее в чем-то они не так далеки от нас, как предполагал философ. Мужчины тогда носили шерстяные плащи поверх туник, которые назывались «кертл», — эти одеяния все еще были в ходу в XVI веке. Женщины носили туники и куртки, поверх которых также надевались шерстяные плащи. Обувь делалась из

кожи, мужчины носили шерстяные головные уборы. Женщины более высокого статуса носили искусно сделанные ожерелья из гагата на манер дам Викторианской эпохи. В одной из могил нашли останки женщины, в волосах которой был спрятан валик, чтобы делать их более пышными. Мужчины и женщины, имеющие высокое общественное положение, щеголяли украшениями из золота и бронзы, а также импортируемыми из Египта бусами из лазурита. Украшения из янтаря ввозились из Балтийского региона, что говорит о развитии международной торговли в Англии бронзового века. Браун не знал, что люди этого древнего периода ели суп и жаркое, а также вырезку; они готовили нечто вроде запеченной каши из пшеницы, ячменя и овса. Пиво, вино и другие алкогольные напитки были неотъемлемой частью их меню. Также в пищу шли самые разные ягоды, орехи, травы и водоросли.

В своем исследовании Браун заметил, что «грех забвения слепо разбрасывает свои семена и одинаково обращается с памятью человеческой, независимо от того, достойна ли она вечности». По крайней мере, в том, что касается религии людей бронзового века, он был прав. Их верования можно представить себе только в самых

общих чертах. Церемонии и молитвы были сосредоточены не на небе, а на земле: постоянно работающие на земле крестьяне бронзового века должны были придавать особое значение ритуалам, связанным с плодородием. Особая роль отводилась и воде и водоемам — в числе прочего ручьям, рекам, болотам и болотистым низинам. На дне Темзы, к примеру, обнаружено большое количество оружия бронзового века и других предметов. При этом оружие, кости и украшения лежат подчеркнуто раздельно, а в Итоне много черепов, но нет металла. Инструменты находят в сухих местах, а оружие — в воде. Запутанную систему тогдашних культовых обрядов сейчас понять невозможно. Деревянные платформы и мостки строились около рек, также являвшихся частью священного пространства, где обитали жрецы.

Значимость воды явно прослеживается через весь доисторический период благодаря могильникам и хенджам, стоящим вблизи английских рек. Например, в Темзе нашли 368 топоров эпохи неолита. Высказывались предположения, что в бронзовом веке помещение предметов в воду было частью ритуала задабривания умерших и, таким образом, формой поклонения предкам.

Если люди верили, что умершие пересекают границу между двумя мирами, то их особенно трепетное отношение к реке вполне понятно: река дает доступ к потустороннему миру через великое множество притоков и ручьев, которые питаются и обновляются с ее помощью. Есть и еще одно, возможно, более прозаическое объяснение особого отношения к воде. Вода была буквально в самом воздухе. В конце бронзового века климат стал более холодным и влажным.

Итак, мы воссоздаем Англию бронзового века по фрагментам. Найденное в могиле стремя. Несколько зерен, прилипших ко дну чаши. Кости овцы, извлеченные из компостной ямы поселка. Оружие, которое обнаруживается повсюду: наконечники копий, бронзовые топоры-кельты, кинжалы и, немного позже, мечи. Есть свидетельства использования лошадиной упряжи и сделанных из бронзы креплений для седла. Были и колесницы. В Питерборо обнаружили колею от колес, принадлежавших повозке шириной в метр.

По всем этим признакам и приметам мы можем судить о существовании военной аристократии в государстве или группе подчиненных государств, расположенных на территории от Дорсета до

Суссекса. Культура среднего и позднего бронзового века по времени примерно совпала с троянской, как ее описывал Гомер, и в ней было то же пристрастие к королям и воинам, к пирам и ритуальным битвам. Это было общество воинов с эпизодическими стычками между элитами, с обменом подарками между вождями и с данью в виде продуктов, взимаемой с населения (в чем заключалась одна из причин того, что земля обрабатывалась так интенсивно).

Защищенные поселения и другие огороженные территории со зданиями встречались повсеместно. Это были прототипы крепостей на холмах, которые стали характерны для Южной Англии в железный век. В Дорсете, к примеру, ограда, сделанная из огромных стволов деревьев и стоявшая в котловане глубиной около трех метров, окружала территорию площадью 4,4 гектара.

Уже формировались четкие региональные особенности, как и само разделение на регионы. Например, торговые преимущества долины Темзы, связанные с доступом к Европейскому материку, помогли ей затмить сельскохозяйственное богатство Солсбери-Плейн. Север развивал скотоводство, а юг больше концентрировался на зерне. Торговля укрепляла взаимозависимость.

На протяжении всей этой долгой эпохи расширялась разнообразная коммерческая деятельность. Торговля — основа роста цивилизации. Торговля — двигатель войн. Торговля подстегивает технологии. Торговля создает поселки и города. Определенные виды мечей изготавливались в Западной Франции и находили свой путь к восточным районам Англии. Роскошно украшенные вертелы для мяса придумали в Испании и стали экспортировать в Англию. Обнаруживались и металлические изделия из древнего греческого города Микены. Из Ирландии прибывали золотые украшения. Хлопковые и шерстяные ткани, в свою очередь, экспортировались в Европу вместе с рабами и охотничьими собаками. Дети работали на оловодобывающих рудниках в Корнуолле, добывая чистейшую руду с помощью костей и отбойников[6], затем металл доставлялся в прибрежные порты для погрузки на суда.

И конечно, когда олово добавили к расплавленной меди, получился металл, который дал название всей эпохе. Бронзовые изделия измени-

[6] Примечания: 6

Отбойник (*фр.* percuteur) — название, принятое в археологии для обозначения примитивного молотка, которым отбивались в каменном веке осколки кремня и обрабатывались каменные орудия.

ли все, от рубки леса до строительства домов. Они сделали бои более эффективными. В изобилии появились бронзовые украшения, бронзовые наконечники копий, бронзовые щиты, бронзовые ковши, бронзовые стамески, бронзовые вертелы и бронзовые ножи; англичанин бронзового века мог бриться бронзовой бритвой, используя масло как смазку.

Существует теория о том, что, как только где-то разрабатывается и начинает использоваться новый технологический процесс, он одновременно появляется и во многих других местах. Если люди чему-то научились, то это знание сразу доходит до всего человечества. Это, скорее всего, и объясняет повсеместное производство бронзы, поскольку она не могла быть получена из одного источника. Бронза одного возраста обнаруживается от Швейцарии до Таиланда. Таким образом, люди с приблизительно одинаковой культурой оказались в равных условиях. Мы можем представить себе высокопоставленных путешественников, приплывающих в Англию, — это могли быть послы из самой Трои или от двора египетского фараона Эхнатона.

Бронзовый век не закончился, переход от бронзы к железу происходил по мере изменений в

технологиях, которые и вели к медленным культурным переменам. Этот процесс занял сотни лет, на протяжении которых бронза и железо использовались одновременно. Разумеется, ни один из этих «веков» не существовал в сознании тех, кто в них жил. Жители неолитической Англии обитали в тех же местах, что и люди мезолита. Поля и кладбища бронзового века находятся там же, где их предшественники во время неолита; поселения бронзового века продолжали использоваться в железном веке, и люди этого времени с неизменным пиететом относились к могилам и пограничным линиям предыдущей эпохи человеческой истории. Они отдавали дань уважения устройству ландшафта, созданного до них.

С начала железного века, то есть приблизительно с 700 года до н. э., отношения между людьми и землей определялись достаточно сложной концепцией территориальности. Она набирала силу в течение тысяч лет. Вожди и их племена закреплялись в определенных регионах. Мы видим это по тому, как установлены границы и где устраивались поселения. Но на протяжении железного века это естественное положение стало развиваться еще интенсивнее. Энгельс однажды назвал железо «последним и самым

важным из всех природных материалов, которые сыграли в истории революционную роль». Постепенно появлялись новые формы партнерства и новые структуры торговли. Предметы, имеющие ритуальную или церемониальную ценность, часто изготавливались из нового металла. Торговля железом способствовала окончательному формированию Англии, где различные края становились все более организованными и контролируемыми.

В иерархии того времени можно выделить вождей и их ближайших помощников, воинов и жрецов, фермеров и мастеров, рабочих и рабов. Неподалеку от Сент-Олбанса были найдены оковы рабов. Цепь, сковывавшая рабов в кандалах, была обнаружена на острове Англси. Похоронные обряды для высокопоставленных покойников становились все более изощренными. В захоронениях железного века тела вождей покоились в окружении литого серебра, золотой парчи, слоновой кости, железных кольчуг, драгоценных кубков и чаш. Эти захоронения появились на тысячу лет раньше роскошного некрополя Саттон-Ху в графстве Суффолк. У основания одной из погребальных камер была обнаружена утоптанная земля, и можно предположить, что там

танцевали. В могилах женщин высокого положения встречается множество украшений, в том числе зеркала, броши, браслеты, бусы, щипчики и чаши. В одном могильнике около лица женщины лежала огромная бронзовая чаша.

Уже имели место значительные региональные различия. На востоке незащищенные поселения, очень напоминающие деревни, стояли в чистом поле. На юго-западе небольшие общины жили в укрепленных сельских поселениях, а на некотором отдалении располагались неогороженные поселки. Считалось, что расстояние было призвано подчеркнуть разделение между племенными вождями и их подданными. На северо-востоке были обнаружены укрепленные поселения, в то время как на северо-западе существовала традиция строить круглые дома, напоминающие ульи. Культура Солсбери-Плейн, которую иногда называют «уэссекской культурой», подразумевала базирование больших региональных группировок на крепости на холмах. Разумеется, существовали и другие варианты: от примитивных жилищ, вырезанных из известняка в Хемпшире, до озерных деревень в Сомерсете, где круглые хижины строились на плавающих островах из бревен.

Крепости на холмах сами по себе говорят о строго иерархичном обществе. По всей вероятности, они появились в окрестностях Котсуолда, а потом распространились по всей центральной части Южной Англии. Они наглядно демонстрировали власть над землей и ресурсами и, таким образом, были символом собственности. Расположенные на одной линии земляные валы часто обозначали границы территории, контролируемой каждой крепостью. На протяжении железного века эти крепости становились все более защищенными и могли служить своим обитателям по нескольку сотен лет. Они напоминали не просто крепости, но и небольшие города с группами домов, улицами, храмами, складами и зонами для различной производственной деятельности. Дома были круглыми, построенными из вертикально установленных бревен, переплетенных прутьями и ветками орешника; их двери и кры́льца выходили на восток, а крыши обычно крылись камышом или соломой. Кровля закреплялась раствором из навоза, глины и соломы; поскольку сажа от горящего торфа, оседавшая на потолке, была ценным удобрением, такую крышу, скорее всего, меняли каждый год. Археологи, реконструирующие внутреннее пространство таких домов, обнару-

жили чуланчики, где хранилось оружие. Хотя население крепостей колебалось всего лишь от 20 до 200 человек, в них мы можем видеть начало городской жизни в Англии. Автор считает, что Лондон когда-то был одной из таких крепостей на холме, но доказательства тому теперь похоронены под тем мегаполисом, каким он стал. Как бы то ни было, все указывает на существование множества небольших племен, которые жили в постоянном ожидании нападения недругов.

И не на пустом месте: нередки были нападения с целью угона скота, как и столкновения между воинами и более масштабные сражения. Некоторые крепости на холмах были взяты штурмом и сожжены. На крепостных валах обнаруживают скелеты, на костях которых имеются зазубрины и отметины. Мы можем предполагать существование традиции героических песен и сказаний, прославлявших заслуги отдельных воинов и вождей. Их можно найти, например, в раннем ирландском эпосе, в котором, вполне возможно, использовались истории и мотивы, бывшие в ходу у ирландских племен доисторической эпохи. Можно провести аналогию с Илиадой Гомера. В самом деле, есть предположения, что эта эпическая поэма на самом деле описывает события

в Англии, мифы и сказания о которых барды принесли на восток, в Анатолию.

В то же время различные племена и региональные группировки были связаны между собой сетью союзов и узами родства: разве иначе могла повсюду процветать торговля такими сырьевыми товарами, как железо и соль? Многие из более мелких кланов со временем объединялись и, возможно, столкнувшись с угрозами, становились частью более крупных территориальных единиц. Именно эти английские племена противостояли римлянам во время их медленного продвижения к господству. К концу железного века некоторые крепости на холмах стали доминировать и получили статус краевых столиц. Поскольку население постоянно росло, сельское хозяйство также становилось более интенсивным. Вырубка лесных массивов шла без перерыва. Фермеры начали всерьез обрабатывать жирные глинистые почвы с помощью тяжелых колесных плугов. Это обеспечило прочное основание для развития сельского хозяйства в Англии на последующие 2500 лет. Пшеница росла в Сомерсете, а ячмень — в Уилтшире; это разделение более-менее сохраняется и по сей день.

Как-то к английскому берегу причалил путеше-

ственник. Греческий торговец и географ Пифей ступил на остров в 325 году до н. э. и назвал его Преттаникой и Бреттанией. От этого слова произошло название «Британия». Землю древнешотландских пиктов называли уменьшительной формой от «Придин» (*Prydyn*, что значит «северный»). Пифей побывал в Корнуолле и видел, как его жители добывают руду и выплавляют металл. На другом этапе путешествия аборигены рассказали греческому торговцу, что мать Аполлона Лето родилась на этом острове и «потому Аполлон почитается ими больше всех других богов, а местных жителей считают его жрецами».

Также Пифей сообщил, что видел «чудесный священный удел Аполлона и знаменитый храм в его честь, украшенный множеством приношений»; он имел «сферическую форму», и неподалеку от него находился город, «посвященный этому богу», а тамошние монархи прозывались Бореадами, по имени бога холодного северного ветра. Определение местонахождения этого священного удела, храма и города долгое время было предметом споров. Некоторые утверждали, что Пифей описывал священный Стоунхендж и Силбери-Хилл, другие считали, что храм Аполлона был там, где сейчас находится Вестминстерское

аббатство и старинная часть Лондона.

Так или иначе, ясно, что Пифей описывал верования людей, исполняющих свои собственные ритуалы, а имена Аполлона и Борея использовал просто как символы святости. В Афинах уже стоял Парфенон, и греки воспринимали всех иностранных богов сквозь призму своих верований. А собственная религия Англии железного века всегда ассоциировалась с культом друидизма.

Культ друидов можно разглядеть и в сакральной геометрии искусства железного века (которое до сих пор не совсем точно называют кельтским искусством). Это было искусство ви́дения, проникающего за пределы внешней стороны вещей. Оно прослеживало линии жизненной энергии и воли в виде спиралей и изображений свастики, изгибов и кругов, завивающихся в причудливой паутине форм и орнаментов. Это искусство ни в каком смысле нельзя назвать примитивным или варварским; напротив, оно было оригинальным и сложным, демонстрирующим мастерство затейливых форм и линий. Эти замысловатые узоры явно связаны с завитушками, спиралями и концентрическими кругами, которые несколько тысяч лет назад, во времена мезолита, вырезали в коридорных гробницах; все это говорит о преем-

ственности верований и обрядов на протяжении доисторической эпохи.

В основе религии железного века лежали устойчивые и живучие местные английские верования, сохранявшиеся в определенных священных местах. Пещеры часто выступали в этой роли. Друиды известны своими сходами в священных рощах, где в окружении древних деревьев они проводили свои ритуалы. Расположение могущественных богов было необходимо заслужить. На могильном холме бронзового века в Йоркшире были найдены цилиндрические идолы, вырезанные из известняка; у них было что-то вроде человеческих бровей и носов. Через 2000 лет после того, как были изготовлены эти изображения, английский историк Гильда все еще проклинал «дьявольских идолов… которых мы до сих пор видим рассыпающимися в заброшенных храмах или вне их, с топорными и искаженными чертами». Таким образом, существовала давняя традиция культовых обрядов, которая, возможно, ведет свое происхождение еще из неолита. В Киренчестере было обнаружено изображение рогатого бога Цернунна. В Уилтшире и Эссексе нашли покровительницу лошадей богиню Эпону. В Ист-Стоуке, Ноттин-

гемшир, из земли выкопали резное изображение бога грома Суцелла. О таинственном боге Луде, или Нуде, все еще напоминает Лудгейт-Хилл и перекресток Лудгейт в Лондоне.

Религиозные святилища строились повсеместно, и можно смело предположить, что даже в самых маленьких поселениях был собственный храм. Святилища находят в крепостях на холмах, внутри огороженных рвами площадок, вдоль границ и над могильными курганами; часто мы знаем о них благодаря присутствию римских храмов и первых христианских церквей. Определенные места считались благословенными. Многие английские церкви стоят там же, где находились их доисторические предшественники. В Англии железного века считалось, что петух служит защитой от грозы; именно поэтому петухов до сих пор можно обнаружить на церковных шпилях. Они стали называться «погодными петухами»[7].

Человеческие жертвы помогали освятить землю. В болоте в Чешире было обнаружено тело мужчины: человеку размозжили череп и перерезали горло, прежде чем бросить в тряси-

---

[7] Примечания: 7
Буквальный перевод *англ.* Weathercock — флюгер.

ну. В Южной Англии на дне ям находят много скелетов, изогнутых в неестественных позах. Также известно пристрастие доисторических людей к отрубанию голов, которые считались вместилищем души или духа. Находят черепа, поставленные в ряд. Тела поверженных врагов часто обезглавливали, а их головы хоронили или помещали в проточную воду. В Темзе обнаружили три сотни черепов, датируемых временами от неолита до железного века. Эта река когда-то была английской Голгофой, местом черепов.

Цезарь, рассказывавший о верховных жрецах Англии, друидах, описывал их практику человеческих жертвоприношений. Жрецы изготавливали из гибких прутьев чучела, которые потом «наполняли живыми людьми, а затем поджигали, и люди сгорали в пламени». По описанию Цезаря, жрецы друидов были законодателями этой земли, распределявшими награды и наказания. Они разрешали споры по поводу границ и собственности.

Древнеримский автор Плиний отмечал, что «ничто не считалось более священным, чем омела»; верховные жрецы «выбирали дубовые рощи и использовали листья омелы во всех священных ритуалах». Приносимого в жертву привязывали

к стволу дуба, и жрецы-убийцы надевали на себя венки из дубовых листьев. Они практиковали прорицания, магию и астрологию; они верили в бессмертие души, которая проходит через многочисленные реинкарнации. Доктрина бессмертия упоминалась римскими авторами, чтобы объяснить презрение коренных жителей Англии к смерти; это безразличие отмечалось у англичан и в последующие века.

Друиды поклонялись и луне, а не только солнцу, и их культ существовал еще очень долго уже после того, как друиды перестали быть жреческой кастой. В 1452 году мясник из Стэндона в Хертфордшире был обвинен в том, что заявлял: не существует других богов, кроме солнца и луны. Во второй главе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (Tess of the d'Urbervilles: A Pure Woman Faithfully Presented) Томас Харди отмечает, что на глинистых почвах «старые традиции» сохраняются дольше. Авторитет друидов переняли священники англосаксонской церкви, как и тонзура первых христианских монахов, возможно, продолжала традиции языческих жрецов.

К 100 году до н. э. взгляд римлян обратился к Англии как к источнику богатства и перспективной торговой площадке. Что же они увидели?

Они увидели землю, состоящую из больших и маленьких племенных королевств, сохраняющих свои древние границы. Думноны населяли юго-западную часть Британии, дуротриги жили в Дорсете, кантии из Кента владели четырьмя отдельными королевствами, ицены жили в Норфолке. Бриганты контролировали более мелкие племена всех северных земель от Ирландского до Северного моря; они занимали Пеннинские горы, а название их племени означало «высокие, поднятые».

Всего в Англии было пятнадцать крупных племен, управляющихся вождями, которых вполне можно описать как королей. Светоний называл Кунобелина, вождя катувеллаунов в годы перед нашествием Клавдия, «царем британцев» (*rex Britannorum*). Из своей столицы в Сент-Олбансе он правил огромной территорией к северу от Темзы, в том числе Кембриджширом, Бедфордширом и Оксфордширом, и вошел в английскую мифологию как Цимбелин из пьесы Шекспира. Кунобелин сформировал полноценную элиту из воинов и жрецов, с традициями, восходящими к началу бронзового века. Известно еще об одной или двух волнах племенных миграций более позднего периода. Представители племени пари-

зиев поселились в Йоркшире примерно в V веке до н. э. и, судя по археологическим находкам, создали самобытную общину. Более поздние поселенцы прибывали в Кент; племя под названием белги провело небольшую наступательную кампанию в I веке до н. э. и в конце концов поселилось в Хэмпшире, Эссексе и Кенте. Римляне называли Винчестер *Venta Belgarum*, или рынком белгов.

Население Англии в конце железного века оценивается примерно в два миллиона человек, к концу римского господства оно достигло трех миллионов. Это была во всех отношениях богатая и процветающая страна. Именно поэтому римляне и решили завоевать ее. Их привлекало зерно, которого здесь было в избытке. На юго-востоке и юге страны существовала сеть поселений с обработанными полями, храмами, кладбищами, мастерскими, рынками, городками и деревнями. В «Записках о галльской войне» Юлий Цезарь отмечал, что «население очень велико, хозяйства богаты землей и очень напоминают крестьянские дворы в Галлии, а скот очень многочислен. Что же касается денег, которые они используют, то это бронзовые и золотые монеты или бруски железа с определенным стандартом веса».

Монеты, среди прочего, облегчали торговлю между племенами, на них чеканили изображение властителя. Но чем дальше продвигался путешественник на север, тем меньше влияния имели эти символы материального благосостояния.

Это происходило потому, что южные племена были вовлечены в активную торговлю с римлянами и находящимися под римским влиянием галлами задолго до вторжения Цезаря. В каком-то смысле они романизировались, пристрастившись к определенной пище и предметам роскоши. Тем не менее, если взглянуть чуть глубже, мы увидим признаки древнего племенного уклада. Судя по всему, племена постоянно враждовали между собой: например, разные вожди то и дело обращались к римлянам за помощью. По границам сооружали высокие земляные валы. Воины выезжали на поле битвы на колесницах, их обнаженные тела были покрыты синей краской из вайды и украшены татуировками. «Волосы они носят длинные, — писал Цезарь, — и бреют все тело, за исключением головы и верхней губы». Люди тогда еще не вполне расстались со своим доисторическим прошлым.

Как не вполне расстались с ним и мы. Наследие доисторической эпохи повсюду вокруг нас.

Вырубка лесов доисторическими фермерами помогла создать английский ландшафт, и до сих пор остаются места, где разделение земель проходит по доисторическим границам. В Южной Англии полевая система бронзового и железного веков составила основу современного сельского хозяйства. Современные дороги следуют за древними путями и тропами. Границы многих приходов совпадают с древними границами поселений, и их неправильные очертания обозначают участок земли, который была способна обработать маленькая фермерская община; в границах этих приходов часто находят древние захоронения. Возможно, даже ориентация храмов в пространстве связана с древними традициями. Церкви и монашеские общины располагались неподалеку от мегалитических памятников, так же как священные источники и обрядовые места бронзового века. На дворе приходской церкви в Радстоне, Восточный Йоркшир, находится самый высокий в Англии менгир эпохи неолита. Маршруты паломников по средневековому Кенту пролегали по тем же путям, по которым в доисторическую эпоху путники шли к своим священным источникам и храмам. Мы все еще живем глубоко в прошлом.

Многие деревни и городки построены на местах своих доисторических предшественников. Лестер и Линкольн, Кембридж и Колчестер, Рочестер и Кентербери — вот только несколько примеров мест, которые были заселены еще в железном веке или ранее. Деревенские общины пережили и те исторические эпохи, от которых остались записи, и те, от которых не осталось письменных свидетельств. Возможно, они зарождались просто как семейные общины, хранимые духами предков, а потом естественным образом расширились. Мы не можем точно установить доисторические корни большинства английских деревень именно потому, что здесь все еще живут люди. Многие поселения железного века в XXI веке стали рыночными городами, где, как и в прежние времена, идет торговля.

Некоторые традиции и празднества берут свое начало в доисторической эпохе. Праздники железного века были включены в христианский календарь, так, Самайн — день почитания мертвых — стал Днем Всех Святых, а день зимнего солнцестояния связан с современным Рождеством. Традиция бронзового века рассыпать белые кварцевые камешки на свежих могилах еще наблюдалась в Уэльсе в начале XX века.

В Шотландии XIX века многие люди по-прежнему жили в каменных домах-«ульях», подобных неолитическим. Знаменитый лондонский паб «Замок Джека Соломинки» неподалеку от Хемпстед-Хит стоит на месте древнего земляного сооружения. Историческая и доисторическая эпохи существуют одновременно. Каттерик в Северном Йоркшире остается военной базой, совсем как в конце VI века, когда на него напали упившиеся медом воины Гододина. Едва ли в Англии найдется хоть одно место, где ничто не напоминало бы о древнем прошлом.

2
Путь римлян

«Вторжение» Юлия Цезаря в 55 году до н. э. было скорее разведкой: он говорил, что хочет познакомиться с «положением этой земли». Римлянам не нравилось море, но притяжению острова они не могли противостоять. Британия уже была их торговым партнером, и ходили слухи, что она богата металлом и пшеницей. Некоторые из британских племен состояли в союзе с северными галлами, с которыми воевал Цезарь. То есть были все причины нанести визит.

Несколько вождей племен, которые заранее узнали о приготовлениях Цезаря, послали к нему своих эмиссаров, а он, в свою очередь, послал доверенных лиц, которые должны были подтолкнуть местных к сотрудничеству с предполагаемым завоевателем. Затем Цезарь отправился в плавание с двумя легионами, каждый из которых состоял примерно из пяти тысяч человек. Они поплыли на восьми кораблях, и англичане наблюдали за их высадкой неподалеку от Дила. Прямо на берегу произошло столкнове-

ние, из которого римляне вышли победителями, и вожди племен снова взмолились о мире. Но мир продолжался недолго. Начался шторм, особенно сильный из-за высокого прилива в полнолуние. Римляне не знали о таком явлении. Все корабли были повреждены.

Тогда английские племена нарушили мир, и в непосредственной близости от Дила произошло несколько стычек, в результате которых войска Цезаря оказались в стесненном положении. Его единственной мыслью было безопасное отступление по морю. Получив от галлов помощь в виде материалов, он сумел починить корабли и, захватив множество английских пленников, отбыл восвояси, пригрозив вернуться.

В следующем году Цезарь сдержал свое обещание. На этот раз он был более решителен и лучше подготовлен. Цезарь привел 800 кораблей, 25 000 пехотинцев и 2000 кавалеристов. Это было настоящее вторжение. Перед лицом угрозы, давшей им общую цель, воюющие племена объединились и выбрали Кассивеллауна, короля земель к северу от Темзы, своим лидером. Англичане сражались с римлянами так же, как друг с другом: пешие воины, конные воины и воины на колесницах, каждый из них нападал и отступал

в удобный момент. У Кассивеллауна была армия из 4000 колесниц; тот, кто управлял ею, выводил колесницу на переднюю линию, воин выпрыгивал из нее, а возничий отдыхал и ждал его возвращения. Цезарь писал, что, благодаря постоянной практике, они достигли такого мастерства, что «даже на дороге с крутым уклоном могли управлять лошадьми, мчащимися в галопе, и мгновенно их поворачивать и останавливать». Это была значительная и труднопреодолимая сила, которую вели вперед отчаянная смелость и мастерство.

Тем не менее стойкая и дисциплинированная римская армия выстояла. После ряда битв англичане отступили в леса. Цезарь последовал за ними и разорил цитадель Кассивеллауна. Вожди многих племен поспешили заключить мир, и в конце концов сдался и сам Кассивеллаун. Захватив пленных и затребовав дань, Цезарь вернулся в Рим.

Больше вторжений не было в течение девяноста лет, но прибытие и победа римских войск оставили свой след. Их успех, как это ни иронично, можно увидеть в постепенной романизации Южной Британии, куда вожди племен начали ввозить из Римской империи вина и предметы

роскоши. Когда старый образ жизни потерпел поражение, он начал терять свою силу. Жилища элиты стали строить не круглыми, а с углами — это очевидное доказательство культурного перерождения. По крайней мере, вожди племен юга хотели подражать победителям.

Некоторые из них присягнули врагам на верность и стали править от имени Рима. Согласно греческому историку Страбону, они обеспечивали дружбу первого властителя Римской империи Августа, «посылая посольства и выплачивая ему дань». Они экспортировали зерно, железо и рабов, а в обмен получали стеклянные сосуды, изделия из янтаря и другие товары, за которые им было предписано платить пошлину Риму. Едва ли можно было найти лучший способ приобщиться к материковой европейской культуре.

Теперь римляне точно знали, какие богатства они обнаружат на острове. Они просто выжидали подходящего момента, чтобы напасть. Возможность представилась, когда вожди племени (или королевства) атребатов обратились к Риму за помощью против одного из своих враждебных соседей. Совершенно ясно, что некоторые племена приветствовали римское вторжение. Новому императору Клавдию, был нужен шанс проявить

себя на поле битвы. У него была посредственная военная репутация, а, по словам Цицерона, «слава на войне превосходит все остальные успехи». Славу должна была принести английская земля.

В 43 году четыре легиона — примерно 20 000 человек — под командованием Авла Плавтия высадились в двух разных местах, чем сорвали попытки англичан контратаковать. Племена бросились перед ними врассыпную, но собрались на крупную битву на Медуэе; бой продолжался двое суток, но в конце концов местная армия под командованием Каратака потерпела поражение. Эта битва была одной из самых значительных в английской истории, но точное ее место неизвестно. Плавтий послал за Клавдием, чтобы нанести последний сокрушительный удар, который принес бы ему триумф. Два месяца спустя прибыл император, при нем было двадцать восемь слонов; он штурмом взял местную столицу Камулодун, и Каратак отступил к западу. Когда Клавдий вернулся в Рим, он прославил себя тем, что принял капитуляцию одиннадцати британских королей. Завоевание страны началось. Оно заняло почти сорок лет.

Камулодун, или Колчестер, стал первой римской столицей. На месте земляных укреплений

аборигенов была построена огромная крепость, ставшая знаком власти. Оттуда римская армия распространилась повсюду; они продвигались в трех направлениях: на север, на запад и на северо-запад. Командир западной армии Веспасиан по пути до Уэльса и Юго-Западной Англии сражался тридцать четыре раза. На насыпи около крепости на холме Мэйден-Касл в Дорсете было обнаружено тело мужчины с римским арбалетным болтом в позвоночнике. К 49 году римские солдаты управляли добычей полезных ископаемых в Сомерсете.

На север и на северо-запад армии медленно продвигались по уже существующим дорогам, таким как Эрмин-стрит, пытаясь по пути умиротворить или подавить различные племена. На захваченных землях они строили крепости так, чтобы на территории каждого племени стояло хотя бы одно военное поселение. К 51 году королева великого северного племени бригантов Картимандуя получала римское вино в римских сосудах, а также строительную плитку. Она стала править от имени Рима. Историки Рима описывают плавный прогресс в колонизации Британии, но не похоже, что местные жители были настроены сдаваться без боя; процесс завоевания

постепенно продвигался вперед, останавливаясь из-за восстаний племен и иногда случавшихся в армии бунтов. Засады, налеты и битвы были обычным делом. Все земли южнее Фосс-Уэй, от Эксетера до Линкольна, были под управлением римлян; с землями к северу было сложнее. Некоторые племена присягнули римлянам на верность, другие сражались друг против друга.

В 47 году произошло восстание племени иценов, которые жили в глубине захваченной территории Восточной Англии. Оно было показателем растущей напряженности. Бунт, связанный с правом носить оружие, подавили достаточно легко, но он был только предвестником более серьезного восстания, случившегося тринадцать лет спустя. Имя Боудикки, или Боадицеи, стало частью английского фольклора. Она была женой короля иценов Прасутага, чья смерть спровоцировала римское провинциальное правительство попытаться наложить руку на все богатства иценов. Боудикку публично выпороли, а ее двух дочерей изнасиловали. Это стало отправным моментом начала имперских зверств.

И Боудикка восстала и вступила в бой. Она создала союз английских племен и напала на римскую столицу в Колчестере. Объект нападе-

ния был тщательно выбран, поскольку в городе находились сотни римских ветеранов, которые контролировали прилегающие земли. Армия племен подошла с юга, разоряя и сжигая все, что как-то было связано с романизацией. Виллы разрушали, их обитателей предавали огню и мечу. Когда воины добрались до самого Колчестера, они были безжалостны. Город был сожжен, все лавки разграблены. Ветераны укрылись в храме в центре города, но через два дня он был захвачен, а их разорвали на куски. Огромная статуя Клавдия была обезглавлена и брошена в реку. Сам храм разрушили. Боудикка начала продвигаться дальше на юг, в направлении Лондона; Челмсфорд и Сент-Олбанс были отданы на разграбление, а целый легион зверски убит.

Римский военный губернатор Гай Светоний Паулин осознавал тяжесть угрозы, нависшей над его режимом. Он немедленно отступил из Уэльса, где вел военную кампанию, но его прибытие в Лондон не спасло город. Он не мог уступить просьбам и мольбам горожан; его долгом было спасти всю имперскую провинцию, сразившись в том месте и в то время, которые выбрал бы он сам. Многие лондонцы спешно покинули город, отправившись дальше на юг, чтобы найти при-

станище в преданных римлянам племенах; те, кто остался, были уничтожены. Тацит писал о том, что во время нападения погибло 70 000 человек. Сам город был предан огню, и его останки все еще существуют под улицами лондонского Сити в виде красного слоя окисленного железа. К концу XX века в подземной реке Уолбрук было обнаружено 48 человеческих черепов.

Далее Боудикка отправилась вслед за Светонием Паулином, очевидно, предполагая, что настало время нанести последний удар римским оккупантам. Место последовавшей битвы точно не известно; возможно, она произошла около деревни Мансеттер в Уорвикшире или в Мессинге, в Эссексе. Где бы все ни случилось, это место было утоплено в крови. У Светония Паулина было 10 000 человек, но им противостояла сила в сотню тысяч. Позади легионеров был лес, перед ними — равнина; туземные воины мчались на них через пустошь, многие падали, сраженные градом копий. Потом римляне двинулись вперед со своими щитами и короткими мечами. Военная дисциплина заставляла их стоять на месте, и постепенно люди Боудикки повернули назад. Последовала кровавая бойня, к концу которой погибло 80 000 ее людей. Со стороны римлян

было убито около 400 человек. Это была одна из самых кровавых битв на английской земле. По некоторым источникам, Боудикка приняла яд, чтобы не быть захваченной врагом, по другим — она умерла от болезни. Памятник ей сейчас стоит на Вестминстерском мосту как символ борьбы страны за свою независимость.

Римляне хотели истребить другого, особого врага. Друиды, защитники старой веры, должны были замолчать, и лишь после этого работу по умиротворению захваченной страны можно было бы считать завершенной. Во время постепенного продвижения римлян на запад друидов разоряли и преследовали; последняя их стоянка была на острове Англси в 61 году. Римский историк Тацит писал, что войска, которые приплыли с Большой земли, были встречены «плотным строем вооруженных воинов вдоль береговой полосы, а женщины метались между рядов, облаченные в черное, как фурии, с горящими факелами в руках». Рядом стояли друиды, принося жертвы, воздевая руки к небу и выкрикивая страшные проклятия. Тем не менее их боги не снизошли, чтобы спасти их; все они были перерезаны, а их святыни преданы огню.

После умиротворения востока и юга следую-

щий римский губернатор Гней Юлий Агрикола обратил свое внимание на западные и северные регионы. В 78 году он завоевал Уэльс. На следующий год Агрикола послал свои легионы на северо-восток, через Корбридж, и на северо-запад, через Карлайл. Он раздробил вражеские силы и построил ряд крепостей, чтобы наблюдать за теми племенами, которые ему сдались. Эти племена были более враждебными и агрессивными, чем на юге, и, по словам Тацита, последовало «много битв, и некоторые не были бескровными». Конечной целью было создание северной границы и контроль над ней, и в результате войска были посланы покорять ту часть страны, которая сейчас называется Южной Шотландией.

Так сложились очертания милитаризованной Англии; в Йорке и Честере были построены постоянные крепости, в каждой из которых размещался легион. Манчестер и Ньюкасл также появились на местах римских укреплений. Первоначально Манчестер назывался Мамукиум. Это название происходит от латинского слова, обозначающего холм, по форме напоминающий грудь; потом это слово было ошибочно прочитано как Манкуниум, что и дало название современному городу. Были построены практически прямые

дороги, ведущие от крепости к крепости. В Линкольне и Глостере создали гарнизонные города, населенные отставными легионерами. Нарастающее колониальное присутствие усиливалось системой укреплений, крепостей, смотровых башен и защитных стен. На основных дорогах появились почтовые станции, которые в конце концов превратились в деревни. Таким образом, страна была организована военной властью, наложенной на сельский пейзаж из крестьянских дворов и вилл, полей и поселков, дворов и оград. Это не было похоже на вид, открывавшийся здесь в железном веке, картина была более упорядоченной.

Процесс вовсе не проходил гладко. Согласно Тациту, один из племенных вождей жаловался, что «наши товары и деньги облагаются пошлинами; урожай с нашей земли отбирают, чтобы наполнить их амбары; наши руки и ноги калечат под плетями угнетателей, чтобы проложить дороги через леса и болота». Находящаяся под военным управлением территория, в том числе Уэльс и Северная Англия, требовала постоянного присутствия 125 000 солдат. Неправильно было бы представлять себе всех легионеров как римлян; в первое столетие оккупации набрали

40 000 солдат из Галлии, Испании и Германии. К оккупационной армии присоединялись и англичане. Войска смешивались и сливались с местным населением, так что через два или три поколения в самом деле превратились в местную армию.

К этому процессу имело отношение и еще одно значительное сооружение. По приказу императора Адриана была построена огромная стена — вал Адриана, отделяющий романизированную Англию от шотландских племен. Через двадцать лет была возведена еще одна стена, фактически разделившая Северную и Южную Шотландию. Римляне не намеревались вторгаться в Хайленд, точно так же они оставили и планы по завоеванию Ирландии. Римская империя прекратила расширяться, возникла необходимость защищать границы, так что можно было наслаждаться преимуществами мира. Земли к югу от стены активно обрабатывались. Огромные пахотные угодья появились на Камберлендской равнине. Англия больше не была провинцией, которую сотрясали восстания племен. Она снова стала процветающей, такой же богатой и плодовитой, как в железном веке.

Процесс романизации был постепенным и

в разных местах шел по-своему. В деревнях, где люди придерживались старых традиций и привычного уклада жизни, все еще оставались такие же условия жизни, как в железном веке. Изменения шли из городов, от осуществляющей управление верхушки английских лидеров, которые там работали. Это были люди, которые приветствовали господство римских чиновников в стране или, по крайней мере, использовали его в своих целях. По указаниям римлян начали создавать храмы, городские площади и общественные здания; они учили латинский язык и начали носить тоги, обозначая свою новую природу. Они сложили оружие и взяли в руки абаки. Дети из семей английской элиты изучали «цивилизованные искусства», а некоторых даже посылали в Рим. Строились термы и залы для собраний, и, согласно Тациту, местные жители начали устраивать «щеголеватые званые обеды». Появилось больше тарелок, блюд, сосудов для питья и чашек, чем в железном веке. Ввозились амфоры или сосуды для хранения; в них наливали вино и оливковое масло, хранили оливки и рыбный соус. Тацит достаточно едко написал, что «они называли это цивилизацией, когда на самом деле это было частью их рабства».

Старая иерархия по-прежнему существовала, но теперь элита носила римские броши и кольца. У владельца земли были арендаторы, так называемые колоны, которые были привязаны к своим участкам. На вершине иерархии были племенные вожди, которые владели обширными землями и собственностью, внизу — огромное количество рабов. Слово для их обозначения *servus* в конце концов превратилось в «серв»[8]. Таким образом, старые связи прошли через столетия. Социальные механизмы бронзового и железного веков укрепились и углубились под управлением сильной центральной власти.

В ходе организации страны римляне превратили старые племенные владения в государственные районы, или цивитаты. В каждом из них был собственный центральный город, или оппид, которым чаще всего оставалась старая племенная столица, переодетая из дерева в камень. Центр города представлял собой «форумный комплекс» общественных зданий, откуда шло управление всеми делами. Колониальная власть подразумевала собственные формы архитектуры с монументальными арками, скульптурами,

[8] Примечания: 8

В Средние века так называли крестьян, бывших в личной и поземельной зависимости от феодала. — *Прим. ред.*

алтарями и купальнями, что привносило упорядоченность в некогда хаотические поселения. Многие из этих зданий были частью государственной инициативы, которая продолжалась и во II веке. Форум и базилика, храм и амфитеатр вырастали среди теснящихся друг к другу лавок, домов и мастерских, которые все еще строились из дерева и глины и имели земляные полы. Многие из этих домов состояли фактически из одной комнаты, в других в передней части была лавка, позади нее — мастерская, а еще дальше — жилая комната. Все поселение было изрыто колодцами и ямами под костры. Там, где кончались улицы, располагались кладбища, печи для обжига, каменоломни и загоны для скота.

Город управлялся советом, или курией, из крупных собственников земли, при них был штат секретарей и других чиновников. Все элементы социальной дифференциации и специализации, которые можно здесь обнаружить, такие как родственная близость и племенные связи, медленно уступали место групповым отношениям на экономической основе. Более крупные города были независимыми и имели самоуправление, в них были магистраты и советники, заботящиеся о канализации, санитарном состоянии и ремонте

дорог. Самая распространенная археологическая находка периода римской Британии — это табличка для письма.

Вскоре в сельской местности выросли виллы в римском стиле. Самые первые из них, такие, как те, которые обнаружили в Фишборне, в Суссексе, свидетельствовали об очень высоком положении их хозяев в обществе и предположительно были построены для перешедших на сторону Рима племенных вождей и крупных чиновников империи. Мода на роскошь распространилась и среди других местных вождей, и на юго-востоке стали строить более скромные виллы, которые годились для процветающих землевладельцев или семей, занимающих ведущее положение в сельском хозяйстве. Виллы, по существу, были фермерскими хозяйствами, демонстрирующими избыток богатства, который проявлялся во внешнем виде и украшениях; они копировали римский стиль с каменными стенами и дорогой мозаикой. У таких вилл могла быть черепичная крыша, которая очень сильно отличала их от английских круглых домов с соломенными крышами. Мозаики, подогрев пола и оконные стекла — все это несло на себе печать имперской цивилизации. Даже более маленькие дома могли быть

оштукатурены и украшены настенной росписью; чистая или покрашенная штукатурка также использовалась как дополнительная защита от стихий. Но глупо было бы переоценивать присутствие вилл в английском пейзаже. Крепости на холмах, например, по-прежнему строились, особенно для английской знати, которая все еще была связана с родными социальными и культурными традициями.

Так, в начале II века в Кестоне, в Кенте, все еще использовалась ферма эпохи железного века. К середине II века здесь появился новый деревянный фермерский дом с покрашенными стенами. В начале III века на его месте вырос каменный дом с баней в римском стиле. Часть двора занимали деревянные амбары, один из которых позже был перестроен из камня. Печи использовались для пивоварения или подсушивания зерна, и похоже на то, что владельцы вилл также нанимали горшечников, кузнецов и мастеров по бронзе. Также был обнаружен раннеримский колумбарий. Круглые мавзолеи появились позже. Таким образом, постепенно создавалась маленькая романизированная община.

В самой обработке земли по-прежнему применялись методы бронзового и железного веков. В

некоторых регионах, например на юго-западе, уклад местных жителей не претерпел вообще никаких изменений. Только на юго-востоке есть признаки появления новых пристрастий, пусть даже и касающихся только верхушки общества. Римляне привезли с собой вишню, шелковицу и фиги, ранее неизвестные в Британии. Репа, капуста и горох впервые появились во время римского правления. Остался только один камень преткновения: местные жители на римских территориях все еще предпочитали говядину свинине.

С определенной долей уверенности можно сказать, что большинство людей все еще жило в железном веке, и это продолжалось еще несколько сотен лет. Тем не менее в результате прямого имперского приказа в сельском хозяйстве возникло одно новшество. Болота Восточной Англии были осушены, окультуренная почва стала плодородной, и на ней возникли сотни деревень и ферм, где хозяйство велось в определенной манере. Вся эта территория стала собственностью империи, и подати с нее взимались в пользу центрального правительства. Процветающая Солсбери-Плейн стала еще одним имперским владением.

Налогообложение, включающее в себя налог

на землю и подушный налог, было ключевым в римском использовании Британии в своих интересах. Поскольку стоимость содержания армии перед лицом опасности вторжения с севера становилась все выше, росли и подати. Римская оккупация подстегнула процесс, в результате которого племенное хозяйство перешло к денежной экономике. Племенные металлические деньги, что особенно важно, были замещены имперскими. Конечно же, римляне взимали пошлину с предметов торговли. Промышленные центры, такие как центр горшечного дела в деревне Кастор в Кембриджшире, местами изменяли пейзаж. Кузницы и металлургические мастерские появлялись во всех частях страны, от побережья Кента до берегов реки Уай. В римский период продолжали использоваться свинцовые шахты. С двойным стимулом требований и нововведений английское производство развивалось как никогда. Уголь использовался для выплавки металла и подогрева воды в банях; также он питал священный огонь в храме Минервы в Бате.

В империи пользовались спросом два местных шерстяных изделия. Одно было известно как *birrus Britannicus* — непромокаемый плащ с капюшоном. Другое, *tapete Britannicum*, представляло

собой шерстяной ковер. Еще одним предметом торговли были медведи и бульдоги для римской арены. Мужчины носили куртки из шкур домашнего скота и кожаные штаны. Поговаривали еще, что Цезарь захватил Англию, чтобы получать отсюда великолепных устриц.

В начале III века страна была разделена на две провинции: *Britannia Superior* (Верхняя Британия) со столицей в Лондоне и *Britannia Inferior* (Нижняя Британия) с центром в Йорке. Обозначения «Верхняя» и «Нижняя» относились исключительно к географическому положению и ни в коей мере не определяли качества территорий. Позже эти две провинции были разделены на четыре, а потом — и на пять частей, что подчеркивает тот факт, что страна отлично управлялась и ее ресурсы активно использовались.

После того как страна окончательно стала частью империи, ее роль изменилась. Оккупационная армия превратилась в оборонительную; ее воины ассимилировались, стали связывать себя с местным населением. Десятая часть имперской армии была размещена в колонии, и это означало, что английские войска имели огромное влияние на то, что происходило в далеком Риме. Нередко случались бунты и восстания. В 268 году

один из губернаторов Англии Караузий объявил себя императором. Он повел свои войска на континент, оставив города и деревни самостоятельно защищаться от возможной расправы со стороны Рима. Сто лет спустя другой римский военачальник захватил провинцию и объявил ее независимость. Из заблуждения по этому поводу его вывел бой где-то в Центральной Англии, и это подчеркивает значимость роли страны в имперских расчетах.

За Англию стоило сражаться. Ее порты, ее металлы, ее налоги помогали поддерживать существование огромной машины римской торговли. При этом Британия оставалась богатой и производительной благодаря своему сельскому хозяйству. В 359 году император Юлиан собрал флот из 600 кораблей, чтобы перевезти зерно из Англии в район боевых действий на Рейне. Страна превратилась в одну из житниц Европы, и к IV веку процветала как никогда. Виллы влиятельных лиц стали больше и роскошнее, и не может быть никаких сомнений в том, что социальное расслоение в стране под покровительством имперской власти обострилось. Римские англичане управляли англичанами железного века.

Северные границы всегда были источником

конфликта, поскольку на них все время давили скотты и пикты, но и границы провинции в целом вскоре оказались в опасности. В Южной Англии существовал так называемый Саксонский берег — своеобразно размещенная группа крепостей. Цель именно такого их расположения не совсем ясна. Были ли они нужны, чтобы защищать побережье от незваных гостей с северо-запада Европы, или, возможно, их построили в качестве гаваней для боевых и торговых саксонских кораблей? Может быть, они были необходимы, чтобы защищать морские пути между Англией и Европой от пиратов и прочих бандитов.

Но, как и в случае с прочими аспектами существования Англии, которых касался контроль империи, все свидетельства об этом фрагментарны и неоднозначны; нам приходится полагаться на случайные записи, данные археологов и редкие комментарии римских историков. Римское управление Англией продолжалось 350 лет — тот же срок, который отделяет современного писателя от Великого лондонского пожара, — и в то же время это наименее изученная часть истории страны.

В частности, мы почти ничего не знаем о людях: романизированных вождях на своих модных

и роскошных виллах, более мелких землевладельцах в своих усадьбах, построенных из камня или бревен, о горожанах, обитающих в одно- или двухкомнатных домах, стоящих вдоль узких убогих улочек, чиновниках, работающих в конторах и носящих официальные тоги и военные поясные ремни, безземельных работягах, живущих в поселках подальше от вилл, — все это волнующееся и вздымающееся море населения, равнодушное к переворотам и контрпереворотам, которые оставили след на страницах римской истории.

Также практически ничего не известно о появлении христианства. Эта вера появилась в Англии во II веке, но в силу сложившихся обстоятельств была религией меньшинства. Романизированные англичане примирились с римскими богами, тогда как англичане железного века, без сомнений, все еще поклонялись древним божествам холмов и лесов. Христианство не было местной верой. Тем не менее христианские сосуды и настенные барельефы III века были найдены в Хантингдоншире, неподалеку от реки Нин, и являются явными доказательствами существования местного храма. Это самые ранние подобные сосуды из обнаруженных во всей империи. В Паундбери, в Дорсете

нашли христианское кладбище примерно того же времени. К IV веку христианство продвинулось на север до Карлайла.

Христианство стало основной религией империи только после того, как в 312 году веру принял Константин Великий; собственно говоря, он был признан и провозглашен императором в Йорке в 306 году, и в последующие годы казалось, что император рассматривал Англию как один из духовных центров своего правления. Йорк был перестроен в честь возвышения Константина, и он еще трижды посещал эту провинцию. Константин называл себя Британским Величайшим (*Britannicus Maximus*), и, кажется, даже Лондон был на какое-то время переименован в Августу в его честь. Таким образом, христианство в Англии стало важным элементом ее дальнейшего развития.

Ведь это была монотеистическая религия во времена, когда сам император стремился к единоличной власти; христианство предполагало единый набор ценностей и верований, которые можно было распространить по всей империи. Оно помогало поддерживать центральную законодательную и бюрократическую власть. Вовсе не удивительно, что его приверженцами стали

представители правящих классов. Можно было не сомневаться, что в Англии, к примеру, романизированное население быстро научится пользоваться выгодами законодательно закрепленного вероисповедания. Именно поэтому христианство стало связываться с культурой вилл. Также это была религия административной элиты больших и малых городов, где в обязанности епископа входила забота о его городской пастве.

В 314 году три английских епископа совместно со священником и дьяконом посетили церковный собор в Арле на юге Франции. Епископы были из Йорка, Лондона и Линкольна, дьякон и священник прибыли из Киренчестера. Во время раскопок у Тауэр-Хилл были обнаружены признаки, указывающие на то, что там мог располагаться христианский храм, украшенный мрамором и настенными росписями. В центре нефа находился чудотворный источник. Это мог быть епархиальный храм Реститута, архиепископа Лондонского. Существует довольно мало доказательств того, что в III и IV веках были другие церкви (хотя одну нашли в Силчестере), но на это есть веские причины. На месте первых церквей стоят новые храмы. Мы обнаружим святилища эпохи раннего английского христианства, только если сроем

соборы и церкви современного мира.

Ни одна империя не существует вечно, ни одно государство не стоит на месте непоколебимо. Границам римских колоний постоянно грозила опасность, и во многих местах враги одерживали верх. Давление северных племен незаметно нарастало. Франки вошли в Северную Галлию. Вестготы собирались поселиться в Аквитании. Англии угрожали пикты и скотты на севере вместе со своими союзниками из племен франков и саксов. В 367 году их войско преодолело вал Адриана и, разделившись на отряды, отправилось на юг, чтобы разорить страну; командир крепостей Саксонского берега был убит, а главу провинции, занимающего должность британского дукса (*Dux Britanniarum*), захватили в плен. Для англичан это было ощутимое поражение. Римское вмешательство и восстановление разрушенного, в том числе возведение новых крепостей в ключевых точках, помогли восстановить мир и процветание на следующие сорок лет, но затем северные племена вернулись.

Ряд посягательств различных претендентов на власть императора привел к тому, что к началу V века Англия практически освободилась от римской армии. Она ушла в поисках славы.

Гражданская война между различными претендентами на императорский трон ослабила самодисциплину и подчинение правилам, которые всегда были характерным признаком римского правления. Административная машина начала распадаться на части. В 408 году северные племена снова попытались напасть, и римским англичанам не оставалось ничего, кроме как защищать себя. Историк того времени Зосим пишет, что они «взяли в руки оружие и, презирая опасность ради своей независимости, освободили города от угрожающих им варваров». Также он сообщает, что после этого англичане свергли римских губернаторов и установили собственное правительство.

В этом простом рассказе скрыты интриги самых разных уровней. Среди романизированных англичан были те, кто хотел бы сохранить власть Рима, от которой они получали огромные выгоды; были другие — те, кто желал избавиться от тягот налогов и насилия, связанного с центральным правительством. Два года спустя, в 410 году, часть англичан обратилась к императору с просьбой прислать оружие и людей; точно не известно, требовалось ли им вооружиться против внешней угрозы саксов или против врага внутри Англии.

В любом случае император Гонорий ответил, что теперь англичане должны сами заботиться о себе. По сути это был конец римского периода истории Англии.

Другой историк, Прокопий Кесарийский, в дальнейшем отмечал, что после исчезновения римских чиновников различные города и районы были захвачены «тиранами» или «узурпаторами». С точки зрения Рима они действительно могли казаться узурпаторами, но на самом деле это, по всей видимости, были всем знакомые английские лидеры, происходящие из семей племенных вождей или крупных землевладельцев. На исчезновение руки Рима английские племена и политические единицы отреагировали по-разному, но весьма показательно. Романизированные англичане в больших и маленьких городах, вокруг которых располагались зависимые от них земли, по-видимому, сформировали собственные органы самоуправления; лидеры этих маленьких государств по-прежнему назывались магистратами. В невоенизированной части страны — на востоке и юго-востоке — выросли маленькие королевства, их защищали наемные войска. Королевства Восточной Англии, к примеру, были вынуждены использовать

германских солдат, и в последующие годы это вызвало проблемы. В более отдаленных районах страны племена, которые так и не были полностью романизированы, вернулись к доримским формам социальной организации. Оставшиеся подразделения армий на севере были объединены командиром, который стал их вождем. Один из первых римских лидеров севера Коэлий, или Коэль Хен, стал героем английской детской песенки «Старый король Коль» (Old King Cole)[9].

Таким образом, после ухода римлян образ жизни англичан зависел от места их обитания и мог значительно различаться. Тем не менее можно обнаружить признаки более общих изменений. Система налогообложения Рима была упразднена, и теперь деревню контролировала аристократия из числа землевладельцев. После отмены податей хождение металлических денег быстро сократилось. К 410 году крупные центры гончарного производства прекратили свою работу: спроса на их товары больше не было. Снова изготавливать кирпич в Англии стали только в XV веке. Виллы были уничтожены или заброшены, не найдя употребления у более поздних

[9] Примечания: 9

В России известно под названием «Веселый король» (пер. С. Я. Маршака). — *Прим. ред.*

жителей страны.

Дни публичной, монументальной помпезности в городах канули в Лету. Но это вовсе не означает, что города пришли в упадок или захирели: они просто изменили свою функцию. Города оставались административными центрами окружавшей их территории, в них жили местный епископ и местный лидер, но они больше не нуждались в имперских фасадах III века и не хотели их. Базилика в Силчестере, к примеру, превратилась в центр металлообработки. Городское население сохранилось, и есть доказательства того, что Йорк и Глостер были перестроены в V веке. Новый водопровод с деревянными трубами появился в Веруламии во второй половине этого века. Таким образом, организация гражданского общества по-прежнему действовала. Римский город Роксетер был обнаружен в полях Шропшира. После ухода римлян он не исчез. Базилика была снесена, и на ее месте выросло большое деревянное сооружение, которое стало центром комплекса деревянных зданий, отстроенных по римскому образцу. Деятельная процветающая жизнь продолжалась до Средневековья.

Археологи обнаружили в напластованиях V века вкрапление, распространенное вокруг многих

больших и малых городов; его назвали «темной землей». Когда-то оно считалось свидетельством запустения и опустошения, но сейчас более правильно интерпретируется как остатки мазанок. Похоже, города и городки V века были густонаселенны, и торговая жизнь в них так и кипела.

Самообеспеченность достигалась с помощью бартера и местной торговли. Есть доказательства существования вылепленных вручную глиняных изделий, а какое-то количество необожженной глины использовалось для строительства стен. Жизнь фермеров и тружеников в стране совсем не изменялась из-за смены властителей.

«Исповедь» (Confessio) святого Патрика, которого саксы захватили в плен и сделали рабом в конце IV века, показывает, что роскошная жизнь владельцев вилл продолжалась и в первые десятилетия V века. После возвращения Патрика в Англию через шесть лет рабства отец заставлял его пойти на общественную работу: к примеру, власти нанимали местных риторов, чтобы руководить простым народом. Существовала некая форма действующего государственного устройства, основанная на римском оригинале. Когда епископ Герман в 429 году прибыл в Англию из Галлии, лидеры Веруламия приветствовали его

в манере гражданского единства. Это, по всей видимости, были члены диоцеза или совета провинции, осуществляющие управление городом. В жизнеописании Германа сообщается, что они «привлекали внимание своим богатством, носили модное платье и были окружены большим числом почитающих их людей». Англия не относилась к странам, лишившимся своего авторитета или богатства.

Отчасти Герман прибыл, чтобы помочь англичанам в их борьбе против пиктов и саксов. Это добавляет веса предположению о том, что произошло некое неожиданное и сокрушительное «вторжение» саксов. Но на самом деле саксы уже были здесь. Они жили в Англии с III века. Они давно стали частью полотна английской жизни. Городской и племенной элите были нужны воины саксов, чтобы защищать ее собственность. Многие из этих солдат женились на местных женщинах и поселялись здесь вместе с семьями. Германские силы оставались среди римской армии на севере. Торговцы-саксы жили в больших и малых городах. Рабочие-саксы обрабатывали земли Кента в обмен на редкие военные услуги.

Здесь мы должны разрешить вопросы с названиями. С общего согласия местные жители

Англии от железного века и далее называются бриттами. Но на самом деле этот термин имеет отношение только к англичанам, жившим на берегу Атлантики, на западном побережье; они и были бриттами, которые мигрировали в Галлию и основали провинцию Бретань. Они говорили на кельтском и гэльском. Также бритты были сильны на севере, как постоянное напоминание о старых племенных отношениях. В центре, на юге и на севере также были коренные англичане, но они населяли регионы, где возвысились пришельцы-саксы, причем иногда это происходило мирно, а иногда — насильственным путем. Именно от названия одной из групп таких пришельцев, англов, и произошло само слово «Англия». *Engla land* — название, которое дали этой земле викинги. Одной из характерных черт страны является то, что с I по XIII век она практически постоянно находилась под иностранной оккупацией. Некогда «имперская» раса была колонизирована и подверглась эксплуатации.

3
Изменения климата

В целом климат Англии обычно характеризуют как влажный, с относительно малым количеством солнечных дней, но, как знает каждый местный житель, погода очень отличается в зависимости от того, в какой части страны вы находитесь. На юго-востоке лето теплое, а зима холодная, тогда как на северо-западе зима мягкая, а лето прохладное. На северо-западе на один июльский день в среднем приходится четыре с половиной часа солнечного света, а на южном побережье можно ожидать до шести с половиной солнечных часов; на западном побережье выпадает на 40 % больше дождей, чем на восточном. Осенью и зимой ветры дуют в основном с юго-запада, а весной — с востока. Такой климат создал страну влажных дубовых и ясеневых лесов и теряющихся в тумане болот и топей. На севере и на западе лежат холмы и горы, где слой плодородной почвы очень тонок. Это земля под пастбища, а не под зерновые, и местные фермеры выращивали столько зерна, сколько было необходимо, чтобы

прокормиться самим. На юге и востоке низины, где плодородный слой постепенно становится все толще, — земля, подходящая как для зерна, так и для скота. Это была территория смешанного земледелия.

В истории Англии такие климатические закономерности имеют первостепенное значение; если происходит падение среднегодовой температуры на два градуса, как в период с 500-х до 300-х годов до н. э., то перспектива хорошего урожая на севере значительно ухудшается. Разница в один градус делает гибель урожая в семь раз более вероятной. Таким образом, в этот период мы видим запустение на фермах и в поселениях высокогорной части страны. На юге было теплее, и сельское хозяйство оставалось стабильным. Эта земля давала обильные урожаи, и общая влажность позволяла зерновым культурам расти и на более бедных почвах, где преобладают песчаники и известняки. Вследствие этого на юго-восточных землях, как правило, сеют пшеницу, а на севере — овес. Но до сих пор можно обнаружить и другие региональные отличия. В Оксфордшире и Северо-Восточном Суффолке выращивают пшеницу, тогда как в Норфолке растят больше риса. Овес — это основная культура в Ланкашире, а

рис — в Йоркшире. Пшеница и ячмень лидируют в Уилтшире, тогда как в более дождливой местности на западе графства растет в основном овес.

Люди на юге были если не здоровее, то богаче своих соотечественников с севера. Таким образом, климат играет не последнюю роль в истории человечества. Вполне могло случиться так, что на более сухом востоке создавались человеческие общины, отличающиеся от сообществ на более дождливом западе; ярко выраженные контрасты социальных систем в первом тысячелетии до н. э. действительно заметны: на западе существовали маленькие центры власти землевладельцев, а на востоке — более рассеянные поселения. Изолированные фермерские хозяйства и маленькие деревушки были характерны для севера и запада, более крупные деревни и поместная система обработки земли — более обыкновенны для юга и востока.

Во времена римской оккупации климат был теплее, чем в любой последующий период истории, но в конце IV века тепло сменилось более холодной и влажной погодой. В течение десяти лет с 536 года н. э. было очень мало солнечного света — это было время невиданной нехватки продуктов и голода. Также можно заметить,

что Альфреду[10] ставили в заслугу изобретение часов, которые могли показывать время, когда постоянные туманы скрывали солнце.

Записи о погоде в 1009 и 1010 годах вел монах-бенедиктинец Биртферт, который жил в Восточной Англии: зима длилась с 7 ноября по 6 февраля, была холодной и влажной; весна — с 7 февраля по 8 мая, была влажной и жаркой; лето — с 9 мая по 6 августа, жаркое и сухое; осень — с 7 августа по 6 ноября, холодная и сухая. Биртферт был единственным летописцем, сделавшим подробную запись погодных условий.

XI и XII века действительно были теплее, чем те, что предшествовали им, но в XIII и XIV столетиях климат ухудшился; в исторических хрониках этого периода также упоминаются частые наводнения и засухи, из чего можно судить о большой нестабильности погоды. Суровые морозы продолжались и весной, а сильные ветры валили деревья в лесах. Зимой 1309/10 года Темза замерзла, а 1315 и 1316 годы были отмечены бесконечным дождем. Урожаи погибали, а мертвых хоронили в общих могилах. Это было время эпидемий. Уровень преступности рос пропорци-

[10] Примечания: 10

По всей вероятности, автор имеет в виду короля Альфреда Великого — короля Уэссекса в 871–899/901 гг.

онально бедствиям.

Обилие дождей в XIV веке нашло отражение в конструкции дренажных канав и фундаментов домов; полы церквей были подняты, а некоторые поселения в низинах — заброшены. Плотник в «Рассказе Мельника» (The Miller's Tale / The Canterbury Tales) Чосера выказывает навязчивый страх нового Великого потопа, который охватит всю землю. Необыкновенно сильный ветер 14 января 1362 года повсюду был принят за предвестие Судного дня. В Средневековье погода была властительницей всего. Погода снаружи создавала погоду внутри. Вполне возможно было бы написать историю Англии как историю изменений ее климата.

4
Наконечники копий

«Англосаксонская хроника» (The Anglo-Saxon Chronicle), написанная через несколько веков после описываемых в ней событий, сообщает, что в 449 году «Хенгист и Хорса, которых пригласил Виртгерн» прибыли в Англию; они пришли, чтобы защитить англичан от захватчиков, но остались только для того, чтобы сражаться со своими хозяевами. Имена Хенгист и Хорса буквально означают «конь» и «кобыла». Виртгерн, или Вортигерн, — это просто титул верховного владыки. В некоторых валлийских летописях он также известен как Вортигерн «с отвратительным ртом». Итак, как всегда, элементы мифологии переплетаются с историей. Датировка также неверна.

Данные говорят о том, что в 430 году Вортигерн, правитель союза маленьких королевств, на которые распалась страна, пригласил наемников-саксов для защиты Англии от пиктов из Шотландии и от банд мародеров из Ирландии. Это была старая и хорошо известная стратегия, которую романизированные англичане исполь-

зовали в различные моменты своей истории.

Ирландцы высадились на западном побережье поблизости от Котсуолдса; центральная часть королевства Вортигерна лежала в холмистом районе, что, возможно, объясняет его лидирующую роль в борьбе. Есть данные, что пикты высадились в Норфолке. Моряки-пикты разрисовывали свои корабли и тела в цвета волн, чтобы их труднее было заметить. Таким образом, решение пригласить саксов родилось в страхе, из-за неотложной надобности. Согласно исторической легенде, они приплыли на трех кораблях, вмещавших в лучшем случае несколько сотен человек. По всей видимости, кораблей было больше, но в любом случае эти наемники были известны своей свирепостью так же, как и своей доблестью. Дружины воинов, в каждой из которых был свой вождь, поклонялись солнцу и луне. Они молились Одину, богу войны, и Тору, богу грома, и практиковали человеческие жертвы. Они пили из черепов своих врагов. Их лбы были выбриты, а длинные волосы спускались на спины, чтобы во время боя лица казались крупнее. «Сакс, — как писал римский хронист V века, — превосходит всех своей жестокостью. Он нападает невидимым и невидимым же ускользает. Если он за кем-то

гонится, то настигает добычу; если он убегает, то его не догнать».

Самые значительные подразделения саксонских сил размещались в Кенте, а также им был отдан остров Танет в эстуарии[11] Темзы. Другие отряды солдат помещались в Норфолке и на побережье Линкольншира. Икнилдская дорога охранялась. Лондон и эстуарий Темзы были защищены. Остатки римской армии, все еще сохранявшиеся на севере, находились в хорошо укрепленном Йорке. Далее, по приглашению Вортигерна, в Англию снова прибыли отряды саксонских наемников. Демонстрация силы оказалась вполне достаточной. Пикты отказались от планов вторжения. Ирландцы, в свою очередь, были остановлены племенными армиями запада и Западного Мидленда; королевство корновиев со столицей в Роксетере играло важную роль в отражении атак захватчиков.

Тем не менее другая угроза незаметно подкрадывалась к Вортигерну. Его союзники, озабоченные стоимостью саксонского присутствия, не смогли или не захотели заплатить наемникам. Также они отказались дать земли взамен платы.

---

[11] Примечания: 11

Эстуарий — речной залив, однорукавное, воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря. — *Прим. ред.*

После того как немедленная угроза была устранена, они не захотели оплачивать услуги своих защитников. Согласно кентским хроникам, союзники заявили: «Мы не можем кормить и одевать вас, потому что ваше число возросло. Уходите. Нам больше не нужна ваша помощь».

Реакция наемников была немедленной и резкой. Их выступления начались в Восточной Англии, а затем распространились по долине Темзы. Они захватили многие из тех городов и деревень, где размещались их отряды. Саксы прибрали к рукам большие поместья и освободили из рабства многих англичан. Они увидели процветание этой земли и захотели завладеть ею. Танет сам по себе как житница был великолепным призом. Затем саксы бросили клич своим соотечественникам: приходите и селитесь здесь, вместе мы сможем управлять местными.

Так германские переселенцы хлынули в Англию. Среди них было четыре основных племени: англы из Шлезвига, саксы с территорий вокруг реки Эльбы, фризы с северного побережья Нидерландов и юты с побережья Дании. Таких людей, как англосаксы, не существовало, пока летописцы не придумали их в VI веке. Маршруты переселенцев были предопределены системой

рек. Они двигались по Темзе, Тренту и Хамберу.

Юты поселились в Кенте, Хемпшире и на острове Уайт; Нью-Форест когда-то был их землей. Саксы заняли долину Верхней Темзы. Фризы рассыпались по юго-востоку и имели влияние в Лондоне. Англы поселились в Восточной и Северо-Восточной Англии; к началу VI века люди в Восточном Йоркшире носили одежды англов. Это были маленькие племена, маленькие общины, которыми управлял вождь или семья вождя. Некоторые встречали на своем пути сопротивление, другим были рады. Третьих просто принимал трудовой люд, который не питал особой любви к своим прежним хозяевам из местных. Все приспособились к новым условиям, и, согласно данным генетики, составили до 5 % населения, которое мы теперь называем англичанами; в восточных регионах это число могло достигать 10 %, но никаких свидетельств в пользу явного геноцида и замещения коренного населения нет.

Германцы перебрались на новое место, потому что их теснили другие племена в процессе великой миграции на запад той эпохи, но еще они пришли, потому что существовала угроза затопления их исторических территорий поднимающимся морем. В этот период береговая

линия Северной Европы, как показывают археологические находки в Германии и Нидерландах, оседала в море, поэтому существовала срочная необходимость найти землю где-то еще.

Восстание саксонских наемников было сокрушительным ударом по престижу и власти Вортигерна. Он был свергнут с трона другим романизированным английским лидером Амвросием Аврелианом, который повел контрнаступление против саксов и в течение десяти лет участвовал в ряде жестоких битв. В 490 году Англия одержала великую победу в местечке, которое следующие поколения называли Бадонским холмом, — считается, что оно находится неподалеку от современного Бата. Командующий английскими силами в этой битве неизвестен, но в тот период верховным властителем стали называть короля Артура. В исторических записях он остался только тенью: он известен всего лишь как *dux bellorum*, или военный вождь. Говорят, что он участвовал в двенадцати сражениях против саксов, но места этих битв определить невозможно. На страницах средневековых романов Артур был великим королем с великолепным двором в Камелоте, который также известен как Винчестер; на самом деле Артур мог быть военным команди-

ром, чья штаб-квартира размещалась в крепости на холме Кэдбери. 7,2 гектара территории этой крепости были огорожены в период, когда предположительно жил Артур.

Англичане выжили, но из-за превратностей войны саксы сохранили контроль над Норфолком, Восточным Кентом и Восточным Суссексом. В стране возникло разделение, которое, возможно, было отмечено строительством укреплений Уэнсдайк, сооруженных, чтобы не дать германцам перебраться в центр Южной Англии. По одну сторону барьера находились маленькие английские королевства, по другую — германские племена со своими военными вождями. Та часть страны, которая была наиболее романизирована, теперь стала домом «варваров». Городская жизнь и жизнь на виллах в этом регионе, таким образом, оказалась в неопределенном состоянии. Как писал английский летописец начала VI века Гильда, «города нашей страны все еще не заселены так, как были заселены раньше, даже сегодня они представляют собой заброшенные пустынные руины». Так происходило саксонское «вторжение».

Тем не менее некоторые маленькие и большие города по-прежнему активно использовались

как рынки и места для размещения властных структур. Хорошо известно, что саксы устроили собственный торговый район за пределами городских стен Лондона, в месте, которое сейчас называется Олдвич, но в старом городе, как и раньше, находились королевская резиденция и места общественных торжеств. Вряд ли какие-то изменения коснулись сельского хозяйства. У германских переселенцев была та же система полей; пришельцы уважали старые границы, и в Дареме, например, германская планировка повторяла местоположение маленьких полей и стен сухой кладки доисторического прошлого. Куда более удивительно, что германские объединения сохраняли границы старых племенных королевств. Они с уважением относились к существующему положению дел на земле. Священные места саксов, возникшие немного позже, находились на тех же местах, что и монументы эпохи неолита. Все вплеталось в кружево прошлого.

Два или три поколения англичане сдерживали немецких переселенцев внутри их границ. Нельзя забывать, что в те времена средняя продолжительность жизни составляла тридцать пять лет. Это была страна молодых женщин и мужчин, со всей энергией и безрассудностью

юности. Лидеры государства были порывистыми, яркими и энергичными.

К середине VI века германцы пожелали продвинуться дальше на запад и завладеть плодородными землями, которые ранее им не принадлежали. Есть много причин этого неожиданного всплеска активности, но одна из самых убедительных связана с эпидемией чумы в 540-х годах. Бубонная и, возможно, легочная чума распространилась из Египта по всему ранее принадлежащему Риму миру. Кажется, она сильнее поражала коренных англичан, а не пришельцев, на местных она набрасывалась с такой силой и яростью, какая могла соперничать с великой чумой XIII и XVII веков. Некоторые специалисты по вероятностной оценке предполагают, что тогдашнее население в три или четыре миллиона сократилось до одного. Земли остались свободными, и их могло защищать меньшее число людей. Поэтому англы и саксы двинулись на запад. Англосаксонская цивилизация была создана чумной пандемией.

Один из вождей саксов Кевлин к 577 году добрался до Сайренсестера, Глостера и Бата; семь лет спустя его силы вторглись во внутреннюю часть страны. Местные короли вследствие этого были низложены. Так происходило по всей

стране. Росло давление на дуротригов в Сомерсете и Дорсете, и в результате коренные жители Англии отправились в Арморику на Атлантическом побережье Северо-Западной Франции, где их вожди захватили большие участки земли. Возможно, им даже были рады. Может быть, они были из одного и того же племени. Так появился регион Бретань. Бретонцы на самом деле сохранили свои древние племенные корни и никогда по-настоящему не считали себя частью Французского государства. Некоторые из них вернулись назад. Бретонцы, бывшие в войсках Вильгельма Завоевателя, решили поселиться в Юго-Западной Англии. Они наконец вернулись домой.

В конечном счете коренное население так перемешалось и слилось с новыми переселенцами, что этнонимы «англы» или «саксы» потеряли какое-либо значение. Все стали англичанами. Тем не менее это происходило медленно. Бóльшая часть Западной Англии оставалась под управлением местных королей еще 200 лет после того, как прибыли первые саксы; исконное королевство Элмет, на месте которого сейчас находится Уэст-Райдинг в Йоркшире, просуществовало до начала VII века, и «англосаксонское вторжение» закончилось только после захвата королевства

Гвинед Эдуардом I в 1282 году. Людей, говорящих по-кельтски, можно было обнаружить в Корнуолле в начале XVI века, и язык перешел в разряд мертвых только в XVIII веке.

Поселения германских племен представляли собой территории, заселенные группами воинов и ограниченные реками. Таким образом, последователи Хэсты основали Гастингс, а последователи Гиллы — Илинг. Люди Скалистого края, люди Чилтернских холмов и люди Рикина — всем этим народам явно присвоены имена по месту обитания. Ярроу означает «среди ярвов» — небольшого племени, следы которого можно обнаружить в болотистых районах, а также в Нортумберленде. Большинство маленьких племен постепенно объединилось для защиты и войны. Появились верховные властители как лидеры и защитники племенных вождей, и к 600 году существование значительных королевств англосаксонской Англии запечатлелось в хрониках. Появилось королевство восточных англов, а также королевство восточных саксов и Мерсия.

Это были строго иерархические общества, основанные на долге и обязательствах перед военными правителями и их окружением. Существовали рабы, безземельные работники, *керлы*

— простолюдины или свободные владельцы домовых хозяйств и *тэны,* или благородные, со всеми возможными различиями и разделением внутри каждой группы. К примеру, денежные штрафы за убийство различались в зависимости от «ценности» жертвы. Это было суровое и разобщенное общество, существовавшее только благодаря постоянной эксплуатации несвободных людей. В подобном отношении оно не слишком отличалось от любой другой политической системы в прошлом Англии. Здесь никогда не существовало никакого государства равных от природы по Руссо. Всегда была система господ и вассалов.

А что же коренные англичане? Они перенесли смену власти. Большинство из них работало, как и раньше, на земле и платило налог или дань местному землевладельцу. Обычную повседневную жизнь никогда не описывали в исторических хрониках, но она составляла все, что знали простые люди. Ремесленники и торговцы по-прежнему оставались здесь. В интересах англов и саксов было использовать остатки цивилизации римской Англии. Захватчики не уничтожали коренное население, потому что нуждались в нем. Они не питали никакой непри-

язни к обширным открытым полям и смогли быстро приспособиться к обработке земли традиционными методами англичан.

Тем не менее в первые годы могла существовать некая форма сепарации или апартеида между переселенцами и местными жителями. Германское слово *walh* обозначает говорящего по-кельтски или на латыни; также оно может означать «серв» или «раб». От этого слова произошло название Уэльса. Также у нас есть Корн*уолл* и такие места, как *Уол*тон, *Уол*солл и *Уол*котт. Кроме того, присутствие коренных англичан обнаруживается там, где сейчас находится Северо-Восточный Лондон, по таким названиям, как *Уол*темстоу и т. п. Читатель сам может подобрать множество других примеров. Коренное население выжило.

Захватчики не уничтожили и христианство в Англии. В Лондоне, а также в Йорке, Лестере и Эксетере обнаружили первые церкви, выросшие на месте римских зданий. Церкви были и в других городах и, конечно, в Западной Англии, которая не была захвачена германскими племенами: религия начала процветать с появлением небольших монашеских общин. Одна из них находилась на вершине холма Святого Михаила в Гластонбери.

Окончательные очертания границ Англии становятся ясны после того, как германские племена продолжили свою экспансию. На севере переселенцы вначале держались в пределах Восточного и Южного Йоркшира: возможно, на этих территориях и раньше находились германские войска, и их жители могли даже приветствовать приход германцев. Они создали королевство Дейра, находящееся примерно на том же месте, где сейчас Йоркшир, — от Хамбера до Тиса. Общины англов появились в Бамбурге, где до сих пор сохранился замок. Большое англосаксонское кладбище с местом сожжения трупов можно найти в деревне Сэнктон в Ист-Райдинге, Йоркшир, и еще в XIX веке местные жители использовали горшки и урны, позаимствованные с этого места. Местные племена паризиев и бригантов пытались сдержать напористых германских переселенцев, но безуспешно.

Согласно летописи Беды Достопочтенного, к концу VI века под предводительством своего короля Этельфрита переселенцы покорили множество народов и завоевали множество земель; они «либо вытесняли тамошних жителей и поселяли на их местах своих людей, либо подчиняли местных и заставляли их платить

дань». Это был хорошо известный процесс колонизации. Этельфрит стал королем и Дейры, и Берниции — королевства к северу от Дейры, которое простиралось от Дарема до Эдинбурга и от Деруэнт-Уотера до Эршира. Таким образом, его действительно можно считать первым королем Нортумберленда.

Местные племена и королевства были раздроблены и не могли сопротивляться напору захватчиков. Старые королевства — Регед (в Северо-Западной Англии), Стратклайд (в Юго-Западной Шотландии), Гододин (в Северо-Восточной Англии и Юго-Восточной Шотландии) — пали. Отряды воинов медленно продвигались на север и запад. Германские поселенцы, возможно, по численности уступали коренному населению, но они в конце концов захватили власть над огромной территорией болот и холмов, среди которых были разбросаны усадьбы и дома. Тем не менее старые обычаи оказались устойчивы: именно поэтому в Йоркшире и Нортумберленде сохранилось большинство черт древней организации и традиций.

В этих битвах между захватчиками и местными племенами рождалась чистая поэзия войны. Поэма Анейрина «Гододин» сделала его Гомером

севера. Написанная на языке бриттов, она суровым стихом воспевает непокорность местных:

> *Быстрые лошади, оружие и щиты в крови,*
>
> *Древки копий подняты, и острия заточены,*
>
> *Сверкают кольчуги, и блестят мечи*[12].

Поэма описывает мир воинов, носящих бусы и ожерелья из янтаря, и военных советов; это мир сражений с развевающимися над головами противников флагами; с воронами, в ожидании добычи застилающими небо; с пирами и чашами, наполненными медом и сладким вином; с собаками и ястребами; с наполненными вином рогами, которые передают по кругу при свете свечей; с волками и чайками; с господином, убранным драгоценностями и сидящим во главе стола. Это поэзия ассонансов и внутренней рифмы. Она откровенна и не раскаивается в своем аристократизме. Она не так пуглива и скорбна, как англосаксонская поэзия, и меньше уповает

[12] Примечания: 12

Swift horses and stained armour with shields, / Spear shafts raised and spear points honed, / Sparkling chain mail and radiant swords.

на приют и безопасность перед силами дикого мира.

После смерти Этельфрита его соперник Эдвин стал королем Нортумбрии. За время правления ему хватило сил завоевать остров Мэн, захватить Северный Уэльс и занять Англси. Он стремился стать верховным правителем всей страны, и, как писал Беда, «во времена Эдвина женщина с младенцем у своей груди могла путешествовать по всему острову, не рискуя столкнуться с поруганием». Вдоль главных дорог страны король также создал систему каменных резервуаров для того, чтобы собирать воду из ближайших источников, чаши в них были из латуни. У питьевых фонтанчиков длинная история.

О царствовании Эдвина до нас дошло два напоминания. Крепость Эдвина, город Эдвина — это сейчас Эдинбург. И не так давно появились доказательства существования дворца Эдвина. В Иверинге, в Нортумберленде, нашли следы огромного здания, вокруг которого группировались другие строения; из этого можно предположить, что там пребывал король со своими воинами и советниками. Храм позднее был превращен в христианскую церковь. Поскольку дворец был построен на месте кладбища брон-

зового века, он должен был восприниматься как священное место. Также здесь угадывается открытый деревянный театр или место собраний с расположенными по кругу сиденьями вокруг приподнятой платформы: помещение использовалось для местных ассамблей, где верховный повелитель мог обращаться сразу к трем сотням своих последователей. Это место служило для публичных речей и публичного суда. Также там было большое огороженное пастбище, где паслись животные перед тем, как превратиться в изысканные блюда. В других частях страны были обнаружены подобные дворцы, также с комплексом прилегающих зданий.

Они говорят о жизни феодалов и военной знати, о власти лорда и династических браках. Молодые воины группировались вокруг короля и поступали к нему на службу; хороший лорд раздавал землю и дары. Это была богатая и сильная культура, основанная на насилии, прикрытом блеском золота. Одежда богатых людей была пышной до предела, и мужчины, как и женщины, поверх льняных туник и плащей носили украшения — блестящие застежки и броши. Самым главным было золото. В ранней христианской церкви статуи святых выше человеческого роста

покрывались золотом. В обиходе были золотые троны и огромные золотые распятия. Эта культура ни в коей мере не являлась варварской, она основывалась на формальной парадности.

На территории Восточной Англии также были великие короли. Их земли были обширны и включали в свои границы сегодняшние Норфолк, Суффолк и Айл-оф-Или. Все это целиком и полностью захватчики создали на месте королевства иценов, из которого происходила Боудикка. От них не осталось исторических хроник, но Беда сообщает, что один из первых королей германцев объявил себя властителем всей Южной Англии. Редвальд правил в начале VII века, и в захоронении в Саттон-Ху были найдены принадлежавшие ему предметы. Предполагается, что это место — могила Редвальда, и ритуал его захоронения был связан с роскошными погребальными ритуалами германских племен из Швеции.

В таких обрядах использовался погребальный корабль. Длина его составляла около 27 метров, и в центре его был обнаружен шлем в скандинавском стиле, кольчуга, боевой топор, меч с золотой рукоятью, несколько копий и щит с орнаментами в виде птиц и драконов; было там и нечто вроде скипетра, увенчанного бронзовой фигурой оленя,

а также великолепная золотая пряжка. Нашли и остатки туники в римском стиле с золотыми застежками, серебряные чаши, монеты, котлы и лиру. Это была усыпальница короля. В качестве эпитафии мы можем использовать слова из «Беовульфа»:

Челн крутогрудый
вождя дожидался,
льдисто искрящийся
корабль на отмели:
там был он возложен
на лоно ладейное,
кольцедробитель;
с ним же, под мачтой,
груды сокровищ —
добыча походов.

Я в жизни не видывал
ладьи, оснащенной
лучше, чем эта,
орудьями боя,
одеждами битвы —

мечами, кольчугами...[13]

В другом захоронении на том же месте (всего их было семнадцать) были обнаружены скелеты воина и его лошади. Все это признаки, говорящие об обществе, основанном на силе и завоеваниях.

Тем не менее внутри лодки тела не было обнаружено. Возможно, это был кенотаф — пустая могила, воздвигнутая как надгробный памятник. Однако более вероятно, что деревянный гроб и тот, кто в нем находился, истлели в кислой почве. От Редвальда осталась одна вещь — его шлем, который сделан из покрытого серебром железа с бронзовыми украшениями. Это чудовищная, варварская вещь, как будто вышедшая из ночного кошмара.

Жизнь людей под управлением Редвальда была суровой и беспросветной. Для бедных она состояла из непрерывного труда; пища их была грубой, а одежда изготовлялась из плохо обработанных шерстяных тканей. Они жили в хижинах из переплетенных прутьев с земляным полом. Они знали только грабли и серп, плуг, кирку и лопату. Богатые проводили жизнь в охотах и войнах. Они в огромных количествах поглощали

---

[13] Примечания: 13
Пер. В. Г. Тихомирова.

свинину и оленину. Они напивались, творя бесчинства, и прославлялись за это. Их лица часто были раскрашены, на них наносили татуировки. Мужчины, как и женщины, красили волосы, причем мужской пол предпочитал синий, зеленый и оранжевый цвета. Люди обоих полов украшали руки большим количеством золотых браслетов. Мальчиков испытывали на храбрость, бросая на скользкие, крутые крыши: если они быстро хватались за что-то, не вскрикнув от страха, значит, были достойны великой цели. Среди видов спорта были распространены прыжки, бег и борьба, в четырнадцать лет мальчики получали право носить оружие.

Королевство Мерсия занимало место, которое сейчас называется центральными графствами Англии (Мидленд): название «Эссекс» произошло от «восточных саксов» (*East Saxons*), Миддлсекс — от «средних саксов» (*Middle Saxons*), Суссекс — от «южных саксов» (*South Saxons*). Разумеется, название «Уэссекс» связано с королевством западных саксов, но его территория не сохранилась как административная единица. До времен короля Альфреда Мерсия представляла собой мозаику из королевств, а племенное название западных саксов было «гевиссы», что означает «союзники».

Эти союзные племена продвинулись дальше на запад, завоевав Девон и Корнуолл. Но германские племена сражались не только с местными жителями, они враждовали и между собой, и самые жестокие битвы происходили между племенами Уэссекса и Кента.

Кент представляет собой интересный случай преемственности. Это была та часть Англии, которую первой заселили германские наемники и торговцы, постоянно жившие здесь, возможно, еще со времен римского правления. Именно поэтому административные структуры, учрежденные романизированными англичанами, остались нетронутыми. Пришельцам и местным жителям не было нужды конфликтовать друг с другом. Таким образом, местное название этой территории сохранилось даже после того, как джуты и другие племена установили свое господство над ней. Людей, живущих здесь, называли *Cant-ware*, но происхождение слова *Cant* имеет доисторические корни. Такие названия, как Кентербери и Дувр, датируются по крайней мере железным веком. Существуют неоспоримые доказательства преемственности в использовании поселений и священных мест от железного века до джутов; церкви во многих местах Кента стоят

на доисторических дорогах. Также они очень характерным образом связаны со священными источниками, родниками и святыми женского пола, которым поклонялись еще в доисторическую эпоху.

Можно проследить и еще одно проявление преемственности. Когда пришли первые германские переселенцы, они селились здесь как свободные землевладельцы, следуя традициям своей страны. Именно поэтому на земле Кента стоят отдельные фермерские хозяйства и деревушки, а не манориальные[14] деревни; там не существовало традиции совместных сельскохозяйственных работ на землевладельца. В Кенте не было места для крупных магнатов или больших особняков. На всей остальной территории страны «общих полей» очень мало. Графство Кент несет на себе все признаки жизни «имеющих права свободных людей», которых Тацит опознал среди жителей севера.

Эта традиция поддерживалась в течение многих веков. В «Прогулке по Кенту» (The Perambulation of Kent), вышедшей в 1570 году, Ви-

[14] Примечания: 14

Манор — комплекс земель феодала, общинных угодий и крестьянских наделов. Основа такого хозяйства — отработочная повинность (барщина) крестьян.

льям Ламбард писал: «Йомены или простые люди нигде не были так свободны и счастливы, как в этом шире… при порядке, когда каждый человек — свободный землевладелец, и имеет какую-то собственность, чтобы с нее жить. И в этом своем государстве они довольны собой и чрезвычайно радуются». Действительно, правовой обычай владения землей в Кенте не был отменен до 1926 года — это единственный известный пример особого закона графства, просуществовавшего до XX века. Такая независимость принимала разные формы. Во время восстания крестьян 1381 года «люди из Кента» были первыми, кто поднял оружие вместе с Уотом Тайлером. Семьдесят лет спустя под предводительством Джека Кэда они спровоцировали широко известное восстание против несправедливого налогообложения; их ходатайство называлось «Жалоба бедняков из Кента» (The Complaint of the Poor Commons of Kent). Люди из Кента были среди первых, поднявшихся против Ричарда III. Во время шахтерской забастовки 1984 года шахтеры из Кента были самыми воинственными и шумными. Древняя история все еще проявляет себя. Она по-прежнему имеет значение.

Эти примеры преемственности подчеркивают

перемены в характере власти. Маленькие королевства уступали место большим. В первом фискальном документе, касающемся всей Англии и датированном началом VII века, перечисляется девятнадцать королей и пятнадцать народностей. Но даже самые великие королевства основывались на тех местах, где жили коренные народы Англии. Джуты из Хемпшира и с острова Уайт заняли места, где в доисторический период жили белги, восточные саксы — древние территории тринованто в, а южные саксы учредили свое государство в доисторических границах регнов. Все они даже сохранили прежние столицы. Есть и множество других примеров, подтверждающих, что корни страны уходят очень глубоко в прошлое.

Великий король Кента Этельберт, который правил с конца VI века до 616 года, известен в английской истории как человек, который принял святителя Августина и поддержал его христианскую миссию среди германских племен. Этельберт был в союзе с франкскими королями с континента, и, возможно, он приветствовал Августина из уважения к ним. В любом случае он был тем, кого Беда Достопочтенный называл *rex potentissimus*, — верховным повелителем англий-

ских земель, простирающихся до Хамбера. Также он был первым английским королем, принявшим христианство, за ним последовали король Эссекса и, не столь явно, король Восточной Англии. Но пример Этельберта был чрезвычайно важен для успеха миссии Августина. Августин обратил и домашних, и приближенных короля и, таким образом, в христианство перешла земля, находившаяся под управлением лордов Этельберта. Люди падали на колени перед крестом под двойным давлением уважения и подражания. Они входили в воды рек Кента, где происходили массовые крещения.

Нельзя забывать, что святой Августин прибыл в Англию не для того, чтобы крестить коренных англичан, большинство из которых и так уже были христианами. Он пришел, чтобы обратить в христианство весь остров, чтобы крестить германских переселенцев и их вождей. В 597 году он сошел на берег в Танете и оттуда повел торжественное шествие, распевающее гимны под сенью серебряного креста. Этельберт в должное время связал себя обетом новой веры. Он мог видеть преимущества от связи с институтом, который наследовал Римской империи. Важной частью вклада христианства в развитие Англии

была, собственно, переделка старых форм власти. После того как Августин обратил Кент и Эссекс, его собрат-миссионер Паулин принес Священное писание в Нортумберленд. После обращения Суссекса и острова Уайт в конце VII века вся Англия вступила в христианское сообщество. Многие из старых местных церквей были расширены или перестроены в англосаксонском стиле, и в огороженных стенами городах, унаследованных от Рима, выросло множество больших храмов. Использовались все те же священные места, на которых молитвы возносились задолго до того, как возник спор между местной и римской конфессией. Многие из сегодняшних соборов так и хранят в своем центре маленькую англосаксонскую церковь, построенную на месте храма, в который приходили романизированные англичане.

Лидеры местной церкви косо смотрели на явившихся обратить саксов, джутов и фризов. Когда Августин созвал епископов Уэльса, он не поднялся, чтобы поприветствовать их, и его высокомерие заставило вспомнить о старых римских традициях. Местные священники в любом случае ни во что не ставили германских вождей, они и не пытались их обратить. Они были монахами

и миссионерами, которых обучали молитвам кельтским святым (вспомните все эти маленькие церквушки в Корнуолле) и которые не видели авторитета и красоты в том, чем, по своей сути, была церковь епископов и администраторов — администраторов, которые в самом деле желали работать с королями чужеземцев и готовились к этому. Священники с другой стороны Северна не стали бы есть из одних мисок с римскими священниками; они бы даже не позволили своим собакам вылизать их посуду. Тем не менее в битве за веру они проиграли. Римская церковь стала английской христианской церковью, и старая вера англичан канула в Лету. Это не первый и не последний пример культурной амнезии.

Со своей стороны, короли осознавали все преимущества римской веры. Христос был куда более мощной поддержкой в войне, чем Один, а христианский бог предлагал более эффективную власть, чем Тор. Один языческий жрец прошлого попал в беду, разрушив свой храм, чтобы доказать истину. Римская церковь предпочитала правление сильных королей и сплоченных правительств: это делало работу по религиозному управлению гораздо проще. Священники были грамотными людьми королевства, и, когда вы-

пускались официальные документы, документы о праве собственности и обращения любого рода, клерики превращались в незаменимых государственных администраторов. Практически в тот же момент, когда первые миссионеры ступили на английскую землю в Танете, короли близлежащих земель начали выпускать законы: «Если кто-либо убьет человека, он должен уплатить виру в 100 шиллингов. Если кто-либо таскал другого за волосы, 50 скеатов [серебряных пенни] должны быть уплачены в компенсацию».

Также короли были рады присвоить якобы священную роль тех, кому народ поклоняется во время публичных религиозных ритуалов. Это был способ укрепить власть. Это был способ усилить уважение и обеспечить послушание. Короли и святые появляются в Англии в один и тот же период. И очень часто они оказываются одним и тем же лицом. Король Эдвин и король Этельберт известны последующим поколениям как святой Эдвин и святой Этельберт. Иногда бывало и наоборот. Король Кента Сигеберт был убит двумя своими дружинниками из-за докучливого обыкновения прощать своих врагов.

Но в целом христианство помогло привнести единство в королевство. Применяя старый ка-

толический лозунг — народ, который молится вместе, держится вместе. Поощрение священниками моральной дисциплины оказало вполне ощутимый эффект на социальную дисциплину страны. На могилах, где покоятся останки знатных дам VII века, от Кента до Уэссекса, от Мерсии до Восточной Англии, наблюдается куда более сильное единообразие украшений, чем раньше. Различные регионы страны постепенно сближались. Единая английская церковь, казалось, на данном этапе требовала появления единой английской нации. Это было время, когда обращение в христианство превратило всех людей в государстве, по выражению папы Григория I Великого, в «англичан, английскую расу». Вскоре после того, как был составлен список «святых, упокоившихся в земле английской», Беда Достопочтенный писал о «святой церкви английской нации», косвенным образом исключая из нее Уэльс и пиктов. Англия, как мы понимаем ее сегодня, была создана христианской церковью.

Таким образом, церковь имела огромное значение для правительства. Именно поэтому границы епархий повторяют границы древних племенных королевств. Вустер занимает, к примеру, ту же территорию, что и Хвикке, а Херефорд совпадает

с Магонсетаном. Линии разделения власти были проведены уже давно. Епархиальные синоды напоминали парламенты, где обсуждались законы и могли встречаться родственники и знакомые. Епископы так или иначе относились к аристократии, были членами различных королевских семей. Когда король собирал церковный синод в Лондоне, его посещала как церковная, так и светская знать.

Королевские эдикты неизменно писались в церковном стиле. Архиепископ Йорка или Кентербери составлял национальный свод законов, консультируясь с королем. Только после вторжения в Англию норманнов произошло какое-то формальное отделение церкви от государства. В свою очередь, монахи и епископы часто состояли в военных отрядах крупных феодалов; один епископ из Шерборна, Хемунд, был убит в кровавом сражении против северных захватчиков. Возможно, он выполнял давнюю роль священника, который еще во времена язычества сопровождал отряды воинов.

Существовали крупные организации, известные как миссионерские церкви, или минстеры, которые представляли собой сообщества священников и монахов, осуществлявших богослужение

на прилегающих территориях. Между VII и IX веками были построены сотни таких церквей, так что в каждом районе страны было по одной. Они представляли собой первозданное проявление христианской Англии, взявшейся за дело со всей энергией и силой неофита. Эти церкви действовали как центры воспитания и обучения, они поддерживали торговлю и сельское хозяйство. Они организовывали прилегающие деревни, постоянно требуя у них дань в виде продовольствия. В сущности, это были королевские дворы с аббатами или аббатисами, которые представляли собой часть аристократии, в то время как Христос был верховным правителем. В монастырях хранились золото и мощи святых. Священники путешествовали по своим территориям, вознося молитвы; именно поэтому Англия до сих пор испещрена каменными крестами, отмечающими места молитв.

Религиозная власть таких миссионерских церквей постепенно утрачивалась, поскольку землю все больше покрывали деревни и приходские храмы. Но минстеры сохранились. Некоторые из них стали великими церквями и соборами. Другие начали новую жизнь как растущие города. Их имена вплелись в ткань страны: Аксминстер,

Киддерминстер, Вестминстер… Многие другие города — Хексем, Баркинг, Годалминг, Аундл, Рединг, Уокинг — тоже прямые наследники этих древних обителей. Англия по-прежнему полна минстерами.

5
Кровавый орел

К началу IX века в Англии существовали три основных королевства: Уэссекс, Мерсия и Нортумбрия сражались за господство, а вокруг них вели борьбу более мелкие королевства: Восточная Англия, Кент, Суссекс и Эссекс. Нортумбрия доминировала в VII веке, Мерсия — в VIII, а Уэссекс — в IX. Это были мудро управляемые государства со сложной административной системой и налогообложением, способные на крупное общее строительство, такое как сооружение 158-километрового вала Оффы. В этом смысле они напоминали своих доисторических предшественников. Активно использовались деньги, в результате обширной торговли повсеместно было распространено серебряное пенни, или скеат.

В конце концов эти три королевства погибли вместе от огня и меча, и путь к Соединенному Королевству отчасти можно увидеть в отчаянной попытке дать отпор внешней угрозе. В 790 году три корабля норвежцев причалили к побережью Дорсета на острове Портленд; посланный

в официальном порядке всадник из Дорчестера, решив, что это хорошо известные торговцы из Норвегии, собирался проводить их в город. Они повернулись и убили его. Это были воины, а не торговцы.

Три года спустя норвежцы напали на монастырь Святого Катберта на острове Линдисфарн. Атака была неожиданной настолько же, насколько «гости» были непрошеными. Монастырь был разорен, и многие монахи погибли от мечей разбойников. «Никогда раньше в Британии не поселялось такого ужаса, как сейчас, когда мы страдаем от набегов язычников, — писал летописец. — Никто и не думал, что такое нашествие может прийти из-за моря». Год спустя было совершено нападение на монастырь в Ярроу. Никто не ждал набега, поскольку ранее люди с севера приходили только как мирные торговцы. В этом деле они были великолепны, о чем могут свидетельствовать их более поздние поселения в Йорке и Дублине. Задолго до того, как начались нападения, в Восточной Англии уже были скандинавские поселенцы. Место действия поэмы VIII века «Беовульф» — где-то в Южной Скандинавии.

Норвежцы в те времена были больше известны

как норманны или, в английских источниках, как викинги; это именование также использовалось по отношению к выходцам из Дании, но первоначально главной силой были норвежцы. Слово «викинги» означает «люди с фьордов». Они пришли, потому что в их землях было неспокойно после появления новых, централизованных королевств; эти королевства, в свою очередь, подталкивали к созданию отрядов воинов, готовых на убийство и грабеж. Также Дании угрожал Карл Великий, король империи франков, который еще больше подорвал власть правящей элиты. Страха оказалось достаточно для того, чтобы в путь отправилась сотня кораблей. И это было время, когда конструкция драккара стала просто идеальной. Ветер буквально надувал паруса норманнов.

Можно найти и другую причину этих кровавых экспедиций. Монастыри на Линдисфарне и в Ярроу были атакованы не случайно; они были выбраны для того, чтобы стать примерами отмщения. Избиения христианином Карлом Великим «язычников» привели к уничтожению их храмов и святилищ. Великий король срубил Йормунр (Jôrmunr), священное дерево людей Севера. Что может быть лучшим возмездием, чем

уничтожение строений, посвященных христианскому богу? Христианские миссионеры, кстати говоря, прибыли в Норвегию именно с острова Линдисфарн. Поэтому разрушение тамошнего монастыря было тщательно спланировано. Это стало началом того, что можно назвать антихристианским крестовым походом. В тот год, когда был сожжен монастырь, в небе Англии видели предзнаменования. В «Англосаксонской хронике» написано, что в 793 году «над Нортумбрией появились ужасные знамения, которые чрезвычайно огорчили людей: там видели колоссальные вспышки света и огненных драконов, летящих в небе».

Тем не менее эти первые набеги были только предупреждениями, легкой подземной дрожью перед тем, как начнется землетрясение. Англичане начали нервничать, и по археологическим находкам можно предположить, что все больше людей выбирало безопасность обнесенных стенами городов. В это время писались самые первые монастырские хроники, которые позже были включены в первую версию «Англосаксонской хроники». Руку монаха могло направлять ощущение того, что мир меняется к худшему.

В 830 году снова начались набеги. Силы «язычч-

ников» прибыли за землей, рабами и женщинами. В 833 году они высадились на острове Шеппи[15] у побережья Северного Кента. Как подразумевает название этого острова, на нем было много овец и хороших пастбищ. Это был желанный военный трофей. Норманны славились своими навыками в разведении скота. За следующие тридцать лет произошел еще ряд нападений, в том числе со стороны датчан. Кент и Восточная Англия были весьма привлекательной целью; первое морское сражение в истории Англии состоялось около Сануиджа в Кенте, где захватчикам дали отпор. Но они разорили порт Саутгемптон. Были нападения на Лондон и Рочестер. Армия Нортумберленда потерпела поражение в битве. Угроза надвигалась со всех сторон.

Некоторых воинов называли «волчьими шкурами» из-за их одежды и манеры выть во время битвы. Они носили длинные, похожие на воздушных змеев щиты и размахивали над головами своих жертв ужасными боевыми топорами. Другие были известны как берсерки, потому что они не носили никаких доспехов и кидались на врага в агонии кровавого безумия. В сагах говорится об

[15] Примечания: 15
Sheep — овца (*англ.*). — *Прим. ред.*

одном воине, которого прозвали «детолюбцем»: в отличие от своих товарищей он отказывался протыкать детей острием своего копья. Эти люди стали ужасом для Англии.

Но нападения были только прелюдией к настоящему вторжению. В 865 году огромные орды данов обрушились на Восточную Англию. Этот регион лучше других был известен их предкам, многие из которых там уже жили. Эти люди пришли не для того, чтобы напасть; они прибыли, чтобы остаться. Не случайно в то время отмечалось перенаселение Скандинавии, где земли на всех уже не хватало.

Они прибывали тысячами, кораблей были сотни; каждый корабль мог нести не больше тридцати человек. Они задержались в Восточной Англии на год, прибирая к рукам местные ресурсы и, в особенности, — множество хороших лошадей. Даны строили крепости или защитные укрепления, из которых правили прилегающими территориями. В 866 году они двинулись на Йорк и взяли город. Они правили там почти сто лет. Из Йорка захватчики добрались до Нортумберленда и добились господства над ним. Затем двинулись на юг и захватили Ноттингем. Король Мерсии бросился к королю Уэссекса за помощью, но в кон-

це концов ему пришлось откупиться от врагов.

К тому моменту даны овладели двумя королевствами: Нортумбрией и Восточной Англией. Короли этих земель были казнены посредством ритуала под названием «кровавый орел», когда легкие человека вырывали наружу через разрезы на спине и вешали на плечи так, что они напоминали сложенные крылья орла. Все грамоты, богато изукрашенные книги и приходские записи двух королевств исчезли. Собственников земли постигло разорение.

В 870 году даны разбили огромный лагерь в Рединге и начали подготовку к вторжению в Уэссекс. На этом этапе истории Англии в ней появляется Альфред. Ранее он уже сталкивался с данами, когда со своим старшим братом пришел на помощь Мерсии. Теперь Альфред стал королем. Тем не менее нельзя сказать, что первые же его действия были целиком и полностью героическими. После ряда поражений он откупился от данов деньгами и сокровищами. Король навлек на себя гнев и ярость монахов в Абингдоне за то, что при этом присвоил их богатства; в своих записях они называют его Иудой. Даны отправились на отдых в Лондон, который теперь тоже был под их контролем. На какое-то время Альфреда «по-

низили в должности» до выплачивающего дань короля, он был обязан покупать у данов серебро, чтобы чеканить свою монету.

Захватчики продолжали свои вторжения и набеги; они по-прежнему намеревались полностью взять власть над Уэссексом — самым большим английским королевством, все еще сохраняющим свободу и поэтому являющимся ключом к могуществу. По большей части армия Альфреда защищалась от сил данов, которые устраивали набеги или захватывали отдельные территории, и после особенно кровавого поражения под Чиппенхэмом Альфреду пришлось искать убежища в болотах Сомерсета. Там, в Ателни он построил крепость; с его временным пребыванием на болотах связана история о сгоревшем хлебе[16], когда-то известная многим поколениям английских детей. Она была выдумана в XI веке, чтобы подчеркнуть плачевное состояние короля перед окончательной победой. И победа пришла.

Весной 878 года Альфред собрал силы Сомерсета, Уилтшира и — частично — Хемпшира в

[16] Примечания: 16

Легенда гласит, что в изгнании Альфред жил в хижине рыбака. Жена рыбака поручила Альфреду наблюдать за хлебом в печи, но король отвлекся, и хлеб сгорел. Женщина сурово отчитала его, и Альфред со смирением выслушал ее попреки. — *Прим. ред.*

месте, которое было известно как Камень Эгберта. В Эдингтоне, в Уилтшире, состоялось грандиозное сражение с вождем данов Гутрумом, и даны были побеждены. Гутрум признал свое поражение, и вместе с несколькими своими командирами был крещен в христианской общине. Альфред был его крестным отцом в этом знаковом обряде обращения, после которого Гутрум принял уэссекское имя Этельстан. В битве между варварами и христианами победило христианство. Это была война за веру в той же мере, как и война за земли.

Каким же образом Альфред и Гутрум смогли вступить в такой священный (или нечестивый?) союз? Они оба были одной крови — Гутрум и сакс Альфред, они были великими королями в одной священной традиции. Альфред мог быть христианским лидером, но считал, что его королевский дом ведет свое происхождение от Одина. Германские и скандинавские народы имели глубокие родственные связи. У них было больше общего между собой, чем с людьми из Корнуолла или Девона. В каком-то смысле они были родственниками. Поэтому они пришли к соглашению поделить Англию между собой.

Альфред был не в том положении, чтобы дик-

товать условия. Их обсуждение проходило в тени датских войск, которые все еще занимали Уэссекс. Гутрум уже был королем земель на востоке, от Темзы до Хамбера, и не имел намерений покидать Англию. Поэтому он сохранил то, что завоевал силой оружия. Нет никаких сомнений в том, что Альфред заплатил ему дань. В соглашении есть фраза: «Все мы равно ценим англичан и данов». Другими словами, между ними установилось равенство.

Таким образом, появился район страны, который к XI веку стал известен как Данелаг. Туда входила бóльшая часть Северной и Восточной Англии, а также норвежская колония на северо-западе. Процесс заселения этой территории шел очень активно благодаря последующим волнам иммигрантов из прибрежных районов Северо-Западной Европы, организованным вождями датской армии в Англии. В хрониках, когда речь идет о землях, говорится, что они «были разделены», то есть подразумевается наличие какой-то высшей власти. Более поздним переселенцам доставались более бедные земли по сравнению с угодьями их предшественников, но земли в Англии все еще хватало. Датские фермеры жили в укрепленных городах, или «бургах», где стояла

датская армия, отсюда и произошел термин «боро». Эти крепости могли использоваться и для защиты, и для общественных собраний.

Наиболее значимым территориальным делением Данелага было разделение на пять боро: Ноттингем, Лестер, Дерби, Стамфорд и Линкольн. Эти боро, разумеется, просуществовали до наших дней, и все, кроме Стамфорда, стали главными городами графств. Тем не менее наличие в топонимике скандинавских заимствований позволяет предположить, что весь север и восток страны были ассимилированы новыми поселенцами. Есть сотни мест, названия которых имеют датское и шведское происхождение, самые известные из них те, которые заканчиваются на — би или — торп. Стреонешалч был переименован в Уитби, а Нортуортиг стал Дерби. Изобилие Кирби или Киркби на территории Данелага предполагает, что захватчики признавали «поселения с церквями». Впрочем, то, что английские названия мест сохранились и иногда тесно соседствовали с новыми наименованиями, позволяет сделать вывод, что местных жителей из незнатных родов не тронули.

Даны принесли торговлю и процветание на земли, находящиеся под их управлением. Неуди-

вительно, что в XI веке тремя самыми богатыми ширами были Норфолк, Суффолк и Линкольншир, которые все относились к Данелагу. Йорк сам по себе был одним из самых богатых и процветающих городов в королевстве. Его защищали крепкие стены, и в результате раскопок обнаружили узкие улочки, тесно застроенные деревянными домами, где находились мастерские и лавки с различными товарами. Ювелиры и мастера по металлу жили рядом с мастерами по дереву и ткачами. И повсюду были торговцы, ведущие дела с Ирландией, Францией и, конечно же, Скандинавией. Они торговали перцем и уксусом, рыбой и вином, солью и рабами.

После того как было заключено соглашение с Гутрумом, у Альфреда появилась возможность укрепить оборону своего королевства от дальнейших покушений на него. По всей Южной и Западной Англии он построил систему укрепленных городов, похожих на те, которые были в Данелаге. Тщательно разработанная сеть таких городов была создана так, чтобы ни один житель не находился дальше чем в 32 километрах от укрепления. Это стало началом первой настоящей и систематической урбанизации Англии, возникшей из-за спешной военной необходи-

мости впервые со времен римской эпохи. За каких-то сто лет большинство боро превратились в полноценные города с судами и рынками.

Крепости на холмах железного века, такие как Гастингс и Саутгемптон, и поселения ранней римской эпохи, такие как Бат и Винчестер, были обнесены более крепкими стенами. Строились новые города, где использовалась «прямоугольно-решетчатая» система улиц, которая до сих пор сохранилась, скажем, в Уоллингфорде и Криклейде, стоящих на берегах Темзы. Альфред понимал важность защиты основных рек, текущих через его земли. В каждом боро был большой гарнизон защитников, которые жили вместе со своими семьями. Вдобавок Альфред начал создавать регулярный морской флот, чтобы не позволить в дальнейшем приплывать враждебным бандам воинов из Скандинавии. На вершинах холмов была установлена система раннего оповещения, состоящая из маяков. Таким образом, территории Альфреда были милитаризированы с помощью грандиозной программы общественных работ.

Но в определенный момент могло показаться, что всей защиты Альфреда недостаточно. В 896 году, через шесть лет после смерти Гутрума, на Восточный Кент напал другой датский король

с войском в 4000 или 5000 человек; с собой они привезли своих женщин и детей, то есть целью их было поселиться в новых местах. Альфред привел в этот район свою армию и вынудил врагов отступить в свой лагерь. Но потом король узнал о более серьезной угрозе. Прибытие новых переселенцев разрушило хрупкий мир между англичанами и людьми из Данелага: корабли из Восточной Англии и Нортумбрии огибали побережье и нападали на северные районы Девона. Еще одно датское соединение осадило Эксетер. Все группы данов действовали в сговоре. Они планировали заставить Альфреда сконцентрировать все силы на западе, а в это время новые поселенцы возьмут Кент и Эссекс.

В следующие несколько месяцев Альфред наносил поражения датским силам на западе, одновременно посылая подкрепления, чтобы поддержать Юго-Восточную Англию. Хронология того, что позднее стало называться «последней войной» Альфреда, не совсем ясна, но в ее результатах нет сомнений. Напавшие на него даны оставили свои попытки захватить территории на юго-востоке и поселились среди своих соотечественников в Восточной Англии и Нортумбрии. Возможно, их подкупили, чтобы заставить уйти

из Эссекса и других районов. Возможно, они покорились неизбежности перед мощной обороной системы боро. В любом случае Альфред отстоял свое королевство.

Он же дал название этому королевству. Себя он именовал «королем англов и саксов», но на его недавно отчеканенных пенни впервые появилась надпись: *Rex Anglo* (король Англии). При том что варвары селились на границах его земли, Альфред прилагал все усилия, чтобы сохранить английское самосознание. Он был христианским королем перед лицом языческих вождей. Даны попытались искоренить духовную цивилизацию англичан; Альфред сделал все, что было в его власти, чтобы поддерживать изучение английского языка и английской истории. Даже создавая систему боро и строя флот, он покровительствовал программе по переводу основных латинских текстов на родной язык западных саксов. Альфред хотел издавать книги, «которые особенно необходимо знать каждому человеку». Он был одним из очень немногих английских королей, которые сами занимались литературными трудами. Альфред перевел сочинение папы Григория I «Правило пастырское» (Regula Pastoralis), сочинение Боэция «Утешение филосо-

фией» (De consolation philosophiae) и «Монологи» («Беседы наедине с собой»; Soliloquia) Блаженного Августина. Благодаря этому королю была переведена «Церковная история народа англов» (Historia ecclesiastica gentis Anglorum) Беды Достопочтенного и «История против язычников» (Historiae adversum paganos) Павла Орозия, что не может не говорить о его потрясающей учености. Англичане, по крайней мере согласно их святым историкам, были людьми Божьими.

Во время правления сына Альфреда Эдуарда Старшего англичане начали отвоевывать земли Данелага и поглощать населявшие их народы. Даны были более уязвимы, поскольку стали оседлыми и больше не являлись теми бродячими отрядами воинов, которые угрожали Альфреду; кроме того, они всегда были сильнее в нападении, чем в защите. В 917 и 918 годах солдаты Эдуарда промаршировали через Данелаг, отмечая путь своего следования крепостями. Они заняли Дерби и Ноттингем, затем люди Линкольна присягнули королю Эдуарду. К 920 году вся страна к югу от Хамбера признала его своим господином. Борьба за пост верховного владыки была жестокой, поскольку правители Уэссекса никогда ранее не господствовали над восточными землями. Эти

битвы помнили много веков, и, как говорят, фиолетовые цветы прострела растут на лугах там, где на землю пролилась датская кровь.

За два или три поколения люди Данелага были обращены в христианство, и их старые традиции погребения были забыты. В любом случае они были настолько близки к англам и саксам с точки зрения традиций и характера, что без всяких усилий слились с ними. В английском языке очень много скандинавских слов, таких как *sky* (небо) и *die* (умереть), *anger* (гнев), *skin* (кожа) и *wing* (крыло), *law* (закон) и *birth* (рождение), *bread* (хлеб) и *eggs* (яйца). Едва ли в Англии существует такой элемент человеческой деятельности, в котором не ощущалось бы глубокого влияния датской терминологии.

Память о датской оккупации жива. Оркнейские острова и Шетланд не сдались Шотландии до второй половины XVI века, и на Шетландских островах все еще говорили по-норвежски в конце XVIII века; островное наречие до сих пор ближе к норвежскому, чем к шотландскому или английскому. В середине XIX века, согласно местному историку, люди в Нортгемптоншире сохраняли «традиционное почитание памяти о своем угнетении». В Корнуолле в конце того же

века колония рыжеволосых людей, с которыми не вступали в брак местные жители, называлась «данами». Сэмюэлю Пипсу сообщили, что западная дверь кафедрального собора в Рочестере покрыта «кожей данов». Все это позволяет предположить, что жестокость первых вторжений скандинавов и битвы с ними оставили глубокий, незаживающий след.

За частичным объединением Англии Эдуардом последовал ряд сильных королей, чьи имена исчезли из коллективного сознания англичан; лишь память об одном из них — Этельстане — сохранилась на многие столетия. Его имя означает «благородный камень», напоминая о том троне в Кингстоне, на котором в 924 году он был коронован и помазан на царствие. В XIV веке его имя все еще упоминалось в присказке, говорившейся при раздаче земли:

> *Эту землю и прут я даю тебе,*
>
> *Не прошу ничего, как не просил Этельстан, когда дал ее мне,*
>
> *И надеюсь, что ты будешь любящим братом*[17].

---

[17] Примечания: 17

This land and twig I give to thee, / As free as Athelstan gave it to me, / And I hope a loving brother you will be.

Этельстан был сыном Эдуарда Старшего и стал наследником великой династии; тем не менее он был поглощен идеей увеличить то царство, которое получил. Он нанес поражение королю Йорка и его союзнику королю Дублина; Дублин и Йорк были двумя движущими силами торговой империи викингов, которая в то время угасала. Этельстан занял Йорк и подчинил Шотландию. Силы севера предприняли контратаку, но в 937 году были наголову разбиты в местечке под названием Брунанбург. «С тех пор, — писал хронист, — наступил мир и изобилие во всем». Многие годы спустя борьба Этельстана все еще вспоминалась как «великая война», примерно как мы сейчас вспоминаем Первую мировую войну.

Альфреда, как правило, называли королем англов и саксов, но Этельстан провозглашался королем Англии. Его семья была связана благодаря бракам с Французским королевством[18] и с

[18] Примечания: 18

Имеется в виду Западно-Франкское королевство — государство на территории нынешней Франции, образовавшееся в результате раздела Франкской империи Карла Великого между его сыновьями.

провинцией Аквитания, а также с Саксонией[19]. При его дворе были поэты и ученые; он унифицировал чеканку монет во всем государстве; он восстановил и обновил множество городов. Этельстан созывал настоящие национальные ассамблеи, состоящие из епископов и лордов. Он установил жесткий контроль над куплей-продажей и учредил свод законов. «Я узнал, что наш мир содержится в худшем состоянии, чем мне бы хотелось, — писал он, — а мои советники говорят, что я продвинул его слишком далеко».

Существует портрет Этельстана вместе со святым Катбертом, который известен как «чудотворец земли Английской». Это первый английский королевский портрет, Этельстан на нем увенчан императорской короной. К концу своего правления он величал себя «monarchus totius Britanniae» (королем всей Британии), и «Анналы Ульстера» (Annála Uladh) объявили его «опорой благородства западного мира». Могила этого теперь забытого короля находится в аббатстве Малмсбери. При жизни локоны его волос были перевиты золотыми нитями.

---

[19] Примечания: 19

Саксония — территориально-государственное образование на территории современной Германии, входившее в состав Священной Римской империи.

К X веку государственное устройство Англо-саксонского королевства приняло устойчивую форму. Если монарх должен был обеспечивать порядок и стабильность, ему необходимо было вести себя в соответствующей правилам и обдуманной манере. Он собирал совет религиозных глав и мудрецов. Он создавал структуры власти, чтобы следить за использованием королевской земли и исполнением решений королевского суда. Уже существовала бюрократия, непрерывно выпускавшая хартии и предписания. (Эти хартии и сейчас еще могут использоваться для объяснения устройства Англии.) Изначально они выходили из королевского скриптория, переписанные группкой священников, но появление централизованной монархии создало новые институты и порядки. Таким образом, на этой почве развились гражданская служба, судебная власть и парламент. Нация начинала осознавать свои отличительные черты. Вот та часть истории, которой посвящен этот том.

Как должное принималось то, что у каждого человека должен быть господин. Власть феодалов больше не зависела от племенных отношений, а строилась на владении землей. Считалось, что господство за тем, у кого больше территорий. Ни

в каких других проверках светское руководство не нуждалось. Земля была всем. Она в буквальном смысле составляла основу существования. Земля давала власть и богатство; она позволяла раздавать дары и подчинять других своей воле. Неизбежно под управлением сильного короля усиливалась и иерархия внутри страны; разделение между слоями населения становилось сильнее, а доказательства статуса — более явными. Когда в 1086 году, согласно хроникам, «все люди, имеющие собственность в Англии», принесли клятву Вильгельму Завоевателю, они следовали установленному порядку.

Безземельный человек был либо рабом, либо бедняком. Доверия он не вызывал. В этом огромная разница между средневековой Англией и Англией раннего Нового времени. Впервые имена рабов перечисляются в документе 880 года: «Альмунд, Тидульф, Тидех, Лулл, Лулл и Гэдвульф» были доставлены на земли, принадлежащие епископу Винчестерскому. Рабство, собственно, было официальным наказанием, налагаемым, к примеру, на тех, кто не смог выплатить свои штрафы. Фермер, у которого не было ни пенни, мог продать в рабство детей. По предполагаемой оценке, 12 % населения Англии были рабами.

Таким образом, земля создала экономику подчинения. Рабы, как и быки и овцы, считались «живыми деньгами».

Ко времени правления Этельстана страна была разделена на ширы, сотни и виллы или приходы. Это разделение было необходимо для удобства сбора налогов. Ширы в Англии были единственными в своем роде, они более тысячи лет оставались в пределах своих границ до административной реорганизации 1974 года. Самые первые из них возникли в конце VII или начале VIII века, но многие границы широв уходят далеко в прошлое — к племенным королевствам железного века. Таким образом можно убедиться в постоянной преемственности истории Англии. Хемпшир древнее, чем Франция. Другие ширы, как, например, центральные графства, возникли позднее, но все равно они очень древние.

Изначально шир был военным районом, но также служил и королевским целям, таким как сбор налогов и отправление правосудия. В каждом шире был суд и боро — главный город; у шира могла быть собственная армия, он управлялся от имени короля ривом шира (*shire-reeve*), который позже превратился в шерифа. Далее шир делился на сотни: теоретически предполагалось, что

каждая сотня состоит из ста домохозяйств или может обеспечить сто солдат во время войны. Сотни подразделялись на десятины, состоящие из десяти домохозяйств. Управление всей страной могло быть передано маленьким группам людей, которые преследовали воров с криками «держи!», «лови!» и отвечали за поведение друг друга. Это было непременной основой местного управления в Англии, по крайней мере на следующую тысячу лет.

Люди из сотни собирались на открытом воздухе в древних местах собраний, и некоторые из сотен были названы по доисторическим могильным холмам или курганам, расположенным неподалеку. Например, в Дорсете имеются Хандредсбарроу и Лузбарроу. Название Доддингтри в Уилтшире восходит к «дереву Дудды». Название Брикстона происходит от выражения «камень Бритсиджа». Из этого можно предположить, что своими корнями сотни уходят глубоко в прошлое и что они отражают первозданную организацию страны. Поскольку деление на сотни осталось неизменным, хотя теперь и редко используется для административных целей, можно сказать, что сотни являются еще одним доказательством того, что мы все еще живем в доисторических

реалиях. Совет сельского округа — на самом деле очень древнее образование.

В X веке положение вещей изменилось. Когда-то страна была разделена на очень крупные земельные владения, которые управлялись королем, аристократом или епископом; эти наделы в тысячи акров напоминали первоначальные территории племен, их границы были отмечены погребальными холмами древних вождей. Во времена правления Этельстана эти участки были раздроблены на более мелкие. Земли дарились приближенным короля или аристократам как награда за службу, размер такого дара составлял примерно 600 акров (243 гектара). На этой земле новый владелец строил себе резиденцию и организовывал сельскохозяйственные работы. В X веке такие новые землевладельцы назывались тэнами, в XIV столетии они стали владельцами поместий, в XVIII — сквайрами, а в XIX — сельскими помещиками.

Тэны были гораздо сильнее связаны со своей землей, чем большинство постоянно отсутствующих землевладельцев предыдущей эпохи. Чтобы легче было расселить и контролировать своих работников, они создавали в своих владениях деревни, которые занимали место рассредоточен-

ных ферм и селений. Деревни существовали и в период римского господства, подобные поселения можно было найти и в железном веке. Все по-прежнему решает преемственность. Но деревни стали — по большей части — отличительной чертой английского сельского пейзажа только в IX и X веках. Все нынешние деревни (за исключением тех, которые появились во время промышленной революции) уже существовали в XII веке. Если глубже копнуть деревенскую почву, обнаружатся ее древние корни. Некоторые поселения — пусть и не большинство — существуют тысячи лет. Впрочем, на некоторых территориях таких нет. В срединных землях Англии — от Нортумберленда до Уилтшира — множество деревень, но вдали от этих огромных открытых пространств, на севере и на западе, преобладает пейзаж времен железного века: рассредоточенные фермы и маленькие селения.

Тэн строил свою резиденцию из дерева; к ней примыкали более мелкие строения; это поместье защищалось валом и рвом, а также частоколом. Он строил маленькую церковь, также деревянную, со звонницей, чтобы собирать работников на молитву и планировать их день. Наконец, он учреждал собственный суд. Выкапывался

колодец, и буквально на глазах возводилась мельница, чтобы молоть зерно. Но такая деревенская жизнь вовсе не была спокойной и идиллической: для самых бедных жителей это была своего рода тюрьма на свежем воздухе. Крестьяне жили в домах, практически не отличающихся от деревянных хижин, в которых вместе с людьми обитал скот. Пахарь в тексте XI века проклинает свою мучительную жизнь: он живет в страхе перед «своим лордом» и должен вспахать акр земли или больше даже в самую холодную погоду. Мальчик, который криком понукает впряженных в плуг быков, срывает голос.

Труженики медленно понижались в статусе; два дня каждую неделю они работали на своего лорда в обмен на дом и крошечный участок земли, с которого кормилась вся их семья. В их обязанности входили сбор урожая и вспашка земли, перевозка грузов гужевым транспортом, косьба и сушка сена, стрижка овец и сооружение стойл для быков. Кому-то могли приказать полоть сорняки или копать канавы, бегать на посылках или чинить изгороди. Свободные фермеры, разумеется, по-прежнему существовали, но бóльшая часть сельских жителей была измучена нуждой, невзгодами и неверными судебными

решениями. Требовалось платить подати. Скоту все время угрожал падеж, а земле — неурожай. Жизнь мелких фермеров была очень ненадежна. Без сомнения, многие из таких ферм скупали более крупные землевладельцы. Просто невозможно описать невероятную сложность классов и подразделений среди работающего населения. Достаточно понимать, что это было общество с разветвленным делением и с некоторым варьированием в степени свободы или несвободы, и в этом обществе абсолютно на каждого человека налагались определенные требования от вышестоящих.

История деревни настолько переплетена с историей полей, что их невозможно отделить друг от друга. После того как деревни пришли на место маленьких селений, во многих ширах большие поля были разделены на полосы, занявшие место старых прямоугольных участков. Хозяин поместья, разумеется, владел большей частью земли, но оставшиеся наделы по жребию распределялись среди отдельных крестьян. Таким был самый справедливый и организованный способ разделить земли. Также для того, чтобы эффективно вспахать поля, нужно было сделать их доступными для больших команд землепаш-

цев. Интересы общины и лорда ставились выше интересов отдельных людей. Процедура распределения наделов учитывала и севооборот, так что участок, который один год стоял под паром, на другой засеивался. Такая система общих полей, поддерживаемая силой традиций и общинными соглашениями, продержалась до принятия законов об огораживании[20] в XVIII веке.

Другие стороны английской жизни также были определены более четко. Города, большие и малые, приобретали свои характерные особенности. Первые выросли из римских городов; вторые развились из боро, учрежденных королем Альфредом; третьи появились на местах крупных торговых поселений на побережье или вдоль рек, а четвертые просто были частью разросшихся монастырских комплексов. В последние три десятилетия X века они расцвели, пользуясь преимуществами общего роста населения и благосостояния во всей стране.

В городах теснились жилые дома и мастерские. В Кентербери дома стояли на расстоянии 0,6 метра друг от друга, то есть места хватало лишь для того, чтобы потоки дождя свободно

[20] Примечания: 20

Огораживание — изъятие общинных земель лордами. Крестьяне, лишенные земли, вынуждены были идти в наймиты. — *Прим. ред.*

лились с карнизов крыш. Наличие изделий из стекла и глины, из металла и кожи позволяет предположить существование настоящей городской общины. Население Норвича и Линкольна составляло примерно 6000 человек, а Лондона и Йорка — ощутимо больше. В других городах людей было скорее несколько сотен, а не тысяч. Но они жили вместе, несмотря на отсутствие сельскохозяйственных или имущественных связей; это особенно очевидно проявляется в том, что жители городов считались свободными. Над ними не было другого господина, кроме короля. Рука монарха на самом деле простиралась повсюду, поскольку многие города были созданы королем, их улицы и защитные валы строились по королевскому распоряжению. Они стали машинами для делания денег, получаемых с налогов и торговли. Там, где есть деньги, есть иерархия и власть. Города получили самоуправление, в них были собственные суды и рынки, находящиеся в руках старшин или «сеньоров», которые группировались в гильдии. Это была новая форма родства в стране, которая пересматривала свое племенное естество.

Не случайно именно в этот период появились английские приходы. Они являются частью

того же стремления к ясности и контролю — к дисциплине, — которое сопровождает рост объединенного королевства, управляемого сильным королем. Нельзя отделить религию от социального расслоения. Церковь, построенная тэном, становилась приходской, и система приходов сама по себе напрямую произрастает из поместий и деревень, распространившихся по всей стране. К XII веку эта организация была полностью завершена. Приходы стали центрами деятельности общины. Они сохранялись неизменными вплоть до последних десятилетий XIX века. Крупные минстеры и монастыри пришли в упадок или изменили свои функции, и к IX веку деревенский пейзаж украсили маленькие церкви. Чаще всего они строились из бревен, не покрывались штукатуркой, и представляли собой прямоугольное пространство, разделенное на одну или две клети. В XI веке дерево заменил обработанный камень, и внутренние помещения церквей стали расписывать и украшать.

Церкви не всегда служили для религиозных целей. В современной литературе предполагается, что их могли использовать и в качестве залов собраний, крытых рынков и даже как питейные заведения. Приходские священники

сами зачастую бывали неграмотны, и на них много жаловались из-за их пьянства и рукоприкладства. Они часто женились. Они могли быть рабами хозяина поместья. В любом случае, когда эти священники находились за пределами своей церкви, они едва ли значительно отличались от слуг лорда, работающих в полях. Они носили ножи. Они управляли жителями деревни во всех смыслах. Эти «служители мессы», как их называли, должны были обучать детей катехизису, совершать таинства и учить началам христианской веры. Но во многих приходах к таким святым отцам относились как к «хитроумным людям», занимающимся сельской магией. Они были не менее сведущи в варварских традициях, чем в христианских обрядах. Трудно осознать истинную приземленность жизни в те века, когда люди и скот спали под одной крышей и священник мог быть небритым прохвостом.

В IX и X веках люди носили длинные волосы. Если человек завязывал их, он получал штраф, а насильственная стрижка волос считалась таким же преступлением, как отрезание носа или уха. Одежда была простой и состояла чаще всего из плащей и туник, сделанных из шерстяных тканей, хотя богачи щедро украшали себя кольцами

и брошами. Когда в VIII веке некие англичане попали в плен в Сирии, местные жители приходили на них посмотреть и восхищались красотой их одежд. На руки и лица и мужчины, и женщины наносили татуировки. Женщины побогаче носили длинные струящиеся туники, украшенные золотом, а головы покрывали шелковыми или льняными платками, которые оборачивали вокруг шеи. Люди обоих полов любили яркие цвета, такие как пурпурный, зеленый и розовый. И мужчины, и женщины увлекались духами. Тяжкое пьянство было распространено повсюду, как и в любой другой период английской истории. Половина людей умирала, не дожив до тридцати лет, а 90 % не доживали до пятидесяти. Смерть всегда была поблизости.

6
Королевская мера

В начале XII века, во время правления Генриха I было объявлено, что ярд (0,9 метра) должен составлять «расстояние от кончика носа короля до большого пальца его вытянутой руки». Но что же придавало королям Англии такую значимость, что давало такую власть? Они представляли свою страну как физически, так и духовно. Они были ее воплощением в деньгах и в судебных процессах, в землевладении и в религиозной жизни. Историю Англии невозможно написать, не дав подробного отчета о ее владыках. В течение многих веков было невозможно представить себе страну без короля. Считалось, что здоровье сюзерена оказывает влияние на здоровье всего королевства в целом и что скрытые пороки величества могут вызвать национальное бедствие. Образ Англии можно представить в виде многократно увеличенной фигуры короля.

Когда возникла королевская власть, неизвестно. Опираясь на материальные свидетельства памятников эпохи неолита, мы можем заклю-

чить, что властители были на этой земле уже в четвертом тысячелетии до н. э. Кто когда-то лежал в великолепных погребениях Саттон-Ху или Эйвбери? Короли мертвых тоже ушли в землю.

Затем появляются проблески царственного превосходства. Первые саксонские короли заявляли, что они ведут свое происхождение от богов, а именно — от Одина. Считалось, что они обладают магической силой. Даже считающийся святым Эдуард Исповедник ведет свой род от языческого Одина. В более отдаленные времена король мог быть главным жрецом своего племени. Похоже на то, что его настоящей женой считалась богиня, и ему дозволялось обладать любой женщиной, какую бы он ни выбрал. Это, возможно, помогает объяснить промискуитет более поздних английских королей: практически до настоящего времени им всегда позволялось иметь любовниц. Более того, от них этого даже ждали.

Саксонские короли были жестокими людьми, воинами по своей сути, но они обрядили себя в доспехи божественной власти. Королевские флаги несли перед ними, куда бы они ни шли. С X века короли брали классические имперские титулы, такие как цезарь, император, басилевс и Август. В их великолепии мы можем увидеть

следы древних британских королей, сочетающих злобность и мстительность с заклинаниями и ритуалами. В сущности, владыками того же типа были Генрих VIII и Елизавета I.

Здесь существует преемственность. Обещания, которые король Эдгар давал на своей коронации в 973 году, были повторены в хартии Генриха I во время его коронации, начиная со слов «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Я обещаю три вещи всем моим христианским подданным! Первое: церковь Господа нашего и все христиане в моих владениях должны хранить мир!» Церемония, проведенная архиепископом Дунстаном во время коронации Эдгара в Бате, стала основой всех последующих коронаций. Большая часть этого ритуала, например, была использована во время коронации Елизаветы II в 1953 году. В своих записях, в особенности в предисловии к переводу «Монологов» Блаженного Августина, Альфред размышлял о божественной власти короля, который ближе к Богу, чем любой другой человек в его королевстве; в самом деле, самого Господа можно рассматривать как «наиболее могущественного короля». Проклятые души в Судный день сравнивались с людьми, которые «осуждены пред лицом какого-либо короля».

От поколения к поколению передавалась одна и та же мысль. Монарх должен быть помазан освященным елеем и получить божественную власть; он (или она) избран Богом, а не людьми, и освящен Святым Духом. Именно поэтому с X века короли организовывали и контролировали монастыри и епископства; сила и единство нации вещественно подкреплялись союзом светской и духовной власти. Верхушка духовенства служила королю, помогая ему в войне и мире. Он был воплощением самого Христа.

Главной задачей короля было, бесспорно, вести своих людей в бой. С помощью распределения земель и богатств он делал страну более сильной и более достойной милости Господа. Все земли принадлежали ему. Он владел всеми дорогами и мостами, всеми монастырями и церквями, всеми городами и реками, всеми рынками и ярмарками. Именно поэтому с самых давних времен Англия контролировалась с помощью скрупулезной и сложной системы налогообложения. Даже монета чеканилась от королевского имени. Голос короля был гласом закона; он мог сказать, что хранит законы земли в своей груди. Так через много веков после своих саксонских предков заявил Ричард II.

Таким образом, Вильгельму Завоевателю не нужно было заново создавать особую роль сильного, централизованного короля; он просто должен был разыграть ту партию, которая уже была готова для него. Он короновался три раза в один и тот же год на церемонии, известной как праздничная коронация; мы можем представить себе картину, на которой король в своем молчаливом величии принимает клятву верности у своих великих лордов. Такие же торжественные коронации были в VIII веке, но, возможно, происхождение этого ритуала можно проследить еще дальше. Три дня в году — Рождество, Пасха и День Святой Троицы — языческие короли Севера приносили ритуальные жертвы во имя своих людей. Таким образом, королевский сан имеет очень древние корни. Принято считать, что Вильгельм Завоеватель следовал традициям франкской, римской или византийской цивилизации; тем не менее вполне возможно, что его настоящих предшественников можно найти среди тех, кто приказал построить Стоунхендж.

Анжуйские короли — линия Генриха II, Ричарда I и Иоанна I — инстинктивно поддерживали и даже усиливали ощущение божественности королевского сана. Все они были своенравными

и безжалостными правителями, которые регулярно использовали ресурсы своей страны для поддержания собственной значительности. Ричард был первым королем, который использовал местоимение во множественном числе «мы» при составлении королевской хартии. Иоанн был первым, кто назвал себя королем земли, а не королем народа. Конечно, во время царствования Иоанна абсолютной королевской власти был брошен вызов его баронами, но эта власть не исчезла с его смертью. Она лежала в основе запутанной системы престолонаследия и династической борьбы следующих поколений; королевская власть по-прежнему была вопросом того, что возможно, а не вопросом того, что правильно или справедливо. В XIII веке впервые был применен принцип первородства, то есть наследования престола старшим сыном. Власть короны была закреплена во времена правления Генриха IV, Генриха V и Эдуарда IV. Ричард II был монархом, который больше других стремился подчеркнуть божественные права короля.

Не было никакого движения к более либеральному или благожелательному монарху, действующему в союзе с великими магнатами страны. Когда в начале периода, который стал

известен как правление династии Тюдоров, для этого появились подходящие условия, король снова держал в своих руках всю власть и силу так же крепко, как любой нормандский монарх.

Верование в то, что своим прикосновением король может исцелять золотуху, возникло в какой-то момент в XII веке, хотя Эдуард Исповедник был наделен чудесными способностями гораздо раньше. Возможно, что Генрих II был первым королем, который проводил ритуальные излечения пораженных этой болезнью, и один из его придворных написал, что «королевское благословение» проявилось «уменьшением сыпи в паху и исцелением от золотухи». Традиция поддерживалась как минимум до 1712 года, когда королева Анна коснулась трехлетнего Сэмюэла Джонсона, страдающего эти заболеванием. Джонсон оставался роялистом до конца своей жизни.

7
Приход захватчиков

К концу X века Англия была богатой и процветающей страной. Поэтому обитатели Дании по-прежнему приходили сюда в поисках сокровищ и рабов; они в равной степени сражались как против англичан, так и против ассимилировавшихся данов. Набеги время от времени повторялись в 980-х годах, и во время одного из таких нападений был сожжен Лондон. Это был один из многочисленных великих лондонских пожаров. В 991 году армия данов разбила силы Эссекса, что нашло отражение в горестном стенании в великой английской поэме, озаглавленной «Битва при Мэлдоне»[21]:

Духом владейте,
доблестью укрепитесь,
сила иссякла —
сердцем мужайтесь…[22]

---

[21] Примечания: 21
Сейчас принято написание *Молдон. — Прим. ред.*

[22] Примечания: 22
Пер. В. Г. Тихомирова.

В этой поэме отражается весь стоицизм и все мужество воина X века. Он приезжал на поле битвы верхом на лошади, а потом спешивался, чтобы сражаться; он убивал врага вместо того, чтобы брать его в плен. После знаменательного поражения под Молдоном король Англии Этельред был вынужден просить о мире. Викинги хотели денег, и Этельред согласился выплатить им 22 000 фунтов золотом и серебром. Переговорам очень способствовало то, что английский король понимал древнескандинавский язык. Система налогообложения зарождающегося государства была приведена в действие, чтобы собрать дань, которая стала известна как данегельд, или «датские деньги».

Это был в точности тот же метод, которым воспользовался Альфред, когда потерпел поражение, но Этельред не был столь удачлив или, может быть, столь проницателен, как его предок. Его прозвали Неготовым или, если быть более точным, Неразумным, и, возможно, на самом деле он был виноват только в том, что следовал плохим советам. Лидеры королевства, эрлы или графы, которые управляли ширами, были слишком разобщены, чтобы противостоять датской угрозе. Тем не менее в правовых и администра-

тивных делах Этельреду служили лучше, и его царствование знаменито своими сводами законов и хартиями. Также у него помимо двора воинов был двор поэтов и музыкантов. Мы могли бы назвать его Этельредом Неудачливым, с той лишь оговоркой, что короли должны создавать свою удачу сами.

Король Дании был именно таким творцом своей удачи. Когда он осадил Лондон в 994 году, Этельред снова вынужден был раскошелиться. Это уже становилось обычаем. И даны теперь знали, что Англия настолько же труслива, насколько богата. Именно поэтому все их атаки теперь были нацелены именно против нее. В последующие годы нападения продолжались, пока датский король не добился трона. Этельред фактически направил историю Англии по другому пути, когда в 1002 году женился на дочери герцога Нормандии Ричарда I. Он сделал это, чтобы обезопасить юго-восточное побережье, но благодаря этому союзу судьба Англии стала неотделима от судьбы Нормандии.

В начале XI века Англию заливали потоки крови. Авторы хроник писали только о жестокости и свирепости захватчиков-викингов, о разоренных монастырях и сожженных городах. В год своей

женитьбы Этельред приказал в качестве мести за эти нападения устроить массовую резню данов, живущих в Англии; во время этой бойни говорилось, что «каждый церковный приход может избавиться от собственных блох». Десять лет спустя архиепископ Кентерберийский[23] был убит датскими войсками и стал одним из первых мучеников английской церкви.

В 1013 году король Дании Свен Вилобородый счел, что Англия повергнута в хаос и разруху. В ширах царил беспорядок, а их лидеры не были способны прийти к соглашению по поводу стратегии. Сам Этельред, казалось, колебался между тем, чтобы заплатить врагам, и тем, чтобы убить их. Английский епископ Вульфстан, который называл себя Люпус, то есть Волк, произнес проповедь, в которой заявлял, что «солдаты, голод, огонь и потоки крови — со всех сторон. Воровство и убийство, чума, болезни, наветы, ненависть и грабежи приводят нас всех в отчаяние». Это было наказание Господне, павшее на грешных людей. Благородные попусту тратили свои силы в погоне за роскошью.

Итак, Свен Вилобородый приплыл вместе с

---

[23] Примечания: 23

Речь идет о святом Альфедже (Элфидже) (954–1012). — *Прим. ред.*

огромным флотом и своим сыном Кнудом. Они прибыли во всем своем великолепии, на кораблях, богато изукрашенных золотом и серебром, с ярко сияющими щитами; когда на прибывших падали лучи солнца, слепило глаза. Датчан сопровождали восхищение и ужас. Свену Вилобородому присягнули все жители Данелага, и Этельреду пришлось искать защиту за стенами Лондона, а потом бежать в Нормандию. После смерти Свена он вернулся в Англию, но молодой Кнуд доказал свою силу ему и его сыновьям. По их телам датчанин в 1016 году добрался до трона. После смерти Этельреда и его сына Эдмунда Железнобокого, который ему наследовал, длинная родословная ранних английских королей подходит к концу. Потомки Альфреда, сыновья Одина правили страной в течение 145 лет. Ни одного из них не объявляли тираном.

Первые дела короля Кнуда были в самом деле кровавыми. Он перерезал самых влиятельных благородных людей Англии вместе с детьми, чтобы раздать их владения своим сыновьям. Захватывая заложников, он часто калечил их, прежде чем освободить. Он был настолько же хитер, насколько и жесток; власть часто использует веру в своих целях, и после своего обращения

в христианство Кнуд неустанно жертвовал на церкви. Когда он переступал порог огромных монастырей, согласно хроникам, он опускал глаза к земле, и из них начинали течь «целые реки слез». Слезы эти лились не просто так. Кнуду была нужна английская церковь, чтобы утвердить свою духовную власть как законного короля. Также он укрепил свое и без того сильное положение, женившись на вдове Этельреда Эмме Нормандской. Но ему досталась страна, которая в течение тридцати лет страдала от постоянной войны и набегов и жаждала мира любой ценой. Цена эта оказалась огромной. Кнуд затребовал у широв более 82 000 фунтов, чтобы оплатить содержание своей армии.

Затем он начал приводить королевство в порядок. Он разделил страну на четыре военных района и поставил выбранных им самим людей — своих телохранителей — управлять ширами вместо английских тэнов. Англичане снова оказались в подчинении. Кнуд теперь был полноправным великим императором. Он объявил себя повелителем Шотландии, Ирландии и Уэльса. Одним из шотландских вельмож, платившим Кнуду дань, был Мэлбит, более известный следующим поколениям как Макбет. Также Кнуд был

властителем Дании и Норвегии; таким образом, была сформирована Скандинавская империя, частью которой была Англия. Он выдал свою дочь замуж за германского императора[24] и побывал на его коронации в Риме. Он был известен как Кнуд Великий, но прекрасно знал, где проходят границы его величия. История короля, которому не удалось повелевать волнами[25], завершилась на берегу Темзы, где стоял его замок. Он умер зимой 1035 года, и считается, что его кости покоятся в Винчестерском соборе.

Правление двух сыновей Кнуда Гарольда Заячья Лапа и Хардекнуда было коротким и бесславным, подтверждая распространенное мнение о том, что сыновья властных отцов часто бывают слабыми и неуверенными в себе. Хардекнуд был только половиной Кнуда. Их с братом царствование стало всего лишь прелюдией к более долгому правлению Эдуарда, получившего прозвище Исповедник. Новый сюзерен был сыном Этельреда и Эммы; таким образом, он

---

[24] Примечания: 24

Имеется в виду Генрих III Черный (1017–1056), император Священной Римской империи. — *Прим. ред.*

[25] Примечания: 25

Согласно преданию, о Кнуде Великом говорили, что он мог бы повелевать даже морем. В ответ король продемонстрировал придворным, что волны его не слушаются, и упрекнул их в лести. — *Прим. ред.*

наполовину принадлежал Англии, а наполовину — Нормандии. Он был связан кровными узами с королем Уэссекса Эгбертом, дедом Альфреда, но также был и викингом, поскольку норманны когда-то были викингами-переселенцами.

В любом случае его симпатии были на стороне герцогства Нормандия, где он прожил двадцать восемь лет. Он прибыл в Лондон в сопровождении нормандцев, ознаменовав таким образом начало Нормандского завоевания. В течение нескольких лет после его коронации на Пасху в 1043 году три нормандских священнослужителя получили епископства в Англии, а также несколько иностранных магнатов стали владельцами английских земель; они следовали своим традициям и строили замки, а не дома. Новый король подарил порты Суссекса аббатству Фекан в Нормандии и дал торговцам из Руана собственный лондонский порт в Доугейте. Первый акт драмы, разыгравшейся в XI веке, начался. Вторжение 1066 года стало завершением длительного процесса.

Тем не менее эрлы Англии — великие магнаты, которые контролировали ширы, — по своей природе противились нормандским чужакам. В их числе были Годвин, эрл Уэссекса, и Леофрик,

эрл Мерсии. Годвин был женат на благородной датской даме, а Леофрик был связан через брак с женой Кнуда. Даны и англичане были близки к тому, чтобы стать единым народом. Это подтверждается тем, что в битве при Гастингсе даны сражались бок о бок с англичанами.

Два эрла давно исчезли из памяти потомков, но достаточно любопытно, что память о жене Леофрика сохранилась в легендах. Леди Годгифу, более известная как леди Годива, проскакавшая через рыночную площадь Ковентри, прикрывшись только своими длинными волосами, стала одним из самых любимых персонажей английских историй. Она сделала это, чтобы заставить мужа снизить налоги, которыми облагались граждане. Также говорилось, что Годива приказала закрыть и занавесить все окна, чтобы, слыша ее приближение, никто не смотрел на нее; один человек нарушил это требование и впоследствии стал известен как «подглядывающий Том». Таким образом в словарь вошло новое выражение. Конечно, в этой легенде нет правды, за исключением того, что Годива действительно была «леди Ковентри» в XI веке. Почти тысячу лет спустя «черный орел» Леофрика все еще является частью герба города.

Если эрлы Англии в глубине души были настроены враждебно по отношению к нормандским пришельцам, то одновременно они не хотели и войны, и беспорядков. Когда Годвин из Уэссекса начал мятеж против Эдуарда, другие магнаты присоединили свои войска к королю и заставили Годвина бежать в Брюгге. Лидеры страны боялись открытой гражданской войны, а также боялись еще одного вторжения викингов. Именно поэтому они не сражались друг с другом. Эти узы общей верности помогли стабилизировать королевство и обеспечить выживание Эдуарда. Когда Годвин умер, графство Уэссекс унаследовал его сын Гарольд; его правление как короля Англии стало одним из самых коротких в истории страны.

Как монарх Эдуард Исповедник произвел достаточно слабое впечатление на английских хронистов. При жизни он едва ли вообще оставил какой-то след в стране. О его характере и натуре известно очень мало. Тот факт, что он выжил в таком грубом и жестоком обществе, предполагает, что он обладал изворотливостью и способностью приспосабливаться. Его назвали Исповедником, потому что считалось, что он рожден, чтобы стать свидетелем силы воздействия христианской веры, но в жизни Эдуард был не слишком

набожным королем. В одной хвалебной поэме его описывают как «чистого и мягкого»: чистого — потому что он не был развратным и не имел детей, а мягкого — потому что он был милосерден. Но он не был религиозен. Он делал пожертвования аббатствам и монастырям только в той мере, какая от него ожидалась. Эдуард не проявил особого таланта в дипломатии или управлении. У него не было никакого великого плана; он действовал из-за опасности, по необходимости, осмысленно реагируя на любой кризис. У него не было никаких принципов, помимо собственных интересов и выживания. Его наставниками были шанс и удача. В этом он не похож ни на одного из английских королей. Возможно, это был самый важный урок в истории страны.

После смерти Эдуарда жизнь в Англии перешла на новый этап. В период с VIII по XI век было сформировано самосознание нации. Эдуард Исповедник был *rex Anglorum*, «королем Англии», а его люди были *anglica gens* (англичанами); он контролировал *Anglorum exercitus* (армию Англии) и *anglicanum regnum* (Английское королевство). В этот период также полностью оформились фундаментальные компоненты Английского государства — шир, сотня и десятина. Англия

была уникальна и имела отличительные черты сильного государства. Английские законы были вынесены на обсуждение и зафиксированы в тщательно разработанных кодексах, которые содержали и законы о собственности и наследовании, остававшиеся практически неизменными в течение многих сотен лет. Искусство и литература этого времени, в том числе «Беовульф» (датируемый примерно VIII веком) и Линдисфарнское Евангелие (начало VIII века), стали частью культурного наследия Англии. Что куда важнее, в стране сложились свои традиции, которые бережно сохранялись. Неотъемлемая преемственность английского народа продолжалась.

Кому Эдуард оставил корону? Вопрос так никогда и не был решен удовлетворительным образом. Сообщалось, что на смертном одре он назвал в качестве своего наследника Гарольда, сына Годвина. Гарольд на самом деле не был законным наследником; эта честь досталась внучатому племяннику короля Эдгару Этелингу, которому на тот момент было всего четырнадцать лет. В свою очередь, Вильгельм, герцог Нормандии, заявил, что Эдуард предлагал корону ему и что Гарольд поклялся на святых мощах передать ее

Вильгельму. Поскольку историю пишет победитель, эта версия была общепринятой. Но, по всей видимости, правдивой она не является.

В любом случае Гарольд считал себя достойным более великого предназначения, несмотря на то что не принадлежал ни к одной королевской династии. Он был старшим эрлом в стране, эрлом Восточной Англии и эрлом Уэссекса, владел огромными землями и большим состоянием. Он был шурином умершего монарха, и при жизни Эдуарда считался *sub-regulus*, или «под королем». Хроники сообщают, что Гарольд был свободным и открытым по натуре, и его действия доказывают, что он был умел и храбр в военном деле. В 1063 году он вместе со своим братом Тостигом подчинил Уэльс. Поэтому 6 января 1066 года в день похорон Эдуарда Гарольд был коронован как король Англии; это была первая коронация, которая состоялась в недавно освященном Вестминстерском аббатстве. Тем не менее это счастливое совпадение не обязательно должно было служить хорошим предзнаменованием. Правление Гарольда, продлившееся девять месяцев и девять дней, было одним из самых коротких в истории Англии.

Над королевством нависли две угрозы. Одна

исходила от скандинавских королей Северной Европы, мечтающих восстановить империю Кнуда, другая — из Нормандии, чей герцог Вильгельм, казалось, чувствовал себя уязвленным или обиженным, когда Гарольда выбрали королем. Говорили, будто бы, услышав эту новость, он был очень взволнован. Вильгельм не мог усидеть на месте. Он был в ярости. Им владели жадность и желание властвовать.

Вильгельм был сыном насилия и невзгод. В свои ранние годы он был известен как Вильгельм Бастард, незаконнорожденный сын герцога Нормандии и дочери скорняка. Сам Вильгельм говорил: «Войне я научился с детства». Он унаследовал герцогство в семь или восемь лет. Вильгельму досталась власть в регионе, который был отмечен родовой междоусобицей и кровной местью, а также — как следствие — общественными беспорядками. Но благодаря силе характера он подчинил своих врагов. Первую победу на поле брани молодой герцог одержал в возрасте девятнадцати лет, приведя соседние регионы Мэна и Бретани в феодальную зависимость. Он был мужчиной огромной силы, беспощадным, жадным до земель и до денег. Но у него был один великий дар: он умел командовать и был спо-

собен подчинять людей своей воле. Если они отказывались следовать за ним, он их сокрушал.

Нормандия по-прежнему, в сущности, оставалась скандинавским государством, сформированным в начале X века, когда норвежские завоеватели проходили через эти территории и получали разрешение поселиться на них. Нормандцы в самом деле были людьми с севера. Они были частью воинской аристократии, их культура и общество были далеко не такими утонченными, как в Англии. Но они обучились новому искусству ведения войны, в котором англичане не так поднаторели. Герцог Вильгельм собрал разрозненные районы своей страны и, сочетая агрессивность и хитрость, превратил их в централизованное государство под своей властью. Он был великолепным экземпляром «сильного мужчины», создателем государства, которое оставалось в памяти во все периоды мировой истории. К среднему возрасту Вильгельм стал крупным мужчиной 1,7 метра ростом с резким и грубым голосом. Он обладал невероятной силой и физической выносливостью. Говорили, что, сидя на лошади, он мог натянуть лук, который другие мужчины не могли натянуть даже стоя.

Этого врага король Гарольд боялся больше всех. У Вильгельма не было никаких иных способов заявить права на английский престол, кроме как вступить за него в войну. И именно этого он и собирался добиться. Это предприятие во многих отношениях было рискованным. У нормандцев не было флота; им предстояло построить более 500 кораблей для вторжения. Также Вильгельм вступал в конфликт с грозным противником: Английское государство было богаче и сильнее и потенциально могло выставить более крупное войско. Исход битвы в любом случае нельзя было предсказать с полной уверенностью, именно поэтому непосредственного столкновения армий приходилось избегать любой ценой — куда лучше было нападать и грабить, чем полагаться на результат одного сражения.

Тем не менее силы герцога Нормандского были практически непобедимы: он склонил на свою сторону феодалов Нормандии, а также нашел во Франции союзников, которые согласились отправиться с ним за море. Взамен Вильгельм пообещал несметные богатства от завоевания процветающей и плодородной страны. Также он заручился и помощью высших сил. Вильгельм убедил папу римского дать свое благословение

готовящемуся предприятию на том сомнительном основании, что Гарольд нарушил священную клятву верности, данную герцогу. Понтифик прислал Вильгельму кольцо, в котором находился волос святого Петра. В то же время герцог поместил свою дочь Сесилию в монастырь в Кане. Таким образом, он как бы пожертвовал дочь Богу в надежде на победу в битве, совсем как Агамемнон принес в жертву Ифигению перед отплытием в Трою.

Вильгельм подготовил огромный флот, который должен был собраться на берегу Ла-Манша в Див-сюр-Мер к середине июня 1066 года. Собранная армия составляла 14 000 человек. Гарольд, зная об угрозе с моря, разместил свой флот на острове Уайт, а наземные войска — вдоль побережья Ла-Манша. Тем не менее французской армии приходилось оставаться в порту из-за неблагоприятных ветров. Когда она в конце концов отплыла в Англию, ветер так разъярился, что флоту пришлось искать убежище в порту Сен-Валери-сюр-Сомм. Там он и оставался до последней недели сентября. Никогда еще вторжение так не преследовали неудачи, и командирам армии Вильгельма, должно быть, казалось, что божественная помощь к ним так и не придет.

Тем временем Гарольд ждал. Четыре месяца он держал свои войска в готовности к неминуемой атаке. Потом, 8 сентября он их распустил. Провиант кончался, и людям было срочно необходимо вернуться на свои фермы. Возможно, Гарольд получил информацию о неудачном плавании флота Вильгельма и рассчитывал, что при том, что приближается сезон штормов, в этом году вторжение не состоится. Вскоре после своего возвращения в Лондон король узнал о другой опасности. Как написано в «Англосаксонской хронике», «Харальд, король Норвегии, неожиданно приплыл с севера к Тайну». 20 сентября Харальд Суровый высадился около Йорка. Услышав эти неприятные новости, Гарольд собрал своих вассалов; он помчался на север, не сходя с лошади ни днем ни ночью и по пути собирая местные силы. Первым признаком, по которому армия данов узнала о его прибытии, была пыль, летящая из-под копыт лошадей. 25 сентября Гарольд догнал врагов у Стамфорд-Бридж, где одержал сокрушительную победу. Это было лучшее проявление его способностей военачальника. Харальд Суровый был убит в том сражении, что положило конец интересу викингов к Англии. «Великий человек, — говорил Гарольд о Харальде Суровом, — и

солидной наружности. Но, думаю, удача от него отвернулась».

Удача самого Гарольда тоже доживала последние дни. В сущности, он был последним английским королем. Только отметив победу над норвежцами, он получил новость о том, что Вильгельм начал свое вторжение. Герцог, возглавляя путь через пролив, повесил фонарь на мачте своего корабля. Нормандские силы высадились в Певенси-Бей в 9 часов утра в четверг, 28 сентября 1066 года. Это было самое судьбоносное прибытие на английскую землю за всю ее историю. Из Певенси-Бей нормандцы на веслах пошли в Гастингс, который считали самой привлекательной территорией. Вильгельм построил там деревянный замок и приступил к разорению окрестных деревушек. Но он не выступал на дорогу в Лондон: его позиция была исключительно оборонительной, он находился рядом со своими кораблями.

Через два или три дня до Гарольда дошли вести о вторжении Вильгельма, он немедленно собрал основные силы своей армии и отправился на юг, чтобы встретить врага в Суссексе. Действовал король очень быстро, но его войска только что сражались в тяжелом бою, в ходе которого

их численность сократилась. Возможно, такая поспешность и стала причиной поражения. Есть некоторая вероятность того, что Гарольд надеялся захватить нормандцев врасплох, как это произошло с Харальдом Суровым; он несомненно пытался зажать их на маленьком полуострове, где находился Гастингс. Король хорошо знал эту территорию: Суссекс был его родной страной, у него здесь были огромные владения. К 13 октября Гарольд достиг своей цели. Он велел местному ополчению Суссекса встретить его у «вековой яблони» на Колдбек-Хилл, но Вильгельм узнал о приближающейся угрозе. Он мог повести свои войска против английской армии, которая еще не вся собралась.

Нормандские войска прошли на виду у английской армии, ждущей на Колдбек-Хилл — самой крупной из доступных высот. Нормандцы построились боевым порядком на южном склоне холма, теоретически их позиция была хуже. Расположение англичан на вершине холма позднее было отмечено высоким алтарем аббатства Баттл; англичане сбились в кучу, тогда как нормандцы соблюдали военное построение. У англичан было шесть или семь тысяч человек, но нормандцы превосходили их числом. Англичане в своей

обычной манере сражались пешими, тогда как у нормандцев было много кавалерии, ожидавшей в тылу.

Итак, началась битва. Нормандцы с криками «С Божьей помощью!» ринулись на англичан, в свою очередь кричащих «Крест Господень, святой крест!». У Вильгельма на шее были надеты святые реликвии. Когда нормандцы приблизились к ним, англичане выставили вперед щиты, чтобы получилась стена. По существу, они стояли в оборонительной позиции, и могло показаться, что англичане просто вросли в землю. Но у нормандцев была другая тактика. Дважды они притворились, что бегут от врага, только для того, чтобы резко развернуться и перерезать своих преследователей. Ядро английской армии тем не менее держалось за свои позиции и сражалось весь день. Потом, в сумерках, Гарольд был убит случайной стрелой. После потери своего лидера солдаты ослабели. Они бежали в ночь. Если бы Гарольд не погиб, то его армия могла бы и победить. Но история не знает сослагательного наклонения.

Вильгельм и его армия оставались на месте в течение пяти дней, а потом выдвинулись на Лондон через Дувр и Кентербери. Теперь герцог

Нормандии был в чужой стране, которая все еще управлялась людьми, не желавшими ему подчиняться; он был окружен врагами. Эрлы северных широв неумолимо ему противились, и так же вели себя люди в самом Лондоне. Поэтому Вильгельм доверился своим жестоким инстинктам; он перешел в наступление и повел кампанию террора. Его выбили с Лондонского моста, и в отместку он дотла сжег Саутуарк. После этого он зажег кольцо огня вокруг Лондона, разорив все деревни вокруг; Вильгельм оставлял за собой разрушение и запустение по всему Хемпширу, Суррею и Беркширу. Строки Книги Страшного суда (Domesday Book) рассказывают историю его продвижения по Англии. Английские лидеры, пойманные в ловушку в Лондоне, теперь были согласны сдаться. Делегация прибыла в Беркхамстед в Хартфордшире и официально сдалась Вильгельму. В конце концов англичанам было не привыкать к иностранным королям, и сменить Кнуда и наполовину нормандца Эдуарда Исповедника на нормандского герцога Вильгельма им вовсе не казалось неприемлемым. Сдаться казалось более предпочтительным, чем сопротивляться и дальше проливать кровь. К тому же после смерти Гарольда они потеряли успешного

военачальника.

Тогда Вильгельм ввел свои войска в столицу. Возможно, лондонцы и оказали ему какое-то сопротивление, но победа была полной. На Рождество Вильгельм был коронован как король Англии в Вестминстерском аббатстве. Впрочем, он оставался вассалом короля Франции как герцог Нормандии. Этот двойной статус принес горькие плоды годы и столетия спустя. С этого времени Англия оказалась вовлечена в дела Франции и Западной Европы, произошло множество кровавых сражений и осад, которые прекратились только после поражения Наполеона в 1815 году.

8
Дом

Британский круглый дом, римская вилла и англосаксонский помещичий дом — многие из этих строений возводились на одном и том же месте в сменяющие друг друга века, и все они ушли под землю. В качестве свидетельств существования древней цивилизации осталось только несколько разрушенных вилл, но большинство этих зданий теперь стали землей, на которой когда-то стояли.

В XI и XII веках обычный дом состоял из одной квадратной комнаты на первом этаже, на втором — еще одна квадратная комната, войти в которую обычно можно было по внешней лестнице. Мебель была простой и едва ли отличалась от предметов обихода в англосаксонскую эпоху. Доска, положенная на козлы, исполняла роль обеденного стола, а деревянная лавка использовалась для сидения. В каменных домах для той же цели могли служить альковы или уступы в стене. Стулья или табуретки попадались очень редко, за исключением почетного стула в домах благородных людей. У некоторых более богатых

семей могли быть сундуки, лари или шкафы; кровать, в сущности, представляла собой мешок соломы, положенный на каркас.

Только у богатых людей были каменные дома с «холлом» на первом этаже. Большинству семей принадлежали деревянные дома, крытые соломой, тростником или вереском; в окнах не было стекла, на ночь для тепла и безопасности закрывались деревянные ставни. Как бы то ни было, деревянные дома всегда были продуваемыми насквозь и закопченными. Как и в каменных, в них было два этажа. Внизу размещались гостиная и кухня, наверху была спальня хозяина дома и всей семьи. Обитатели более бедных жилищ спали на полу, постелью им служили охапки камыша или соломы. Перед домом могла стоять деревянная лавка, где продавались товары и продукты; за домом — мастерская или маленькая мануфактура, где производились эти товары.

У самых бедных не было таких ресурсов, большинство из них жили в глинобитных хижинах, мало чем отличавшихся от хижин первых бриттов. Перед лицом нужды особенно выбирать не приходится. У крестьянских жилищ в деревнях срок существования был очень ограничен: они либо обрушивались, либо заваливались в тече-

ние жизни двух поколений. Они вырастали из земли и поглощались ею. В Хемпшире существовало право собственности, носившее название «право ключа»: если человек успевал построить за ночь хижину или дом и до утра зажечь в нем огонь, тогда его право на жительство в этом месте считалось подтвержденным.

Стиль и способ сооружения крестьянского дома просуществовали много сотен, если не тысяч, лет. Например, еще в начале XX века Томас Харди вспоминал, как строили в его детстве. «То, что называли глинобитной стеной, — писал он, — на самом деле представляло собой смесь извести, глины и соломы, в сущности, это были необожженные кирпичи. Все это смешивалось в нечто вроде тугого теста неподалеку от места, где собирались строить дом. Замешивали как ногами, так и лопатами, месить иногда звали и женщин. Солома добавлялась, чтобы скрепить полученную массу… Потом ее набрасывали вилами на стену, где… ее оставляли застывать на день или два». Когда строение высыхало и затвердевало на солнце, над ним сооружали соломенную крышу. Этот способ использовали бритты еще до прихода римлян. Им же пользовались и англичане времен королевы Виктории.

Размеры скромного дома XIII века по постановлению Вустерского суда от 1281 года составляли 9 метров в длину и 4,25 метра в ширину, один этаж, три двери и два окна. Окна находились с каждой из сторон дома, чтобы их можно было открывать настежь навстречу прохладному бризу и затыкать соломой или папоротником в непогоду. Все члены семьи ели и спали в одной и той же комнате. В тот период нельзя было говорить о существовании какого-либо личного пространства. Дом XIII века, обнаруженный во время раскопок в Беркшире, состоял из одной комнаты 3 на 3,6 метра, а другой дом в Йоркшире имел размеры 3 на 6 метров. Крыша располагалась непосредственно над комнатой, в середине был очаг. В длинных домах того же периода в комнатах размещались не только люди, но и скот, а также хранилось зерно. Их обитатели жили и спали бок о бок с домашними животными.

Дома перестраивались или расширялись, когда для этого находилось время или выпадал подходящий случай. Были возможны определенные усовершенствования, связанные с развитием промыслов и мастерства. Дома XI века строились из глины без использования сруба из бревен; к XIII веку большинство домов сооружались на

бревенчатых каркасах, а менее чем век спустя стены возводили на каменном фундаменте, чтобы уменьшить разрушение и подгнивание. Земляные полы обычно покрывали камышом, который становился таким грязным и влажным, что его называли топью. Первое свидетельство о дымовых трубах пришло к нам с улицы Уайтфриарс, к югу от Флит-стрит в Лондоне; в 1278 году Ральф де Крокерлейн продавал в этом квартале глиняные дымовые трубы.

Тем не менее в основном структура жилища оставалась практически одинаковой в течение многих сотен лет. Мебели было мало, предметы домашнего обихода — несовершенны, ложки и миски обычно делали из дерева сами члены семьи. В доме могло быть несколько медных горшков и чаш. В дневное время кровать использовалась как сиденье. Это было бедное жилье для простой жизни. Возможно, кажется удивительным, что и богатые, и бедные сельхозработники в Англии жили примерно в одинаковых жилищах; каким бы ни было их экономическое положение, они возвращались к древним моделям. Это еще один показатель силы традиций в деревне. В более крупных домах можно было обнаружить ту же приверженность целесооб-

разности: центральный холл, ведущий в более маленькие комнаты. Постепенно произошло одно изменение: к концу XIII века, по крайней мере в больших городах, стали прилагать больше усилий, чтобы проложить дренажные системы и выкопать помойные ямы.

Дома XIV века сохранились в гораздо больших количествах, чем жилища более ранних периодов. Они в большинстве своем были более прочными и основательными по сравнению со своими предшественниками, в Лондоне дома часто бывали о трех этажах и достигали высоты от 9 до 12 метров. Деревенский житель мог бы быть потрясен этими городскими «небоскребами», которые не так давно появились в Англии. С середины XIV века в Лондоне также выросли постройки из маленьких желтых кирпичей. Городской дом богатого торговца этого столетия был украшен, а внутри сиял красками и роскошью; гобелены, занавеси и шторы закрывали стены. На полу лежали плитки, а не тростник: поливная керамика наконец была завезена из Испании и Франции, хрусталь — из Венеции, а шелка — из Персии. Все это очень контрастировало с грубой мебелью обычных английских домов, но вкус к роскоши и ярким цветам все больше распро-

странялся среди зажиточных семей. В XV веке в богатых домах появились такие нововведения, как подушки и гобелены, окрашенная материя и ковры, тазы и ширмы, обшивка стен панелями и обивка для скамеек и стульев. Их цвета по современным стандартам вкуса считались бы не подходящими друг к другу, поскольку ярко-желтый, пурпурный и зеленый уживались рядом. От этого ожидали эффекта яркости и жизнерадостности. Именно поэтому на гобеленах, материях и частях одежды иногда вышивали изображение солнца. В том же духе мужчины часто носили туфли разных цветов. Кирпичи и стекло становились все более распространенными. Открытые очаги сменялись каминами.

Предметы из средневековой жизни все еще можно обнаружить в земле. Следы деревянных табуреток и другой мебели, никуда не пропавшие за сотни лет, были найдены в Винчестере и Беверли. Два замка́ были расплющены топором, прежде чем их выбросили; другой замок починил его владелец. При раскопках находят большое количество средневековых замков и запоров, что говорит о жизни в страхе или, по крайней мере, о подозрениях и предосторожностях. Средневековой жизнью правили ключи.

Команды археологов извлекали из земли подсвечники из свинца или медного сплава. К XV веку такие подсвечники стали крупнее, значит, свечи стали толще. Это, в свою очередь, указывает на рост благосостояния. Таким образом, по предметам материальной культуры мы можем делать далеко идущие выводы. К концу XIII века подвесные светильники из стекла начали занимать место каменных и керамических ламп; в начале XIV века масляные лампы, где фитиль плавал в небольшой лужице масла, стали замещаться свечами. Деревянные сосуды (в основном из ясеня) можно найти повсюду, но стекло стало популярным в более богатых семьях только к XIV веку. Появились стеклянные бутыли, кувшины и, конечно, стаканы. Стеклянные емкости для мочи, в которых ее можно было рассмотреть на предмет нездоровья, также были в достаточной степени распространены.

Есть и другие археологические свидетельства жизни давно умерших людей. Весы для взвешивания монет использовались для того, чтобы обнаружить фальшивку, но позднее были преднамеренно испорчены; возможно, после этого их хозяина выставили к позорному столбу. Сосуды из медного сплава или керамики часто чинили, из

чего можно предположить, насколько в домашнем хозяйстве ценились даже самые дешевые вещи; трещины в керамике заливали свинцом. Железный шлем перевернули, снабдили ручкой и превратили в кастрюлю. Повсюду можно найти веретена, а также иголки и наперстки, оставшиеся от той эпохи, когда и мужчины, и женщины умели шить ткани и кожу. Это было повсюду распространенное и необходимое занятие. Сохранилось множество ложек и черенков ложек, некоторые с узорами или какими-то отметинами, обозначающими их владельца; это дает нам картину общих обедов. На некоторых найденных сосудах написано: CUM SIS IN MEMSA PRIMO DI PAVRERE PENSA — «Когда садишься обедать, прежде всего подумай о бедных». На броши XIII века имеется надпись: «Я брошь, которая охраняет грудь, чтобы ни один негодяй не протянул к ней руку». На кольце XIV века написано: «Тот, кто тратит больше, чем ему принадлежит, убивает себя без единого удара». Свистки, застежки для книг, письменные принадлежности, крючки, петли, сундуки, шкатулки, кожаные туфли — все это молчаливые свидетельства забытой жизни.

Очень часто подобные находки обнаруживаются в подполах или подвалах. Многие из них

выложены кремневой галькой или известью, а в некоторых пол до сих пор выстелен камышом. Есть доказательства существования ступеней, которые вели в такой подвал с улицы, и маленьких окошечек, находящихся на уровне земли. Жизнь ушедших поколений оставляет и другие следы на земле. На потертом полу остались следы от двери, которую кто-то когда-то открывал и закрывал. Давайте войдем.

9
Дьяволы и нечестивцы

Получив свою военную добычу как победитель, Вильгельм приступил к управлению новым королевством. Он конфисковал поместья своих английских противников, в частности тех, кто сражался с ним под Гастингсом. Некоторые из английских тэнов бежали, а других отправили в изгнание. Как это сделал до него Кнуд, Вильгельм собрал большую сумму денег с помощью неожиданно введенного налога. Он был жаден и имел аппетит захватчика. И другие признаки власти вырастали над новыми землями Вильгельма. Куда бы он ни направился, там появлялся замок. Один из таких замков вскоре был построен в самом Лондоне, на берегу сегодняшней Темзы.

Вильгельма поддерживали в его предприятиях многие, кто остался в живых после старого режима. Новоиспеченный король, как и любой иностранный завоеватель до него, понимал, что ему нужны знания и опыт английских администраторов. В первые годы своего правления он нанял английских шерифов. Монастыри по-

прежнему управлялись английскими аббатами, несмотря на то что двое из них сражались при Гастингсе. Регенбальд, глава писарей короля Эдуарда Исповедника, стал канцлером Вильгельма.

Среди англичан нашлись и те, кто хотел сражаться. На юго-востоке страны власть Вильгельма не была преобладающей, а на юго-западе, в Эксетере, нашли себе убежище близкие родственники Гарольда. В 1068 году они воспользовались отсутствием Вильгельма, чтобы поднять знамя мятежа. Главным вдохновителем этой идеи была мать Гарольда Гита, которой помогали ирландцы и, возможно, даже даны. Гита была тетей короля Дании. Вильгельм понимал опасность восстания, которое могло охватить всю Северную и Западную Англию, и сразу же по возвращении привел свою армию к стенам Эксетера. Восемнадцать дней он держал город в осаде, и в конце концов Гита бежала вниз по реке Экс, после чего жители сдались.

Но это было только прелюдией к более значительному восстанию северных графств, когда в 1069 году англичане из этого региона заручились помощью данов, чтобы взять Йорк. Память о Данелаге еще была сильна. Вильгельм маршировал по стране, возводя замки везде, где только

останавливался. Он не стал сразу атаковать Йорк, но применил тактику, которую использовал против Лондона тремя годами ранее: он прошел разрушительным походом по прилегающим землям. Это назвали «опустошением севера», и состояло оно в том, что на своем пути Вильгельм полностью уничтожал и людей, и то, что стояло на земле. Он налетал на них как грозовой шторм. Людей и животных убивали, посевы уничтожали, города и деревни стирали с лица земли. Все запасы продуктов предавали огню, из-за чего голод распространился повсюду; сообщалось о гибели 100 000 человек. Между Йорком и Даремом не осталось возделанной земли, и еще век спустя там стояли руины. Деревни этого региона в Книге Страшного суда описываются как «опустошенные». Как бы то ни было, север больше никогда не поднимался против Вильгельма. Он превратил землю в пустыню и назвал ее миром. Считается, что, лежа на смертном одре, Вильгельм сказал в своей исповеди: «Я накинулся на англичан из северных широв как разъяренный лев».

В опустошении севера Вильгельм вел себя не как король Англии. Он вел себя как тиран. Именно поэтому возникли и другие очаги непокорности, и многие англичане вступили в отряды, кото-

рые сейчас бы назвали партизанскими, чтобы бороться с захватчиками. 10 000 нормандцев пытались контролировать страну с тремя или четырьмя миллионами местных жителей, и все, что было у них в распоряжении, — это жестокая власть и террор. Шпионы и коллаборационисты, показательные избиения и тайные убийства — здесь применялось все разнообразие средств как со стороны оккупантов, так и со стороны мятежников. Английский хронист XI и XII веков Ордерик Виталий писал, что англичане «стонали под нормандским ярмом и страдали от угнетения гордых лордов, которые не подчинялись королевским предписаниям». Нормандские лорды, другими словами, доводили свою власть до крайности. Таким образом, первые четыре или пять лет нормандского правления повсюду шли разговоры о восстании. Англичане бунтовали против Вильгельма каждый год с 1067-го по 1070-й.

Одна волна восстаний получила печальную известность в связи с именем Хереварда. Он устроил себе убежище в болотистой местности около Или, откуда совершал нерегулярные, но кровавые рейды против нормандцев, которых посылали его поймать. Он присоединился к датчанам, высадившимся на побережье, чтобы напасть на аббатство

Питерборо под предлогом спасения его богатств от нормандцев. Хереварда и его банду называли «сильватиками», или лесными людьми. В Или к нему присоединились и другие лидеры английского мятежа, представлявшие собой реальную и заметную угрозу режиму Вильгельма. Более года нормандцы безуспешно пытались выкурить Хереварда из его крепости. Говорят, что он пал жертвой предательства монахов из Или, которые указали нормандцам тайный путь. Разумеется, на самом деле только после продолжительного штурма по земле и по воде крепость была взята, а Хереварда отправился в изгнание. С этого времени Вильгельм назначал только нормандских лордов и аббатов.

Конфискация земель, ранее принадлежавших англичанам, ускорилась. Согласно общепринятому представлению, король владел всей землей в Англии. Это было его королевство. Вильгельм применил этот принцип на практике. К 1086 году оставались всего лишь два английских барона: Коулсуэйн из Линкольна и Таркилл из Ардена; они сумели сохранить свое положение только благодаря тому, что с энтузиазмом сотрудничали с новым режимом. Остальные огромные поместья перешли к небольшой кучке нормандских

магнатов, которые в обмен пообещали предоставить рыцарей для королевской службы. Англия стала милитаризированным государством, обеспечивающим армию оккупантов.

У более мелких английских землевладельцев был шанс сохранить свои поместья, но очень дорогой ценой. Многие из них становились арендаторами земли, которой раньше владели. К некоторым из них и относились соответственно. Элрик был свободным землевладельцем в Марш-Гиббон в Бакингемшире, но к 1086 году он «внезапно и жестоко» начал платить арендную плату новому нормандскому лорду. Хронистом начала XII века Симеоном Даремским было сказано, что «многие люди продают себя в вечную зависимость, благодаря которой могут влачить жалкую жизнь». Все новые нормандские семьи прибывали на открывшуюся для них землю возможностей, и такая политика колонизации продолжилась в XII веке.

Можно отметить и другие изменения. В английском пейзаже появились здания новой формы, а именно замки и церкви. К 1100 году все английские соборы были либо перестроены, либо отстроены заново. Они стали больше и массивнее своих предшественников, неф был длиннее, и

боковые приделы увеличились. Нормандцы строили хорошо, их строения славились крепостью и мощью камня. Огромные, по-римски роскошные круглые арки были символом их торжества. Об этом же говорили массивные стены, ряды колонн, галереи. Беспредельность Даремского собора подавляет вошедшего огромной массой уходящего ввысь камня.

Нормандские замки — это квадратные каменные сооружения с чрезвычайно толстыми стенами и крошечными окнами. Они продавливают под собой землю. Они неодолимы. Они распространяют вокруг себя уныние и даже отчаяние; по словам английской хроники 1137 года, они «были наполнены дьяволами и нечестивцами». Они одновременно являлись тюрьмами и крепостями, судами и казармами. Англичане ненавидели их как твердыни своих захватчиков. Тем не менее это по-своему великолепные строения, появившиеся благодаря желанию властвовать и править, которое было присуще нормандцам в полной мере. В «Англосаксонской хронике» говорится, что Вильгельм обеспечил в стране такую безопасность, что «любой честный человек мог путешествовать по его королевству без увечий, с кошелем, полным золота, и ни один

человек не решался убить другого…».

В английском пейзаже возникли и другие изменения. В стране появились сотни монастырей. Были созданы оленьи парки и садки для кроликов. Огромные участки земли попали под действие придуманного нормандцами «лесного закона», согласно которому все плоды этой земли и животные на ней становились собственностью короля. Любой, кто охотился на оленя или лань, должен был быть ослеплен, нельзя было охотиться на диких кабанов и даже на зайцев, было запрещено рубить деревья и собирать хворост. Закон относился не только к лесам, и в конце концов примерно треть страны стала принадлежать монарху; например, весь Эссекс стал заповедным. К королевским землям относились и Нью-Форест, Эппинг-Форест, Виндзорский парк и «леса» Дартмура и Эксмура.

Короли всегда любили охотиться. Это составная часть их власти. Альфред охотился на диких зверей так же, как он охотился и на датчан. Охота была способом тренировки необходимых на войне навыков в мирной обстановке. Она создавала поле битвы в миниатюре, где проверялись каждый нерв и каждый мускул. Для Вильгельма охота также была коммерческим предприятием:

дичь была дорогим мясом и получить добычу с его угодий хотелось многим. Охота была — да и сейчас, в XXI веке, остается — королевской обязанностью и развлечением. Тем не менее «лесной закон» для англичан был еще одним всеми ненавидимым обложением: они привыкли воспринимать все, что находится в лесах и полях, как свое. Как всегда, от потворства принцев своим желаниям страдали бедные.

С точки зрения языка в стране появилось значительное разделение. Языком правящей элиты был нормандский французский, а их подданные, конечно же, по-прежнему говорили по-английски. Когда-то считалось, что для использования в официальных целях французский полностью заменил английский, но на самом деле английский широко применялся для административных записей наряду с латынью. Но использование лидерами страны одного из диалектов французского имело и другие последствия. Из-за разницы в произношении некоторых английских слов Сноттингем превратился в Ноттингем, Данхолм — в Дарем, Шиптон стал Скиптоном, а Ярроу — Джарроу.

К 1100 году число исконных названий в Винчестере сократилось с 70 до 40 %; возможно,

какую-то роль в этом сыграло присутствие иностранных торговцев, привлеченных процветающей английской экономикой. Вильгельм даже попытался выучить английский, чтобы вершить правосудие, но язык оказался для него слишком трудным. На самом деле в течение веков юридический язык постоянно пополнялся словами, пришедшими из французского, среди которых *contract* (контракт), *agreement* (соглашение) и *covenant* (обязательство). Жаргон, который стал использоваться в судах, получил название «низкого французского». Слова *master* (хозяин) и *servant* (слуга) происходят от французских слов. Французскими являются и *crime* (преступление), *treason* (государственная измена) и *felony* (тяжкое преступление), а также *money* (деньги) и *payment* (выплата). Язык царедворцев был языком бизнеса и исполнения наказаний. Захватчики и местные жители также отличались и своим внешним видом: англичане носили длинные волосы, тогда как нормандские завоеватели коротко стриглись. Но в этом, как и во многом другом, английская традиция в конце концов взяла верх.

Именно поэтому, несмотря на происходящее, в течение XI века очень многое продолжало последовательно развиваться, не затронутое

событиями на поверхности времени. Английские законы и система управления оставались неизменными. Вильгельм провозгласил, что к законам Эдуарда Исповедника следует относиться с уважением, хотя пересмотрел законы Кнуда. У нормандцев едва ли вообще были записанные законы. Им пришлось всему учиться у англичан.

Тэнов теперь называли рыцарями, но изначальный смысл их существования как хозяев земли и судей остался прежним. Имена менялись, но институты власти оставались прежними. Сохранились сотни, ширы, десятины. Остались и шерифы, хотя занимающие эти должности нормандцы могли быть чересчур требовательными к своим ширам. Суды графств действовали привычным образом. Сохранились различные привилегии и традиции больших и малых городов. Налоги, или «гельды», росли, как и раньше. Система военной службы по призыву была прежней. Чеканщики монет в королевстве остались теми же: нормандцы не имели в этом никаких навыков и опыта. Судебные документы и предписания составлялись в знакомой манере. Витенагемот, или парламент основных землевладельцев, сохранил свою древнюю форму. Куда ни взгляни, везде заметны признаки преемствен-

ности, которая является характерной чертой Англии. Основные структуры страны оставались неизменными. Вильгельм, без сомнения, был сильным королем, который насаждал в стране свою власть, но такими же правителями были Кнуд и Этельстан.

Многие достижения, которые обычно приписываются нормандцам, на самом деле являются развитием английских традиций. Много писалось о нормандском феодализме, при котором страна объединяется с военной целью, но большинство особенностей этой системы существовали в Англии еще до нашествия Вильгельма. Основным принципом феодализма был оммаж, когда вассал преклонял колени перед лордом, воздев руки и вложив их своему повелителю в ладони. Коленопреклонение со склоненной головой и воздетыми руками напоминало раскаяние во время молитвы. Вассал обещал стать «вашим человеком за земли, которые я принимаю от вас» и «хранить верность до конца жизни, быть последователем и почитать как своего владыку на земле больше других людей», помимо самого короля. Но в Англии земля всегда давалась в обмен на воинскую службу; клятва могла измениться, но социальные обязательства оставались

прежними. Из английской поэзии VIII века мы знаем, что лорд и его люди всегда были неразделимы. Одно значительное изменение все же произошло. Ранее существовала традиция — унаследовать собственность после смерти владельца могли несколько родственников, к XII веку ее всю получал один наследник мужского пола. Все это работало на создание социальной структуры страны.

Основной частью этой структуры была английская церковь. Вильгельм провел ряд нормандских реформ, а также поставил во главе ее нормандских священников, чтобы держать религиозные общины страны в строгости и порядке. К 1087 году только трое из двадцати одного аббата были англичанами. Не все из новых аббатов симпатизировали своей английской пастве. Аббат Аббингтона отказался праздновать дни некоторых английских святых, сославшись на неотесанность англичан. В Гластонбери новый аббат использовал нормандских лучников из своей охраны, чтобы укротить своих монахов, протестовавших против новой литургии. Другие охотнее шли на соглашения. Аббат Селби помог построить первую каменную церковь для своей общины. Он одевался в рабочую одежду и таскал

на своих плечах камни и известь для строительства; в конце недели он, как и другие рабочие, получал свою плату и раздавал ее беднякам.

Вильгельм также назначил итальянца Ланфранка архиепископом Кентерберийским. Резиденцией Ланфранка было нормандское аббатство Бек, и он уже хорошо был известен королю. Он был одним из тех образованных и благочестивых людей, какими были Ансельм и Бекет, пришедшие после него, и оказал глубокое и продолжительное влияние на английскую жизнь. Ланфранк сформулировал первые принципы канонического права, и Вильгельм уступил ему в вопросе о том, что все духовные дела должны решаться в церковных судах. Под руководством Ланфранка строились большие соборы. Также он добился успехов во внедрении монастырской дисциплины в жизнь зачастую непокорных английских монахов. В 1076 году он запретил английскому духовенству вступать в брак.

Папа благословил вторжение Вильгельма, но новый король не действовал в угоду понтифику. Он считал себя хозяином всего. Не было ли его звание также священным? При проведении выборов папы ни один победитель не признавался в Англии без разрешения короля. Ни одно

папское послание не могло быть направлено королевским вассалам без ведома сюзерена. Ни один папский легат не мог въехать в страну без королевского одобрения. Именно король утверждал назначение епископов и аббатов. Трения между королем и папой или между королем и архиепископом продолжались веками, и результаты их нельзя было предсказать; перелом произошел только в эпоху Реформации.

Если и есть значительное напоминание о царствовании Вильгельма, то это документ, который первоначально был назван Королевской книгой, но получил бóльшую известность как Книга Страшного суда, поскольку ее свидетельств нельзя было избежать, как и Судного дня. Книга представляла собой перепись ресурсов королевства, для Европы она была уникальной, но для Англии вовсе не являлась необычной, поскольку там и ранее составлялись различные списки, как региональные, так и относящиеся ко всей стране. Согласно «Англосаксонской хронике», Вильгельм произнес речь перед членами Королевского совета и послал чиновников в каждый шир, чтобы определить, «сколько земли и сколько какого скота имеет каждый землевладелец и сколько стоит его собственность». Появившаяся в результате

этого распоряжения работа, написанная в одну и две колонки на латыни, не была бы настолько обширна и подробна, если бы для нее не использовались более ранние записи. Книга состоит из двух томов, в одном 475, а в другом 413 страниц, некоторые буквицы выполнены красными чернилами. Она описывает 13 000 поселений, подавляющее большинство которых стоит по сей день. Авторы «Хроники» утверждают, что не осталось «быка, коровы или свиньи, которые не были бы осмотрены и включены в запись». Подробность книги можно оценить по одному отрывку. Сообщалось, что в Окли в Бакингемшире «у Элфгиты, служанки, была половина хайда[26], которую ей пожаловал шериф Годрик на то время, пока он остается шерифом, при условии, что Элфгита научит его дочь вышивать золотом. Теперь эта земля принадлежит Роберту Фиц-Уолтеру».

Решение о создании Книги Страшного суда было принято Вильгельмом в Рождество 1085 года. Она была закончена годом позже; такая скорость могла быть достигнута только при существующей в то время административной системе, которая была не нормандским, а английским

[26] Примечания: 26
Хайд — мера земельной площади, равная 100 акрам. — *Прим. пер.*

механизмом. Вильгельм не смог бы после завоевания передать английскую землю французским магнатам, если бы не существовали записи об английских владениях, которые с тех пор были утрачены. Частично Книга Страшного суда была составлена в качестве документального доказательства этой передачи, но также она использовалась как инструмент для более эффективного сбора налогов и призыва на военную службу. Вполне возможно, что она служила и для более справедливого распределения финансовых обязанностей, которые Вильгельм накладывал на страну. Он собрал своих главных землевладельцев в Солсбери, где они еще раз принесли ему клятву верности, но теперь он знал и о размере их владений, и о величине годового дохода. Им напомнили, что они получили свои земли напрямую или не напрямую от своего сюзерена. Он был их хозяином. Сегодня Книгу Страшного суда можно увидеть под стеклом в Британском национальном архиве в Кью.

Из книги мы узнаем, что Англия состояла из пахотных земель (35 %), лесов (15 %), пастбищ (30 %) и лугов (1 %); остальные земли представляли собой горы, болота, топи, дикие и пустынные места. Также мы узнаем, что система маноров,

унаследованная от данов и саксов, была основой сельской и экономической жизни. По существу, это слово обозначает жилище, и в Книге Страшного суда несколько маноров часто перечислены в списке одной деревни; к тому времени манор — это поместье с землей или землями, на которых под управлением одного лорда селятся арендаторы. Земля лорда, которая не сдавалась в аренду, называлась «господской», она могла прилегать к дому хозяина или быть нарезанной на полосы в полях.

Свободные арендаторы платили лорду ренту за свои акры и были обязаны помогать ему в горячую пору урожая; несвободные арендаторы, или вилланы, еженедельно отрабатывали трудовую повинность, выполняя такие работы, как молотьба и веянье зерна. Условия их труда были установлены традициями. Примерно 10 % населения находилось в рабстве, тогда как 14 % считались свободными людьми; оставшаяся часть населения находилась где-то посередине между этими двумя категориями.

Манор сам по себе возник благодаря древним традициям и обязательствам, которые связывали маленькую общину. Он мог состоять из деревни с покосившимися хижинами, все обитатели ко-

торой служили своему лорду. Он мог состоять и из нескольких деревень. Какой бы ни была его форма, манор является краеугольным камнем социального порядка в Англии. Местным судом, в котором искали справедливости, был суд манора, где каждая сторона жизни упорядочивалась и тщательно рассматривалась. Как дороги и изгороди должны были поддерживаться в надлежащем состоянии, так же должны были соблюдаться и правила земельных работ и наследования.

По поводу происхождения маноров все еще идут споры. Не наложилась ли манорная система на то, что когда-то было более свободной общественной системой сельского хозяйства? Но более вероятно, что лорды были всегда, и с течением веков их контроль стал более суровым. Точно сказать невозможно. Наши глаза должны привыкнуть к сумеркам.

Книга Страшного суда, конечно, не описывает условия повседневной жизни в Англии конца XI века. Лето 1086 года осталось в памяти людей как наихудшее: урожай погиб, и какая-то зловредная болезнь выкосила половину населения Англии. «Несчастные жертвы почти что сгорали от жара, — пишет „Англосаксонская хроника“ этого года, — затем пришел страшный голод и

уничтожил их окончательно».

Вильгельм умер осенью 1087 года. Во время одного из своих частых визитов в герцогство он отправился в поход к границам Нормандии, где тяжело заболел от жары и утомления; когда его лошадь перепрыгивала через канаву, он каким-то образом повредил внутренние органы. Вильгельма отвезли в монастырь в Руане, где он протянул еще три недели. Когда тело короля было доставлено в церковь Святого Стефана в Кане для погребения, его повредили, и труп испускал ужасный смрад, от которого все монахи бросились вон из здания. Возможно, это был самый подходящий конец для человека, который возвысился с помощью насилия и жестокости. У него было холодное сердце и руки в крови.

Герцогство Нормандское Вильгельм завещал своему старшему сыну Роберту; Роберт просил отца об этом и раньше, но Вильгельм ответил, что не в его привычках сбрасывать с себя одежду до того, как ляжет в постель. Умирающий король оставил Англию на милость Господа и попечение своего второго сына Вильгельма Руфуса (Рыжего). Своему младшему сыну Генриху Вильгельм в качестве компенсации оставил 5000 фунтов серебром; Генрих тщательно взвесил их, прежде

чем забрать. Такой тройной расклад стал источником борьбы и споров в последующие годы, три брата ссорились из-за Нормандии, как дети ссорятся из-за куска пирога.

Вильгельм Руфус получил Англию. Его прозвали Рыжим из-за красного лица, рыжей броды и крутого нрава. Он был почти комической версией своего отца: низким и толстым, с выдающимся животом. Вильгельм был очень силен, но, в отличие от отца, не обладал мощной волей. К некоторым его качествам отлично подходит средневековая пословица: кто когда-нибудь видел высокого человека, который был бы умен, рыжего, который был бы правдив, и низкого, который не был бы спесив?

Когда его охватывала ярость или страсть, Вильгельм заикался или начинал говорить короткими, рублеными предложениями. Но были у него и более привлекательные черты. Он разрешал трудные ситуации с улыбкой на устах и любил выбить из колеи самых серьезных из своих советников-священнослужителей скандальным или богохульным замечанием. Это развлекало его придворных. Его самой известной клятвой было выражение «пред лицом Лукки»; имелось в виду деревянное изображение Христа в церкви

Святого Мартина в Лукке. Он был хвастливым и полным энтузиазма, экстравагантным и дерзким, всегда казалось, что в нем больше величия, чем на самом деле.

В юности Вильгельм посвятил себя интересам своего отца, считая, что именно этим принесет выгоду и себе. Он оставался в Нормандии более чем до двадцати лет, поэтому маловероятно, что он бегло говорил по-английски. Возможно, его бы даже следовало называть не Вильгельмом Руфусом, а Гийомом ле Ружем. Он оставил своего умирающего отца в Руане и пересек Ла-Манш, чтобы провозгласить себя правителем королевства. В возрасте тридцати одного года Вильгельм был коронован в Вестминстере архиепископом Ланфранком как Вильгельм II. Очевидно, это было сделано по собственной инициативе Ланфранка, который был самым влиятельным человеком в Англии и, таким образом, представлял волю Бога. Литургия во время коронации была англосаксонской, но служба проходила на французском и латинском языках.

Вскоре способности Вильгельма к правлению были подвергнуты проверке. Он подавил восстание нескольких нормандских магнатов в пользу его старшего брата Роберта, использовав то, что,

в сущности, являлось английской армией; один хронист предполагает, что под его штандарты встало 30 000 человек, но, возможно, это всего лишь преувеличение для создания впечатления о большом количестве людей. Тем не менее англичане сражались против восставших нормандских магнатов на стороне своего короля. Национальное чувство снова возродилось, и это пробуждение национального самосознания воплотилось в обращенном к Вильгельму призыве солдат завоевать всю «Империю Альбиона».

Он ответил на этот призыв маршем на север. Весной 1091 года король Шотландии Малькольм III завоевал Северную Англию, надеясь таким образом укрепить свои притязания на эту часть территории. Будучи лидером Южной Шотландии, Малькольм Великий Вождь, или Малькольм Большая Голова, и раньше донимал Вильгельма I нападениями и смутами, но в конце концов подчинился более сильной власти. Теперь он проверял на прочность его сына.

Вильгельм Руфус двинулся против него, покорив Камбрию, а затем вторгся в Шотландию. Он захватил и восстановил Карлайл, заселив его семьями английских фермеров, и фактически провел новую границу Англии на северо-западе,

которая остается границей и по сей день. Вильгельм находил английских поселенцев среди работников на королевских землях на юге, и, поскольку они, несомненно, не были свободными, им оставалось только подчиниться воле короля. Тем не менее они представляли собой начало английской колонизации. В стремлении к «Империи Альбиона» Вильгельм Руфус обратился к духу английского империализма. Также он начал завоевание Уэльса, который до того времени состоял из находящихся в состоянии войны княжеств. Когда англичане медленно продвигались вперед по этой земле, на ней то тут, то там вырастали замки. Но их отбросило назад уэльское восстание, и в итоге Вильгельм удержал только Гламорган и один замок в Пембруке. На поле битвы он никогда полностью не проигрывал, но и никогда не одерживал полной победы; бравада заставляла Вильгельма двигаться вперед.

Королю всегда было нужно больше денег. Он постоянно сражался против своих врагов в Шотландии, Уэльсе, Нортумберленде и Нормандии. Он неизменно жил либо в приготовлениях к войне, либо во время ее. Именно так должен вести себя король. Когда он собирался отплыть в Нормандию, чтобы еще раз напасть на герцога

Роберта, надвигалась страшная буря. Но Вильгельм прыгнул в лодку. «Я никогда не слышал о короле, который бы утонул! — крикнул он. — Поторапливайтесь! Выбирайте канаты! Вы увидите, что сами стихии подчинятся мне!»

В начале 1093 года Вильгельм серьезно заболел, и, когда король почувствовал приближение смерти, мысли его обратились к Богу. Религиозные советники торопили Вильгельма покаяться в своих грехах и исправить их; должно быть, ему трудно было решить, с чего начать. По крайней мере, одну серьезную ошибку он мог исправить сразу. После смерти Ланфранка три года назад Вильгельм оставил место архиепископа Кентерберийского вакантным, чтобы самому получать доходы с епархии. Но когда над ним навис призрак адского огня, король начал действовать. К счастью, под рукой оказался один достойный кандидат. Аббат из Бека Ансельм как раз приехал в Англию с братским визитом. Он был хорошо известен всей Нормандии своим благочестием и просвещенностью, пусть даже эти качества и скрывались под маской подлинного смирения.

Вильгельм призвал Ансельма к своему ложу и предложил ему Кентербери. Ансельм отказался, и у него были на это основания: он не доверял

королю и предвидел, что работать с ним будет трудно. Тогда, по словам монаха из свиты, Вильгельм начал кричать: «О Ансельм, что же ты делаешь? Почему ты предаешь меня казни и вечному наказанию?!» В таком духе было сказано многое, но Ансельм оставался непоколебимым, тогда Вильгельм приказал всем, кто был в комнате, пасть ниц перед святым человеком. Ансельм, в свою очередь, опустился на колени и умолял их найти другого кандидата на этот пост.

Тогда настало время прибегнуть к силе, поистине к средневековым методам. Придворные подтащили священника к кровати и дали королю пастырский посох, которой был символом архиепископского сана. Когда Ансельм отказался принять его, придворные попытались разжать ему пальцы. Они сумели отогнуть указательный палец, отчего священник закричал от боли. Они положили посох около его сжатого кулака и поспешно прочитали указ о формальном введении в должность. Потом все прокричали: «Да здравствует епископ!» Ансельма, продолжающего протестовать, доставили в соседнюю церковь, где было проведено то, что монах из свиты назвал «надлежащими церемониями». Таким было бесславное начало того, что стало натянутыми

отношениями между королем и архиепископом. Как сказал в то время Ансельм, старую овцу покрыл несокрушимый бык. Король выздоровел от болезни и тут же позабыл обо всех тех священных обетах, которые он дал, думая, что лежит на смертном одре. «Какой человек, — спрашивал он, — может сдержать все свои обещания?»

Ансельм с глубоким уважением относился к сану архиепископа, который, как он считал, дает такую же власть, как власть правителя. Если Ланфранк был предусмотрителен и избегал прямого противостояния с королем, то Ансельм имел более чувствительную совесть. Также он был хорошо подготовленным логиком и имел привычку быть неумолимым и настойчивым. Он читал королю лекции о его обязанностях, на что Вильгельм отвечал в своей обычной резкой и стремительной манере. «Я перейду к этому вопросу, когда найду это нужным, — сказал однажды король Ансельму. — Я буду действовать не для вашего удовольствия, а для своего». Когда Ансельм сказал королю, что он должен избавить страну от греха, тот с усмешкой спросил:

— А что лично вы будете иметь с этого дела?

— Лично я — ничего, — отвечал архиепископ. — На вас и на Господа я возлагаю надежды.

— Ну и хватит об этом, — отрезал король.

Когда архиепископ умолял его заполнить вакантные места аббатов, король разгневался: «Разве эти аббатства не мои? Вы же поступаете, как хотите, со своими земельными владениями, так почему я не могу распоряжаться своими аббатствами, как мне угодно?» Когда пришел день отъезда, и Ансельм собирался покинуть Англию, уехав буквально в изгнание, чтобы доживать свои дни в Риме, король все еще гневался. «Скажите архиепископу, — говорил он, — что я ненавидел его вчера, а еще сильнее ненавижу сегодня. Передайте ему, что я буду ненавидеть его все сильнее и сильнее завтра и каждый следующий день. А его молитвы и благословения я выплюну ему прямо в лицо!»

Проблема состояла в том, что у Вильгельма не было никакого соперника в королевстве с точки зрения власти. Он говорил о папе так же неуважительно, как и об архиепископе. Это было бесконечное противостояние между церковью и государством. Права священнослужителей и королевская власть иногда сталкивались. Указы папы иногда отличались от традиций королевства. Есть ли у короля право назначать епископов и аббатов? Может ли он забирать церковную

собственность, если того пожелает? Может ли он отказать папскому легату во въезде в страну? Чем дальше, тем больше появлялось трудностей. Чисто технически архиепископ был вассалом короля, принесшим клятву верности, но одновременно он был и слугой папы. Иногда невозможно служить сразу двум господам, как позже показала карьера Томаса Бекета.

Вильгельм Руфус постоянно находился в движении, и с ним по стране двигался и его двор. Содержимое кладовых грузилось на телеги и перевозилось туда, куда ехал король; охотничьих собак привязывали и вели впереди; придворные ехали верхом. Весь этот кортеж сопровождался «прихлебателями» и проститутками. Шествие напоминало небольшую армию на марше и было таким же устрашающим, как войско. По пути придворные брали и воровали все, что им было нужно. Своими вымогательствами они опустошали маленькие городки и деревни. В этом проявлялась настоящая природа английской власти того времени. Она была основана на насилии и алчности.

Сам двор был объектом скандалов в другом смысле, поскольку ходили слухи, что ближайшие компаньоны короля были гомосексуалами.

Это было далеко не ново в среде воинской элиты, и примером тому могут служить хотя бы спартанцы. Поэтому невозможно полностью приписать подобное поведение только характеру нормандцев. Вильгельм так и не женился, не имел законных детей; похоже на то, что он действительно практиковал гомосексуальные связи. Он был окружен теми, кого хронисты называли «женоподобными», — мужчинами, держащимися жеманно и одетыми в экстравагантные костюмы. Они, как женщины, носили длинные волосы, ниспадающие локонами, которые могли завивать с помощью раскаленных щипцов; лампы при дворе на ночь тушили, якобы чтобы «противоестественный грех» мог совершаться под покровом темноты.

Вильгельм II умер в 1100 году так же стремительно и неожиданно, как и жил. Есть история о том, что в ночь перед смертью ему приснился сон, в котором к нему присосались пиявки; его кровь текла повсюду и окрасила небо, превратив день в ночь. Король проснулся в ужасе и прочитал молитву Деве Марии; потом он приказал принести в комнату свет. Про его последнюю земную ночь есть и еще одна история. Согласно рассказу монаха из Глостерского аббатства, у того

было нечто вроде сна или видения. Во сне монаха король бросился на распятие и вцепился зубами в руку Христа, но Христос пнул его ногой и оставил лежать на земле. Это был яркий образ, но не настолько, чтобы внушить благоговейный страх Вильгельму Руфусу. Рассказывали, что он только посмеялся и велел дать монаху сто шиллингов.

В другом источнике говорится, что аббат Глостера сообщил о видении, посетившем монаха, в письме к королю. Реакция Вильгельма была достаточно интересной. «Неужели он думает, что я поведу себя как англичане, — предположил король, — которые откладывают свои поездки и дела из-за храпа и снов какой-нибудь старушки?» Англичане действительно были известны своей верой в потусторонние силы, а также почтительностью к старшим. Вильгельм с внутренне присущим ему презрением к таким вещам вполне мог сделать подобное замечание.

В тот день 2 августа 1100 года он решил отправиться на охоту в Нью-Форест — один из огромных кусков земли, отданных во владение королю. Во время сборов на охоту кузнец преподнес королю шесть стрел; Вильгельм взял две из них, а четыре отдал своему компаньону по имени Уолтер Тайрел. Он сел перекусить перед отъез-

дом и выпил больше, чем следовало. Затем они с Тайрелом отправились на охоту и оторвались от свиты, чтобы выстрелить в оленя, которого гнали перед ними. Король стрелял первым и ранил животное. Уолтер Тайрел прицелился во второго оленя и случайно ударил короля в грудь. Вильгельм наклонился вперед и упал на стрелу. Тайрел в паническом страхе бежал с места гибели короля.

Это общепринятая версия смерти Вильгельма II. Нет никаких причин не доверять ей. Кажется, ни один из хронистов не сомневался в том, что смерть была случайной. На охоте бывают несчастные случаи. Многие из великих исторических событий были простыми совпадениями. Но смерть короля вызывает подозрения. В охоте участвовал его младший брат Генрих. Мог ли он надеяться получить трон? Или не мог ли какой-то иностранный двор приложить к несчастному случаю свою руку, использовав нормандца как соучастника? Или, может быть, это был какой-то личный враг короля, воспользовавшийся тем, что король был в лесу? Как говорили древние философы, истина лежит на дне колодца.

Есть и еще одна, более добрая история о смерти Вильгельма. Говорили, что в агонии он потребо-

вал Святые дары. В лесу не было ни священника, ни освященного хлеба. Поэтому один из охотников вкладывал в рот короля лесные травы и цветы в качестве естественной святыни.

Смерть Вильгельма произвела сильное впечатление на его современников. Об этом говорит уже то, что его гибель — единственное событие его царствования, оставшееся в памяти англичан. Он пришел и ушел как вспышка молнии. Он вел себя как король, использовал королевство для достижения своих целей и пытался расширить его границы, чтобы показать свою власть. В те времена своекорыстной жестокости Вильгельм достиг очень немногого, возможно, достаточно было уже того, что он сохранил страну единой, даже если это и было единство в страдании.

Его истекающее кровью тело положили на запряженную лошадью повозку и повезли в Вестминстер, где каноники Олд-Минстера взяли на себя ответственность за погребение. Говорили, что тело напоминало дикого кабана, заколотого охотником. Вильгельм Руфус был похоронен под основанием башни без особой парадности и без скорби. Через несколько лет башня над его могилой рухнула. Черный столб, известный как Камень Руфуса, обозначает место его падения

в Нью-Форест. Он стоит и по сей день.

Некоторые из построек Вильгельма также пережили его. Он закончил Белую башню Тауэра и построил Вестминстер-Холл, используя по большей части рабский труд людей, стонущих от взысканий. Он отстроил Лондонский мост, но этот мост весь был омыт кровью. Вестминстер-Холл, хотя и в несколько измененном виде, дошел до наших дней как самый подходящий символ могущества Вильгельма. Это темное и унылое здание с толстыми стенами и колоннами невообразимо огромно для людей того времени. Но для Вильгельма оно не было достаточно просторно. Когда строение было закончено, король заявил, что оно и вполовину не так великолепно, как он задумывал. «Оно достаточно велико, — сказал он, — чтобы быть одной из моих спален». Вслушайтесь в неукротимое высокомерие нормандских королей Англии.

Последний из них, Генрих, появился быстро, как волк у овчарни. Генрих примчался в Винчестер и прибрал к рукам сокровищницу. Три дня спустя, 5 августа 1100 года, в возрасте тридцати двух лет он был коронован в Вестминстере как Генрих I. После смерти отца он получил вместо королевства компенсацию, и старшие братья его

презирали, пока боролись за господство над Нормандией, но владение Англией было куда более крупным вознаграждением. Генрих был более сдержанным и осторожным, чем Вильгельм Руфус, и, чтобы заполучить свой приз, действовал куда более осмотрительно. Его прозвали Боклерк, или «хорошо образованный», он был грамотен и знал латинский. Но были у нового короля и свои слабости: он стал отцом более двадцати бастардов.

В подписанной во время коронации хартии Генрих пообещал исправить все ошибки, совершенные его предшественником. Он пригласил Ансельма вернуться в Кентербери, это было вежливое требование, которое священник принял. Он завоевал верность главных магнатов благодаря благоразумному использованию права опеки. Он прекратил войны между баронами. И он женился на Эдите, племяннице нового короля Шотландии, хотя это, возможно, было связано с тем, что она принадлежала к англосаксонской династии и являлась прямым потомком Альфреда Великого. Таким образом, нормандская ветвь теперь очистилась от порока в глазах англичан. Тем не менее Эдита пренебрегла своим английским именем и назвалась Матильдой в честь

матери Генриха.

Генрих стремился к объединению своего королевства. Через сорок лет после Нормандского завоевания Англии уже англичане вторглись в Нормандию и завоевали ее. Генрих сам повел войска в герцогство и в битве при Таншбре захватил в плен своего старшего брата; герцог Роберт был переправлен в Англию и провел остаток своей жизни в тюрьме. Для нового короля, который снова смог объединить земли своего покойного отца, эта победа была знаковой. Кроме первых двух лет, все остальные годы его тридцатидвухлетнего правления в стране царил мир. Он установил паромное сообщение между Саутгемптоном и Дьепом. Еще одно новшество в королевстве заслуживает упоминания. В начале XII века в Англию были завезены кролики.

Генрих поддерживал границы с Шотландией, но не пытался расширить их. Он укреплял завоевания брата в Уэльсе с помощью поощрения строительства англо-нормандских поселений и примирения с различными уэльскими князьями. Уэльский хронист заявлял, что Генрих «подчинил своей власти весь Британский остров и самых могущественных людей на нем». Это было не совсем верно. Восточные и южные части Уэльса

перешли под управление нормандских лордов, там были многочисленные замки, суды и активно растущие города, тогда как центральные и северные территории по-прежнему управлялись местными князьями. Когда множество фламандцев мигрировало на восточное побережье Англии из-за подтопления их земель, король поселил их в Пембрукшире, где они сохранили свои язык и культуру до конца XVIII столетия.

Генрих был сильным правителем, но это не обязательно означает, что он был великодушным. Он был озабочен только своими непосредственными интересами, и управление Англией стало для него чем-то вроде управления поместьем, в котором используются все доступные земельные угодья. Так делали в Нормандии. За время правления Генриха монахи аббатства в Питерборо стенали под грузом «разнообразных притеснений и обложений». Несколько лет необычайно плохих урожаев также повлияли на способность людей сносить его взыскания. «Бог знает, — писал англосаксонский хронист, — как несправедливо обращаются с этими несчастными людьми. Вначале их лишают собственности, а потом обрекают на смерть. Если человек чем-нибудь владеет, это у него отнимают. Если у него ничего

нет, его бросают умирать с голоду». Король заботился только о защите тех, кто его поддерживал. Когда в монеты начали добавлять олово, солдаты Генриха пожаловались, что их жалованье почти ничего не стоит, и король приказал кастрировать всех чеканщиков монет и отрубить им правые руки. Также он поддерживал интересы магнатов, жалуя им королевские дары и вольности; хвалители должным образом прославляли свободу и гармонию в Англии. Аристократия, другими словами, всегда была подкуплена.

Также Генрих, разумеется, заботился об интересах своих ближайших родственников. Он усилил свою власть благодаря ряду брачных союзов, с помощью которых его внебрачные дочери оказались связаны с различными правящими домами Европы. Свою законную дочь Матильду он выдал за принца из Анжуйской семьи; этот союз начал новую королевскую династию.

Говорили, что Генрих постоянно следил за жизнью своих магнатов и узнавал о появлении заговоров раньше, чем сами заговорщики. Он обладал огромным любопытством, данным ему от природы, и один из придворных прозвал его «оленье копыто»: по следу зверя он мог определить, сколько у того рогов.

Тем не менее произошло одно значительное событие, которого Генрих не мог предвидеть. Это случилось вечером 25 ноября 1120 года. Его шестнадцатилетний сын и наследник Вильгельм Аделин готовился отплыть из Нормандии в Англию. Его свита поднялась на борт «Белого корабля» в праздничной атмосфере; само присутствие наследника всегда дает повод для радости. Команда и пассажиры были пьяны. Гребцы принялись за работу в неистовом темпе, но кормчий был невнимателен. Корабль помчался навстречу своей судьбе и разбился о большую скалу, находящуюся чуть ниже ватерлинии. Наследник трона утонул, как и многие другие сыновья благородных семей. Спасся только один человек — мясник из Руана.

Был и еще один выживший, который спасся несколько по-другому. Племянник короля Стефан, граф Блуа, мучился ужасным поносом и не смог подняться на борт «Белого корабля». Если учесть, что через пятнадцать лет он был коронован как король Англии, то вполне можно утверждать, что приступ диареи определил судьбу страны. Государственные мужи могут интриговать и планировать. Ученые могут рассчитывать и делать выводы. Дипломаты могут спорить и уклоняться

от прямых ответов. Но шансы правят непосредственной судьбой человечества.

Говорили, что после этой катастрофы Генрих никогда больше не улыбался. Но это всего лишь строчка из сказки, были и более реалистичные последствия. Вскоре, к примеру, стала актуальной проблема наследования. У Генриха остался только один законный ребенок — дочь Матильда, в последние годы царствования детей у него уже не появилось. Никогда ранее женщина не всходила на английский трон, но Генриха остановить было невозможно. Он собрал главных баронов страны в Вестминстер-Холле и приказал им дать клятву в том, что они поддержат наследование престола его дочерью. Голос Генриха гремел как гром, и бароны спасовали перед этой силой звука. Они покорно поклялись. Но Генрих не ожидал и не предвидел, что пагубным последствием такого права наследования станет долгая гражданская война.

На охоте в одном из королевских лесов в Нормандии король почувствовал сильный жар. Говорили, что его смерть последовала из-за «неумеренного потребления миног», и он действительно любил полакомиться морскими деликатесами. В одной хартии он позволил лон-

донскому епископу забирать выловленных из Темзы морских свиней, «кроме языков, которые я оставляю для самого себя». Несколько дней Генрих пролежал в слабости и бреду, но он исповедался в своих грехах перед многочисленными свидетелями и получил отпущение. Его тело было набальзамировано, но невезучий и неумелый бальзамировщик умер от ядовитого зловония, поднимавшегося от трупа; хронист Генрих из Хантингтона отмечал, что «он был последним из многих, кого король Генрих отправил на смерть». Тело, судя по описаниям, сочащееся темной жидкостью, было в конце концов перевезено в аббатство Рединг, которое Генрих основал в память о своем сыне. Руины этого аббатства можно увидеть и сегодня.

Трудно говорить о достижениях Генриха только в положительном ключе. Он соблюдал в Англии мир. У него были хорошие деловые качества, и он поддерживал управление страной, опираясь на тех, кого называли «новыми людьми». Это были нормандские или бретонские канцеляристы из незнатных семей, которых, по словам Ордерика Виталия, король поднял «из грязи» и «поставил над графами и владельцами замков». Он заставлял их много работать, но и вознаграждал

соответственно. Они представляли собой новый класс профессиональных администраторов или куриалов, которые оставались на одном месте и не были частью вечно странствующего королевского двора. Они стали предшественниками администрации нового типа.

Королю всегда нужно делать деньги, и повышение эффективности королевского управления было, по существу, еще одним способом увеличить доход. Товары и земли отчуждались в пользу короля. Жалобщики по различным вопросам могли выторговать штраф, который облагался королевской пошлиной. Иногда историки описывают этот процесс как правовую реформу. Один судья из суда короля Генриха был очень суров со своими современниками. «Из-за желания делать деньги мы становимся тиранами, — писал он. — Судебный процесс связан с таким множеством тревог и обманов, что люди избегают этого вымогательства и не уверены в результатах своих жалоб». Много говорит и то, что Генриха звали «львом правосудия». Закон этого льва был законом джунглей.

Можно найти и другие способы делать деньги. Казначей с деревянным абаком для подсчетов и суд для проверки счетов стали весьма распро-

страненными в царствование Генриха I. Деньги поступали от налогов и пошлин. Богатого сироту могли продать самому высокопоставленному претенденту, который затем становился его или ее опекуном; богатая наследница могла быть продана как невеста. Это был просто вопрос того, как удобнее воспользоваться случаем. «Король справляется обо всем, — писал Ордерик Виталий, — и все, что он узнает, хранится в его цепкой памяти».

Каков король, таков и век. В начале XII века начался устойчивый рост того, что сейчас назвали бы бюрократией — словом, произошедшим от названия письменного стола — бюро. Документы стали главным элементом при расчете доходов и расходов. Законы и другие формальные правила были записаны. В сущности, эпоха двигалась к систематизации и централизации. В этот период во вполне узнаваемой форме зародились два основных судебных органа: суд лорда-канцлера и суд казначейства. Канцлер вместе со штатом канцеляристов имел дело с множеством аспектов управления государством от составления соглашений до предоставления хартий. Казначейство было учреждением, контролировавшим все доходы и расходы короля. Таким образом, с помощью

медленно действующих и почти незаметных средств создавалось английское «государство». Этот процесс никого не интересовал. Никто даже не знал, что означает слово «государство», но оно появилось как прямое следствие всей этой хаотичной деятельности.

Генрих никогда по-настоящему не любил англичан и не доверял им. Он не давал никому из них больших постов, а вместо этого полагался на своих французских священников и придворных. «У англичан нет никаких добродетелей и достоинств», — писал один его современник. Сын Генриха Вильгельм говорил, что если бы он когда-нибудь управлял Англией, то запряг бы англичан в плуг, как быков. Возможно, то, что он утонул в Ла-Манше, пошло англичанам только на пользу. Население Англии выжило, и начался медленный процесс ассимиляции. Нормандские поселенцы расселились по стране и начали говорить об Англии как о своем доме. Песнь Британии продолжала звучать. Английские монахи писали историю ее основания и описывали жития своих святых.

Можно проследить и путь другой силы, повлиявшей на развитие Англии. В первые десятилетия XII века из Франции прибыл новый монашеский

орден. Это были белые монахи, которые первоначально происходили из аббатства Сито и получили известность как цистерцианцы. Частью их духовной миссии была жизнь вдали от мест, населенных другими людьми, а пропитание они должны были добывать, обрабатывая землю; предполагалось, что сельское хозяйство будет их единственным источником дохода, и они откажутся от всех форм роскоши. Вскоре цистерцианцы поселились на просторах Северной Англии, где использовали послушников как работников на своих фермах. Под плуг пошли огромные участки неразвитой страны. Болота были осушены, леса расчищены, хотя сомнительным образом иногда разрушались деревни, чтобы освободить место плодородным полям. Вскоре цистерцианцы показали, что прекрасно разбираются и в разведении овец, и под их руководством расцвело местное хозяйство. Они стали самыми значительными производителями шерсти в стране и, несмотря на свои обеты, разбогатели. Так вообще складывалась история Церкви.

10
Дорога

Древние дороги, свидетели доисторической жизни и путешествий, все еще оставались частью пейзажа средневековой Англии. Но в этот исторический период к ним присоединились и другие тракты. В XII веке было построено множество извилистых узких дорог между фермами, множество заглубленных дорог, ведущих к дремлющим в летний полдень деревням, лежащим в низинах. Этот век был эпохой строительства каменных мостов, к которым на обоих берегах реки должны были подходить дороги, а также роста городов, что требовало более активного использования телег и вьючных лошадей, необходимых для торговли и транспорта. На карте Гофа, датируемой приблизительно 1360 годом, просматривается сеть крупных дорог, связывающих Лондон с другими регионами страны. Более мелкие дороги и тропы можно было обнаружить скорее в XIII веке, чем в XXI.

Ширина королевской дороги была определена в начале XII века, и она должна была позволять

разъехаться двум повозкам или ехать в ряд шестнадцати всадникам. Мы могли бы определить эту ширину примерно в девять метров. Дороги не обязательно должны были содержаться в хорошем состоянии, и существуют признаки того, что на них были канавы, рытвины и даже выкопанные ямы с водой. Священным долгом каждого человека было выделить средства на починку «плохих дорог»; путешествующие жители городов и землевладельцы были обязаны поддерживать в хорошем состоянии дороги, находящиеся неподалеку от них.

Путешественники пользовались постоялыми дворами, которые выстроились вдоль крупных дорог еще в саксонские времена; слово *inn* (гостиница) само по себе имеет саксонское происхождение и означает нечто среднее между *gest-hus* (гостевой дом) и *cumena-hus* (странноприимный дом) как приют для усталых путников, покрытых пылью. Пивные узнавали по длинному шесту, стоящему около двери; он был увит плющом. Традиция сохранилась до XXI века в виде корзин с цветами, которые обычно вывешивают на фасадах питейных заведений.

Чаще всего путешествовали на лошадях, хотя местные породы считались не такими вынос-

ливыми, как завезенные с материка; самыми дорогими были белые лошади, за ними шли серые в яблоках и гнедые. На дорогах было небезопасно из-за воров и разбойников, поэтому для самозащиты путешественники собирались в группы или караваны. В грабеже на большой дороге могли участвовать даже рыцари или живущие неподалеку землевладельцы, и у путешественников часто собирали плату за проезд по мосту или переправу. Члены караванов брали с собой кремень и кресало, чтобы развести огонь, и что-то, из чего можно устроить постель, если не удастся найти ночлег, также у них была и пища: хлеб, мясо и пиво.

Давние традиции гостеприимства запрещали закрывать двери перед путниками. Было принято селить путешественника в доме на два дня и делить с ним постель и кров до его отъезда. После двух дней хозяин становился ответственным за поведение путешественника. Также существовала традиция омовения ног и рук путника, когда тот в первый раз приезжал в дом. Но у хозяина были и свои преимущества от гостя в доме. Он мог спросить: «Откуда вы? Что нового? Что вы видели?» В стране, где новости доходили медленно или не доходили вообще, прибытие незнакомца

было делом большой важности.

Иногда путешественники продвигались очень медленно. Пилигримам, направлявшимся в Кентербери, было нужно три или четыре дня, чтобы проехать 88 километров от Лондона. Но были и особые «дороги пилигримов». Один такой маршрут из Винчестера в Кентербери даже получил известность как Путь пилигрима, который Хилэр Беллок называл Старой дорогой. Пилигримы были самой многочисленной и узнаваемой категорией среди всех путешественников. Они шли или ехали верхом в Дарем, чтобы посетить могилу святого Катберта; они приходили в усыпальницу Эдуарда Исповедника в Вестминстере; они ездили в Гластонбери, чтобы подивиться терновнику[27], который чудесным образом вырастил здесь Иосиф Аримафейский; они приходили помолиться склянке со святой кровью, частице распятия в аббатстве Хейлс в Глостершире; они посещали Винчестер, чтобы помолиться на могиле святого Свитина. Леса за Сент-Олбансом пришлось расчистить, чтобы пропустить толпы паломников, держащих свой путь к усыпальнице преданного мученической

[27] Примечания: 27

Гластонберийский терновник — устоявшееся название этого дерева, однако на самом деле в Гластонбери растет боярышник. — *Прим. ред.*

смерти святого.

Двумя самыми известными местами паломничества были Дева Мария в Уолсингеме и могила Томаса Бекета в Кентербери. Дорога из Ньюмаркета в Уолсингем все еще называется Путем паломников. Ее часто заполняли молящиеся, а на ее обочинах стояли церкви и постоялые дворы; сам город был переполнен путниками. В Кентербери было отмечено много случаев исцеления от болезней. Поврежденная конечность страдальца измерялась обрывком нити, затем делалась ее восковая копия; все это относилось на могилу святого. Многих инвалидов привозили на тележках, чтобы они помолились у мощей Бекета. Также святой был известен тем, что исцелял соколов и лошадей. Шум в соборе стоял просто оглушительный.

Английские пилигримы давно исчезли, но кое-что от того мира осталось. Вода из Бакстона по-прежнему разливается по бутылкам и продается в огромных количествах; те, кто ее пьет, продолжают ту самую традицию, которую в Средние века начали паломники, купавшиеся в священном колодце Святой Анны в Бакстоне. Считалось, что этот источник исцеляет все болезни.

11
Закон мертв

Со смертью короля закон умер. Когда король мертв, с ним гибнет и весь мир. Только приход нового владыки возвращает закон. Рыцари разбежались по своим замкам, боясь потерять их. Им нужно было сохранить то, что они могли спасти, пока не восстановится порядок. Получив вести о смерти короля Генриха, его племянник Стефан, граф Блуа, быстро покинул Францию и отправился в Англию. В сопровождении своих рыцарей он добрался до Лондона, и, по древней традиции, жители приветствовали его как своего короля. Сразу после этого Стефан поскакал в Винчестер и заявил права на казну.

Как сын сестры Генриха, Стефан долгое время был связан с королевским двором. В конце концов он был внуком Вильгельма Завоевателя. Очевидно, он считал себя ставленником Генриха и, при отсутствии законных королевских сыновей, естественным наследником трона. Стефан убедил в этом многих высокопоставленных людей в королевстве. Один человек ни в каких убеждениях

не нуждался. Брат Стефана Генрих был епископом Винчестерским. Возможно, это именно он подтолкнул Стефана к решению требовать трон. Он доверил брату ключи от казны, и через три недели после смерти короля Генриха, 22 декабря 1135 года, Стефан был коронован в Вестминстерском аббатстве.

Магнаты присягнули на верность дочери короля Матильде, но на самом деле многие из них не имели никакого желания жить под управлением женщины. Ни одна королева никогда не правила Англией, и в любом случае Матильда была известна своим деспотичным характером. Рассказывали (причем с большим облегчением), что на смертном одре Генрих изменил свое решение о престолонаследии в пользу племянника. Возможно, правды в этих рассказах не было, но они были чрезвычайно удобны.

Таким образом, начал Стефан вполне законно. С ним обращались не как с узурпатором, а как с помазанником Божьим. Также он получил огромное преимущество в виде переполненной казны, которая была собрана за годы мирного правления Генриха I. Деньги позволили Стефану привлечь множество иностранных наемников для защиты его земель во Франции и северной

границы Англии с Шотландией. Король Шотландии Давид I объявил графства Нортумберленд, Камберленд и Уэстморленд своей территорией; он наглядно продемонстрировал этот факт, выступив с войсками на юг. В Битве штандартов, получившей свое название из-за того, что на поле боя были вынесены флаги с изображениями трех английских святых, армия Стефана под предводительством северных лордов разбила шотландцев. Хронист Иоанн Вустерский ликовал из-за того, что «мы победили». Использование местоимения первого лица множественного числа здесь имеет огромное значение. Англичане сплотились.

Но деньги подходили к концу. Стефан был слишком щедр во имя своего блага. Бедному королю удача не благоприятствует. Он истратил большие деньги, чтобы заплатить войскам, но в результате этого цены на товары выросли как никогда. Затем, осенью 1139 года Матильда заявила свои права на страну. На ее стороне был сводный брат-бастард Роберт, которого покойный король сделал графом Глостера. Эта война между кузенами превратилась в гражданскую. Матильда была сильна на западе, особенно в районе Глостера и Бристоля, а Стефан господствовал на юго-востоке. В центральных графствах и на севере ни

одна из партий не имела преимущества. В этих регионах правили местные магнаты.

Битва была в крови англо-нормандских лордов; как саламандра, они жили в огне. Вильгельм I понимал это и правил ими как тиран. Он говорил, что его лорды «жаждут восстаний, готовы к мятежу и способны на любые преступления». Их нужно осаживать и сдерживать. Чтобы выжить, нормандские короли должны были быть сильными. Но Стефан сильным не был. По всем источникам, он был вежливым и обходительным, с ним легко было сблизиться, его было несложно убедить. Куда хуже то, что он проявлял снисходительность к своим врагам. Не могло быть человека, более противоположного по своим качествам предшествующим ему правителям. Стефан отдал папе право назначать аббатов и епископов, он согласился с тем, что епископы должны обладать властью «над духовными лицами». В одно мгновение исключительное право королей было уничтожено. Стефан заключал сделки со своими лордами, что делало короля всего лишь первым среди равных.

Бароны прекрасно знали, что появление Матильды отрицательно скажется на преданности и дисциплине. Возникла прекрасная возможность

расширить свою власть. Бароны все больше укрепляли свои замки, и они стали центрами скопления мародерствующих солдат. Следующие шестнадцать лет в стране не было ни мира, ни справедливости. Под предлогом преданности Стефану или Матильде магнаты вели свои частные войны. Стычки и осады, нападения и засады совершались армиями обоих соперников. Церкви разоряли, фермы грабили. Имели место как битвы между городами, так и битвы между баронами. Поддерживающие Матильду жители Глостера выходили на Вустер и пытались сжечь город дотла. Они также захватили пленников, связав их вместе, как собак, в то время как большинство жителей Вустера со своими пожитками прятались в соборе.

Можно кратко проследить хронологию этого противостояния. Прибытие Матильды в Англию не вызвало огромного энтузиазма; бароны запада ее поддерживали, но главным союзником по-прежнему оставался брат-бастард. Роберт Глостерский стал во главе ее армии наемников. Второй муж Матильды Жоффруа Анжуйский был поглощен своими войнами.

После высадки в Арунделе в 1139 году начались многочисленные стычки в западных графствах,

таких как Сомерсет и Корнуолл, замки захватывались и переходили из рук в руки. Периодически сражения продолжались и в следующем году, в том числе инциденты произошли и в таких разных регионах, как Бристоль и Айл-оф-Или, но нельзя было сказать, чтобы одна из сторон одержала победу или потерпела поражение. Великие лорды Англии столкнулись с затяжной гражданской войной, прецедентов которой в английской истории не было; некоторые воспользовались возникшим хаосом как преимуществом, другие же, без сомнений, беспокоились и тревожились. Стефан многими признавался как помазанный король, между тем титул Матильды, кажется, был не слишком популярен; даже ее сторонников проинструктировали обращаться к ней, используя, в сущности, ее феодальный титул *domina* (с латинского — «госпожа»), а не называя королевой. Сам Стефан обладал значительной стойкостью, постоянно перемещаясь по стране, но его успехи резко прекратились, когда в начале февраля 1141 года он был захвачен в Линкольне.

Его взяли под стражу и заточили в темницу в Бристоле; несколько недель спустя Матильда была провозглашена «леди Англии». Коронована она так никогда и не была. Тем не менее это был

тревожный момент для тех, кто верил в святость королевского титула. Ни один из английских королей никогда не был заключен в тюрьму в своей стране. Матильда, став еще более властной и деспотичной от своего триумфа, потребовала денег и подношений от тех, кто, как она считала, относился к ее поверженным противникам. Ее неохотно впустили в Лондон, чьи жители активно поддерживали Стефана, но Матильда только еще больше оттолкнула от себя лондонцев, злобно потребовав у них денег. Через несколько дней после ее приезда в город колокола церквей зазвонили и толпа ворвалась в обеденный зал Вестминстера, где Матильда только собиралась отобедать. Она взяла лошадь и стремительно поскакала в Оксфорд. Это был один из ее удачных побегов. Однажды Матильда бежала из замка в Девизесе под видом трупа: ее завернули в льняной саван и привязали веревками к похоронным дрогам. Она появилась в замке в Оксфорде зимней ночью; из-за белой одежды Матильду трудно было заметить на снегу, когда она пробиралась по замерзшей Темзе в Уоллингфорд.

Несмотря на пленение Стефана, его армия под номинальным командованием его жены выступила в поход. Матильда отступала все дальше

и дальше на запад. Многие из ее сторонников бежали, чтобы спасти свою жизнь. Но Роберт Глостерский был захвачен в тот же год, что и Стефан. Он был неофициальным лидером сил Матильды, и казалось вполне естественным, что его должны освободить в обмен на короля. Так Стефан был освобожден и воссоединился со своим королевством. Возобновилась смертельная шахматная партия, где рыцари и замки терялись или переходили из рук в руки. Война продолжалась еще двенадцать лет.

Некоторые части страны пострадали сильнее других. Монах из Винчестера описывает голод, из-за которого крестьяне ели собак и лошадей. Другой монах, из аббатства Питерборо, в подробностях рассказывает о набегах лордов из замков: они до такой степени обложили податями крестьян в своих владениях, что те бежали, оставив свои поля и дома. Случаи насилия происходили не повсеместно.

Этот короткий период, когда Христос и его святые спали, назвали «анархией», но в этом названии недооценивается или полностью отвергается сила, положенная в основу страны. Административный порядок, появившийся сотни лет назад, остался практически нетронутым. В

этот период стены многих городов укрепляли, но городская жизнь текла, как и прежде. Возможно, еще более удивительно, что за время правления Стефана было построено больше аббатств, чем в любой другой период английской истории. Цистерцианцы продолжали процветать. В годы гражданской войны были достроены башня аббатства Тьюксбери и хоры собора в Питерборо.

Сама война тоже не была непрерывной. Все противники приостанавливали военные действия во время Великого и Рождественского постов. Пока наемники Матильды и англо-нормандские бароны сражались друг с другом, англичане по большей части занимались своими делами. Конечно, были несчастные случаи и жертвы гражданской войны, что отмечают монахи из Питерборо и Винчестера, но нет нужды рисовать картину всеобщего горя и опустошения. Зато, пожалуй, стоит упомянуть, что за годы «анархии» в Англии был введен в обращение зонтик. Он пережил соборы и дворцы.

За годы этой прерывистой войны произошло одно необыкновенное изменение. Король, который больше не доверял централизованной бюрократической власти, установленной Генрихом I, арестовал самых важных ее лидеров, в том

числе епископов Солсбери, Или и Линкольна. Возможно, он считал, что они тайно встали на сторону Матильды и Роберта Глостерского. Также он захватил их замки — в том мире у епископов были замки. Потом, в трудных и необыкновенных обстоятельствах, руководствуясь природным чутьем или замыслом, Стефан дал обратный ход политике предыдущего короля и передал другим бóльшую часть его власти. Он возродил графов как лидеров большинства графств; на них были наложены обязанности по политическому и военному управлению вверенными им территориями. Фактически они являлись представителями короля. Другими словами, в развитии Английского государства не было ничего неизменного: что могло быть провозглашено, могло быть и отозвано. Именно поэтому, в свою очередь, Генрих II заявил, что он возвращается к принципам своего деда. Он был сильным королем, следовательно, являлся сторонником централизованной власти.

В 1147 году он прибыл в Англию как Генрих Анжуйский. Он командовал маленькой армией наемников, готовой сразиться под знаменами Матильды, но решительной поддержки матери не оказал. Генрих потерпел поражение под

Криклейдом, на Темзе, и в характерном для него акте великодушия Стефан помог ему вернуться в Нормандию. В последние годы конфликта всем было очевидно, что Стефан выходит из него победителем, но также все были согласны и с тем, что Генрих Анжуйский является его естественным и неизменным наследником. Магнаты страны теперь полностью поддерживали его притязания.

Таким образом, при помощи известных деятелей церкви и их молитвами в 1153 году в Винчестере было заключено соглашение, по которому Стефан оставался у власти, но при этом признавал своим наследником Генриха. Генрих принес Стефану клятву верности, а Стефан поклялся поддерживать Генриха как своего сына и наследника. Было закреплено попечение над главными замками королевства — Уоллингфордом, Оксфордом, Виндзором, Винчестером и Тауэром, договор был засвидетельствован ведущими баронами с обеих сторон. Матильда удалилась на покой в Руан, где посвятила оставшиеся ей годы благотворительности. Шестнадцать лет бесполезной борьбы подошли к концу. Она была более чем тщетной. Она ничего не решила и ничего не доказала. В этом смысле она — символ большинства средневековых столкновений. Трудно избежать

предположения о том, что короли и принцы ввязывались в войну ради себя самих. Предполагалось, что так они и должны действовать.

Стефан поклялся, что никогда не будет сброшен с трона, и действительно, эта судьба его минула. Впрочем, наслаждался он единоличным правлением не слишком долго. Он начал восстанавливать социальный порядок, но меньше чем через год после подписания соглашения в Винчестере король заразился какой-то кишечной инфекцией; он умер в августинской обители в Дувре 25 октября 1154 года. Возможно, его отравили. Было много желающих его смерти и правления молодого короля, не исключая и самого́ юного Генриха. Жизнь и смерть монархов может быть жестокой и опасной.

12
Имена

Изменения коснулись и имен англичан. До вторжения Вильгельма I самыми обыкновенными именами считались Леофвин, Элфвин, Сивард и Моркар. После прибытия нормандцев эти имена постепенно были вытеснены такими, как Роберт, Уолтер, Генрих и, конечно, Вильгельм. В 1171 году был устроен пир во славу 110 рыцарей, которых звали Вильгельмами; никого с другим именем на этот пир не допускали.

Когда Генрих I женился на Эдите Шотландской, ее назвали «Годгива» — это была шутка ее соотечественников, пародия на английские имена, странные и архаичные. В начале XII века мальчик из Уитби сменил имя Тостиг на Вильгельма, потому что его дразнили в школе. Сервы и вилланы дольше хранили верность древним именам, и перепись 1114 года показывает, что в государстве были работники с такими именами, как Соэн, Рэйнальд, Эилвин, Лемар, Годвин, Ордрик, Элрик, Сарой, Ульвиет и Ульфак; поместье принадлежало Орму. Вскоре все эти имена исчез-

ли. К первой четверти XIII века у большинства людей в Англии были новые имена, многие из которых давались в честь христианских святых из Европы, чьи культы распространялись по стране. Таким образом мы получили Томаса и Стефана, Элизабет и Агнес.

Нормандские завоеватели также дали англичанам понятие наследуемой фамилии, которая определяет границы семьи и ее собственность. Она обычно связана с местом, где обитала семья, или с той частью территории, которая ей принадлежала. До XIV века, впрочем, прочной традиции наследуемых фамилий не было. Их носили только очень знатные семьи. Обычные люди добавляли к имени уточняющий элемент: Роджер Повар; Роджер из Дерби; Роджер, сын Вильгельма. Дополнения к именам также могли подчеркивать особенности личности, например Роджер Большой Нос или Роджер Слабак.

Даже связанные с занятиями имена могли изменяться. В 1455 году освобожденный от крепостной зависимости Мэттью Окс («бык») сменил имя на Мэттью Грум («конюх»). Тем не менее некоторые древние фамилии сохранились, поэтому повсюду можно встретить Куков, Барберов, Сойеров, Миллеров, Смитов, Брюеров и Карпен-

теров[28].

[28] Примечания: 28

Фамилии, произведенные от профессий: *cook* — повар, *barber* — цирюльник, *sawyer* — лесоруб, *miller* — мельник, *smith* — кузнец, *brewer* — пивовар, *carpenter* — плотник. — *Прим. ред.*

13
Мятежный поп

Так сын Матильды Генрих Анжуйский был коронован как Генрих II 19 декабря 1154 года. Он был первым королем Англии из Анжуйской династии. Его отец Жоффруа Анжуйский также был известен как Жоффруа Плантагенет, так как, выезжая верхом, носил желтую веточку дрока — *planta genesta*. От этой маленькой веточки произошло название великой династии, которая правила Англией более 300 лет; все короли Англии от Генриха II до Ричарда III были Плантагенетами (затем их сменили Тюдоры). Говорили, что эта семья ведет свой род от самого Сатаны, и одна из первых графинь Анжуйских была дочерью дьявола, который с пронзительным визгом бежал при виде освященного тела Христова. Когда святой Бернард Клервоский впервые увидел молодого Генриха, он ощутил, что душа его наполнилась смятением, и ему подумалось: «От дьявола они пришли, к дьяволу и вернутся». Многое в английской истории может подтвердить это подозрение.

Генрих II был коронован в двадцать один год. Юность его была наполнена битвами и властью. В шестнадцать лет он стал герцогом Нормандии, через два года, после смерти своего отца, — графом Анжуйским. Затем он женился на Элеаноре, герцогине Аквитанской, и, таким образом, стал герцогом и этой провинции. Ему принадлежала значительная часть Франции, хотя технически он оставался подданным короля. Взойдя на английский престол, Генрих хвалился, что теперь владеет империей больше, чем у Карла Великого три века назад (хотя в этом юный король ошибался).

Генриху досталась неспокойная страна, восстанавливающая свое политическое равновесие после гражданской войны, которая с перерывами продолжалась шестнадцать лет. Он был только на четверть нормандцем, но понимание власти имел нормандское. Генрих желал изъявлять свою волю с помощью навязанного порядка. Он требовал повиновения. Он заставил многих великих магнатов отказаться от замков и поместий, которые объявил своей собственностью; сровнял с землей все замки, которые принадлежали брату Стефана епископу Винчестерскому. Сокращая или устраняя власть отдельных баронов, он

сместил страну в сторону сильной централизованной монархии. Генрих приказал выдворить из страны наемников, которых нанимали обе партии во время гражданской войны, поставив условие, что если они не покинут страну к определенной дате, то будут арестованы и казнены. Наемники исчезли быстро и тихо.

В 1157 году король Шотландии Малькольм IV пришел к соглашению с набирающимся сил Генрихом; он принес клятву верности за свои южные земли, граничащие с Англией, и отказался от Нортумберленда, Уэстморленда и Камберленда, которыми владел во время неустойчивого правления Стефана. Малькольму было шестнадцать, а Стефану — двадцать один год. Это был мир молодых мужчин. Затем Генрих выступил против Уэльса, и принцы Уэльские принесли ему клятву верности. Также молодой король лелеял великие планы завоевания Ирландии. Все это ему удалось сделать без единого сражения в формально объявленной битве. В чем он был гениален, так это в осаде и захвате замков.

По характеру Генрих был непоседлив и нетерпелив к любым ограничениям; он никогда не мог сидеть спокойно — и даже во время мессы ерзал и переговаривался со своими придворными. Он

всегда был в движении, что-то делал, хотя бы играл в азартные игры или спорил. Генрих часто ел стоя, чтобы побыстрее покончить с трапезой. Он был рослым и сильным, выглядел как охотник или солдат. У него было красное лицо, багровеющее еще сильнее, когда он злился. Он охотно шел навстречу предложениям, и существуют свидетельства его скромности и милосердия, когда он оказывался окруженным толпами своих молящих подданных. Некоторые хватали его за рукава, надеясь поговорить с ним, впрочем, король никогда не терял чувства юмора. Его шута звали Роланд Пердун, и «каждое Рождество он прыгал, свистел и пердел перед королем».

В одной истории видны светлые стороны характера Генриха. Епископ Хью из Линкольна был призван к королю, чтобы дать объяснения, почему он отлучил от церкви королевского лесничего. Генрих был так разозлен, что велел придворным не замечать епископа, когда тот появится, и не приветствовать его. Таким образом, Хью из Линкольна был встречен молчанием и безразличием. Он приблизился к королю. Хью смотрел, как его повелитель вынимает иглу и нитку, чтобы зашить кожаную повязку на пальце, который тот повредил: Генрих всегда был неосторожен. Потом

Хью неожиданно заметил по-французски:

— Как вы похожи на ваших кузенов из Фалеза!

Услышав это, король упал от смеха и начал кататься по полу. «Кузены из Фалеза» были родственниками по линии матери Вильгельма Завоевателя — а он был незаконнорожденным; в этом нормандском городе они были известны как скорняки. Король оценил шутку о своем прадеде-бастарде.

В делах государственных Генрих был осторожен и осмотрителен; современники вспоминали, что он имел очень хорошие деловые качества и великолепную память на факты и лица. Все это — необходимые качества для правителя. Его основной целью было организовать и поддерживать свою империю, а для этого надо было уметь считать и рассчитывать. Именно поэтому Генрих всегда держал при себе свои чувства, доверяя их только тем, кто был ему очень близок; ему нужно было оставаться скрытным, чтобы добиться своих целей. В делах же большой политики он часто нарушал слово.

Через год после того, как он привел магнатов к подчинению, Генрих отплыл в Нормандию, где подобным же образом установил контроль над своими владениями. С собой он взял своего юного

советника. Томас Бекет был компаньоном короля, как близким другом, так и канцлером. Один из секретарей короля Пьер де Блуа писал, что «если у короля когда-либо появлялась привязанность к человеку, он редко бросал его»; прославленная верность дала сбой в случае с Бекетом. Для того чтобы правильно описать их отношения, понадобилась бы муза огня.

Бекет был из Лондона, в жилах его текла нормандская кровь, его быстро выделили для королевской службы. Он был остроумным и разговорчивым, серьезным, хотя и необразованным. Возможно, куда интереснее то, что у него было очень четкое ощущение своей значительности и важности. Он привлек внимание короля благодаря посредничеству архиепископа Кентерберийского Теобальда, который восхищался потрясающими способностями архидьякона в качестве секретаря и советника. Вскоре Бекет обнаружил себя объятым солнечными лучами королевской милости и как канцлер стал незаменимым. Как и Уолси после него, Бекет был одним из тех людей, кто разделял заботы своего повелителя, не посягая на его величие. Генриху не нравилась формальная и ритуальная сторона королевской власти, он предпочитал быстрые

суждения и неожиданные действия, поэтому Бекет стал оратором и послом, с радостью приняв на себя все обязанности по управлению государством, которые королю были не по душе.

Когда Бекет путешествовал, из этого получалась целая процессия. Во время дипломатического визита в Париж в 1158 году перед ним шествовали 250 пехотинцев, а окружал его эскорт из 200 рыцарей и сквайров. Его личный гардероб состоял из двадцати четырех смен шелковых одеяний. Когда через три года Генрих отправился в военный поход, чтобы захватить город Тулузу и прилегающие к нему районы, расположенные неподалеку от его земель в Гаскони и Аквитании, Бекет возглавил собственное войско из 700 рыцарей.

Вскоре после этого король предложил Бекету сменить Теобальда на посту архиепископа Кентерберийского. Сам король был не слишком благочестив. Он хотел видеть в Кентербери сговорчивого священнослужителя, поддерживающего его власть, и рассудил, что Бекет по-прежнему останется королевским слугой и советником. В этом Генрих ошибался.

Характер Томаса Бекета всегда вызывал расхождения во мнениях. Его репутация святого

великомученика затмевала все остальные его черты. Он был человеком, который всегда хотел играть значительную роль. Как и более поздний английский святой великомученик Томас Мор, Бекет всегда был на сцене. Он лишился своих двадцати четырех смен шелковых одежд и надел грубую рясу из мешковины, под которой копошились вши. Он жил на хлебе и воде и зарастал грязью. Внутри одного человека яростно боролись противоположности, и в этом отношении можно сказать, что он полностью отвечал средневековому духу. Бекет был горд и глуп, а также полностью уверен в своей правоте.

Едва став архиепископом в 1162 году, Бекет тут же начал противостоять королю. Он отказался давать шерифам Кентербери разрешение на отправку денег в королевскую казну, потом начал оспаривать решение короля о том, что священнослужителей, которых церковные суды признали виновными, следует передавать для наказания в руки светских властей. «У вас нет власти командовать епископами», — заявил Бекет. Но именно это король и хотел делать. Он собирался восстановить королевскую власть над английской церковью в стиле нормандских королей. Они не допускали вмешательства папы в дела Англии, а

папские легаты могли въезжать в страну только по приглашению короля. Поведение Бекета как агента престола Святого Петра привело короля в ярость. Генрих не оспаривал священную власть церкви, он просто требовал, чтобы она не вмешивалась в права и обязанности трона.

Если король начинал гневаться, то гнев его был устрашающим. Злость была особенностью Анжуйской династии, черной и яростной силой, которая сметала все на их пути. Один придворный записал случай, когда «король, охваченный своим обычным гневом, сорвал с головы шляпу, порвал пояс, разорвал свой плащ и одежды, содрал шелковое покрывало с кушетки и сидел во всем этом, как будто в какой-то навозной куче, жуя соломину». Таков был человек, который стал смертельным врагом Томаса Бекета. Король вознамерился уничтожить епископа.

В начале 1164 года Генрих и его советники выпустили состоящие из шестнадцати пунктов так называемые Кларендонские постановления, в которых королевская власть противопоставлялась интересам и требованиям папы. Вначале Бекет согласился на эти предложения, явно покривив душой, но потом дал обратный ход, отказавшись подписать документ. Осенью того же года король

созвал в Нортгемптоне совет, где присутствовали епископы и великие лорды королевства. На этот раз Бекет был обвинен в неуважении к двору и приговорен к штрафу, но король готовил дальнейшие меры. Бекету было приказано отчитаться за все средства, которые прошли через его руки как королевского канцлера, а также за те суммы, за которые он считался ответственным. Генрих не дал ему никакого пространства для маневра. Тогда Бекет решил эффектно обставить свое появление. Он въехал во двор зала заседаний Нортгемптона в своем официальном костюме, сжимая в руках большой крест.

Эта история стала широко известна и, возможно, при многочисленных пересказах обросла различными подробностями. Когда Бекет спешился, к нему подошли несколько епископов, которые попытались забрать у него крест.

— Если король будет размахивать своим мечом, — сказал один из них, — так, как ты сейчас размахиваешь своим крестом, то как можно надеяться на примирение между вами?

— Я знаю, что делаю, — ответил Бекет. — Я взял этот крест для защиты моей персоны и английской церкви именем Божьим.

Затем он вошел в зал, где запретил епископам

выдвигать против него какие-либо обвинения. Король потребовал, чтобы только лорды объявили приговор архиепископу. Бекет отказался его выслушать.

— Каким бы я ни был, — заявил он, — я ваш пастырь, а вы владельцы имений, носители власти, светские люди. Я не буду слушать ваших суждений.

Он вышел из зала с крестом в руке, провожаемый криками «Предатель!». Вскоре после этого Бекет тайно покинул страну.

Он отправился в Санс, где папа Александр III находился вместе со своим двором в изгнании, и припал к ногам понтифика. В длинном выступлении Бекет разоблачил высокомерие и отсутствие благочестия у короля, пытающегося разрушить власть церкви, и упомянул о своей роли как архиепископа: «Хотя я, сам не желая того, принял на себя эту ношу, именно человеческая воля, а не повеление Божье заставило меня так действовать». Он во всем обвинял Генриха: «Что же удивительного тогда в том, что я оказался в затруднительном положении?» Рыдая, Бекет сорвал епископское кольцо со своего пальца: «Передаю в твои руки, Отец наш, архиепископство Кентерберийское». Некоторые из присутствующих

кардиналов надеялись, что папа положит кольцо в свой карман, поскольку вовсе не хотели конфликтовать с королем Англии. Но Александр III вернул кольцо. «Получи еще раз из наших рук, — сказал он Бекету, — символ своей епископской власти».

Генрих, лишившись своей жертвы, впал во вполне предсказуемую ярость. Поскольку он не мог добраться до самого Бекета, король дотянулся до его людей в Кентербери. Их земли были конфискованы, а их родственников обязали поручиться за них; они были изгнаны из своих домов и стали заложниками королевской воли. Первый акт драмы был завершен.

Генрих II не говорил по-английски, используя только французский или латинский. Возможно, это вполне приемлемо для короля, который только треть своего правления провел в Англии, а остальное время — в Нормандии и других французских провинциях. Он родился в Ле-Мане и умер в Шиноне — оба этих города находились в его наследственном владении; он был очень глубоко привязан к стране своего отца. Генрих по анжуйской моде носил короткий плащ, а не длинные нормандские одежды. Анжуйская империя, в сущности, была частным феодальным

владением. Генрих не признавал никакой «внешней политики», кроме той, что преследовала его интересы и давала ему выгоды. И в этом он не отличался от других правителей своего времени.

Заслугой управленцев Генриха было то, что Англия не испытывала никаких волнений в долгие периоды пребывания короля во Франции; это еще одно проявление силы правительства в стране. Ключ к нему — в эффективном управлении или, скорее, в эффективном использовании. Различные налоги и пошлины росли по-разному, но все эти щитовые деньги, пошлины в пользу сюзерена и земельные налоги теперь перешли в область интереса лексикографов, а не экономистов. Достаточно сказать, что королевская власть не подвергалась сомнению. В 1170 году Генрих сместил всех двадцать трех шерифов королевства, подверг их следствию и снова назначил только шестерых из них. Такого не могло случиться во времена правления Стефана.

На самом деле, насколько это можно оценить, при Генрихе страна стала более процветающей. К концу XII века действовало 150 ярмарок и 350 рынков. Первая ветряная мельница появилась в Йоркшире в 1185 году. Первые церковные шпили, ставшие ныне такой знакомой чертой

английского пейзажа, выросли над известняками Нортгемптоншира и Линкольншира. Использование вместо быков лошадей ускорило сельскохозяйственные работы. Английская шерсть и олово пользовались большим спросом.

Английская деревня тоже процветала. Как мы уже видели, появилась она очень давно, но оказалась способной к изменениям. К XI веку ее неотъемлемой частью были церковь и господский дом, а также ряд маленьких домишек для зависимых крестьян, работавших на господской ферме за наделы земли. Вокруг деревни лежали открытые поля. В XII веке лорды, владеющие крупными поместьями, начали создавать и новые деревни. В стране не было нехватки рабочей силы, развивались рынки и прочие центры торговли. Дома работников часто строились вокруг прямоугольного участка земли, где мог пастись скот; у каждого дома был свой сад.

Записи манoральных судов XII века полны эпизодами из повседневной жизни деревни. Сапожник Филип Безносый был арестован из-за постоянной привычки подслушивать разговоры соседей; женщину по имени Матильда привели в суд из-за того, что она сломала изгородь; Эндрю Ноутман вытащил дочь Роджера-кровельщика

из ее дома за уши; Матильда Крейн имела привычку воровать цыплят и должна быть изгнана из деревни; паре, обвиняемой в распутстве, было приказано пожениться, если они повторят свой блуд.

Происхождение многих деревень можно проследить до доисторического периода, и жизнь в них была полна традициями и неотступным их соблюдением. В одном документе молодой человек описывается как «кровь деревни», чем подчеркиваются непосредственные родственные связи. Коллективные ритуалы также осуществлялись в течение многих сотен, если не тысяч лет. Почти до настоящего времени в деревне Полперро в Корнуолле существовала традиция скатывать к морю чучело мэра, а потом окунать его в воду. В деревне Хольн в Девоншире барашка привязывали к огромному каменному столбу, стоящему в центре поля, и группа молодых людей перерезала ему горло.

Крестьяне растили пшеницу и рис, ячмень и овес; они ухаживали за лошадьми, свиньями, коровами и быками, они варили эль. Некоторые из свободных землевладельцев не могли выплатить долги, и их заставляли продать свою землю; некоторые менялись своими участками. Чтобы

выполнять такие обязанности, как сбор штрафов, в деревне каждый год выбирали должностных лиц, это мог делать лорд или сами крестьяне. Пастуха нанимали одного на все семьи. Общество было строго разделено на классы, но очень сплочено, оно зависело от общих соглашений по главным вопросам сельской жизни. Также общество в какой-то мере основывалось на взаимной помощи. Как бы то ни было, какого бы уровня богатства ни достигала страна, о жизни самых низших классов фермеров и тружеников известно мало. История никогда не обращает внимания на бедных.

Количество городков в этот период быстро росло вместе с ускорением темпа экономической жизни; за сорок лет между 1191 и 1230 годами появилось около сорока девяти городов. Обычно их строительство планировал владетельный лорд, который желал основать рынок для близлежащих деревень. Потом он собирал арендную плату и налоги, зарабатывая значительно больше денег, чем можно было получить с сельскохозяйственных угодий. Епископ Линкольнский, например, проложил улицу с магазинами и домами около маленькой деревеньки; затем он подвел к ней главную дорогу. Таким образом был создан

рыночный город Тейм в Оксфордшире. Лидс появился на свет в 1207 году, когда лорд поместья Лидс, включающего в себя маленькую деревню, запланировал выделить тридцать участков под застройку с каждой стороны новой улицы, находящейся около переправы через реку Эр. Это было выгодным вложением, и мерой его успеха может быть тот факт, что спустя 900 лет городок все еще процветает. Где-то под современными сооружениями лежат пекарни, надворные туалеты, таверны и тюрьмы начала XIII века.

Многие из этих новых городков были построены по распоряжению или рекомендации короля и стали известны как королевские боро. Так, в 1155 году король постановил, что в Скарборо «должны платить мне ежегодно за каждый дом, чей фронтон повернут на улицу, четыре пенса, а за дома, боковые стены которых выходят на улицу, — шесть пенсов».

Более старые города, которые были основаны в I веке, а то и ранее, продолжали расширяться. Они приобретали самосознание. Их стены укреплялись и облагораживались; в Гулле, например, впервые построили окружающую город стену целиком из кирпичей. Людей, связанных с мэром, таких как его старшие офицеры, стали

называть *communia* или *communa*. В 1191 году в Лондоне была учреждена система управления с помощью мэра и олдерменов. Лидеры городов начали давать отпор внешнему влиянию; например, олдермены Лондона были достаточно могущественны, чтобы открыто не повиноваться королевскому суду в Вестминстере.

Лидеры городов строили стены и ворота, главные улицы вели прямиком на рыночную площадь. Торговцы одним товаром, например, сапожники или пекари, часто склонялись к тому, чтобы селиться рядом. Некоторые города уже славились определенными видами товаров, так мы слышим о домотканой одежде из Колчестера и о мыле из Ковентри. Тамплиеры основали в Бакингемшире город, который назвали Багдадом, надеясь создать там подобие огромного восточного рынка; теперь этот город именуется более прозаически — Бальдоком. Ярмарки были учреждены в Бостоне и епископском Линне, в Винчестере и Сент-Айвсе. В более крупных городах целая улица могла быть заселена торговцами одним и тем же товаром. Население также росло. К концу XII века в Лондоне насчитывалось 80 000 жителей, а в Норвиче и Ковентри — по 20 000 человек.

Первоначальные границы Стратфорда-на-Эйвоне, распланированного епископом Вустерским в 1196 году, до сих пор заметны на современных улицах; дома все еще стоят на тех участках, которые были отведены под них епископом, также сохранились и многие названия улиц. Разносчица XIII века все еще могла бы сориентироваться на улицах города. Даже такие великие города, как Лондон, по-прежнему хранят следы своего происхождения.

Торговцы из этих старых и новых городов способствовали развитию гильдий, что обеспечивало соблюдение законов и правил; эти гильдии купцов, как они назывались, процветали до такой степени, что в конце концов прибрали к рукам управление большинством городов. Гильдии существовали долго, они ведут свое начало примерно с IX или X века, но первоначально были чем-то вроде обществ благочестивой взаимопомощи: их члены молились за души погибших и поддерживали собратьев в случае острой необходимости.

Люди, торгующие одним и тем же товаром, стремились вступать в одну гильдию, так что свою роль играли не только духовные, но и экономические интересы. Торговцы становились

организованными. Они придерживались определенных правил производства и ведения дела. Они не допускали людей извне до своих «таинств» и установили строгую систему наставничества. Когда-то они встречались на церковном дворе или в зале собраний, но к концу XII века многие из таких гильдий уже имели собственные впечатляющие помещения, которые назывались местами собраний гильдии, или цехами.

Гильдии сохранили свои благочестивые устремления, сбор пожертвований на благотворительность и на расходы, связанные со смертью одного из членов; многие из них содержали часовню или, по крайней мере, ставили свечи на алтаре в ближайшей церкви. Они строили мосты и дороги, и развитие транспорта, кажется, было в их интересах. Гильдии мастеровых также отвечали за представления, которые назывались чудесами или мистериями и являлись самой важной часть английского театра в дошекспировскую эпоху. Такое слияние религиозной, социальной и экономической власти было характерно для Средневековья.

Таким образом, долгий период процветания городов в XII и XIII веках также был временем, когда особенно развилось чувство городской

общности. В некоторых отношениях тем не менее понятие общины было обманчивым, поскольку богатые горожане, считавшиеся «высшим сортом», создали олигархическую власть, собранную в руках небольшого количества семей. В Норвиче 60 % материальных ценностей было сосредоточено в руках 6 % населения. Это были люди, которые выступали присяжными в городских судах и занимали должности в местной администрации. Впрочем, рос общий интерес к поддержанию недавно появившихся привилегий и традиций. В лондонской коммуне, возникшей во время, когда взаимный антагонизм между купцами и мастеровыми был достаточно силен, на собраниях все еще можно было услышать голоса граждан, выкрикивавших «Да! Да!» или «Нет! Нет!».

Это ощущение корпоративной общности подкреплялось верой в то, что города были территориями относительной свободы. Люди, которые собирались в них, были связаны коммерческими соглашениями и не были субъектами трудовой повинности, как крестьяне в деревне. К началу XII века было принято, что если виллан проживет в городе год и один день, то он получает свободу. Сам воздух в городах был другим.

Мы могли бы увидеть деревянные дома и лав-

ки, между которыми были свободные участки, где копались куры и привязывали маленьких лошадей того времени. Многие из этих деревянных домов были двухэтажными, на первом этаже размещался магазин, а на втором — жилые помещения. Постоянные лавки стояли на одних и тех же местах, но шатры могли ставить и убирать через несколько дней. В любом городе было два-три каменных дома, принадлежавшие богатым купцам.

В Честере над утрамбованной землей улиц возвышался деревянный тротуар, который был как бы первым этажом; над ним строились дома, оттуда пешеходы могли заглядывать в витрины. В английских городах повсюду были грязь и отбросы, в которых рылись свиньи и ползали змеи. Бегущие по земле потоки воды зачастую несли отходы производства и экскременты. Не замолкал шум торговли и споров. Все были заняты, всегда заняты, с особой нахрапистостью и раздражительностью, характерными для средневекового периода в Англии.

Насколько судебная реформа была проведена силами королевских советников и каков был вклад в нее самого Генриха II — это хороший вопрос. Говорили, что он провел множество бес-

сонных ночей, обсуждая со своими советниками пункты законов, но все это может быть чистым вымыслом. Несомненно, за время его правления законы в Англии действительно ужесточаются; один из современников Генриха II Уолтер Мэп заметил, что король был «искусным автором новой судебной системы». Например, он потребовал, чтобы королевские суды регулярно приезжали в ширы и принимали на себя ведение дел, что раньше относилось к обязанностям шерифа или суда графства. Шесть групп по три судьи в каждой объезжали от четырех до восьми графств, так что оказывалась охвачена вся страна. Размещались они в Вестминстере, но оттуда до центральной администрации добраться было несложно.

Их деятельность, разумеется, прежде всего служила королевской выгоде при сборе штрафов и других податей; было хорошо известно, что королевские суды любят деньги куда больше, чем справедливость, и король ожидал «подарков» на всех этапах судебной процедуры. Богатый человек, обвиненный в преступлении, предлагал большую сумму «за милость короля». В грубом и жестоком обществе это казалось вполне естественным. Вы платите деньги за визит к врачу. Вы платите деньги за визит к судье. Закон был

еще одной формой власти. Он просто стал работать быстрее и эффективнее.

Но такие рациональные действия иногда имели неожиданные последствия. Распространение по всей стране единой королевской судебной системы создало условия для развития общего права. Национальный закон взял верх над местными традициями. Когда закон становится единым, он может в самом деле стать «общим» для всех. Чтобы подчеркнуть эту теорию *ius commune* (общего права), использовались специальные фразы: так, выражения «как это принято в Англии» или «согласно традициям этой страны» становятся стандартными формулами. Люди могли свести закон к порядку и к утверждению прецедента, он мог систематизироваться и стандартизироваться. Одна из самых важных работ по юриспруденции в истории страны «Трактат о законах и обычаях королевства Английского» (Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae) Ранульфа де Гленвиля была написана в царствование Генриха II. Не случайно, что история «правовой памяти» была начата во время правления старшего из выживших сыновей Ричарда I, в 1189 году. Генрих действовал в своих интересах, но его действия больше, чем что-либо еще, развили послушание

закону и обеспечили согласованное применение норм права. Он не имел никакого интереса к реформам и никак их не планировал. Король действовал исключительно в частных, эгоистических интересах, и его толкала вперед только сила обстоятельств. Он не имел никакого понятия о том, куда могут завести эти действия, только ожидал того, что они будут приносить ему все больше и больше денег. Так зародилось мощное изящество английских законов. Генрих создал систему, которая работает до сих пор.

Еще один неожиданный результат дала новая судебная процедура. Одной из функций судей было разрешать споры о собственности. Кто-то покушается на чужую землю — такой была одна из самых распространенных проблем в XII веке, когда большие и маленькие лорды постоянно пытались расширять свои владения. Судьи должны были созвать двенадцать местных жителей, которые могли бы дать совет по делу. По поводу происхождения английского суда присяжных все еще идут споры, и некоторые относят его еще к англосаксонскому периоду, но в XII веке мы, по крайней мере, можем наблюдать его систематическое использование. В течение пятидесяти лет жюри стало использоваться и в

криминальных делах. Суд присяжных заменил суд поединка или сурового испытания. Стороны, вовлеченные в такие процессы, призывались в суд с помощью исковых заявлений, которые в тот период приняли стандартную форму. Исковое заявление стоило шесть пенсов. Юридическая система страны создавалась выбранными наугад, непредсказуемыми средствами.

Все сошлось воедино. Создание королевского закона, который иначе можно назвать национальным, потребовало появления группы умелых юристов, чтобы толковать и исправлять принципы законодательства. В XI веке профессиональных юристов не было, а судьи являлись попросту слугами короля. В царствование Генриха II такие вакансии закрылись навсегда. К концу XII века «сведущих в вопросах права» обучали в Оксфорде. Вокруг судов в Вестминстере образовались импровизированные «юридические школы». Вскоре появилась группа так называемых людей закона. Они создали профессию, имеющую множество ролей и градаций. Они ели и пили вместе на разных постоялых дворах и в трактирах, которые позже превратились в «Линкольнс-Инн», «Грейс-Инн» и т. д.

Один из парадоксов Средневековья — это

существование чрезвычайной жестокости и беспорядка одновременно со стремлением к формальности и иерархии; Англия во многих отношениях была страной беззакония, но также она была и страной сутяг. Люди любили закон так же, как его не уважали; им его все время было недостаточно. Он утешал и успокаивал. Он представлял власть и традицию, пусть даже над ними и насмехались. Закон был словно доносящийся откуда-то голос короля, хотя если бы вы пришли в Вестминстер-Холл в судебный день, вы бы просто погрузились в бормотание голосов:

— Помимо всего прочего, я поражаюсь тому, что вы не понимаете сути дела.

— Суть дела — словно мишень для удара копьем. В нее трудно попасть.

— Не спорьте со мной об этом уложении. Я был одним из тех, кто его создал.

— Это принцип талиона, око за око, зуб за зуб!

— Аристотель мне друг, но истина дороже.

Пол в зале был покрыт охапками душистых трав, чтобы заглушить тяжелый дух множества людей и узников. Судьи носили с собой полотняный шар, пропитанный отварами аниса и ромашки.

Суд королевской скамьи, Суд общих тяжб и Суд

казначейства имели собственный судейский состав; особых младших адвокатов называли сержантами, их можно рассматривать как предшественников современных барристеров. Ожидалось, что со временем сержанты сумеют выслужиться в судьи. Профессионализация юриспруденции, таким образом, завершилась. Слушания стали более формальными и начали основываться на прецедентах. Мы даже можем говорить о приверженности букве закона, а не о законности. Судьи носили мантии пурпурного цвета и шапочки из золотого шелка. Сержанты были облачены в просторные одежды с вертикальными полосами темно-красного и синего цветов и круглые белые шелковые шапочки.

Прояснение закона и приведение его к стандарту означало, что само общество также приняло более определенную форму. Одна из новых процедур получила название *mort d'ancestor* («смерть предка») и позволяла любому свободному человеку заявить права на свое наследство. В частности, свободные арендаторы не могли быть изгнаны с земли своим лордом. Но некоторым людям было запрещено обращаться в королевские суды. Те, кто был не свободен, вилланы, которые жили на земле в обмен на трудовую повинность на полях

своего господина, были исключены из системы королевского правосудия. Чтобы отстоять свои права, они должны были обращаться в более мелкие местные суды. Другими словами, они по-прежнему зависели исключительно от милости своих господ.

В законах было закреплено, что «графы, бароны и свободные арендаторы могут законным образом… продавать своих сервов [*rusticos*], как быков и коров». Несвободные люди определялись как те, кто «вечером не знают, какую работу будут выполнять утром. Хозяева могут заковать их в оковы или забить в колодки, заключить в тюрьму, избить и выпороть в зависимости от своей воли, сохраняя их жизнь и конечности». Здесь речь идет о крайних случаях, а на практике традиции хранили многие права этих *rusticos*. Также лорд должен был доказать, что человек является несвободным, как сказал один юрист того времени: «Вначале вы должны подстрелить оленя, а уж потом сдирать с него шкуру».

Контраст между свободным человеком и вилланом стал единственным важным социальным разделением в стране, он лежал в основе уже существующей изысканной и сложной иерархии ролей и функций. Он был включен в сюжеты

рыцарских романов, где все герои делились на *vilain* (вилланов) и *courtois* (благородных). Суть титула рыцаря также изменилась, теперь он скорее подчеркивал владение какой-либо собственностью, а не военные заслуги и готовность к королевской службе. Постепенно рыцари адаптировались к новой роли. Они стали выполнять функции скорее в местном обществе, а не в масштабах всей страны, со временем превратившись в «джентри»[29] — слово, впервые использованное Батской ткачихой (женой из Бата) в «Кентерберийских рассказах» (The Canterbury Tales). «Дворянка» появилась к 1230 году, а «дворянин» — сорока пятью годами позже. Так что теперь у нас есть высказывание Джона Болла: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?»[30] Так постепенно создавалась классовая система Англии, основанная на собственности.

Те, кто жил в городах, по определению были свободны, и, таким образом, разница между свободной городской жизнью и несвободной де-

---

[29] Примечания: 29

Джентри — нетитулованное мелкопоместное дворянство. — *Прим. ред.*

[30] Примечания: 30

Цит. по: *Душенко К. В.* Всемирная история в изречениях и цитатах. М.: Эксмо, 2008.

ревней становилась все более заметной. Вполне можно сказать, что миф о некультурном деревенском оборванце, противопоставленном лощеному городскому жителю, который так часто появлялся у памфлетистов Елизаветинской эпохи и драматургов периода Реставрации, зародился именно в то время.

Конфликт между Томасом Бекетом и Генрихом II длился шесть лет, причем посредниками в нем выступали различные заинтересованные стороны, в том числе и сам папа. Дважды противники встречались во Франции, но их встречи вылились в жестокое противостояние. Казалось, самомнение и гонор обоих мужчин так велики и чувствительны, что не дают им возможности ни для какого компромисса. Но в конце весны 1170 года король устроил коронацию своего сына Генриха, которую провел архиепископ Йоркский в Вестминстерском аббатстве. Генрих Молодой Король был коронован как номинальный король при жизни своего отца для обеспечения безопасности династического наследования.

Коронация стала серьезным ударом против Бекета. Два аббатства Англии — Йорк и Кентербери — всегда боролись за уважение, власть и владения. Признанным правом архиепископа

Кентерберийского было короновать монархов и принцев, но король лишил Бекета этой привилегии. В ту эпоху особое значение статуса и прецедента не могло быть переоценено: именно на них стоял мир. Генрих заявил, что принц может быть коронован еще раз архиепископом Кентерберийским, если тот вернется в Англию. Бекет так был озабочен защитой привилегий своего титула, что убедил себя принять предложение. На французской земле состоялась третья встреча Генриха и Бекета. На ней были оговорены условия соглашения. 1 декабря 1170 года архиепископ вернулся в Англию.

Говорили, что, когда Бекет сошел на берег в Сануидже, встретили его враждебно. Также сообщалось, что вскоре он пересек Англию верхом, в сопровождении отряда рыцарей. Подтвердить или опровергнуть эти истории не представляется возможным. Лишь об одном событии можно говорить с уверенностью. Перед тем как отправиться в плавание через Ла-Манш, Бекет отлучил от церкви архиепископа Йоркского и других епископов, присутствовавших на коронации восемь месяцев назад.

Существовала латинская пословица «Ira principis mors est», что означает: «Гнев короля

— это смерть». Бекету предстояло доказать справедливость этого изречения. Когда новости об отлучении от церкви дошли до Генриха, ему сказали, что не будет ему ни места, ни покоя в Англии, пока архиепископ жив. То, как театрально и злопамятно Бекет обошелся с архиепископом Йоркским, казалось, подтверждает это. Бекет был человеком, который лопался от гордости и ощущения собственной правоты.

Возможно, король никогда и не говорил тех слов, которые ему приписывают: «Неужели нет никого, кто освободил бы меня от этого мятежного попа?» Но смысл высказывания Генриха они передают достаточно точно. Четыре рыцаря поймали короля на слове. Оставив двор Генриха на севере Франции, они каждый разной дорогой отправились к Ла-Маншу. Заранее договорившись, дворяне встретились в замке Солтвуд в графстве Кент, неподалеку от Кентербери. Оттуда они поскакали в собор.

Бекет занимался делами во внутренних помещениях, и, когда рыцари вошли, он спокойно поздоровался с ними. Их намерения тем не менее не были ясны, возможно, даже им самим. Есть признаки того, что они хотели арестовать архиепископа или заставить его снова покинуть

страну. Но по ходу дела их одолел гнев. Они начали оскорблять Бекета и угрожать ему; он спорил с ними и не испугался их враждебного поведения. Он прошел в собор, чтобы послушать вечерню. Монахи хотели запереть двери, но архиепископ им этого не позволил. Один из монахов, который был с ним в этот момент, Вильгельм Фицстефен, рассказывал, что Бекет мог бежать в любой момент. Вокруг него были темные коридоры и продуваемые всеми ветрами каменные лестницы; он мог спрятаться в крипте. Но архиепископ стоял в церкви и готовился к службе.

Четверо рыцарей распахнули дверь и ворвались вслед за ним с оружием в руках. Один из них плашмя ударил Бекета мечом по плечу, крикнув: «Попался! Теперь ты мертв!» Они попытались вытащить его из собора, но он сопротивлялся. Архиепископ был ранен в голову и упал на колени. Еще один удар снес ему верхнюю часть черепа. Убийцы добили Бекета там, где он лежал.

В смерти Бекет воистину восторжествовал. Лидеры христианского мира искренне ужаснулись убийством архиепископа в его соборе; с этим могло сравниться только убийство самого папы. Король знал, что теперь весь мир будет злословить по его поводу. Он удалился в свои

покои и три дня отказывался от еды и питья. В свою очередь, враги обдумывали достойную месть. Король Франции Людовик VII заявил, что «человек, применивший насилие к своей матери [Церкви], восстает против всего человечества… Такая беспрецедентная жестокость требует беспрецедентного воздаяния. Пусть меч святого Петра отомстит за мученика из Кентербери». Бекет уже был увенчан венцом великомученика, хотя канонизировали его только через три года.

Очень быстро вокруг места убийства вырос некий культ. Сразу же после смерти архиепископа некоторые его домашние и, возможно, даже какие-то люди из Кентербери поспешили в собор, они отрывали кусочки своей одежды и обмакивали их в кровь Бекета. Этой жидкостью они смазывали себе глаза. Рассказывали, что другие люди приносили сосуды, чтобы наполнить их кровью, сочащейся из мертвого тела. Такой была осязательная и подсознательная сторона средневековой набожности. Позже монахи из Кентербери организовали успешную торговлю «водой Бекета», в которой находилась капля его крови. Маленькие сосуды из оловянного сплава производились в больших количествах, каждый из них снабжался надписью на латинском:

«Вся слабость и вся боль уйдут, исцеленный будет пить и есть, а зло и смерть исчезнут». Если такого чудесного исцеления не происходило, то все тут же соглашались, что этому страдающему мужчине или мучающейся женщине не хватает благочестия. После того как была воздвигнута усыпальница Бекета, к ней в больших количествах начали приходить паломники. «Кентерберийские рассказы» Чосера посвящены как раз им.

Одним из таких паломников был сам король. Летом 1174 года Генрих, которого тревожили враги, наступающие из Шотландии и из Фландрии, совершил официальное и ритуальное покаяние в смерти Бекета. За милю от Кентербери он спешился и снял свои шелковые одежды; затем король босым прошел весь путь до собора, в кровь сбив себе ноги. Войдя в церковь, он, рыдая, простерся перед алтарем. Колокола собора звонили, собирая на этот спектакль, изображающий акт покаяния, как можно больше зрителей. Короля проводили в усыпальницу, где он разорвал на себе рубаху. Собравшиеся епископы «наказали» его тело несколькими ударами хлыста, без сомнения, они не были жестоки к своему великому лорду. Остаток дня и ночь король провел

в страстных молитвах, не принимая ни еды, ни питья. Закончил он свой пост, выпив немного воды, освященной кровью Бекета. Король был очищен. Результат последовал незамедлительно, и он был почти что чудом: его шотландские враги потерпели поражение.

За возвращение папской милости Генриху пришлось заплатить немалую цену. Его заставили принять положение о том, что все дела священнослужителей будут разбирать только в церковном суде. Так был установлен обычай, известный как «привилегия духовного звания», который постепенно превратился в привилегию грамотности: любой человек, который мог прочитать короткий отрывок из Библии — обычно начало пятьдесят первого псалма, «стих спасительный», — получал помилование и избегал смертной казни.

Возможно, Господь благословил Генриха на битву против врагов, но он проклял короля в отношении его детей. Оставшиеся годы царствования Генриха прошли в сражениях с его четырьмя сыновьями, которые, как и их анжуйские предки, отличались свирепостью и жестокостью. Теоретически Генрих разделил свою империю. Его старший сын Генрих должен был унаследовать Англию вместе с Анжу и Нормандией; второй

сын Ричард получил герцогство Аквитанское. Третий сын Джеффри с помощью брака стал герцогом Бретонским. Младший сын Иоанн не получил ничего, отсюда и возникло его прозвище Иоанн Безземельный.

Это была очень вздорная семья, неурядицы которой дали бы богатую пищу для творчества Шекспира. Пьеса об этих противоборствующих принцах перещеголяла бы самого «Короля Лира». Братьев объединяло только одно — каждый преследовал исключительно свои интересы; эгоизм был у них в крови. Они заботились только о своем гоноре и о своей власти; они сражались друг с другом на всех прилегающих территориях, они строили замки на земле друг друга, и они не давали королю примирить их.

В своего рода приступе династического безумия двое старших сыновей подняли восстание против своего отца при поддержке матери, которая из тех же практических соображений пошла против мужа. Когда король вошел в Лимож, главный город молодого Генриха, его встретил град стрел. Тем не менее армия короля взяла верх, и в страхе перед ним принц бежал из города. Он скитался по своим владениям, получая очень мало поддержки, и в этих странствиях подхватил

дизентерию. Генриху не хватало решительности и умений его отца, по тем временам он считался идеальным принцем, обходительным и любезным, но король, который из него бы получился, мог и разочаровать. Казалось, он вполне годен для того, чтобы быть правителем, но только так никогда им и не стал. Летом 1183 года Генрих Молодой Король умер, так и не помирившись с отцом, ставшим его врагом.

Но оставалось еще трое братьев. Предполагалось, что Ричард, который теперь стал старшим, займет место Генриха. Взамен король потребовал, чтобы свои права на Аквитанию Ричард передал принцу Иоанну. Ричард, основываясь на принципах права от рождения, отказался это сделать. Он покинул двор и вернулся в Аквитанию. Король посоветовал Иоанну набрать армию и выступить против старшего брата. Но у Иоанна собственной армии не было, и он вошел в союз с еще одним братом, Джеффри, который командовал большой армией наемников в Бретани. Двое младших сыновей вместе выступили против старшего брата. Достигли они очень немногого, если не считать нескольких хвастливых побед в схватках, а вот Ричард в ответ завоевал Бретань.

Генриху II казалось, что его империя стала

государством, где царит беспорядок, и что она может пасть под сокрушительным воздействием междоусобных войн. Он призвал трех своих сыновей в Англию. Здесь было решено, что Иоанн должен стать королем Ирландии, что отменяет его притязания на Аквитанию. Ричард вернулся в свое герцогство. Но он не остановился на этом очевидном успехе. Кажется, теперь король решил изменить порядок наследования и передать Англию и Нормандию Джеффри; англо-нормандские территории хорошо подходили к феодальному владению Джеффри — Бретани. Это было очень тщательное разделение земель, но вскоре оно было уничтожено. Джеффри был убит во время поединка на турнире в Париже.

Теперь братьев осталось двое: Ричард и Иоанн, которых романтичные историки XIX века назвали Ричардом Львиное Сердце и Иоанном Зловещим Королем. На самом деле они мало чем отличались, оба были жадными и высокомерными, и в Английском королевстве их интересовало только одно — возможность обогатиться. Генрих пять лет держал своих сыновей в неведении, отказываясь сообщить имя наследника, но, так как он старел, решение проблемы становилось все более неотложным. В 1188 году Ричард, к

разочарованию его отца, согласился передать свое герцогство под юрисдикцию французской короны.

На последовавшем за этим решением обсуждении, где участвовали все заинтересованные стороны — Ричард, король Англии и король Франции, — снова был поднят вопрос о порядке наследования. Ричард потребовал от отца заверений в том, что тот назовет его своим наследником. Генрих отказался. «Тогда, — сказал Ричард, — я могу сделать только то, что ранее казалось немыслимым». Он снял с себя меч и, преклонив колени, принес королю Франции вассальную присягу за Нормандию и Аквитанию. Другими словами, он отказался от претензий своего отца на бóльшую часть Анжуйской империи. Отец и сын разошлись в разных направлениях.

По прошествии времени кажется, что Генрих вряд ли бы лишил своего старшего сына трона: это полностью шло вразрез со средневековым принципом правильного наследования. Но, разумеется, Ричард ни в чем не мог быть уверен. Он довел дело до открытого военного противостояния с отцом, сражаясь среди городов и замков Северной Франции. Лето 1189 года было жарким, а английский король был нездоров. Поднятая

им самим волна обернулась против него. Кому теперь хотелось защищать старого короля Англии в войне против молодого принца и короля Франции?

Генриху пришлось пойти на условия противника. Он дал обещание, что Ричард будет его наследником. Когда отец, согласно ритуалу, целовал своего сына, он, по словам Ричарда, прошептал ему на ухо: «Пусть Господь хранит меня, пока я тебе не отомщу». Но старый король уже умирал. Его перенесли в носилках в Шинон в долине Луары, где он попросил зачитать список людей, уже присягнувших на верность его сыну. Первым в нем значился Иоанн. Генрих отвернулся к стене и больше не слушал. Последним из того, что он сказал, очевидно, были слова: «Позор, позор поверженному королю!» Но моралисты часто искажают предсмертные фразы. Тело Генриха II похоронено в аббатстве Фонтевро.

Если Генрих вообще остался в памяти потомков, то только благодаря связи с Томасом Бекетом. Но гораздо большего нашего внимания заслуживает его вклад в национальную систему судопроизводства и создание общего права. Возможно, проводя эти изменения, он больше руководствовался своей выгодой, чем политиче-

скими соображениями, но происхождение самых важных юридических институтов делает обвинение несостоятельным. Все вокруг запутанно и неясно. Написание истории — это часто еще один способ дать определение хаосу.

14
Потерянная деревня

Заброшенная деревня Уаррам-Перси находится на склоне долины, на краю Йоркширской пустоши. Церковь Святого Мартина в ней лежит в руинах; земляные валы обозначают места, где находилось жилье. Они представляют собой прямоугольные насыпи, где когда-то стояли дома. Песок виднеется сквозь траву там, где когда-то были тропинки и дороги. Остатки дома помещика и длинного дома до сих пор стоят рядом с остовами более маленьких домов из известняка. Бóльшая часть каменных сооружений ушла под землю и оказалась покрыта травой и сорняками. Жизнь деревни прервалась, но остались следы ее существования, которые пережили сотни лет.

В Англии более 3000 заброшенных деревень — молчаливое доказательство общественной жизни в прошлом. Старый крест с рыночной площади стоит среди деревьев в парке Степлфорд в Лестершире, сам рынок и деревня давно исчезли. Ряд лютиков, пробивающихся из влажной почвы около стены, указывает на забытую межу.

Обитатели этих деревень покидали свои дома по многим причинам. Огонь, голод и болезни в течение многих веков делали свою работу; постепенное уменьшение населения сказалось на деревнях. Некоторые из них исчезли, чтобы освободить место для пастбищ, и лорд насильно выселил их жителей с земли. Так, в деревне Торпа в Норфолке 100 человек «покинули свои дома рыдая, стали бездомными и безработными и в конце концов умерли в бедности, так закончив свои дни». Цистерцианские монахи много знали о таких методах выселения.

Раскопки Уаррам-Перси, продолжавшиеся больше пятидесяти лет, открыли доказательства того, что стены и части стен постепенно перестраивались. Схема поселка, по всей видимости, была закреплена еще в X веке: отдельные дома выстраивались в ряды вдоль двух главных улиц. Дом помещика был построен в то же время, а второй помещичий дом появился тремя веками позже. В этом втором доме были большой зал, голубятня и амбар. В течение всего периода прилегающие земли засеивались пшеницей и ячменем, на них пасли овец и коров, а также выращивали лен и коноплю.

Некоторые из самых первых домов были длин-

ными, их размеры составляли примерно 4,5 на 15 метров, в одном конце обитали животные, а в другом — люди. В этих длинных домах жили в тот же период, что и в простых двухкомнатных коттеджах; возможный размер зависел от состоятельности каждого владельца. Вначале коттеджи строили из бревен, но в конце XIII века дерево заменил камень. Постоянно что-то строилось и перестраивалось, поэтому казалось, что деревня дышит и двигается. У коттеджей были «задние садики», которые выходили на «заднюю тропу», отделяющую ферму от обрабатываемой земли. В деревне были две мельничные запруды и треугольный пустырь, заросший травой. На нем находились два загона для скота. Один из этих круглых загонов мог использоваться как арена для петушиных состязаний или боя быков.

Этот полностью средневековый пейзаж насквозь обманчив. Поскольку расположение деревни обуславливалось наличием в непосредственной близости шести родников, понятно, что эта территория манила к себе и более ранних английских поселенцев. С помощью полевой археологии в двух шагах от деревни было найдено место мезолитического поселения, а также доказательства расчистки лесов в эпоху неолита

и в бронзовом веке. Наличие каменных топоров и кремней позволяет предположить, что люди постоянно обитали на этой территории. В лощине к югу от церкви был обнаружен постепенно повышающийся уровень земли или маленькая насыпь, которая делалась с неолита до позднего Средневековья. Около церкви Святого Мартина на естественном возвышении нашли остатки крупного захоронения железного века. Это место всегда было священным. Под первым домом помещика обнаружили признаки существования строения римской эпохи. В деревне под более поздними культурными слоями остались заметные следы трех римско-британских ферм, которые соединяли дороги. Также сохранились остатки трех зданий в саксонском стиле VI века.

Таким образом, преемственность обитания людей в Уаррам-Перси можно проследить на протяжении многих тысяч лет, с того времени, когда первые кочевники вставали в этом месте лагерем. В самом деле, похоже на то, что даже сама форма деревни определяется расположением полей доисторической эпохи. Жизнь деревни продолжалась, пока не возникла нужда в новых пастбищах или не вмешалась болезнь. Население Уаррам-Перси начало уменьшаться в XV веке,

полностью она опустела в начале XVI века.

Уаррам-Перси — это не единичный пример. Просто так случилось, что это единственная деревня в Англии, которая была так тщательно исследована. Можно предполагать — хотя это и не доказано, — что многие английские деревни имеют доисторическое происхождение. Никто не проводит раскопки, чтобы найти их корни, поскольку на этой земле по-прежнему живут. История самых старых поселений в стране похоронена в безмолвной земле.

15
Великая хартия

О короле Ричарде I говорили, что он заботился только о той славе, которую мог добыть своим мечом, и был счастлив только тогда, когда королевский меч был обагрен кровью врагов. У него была львиная ярость, а не львиное сердце. Еще в юности на его долю выпало достаточно сражений; как мы увидим, часто его противниками становились члены собственной семьи.

Хотя Ричард родился осенью 1157 года в Оксфорде, он во многом был связан с Францией. Как герцог Аквитанский, он управлял большой территорией, которую по богатству и престижу можно было сравнить с Англией; он владел не каким-то придатком Анжуйской империи, а буквально ее центром. Тем не менее во Франции он был всего лишь герцогом, а в Англии — королем. Это все меняло. У него не было никакого интереса к самой стране, она его нимало не беспокоила; он просто хотел быть сувереном по божественному праву. На своей коронации осенью 1189 года Ричард стоял в одних штанах с голой грудью, и архиепи-

скоп Кентерберийский помазал освященным елеем его грудь, голову и ладони. Это был знак священного королевского сана. Потом Ричард надел церемониальные одежды и был коронован. Обычно архиепископ брал корону и возлагал ее на голову короля. Ричард опередил его движение и сам протянул корону священнику. Это был очень характерный для него самонадеянный жест. Конечно, Ричард выглядел соответственно своему положению. Он был высокий — около 190 сантиметров ростом, в XII веке такой рост делал его практически гигантом, у него были сильные руки и ноги и пронзительные синие глаза.

Порицания Ричарда за страсть к войне можно было бы в лучшем случае считать давно устаревшими. Короли должны были сражаться, воинственный правитель считался хорошим правителем. Если Господь был милостив к монарху, он посылал ему успех в битве. Война была одной из главных привилегий или обязанностей владыки, поскольку этим временам она свойственна. Двое наименее воинственных королей средневековой Англии — Ричард II и Генрих VI — очень часто считаются неудачниками; оба они были свергнуты с престола и убиты. Поэтому

военная доблесть была чрезвычайно важна.

Один из ключей к пониманию не слишком сложного характера Ричарда лежит в рыцарском кодексе чести и прилагающемся к нему понятии куртуазной любви. На определенном уровне рыцарство можно понять как установленный порядок, при котором законы чести ставятся выше законов справедливости и правосудия. Так, в бою рыцари щадили жизни других рыцарей и относились к ним с уважением, но без всякой задней мысли убивали и насиловали детей и женщин из простого народа. Хитроумные законы войны управляли и осадами городов. Культ рыцарства был столь же мало связан с настоящей войной, как и схоластическая теология была слабо связана с ежедневной службой в приходской церкви.

Ричарду нравилось участвовать в турнирах. Турниры тогда еще не были тщательно отрежиссированными представлениями, как в XV веке; это были настоящие бои, происходившие на большом участке земли между тренированными отрядами рыцарей. Они были очень близки к настоящей битве, если не считать одного условия: упавший с лошади рыцарь удалялся с поля и должен был отдать свое оружие и коня противнику. Турниры были так опасны и пагубны

(рыцари часто получали серьезные увечья, некоторые гибли), что Генрих II даже запретил их в Англии. Но в Аквитании они оставались очень популярными.

В этом французском регионе также процветал культ куртуазной любви — влечения, которое прославляли трубадуры Прованса и Аквитании, в песнях и балладах воспевавшие любовь женщины как источник силы и наслаждения. Рыцарь сражался за свою даму; любовь к ней делала его сильнее и храбрее. Любовь была скорее поклонением, а не жаждой обладания. Как и платонические чувства, которые обычно испытывал мужчина к мужчине в более древних культурах, эта любовь была тенью или отзвуком небесной гармонии. Теоретически рыцарь считался целомудренным и благочестивым, его образцом стал сэр Галахад. Два принципа рыцарства и куртуазной любви в жизни часто оказывались достаточно далеки от реального опыта, но оба они представляли собой благочестивую попытку вписать войну и супружескую измену в контекст божественного мира. Все это прямо повлияло на самоощущение Ричарда I и его королевское величие. В то время считалось, что он владеет мечом короля Артура Экскалибуром. И нельзя

забывать, что «Смерть Артура» (Le Morte d'Arthur) Томаса Мэлори была переводом французских рыцарских романов.

Едва только корона была возложена на голову молодого короля, как он начал готовиться к Крестовому походу против Саладина и взятию Иерусалима. Крестовые походы очень соответствовали духу рыцарства, поскольку преследовали религиозные цели. От рыцарей-крестоносцев ожидалось, что они будут готовиться к походу с помощью ночных бдений, постов и молитв. Члены Армии Христовой считались паломниками в той же степени, как и солдатами. Вырос культ воинственных святых, таких как Георгий Победоносец и святой Мартин, члены рыцарских орденов — тамплиеры и госпитальеры — совмещали функции монаха и рыцаря. Для Ричарда Третий крестовый поход состоялся в самое удобное время. Святой город пал за два года до его коронации, и Ричард немедленно «принял крест». Теперь ему оставалось только отправиться вместе с этим крестом в бой. Ричард был единственным английским королем, который когда-либо становился крестоносцем.

Для Крестового похода были нужны деньги. После коронации Ричард провел в Англии три

месяца, и за этот короткий период попытался распродать все, чем владел: земли, дворянство, епископства, замки, города и должности при дворе. Он говорил, что продал бы даже Лондон, если бы нашел на него покупателя. Страна для него была всего лишь машиной для производства денег. Ричард опустошил отцовскую сокровищницу, он выколотил кредиты, он повысил налоги. Дань, которой новый король обложил свое королевство, сыграла не последнюю роль в восстании, закончившемся появлением Великой хартии вольностей. Английская знать возражала не просто против правления короля Иоанна, она восстала против самой идеи иметь на троне Анжуйскую династию, при которой, с ростом сильного центрального управления, их дела шли все хуже.

Крестовый поход Ричарда I напрямую не отразился на истории Англии, если только не считать того, как от этого похода пострадали финансы страны. В непростом путешествии по Святой земле Ричард показал себя прекрасным солдатом и компетентным управленцем. Он сумел доставить свой флот и армию на восточное побережье Средиземного моря, при этом захватив ценную добычу — остров Кипр; он пообещал лидеру Кип-

ра, что не закует его в железо. И, как это подобает рыцарю, король свое слово сдержал: для того чтобы заковать этого неудачника, Ричард приказал сделать серебряные цепи. Куда важнее то, что он сумел выстоять против Саладина — самого изобретательного и способного военного лидера своей эпохи. О его злой воле говорит тот факт, что он приказал обезглавить все 3000 пленных, захваченных в Акре. Среди своих людей король поддерживал дисциплину, если не сказать — восхищение собой. Усама ибн Мункыз, сирийский аристократ и воин XII века, описывал европейских крестоносцев как животных, обладающих только смелостью и умением сражаться, но больше ничем. Возможно, это описание подходило и английскому королю.

Один из хронистов этого похода отмечает, что Ричарда стали называть львом, потому что он никогда не прощал оскорблений. Он быстро гневался и мог быть свирепым, как зверь. Если судить монархов только по их военным успехам, Ричарда можно назвать одним из величайших королей Англии. Он не смог взять Иерусалим, но легенды о походе Ричарда в Святую землю жили еще очень долго после его смерти. Говорили, что еще сотни лет турецкие матери утихомиривали

своих расшалившихся детишек, грозя, что придет «малик Рик» или «король Ричард».

Когда Ричард не шел во главе своего войска, он был не так удачлив. Возвращаясь в начале зимы из Крестового похода, он обнаружил, что морские пути заблокированы. Тогда он решил двигаться по суше, через территории соперников и врагов, притворившись паломником. Понятно, что его появления ждали с нетерпением или его выследили. В конце 1192 года Ричард был арестован людьми австрийского герцога Леопольда V.

Английский король был желанным трофеем. Его заточили в замке на скалистом берегу Дуная; Ричард томился там, пока правители Европы решали его судьбу. Герцог Австрии продал короля своему господину Генриху VI, германскому королю, в то время как французский король Филипп II Август старался извлечь для себя как можно больше выгоды из сложившейся ситуации. Он призвал брата Ричарда Иоанна к французскому двору. Они пришли к соглашению. Иоанн принес клятву верности французскому королю, а в обмен Филипп пообещал поддержать узурпацию трона Иоанном. Иоанн вернулся в Англию и объявил, что его брат мертв. Никто ему не поверил.

Иоанну пришлось защищаться. Священники,

которых Ричард оставил у власти, в особенности епископ Солсберийский, подняли армию и заперли его на территории между двух его самых больших замков. Епископы прекрасно понимали, каким влиянием обладают. Потом пришла новость о том, что германский император готов освободить английского короля за 70 000 марок. Позже эта сумма выросла до 150 000. Король не был мертв, он явился, чтобы потребовать со своих подданных огромные деньги. Чтобы выплатить за него выкуп, власти подняли налоги с любого дохода и любой собственности до 25 %, из церквей изымали золото и драгоценности, а также был конфискован годовой доход цистерцианцев от продажи шерсти. Страну и вправду ободрали как липку.

Филипп Август и Иоанн предложили Генриху VI бóльшую сумму только за то, чтобы он и дальше держал Ричарда в заключении, но после долгих торгов предложение было отклонено. Это не остановило Иоанна, который искал, как бы продлить пребывание своего брата в тюрьме. В феврале 1194 года, после того как выкуп германскому императору был уплачен, Ричарда освободили. Король Франции послал Иоанну сообщение: «Будь осторожен. Дьявол на свободе».

Через месяц после своего освобождения дьявол прибыл в Сануидж. Говорили, что местный лорд, завладевший замком в пользу Иоанна, умер от ужаса, услышав эту новость. Для того времени было характерно, что горстка людей, большинство из которых состояло друг с другом в родстве, управляла судьбами многих стран. Семейный феодализм мог стоить тысячи жизней.

Ричард не слишком тревожился из-за восстания своего брата. Говорили, что, когда король, еще будучи в заточении, узнал эту новость, он сказал: «Иоанн — не тот человек, который может завоевать страну, если в ней есть кто-то, способный сопротивляться его попытке». В этом Ричард оказался прав. И после своего возвращения он показал себя потрясающе великодушным по отношению к своему брату. Иоанн оставался в Нормандии, боясь возвращаться в Англию, а когда король сам переплыл Ла-Манш, Иоанн со слезами на глазах выразил ему свое почтение. «Ты еще ребенок, — сказал Ричард. — Ты попал в плохую компанию». Он прекрасно знал, что Иоанн может и сам в один прекрасный день узурпировать трон, и не хотел отдалять его от себя. В любом случае король принял меры предосторожности и объявил своим наследником племянника

Артура Бретонского (сына его брата Джеффри, убитого на парижском турнире), но кто, как не он сам, мог знать, куда заводят превратности судьбы? Отправляясь на Святую землю, Ричард женился, но детей у него не было. Многие предполагают, правда без всяких на то оснований, что, как и многие мужественные герои, король Англии был гомосексуалом.

После своего возвращения из тюрьмы Ричард провел торжественный ритуал возложения короны в соборе Винчестера. Это был способ продемонстрировать подданным неувядающее величие его власти. В Англии Ричард надолго не задержался. Менее чем через два месяца он пересек Ла-Манш, чтобы потребовать у короля Франции те территории Нормандии, которые тот завоевал, и чтобы сбить спесь с некоторых воинственных сеньоров Аквитании. Его пребывание в тюрьме, откуда он мог и не выйти живым, вызвало бунты. Следующие пять лет Ричард оставался во Франции, сжигая города и захватывая замки, подчиняя себе земли огнем и мечом. От английских подданных ему требовались только деньги и люди, и эти требования были непомерны; по словам современника, вся страна, от моря до моря, была повергнута в нищету.

В последнее лето его жизни к королю приехал Хью, епископ Линкольнский, который прибыл в великолепный замок Шато-Гайар в Нормандии и испросил аудиенции. Он хотел вымолить возвращение конфискованных поместий на территории своей епархии. Хью обнаружил Ричарда в церкви, слушающим мессу, сидя на королевском троне, с каждой стороны которого стояли епископы Дарема и Или. Хью поприветствовал короля, но Ричард отвернулся.

— Ваше величество, поцелуйте меня, — сказал Хью.

Ричард по-прежнему смотрел в сторону. Тогда епископ схватил его за край одежды.

— Вы должны мне поцелуй, — сказал он, — потому что я проделал долгий путь, чтобы увидеть вас.

— Вы не заслуживаете моего поцелуя, — ответил король.

Епископ потянул короля за плащ:

— У меня есть все права на один поцелуй. Так целуйте же меня!

Тогда Ричард с улыбкой сдался. Позже он сказал: «Если бы другие епископы были как он, то никакой король или другой правитель не решился бы выступить против них».

Из-за чрезмерных поборов со стороны короля произошли и другие события, свидетельствующие о нетерпении и потрясении народа. Жители Лондона считали, что с ними обходятся несправедливо и просто губят их налогами, и обратились с жалобой к Вильяму Фиц-Осберту (Длиннобородому). Он носил длинные волосы и бороду по моде своих саксонских предков. Он выступил «защитником народа» и у креста святого Павла заявил, что богатые должны нести бремя военных расходов на своих плечах. Говорят, что его поддержали 52 000 лондонцев, но власти города начали за ним охоту. Вильям убил офицера, которого послали его арестовать, и нашел убежище в церкви Сент-Мэри-ле-Боу, откуда его заставило выйти через четыре дня ниспосланное свыше пламя. Ему нанес удар сын офицера, которого убил Фиц-Осберт, Вильям был ранен, и его арестовали, привязали к хвосту лошади и притащили на виселицу в Тайберне. Сторонники объявили Фиц-Осберта мучеником, а цепь, которой его сковали перед повешением, стала источником чудесных исцелений. Сама виселица была священной, и так много было людей, которые хотели набрать залитой кровью земли, что на месте, где умер Вильям Длиннобородый, возникла большая яма.

Ричард I никогда больше не вернулся на землю, которую не любил, но которой правил. Он умер от опасных ран, полученных в сражении при Лиможе, и на смертном одре потребовал, чтобы его сердце хранилось в соборе Руана, а тело было положено в могилу его отца в церкви аббатства Фонтевро. Так что Англии ничего не досталось.

Итак, остался только один из братьев. Иоанн, младший из сыновей Генриха II, был еще жив. Он является одним из самых интересных королей в английской истории, прежде всего из-за своей неприятной репутации. Он соперничает с Ричардом III за звание самого злобного короля Англии. На самом деле Иоанн и Ричард были не более порочными и хитрыми, чем большинство других прославленных правителей; возможно, им просто не повезло с хронистами, которые решили писать о них. Оба монастырских хрониста царствования Иоанна — Роджер Вендоверский и Матфей Парижский — были одинаково враждебны к нему. Шекспир, конечно, больше других приложил руку к тому, чтобы очернить образ Иоанна перед потомками своей очень драматичной, но чрезвычайно преувеличенной версией событий. Входит король Иоанн, сцену заливает огонь.

Молодость Иоанна уже промелькнула, омра-

ченная предательствами отца и братьев. Тем не менее он все еще оставался Плантагенетом, и священная кровь этого семейства имела значение. Генрих II назначил его правителем Ирландии, но Иоанн показал себя неспособным к этой должности: его юношеская гордость и глупость заставили лидеров этой страны отвернуться от него. Ему вручали поместья и замки по всей Анжуйской империи, и он отвечал за управление шестью английскими графствами, которые платили налоги напрямую в его казну. В отсутствие Ричарда I Иоанн создал в Англии и Нормандии собственный двор, где бывали самые хитрые и амбициозные магнаты. Он был восходящим солнцем, но не единственным кандидатом на престол.

Как мы уже видели, Ричард I назвал Артура Бретонского своим наследником, и племянник двенадцати лет от роду действительно угрожал Иоанну. Бароны Анжу, еще одной части Анжуйской империи, уже поддержали мальчика. Аквитания колебалась. Английские и нормандские магнаты, осторожные и подозрительные, поддержали Иоанна. Хотя его нельзя было считать англичанином, он, по крайней мере, больше принадлежал Англии, чем Артур Бретонский. Услышав о смерти брата, Иоанн поспешил

в Нормандию, где в соборе Руана был объявлен герцогом Нормандским; потом он отплыл в Англию, где весной 1199 года был коронован в Вестминстерском аббатстве. Ему потребовался всего месяц, чтобы взять власть в свои руки.

Он был сантиметров на тридцать ниже Ричарда и, наверное, страдал от постоянных сравнений с отцом и братом. Конечно, он вырос при дворе, в атмосфере более чем злобного соперничества и подозрений, в семье, где брат восставал против брата, а сыновья боролись против отца. Ничего удивительного, что Иоанн производил впечатление опасливого и недоверчивого короля. Ходил он всегда с оружием и охраной.

Он не был обделен чувством юмора, хотя довольно странного рода. Когда король и его лошадь провалились в болото около замка Алник в Нортумберленде, он потребовал соответствующего наказания для жителей города, которые не содержали дорогу в порядке. Иоанн приказал, чтобы каждый новый горожанин в день святого Марка пробирался через это болото пешком. Традиция все еще соблюдалась в начале XIX века. Когда папа наложил на Англию интердикт[31], король

[31] Примечания: 31

Интердикт — временное запрещение всех церковных действий и треб, налагаемое папой или епископом. — *Прим. ред.*

приказал держать любовниц всех священников в заключении, пока любовники не выкупят их. Это было чрезвычайно интересное наказание. Есть и еще одно занимательное свидетельство о царствовании Иоанна. Среди свитков пергамента, которые создавались в беспрецедентных количествах, есть один, где говорится, что «жена Хью де Невилла дает его величеству королю две сотни цыплят, за что может провести одну ночь в постели своего мужа». Точный смысл этой записки не совсем ясен, но она может означать, что леди была одной из королевских любовниц и попросила разрешения на время вернуться в супружескую постель. Эти три примера показывают ту сторону средневековой жизни, где соседствовали смех и жестокость.

Король Иоанн, как и его предки — Плантагенеты, был способен на вспышки гнева. Когда какие-то монахи из Фэйвершэма заперлись в своей церкви, чтобы не дать королю поставить над ними выбранного им настоятеля, он приказал сжечь весь монастырь; никто не поспешил выполнить приказ, и Иоанн смягчился. Короли и королевы всегда имеют дурной нрав — это побочный эффект их власти.

Проявления жестокости и безжалостности хо-

рошо заметны в первые годы правления Иоанна. Артур Бретонский бежал ко двору короля Франции, чтобы защитить себя от далеко не отеческих намерений своего дядюшки. В 1202 году Иоанн добрался до племянника. Они оба участвовали в военной кампании, сражаясь за анжуйские земли. Король Франции пожаловал Артуру владения, которые Иоанн считал своим наследством по праву. Артур, которому было пятнадцать, осадил свою бабку Алиенору Аквитанскую в древнем замке Мирабо около Пуатье на западе Франции. Тот факт, что внук мог угрожать своей бабке, проливает свет на поведение Плантагенетов.

Получив новости об осаде, Иоанн с частью своей армии маршировал день и ночь; за сорок восемь часов они преодолели 130 километров. Застигнутые врасплох Артур и его армия были окружены. Мальчик был захвачен Иоанном в плен и заключен в темницу в Нормандии; по словам дяди, племянник был несговорчив. Он требовал Англию и все земли, которые обещал ему Ричард, а также, очевидно, добавил, что не даст Иоанну ни минуты покоя до конца своей жизни. Это было, пожалуй, не слишком мудро. Артура перевезли в темницу в Руане — столице герцогства, и больше его никто не видел.

В более живописных описаниях Иоанн в припадке знаменитой ярости Плантагенетов вонзает меч в тело своего племянника, а затем бросает его в Сену. А может быть, он подослал к Артуру убийц. Точно никому не известно. Очевидно только то, что Артур умер в течение нескольких месяцев. К весне 1203 года повсюду считали, что король виновен в убийстве своего племянника. Это событие часто интерпретируется в том же духе, что и убийство в Тауэре двух принцев, совершенное их дядей, Ричардом III, но на самом деле эти два преступления нельзя сравнивать. Папа Иннокентий III, например, говорил, что Артур «был заключен в замке Мирабо как предатель своего господина и дяди, которому принес клятву верности. Он мог быть по праву приговорен без суда к самой постыдной смерти». Пятнадцатилетний тогда считался взрослым.

Хотя эта смерть, возможно, была необходима Иоанну и избежать ее он не мог, она заставила его сторонников в Нормандии и других местах отвернуться от него. Против короля Англии появились и более серьезные обвинения. Его жестоко критиковали за вялость и бездеятельность в отношении войны с Францией. Он вел себя не как король. Один хронист заявил, что Иоанн был

мягкотел там, где его старший брат показал себя решительным и сильным. Его стали называть Иоанн Мягкий Меч. Говорили, что он приворожен колдовством своей жены Изабеллы Ангулемской. Больше похоже на то, что ему вскружили голову власть и величие королевского сана, и он отказывался верить в худшее. Но худшее произошло. Филипп Август все дальше и дальше продвигался в Нормандию, и большинство баронов в герцогстве Иоанна переметнулись к нему. Они больше не доверяли королю Англии настолько, чтобы оставаться ему верными. Вскоре во Франции у Иоанна осталось слишком мало земель, которые он мог защищать. Видя, как рушится Анжуйская империя, Иоанн отплыл обратно в Англию. К июню 1204 года Филипп взял Нормандию; все, что осталось Иоанну от герцогства, — это Нормандские острова. От всей Анжуйской империи у него сохранилась только Гасконь. Это был самый большой удар, нанесенный Иоанну за все его правление.

Разделение Англии и Нормандии после 150 лет союза позже стало выглядеть как естественный и неизбежный ход вещей, с помощью которого Франция пришла к национальному самосознанию. Это событие вызвало его всплеск, который

использовали французские короли из династии Капетингов. Тем не менее в то время оно воспринималось как бедствие для короля Англии. Он потерял бóльшую часть дохода от налогов Нормандии, Анжу и Мэна и, конечно, утратил огромную часть престижа. Были и другие последствия, в том числе что касается самосознания англо-нормандских лордов. После того как они потеряли земли в Нормандии, стало ясно, что им остается довольствоваться теми, которые теперь стали их «домом». Они постепенно становились более английскими. Ла-Манш стал границей, как это было в X веке, и король Иоанн принялся за сооружение подобающего флота для защиты английских берегов. Король больше не владел Нормандией, и в результате стал обращать внимание на Англию.

Он сохранил администраторов предыдущего царствования, прекрасно понимая, что вся государственная машина держится только на них. С начала XIII века мы, к примеру, можем проследить распространение письменных документов как государственного инструмента. Выдавались лицензии на экспорт и импорт, появились бумаги, регулирующие товарооборот, система налогообложения была стандартизирована, деньги

и кредиты должны были содержаться в строгом порядке. Все это фиксировалось чернилами, а не передавалось из уст в уста. Различные департаменты королевского двора начали создавать архивы. Письма полетели по всей стране, где до этого все письменное общение ограничивалось вызовами в суд. Делались записи ежедневных расходов. Развивались новые, более быстрые способы письма: так, монастырская каллиграфия уступила место тому, что стало известно как «курсив». Это слово произошло от латинского *cursivus*, означающего «течение». Мир становился быстрее.

Войны и приготовления к ним нанесли урон благосостоянию страны в тот период. Король Иоанн все еще лелеял надежды отвоевать свою Анжуйскую империю, но для этого были нужны деньги. Возможно, он вовсе не был более требовательным, чем его отец и брат, но был более изобретательным. Он придумал новые способы получения денег, и в 1207 году отнял тринадцатую часть дохода и движимого имущества у подданных всех классов; это стало первым шагом к всеобщему налогообложению, но вызвало такие громкие жалобы, что Иоанн больше не пытался повторить свой эксперимент.

В течение десяти лет он метался по королевству, собирая деньги; он был неутомим, он всегда спешил, не оставаясь на одном месте более двух или трех дней. В 1205 году Иоанн провел только двадцать четыре дня в Лондоне и Вестминстере. Все остальное время он был в дороге. В конце суровой зимы он отправлялся на север; он обложил штрафами Йорк и Ньюкасл за то, что они не оказали ему достаточно пышного приема. Он искал деньги повсюду. Во время визита в Хексем в Нортумберленде Иоанн услышал, что в селе Корбридж неподалеку зарыты римские сокровища. Он приказал своим людям копать, но те ничего не нашли.

Во время этих стремительных путешествий, покрывая почти по пятьдесят километров в день, король проявил особенный интерес к осуществлению правосудия над своими подданными. Это во многом связано с его желанием мести, но к тому же в детстве наставником Иоанна был Ранульф де Гленвиль, чей юридический трактат мы уже упоминали. Так что здесь может быть какая-то связь и с ним. Иоанн однажды заявил, что «наш мир следует хранить нерушимым, даже если он хорош только для собак».

Таким образом, Иоанн стал обращать больше

внимания на детали государственного управления и правосудия со старанием, которое так отличалось от безразличия его старшего брата. Он был подозрителен, но в то же время любопытен и внимателен. Большинство людей ранее никогда не видели своего короля. И вот он появился в своих парадных одеждах, задающий вопросы, обвиняющий и творящий суд. Его голос стал гласом закона. Он любил красивые камни и сверкал драгоценностями. Он часто принимал ванну, что вообще почти беспрецедентно для XIII века. Тело короля — его плоть и кровь — было священно. В этом сущность средневековой системы правления.

Настало время поднять цены; быстрый рост населения означал, что основные жизненные ресурсы стали более скудными и дорогими. Помимо демографического объяснения, можно найти и финансовое. Импорт серебра с шахт в Восточной Германии увеличил количество денег в обращении, в результате за два последних десятилетия XII века цены выросли в два-три раза. Вот в таком контексте следует рассматривать восстание баронов и подписание Великой хартии вольностей. Последовавшая «инфляция» — если пользоваться современным термином — отразилась на короле

так же, как и на аристократах и простых людях. Война в особенности подорожала. Проблема осложнялась рецессией, в то время как король изымал из оборота все больше и больше денег, чтобы оплатить свои военные стремления. Иоанна зажимали со всех сторон; казалось, сама природа ополчилась против него.

После краха Анжуйской империи в 1204 году король Иоанн начал укреплять свое положение в Британии. Он провел военные кампании в Уэльсе, Шотландии и Ирландии. В Ирландии ему удалось навязать королевскую власть феодальным англо-нормандским баронам, которые поделили Южную и Восточную Ирландию между собой; также Иоанну присягнули на верность местные гэльские короли, которые признали его власть. В 1209 году он отправился в поход против Шотландии и принудил ее короля признать Англию своим господином. На время Иоанн подчинил уэльские княжества; иначе говоря, он запугал их насилием. Перед началом боевых действий он повесил в Ноттингеме двадцать восемь мальчиков из Уэльса, сыновей вождей, захваченных в заложники. Это было не первое и не последнее зверство с его стороны. Но жестокость королей работает. В конце этих кампаний

современник Иоанна заявил, что «в Ирландии, Шотландии и Уэльсе не осталось никого, кто бы не подчинился власти короля Англии, а это, как хорошо известно, больше, чем достиг кто-либо из его предков».

Иоанн боролся за контроль над своими магнатами. У них не было никакого желания воевать за реставрацию Анжуйской империи, и они отвергали многочисленные настоятельные требования, которые король им направлял. Он требовал огромных налогов за вступление в наследство или за выдачу богатой наследницы замуж. Временами он заявлял о своих правах на поместья, которые очень давно находились в собственности богатых семей. Налог под названием «скутагий» (щитовые деньги) выплачивался за отказ от военной службы; Иоанн собирал его одиннадцать раз за шестнадцать лет. Собирались и подати натурой. Один магнат по имени Вильям де Браоз отдал 300 коров, 30 быков и 10 лошадей за положительное решение по своему иску. Еще одну деталь можно добавить к тому, что могло показаться неослабевающей ненавистью короля к семье Браоз. Неспособность Вильяма заплатить по обязательствам в дальнейшем привела к тому, что его отправили в изгнание. Но его жену и сына

ждала другая судьба. Матильда де Браоз была одной из немногих, кому довелось знать, что же случилось с принцем Артуром девять лет тому назад, и, кажется, она слишком много болтала. Иоанн приказал арестовать ее вместе с сыном. Они умерли в тюрьме от голода.

Говорили, что король так же жаден до чужих жен и дочерей, как и до денег. Они не могли чувствовать себя в безопасности в своих замках, когда Иоанн наносил визит. Если смотреть в более общих чертах, можно сказать, что вся сила Анжуйской монархии ополчилась против феодальных привилегий владетельных лордов. Рост бюрократии и централизованного управления уменьшал их возможности отнимать деньги у населения. Например, бизнес из ведения местных сеньоральных судов перешел к королевскому суду. В итоге бароны теряли деньги. Историки с восхищением оглядываются на рост и повышение сложности «королевского управления»; в то время это называлось королевской эксплуатацией. Появление армии наемников также ограничивало функцию магнатов как военных лидеров страны. Многие из них по-прежнему представляли свою роль по рыцарским романам. Они были рыцарями Круглого стола, сидящими

вокруг своего короля, который был *primus inter pares* (первым среди равных). Впрочем, король Иоанн не был королем Артуром, а единственный Священный Грааль, который его интересовал, — это золото.

К делам религии Иоанн в целом был равнодушен. Когда место архиепископа Кентерберийского освободилось в 1205 году, король отказался кого-либо на него назначить. Он хотел, чтобы деньги от богатого прихода шли в его казну. Это был механизм, который он в прошлом использовал с другими епископствами. Папа Иннокентий III закрывал на это глаза, понимая королевские нужды, но его терпение не было безграничным. В 1207 году он назначил нового архиепископа Кентерберийского Стефана Лэнгтона. Возможно, Лэнгтон был далеко не лучшим выбором: он был англичанином из Линкольншира, но получил степень профессора теологии в университете Парижа. Также он был кардиналом-священником базилики Святого Хрисогона в Риме и каноником кафедрального собора в Йорке.

Иоанн в свойственной ему манере впал в ярость, градус которой постепенно повышался. Как это папа вмешался в дела его королевства? Он

сам, как и его предшественники, будет назначать тех епископов и архиепископов, которых считает верными себе. Иоанн отказался признать право папы назначить архиепископа Кентерберийского без королевского позволения. Он изгнал из Англии кентерберийских монахов, которые выполнили требования папы. Он захватил все английские представительства итальянских епископов. Он отказался впускать в страну папских легатов. Весной 1208 года папа наложил на Англию интердикт, запрещающий проведение любых церковных служб; не должно было осуществляться никаких таинств, кроме крещения для новорожденных и последнего отпущения грехов для умирающих. Матфей Парижский, описывая этот интердикт, проиллюстрировал его изображением колоколов со связанными канатами. Святое время приостановилось.

Король ответил на это конфискацией всех церквей и церковных земель, заявив, что если церковь не функционирует, то и собственность ей не нужна. Иоанн был официально отлучен от церкви в 1209 году, что теоретически означало: администрация из числа священников не должна больше служить ему и подчиняться его приказам. Некоторые священнослужители покинули

королевский двор и отправились на континент, но было более чем достаточно относящихся к духовенству юристов и администраторов, чтобы заставить работать государственную машину и церковь; по имеющимся данным, большинство епископов оставалось в Англии во время действия интердикта. Сама страна была достаточно безразлична к недовольству папы. Она никогда не обращала особого внимания на распоряжения Святого престола. Глубокая преемственность английской жизни и светские традиции оставались прежними. В результате начались долгие переговоры между английским двором и Святым престолом. В конце концов король вроде бы согласился принять Стефана Лэнгтона в своем королевстве, при условии, что это никогда не будет рассматриваться как прецедент. Ни одному папе в будущем не будет дозволено назначить архиепископа Кентерберийского без королевского одобрения. Папа требовал лучших условий. Это была война.

Говорят, что заботы наваливаются на королей разом и что темные небеса предвещают шторм. Первые признаки восстания внутри страны появились в 1209 году, когда некоторые северные бароны начали переговоры с королем Франции

о возможном вторжении. Не случайно именно в этот год Иоанн отправился на север, чтобы подчинить себе короля Шотландии Вильгельма. Также он заботился о том, чтобы укрепить власть над своими северными землями. Вся конспирация пошла прахом. Три года спустя король счел необходимым укрепить свои замки, особенно в приграничных регионах, где магнаты всегда были более независимы. Пошли слухи о том, что бароны планируют свержение короля. В свою очередь, Иоанн потребовал заложников от самых несговорчивых из них. В 1213 году он сровнял с землей замки одного из магнатов, Роберта Фиц-Уолтера, который, как считалось, планирует восстание; после этого между ними вновь установился хрупкий мир.

Король был окружен слишком большим количеством врагов, и назрела необходимость задобрить самого важного из них. Ходили слухи, что в первые месяцы 1213 года папа Иннокентий III послал открытое письмо, низлагающее Иоанна и поощряющее короля Филиппа Августа захватить Англию. Как бы то ни было, весной Иоанн сдался. 15 мая он согласился принять все требования папы. Он даже пошел дальше. Он согласился передать свою страну папе и получить

ее обратно как феодальное владение; он практически согласился стать феодальным вассалом папы. За тем, что казалось жалким поражением, стояло несколько веских причин. Король Филипп, который уже собирал армию, чтобы переплыть Ла-Манш, был вынужден отменить свое вторжение. Он не мог нападать на новое владение папы. Статус короля как вассала папы также мог остановить его мятежных баронов. Как показали последовавшие события, папа Иннокентий III сам стал защитником королевской власти от посягающих на нее подданных. Король Иоанн также превратился в недавно благословленного представителя Бога. Как постановил папский легат в Англии, «лорд-король — это еще один человек, которого коснулась благодать Господа».

Тогда лорд-король решил закрепить свое преимущество и сделать еще одну попытку отобрать свою Анжуйскую империю у французского короля. На следующий год он создал коалицию принцев, среди которых были император Священной Римской империи Оттон IV и граф Фландрский, и отправился завоевывать французские земли. Граф и император двинулись на французскую армию с северо-востока, а король Иоанн — из Пуату, с запада. План был великолепен, но его

воплощение в жизнь не выдерживало критики. Произошло много бестолковых стычек и схваток, и 27 июля 1214 года силы Иоанна и Оттона были наголову разбиты королем Филиппом около местечка Бувин. Это была последняя битва за Анжуйскую империю. Иоанн потерял все, о чем так беспокоился.

Поражение в битве при Бувине стало прелюдией к восстанию баронов. Магнатов не слишком взволновала потеря империи, но они были в ярости от того, сколько денег ушло на это провальное мероприятие. Это окончательно подтвердило их мнение о том, что король не способен принимать решения и вести войны. После поражения возникло то, что получило название «баронская партия», ее сплотили многочисленные мотивы и недовольство, которые уже высказывались раньше. Повышение налогов и сборов, преобладающее влияние «дурных советников», а также то, что подошло к концу их социальное и военное превосходство, — все это мятежные бароны предъявили авторитарному и жестокому анжуйскому правлению.

Главные центры восстания находились на севере, западе и в Восточной Англии, но бароны не обязательно объединялись в заметные или

сплоченные группы. Семьи пошли против семей, районы против районов. Группа из 39 баронов (всего их было 197) участвовала в открытом бунте против короны, у них было примерно столько же преданных сторонников. Остальные оставались в неопределенности и, возможно, боялись будущего.

Неожиданного союзника бунтари нашли в лице нового архиепископа; после своего возвращения в Англию Стефан Лэнгтон зафиксировал старые принципы в документе под названием *Leges Henrici Primi*, заявив, что от короля нельзя требовать ничего, кроме как действовать «по праву и благоразумно, по закону страны и по справедливости и в соответствии с решениями суда». Это явно никак нельзя было отнести к манере короля Иоанна управлять страной.

Король и мятежные бароны несколько раз встречались, но едва ли добились какого-то успеха. Папу убедили написать восставшим и запретить использовать силу против своего миропомазанного короля. Он писал и Стефану Лэнгтону, обвиняя архиепископа в том, что тот стал на сторону баронов. Затем король пошел на то, что считал ловким ходом. 4 марта 1215 года он принял крест крестоносца. Кто решится пойти

против рыцаря Христова?

Но этот маневр не сработал. 5 мая бароны отреклись от своей клятвы верности королю и под предводительством Роберта Фиц-Уолтера перешли к открытому противостоянию. Они осадили замок Нортгемптон, королевскую твердыню, и 17 мая заняли Лондон. Это было само по себе значительное достижение, и оно дало баронам явное военное преимущество. Выступивших против короля становилось все больше.

Иоанн решил прибегнуть к хорошо известной форме ведения переговоров. Он попросил Стефана Лэнгтона организовать перемирие, чтобы достичь хоть каких-то соглашений. Было понятно, что он не имеет намерений соблюдать какое-либо из этих соглашений. Король считал, что имеет все права верховного повелителя над восставшими подданными. В этом мнении его поддерживал папа. Как бы то ни было, бароны приняли предложение. Пусть это будет 15 июня, ответили они. Пусть это будет в долине Раннимед, находящейся на берегу Темзы со стороны Суррея, неподалеку от Виндзора; на середине реки есть маленький островок, где, как считается, и происходили переговоры. Тисовое дерево, посаженное там в 1215 году, стоит до сих пор.

Сохранились некоторые неофициальные заметки, которые, вероятно, делались во время предварительных переговоров; возможно, в них есть слова, которые король действительно произнес. Ранее было заявлено, что «король Иоанн соглашается, что не будет арестовывать человека без суда, ни предпринимать ничего без суда, ни вершить беззакония». Бароны желали качнуть баланс сил в свою сторону. Они хотели чувствовать себя в безопасности в своих замках и на своих землях, хотели быть неуязвимыми для короля и его людей. Также они желали освобождения от финансового гнета, наложенного Иоанном.

При посредничестве Стефана Лэнгтона состоялось несколько встреч противоборствующих сторон. В результате был создан предварительный документ, записанный клерком канцелярии и известный как Баронские статьи (Capitula que Barones petunt et dominus Rex concedit). Великая хартия вольностей (Magna Carta) выросла из этих Баронских статей. Ее называли великой не из-за ее важности, а из-за объема. Как бы то ни было, это была работа очень умных и опытных администраторов, которые практически в буквальном смысле встали на место короля, чтобы достичь соглашения и примирения. Также они искусно

сумели убедить баронов пойти на условия, которые были гораздо шире их интересов. К 19 июня соглашение было достигнуто. Бароны расцеловали короля в знак примирения, и он даровал им хартию.

В следующие пять дней было сделано несколько копий, которые были разосланы по всему королевству; до нас дошли четыре из них. Одна из них, хранящаяся в Собрании рукописей Коттона в Британской библиотеке, состоит из 86 строк (с дополнениями), написанных на изготовленном из кожи пергаменте размером 36,8 сантиметра в ширину и 52 сантиметра в длину. Копия очень высохла, она была повреждена и пережила по крайней мере один пожар, оставивший на ней свои следы и превративший печати в бесформенную массу. Говорят, она была приобретена сэром Робертом Коттоном в начале XVII века за четыре пенса у портного, который собирался разрезать ее на свои нужды. После того как клерки закончили переписывать копии, хартия была прочитана шерифами в различных графствах по всей стране.

Но хартия не являлась новым сводом законов. Она даже не была изложением основных принципов законодательства. В сущности, это была попытка баронов вернуться к тому положению

дел, которое существовало до установления господства анжуйских королей. Хартия не представляла собой какого-то «прогресса» или «развития» с точки зрения прав человека. Никто из участников встречи даже не знал, что означают эти слова. В какой-то мере хартия была реакционным документом. Вилланы и рабы — самая многочисленная часть населения страны — не упоминались нигде. Их несвобода не имела большого значения. Их «прогресс» в течение многих веков был медленным и неуверенным. Хартия относилась к *liber homo,* или свободным людям.

В ее 63 статьях затрагивалось множество отдельных вопросов. Должны были уважаться старые церковные свободы. Такие налоги, как скутагий и денежное пособие, не должны были взиматься без одобрения общего совета королевства; некоторые видят в этом зарождение принципа «не может быть налогов без представительства»[32], но общий совет королевства состоял только из архиепископов, епископов, графов, баронов и главных арендаторов. «Простой народ» к управлению королевством не допускали.

Хартия также устанавливала, что ни один че-

[32] Примечания: 32

Налоги не могут взиматься, если плательщики не имеют представителей в налогообложающем органе.

ловек не может стать судьей или шерифом без соответствующего знания законов. Суды, действующие по нормам общего права, должны заседать в одном месте, а не кочевать по стране вслед за королем. Малым и большим городам королевства должны быть возвращены их древние свободы. Свободные люди должны свободно путешествовать. Лесное законодательство смягчалось: все леса, ставшие заповедными во время правления последнего короля, должны быть открыты. 39-я статья гласила: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму… иначе, как по законному приговору равных его [его пэров] и по закону страны»[33]. 40-я статья заявляла: «Никому не будем продавать справедливость и правосудие, никому не будем отказывать в них или их затягивать». Три декларации Великой хартии вольностей все еще остаются в своде законов Англии.

Эдвард Кок, лорд — главный судья в начале XVII века, написал: «Как рафинер не отбрасывает в сторону золотую пыль или крупицы золота, из уважения к совершенству этого металла принимая даже мельчайшие его частицы, так и

[33] Примечания: 33
Пер. Д. М. Петрушевского.

читатель не должен пропустить ни одного слога из этого закона из уважения к превосходству этого вопроса». Поскольку именно он представил сопротивляющемуся Карлу I Петицию о праве (Petition of Right), которая позднее выросла в Билль о правах (Bill of Rights) 1689 года, и поскольку его сочинения использовались при создании Американской конституции, мы можем принимать всерьез приписываемое Коку заявление о том, что «Великая хартия — это такой парень, которым никто не будет править».

Как бы то ни было, Кок написал эти слова через 400 лет после принятия Великой хартии вольностей. 39-я и 40-я статьи, может быть, наиболее актуальны и важны, но в то время они всего лишь часть неоднородного и бессистемного собрания принципов, взятых в равной пропорции из канонического и общего права и традиций. Не совсем ясно, знали ли договаривающиеся о том, что они делают. Они больше были озабочены исправлением явных ошибок, чем провозглашением очевидных прав. Они собирали все, что находили. Это не первый случай, когда великие события и доктрины берут свое начало из двусмысленных случайностей. В хартии не было единой доктрины. Она состояла из отдельных

частей. Поэтому ее можно было приспособить под обстоятельства. Ее значение или значения могли быть истолкованы по-разному. Ее отдаленные последствия осознавались медленно и постепенно. Она три раза редактировалась, в нее вносились различные поправки, и только последняя версия 1225 года стала законом. Она принималась тридцать восемь раз различными королями, последним из которых был Генрих VI.

Тем не менее еще до того, как скрепить ее своей печатью, король Иоанн не был намерен соблюдать хартию. 63 статьи ничего для него не значили. Он надеялся, что, якобы придя к соглашению с баронами, сможет рассредоточить своих противников и получить передышку, чтобы восстановить свою власть. Поставив свою печать на документе, король послал эмиссара к папе, заявляя, что любая вырванная у него уступка является оскорблением самому понтифику, чьим недостойным вассалом он является. Иоанн приказал укрепить все свои замки и завезти в них припасы. Он послал командиров искать наемников во Фландрии, Пуату и других странах. Война с баронами могла начаться снова. 24 августа 1215 года папа Иннокентий III прислал буллу, аннулирующую положения Великой хартии

вольностей как оскорбительные для его власти над Англией. «Посовещавшись с нашей братией, — писал он, — мы все порицаем и осуждаем эту хартию, а также под угрозой отлучения от церкви запрещаем королю соблюдать ее, а баронам — требовать ее выполнения».

Но послание пришло слишком поздно. Король и бароны уже начали войну. Были захвачены корнуолльские земли Роберта Фиц-Уолтера, главного бунтовщика. В тот момент военное преимущество бесспорно было за королем: ему принадлежало множество укрепленных замков, он командовал профессиональной армией наемников. Партия восставших нашла убежище в замке в Рочестере; Иоанн осадил его и смог разрушить, привязывая горящие факелы на спины свиней. Животных гнали в деревянные галереи под крепостью, которые загорались. Это был один из бесцеремонных методов ведения войны в Средневековье.

Многие из восставших баронов нашли убежище в Лондоне. Король мог бы осадить и столицу, но Лондон — не Рочестер. Его взятие было связано с риском. Вместо этого Иоанн решил разрушить один за другим замки бунтовщиков. Он отправился на север, откуда были многие из баронов,

и опустошил земли от Ноттингема до Берика; везде, где шел, Иоанн оставлял за собой кровавый след и руины. Остался стоять только один замок бунтовщика — Хелмсли в Йоркшире.

Из своей крепости в Лондоне бароны позвали на помощь короля Франции Филиппа Августа. Они предложили корону его сыну Людовику, чья жена состояла в родстве с Плантагенетами. Весной 1216 года Людовик высадился в Дувре и, не встречая никакого сопротивления, прошел до Рочестера. Его удачи продолжались: он захватил Гилдфорд, Фарнем и, что куда важнее, Винчестер. Казалось, что сам Господь или удача были на его стороне. Великие графы королевства, многие из которых до этого поддерживали короля, встали на сторону Людовика. Иоанн отступил на запад и провел лето 1216 года в вылазках от Дорсета до Девона. В первые дни сентября он выступил и повел свою армию на восток; он вошел в Норфолк и Линкольншир, но не достиг особых успехов. Из его последнего похода происходит ныне считающаяся правдивой легенда о том, как король потерял свою казну в Уоше, когда прилив поднялся слишком быстро. В ней говорится, что и корона была подхвачена бурлящей водой. Это была очень удобная история для его свиты, которая

радостно последовала принципу «спасайся, кто может». Правда тоже пропала в волнах прилива.

Король в любом случае должен был знать, что его дни подходят к концу. Короли умирают, когда чувствуют, что их власть тает. Иоанн подхватил простуду и дизентерию; он умер в крепости епископа Линкольнского в возрасте сорока девяти лет. «Ад, — писал один хронист, — был осквернен его прибытием». Но Иоанн собирался отправиться совсем в другом направлении. Он был похоронен в соборе Вустера, и, по его требованию, могила находилась в тени гробницы английского святого XI века епископа Вульфстана. В 1797 году могила короля была вскрыта любопытными любителями древностей. Они сообщали, что «останки знаменитой особы выглядят целыми». Его рост был 1 метр 65 сантиметров. Рядом с ним в рыцарской манере лежит его меч, «кости левой руки лежат на груди, зубы прекрасно сохранились». Иоанн был первым королем, родившимся и умершим в Англии со времен Нормандского завоевания.

Что еще можно сказать о короле, память которого постоянно осыпали проклятиями хронисты его времени и последующих веков? В своей алчности он ничем не отличался от своих пред-

шественников. Ему были свойственны грубость и непреклонность, как и всем нормандским и анжуйским правителям до него. Ему не повезло: он добивался королевской власти в чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах — Анжуйская империя перешла в руки более богатого и сильного короля, опустошение привело к резкому росту цен, а бароны от него отвернулись. Все это омрачило правление Иоанна. Было достаточно всего нескольких проявлений жадности или жестокости, чтобы хронисты создали портрет совершенно неподходящего короля.

Во время его правления возникло новое или, по крайней мере, более сильное ощущение нации. В этом состоит значение Великой хартии вольностей. Англичане начала XIII века уже были знакомы с понятием *ius commune*, или общего права; они привыкли к роли гильдий и братств. Сам Иоанн, стремясь к трону, принял в 1191 году право Лондона формировать свою коммуну как орган самоуправления, избираемый из числа самых богатых горожан. С того времени архивы и записи коммуны хранились в ратуше. Этот эпохальный момент стоял за новой формой самосознания. В царствование Иоанна во многих других городах появились собственные

communitas с избранием мэров и созданием своей муниципальной печати. Их члены давали клятву хранить город и его свободы.

Поэтому, возможно, было совершенно неизбежным, что восставшие против короля бароны установили ценности коммуны в масштабах всей Англии и ввели понятие *communa totius terra* с сопутствующими ему вольностями. В XIII веке оно стало известно как «община королевства». К концу века появилось даже понятие «община деревни». Так растущее самосознание Англии проходило этапы своего становления. Это значение «поля, полного народа», которое Уильям Ленгленд изображает в начале своей поэмы «Видение о Петре-пахаре» (The Vision of Piere the Plowman). Он видел перед собой общину.

16
Преступление и наказание

«Скотейл», то есть вечеринка со спиртными напитками, состоялась в Эшли, около Сайренсестера, 7 сентября 1208 года в честь дня рождения королевы. По этому поводу местный лесничий продавал напитки в своей пивной. Это было что-то вроде налога, потому что местные жители чувствовали себя обязанными посетить это мероприятие, опасаясь вызвать неудовольствие лесничего. Возвращаясь из пивной, Джон Скот пригласил Ричарда из Крадуэлла сесть сзади него на лошадь. Ричард решил, что Джон хочет его подвезти, но Джон вытащил нож и ударил его в плечо, рана была около десяти сантиметров глубиной. Ричард упал с лошади, и Джон прыгнул вслед за ним. Он нанес Ричарду еще один удар и украл кошелек с сорока тремя шиллингами. Каким-то образом Ричард дополз до дома на четвереньках и на следующий день сообщил о случившемся королевскому сержанту. Это как-то стало известно Джону Скоту, который пять дней спустя вломился в дом матери Ричарда и избил

ее так, что она, казалось, не дышит.

В 1160-е годы в монастыре около Уаттона в Ист-Райдинге в Йоркшире одна монахиня потеряла невинность с молодым священником; когда ее положение стало очевидным, монахини заставили грешницу назвать виновного в нем мужчину. После того как она открыла его личность, монахини схватили нарушителя. Они привели его в келью беременной монахини. Ей дали нож и заставили кастрировать своего любовника, а потом монахини засунули его гениталии ей в рот. После этого виновную в грехопадении монахиню выпороли и приковали цепями в тюремной келье. В ту эпоху, когда глас небесный был прямым и недвусмысленным и когда духовный мир преобладал над телесным, поддерживалось всеобщее безразличие к страданиям физического тела. Когда одного английского короля спросили, не сожалеет ли он о тысячах солдат, которых послал на смерть, он ответил, что, оказавшись на небесах, они поблагодарят его. Хронист, рассказавший историю о свирепых монахинях, воскликнул: «Какая ревность ко Господу горит в сердцах этих поборниц целомудрия, этих преследовательниц нечистоты, которые любят Христа больше всего на свете!»

Эти жестокие истории показались бы знако-

мыми всем жителям Англии в тот период, когда к насилию относились на удивление терпимо. Деревенское правосудие могло быть варварским, жестоким и часто свершалось так, что об этом никто не знал. Жестокость лорда к его вилланам не часто появляется в исторических записях. В этом обществе мужчины и женщины носили оружие, даже у маленьких детей были ножи. Неподалеку от деревни Уиттлсфорд в Кембриджшире одиннадцатилетний Уильям Полфри избил и убил девятилетнего Уильяма Гейзера. Сейчас эту культуру можно было бы смело назвать культурой насилия. Детей воспитывали в строгой физической дисциплине. Телесные наказания были распространены во всех слоях общества. Публичная порка за множество провинностей от супружеской измены до клеветы была совершенно обычной.

Истинное наслаждение люди также получали от резких споров, осуждения и поношения. Это была культура риторики и разговорного жанра. Использовалось много выражений, связанных с туалетом и экскрементами, а о сексуальных преступлениях сообщали громко и повсеместно. В обществе со строгой иерархией можно ожидать озабоченности своим добрым именем и репу-

тацией. Споры иногда разрешались кровавыми побоищами на церковном дворе. Неуважение и оскорбления приводили к кровавым сварам. Самое мелкое происшествие могло вызвать жестокую месть. Один мужчина зашел в трактир, где пили незнакомые ему люди. «Кто эти люди?» — спросил он, и за это его забили до смерти. Примером подобной изощренной жестокости может служить и случай с мужчиной, которого приволокли в местную таверну, а потом заставили выпить коктейль из пива и собственной крови.

Таким образом, преступлений происходило множество. Судьи, которые приехали в Линкольн в 1202 году, столкнулись с 114 убийствами и 49 изнасилованиями, не считая таких мелких инцидентов, как кражи и угрозы. Когда находили мертвое тело, созывали людей со всей округи, а тело клали на деревянный помост и выставляли на семь дней. Вокруг горели факелы, чтобы человека можно было узнать и ночью. Все мужчины старше двенадцати лет из четырех ближайших деревень должны были побывать на опознании.

Существовало популярное выражение, описывающее смертника, — «стать волчьей головой, которую любой может отрезать». Он мог быть убит на виду у всех любым человеком, который

его заметит. Настоящие волки все еще водились в Англии XIII века. Уничтожены они были только к 1290 году. В тот год было отмечено, что Ричард де Ловераз владеет землей в Хемпшире, где можно охотиться на волков, «если таковые будут обнаружены». Волк считался вредителем и не заслуживал ничего, кроме смерти. Такая же судьба ждала и неудачливого преступника.

Поскольку жизнь страны была столь сурова, суровой была и система наказаний и смертной казни. Плахи и виселицы были обычной частью английской жизни. «Приведите к нему священника», — такими были последние слова судьи, обращенные к приговоренному к повешению. Если тебя подозревают в Уэйкфилде, тебя повесят; если тебя нашли виновным в Галифаксе, тебе отрубят голову. Воров, пойманных в Дувре, бросали с утесов. В Сануидже их хоронили живьем в месте, которое называлось Тифдаун в Сэндауне. В Уинчелси их вешали на солончаках. В Галифаксе топор поднимали на блоке, а потом соединяли со штырем сбоку от эшафота. Если кого-то ловили на краже лошади или быка, животное приводили вместе с ним на место казни. Скотину привязывали к веревке, которая крепилась к штырю, в момент казни животное стегали, и штырь

вылетал. Процедура сопровождалась игрой на волынке. Этот вид казни был очень древним, возможно, он применялся еще саксами. Сохранялась и древняя привилегия иметь свои виселицы; по старому закону под названием *infangtheof* лорд имел право вздернуть вора, пойманного в его владениях. В начале XIII века только в Девоне насчитывалось 65 частных виселиц.

Но воров не всегда приговаривали к смерти. Молодых правонарушителей часто ослепляли или кастрировали. Когда в 1221 году Томас из Элдерсфилда в Вустере был обвинен в нанесении смертельных ран, его приговорили к такому наказанию; судьи постановили, что кастрацию и ослепление могут провести родственники жертвы. Они бросили глазные яблоки на землю, а тестикулы использовали как маленькие футбольные мячи. Очевидная жестокость наказаний была необходима в обществе насилия, где ловили лишь малую часть преступников. При отсутствии полиции или регулярной армии жестокие наказания были одним из немногих способов добиться выполнения требований социума. Именно поэтому местных жителей обычно собирали, чтобы те понаблюдали за исполнением приговора. Целью было поддержание порядка.

Суд водой и суд испытанием также считались допустимым наказанием в случае правонарушений. Суд испытанием проводился служителями церкви. Обвиняемый три дня постился и молился. На третий день в отдельной части церкви кипятили на огне котел с водой, потом в нее клали камень или кусок железа. Обвинитель и обвиняемый, каждый в сопровождении двенадцати друзей, вставали друг против друга, котел был посередине. Священник кропил участников святой водой. Читали молитвы, потом проверяли, кипит ли вода; затем обвиняемый опускал в воду руку и вытаскивал груз. Обваренная кожа слезала клочьями, если она заживала на третий день, обвиняемый объявлялся невиновным. Если плоть была обожжена или гноилась, обвиняемому выносили приговор за его преступление.

Практиковалась и еще одна форма суда — водой. Мужчину или женщину связывали, а потом опускали в яму с холодной водой, которая имела 6 метров в ширину и 3,5 метра в глубину. Священник освящал воду, а потом призывал Господа «рассудить, что праведно, по всей справедливости». Если человек начинал тонуть, то его признавали невиновным, если плавал на поверхности, то был виновен, поэтому святая

вода отвергала его.

Суд огнем был несколько более затейливым. Церемония происходила в церкви. В начале мессы зажигался огонь, и в него клали металлический брусок. В конце мессы докрасна раскаленный металл клали на маленькую каменную подставку. Обвиняемый должен был взять этот металл и сделать с ним три шага, прежде чем выпустить его из рук. Далее процедура проходила так же, как в испытании кипящей водой.

Странный способ наказания, известный как испытание лакомством, применялся для священников. Кусочек сыра весом в тридцать граммов помещался на освященную облатку, затем ее давали провинившемуся священнослужителю, полагая, что, если он виновен, эта пища застрянет у него в глотке. Считалось, что явится архангел Гавриил и заставит его горло сжаться. Как это работало на практике, не очень ясно.

Понятие убежища было понятнее. Преступник, который прятался в одной из многочисленных церквей, мог оставаться на свободе сорок дней; никто не мог запретить давать ему еду и питье. В это время за церковью тщательно следили на случай, если преступник решится на тайный побег. После сорока дней вор или убийца должен

был быть официально изгнан архидьяконом, но ему могли и разрешить остаться. Он мог выбрать изгнание из королевства, тогда его выводили на церковное крыльцо и назначали порт, из которого он мог отплыть. Он должен был двигаться по королевской дороге, не сворачивая ни направо, ни налево и держа в руке крест. В порту изгнанник должен был найти себе корабль за один прилив и отлив, если этого не получалось сделать, то ему каждый день приходилось по колено заходить в море до тех пор, пока транспорт не найдется.

Жестокие преступления были, конечно, связаны со склонностью к выпивке. По всей Европе англичане славились своим пристрастием к элю, вину и сидру. Французы были гордецами, немцы — пошляками, а англичане — пьяницами. В английских монастырях каждый день употребляли по 4,5 литра крепкого эля и по 4,5 литра слабого. В каждой деревне была своя пивная. Хронист XII века Вильгельм Фицстефен отметил, что в Лондоне «неумеренно напиваются дураки». Существовали как частные, так и публичные питейные заведения. Самой процветающей торговкой среди всех женщин в английской деревне была та, которая продавала крепкие напитки.

Это одна из тех сущностей английской жизни, которая переходит из поколения в поколение. «Вся страна, — писал Роджер Ховеденский, — полна выпивки и пьяниц».

В судебных бумагах много историй о людях, которые, напившись, падали из окон, поскальзывались и летели прямо в котлы, валились с лошадей или попадали в реку. В 1250 году Бенедикт Литер напился в таверне в Хенстеде, в Суффолке, так, что «не мог ни ехать верхом, ни идти, ни даже стоять». Его брат Роджер забросил Бенедикта на лошадь, тот упал. Роджер закинул его снова, и тот снова рухнул на землю. Тогда Роджер решился на более крутые меры. Он снова посадил брата на лошадь и привязал его к спине животного. Бенедикт начал соскальзывать, снова свалился и убился при падении.

Джон де Маркби, золотых дел мастер, «напился до положения риз» в доме своего друга и смертельно ранил себя своим ножом. Алиса Квернбетер, будучи чрезвычайно пьяной, обругала двух работяг «паршивыми тупицами», за что они ее убили. Ричард ле Брюер, когда пьяным нес домой мешок солода, споткнулся и получил перелом. Уильям Бонфонт, кожевник, напившись, «вышел голым на лестницу по естественной нужде, случайно

упал вниз головой и сломал себе шею».

Записи о сумасшедших отражают некоторые основные качества средневекового сознания. Роберт де Брамвик засунул свою сестру, горбатую от рождения, в котел с горячей водой. Потом он вытащил ее и начал тянуть ей конечности, пытаясь их расправить. Когда Агнесса Фуллер отказалась заниматься сексом с Джеффри Ричем, он отрубил ей голову мечом; затем объявил своим соседям, что он свинья, и спрятался под корыто. Наконец, Рич вернулся домой, нашел иголку и нитку и попытался пришить голову Агнессы обратно.

17
Простой король

После смерти короля Иоанна гражданская война прекратилась. Принц Людовик все еще был в Англии, требуя для себя трона, но на пути к успеху его ждали препятствия. Девятилетний сын Иоанна Генрих был на юго-западе. Сторонники мальчика быстро объявили его королем, и он был коронован как Генрих III осенью 1216 года в Глостерском аббатстве; до Вестминстера было никак не добраться, потому что Людовик контролировал Лондон. Было и еще одно неприятное обстоятельство. Поскольку королевская корона была «потеряна» в Уоше, молодому королю надели золотой обруч его матери. Генрих поклялся в верности папскому престолу, и папа немедленно дал ему благословение. Принц Людовик и восставшие бароны более не противостояли грубому и жестокому королю, теперь их врагом стал мальчик, находящийся под защитой Святого престола. Они отныне были не освободителями, а узурпаторами-безбожниками. Даже отец принца посоветовал ему отступиться. Какое-то время Лю-

довик еще сражался, поскольку очень стремился к власти. Он удерживал Лондон и бóльшую часть юго-востока страны, но симпатии королевства были не на его стороне. К тому же Людовику не везло: его сторонников победили в Линкольне, а французский флот с подкреплениями разбили в Сануидже. Наконец он согласился на сделку и получил 7000 фунтов стерлингов за то, что покинул Англию.

Бароны попросили юного короля подтвердить «свободы и традиции», перечисленные в Великой хартии вольностей, чтобы даже те, кто оставался верен королю Иоанну, поняли ценность этого документа, ограничивающего власть монарха. В нем содержались основные принципы, которые могли объединить враждующих баронов. В соборе Святого Павла состоялся совет, после которого Великая хартия вышла в несколько иной форме. Она легла в основу королевской хартии, появившейся в день коронации. Царствование Генриха III фактически началось. Оно продолжалось пятьдесят шесть лет. В нем был трудный момент, когда Генрих мог перестать быть королем. Возможно, из-за этого у него появилась некая слабость или потребность в осторожности. Ему никогда не приходилось воевать ни за свой

титул, ни за земли.

Со времен царствования Этельреда Неразумного в Англии не было короля-мальчика. Поэтому в создавшейся сложной ситуации самые видные сторонники Генриха образовали регентский совет. Юный король поступил на попечение трех людей: епископа Кентерберийского, папского легата и графа Пембрука как главного графа страны. Как регенты они фактически контролировали управление Англией. Действовал совет быстро и эффективно; в течение нескольких месяцев было открыто казначейство, а судьи отправились в свои юридические странствия.

Но последствия гражданской войны все еще были неясны. Будет ли преданным Иоанну баронам дозволено оставить замки и земли, которые они захватили у восставших? Будут ли различные фракции баронов снова противостоять друг другу? Смерть предводителя графов в 1219 году показала нестабильность королевства при короле-мальчике. Некоторые сильные лорды отказались отдавать королевские замки. Также они отказывались платить налоги. Из-за спорных территорий вспыхивали военные конфликты.

Под руководством папского легата Пандульфа был организован новый регентский совет. Гла-

вой судебной системы, главным юстициарием стал Хьюберт де Бург. Наставником и телохранителем короля был епископ Винчестерский Пьер де Рош. Эти три человека сыграли главную роль в неурядицах начального этапа царствования Генриха III. Они сражались между собой за главенство и, конечно, вызвали враждебность во всех частях страны. Нельзя сказать, чтобы у регентского совета было какое-то представление о процветании государства; все они, возможно за исключением Пандульфа, были озабочены только своими интересами и интересами своих семей. Именно этому и было подчинено правление. Например, де Бург и де Рош были вовлечены в жестокую свару. На одном совещании они выдвигали друг против друга одно обвинение за другим. Де Бург обвинил де Роша во всех бедах королевства, тогда как де Рош пообещал поставить своего противника «на колени». Затем он бросился вон из комнаты. Такие люди должны были наставлять короля в управлении государством.

Было вполне очевидно, что за период несовершеннолетия короля власть перешла к самой сильной партии или партиям; угрозами или насилием Хьюберт де Бург, к примеру, наконец захватил контроль над администрацией и начал

разбираться с упорствующими в неподчинении баронами и другими слишком сильными подданными. Установилось некое подобие порядка, но на условиях де Бурга. Генрих, казалось, не был особенно своенравен или обеспокоен господством де Бурга, но пришло время, когда он заявил о своих правах. В начале 1227 года, в девятнадцать лет Генрих объявил, что достиг возраста, в котором способен возложить на себя обязанности по управлению государством.

Это подходящий случай взглянуть на юного короля поближе. Он был среднего роста и не имел каких-либо физических особенностей, за исключением, может быть, левого века, которое было полуопущено. Он был любезным, но не слишком податливым. Генрих пытался изгнать своего младшего брата Ричарда Корнуоллского с некоторых принадлежащих тому земель, но из-за того, что все остальные бароны пришли в ярость, не смог этого сделать. Это был один из первых уроков ограничения королевской власти.

Его личность описывают по-разному, потому что она, без сомнения, была достаточно разнообразной. Некоторые люди считали его простаком, тогда как другие думали, что он дурак. Его описывали как *vir simplex*, а это выражение может

означать как бесхитростного человека, так и глупца. Генриха критиковали за то, что он был слабым и легковерным, послушным и импульсивным. Он был очень впечатлительным и часто склонялся к мнению того человека, с которым говорил последним. Его обиды и привязанности продолжались недолго. Таким образом, можно смело утверждать, что Генрих не был сильным и жестоким королем, как его отец и дед. В отличие от них он не прошел школу невзгод. У него был характер, и он мог быть острым на язык, но не был бессмысленно жестоким.

Генрих был набожным, возможно, даже чересчур для короля, который иногда должен ставить свои интересы выше интересов церкви. Каждый день он слушал три мессы. Во время поездки в Париж он никак не мог пропустить ни одной церкви, где служили мессу, не приняв участия в божественной церемонии. Когда священник в торжественный момент поднимал Святые Дары, Генрих ловил его руку и целовал ее. Французский король Людовик однажды сказал Генриху, что предпочитает слушать проповеди, а не ходить на мессу. Генрих ответил, что он лучше встретится со своим другом, чем будет слушать, как кто-то рассказывает о нем.

Господь был его непосредственным господином. Никто на всей земле не был к нему ближе, чем король. Генрих восстановил культ Эдуарда Исповедника и почитал древнего короля как своего духовного заступника. В память Эдуарда он перестроил Вестминстерское аббатство, где теперь покоится рядом с могилой святого. В некотором смысле он был англичанином. Он родился в Англии, и его прозвали Генрихом Винчестерским; он дал своим сыновьям имена англосаксонских святых.

Когда патриарх Иерусалима и магистр ордена тамплиеров прислал ему священную реликвию — кровь Христову, король держал ее в тщательно охраняемом тайнике в церкви Гроба Господня в Лондоне. Молодой король носил фиал со святыней во время священных процессий из собора Святого Павла в Вестминстерское аббатство, и всю дорогу его взгляд не отрывался от реликвии. В знак смирения он надевал простые одежды, но сама церемония отчасти была создана для того, чтобы подчеркнуть теорию священности королевского сана. Надев после службы в Вестминстере корону и золотые одежды, король становился живой святыней, чей перст указывает в небеса. Понятие королевского сана для

Генриха было связано с ритуалами и зрелищами. Он крестился в манере духовных лиц и следил, чтобы в дни церковных праздников перед ним пели «Christus vincit»[34]. Его отец проводил свои дни в дороге, а Генрих, которого меньше одолевали страсти, предпочитал жить на одном месте, с комфортом и роскошью.

Кроме всего прочего, Генрих желал, чтобы его царствование запомнилось как мирное. Он не любил войн. В одной декларации он отметил свое царствование за отсутствие «вражды и крупных войн» и заявил, что никогда не перестанет трудиться «ради мира и спокойствия всех и каждого». Его можно было даже считать «хорошим» человеком, но хорошие люди редко бывают хорошими королями. В Генрихе совершенно не было величия. Еще две его черты могут пролить свет на характер короля. Он любил свежий воздух и настаивал, чтобы окно напротив его кровати было всегда открыто. И он любил изображения улыбающихся лиц. Генрих приказал, чтобы скульптурами улыбающихся ангелов были

[34] Примечания: 34

Трехстишие *Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat* («Христос побеждает, Христос царствует, Христос владычествует») — часть паралитургической службы *Laudes regiae* (Королевские хваления), которая исполнялась в честь монархов и высших чинов церковной иерархии. — *Прим. ред.*

украшены обе стороны крестной перегородки в церкви Святого Мартина в Йорке.

Он действительно был самым щедрым покровителем религиозного искусства в истории Англии. Он строил часовни и церкви; он был покровителем монахов-историков и монахов-просветителей; за время длинного царствования Генриха, когда будто бы сами камни кричали «Свят! Свят! Свят!», произошел расцвет готического искусства. Под пристальным взором короля во всем величии вырос памятник высокой готики — Вестминстерское аббатство с его огромным восьмиугольным зданием капитула. Нерешительному в некоторых вещах Генриху мы обязаны созданием множества архитектурных шедевров Англии. За время его правления было построено 157 аббатств, приорств и других связанных с религией учреждений, это был расцвет часовен Божьей Матери.

Так случилось, что в начале царствования Генриха в 1221 году в Англию прибыли первые монахи доминиканского ордена, а тремя годами позже за ними последовали францисканцы. Они уже давно не имеют такого значения, но в момент своего появления в стране значительно повлияли на духовную и культурную жизнь ее

обитателей. Монахи обосновались в крупных городах, где нашли покровительство у богатых купцов, которые давно не питали любви к приходским священникам; молились они буквально на рынках.

Доминиканцы и францисканцы не жили обособленно, как монахи бенедиктинского ордена; они обитали в миру. Они были нищенствующими монахами, неимущими, которые бродили по улицам в поисках одежды и пищи. Они не просили — по крайней мере, поначалу — денег. Некоторые из первых францисканцев в Лондоне поселились на улице под названием Стинкин-Лейн (Вонючий переулок). Они проповедовали от лица бедных людей, и в результате помогли изменить чувства и восприятие городских жителей. Монахи рассказывали истории и шутили, они описывали чудеса и сокровища. Они превратили английскую молитву в народное искусство. До их прибытия в Англии было очень мало проповедей, и для большинства слушателей это был совершенно новый опыт. Первые кафедры проповедников появились только в середине XIV века.

Конечно, монахи разделили участь всех смертных; они были успешны и популярны, они

привлекли к себе покровителей, которые сделали их богатыми, они строили монастыри и приорства, которые по роскоши и комфортабельности соперничали с другими монастырями. Они стали исповедниками великих. Любой, кто читал «Кентерберийские рассказы», знает, что через 150 лет после своего прибытия в Англию они стали олицетворением суетности и даже распущенности. Их закат стал мерилом упадка всех человеческих институтов, как светских, так и духовных.

29 июля 1232 года Хьюберт де Бург был отстранен от двора, ему было запрещено показываться на глаза королю. Его обвиняли в нападках на итальянское духовенство и присвоении его собственности. Папа начал расследование по поводу третьей женитьбы барона, и де Бург жаждал мести. Он недооценил глубину преклонения молодого короля перед папой. Итак, король, по совету «некоторых глубоко верующих людей», отстранил Хьюберта от должности. Одним из этих глубоко верующих людей был, разумеется, Пьер де Рош; при падении де Бурга он возвысился. За короткий промежуток времени епископ Винчестерский сделал своего племянника, который, возможно, был его сыном — никто точно не знал, — казначеем и королевским домоправи-

телем. Пьер де Риво, как и Пьер де Рош, был из Пуату, с родины матери короля. К ним присоединились и другие выходцы из Пуату. Все вокруг считали, что король отдает предпочтение этой компании — и их способностям — по сравнению со своими соотечественниками.

Как бы то ни было, Англия действительно была частью более крупной европейской общности. Сестра Генриха Изабелла вышла замуж за Фридриха II, императора Священной Римской империи, известного как *Stupor mundi,* или Чудо мира. Сам Генрих в 1236 году женился на Элеоноре Прованской, чьи родственники занимали высокие посты при дворе короля. Сестра Элеоноры была замужем за королем Франции Людовиком IX. Те немногочисленные счастливчики, в чьих жилах текла королевская кровь, женились и выходили замуж друг за друга, таким образом, те, кто вершил судьбы государств, оказывались друг с другом в родстве. Но эта большая семья была далеко не самой мирной и счастливой, и практически сразу Генрих оказался втянут в бесконечные распри между Францией и Италией. Европа была осиным гнездом вечно воюющих княжеств, ни одно из которых не имело никакого касательства к Англии. Король Франции, папа

и император Священной Римской империи постоянно следили друг за другом и подозревали друг друга, всегда готовые подловить соседа, если сложится благоприятная ситуация.

В любом случае отношения Генриха с Францией были сложными и нестабильными. Его отец фактически потерял Анжуйскую империю, и, несмотря на свою приверженность миру, Генрих намеревался ее вернуть. Но у него был серьезный враг. Король Людовик IX захватил все Пуату. Другой части, оставшейся от империи, Гаскони, угрожал не только Людовик, но и короли Испании, Наварры и Авиньона. Экспедиция под командованием брата Генриха Ричарда Корнуоллского спасла герцогство, если, конечно, слова о спасении подходят для установления крайне сомнительной анжуйской власти над самоуверенными местными сеньорами. Других достижений было очень мало. Генрих поплыл в Нормандию, надеясь, что она восстанет в его пользу. Этого не случилось. Король прошел через провинцию, но ни одной битвы так и не произошло. Тогда Генрих поплыл обратно в Англию. Его вторжение было самым неэффективным в истории. Говорили, что командиры королевской армии вели себя так, как будто участвовали в

рождественских играх.

Двенадцать лет спустя король вернулся во Францию, но его армия снова не добилась побед: Генриху пришлось отступить к Бордо (административный центр Гаскони) и договариваться о перемирии. Эта вторая экспедиция, помимо своего поражения, примечательна еще по одной причине. Английские бароны больше не хотели тратить свои деньги на кампанию Генриха и не хотели отправлять своих людей воевать. Они считали, что английский король не должен больше сражаться за свои наследные земли во Франции. Ни Нормандия, ни Гасконь, ни Пуату уже не воспринимались как часть Англии. Остров есть остров. Именно поэтому сын Генриха Эдуард I был больше заинтересован в том, чтобы завоевать Шотландию и Уэльс.

Также стало понятно, что однажды разрушенную Анжуйскую империю больше не удастся собрать вместе. Осталась только Гасконь, снабжающая англичан отличным вином. Вина из Бордо по-прежнему были очень популярны, и можно сказать, что Анжуйская империя оставалась винным погребом Англии. Но, помимо вина, Гасконь приносила и куда менее приятный плод: из-за своего титула герцога Генрих был вынужден

приносить клятву верности королю Франции. Но как один король может быть вассалом другого? Неопределенный статус этой территории, зависшей между Англией и Францией, в будущем стал поводом для Столетней войны.

В английской истории принято считать, что Генрих III был малоэффективным королем. Когда в середине его правления была изменена королевская печать, Генриха изобразили на ней держащим в руке скипетр, а не меч. Но за время его царствования улучшилась экономика страны, а отсутствие войн сыграло свою роль в этом всеобщем процветании. Лордов и арендаторов земли не отправляли сражаться на чужие территории, и у них появилась возможность сосредоточиться на состоянии своих поместий. По сохранившимся с этого времени документам можно предположить, что возрос объем купли и продажи земель. Вскоре появилась мода на руководства по управлению поместьями, где давались советы по всем вопросам, от удобрения навозом до производства молочных продуктов. Из 63 литров коровьего молока должно было получаться 6,3 килограмма сыра и 0,9 килограмма масла. Такого процветающего фермерского производства в Англии не было со времен Римской империи.

Король собирал со своих подданных меньше налогов, чем любой из его предшественников, и таким образом поощрял приток средств в королевство. Генрих полагался на использование королевских земель и выгоды, получаемые от системы судопроизводства. Ричард и Иоанн широко разевали рты, где без следа исчезало английское серебро, Генриху же, частично из-за ограничений Великой хартии вольностей, приходилось сдерживаться.

Можно найти и другие причины этого процветания. Неопределенные отношения Англии с Францией и Фландрией к концу 1230-х годов улучшились, позволив начать крупный экспорт шерсти в эти страны. В XIII веке состоялось значительное повышение объемов торговли через море; это была эпоха строительства дорог для упрощения торговых путей. Серебро текло рекой, оседая в карманах купцов в городах и портах. «Мрамор из Корфа» и «пурпур из Линкольна», «железо из Глостера» и «треска из Гримсби» прославлялись в плохо срифмованных стишках. Это создает контекст, понимая который мы лучше можем оценить королевскую программу строительства церквей и часовен.

Существует некая до конца непонятная связь

между экономикой и физическим здоровьем нации, о чем говорит тот факт, что в царствование Генриха население стало расти еще быстрее. В результате в стране возрос спрос на зерно, сыр и шерсть; экономика расширялась вместе с увеличением количества людей, участвующих в ней. В стране было пять миллионов жителей и восемь миллионов овец. Впрочем, рост населения не всегда благотворен. Из-за повышения спроса росли цены; из-за большего количества способного работать населения жалованья могли быть маленькими. В то время как более успешные и расторопные фермеры процветали и умножали свою собственность, у соседей победнее оставалось все меньше и меньше земли.

Король однажды заметил, что в Англии было не более 200 человек, которые что-то значили, и что он знаком со всеми ними. Многие из них были связаны друг с другом узами родства или брака, многие участвовали в местных органах управления и судопроизводства. Все они были схожи, у них было много общего. Они делились на региональные и придворные группировки, но бывали времена, как Генрих вскоре узнал на своем опыте, когда они могли действовать вместе.

Проблема заключалась в том, что большинство

лордов не доверяло королю, окружившему себя советниками из Пуату, среди которых выделялись Пьер де Рош и Пьер де Риво. Разногласия отчасти возникали из-за того, что они были иностранцами. К XIII веку английские лорды все были рождены в Англии и в письменных документах претендовали на «родные земли». На шестом году правления Генриха День святого Георгия стал национальным праздником. Монастырский хронист из Сент-Олбанса записал, что к людям, не говорящим по-английски, «относились с презрением».

Иноземное происхождение выходцев из Пуату усугублялось их жадностью. Они явились ко двору, чтобы получать ежегодный доход. Они жаждали земель и денег, но могли получить все это только за счет местных лордов. Весной 1233 года магнаты дали знать, что они откажутся посещать Королевский совет, если на нем будут присутствовать «чужаки»; представитель короля ответил, что у Генриха есть все права выбирать себе иностранных советников и что он найдет силы, необходимые, чтобы подавить восстание баронов. В июне 1233 года лорды в присутствии короля должны были собраться в Оксфорде, но они отказались. Также они составили послание

о том, что выберут себе нового короля, а перед этим выкинут Генриха и всех чужаков из страны. Бароны были объявлены не явившимися в суд по вызову, их объявили изгнанниками вне закона, а их земли были официально переданы придворным из Пуату.

Это стало поводом для войны. Бароны ответили на угрозу, и в течение шести месяцев королевские силы были разгромлены. Земли и собственность «чужаков» были разграблены. Епископы настаивали на перемирии, в результате чего король фактически сдался. Мятежные лорды были прощены, а некоторые выходцы из Пуату исчезли из королевского двора. Впрочем, Генрих не мог отказаться от своего внутреннего пристрастия к родным из Франции. Он сам был наполовину французом, сыном Изабеллы Ангулемской.

Его женитьба на Элеоноре Прованской в 1236 году только усугубила проблему. Согласно Матфею Парижскому, «он взял в жены чужестранку, не спросив совета у своих друзей и подданных». В свите двенадцатилетней девочки прибыл ее дядя Вильгельм Савойский. Он был сводным братом самого короля по матери Изабелле. Вильгельм знал, что Генрих впечатлителен и податлив; он приехал, чтобы остаться. Вскоре савойцы были

повсюду. Пьер Савойский получил земли в Йоркшире вместе с титулом графа Ричмонда. Именно он построил Савойский дворец между Стрэндом и Темзой, на месте, где сейчас находится отель «Савой». Бонифаций Савойский стал архиепископом Кентерберийским. Генрих так и не усвоил простого урока. Он считал, что страна принадлежит ему одному. Так почему бы не поделиться ею со сводными братьями, кузенами и внучатыми племянниками, если он того желает? Он ведь король.

Оппозиция Генриху в последующие годы принимала различные формы и по-разному выражала свое недовольство. Выходцы из Пуату и Савойи по-прежнему получали слишком много благ. Королева играла слишком доминирующую роль. Королю давали плохие или посредственные советы. Он был нерешителен и непостоянен в политике. Он слишком зависел от папы. Когда один из английских баронов указал Генриху, что он не соблюдает положения Великой хартии вольностей, король ответил: «А почему я должен соблюдать эту хартию, если вся моя знать, как светская, так и духовная, не обращает на нее внимания?» Ему ответили, что как король он должен подать пример. Создавалось общее впечатление

слабого или плохого правления, что по большому счету требовало вмешательства.

В 1244 году король потребовал у парламента большую сумму денег. В ответ лорды настояли на том, чтобы им дали власть выбирать юстициария и канцлера и, таким образом, управлять законами и финансами. Король согласился только на то, чтобы возобновить соблюдение положений Великой хартии вольностей. Четыре года спустя, когда он попросил у парламента еще денег, лорды отказали. Они сказали, что все доходы истрачены на восковые свечи и бесполезные процессии, а также проинформировали Генриха, что пища, которую он ест, напитки, которые он пьет, и даже одежда, которую он носит, похищены у их законных владельцев. Пять лет спустя Генрих снова потребовал денег на основании того, что собирался возглавить Крестовый поход в Святую землю. Никто ему не поверил. Взамен король снова просто собирался подтвердить положения Великой хартии. И снова он изменил своему слову. Здесь мы видим неустойчивое правление первого английского короля, столкнувшегося с юридическими ограничениями.

Затем началось то, что в те времена назвали «новыми и неожиданными изменениями». 7 ап-

реля 1258 года был созван парламент, потому что королю снова понадобились деньги. Он пообещал папе огромную сумму в 135 541 марку за то, что его сын Эдмунд получит корону Сицилии; авантюра с Сицилией не удалась, но долг остался.

Требование короля было более чем неуместно, потому что в стране был голод. Урожай 1257 года погиб, и к весне следующего года цена на пшеницу взлетела в два с половиной раза. Мы можем наблюдать за действиями королей и лордов, но есть жизнь, которая от нас скрыта, — жизнь простых людей. Матфей Парижский писал, что в тот голодный год «бесчисленное количество тел бедняков, раздутых и разлагающихся, лежало по пять-шесть в свинарниках, навозных кучах и на улицах в грязи». Ресурсов страны хватало на достаточно небольшое количество людей. Приблизительно 60 % сельского населения оказались слишком бедны, чтобы уплатить налоги. Их никто не собирался спасать или защищать. Не было никакого «государства», чтобы прийти им на помощь, поэтому они обнищали. Король в любом случае был озабочен только своими финансовыми проблемами.

Английские бароны не собирались оплачивать его долги. В конце апреля 1258 года, после

множества бесплодных споров партия баронов отправилась в суд в Вестминстере. Они демонстративно сложили свои мечи у входа в королевский зал, прежде чем поприветствовать Генриха в подобающей манере. Но, увидев их оружие, король занервничал. Свидетель так описывал эту сцену в хрониках Тьюксбери.

— Что это, мои лорды? — спросил король у них. — Неужели я, такой жалкий субъект, попал к вам в заложники?

Роджер Биго, граф Норфолк, ответил за них всех:

— Нет, ваше величество, нет! Но пусть эти жалкие, невозможные люди из Пуату и другие чужаки бегут от вас, и от нас, и от королевского льва, и да славится Господь на небесах, а на вашей земле воцарится мир для всех людей доброй воли.

Это высказывание является отличным образцом цветистых и вдохновенных речей XIII столетия. Затем Биго попросил короля принять «наши советы». Генрих, вполне естественно, поинтересовался, что же они хотят сказать. Бароны заранее обсудили между собой свои требования. Короля должна была направлять группа из двадцати четырех советников, двенадцать выбирал сам

король, двенадцать — бароны. Если король отказывался от этих условий, то оказывался перед реальной перспективой гражданской войны. Он и сам это понимал и, все обдумав, принял предложенные условия. Должно быть, его заставил поколебаться тот факт, что бароны согласились оказать ему «помощь» в финансовых затруднениях.

Комитет из двадцати четырех советников был выбран и летом 1258 года выпустил нечто вроде манифеста по внутренним и международным делам. Главное предложение было всего одно. Король должен следовать советам пятнадцати человек, названных баронами, а парламент сам будет выбирать юстициария, канцлера и казначея. То, что король принимает так называемые Оксфордские постановления (Provisions of Oxford), было зафиксировано на английском, а также на латинском и французском языках, что является доказательством очевидного самосознания королевства. На деле совет вскоре уже управлял страной. Он получил большую королевскую печать. Он решал все дела государства без присутствия короля. Если Генрих возражал им, они отвечали: «Мы этого желаем». Генрих снова стал несовершеннолетним. Государство больше

не управлялось королем.

Была причина, по которой эта система не могла сработать, и не сработала. Как власть над страной, которую тридцать один год осуществлял один человек, может быть распределена между пятнадцатью людьми? Бароны начали ссориться из-за особенностей и целей контроля над королем, и им было трудно управляться с международными делами без прямого обращения короля к другим монархам. У баронов были свои интересы — они, в конце концов, были всего лишь региональными магнатами, — которые не всегда были совместимы с управлением государством. Говорили, что они озабочены только самовозвеличиванием.

Правление баронов завершилось через два года. Вышла папская булла, освобождающая Генриха от любых обещаний, данных под давлением его лордов; булла начиналась со сравнения: если королю угрожают его подданные, то это напоминает лесоруба, которому грозит собственный топор. Также Генрих заявил, что бароны лишили короля «его власти и достоинства». Он перебрался в Тауэр, как для защиты от врагов, так и в качестве символа своей власти.

Происшедшее не слишком его отрезвило, и Генрих вновь занялся упражнениями в пол-

новластии. Это продолжалось только два года. «Чужаков», в особенности из Савойи, снова обвиняли в том, что они «имеют слишком много власти». Также у Генриха появился корпус иностранных наемников, из-за чего возникли слухи о том, что готовится вторжение. Поэтому в 1263 году группа недовольных баронов вновь нашла себе лидера, чтобы высказать свои пожелания, а в особенности — требование о том, что страна должна управляться только *per indigenas*, то есть местными уроженцами.

Симон де Монфор, призванный баронами, прибыл в Англию. Считается, что он был первым лидером английской политической партии. Пожалуй, он был очень странным борцом за дело Англии. Монфор родился во Франции и принадлежал к семье французских аристократов. Но у него были связи с Англией. Он унаследовал титул графа Лестера благодаря тому факту, что его дедушка был женат на сестре предыдущего графа; это был правовой путь, хотя и окольный. Также Монфор был женат на сестре короля Элеоноре. Поэтому, как заключил хронист, он стал «защитником Англии, врагом чужаков, изгоняющим их, хотя и сам принадлежал к их нации». Бароны созвали представителей широв на ассамблею в Сент-Ол-

бансе, тогда как король призвал их в Виндзор.

Конфронтация между Генрихом III и Симоном де Монфором не могла быть остановлена. Сам де Монфор был упрямым и нетерпимым человеком, одержимым ненавистью к евреям и еретикам. В Англии он был обособленной фигурой, презирая компромиссы и нерешительность своих английских сторонников, которых однажды описал как «переменчивых и лживых». Он не терпел дураков и мог быть высокомерным как в своем поведении, так и в методах. Иными словами, он был тираном. Он знал, что правильно. Он знал или думал, что знает, что надо делать. В прошлом он командовал армией крестоносцев, и сам Генрих когда-то назначил его сенешалем Гаскони, то есть своим наместником. Король панически боялся грозы. Это было одним из проявлений его простодушия. Но по какому-то случаю он сказал де Монфору: «Видит Бог, я боюсь вас больше, чем всех громов и молний вместе взятых».

Уверенность де Монфора в собственной правоте была так сильна, что это могло помочь ему скрывать даже от самого себя свои истинные цели. Как и вся его семья, он хотел расширения своей власти и владений. В этом и была настоящая честь. Монфор предпочитал сильную власть

как моральную и теоретическую необходимость, но разве чья-то власть могла быть сильнее, чем та, что в его руках? Отсюда вытекает и следующий вопрос. Если он мог одержать победу, то разве позволил бы королю сохранить свою власть под ограничением баронов? Или сам взял бы на себя роль правителя?

После прибытия де Монфора в Англию члены обеих партий перешли к нерегулярным столкновениям. Также они оказались вовлечены в то, что сегодня бы назвали информационной войной с открытыми письмами в суды широв и проповедями на церковных дворах. В это же время появился жанр политической баллады. В первые месяцы 1264 года борьба перешла в открытое, активное противостояние в таком масштабе, какого Англия не видела со времен войны короля Иоанна со своими баронами. Мир, которого король страстно желал, был нарушен им самим. У Генриха были непростые отношения со старшим сыном Эдуардом, поскольку у Эдуарда был более сильный и мужественный характер. По его наущению король выступил на мятежный город Нортгемптон, подняв королевский штандарт с красным драконом, дышащим огнем; этот кровавый флаг означал, что сдавшимся не будет

пощады. Король взял город. Затем Эдуард разорил мятежные земли в Стаффордшире и Дербишире. Де Монфор использовал Лондон, где жители обратились против короля, как центр своих операций. Здесь он был неуязвим. Но армия Генриха была больше.

Прямого столкновения было не избежать. Иначе вся система управления страной погибла бы от тысяч ран. 11 мая Генрих и его свита прибыли в клюнийский монастырь в Льюисе, в Суссексе. Армия баронов заняла позиции в 16 километрах к северу. Два дня прошли в ни к чему не ведущих переговорах, но потом де Монфор двинулся вперед, к высоким холмам около Льюиса. Армии оказались друг перед другом, битва началась, и Эдуард повел свирепую атаку против лондонцев; он разбил их и несколько часов преследовал бросившиеся врассыпную отряды. Это было ошибкой. К тому времени, когда принц вернулся, восставшие одержали блестящую победу, а сам король был заточен в монастыре. Де Монфор не прикреплял к своему штандарту красного дракона, поэтому перемирие заключили быстро. Лорд Эдуард, как его называли, был заключен в Дуврский замок как заложник доброй воли короля.

Вскоре после битвы была написана латинская

поэма из 968 строк под названием «Песнь Льюиса» (Carmen de Bello Lewensi). Поэма должна была отметить то, что де Монфор называл «успехом общего предприятия», и она находила оправдание вооруженному восстанию баронов как единственному средству добиться соответствующей им роли в управлении страной. «Повсюду говорят, что как король пожелает, так и действует закон, а должно быть наоборот, ибо законы остаются, хотя короли падают». Не совсем фантастично предположение о том, что присутствовало некое общее ощущение обиды за королевство перед лицом вопиющей несправедливости. Также существуют очевидные доказательства того, что деревенские работники взяли дело в свои руки и примкнули к баронам. Например, несколько крестьян из Лестершира окружили капитана и его людей, сражавшихся в королевской армии; они пытались их арестовать, потому что те были «против процветания общины королевства и баронов». Эти понятия не были теоретическими, они были частью реальной жизни.

Сотни крестьян также сражались как пехотинцы рядом с конными рыцарями. У самых бедных из них были ножи и косы, более процветающие по закону обязаны были иметь шлем и пику.

Они сражались против королевских поборов. В начале XIX века в Льюисе были обнаружены три ямы, в каждой из которых находилось примерно по 500 тел. Они были просто свалены одно на другое — неоплаканные, забытые жертвы войны. Один из хронистов описал их как обычных людей *de vulgo* — из масс. В той битве погибло очень немного рыцарей.

После поражения Генрих III вернулся в Лондон, где укрылся в соборе Святого Павла. Маленький орган управления из девяти баронов под руководством де Монфора взял в руки власть в то время, пока все государственные департаменты продолжали действовать от имени короля. Но это было только имя. Де Монфор стал самым сильным человеком в государстве. В английской истории впервые миропомазанного сюзерена отстраняли от власти. Де Монфор конфисковал земли восемнадцати баронов, сражавшихся не на той стороне, и забрал львиную долю денег, полученных в виде выкупа. Он ополчился даже на своих союзников, заключил одного из них в тюрьму, а другого изгнал из королевства. Де Монфор становился тираном. Так часто случается с олигархами: один забирается выше других. В результате сторонников у де Монфора становилось

все меньше. Кто не понимает, что король лучше, чем тиран?

В поисках поддержки он собрал два парламента, на одном из которых помимо рыцарей и лордов присутствовали представители городов. В период авторитарного правления появился такой инструмент вольности; можно сказать, что растущее самосознание нации сформировалось в противостоянии королю. Оно росло из противопоставления, из противодействия появились принципы. Эксплуатация со стороны Ричарда и Иоанна помогла появиться чувству общины в городах и деревнях; слабость Генриха привела к более общему осознанию «общины государства».

Рост и развитие парламента были частью того же процесса. В Англии всегда были парламенты того или иного рода. Сама структура существовала до того, как осознала себя, таким образом обретя индивидуальность. Нельзя заглянуть в темноту доисторического периода, но мы можем с уверенностью сказать, что у вождей племен были свои советы мудрых или благородных людей. Саксонские захватчики принесли с собой идею витана, советника короля (буквально это слово означает «тот, кто знает»), или витенагемота (это слово не появляется в записях до 1035 года) —

ассамблеи епископов и аристократов, которая собиралась один или два раза в год. Они консультировались с королем по поводу создания новых законов или введения новых налогов. У них была власть выбирать и даже смещать короля.

Нормандский совет, учрежденный после успешного завоевания Англии, был более мелким органом, состоящим примерно из тридцати пяти светских и духовных властителей. В 1095 году Вильгельм Руфус созвал более крупную ассамблею куда вошли все аббаты, епископы и *principes*, то есть главные люди страны. Этот созыв стал образцом для дальнейших правлений: когда нормандские или анжуйские короли пребывали во Франции или где-то еще, ассамблея магнатов училась, как действовать совместно, чтобы воплотить в жизнь свою волю. Они даже приобрели некое коллективное сознание. В царствование Генриха II аббат из Баттла заявил, что король не может менять законы страны без «совета и одобрения» баронов. Это все еще обсуждалось.

Впервые парламент созвал король Иоанн, который летом 1212 года потребовал, чтобы шериф каждого графства прибыл к нему с «шестью самыми верными и осмотрительными рыцарями, которые должны делать, что мы скажем». Рыцари

присутствовали не для того, чтобы давать королю советы. Они должны были донести королевскую волю до своих районов. Как бы то ни было, положения Великой хартии вольностей, появившейся три года спустя, были разработаны для того, чтобы ограничить власть короля; в частности, в ней было закреплено, что монарх не может ввести дополнительное налогообложение без «общего совета» королевства. Под королевством в то время, разумеется, подразумевались только бароны и епископы.

В 1236 году Генрих III созвал парламент в Вестминстере. В тот раз впервые официально был использован такой термин, но на деле в ассамблее участвовали только владетельные магнаты и епископы. Представителей широв или городов не было. Но королю были нужны деньги из самых разных источников. Он больше не мог полагаться на налог, который платили бароны, или на подати, которые собирались с их арендаторов. Поэтому в 1254 году шерифам было приказано прислать от каждого графства по два рыцаря, которых выберет суд графства. Более низкое духовенство также было встречено на парламентской ассамблее с распростертыми объятиями.

Симон де Монфор после своей победы собирал

по два представителя от каждого города. Рыцари и главы городов, таким образом, были представлены в парламенте в таком же количестве, как епископы и лорды. Мы наблюдаем рудиментарные зачатки палаты общин. В то время этого, кажется, никто не заметил и никак не прокомментировал такое изменение. В любом случае оно не было упражнением в демократии. Де Монфор ставил себе целью всего лишь иметь больше людей, которые поддержат его против лордов, противодействующих ему; большое собрание также должно было помочь скрыть вынужденное отсутствие его врагов. Поэтому он пригласил рыцарей и горожан.

Появление парламента вызвало неожиданные и непредвиденные последствия. Его возрастающее значение, например, увеличило роль, которую в управлении государством играли рыцари и богатые горожане. Рыцарь мог быть тем, кто владел одним или несколькими манорами (поместьями) и участвовал в управлении своей территорией, занимая такие посты, как шериф или лесничий. Он поступал на королевскую службу в своем шире — административную или судебную.

Рыцарей называли *buzones*, или «большие лю-

ди». Их было примерно 1100 или 1200 человек. Это были те люди, чьи изображения, воплощенные в дереве или камне, мы видим в старинных английских церквях. Они носят доспехи, а некоторые едва не волочат за собой меч; одни держат щиты, а у других руки сложены для молитвы. Ноги у них чаще всего скрещены, и были времена, когда предпочитали изображать рыцаря вместе с его женой. Это был период, когда были переписаны все гербы, а геральдика как наука расцвела во всей красе. В начале XIV века могилы рыцарей увековечивались медными скульптурами во весь рост.

Исключительность рыцарей привела к тому, что среди них появились различные ранги и классы. К середине XIV века возникли такие типы, как джентри, а также рыцари, эсквайры и джентльмены. Эсквайром был процветающий землевладелец, который по каким-то причинам отказался от статуса рыцаря. Джентльмены имели меньший доход, так называли главу семьи, имеющей землю. К 1400 году эта разница закрепилась в денежном выражении. Эсквайр имел годовой доход от 20 до 40 фунтов стерлингов, а джентльмен — от 10 до 20. Рыцари и эсквайры могли служить шерифами или мировыми

судьями, а джентльменам оставались посты поскромнее — помощников шерифов и коронеров. Джентльмены часто были приходскими джентри, тогда как рыцари всегда были джентри графств. Интересно, что такая социальная структура с некоторыми модификациями сохранялась до второй половины XIX века. Она скрепляла страну более 500 лет.

Куда бы мы ни взглянули в XIII веке, везде обнаружим свидетельства более четкой иерархии и контроля. В английских городах олигархия из богатых купцов была строго организована в согласии с королевским бюрократическим аппаратом; мастеровые и купцы были объединены в гильдии и торговые ассоциации. Бюрократический аппарат королевского двора становился более сложным и упорядоченным, чем когда-либо ранее. Историки административного управления отмечают огромное количество документов, появившихся в царствование Генриха III. Даже крестоносцы, отправлявшиеся в Святую землю из Англии, подписывали контракты о том, что обязуются соблюдать определенные условия. Любое право и любой вердикт оформлялись

в письменном виде. Королевский бейлиф[35], приходя к мелкому фермеру для сбора налогов, говорил: «Твои долги записаны в моем предписании». Возможно, есть какой-то парадокс в том, что в царствование слабого и нерешительного короля аппарат короны был таким эффективным и приспособляемым к новым условиям как никогда. Но чем еще мы можем объяснить то, что, несмотря на все катастрофы за время его правления, Генрих III оставался королем такой долгий срок? Постепенно нация укреплялась и прочно вставала на ноги, несмотря на все бури, проносящиеся над нею.

Одна из таких бурь разразилась в конце мая 1265 года. Лорд Эдуард, все еще находящийся в заключении, получил разрешение поехать на конную прогулку — в конце концов он был принцем королевской крови. Но в это весеннее утро он пробовал одну лошадь за другой, уезжая все дальше и дальше; потом он выбрал среди них особого скакуна и по сигналу скачущего вдалеке дворянина пустил его галопом. Вскоре принц был в безопасности в замке Ладлоу. Эдуард оказался на свободе. Он мог поднять знамя своего отца

---

[35] Примечания: 35

Бейлиф — заместитель шерифа, судебный пристав. — *Прим. ред.*

против де Монфора и других бунтовщиков.

Внезапно правление де Монфора оказалось под угрозой, и результаты не заставили себя ждать. Две армии сошлись 4 августа при Ившеме в Вустершире. Когда де Монфор увидел силы роялистов, приближающиеся к нему в образцовом порядке, он заметил: «Они выучились, как следует иметь со мной дело». Во главе армии был лорд Эдуард, теперь, в свои двадцать шесть лет, он фактически был лидером королевства. Де Монфор взял с собой Генриха в качестве заложника, и, когда битва разгорелась, он и его рыцари сражались вокруг короля. Один из роялистов, Роджер Лейбурн, сумел спасти Генриха из гущи схватки. Эдуард заранее отобрал двенадцать человек для отряда, который можно было бы назвать эскадроном смерти. Их единственной задачей было убить де Монфора, и они добились успеха. Ему отрубили голову, а яйца повесили на нос; этот трофей был преподнесен жене человека, который его обезглавил. Затем последовало большое кровопролитие, первое в средневековой Англии, где лордов и рыцарей обычно брали в плен ради выкупа или из соображений чести. Эдуард был не таким королем, как его отец.

Тело Симона де Монфора отдали монахам в Ив-

шеме, которые похоронили его в своем аббатстве. Его могила лежит в руинах, под высоким алтарем с гранитным крестом. Из-за того, как он нашел свою смерть, некоторые считали его мучеником, и его гробница стала объектом паломничества. Она была местом, где лежал борец за правое дело, и поражение только добавило блеска его репутации. Распространялись слухи о том, что в аббатстве происходят чудеса.

Но их было недостаточно, чтобы спасти сторонников де Монфора. Те, кто не погиб на поле битве под Ившемом, рассеялись по всей стране. Некоторые бежали в Кенилворт, замок де Монфора, другие нашли убежище на Айл-оф-Или. Некоторые прятались в диких лесах, и, возможно, сага о Робин Гуде берет свое начало из жизнеописания такого лорда-бродяги. Этих баронов называли «лишенными права наследства», и вернуть себе королевскую милость они могли только с помощью огромных выплат.

К Генриху вернулась большая печать, и он снова сидел перед своим советом. Порядок навели достаточно быстро, хотя надо сказать, что войны между лордами не слишком отразились на стране. Трудности возникли в тех местах, где происходили сражения, но дела королевства

шли, как и прежде. Сын и наследник Генриха Эдуард почувствовал, что может покинуть страну и принять участие в Крестовом походе в Святую землю. Он готовился унаследовать трон с помощью службы Господу.

Сам король смог заняться перестройкой Вестминстерского аббатства, куда ему не терпелось перевезти мощи Эдуарда Исповедника. Двадцать пять лет 800 человек работали над грандиозным строением с новым пресвитерием, новым зданием капитула, новым средокрестием и медленно растущим северным фасадом. Это была работа для нескольких поколений. Каменщики из Пербека, мастера со всей Англии, моряки, возчики — все сыграли роль в славном предприятии. Черепичники, мастера по мозаике и по металлу объединили свои усилия, чтобы удовлетворить страсть короля к затейливым вещам. Он вложил в это здание столько денег, что оно навсегда стало памятником его царствования. Генрих испустил свой последний вздох на пятьдесят шестом году своего царствования, 16 ноября 1272 года, в возрасте шестидесяти пяти лет. Похоже, что умер он просто от старости. Могила Генриха III со статуей короля из позолоченной бронзы все еще находится в аббатстве, которое он построил.

18
Сезонный календарь

В Англии среди всех способов отмечать время календарь, отсчитывающий годы правления короля, был наименее значимым; церковный календарь и сезонный календарь были гораздо важнее. Они представляли собой привычную и неизменную природу мира и выражали глубокое ощущение принадлежности к земле и вечному, которые являлись настоящими горизонтами в средневековый период. Сезонное и церковное время переплетались.

Зима, продолжающаяся с Михайлова дня 29 сентября до Рождества, была сезоном пахоты; пшеница и рожь считались озимыми культурами. Часть крупного рогатого скота переводили с летних пастбищ в относительно теплые стойла, а остальных забивали; свиней загоняли в свинарники. Ноябрь считался кровавым месяцем. Мясо, которое не могли съесть, засаливали. Двенадцать дней рождественских празднований были единственными длинными выходными, которые были у фермеров и работяг; это было

время пиров, выпивки и таинственных ритуалов рождественских пантомим.

Весной от Крещения 6 января до Страстной недели перед Пасхой люди сажали виноградники и рыли канавы; они рубили лес для изгородей и высаживали огород. Круговорот работ начинался заново. Первый понедельник после Крещения для женщин был понедельником прялки, а для мужчин — понедельником плуга, эти названия точно описывают два занятия, которым были посвящены эти дни. Женщины пряли, а мужчины пахали.

В день плуга молодые пахари таскали по деревне «плуг дураков», или «белый плуг», украшенный ленточками и разрисованный яркими цветами; у каждой двери они просили пенни и, если им отказывали, вспахивали землю перед домом. Предводителем юношей («упряжных быков») был молодой человек, переодетый в пожилую женщину, которого называли Бесси. Другой участник надевал на голову шкуру лисы, а сзади прицеплял лисий хвост. Древняя церемония просуществовала до XIX века и даже до начала XX, доказывая традиционность деревенской жизни в Англии. Она до сих пор практикуется в некоторых областях Восточной

Англии, где ее происхождение иногда связывают с Данелагом. Праздник Сретения 2 февраля в память об очищении Девы Марии был днем, к которому завершали подготовку почвы к посевам; наступало время сеять «летнее зерно»: овес, ячмень, бобовые. Также в это время обрезали деревья.

Лето продолжалось от второго понедельника и вторника после Пасхи (понедельник и вторник выкупа) до 1 августа (Ламмаса, дня квартальных платежей). Именно поэтому персонификация праздника — королева мая, Флора, — считалась королевой лета, а не весны. Во второй понедельник после Пасхи все женщины деревни ловили и связывали столько мужчин, сколько могли, и держали их до тех пор, пока те не платили выкуп. На следующий день этим же занимались мужчины. Перед наступлением серьезной сельскохозяйственной работы всегда были праздничные дни. В сезон земледелец должен был унавоживать поля, колоть дрова, стричь овец, полоть сорняки, чинить изгороди, делать запруды для ловли рыбы и мельниц. Вспахивали поля под паром. Середина лета отмечалась праздником в день рождества святого Иоанна Крестителя. По наблюдениям одного монаха XIII века из Уинчкомба,

в канун этого дня 23 июня «мальчики собирали кости и другой мусор и сжигали все это, так что в воздухе висел дым. Также они зажигали факелы и шли с ними в поля. В-третьих, они пускали колесо». Имеется в виду огненное колесо, которое поджигали и скатывали с холмов. Таким образом, языческие ритуалы и христианский календарь соединились в одном праздновании. В сам день святого Иоанна был сенокос. После того как все сено было собрано, в поля выпускали овцу, которая доставалась тому косарю, который сможет ее поймать. Только после дня святого Иоанна в полях срезали чертополох; считалось, что если его убрать ранее, то чертополоха вырастет в три раза больше.

От Ламмаса до Михайлова дня в конце сентября длилось время сбора урожая зерновых, известное как *autumpnus* (от *autumn* — осень). Название Ламмас происходит от англосаксонского *hlaf-Mass*, или «хлебная месса», в хороший год это было время плодородия. Когда торжественно связывали последний сноп, наступало время пира в честь урожая. В XVI веке Томас Тассер писал:

После сбора урожая крестьяне и слуги
Должны хорошо повеселиться в за-

ле[36].

Смехом и танцами люди отмечали смену сезонов и одновременно праздновали неразрывность земного круговорота; они были частью того вселенского ритма, который ощущали, но не обязательно понимали.

После того как собирали урожай, скот выпускали пастись на жнивье. В это же время на стоявших под паром полях, которые нужно было перед этим вспахать и пробороновать, сеяли пшеницу и рожь. После окончания сева по традиции устраивали пир с пирогом с тмином, пирожками и сладкой пшеничной кашей на молоке с изюмом и специями. Потом наступало время вязания снопов, при этом колосья отделяли от соломы, затем зерно веяли, отделяя его от мякины. В этот период работники должны были подготовить загоны для овец и стойла для свиней.

Так сельскохозяйственный год был тесно связан с ритуальным годом. Именно поэтому капители и колонны церквей и соборов в Англии украшались картинками с месяцами; июль символизировали резные изображения косарей, а

[36] Примечания: 36

In harvest time, harvest folk, servants and all / Should make altogether good cheer in the hall.

сентябрь — земледелец с серпом. В монастырской церкви в Саутвелле свиньи хрюкали среди огромных каменных дубовых листьев, олицетворяя ноябрь. Мир природы был хорошо знаком и неизменен. Летняя свобода и зимние заботы были частью вечного порядка, в котором самый скромный труженик занимал свое место; в средневековой поэзии пахарь часто считался святым. В праздничные дни молящиеся в приходской церкви и труженики в полях принимали участие в дополняющих друг друга ритуалах. В три молебственных дня перед днем Вознесения Господня прихожане ходили по границам земель своего прихода и благословляли поля.

Считалось, что ящур, инфекционное заболевание, которое губило овец и коров, может быть излечен с помощью молитвы. Служили мессу во имя Святого Духа, каждый прихожанин жертвовал пенни. Затем овец собирали в поле и читали над ними отрывки из Евангелия и пели гимны, при этом кропя животных святой водой. После этого читали «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся». Тем не менее падеж скота оставался высоким.

Сущность сельского хозяйства, когда из месяца в месяц нужно выполнять определенную

работу, не менялась многие сотни лет. Система неогороженных участков была распространена в центральных графствах, где обширные поля были поделены на полосы земли, принадлежащие отдельным семьям; маленькие огороженные поля были характерны для Кента и Эссекса; на севере и западе прямоугольные поля выстраивались в линию одно за другим. С XIII века здесь появились элементы огораживания: отдельные фермеры менялись своими участками, и, таким образом, мог получиться большой надел, который обносили изгородью.

Деревушки и маленькие поля были типичны для севера Англии, а более крупные селения и большие поля были распространены в центральных графствах. Впрочем, внутри графств встречались самые разные вариации. В Восточном Сомерсете были открытые поля, тогда как на западе графства — огороженные. Участки Восточного Суффолка были огорожены, а западного — нет. Стандартный участок арендуемой земли на юге называли «ярд», а на севере — «оксганг»; в документах положение участка описывалось по положению солнца. Участки на юге и востоке считались более светлыми. Характер местности, свойства почвы, преобладающий климат — все

это играло свою роль в формировании фермерства на такой маленькой территории. В некоторых частях Уилшира почвы были глинистые, в других — меловые, а в Хемпшире — каменистые.

По всей стране существовало бесконечное разнообразие сельскохозяйственных методов, установленных принудительно или обусловленных традициями или обычаями. В каждом селе и в каждой деревне семьи могли обрабатывать один и тот же участок земли в течение нескольких столетий. У людей складывались с ним близкие отношения, они становились буквально его частью. В одном из первых сводов законов мы находим определение деревни — это поселение, имеющее «девять домов, один плуг, один горн, одну маслобойку, одну кошку, одного петуха, одного быка и одного пастуха». Различные виды полей и пастбищ также могли постоянно влиять на племенные традиции, появление которых нельзя привязать к определенной дате. Общественная история, которая позволила разделить землю на маленькие поля и полоски, теперь исчезла безвозвратно, она простирается в прошлое так далеко, насколько хватает взгляда. За многие века для каждого участка земли сложился особый способ его использования, определенный

набор прав и обязанностей; надел — это нечто, живущее своей жизнью, создающее привычки и традиции.

С помощью земли человек приобретал честь и престиж, а также богатство; размеры владений определяли объем его военных обязанностей. Было общепринято, что, если у тебя нет участка земли, ты не сможешь жениться и поднять семью. Безземельный человек в деревне был пустым местом. Закон, в сущности, отражал волю тех, кто владел землей. Над всей социальной жизнью довлели покупка и продажа земли, в которых так или иначе были задействованы 90 % населения. С XI века в центре военных кампаний оказались замки, потому что они доминировали над прилегающими территориями. Самой суровой формой наказания была конфискация земель. Именно такой образец землевладения, а не какое-то другое административное деление, определял сущность и принципы каждого района и каждого шира.

Споры о владении землей были одной из самых важных причин актов насилия и социальных разногласий. Когда один рыцарь, о котором известно только то, что его звали Эдуардом, отказался служить приорату Святой Фридесвиды в обмен на участок земли в Хедингтоне, дело было

решено поединком. «После многих ударов со стороны каждого из противников и, несмотря на то, что защитник Эдуарда был ослеплен в бою, они оба сели и, поскольку ни один не решался снова нападать, между соперниками был установлен мир…» Чтобы добиться правосудия, могли применять и менее крутые средства. Фермер из Эвшама потребовал надел у тамошнего аббатства; он заранее наполнил сапоги почвой со своего участка, так что мог поклясться перед монахами, что стоит на своей земле.

Время вспашки и косьбы в некоторых частях страны наступало раньше, чем в других. Тем не менее награда за труд была одинаковой. Коса и серп, цеп, веялка и плуг находились в общей собственности. Средневековая народная песня прославляла появление «овса, гороха, бобов и ячменя», которые в «Буре» Шекспира превратились в «пшеницу, рожь, ячмень, вику, овес и горох». На огромных полях мы бы увидели пятьдесят или шестьдесят работающих на земле мужчин, разбросанных вдоль борозд, согнутых тяжелым трудом. В календарях и часовниках можно найти множество изображений земледельцев, одетых в узкие бриджи с холщовой или суконной блузой, подпоясанной в талии ремнем; в холодную

погоду они надевали шерстяные накидки с капюшонами, прикрывающие верхнюю часть тела. Иногда они носили шерстяные шапки.

«Первое, что я делаю с утра, — рассказывает крестьянин в трактате X века, — это выгоняю овец на пастбище и караулю их в жару и холод вместе с собаками, чтобы волки не задрали овец. Потом я привожу их обратно в овчарню, и дою дважды в день, и при этом убираю в загонах и делаю сыр и масло…» На общинных землях деревни за скотом мог присматривать мальчик-пастух.

В Средние века домашний скот был меньше и слабее, чем их современные потомки, плодородность земли также была намного ниже. Фермерам и труженикам, которые часто жили в нищете, приходилось постоянно прилагать усилия, чтобы выжить. Мир не двигался по пути прогресса; считалось, что он медленно деградирует от золотого века к железному. Нарисованные выше картины смены сельскохозяйственных сезонов не следует принимать за рекламу «счастливой Англии». Даже развлечения, те занятия спортом, игры и обряды, которые были частью ритуального календаря, часто были жестоки и связаны с насилием. Это была жизнь, состоящая из пота и грязи, пролетающая слишком быстро.

19
Император Британии

Когда Генрих умер, лорд Эдуард был на Сицилии и приходил в себя после покушения на него. Он побывал в Святой земле, где не добился ничего. В Акре на Эдуарда напал мужчина с отравленным кинжалом, и принц чуть не умер от раны. Почерневшую от яда плоть пришлось удалить с помощью операции, которая была не менее опасна, чем сама рана. Но Эдуард выжил и добрался до безопасной гавани Сицилии. Здесь он и узнал о смерти отца.

На коронацию Эдуард не торопился. Он уже был объявлен королем в свое отсутствие, но прибыл в Лондон только спустя восемнадцать месяцев. До лета 1274 года он пробыл во Франции. Эдуард родился в Вестминстере, но по происхождению, в сущности, был французом, можно даже сказать, что он был членом европейской королевской семьи. Одной из причин, по которой он тянул с коронацией, было желание привести в порядок дела в Гаскони, которая для него была не менее важна, чем Англия.

В отсутствие короля собрался парламент, из чего можно сделать вывод о преемственности в управлении страной. Но случились и беспорядки, а также некоторые разногласия между магнатами, которые должен был уладить новый король. Он был человеком, который действительно требовал подчинения; в отличие от своего отца сын был хорошим солдатом. Эдуард вернулся со своими рыцарями-крестоносцами, которые по большей части и составили его двор; по сути, они были личной охраной короля, ведущей свое происхождение от отрядов воинов более раннего периода. О военной природе его царствования свидетельствует то, что во время коронации Эдуарда в новом аббатстве (еще не полностью достроенном) его приближенные проехали по трансепту верхом на лошадях. Новое царствование началось с цоканья копыт по камню.

Эдуард I производил впечатление. По словам Николая Тривета, ученого доминиканца, который хорошо знал короля, он имел «великолепное телосложение». Из-за длинных ног его прозвали Эдуардом Длинноногим; на охоте он с обнаженным мечом в руке галопом скакал за оленем. Король считался «олицетворением красоты и мужества», а это означало: он воплощает в себе

все рыцарские достоинства гордости и чести. Он быстро впадал в гнев и быстро прощал. Тривет заявлял, что короля вела *animo magnifico*, или то, что можно описать как «благородство души», но, возможно, это был просто трюизм, приложимый к королю-воину. Эдуард немного шепелявил или заикался, а его левое веко было полуопущено так же, как и у отца. Он мог быть просто свирепым. Когда настоятель собора Святого Павла подошел к нему, чтобы пожаловаться на налогообложение духовенства, несчастный священник испустил дух прямо на месте. После того как Эдуард сделал выговор архиепископу Йоркскому, тот умер от огорчения. У короля была очень мощная аура.

Как только великолепная золотая корона Англии была возложена на чело Эдуарда во время коронации, он снял ее с себя драматическим жестом. Король сделал заявление, которое отклонялось от заведенного хода церемонии. «Я больше никогда не надену эту корону, — объявил он, — пока не верну земли, которые мой отец отдал графам, баронам и рыцарям Англии, а также чужакам». Он сдержал свое слово. В течение следующих двадцати лет Эдуард учредил комиссии, которые рассматривали предполагаемые права и притязания землевладельцев страны. Его

любимым выражением было «quo warranto?», то есть «по какому праву или титулу ты владеешь этой землей?», что подразумевало: «А не принадлежит ли она мне?» В результате этого процесса появился целый сонм юристов. В стихотворении современника Эдуарда говорится:

А благодаря Quo Warranto
Нам всегда будет чем заняться[37].

Один старый аристократ, когда его спросили, по какому праву он владеет землей, просто выхватил меч. Это был древний ответ, который уже стал частью природы дворян: приходи и сразись со мной, если тебе нужно то, что у меня есть. Но никто не в силах был сразиться с Эдуардом. Он усвоил уроки долгого правления своего отца и усложнил правила.

Собрав первый парламент своего царствования в Вестминстере весной 1275 года, Эдуард еще сильнее усилил хватку на горле королевства. Всего в ассамблее принимало участие около 800 представителей, и это был самый большой парламент из всех, когда-либо созванных. Эдуарда на самом деле можно считать первым королем,

[37] Примечания: 37
And the Quo Warranto / Will give us all enough to do.

который использовал этот орган правления в конструктивном ключе. Он предложил членам парламента представить на рассмотрение жалобы о злоупотреблении положением или плохом управлении, причем некоторые из этих жалоб, без сомнения, были использованы для того, чтобы урезать власть слишком сильных лордов. Эти жалобы, известные как «петиции» и с этого времени направляемые в парламент, должны были использоваться на судебном трибунале. Вскоре петиции стали поступать со всего королевства. Их было слишком много, и они затруднили работу парламента, но была у них одна ценная функция: они позволили королю увидеть, что происходит в разных частях его королевства.

В то же самое время требование короля собирать больше налогов выделило рыцарей и горожан в отдельную группу: в конце концов они были теми, кому предстояло собирать деньги со своих городов и широв. Поэтому они начали проводить свои совещания в здании капитула Вестминстерского аббатства и отделились от прелатов и баронов. Они еще не были палатой общин, но у них были общие интересы. В сущности, они представляли собой парламентский комитет, в надлежащем порядке подчиненный

парламенту как высшему органу. Король не всегда призывал их, но постепенно их значимость росла. Епископы и магнаты все еще решали великие дела государства, но рыцари и горожане были голосами тех, с кого собирали налоги (не заставило себя ждать время, когда их разрешение и надзор стали жизненно важными). Следует подчеркнуть, что города и ширы сами не направляли в парламент своих представителей. Именно король призывал рыцарей и горожан; он налагал на своих подданных обязанность появляться в парламенте, где мог командовать ими и облагать их налогами. Когда они послушно выполняли королевскую волю, он их распускал.

Созвав парламент 1275 года, Эдуард потребовал от лордов, рыцарей и горожан введения налога на экспорт шерсти; с того времени король получал по шесть шиллингов и восемь пенсов с каждого тюка, вывозимого из страны. В один миг его финансовое положение улучшилось. Он отдал долги банкирам Риккарди из Лукки. В другом законодательном акте король обложил данью евреев, но об этом мы поговорим в главе 20. На том же самом парламенте был принят длинный и сложный акт, известный как Первый Вестминстерский статут, по которому король

намеревался «восстановить забытые законы, которые не использовались из-за слабости его предшественников»; этими забытыми законами были, разумеется, те, которые подразумевали строгий королевский контроль или требовали его. В том же стремлении к королевскому господству Эдуард заменил большинство шерифов графств людьми, которых он знал и которым доверял.

Эдуард I, в отличие от своих предшественников, не имел великой империи. Вместо нее у него было королевство, которое он стремился сплотить и укрепить. В первую очередь он отправился в Уэльс, где выстроил ряд замков, которые все еще стоят. Замки Эдуарда были чудесными творениями, отчасти задуманными как воплощения рыцарской романтики. Король чувствовал сильную тягу к мистической истории Артура и рыцарей Круглого стола; претендуя на родство со своим знаменитым предшественником, он также претендовал на власть над всем островом. Артур был известен как «последний император Британии». Тем не менее многие считали, что он был уэльским или британским королем, сражавшимся с саксонскими завоевателями. Ходили слухи, что он не умер, а просто ушел на покой и

что вернется снова, чтобы уничтожить врагов Уэльса. Такая новость не обрадовала бы английских солдат Эдуарда.

Поэтому то, что Артур умер и навсегда ушел с поля битвы, должно было каким-то образом быть подтверждено. К счастью, тела Артура и Гвиневры чудом были обнаружены в подвалах аббатства Гластонбери во время царствования Генриха II. Теперь Эдуард постановил, что тела должны быть извлечены из земли и помещены в великолепные саркофаги. Эдуард и его жена завернули тела Артура и Гвиневры — если это действительно были их тела — в шелка, а потом поместили в усыпальницу черного мрамора. Их черепа были выставлены на всеобщее обозрение. Они были определенно мертвы. Вера в силу прошлого была так сильна, что потребовалось прибегнуть к тщательно разработанным ритуалам.

Уэльские замки Эдуарда I, как и каменные строения Римской империи и нормандской Англии, являются символами грубой силы. Стены замка в Конуэе были толщиной три метра. Полторы тысячи рабочих и мастеровых трудились над его сооружением четыре года. Башни и каменные стены замка в Карнарвоне были скопированы с двойной линии стен, построенной вокруг Кон-

стантинополя императором Феодосием в V веке; легенды гласили, что отец императора Константина был похоронен в Карнарвоне, поэтому историческая аллюзия вполне понятна. Новое здание также сохраняло оборонительную систему нормандского замка, который ранее был построен на этом месте как символ предыдущих английских правителей. Руководитель работ в Карнарвоне, Конуэе, Крикиете, Харлехе и Бомарисе мастер Джеймс из Сент-Джорджа был одним из великих творцов той эпохи, которая прославляла гений военной аристократии.

Эдуард считал, что в завоевании Уэльса он реализует свои королевские права в том же духе, в каком поддерживал расследования «quo warranto?». Это была его земля. Или, по крайней мере, он так заявлял. Люди с Атлантики, жившие на этой территории многие тысячи лет, могли бы с ним не согласиться. С отрядом кавалерии численностью примерно в 1000 человек он гонял уэльсцев от горы к горе, от холма к холму, пока местные князья наконец не подчинились его власти. Тогда на их земле установился английский закон и система английских широв. В безопасной тени стен замков выросли английские поселения. Вокруг рынков возникли города. Жизнь

страны ускорилась. Мир нарушали возникшие в результате завоевания бунты и восстания, но сами поселения с тех пор так и оставались нетронутыми. Когда все закончилось, Эдуард провел турнир в честь короля Артура в Нефине, маленьком городе на побережье, где, как считается, были произнесены пророчества Мерлина.

Стоимость этого завоевания была огромна. Именно поэтому в самом начале своего царствования Эдуарду пришлось собрать такой большой парламент: чем больше сеть, тем крупнее добыча. Вся страна вскоре была охвачена всеобщей системой налогообложения, что ознаменовало собой появление налогово-бюджетного государства. Практически по воле случая необходимость войны стала главным элементом управления Англией.

Налог на шерсть, также проведенный через парламент, значительно пополнил королевскую сокровищницу, но привел и к дальнейшим последствиям. Эдуард установил таможенную систему, которая с тех пор, к лучшему или худшему, стала одной из основных черт экономической жизни Англии. Впервые за всю историю король действовал заодно с торговцами, обещая им свою защиту. Иностранные торговцы получили свои

привилегии. Им было позволено беспрепятственно въезжать в страну и выезжать из нее, они были полностью освобождены от вмешательства местных властей, и на них не распространялись местные налоги. Торговцы из Гаскони и других земель получали статус граждан в любых сделках с жителями Лондона.

Связь короля с банкирами из Лукки означала, что он имеет отношение к международным финансам; именно поэтому он так заботился о том, чтобы сохранить стандарт денежной массы. Чеканка монет с уменьшенным содержанием благородного металла не поддерживала его престиж у европейских финансистов. В Англию была привнесена более изысканная система кредита, заимствованная у банкиров из Венеции и Генуи. Необходимость войны снова создала почву для изменений.

Также Эдуард нашел гениальный способ делать деньги. Закон гласил, что каждый, кто имеет собственность или доход в 20 фунтов стерлингов в год, обязан получить статус рыцаря, но рыцарство было дорогим удовольствием: одна только экипировка стоила очень дорого, и многие землевладельцы были готовы заплатить достаточно большую сумму, чтобы избежать этой

чести. По указу Эдуарда, известному как «арест на рыцарское имущество», все удовлетворяющие поставленным требованиям мужчины должны были носить оружие, с тех же, кто хотел быть освобожден от этого, собирали деньги. Это можно назвать законной формой вымогательства.

Когда-то Эдуард I был известен как «английский Юстиниан», поскольку именно он придал форму и смысл английским законам. Великий юрист XVII века Эдвард Кок отметил, что этот король создал «наиболее последовательные, устойчивые и долговременные законы, чем когда-либо после него». За Первым Вестминстерским статутом, принятым на одном из первых парламентов его царствования, последовали еще девять статутов, касающихся как законов, так и взыскания долгов купцов. В документах были изложены практические и конкретные меры для решения текущих проблем. Например, в Винчестерском статуте было заявлено, что все изгороди и лесные насаждения вдоль главных дорог должны быть расчищены на расстоянии 61 метра, поскольку они могут служить убежищем для воров.

Эта мера была своевременной и необходимой. Часть сельских районов страны страдала от набегов шаек бандитов, многие из которых воз-

никли из отрядов солдат, сражавшихся в войнах Эдуарда. Для старых солдат не было ни пенсий, ни каких-либо других вознаграждений. Другие банды разбойников нанимали сами местные джентри, чтобы осуществить кровную месть или запугать своих арендаторов. Поэтому были учреждены суды особого типа под названием «трэилбастон» — слово означало «сжимать в руках палку или дубину», — которые должны были заниматься особо тяжкими преступлениями и нарушениями права владения. Первоначально название описывало самих головорезов, а затем стало применяться к судьям, которые выносили им приговоры.

Король, конечно, получал свою долю при совершении судебных процедур, и судьи тоже богатели. Их презирали не менее, чем боялись. В одном из популярных куплетов этого периода судей не слишком лицеприятно сравнивали с бандитами, которые нашли убежище в лесах. В чем разница между теми ворами, которые прячутся, и теми, которые сидят в своей конторе? В одной песне судебный пристав обращается к ответчику: «Бедный человек, зачем ты беспокоишься? Зачем ты здесь ждешь? Если ты не дашь денег всем в этом суде, то твое дело проиграно. Если ты не принес

ничего, то останешься за дверями». Здесь мы можем наблюдать средневековый парадокс. Даже когда законы были сформированы и улучшены, над их толкованием насмехались, их обливали грязью. Королевский закон проклинали вместе с его распространением.

Тем не менее формальным процедурам следовали, а обычная юридическая практика развивалась. В период правления Эдуарда количество прокуроров выросло примерно с 10 до 200. Они стали новой элитой. Там, где делаются деньги, всегда есть люди, которые хотят получить к ним привилегированный доступ. Это явление — неотъемлемая часть общей картины преобразований начала XIV века. За домохозяйствами богачей следил штат обученных управляющих, а организацией ферм занимались управляющие поместьем. Даже война становилась профессиональной. Король уже не собирал войска со всех широв, вместо этого он все больше и больше полагался на получающую жалованье армию, которую вели в бой постоянные командиры. Поскольку дело управления королевством становилось все более сложным, появилась потребность в постоянно работающих чиновниках, деятельность которых мы могли бы описать как государствен-

ную службу; в одном только суде лорда-канцлера, который размещался в Вестминстере, было задействовано более 100 клерков. Первая настоящая парламентская запись, содержащая протоколы заседаний, датируется 1316 годом.

Королевская власть по-прежнему оставалась верховной. Однажды два судьи поспорили о деле в присутствии короля. От их длинных обсуждений Эдуард начал терять терпение. В конце концов он прервал их, сказав: «Я ничего не имею против ваших споров, но, будь я проклят, вы должны дать мне хорошее предписание, прежде чем начнете городить огород!» Под хорошим он не имел в виду обоснованное, он имел в виду то, которое работало бы в его пользу. Монах, автор «Песни Льюиса», писал об Эдуарде, когда тот был еще принцем: «Чего бы он ни хотел, он считает это правомерным и думает, что нет никаких законных ограничений его власти».

С 1286 по 1289 год Эдуард оставался в Гаскони, стремясь получить контроль над делами страны, которая значила для него не меньше, чем Англия. По возвращении король обнаружил, согласно одному из хронистов, что «над страной нависло самое настоящее иго». Один из его слуг из числа духовенства Адам де Страттон приобрел

непривлекательную репутацию из-за различных финансовых махинаций. Он был частью системы взяточничества и коррупции, которые сильнее, чем когда-либо, расцвели за время трехлетнего отсутствия короля. На ярость короля стоило посмотреть. Он ворвался в покои Страттона с воплем: «Адам! Адам! Где ты?!» В доме Адама на Смэйлелейн около Флитской тюрьмы нашли припрятанные 13 000 фунтов стерлингов.

Эдуард мог доверять только тем советникам, которые были с ним в Гаскони, и он приказал им выяснить истину по поводу всех обвинений. В результате их расследований оказалось, что многие судьи брали взятки в огромных количествах. Один из них, главный судья Суда общих тяжб, нашел убежище в монастыре францисканцев. В результате он был вынужден покинуть королевство, отправившись босиком в Дувр с крестом в руке. Король, вернувшись из-за границы, обернулся карающим ангелом. Еще раз он доказал свою силу.

В ноябре 1290 года умерла королева. Элеонора Кастильская не слишком хорошо известна в истории. Считалось, что она очень набожна, но более всего королева была предана интересам своей семьи; например, она спекулировала землями

и извлекала финансовую выгоду с помощью тех владений, которые были заложены у евреев. Один современник вспоминал, что «день ото дня вышеупомянутая леди продолжает заниматься грабежом и, таким образом, присваивает себе чужую собственность. По всей Англии из-за этого стоит возмущенный стон, и во всех частях страны распространяются слухи». Этим королева нисколько не отличалась от других членов семьи, которые, поднявшись вслед за Эдуардом, прославились как алчные и ненасытные; в его государстве общепринятой практикой было жаловать королевским родственникам графства. Четыре дочери короля были благополучно выданы замуж за самых богатых магнатов и получили в приданое огромные владения.

Король был очень опечален смертью жены и на пути следования ее похоронной процессии от места смерти королевы в Ноттингемшире до гробницы в Вестминстере поставил ряд крестов. Эти кресты так и называются «крестами Элеоноры», и три из них все еще стоят в Геддингтоне, Нортгемптоне и в Уолтем-Кросс. Еще один, в Чаринг-Кросс, является подделкой и стоит на другом месте. После похорон король отправился в паломничество более чем на месяц.

К марту 1291 года он был на границе Шотландии. Он направился туда, чтобы поглядеть на претендентов на шотландский трон, руководствуясь предположением о том, что король Англии каким-то образом является властителем их королевства. Эдуард выбрал одного из кандидатов, Джона Баллиоля, а потом относился к нему как к своему вассалу. Шотландцы недолго это терпели. Четыре года спустя его бароны склонили Баллиоля отречься от клятвы верности английскому королю, вступить в союз с французским монархом и объявить независимость. Тогда Эдуард выступил с армией на север и уже через несколько недель победил шотландскую армию. Данбар открыл перед ним ворота, Эдинбург сопротивлялся чисто символически, Перт и Сент-Эндрюс сдались без всяких условий. Эдуард разрушил Берик и безжалостно и бессмысленно вырезал его население; по словам хрониста, тысячи людей «падали как осенние листья». Кажется, король жаждал крови.

Теперь Эдуард в самом деле считал себя настоящим королем Шотландии. Легендарный «говорящий камень» Фаль, иначе известный как «Камень судьбы», был извлечен из замка Скоун и перевезен в Вестминстерское аббатство, где оста-

вался до 1996 года. Согласно легенде, он служил подушкой, на которой покоилась голова Якова, когда ему привиделись ангелы, поднимающиеся по лестнице. На самом деле камень представляет собой продолговатый прямоугольный блок известняка, покрытый вмятинами и разъеденный временем. Но он был символом судьбы Шотландии. Когда Эдуард передал печать Шотландии своему новому английскому губернатору, он отметил, что «человек поступает правильно, когда избавляется от подонков». Но один шотландский патриот был намерен излечить его от излишней самонадеянности. Уильям Уоллес, признанный виновным в убийстве, нашел убежище в лесах и там собрал людей, настроенных против короля Англии.

Достаточно любопытно, что Эдуард поставил Баллиоля в незавидное положение, напоминающее его собственное: как сеньор Гаскони и герцог Аквитанский Эдуард теоретически являлся вассалом короля Франции. На практике же это означало, что он постоянно сталкивался с интересами французского двора. Нужна была только крошечная искра, чтобы вспыхнуло пламя. Некоторые разнузданные столкновения между английскими и нормандскими моряка-

ми привели к ответным мерам и конфликтам; тогда французский король призвал английского короля к своему двору и, когда тот отказался приехать, объявил земли Эдуарда во Франции конфискованными.

В 1297 году Эдуард переправился через Ла-Манш вместе со своей армией. Многие, отправившись в этот поход, не имели никакого желания участвовать в военных действиях на континенте. Почему они должны сражаться за земли Эдуарда во Франции, когда не получат от этого никакой выгоды? Граф Норфолк и маршал Англии Роджер Биго отказался принять командование армией.

«— Ради бога, сэр граф, идите [или в поход], или на виселицу! — в ярости сказал король.

— Согласно той же присяге, король, я никогда не пойду ни [в поход], ни на виселицу, — ответил граф»[38].

И он не пошел. На самом деле Эдуард так и не встретился с противниками в бою. Он приплыл во Фландрию, чтобы атаковать французов с севера, но все кончилось только пустыми угрозами. В конце концов Эдуард подписал соглашение, по которому ему возвращали Гасконь, и скрепил его

---

[38] Примечания: 38
Пер. Д. М. Петрушевского.

поцелуем. Он женился на сестре короля Франции Маргарите в знак того, что европейская власть должна оставаться в руках семьи.

Новости из дома были более тревожными. Сообщения о шотландском вторжении приходили отовсюду, и осенью 1297 года Уильям Уоллес и его люди разбили английскую армию в битве на Стерлингском мосту. Более того, в стране назревало восстание из-за непомерных королевских поборов. Налоги для организации экспедиции во Францию были огромны. Король забрал одну пятую часть доходов духовенства; священники вначале отказались платить такие суммы, и король попросту объявил их вне закона на основании того, что орган, который не поддерживает страну, не должен претендовать на ее защиту. На их имущество был наложен арест, а суды были закрыты для священнослужителей. Их арендаторы отказались платить ренту и часто нападали на них. В итоге духовенству пришлось подчиниться силе властного и безжалостного короля.

Священники были не единственными, кто страдал от его притеснений. Жители Лондона должны были отдать королю одну шестую долю от своего движимого имущества. Эдуард повысил сборы на экспорт шерсти, и в результате купцы

стали меньше платить своим поставщикам. Налог на шерсть стал известен как «дурной налог», или «мальтот». Судьба тех, кто жил в деревне и страдал от непомерных податей, отразилась в простонародной поэме, сложенной около 1300-х годов — «Песня землепашца» (Song of the Husbandman): «А потом еще является бедль с насмешливыми словами: „Приготовь мне серебро для оплаты штрафа — ведь твое имя занесено в мои документы, и ты это отлично знаешь“».

Каждое четвертое пенни шло королю; крестьянам приходилось продавать посевное и незрелое зерно, чтобы заплатить налоги; бейлифы короля забирали быков и другой скот; чиновникам короля приходилось давать взятки; некоторых людей заставляли уходить со своей земли, потому что они не могли заплатить налоги. Королевские чиновники отнимали зерно у фермеров, чтобы прокормить войска во Франции. Эдуард также наложил штрафы и налоги на крупных магнатов, с которыми у него никогда не было хороших отношений.

Тем временем несколько графов, среди которых был Роджер Биго, решили, что пришло время вступить в конфликт с королем. Очередной раунд войны между королем и его баронами казался

неизбежным. Регентский совет, который правил страной в отсутствие короля под номинальным главенством его маленького сына, укрылся за стенами Лондона. Армия баронов собралась в Нортгемптоне. В этот момент королевская партия дала слабину. После новости о поражении на Стерлингском мосту они не могли рисковать войной на два фронта. Графы требовали дополнения Великой хартии вольностей новыми важными положениями, такими как упразднение «мальтота». Они этого добились. Было торжественно заявлено, что новые налоги не будут налагаться без согласия тех, с кого их берут. Через месяц король вернулся из своих безрезультатных заморских приключений и неохотно согласился с нововведениями. Великая хартия вольностей постепенно становилась гарантом свобод в Англии — или, по крайней мере, в английской экономике, — защищающим от королевских нападок.

Графы по большей части переключили свое внимание на угрозу со стороны Шотландии. Эдуард созвал парламент в Йорке — явный признак того, что теперь он собирался подчинить себе северные регионы. Он собрал огромное войско, в котором было более 28 000 человек, в том числе и солдаты, которые ранее побывали во Фландрии

и Гаскони. Крупная победа англичан над Уильямом Уоллесом при Фолкерке в 1298 году не стала решающей, и следующие шесть лет шотландские войны продолжались в виде сезонных кампаний, в которых английские силы встречали свирепое сопротивление со стороны местных жителей. Шотландцы пошли на соглашение в 1304 году, годом позже был схвачен Уильям Уоллес; его протащили на салазках от Вестминстера до Смитфилда, где он был подвешен, выпотрошен живьем и четвертован. Памятная табличка все еще висит на стене неподалеку от места, где он был казнен. Однако, жестокость не срабатывает против людей определенного типа. Через год после казни Уоллеса Роберт Брюс был коронован в Скоуне как король Шотландии. Старая война продолжилась.

Когда успех в войне был за Англией, магнаты принимали сторону короля, но в периоды поражений или неуверенности огромные суммы налогов, которые требовались для ведения войны, становились предметом серьезной озабоченности. Королю, как и всегда, не доверяли; он пробовал разные средства, чтобы обойти положения Великой хартии вольностей, с которыми согласился. Он был настолько убежден в правиль-

ности того, что делал, что любые способы свести концы с концами казались ему приемлемыми. В этом-то и дело: со всеми своими требованиями и домогательствами король никогда не считал, что поступает неправильно. Он вел себя так, как должен вести себя король. Он собирал *свои* деньги для *своей* страны, чтобы вести войну против тех, кто ему угрожал. Это было его обязанностью. Магнаты были подозрительны и досадовали, но восстания не поднимали. Они надоедали королю, изводили его, но сбросить с трона не пытались. Он становился старым, а вместе с тем — упрямым и раздражительным. Они ждали смерти Эдуарда и вступления на трон его сына. Незаконченная война вместе с постоянно растущими долгами — вот два камня преткновения, с которыми боролся Эдуард последние десять лет своего царствования. Финансы короля были в беспорядке, поскольку все благоразумные меры прошлых лет не принимались во внимание или отвергались. Война создала Эдуарда, и война же его губила.

В 1307 году Роберт Брюс встал во главе армии, готовый заявить о своих правах как коронованный король Шотландии, и в битве при Лаудон-Хилл в Эйршире одержал победу над английскими силами, которые отрядили, чтобы

его поймать. Эдуард решил вести войска на север с целью разрушить честолюбивые замыслы шотландцев, но даже самые хорошо разработанные планы не всегда воплощаются в жизнь. Летом 1307 года в возрасте шестидесяти восьми лет Эдуард I умер в Браф-бай-Сэндс, в заливе Солуэй.

Можно устать от постоянных повествований о жизни и смерти королей, но на самом деле для исторического описания средневековой Англии нет более достоверных точек отсчета. Общее течение жизни в стране сохраняется, что бы ни происходило, но оно не поддается хронологии. Подобным же образом государственные учреждения оказываются вне исторических записей. Можно делать о них предположения и описывать их через определенные интервалы времени, но наложить их на хронологическую шкалу подобающим образом не удается. Административную историю страны не слишком интересно рассказывать. То же самое происходит и с жизнью и развитием английских городов. Что же касается самих англичан, то они мимолетно отражаются в политических балладах и судебных записях. Об их страданиях и их радостях известно немного. О них практически нет сведений в письменных источниках, поскольку они считались малозна-

чительными и упоминать о них не стоило.

Тем не менее такие упоминания появляются в некоторых поместных отчетах. Например, в отчетах поместья Саттон мы можем прочитать о Стефене Паттоке. Он был урожденным англичанином, который в конце XIII века жил и работал в приорстве земли Или в этом поместье. Он выполнял трудовую повинность для своего лорда и в определенные моменты своей жизни был вынужден выплачивать штрафы и налоги. Например, он должен был выплатить сбор за каждую из двух своих свадеб; точно так же налогом облагалась и его сестра, когда выходила замуж. Также Паттока оштрафовали, когда он не выполнял трудовую повинность; возможно, он халатно относился к посадке зерна и сбору урожая своего лорда. В своей же деревне Патток считался важным человеком. У него был большой участок собственной земли, и в общине его назначали как церковным старостой, так и дегустатором пива; также его часто выбирали присяжным. Он стремился приобретать землю, покупая участки по нескольку акров за раз. Стефен Патток был человеком своего времени и жил сообразно обычаям и традициям. Он не был свободен, но процветал, он был тружеником, но имел землю. Он был связан цепями

обязанностей и требований, но одновременно являлся важной частью своего сообщества. Сейчас он стал частью английской земли.

Еще один способ получить доступ к жизни обычных людей того периода — это многотомные судебные записи. Конечно, они представляют собой беспорядочные отчеты о гражданских или криминальных преступлениях, но наводят на размышления. Птицелов Роберт тратит огромное количество денег, но никто не знает, как он их заработал; он бродит повсюду по ночам, значит, находится под подозрением. Джон Воукс был оштрафован на четыре пенса за то, что срубил два ясеня на своей земле. Еще один человек был оштрафован за то, что ловил рыбу в пруду своего лорда. Ранульф, торговец рыбой, встречал лодки ловцов устриц, чтобы купить их улов до того, как он окажется на рынке. Трое мужчин были арестованы за то, что «постоянно ломали изгородь, причиняя вред общине». Мясники из Спроустона дешево купили больных свиней и сделали из них сосиски, не годящиеся для употребления в пищу, которые продавали людям. Джон Фоукс, капеллан, был оштрафован на пенни за нападение на Уильяма Поуншона с ножом. Уолтер из Мейдстоуна, плотник, собрал ассамблею или парламент

плотников в Майл-Энд для согласования действий, чтобы бросить вызов мэру. Мясникам из Питерборо напоминали, что они должны убирать с церковного двора все жилы и кости, которые притаскивают туда их собаки. Некоторые люди «предавались разгулу с неизвестными менестрелями, барабанщиками и трубачами» так, что побеспокоили всех соседей.

Вот еще один краткий эпизод из жизни средневековой Англии. Джон и Агнес Пейдж из одной деревни в Кенте вызвали Джона Пистора в поместный суд. Агнес Пейдж купила жену Джона Пистора в обмен на свинью стоимостью в три шиллинга; какое-то время Джон Пистор радовался сделке, но в конце концов захотел, чтобы жена вернулась к нему за два шиллинга. Сделка была заключена, но Пистор не заплатил деньги. Судья принял решение против него.

Здесь мы можем почувствовать более активную и напряженную жизнь, чем наша; она одновременно сильнее задевала за живое и раздражала. Контрасты этой жизни были жестче, а небезопасность гораздо ощутимей. Это все указывает на напористое и зачастую жестокое общество, в котором все больше людей провоцировали конфликты и беспокойство.

По имеющимся оценкам, к началу XIV века население Англии достигло шести миллионов человек. Эта цифра сама по себе ничего не значит. Но она важна, если подумать о том, что этого уровня население страны снова достигло только во второй половине XVIII века. Англия Эдуарда I была населена гуще, чем во времена Елизаветы I или Георга II. Поэтому при относительном столпотворении начала XIV века земля значила все. Леса и подлески были расчищены. Земля, предназначенная для фермеров, делилась на все более мелкие участки, принадлежащие людям, которые также зарабатывали себе на хлеб как плотники или сапожники. Но безземельных тоже можно было нанимать на работу, поэтому жалованья были не слишком велики. Во всех секторах экономики существовало большое давление и конкуренция. Первый «забастовочный фонд», чтобы поддержать рабочих, которые отказывались заниматься косьбой, был организован в 1300 году.

Условия жизни в Англии значительно ухудшились после нескольких неурожаев с 1315 года. Цена хлеба и прочих необходимых для жизни продуктов поднималась все выше и выше. «Увы, бедная Англия! — писал один из хронистов того

времени. — Ты, которая когда-то помогала другим землям дарами своего изобилия, теперь бедна и вынуждена молить о помощи!» Это был один из наихудших периодов социальной истории Англии, который словно создал соответствующую обстановку последним годам царствования Эдуарда I, а также несчастливому царствованию Эдуарда II. В то время можно было сказать: английские короли не делают ничего, кроме как причиняют вред.

20
Молот

Эдуард I был известен как «молот шотландцев», но даже с бóльшими основаниями его можно было бы назвать «молотом евреев». Он их использовал и изводил, в итоге изгнав из страны. Их преступление состояло в том, что они не подходили под его требования. История евреев в средневековой Англии была несчастливой и даже кровавой. Они прибыли туда из Руана в последние десятилетия XI века; вначале они селились только в Лондоне в девяти приходах, но в течение следующих нескольких десятилетий перебрались в Йорк, Винчестер, Бристоль и другие рыночные города. Предыдущие правители Англии в IX и X веках не принимали их: еврейские торговцы составляли слишком большую конкуренцию англосаксонским.

Вильгельм Завоеватель пустил евреев в Англию, потому что считал, что в Нормандии они хорошо преуспевают в делах; в частности, они обеспечивали доступ к серебру Рейнской земли. Также, возможно, евреи из Руана помогли ему

финансировать вторжение в Англию в обмен на шанс начать работать в стране, которая ранее была для них под запретом. Могла быть и другая причина того благоволения, которое питал к ним король. Поскольку христианам не разрешалось одалживать деньги под проценты, должны были возникнуть другие группы купцов. Евреев считали ростовщиками, и в результате их презирали и оскорбляли в равной мере. Но они не только занимали деньги, они также их меняли и были золотых дел мастерами. Они не давали иссякнуть ресурсу, которого никогда не бывает достаточно.

Таким образом, нормандские короли Англии находили евреев очень полезными. Они всегда могли занять у них денег и, что куда выгоднее, всегда могли обложить их налогом. Евреи должны были платить так называемый «таллаж», и последующие короли могли забрать от четверти до трети их состояния в любое время. В результате евреи в XII веке пользовались королевской защитой. Они не могли стать гражданами или владеть землей, но районы, где проживали евреи, как и королевские леса, были выведены из действия общего права; евреи были просто королевскими рабами, чья жизнь и собственность полностью принадлежали верховному властелину страны.

Они пользовались покровительством королевского двора, а их долговые расписки хранились в специальной комнате в королевском дворце в Вестминстере. Там было учреждено отдельное еврейское казначейство, со своими клерками и судьями.

В обмен на королевскую милость евреи принесли энергию и процветание в дела королевства; их ссуды сделали возможными великие памятники нормандской архитектуры. Уникальные каменные дома в Линкольне и Бери-Сент-Эдмундсе были профинансированы ими. У Якова ле Торука был огромный каменный дом на Кэннон-стрит в лондонском приходе Сент-Николас Акон. Также евреи владели более развитыми медицинскими знаниями и могли выступать в роли врачей даже для местного населения. Сам Роджер Бэкон учился у раввинов в Оксфорде.

Постепенно появлялись все более подозрительные юридические тактики. Вильгельм Руфус, например, постановил, что евреи не могут быть обращены в христианство: он не хотел, чтобы их число сокращалось. Возможно, это было не слишком по-христиански, но Вильгельм Руфус никогда не был хорошим христианином. Он поддерживал евреев отчасти потому, что это

оскорбляло епископов; ему нравилось бросать вызов своим церковникам.

Эта королевская защита не обязательно простиралась очень далеко. Во время коронации Ричарда I в 1189 году некоторых евреев выталкивали из первого ряда зрителей; толпа ополчилась против них, и в еврейских кварталах Лондона произошли погромы. Этот инцидент стал причиной новых вспышек насилия, когда новость о нападениях распространилась; это подстегнуло природную враждебность и дало оправдание последующей жестокости. 500 евреев вместе со своими семьями нашли убежище в замке в Йорке, где их осадили горожане; в отчаянии мужчины убили своих жен и детей, а потом покончили с собой. Ричард тогда был занят приготовлениями к своему Крестовому походу в Святую землю; ненависть и религиозная нетерпимость витали в воздухе. Его преемник Иоанн возобновил покровительство евреям в обмен на большие суммы денег. В 1201 году была выпущена официальная хартия, дающая евреям свои суды. Им было позволено «с честью и свободно» жить в Англии, что означало: они могут оставаться здесь и продолжать делать деньги для короля. Девять лет спустя Иоанн собрал все долги евреям, живым

или мертвым, и попытался получить деньги с должников к своей выгоде. Это стало еще одной причиной восстания баронов, которое привело к подписанию Великой хартии вольностей.

Антисемитизм был частью христианского мироощущения во всей Европе. Евреи преследовались как «убийцы Христа», причем преследователи удобно забывали, что сам Христос был евреем. Но и другие, более материальные причины вызывали расовую ненависть. К середине XII века несколько известных еврейских ростовщиков дали очень большие займы нескольким аристократам королевства; только ресурсы таких людей, как знаменитый Аарон из Линкольна, были достаточно богатыми, чтобы удовлетворить требованиям магнатов. Если бы на ростовщиков кто-то напал, они были убиты и их долговые расписки уничтожены, то аристократы получили бы выгоду. Миф о том, что евреи замешаны в «ритуальных убийствах» христианских младенцев, стал распространяться во времена финансовых кризисов, чтобы подхлестнуть население к осуществлению кровавой мести. В исторических хрониках отмечено, что Англия лидировала в ненависти к евреям. Первые слухи о ритуальном распятии появились в 1144 году в истории о смер-

ти Уильяма из Норвича, и после этого россказни о ритуальных убийствах распространились по всей Европе. Также Англия была первой страной, где всех евреев объявили преступниками-фальшивомонетчиками, и иконография антисемитизма даже отражена на западном фасаде собора Линкольна.

В 1239 году, во время правления Генриха III, была проведена великая перепись евреев и их долгов. Тогда представителей всех евреев Англии вынудили собраться в Вустере, и они согласились внести 20 000 марок в королевскую казну. Эта мера практически сделала банкротами некоторых из них, и это означало, что пользы от евреев больше не будет. Четырнадцать лет спустя Генрих III выпустил Статут о евреях, в котором вводил ряд дисциплинарных мер, в том числе принудительное ношение отличительного знака. Этот знак назывался «табула» и представлял собой кусок желтого фетра размером 7,5 на 15 сантиметров, который пришивался на верхнее платье; его должен был носить каждый еврей в возрасте от семи лет. Два года спустя Генрих расследовал смерть мальчика по имени Хью в Линкольне; он поверил — или сделал вид, что поверил, — что это преступление было ритуальным убийством,

и в результате 19 евреев из города были казнены, а 100 — заключены в тюрьму в замке.

Эдуард I был еще свирепее. Он приказал, чтобы любой еврей, оправданный по обвинению в ритуальном убийстве, снова был вызван в суд. В ноябре 1278 года 600 евреев были заключены в лондонский Тауэр по обвинению в фальшивомонетничестве; 269 из них были повешены полгода спустя. В 1290 году он изгнал всех оставшихся евреев из королевства; к тому времени их оставалось около 2000 человек. Король сделал это не из ложного религиозного пыла; этой меры требовал парламент, прежде чем согласиться на введение новых налогов. Многие хронисты воспринимали это изгнание как самое важное и славное деяние его царствования. Антисемитизм людей в средневековой Англии вполне очевиден. Некоторые могут даже заявить, что в более мягкой форме он существует и по сей день.

21
Королевские фавориты

Новый король Эдуард II родился в 1284 году в месте, где в будущем вырос новый замок его отца Карнарвон; Элеонора разродилась во временном строении около замка, строительство которого началось только в предыдущем году. Возможно, она оказалась там преднамеренно, по воле короля, который стремился заявить свои права на эту часть острова. В дальнейшей жизни новый король был известен как Эдуард Карнарвонский, и в 1301 году он стал принцем Уэльским, первым наследником престола, носящим этот титул.

Эдуарду не слишком нравилось его владение. В 1305 году он послал письмо своему двоюродному брату Людовику, графу д'Эврё, в котором обещал прислать «кое-каких уродливых грейхаундов из Уэльса, которые хорошо ловят зайца, если находят его спящим, и гончих, которые могут бежать иноходью. И, мой дорогой кузен, если вам нужно еще что-нибудь из нашей земли Уэльс, то, если вы хотите, мы пришлем вам диких людей, которые хорошо знают, как дать образо-

вание юным отпрыскам благородных семейств». Если ничего другого у Эдуарда и не было, то он хотя бы обладал чувством юмора.

Он был воспитан в окружении военных и принимал участие в последних из шотландских войн своего отца. После поражения английской армии, которое Роберт Брюс нанес ей в Лаудоне, Эдуард дал обет, что не проведет более двух ночей в одном месте, пока не отомстит. Свое обещание он так и не сдержал. В любом случае он никогда не был таким воинственным или таким властным, как его отец. Эдуард не любил принимать участие в турнирах. Современный королю хронист Ранульф Хигден отмечал, что «его не устраивала компания лордов, он предпочитал проводить время с распутниками, певцами и гаерами». Также Эдуард был на короткой ноге с «возчиками и землекопами, с докерами и лодочниками и другими мастеровыми». Трудно интерпретировать последнее замечание иначе, как общее указание на то, что молодой принц не особенно интересовался королевскими занятиями. Это был упрек, который он слышал все последующие годы. Эдуард не вел себя как король.

Коронация в 1307 году прошла не совсем по плану. После большого скандала со знатными

лордами корону возложил близкий друг короля по имени Пьер, или Пирс, Гавестон. Народу на церемонии было так много, что гипсовая стена обвалилась, свалив алтарь и королевские подмостки, построенные для службы. Один рыцарь погиб. Поэтому служба прошла быстро и без лишних церемоний. Это было показателем того, что новому королю не совсем доверяют. Новая строка была добавлена к королевской присяге. Король заявил, что он будет «поддерживать и защищать законы и справедливые традиции, которые выберет община королевства». Под общиной королевства тогда имелись в виду магнаты и прелаты. Это было начало, которое не предвещало ничего хорошего.

Королевский банкет после церемонии также был плохо организован. Пьер Гавестон, кажется, намеревался затмить даже короля своим костюмом королевского пурпурного цвета, украшенным жемчугом. Когда Эдуард стал предпочитать делить постель с Гавестоном, а не с королевой, Изабеллой Французской, ее родственники, возмущенные, вернулись во Францию. Так король двигался к катастрофе.

Гавестон был одного возраста с Эдуардом. Старый король поместил его ко двору молодого

принца, чтобы показать пример доблестного воина, но, возможно, у принца и рыцаря возникли другие общие интересы. Молодые люди быстро почувствовали притяжение друг к другу; некоторые считали эту связь сексуальной, другие же воспринимали ее как просто братство. Гавестона описывали как «миньона» Эдуарда II, но при дворе и в рыцарстве этот термин не означал гомосексуальность; у Генриха VIII были миньоны. Считалось правильным, что при дворе король опирается на своих миньонов. Это было вполне приемлемым положением. Современные сексуальные термины не имели такого значения в Англии XIV века, где в любом случае они не были бы поняты. У Эдуарда был незаконнорожденный сын Адам еще до того, как он стал королем. Изабелла родила от него двух сыновей и двух дочерей.

Точно можно сказать только то, что король предпочитал компанию Гавестона обществу своей невесты. Он женился на Изабелле, дочери короля Франции, которой было двенадцать лет, по приказу своего отца, намеревающегося создать великий и процветающий территориальный альянс. Свадьба прошла во Франции за месяц до коронации, и в свое отсутствие Эдуард назначил

Гавестона хранителем королевства. Этого самого по себе было достаточно, чтобы вызвать ярость и зависть великих английских магнатов. Одним из первых действий Эдуарда в качестве короля было пожалование Гавестону титула графа Корнуоллского, который обычно дается только членам королевской семьи. Это было серьезным нарушением придворного протокола, а не просто проблемой этикета. Кроме того, стоял вопрос не только о титуле, но и о землях, и о деньгах; если король распределяет их неправильно, то может ли кто-нибудь чувствовать себя в безопасности? Даже считалось, что Гавестон сам заправляет двором, раздавая привилегии и награды и не советуясь с баронами. При королевском дворе XIV века не было более высокого положения, и это немедленно вызвало мысли о том, справедлив ли король.

Гавестон только усугубил ситуацию своим воинственным нравом и сильным ощущением собственной важности. Говорили, что он «высокомерен и заносчив» и обладает гордостью, которая «невыносима для баронов». Главным магнатам он придумывал прозвища, такие как Черная Собака графу Уорику и Лопни брюхо графу Линкольну. Он наслаждался королевской

милостью.

Весной 1308 года собрался парламент, на котором граф Линкольн обратился к новой поправке в клятве во время коронации и потребовал, чтобы Гавестона удалили от двора. Эдуард отказался, но два месяца спустя под давлением магнатов и их вооруженных рыцарей он согласился изгнать своего фаворита в Ирландию. Король писал папе, признавая, что «волнения и разногласия» имели место и что «полного единства не удалось добиться». В тот же период двоюродный брат короля Томас Ланкастер внезапно покинул двор. Он также приходился внуком Генриху III и, возможно, был самым богатым и влиятельным аристократом страны. Ланкастер был недоволен сложившейся ситуацией, что имело фатальные последствия для Пьера Гавестона.

После года изгнания в Ирландии фаворит вернулся. Король призвал его на помощь в кампании против Роберта Брюса. Шотландцы отказались принимать бой, и, поскольку король был ослаблен рядом стычек и схваток, северная часть его страны осталась незащищенной перед нападениями врагов. В отличие от своего отца Эдуард не хранил мира.

А также он не держал своих обещаний. То, как

будет проходить его царствование, уже было понятно. Магнаты считали короля слабым и неэффективным. Он бездействовал. Он увиливал от прямых ответов. Ничто из вышеперечисленного не привело бы к краху современного монарха, но в Англии XIV века такому поведению не было оправданий. Предполагалось, что король должен укреплять доблесть и мощь страны. Поражение в шотландской кампании стало особым знаком общей неспособности короля к правлению. Позже заявили, что он так плохо управлял своими ресурсами, что все его хозяйство было в упадке, в результате он несправедливо распределял деньги. Многочисленные жалобы также заставили задуматься об особых нарушениях Великой хартии вольностей, таких как неправомерное изъятие земель и злоупотребление распоряжениями суда.

Парламент 1311 года выпустил двадцать четыре ордонанса[39], в соответствии с которыми король должен был править. Было заявлено, что страна находится на грани открытого бунта «из-за угнетения, реквизиции имущества и разрушений»; под «реквизицией» имелись в виду

[39] Примечания: 39

Ордонансы — указы менее важные, чем статуты, чаще всего временного характера. — *Прим. ред.*

конфискации, произведенные королевскими чиновниками. Один хронист того времени писал, что Эдуарду угрожали свержением, если он не уступит; если это верно, то силы, направленные против короля, могли посоперничать с теми, которые собрались против короля Иоанна столетие назад. Мятежные лорды называли себя общиной королевства, но у них не было абстрактной или бескорыстной цели, они не являлись конституционной «партией». Это был мир, в котором сила отдельной личности была причиной и мотивом действия; личное соперничество и страсти создавали политику этого периода.

Сами по себе ордонансы появились для того, чтобы создать то, что можно было бы назвать правлением баронов. Без совещания с баронами королю не было позволено начинать войну или оставлять королевство; королевское правосудие и королевская казна должны были находиться под их управлением. Парламент, который, естественно, контролировали бароны, должен был собираться раз в год. Было и еще одно условие. Гавестон снова должен был отправиться в изгнание. Он обязан был исчезнуть из королевства до Дня Всех Святых, 1 ноября.

Король отказался выполнить эти требования и

приготовился к гражданской войне. Гавестон отплыл из Дувра через два дня после назначенной даты, но вернулся месяц спустя. Затем Эдуард и его фаворит двинулись на север и начали собирать армию. Именно в этот момент двоюродный брат короля Томас Ланкастер стал его самым именитым противником; Ланкастер написал королеве, обещая избавить двор от Пьера Гавестона навсегда. И именно это он и сделал. Гавестона схватили в Скарборо, где силы баронов осадили замок, в котором он скрывался, и через месяц фаворит был обезглавлен в присутствии Ланкастера. От этого периода остались два выражения, метко иллюстрирующие эти события. «Никто меня больше не пожалеет, — как считалось, жаловался король. — Никто не будет сражаться за мои права против баронов». Другое заявление носит более общий характер: «Любовь магнатов — как игра в кости, а желания богачей — как перо на ветру».

Казнь Гавестона, согласно прецеденту, была незаконной, поскольку как графа Корнуолльского его должны были судить равные, но она покончила с угрозой гражданской войны. Безнаказанность этого деяния, казалось, поразила всех. Некоторые из восставших баронов вернулись к

королю. Если бы случилась гражданская война, в выигрыше остались бы только шотландцы. Перспектива дальнейшей вражды и угроза стоящего на границе врага маячили в сознании лордов. Переговоры внутри парламента и вне его продолжались по меньшей мере два года. В октябре 1313 года восставшие лорды принесли публичные извинения в Вестминстер-Холле, а король вернул себе власть, на которую очень мало повлияли ордонансы 1311 года. Он одержал временную победу на грани поражения, которую подкрепило рождение сына, означающее продолжение династии. Но против убийц своего «миньона» Эдуард затаил ненависть.

Однако его власть вскоре снова пришла в упадок. Эдуард повел армию на север, добрался до места, где располагалось войско Роберта Брюса, но при Бэннокбёрне потерпел сокрушительное поражение. Битва происходила на местности, которую называли «злобной, глубокой и топкой трясиной» и которая совершенно не подходила для английской кавалерии, но была более пригодной для шотландской пехоты; граф Глостер повел атаку на шотландцев, но был заколот пиками. Тогда шотландская армия бросилась на всадников с криками «На них! На них! На них! Они падут!»

Англичан просто смяли, их тела лежали в болоте или в реке Бэннок. Король бежал, спасая свою жизнь, и вместе с несколькими своими последователями отплыл в Берик, где надеялся найти безопасное убежище. Он потерял Шотландию. Битва при Бэннокбёрне стала решающей для независимости страны и, возможно, была самым сокрушительным военным поражением всех средневековых английских королей.

Правителю трудно пережить стыд поражения. Оно предполагает, что король не смог выполнить свою самую важную обязанность — защитить свое королевство. Эдуард I был известен как «самый победоносный король», как «завоеватель земель» и «украшение рыцарства». Его сына такими титулами не награждали. Когда Эдуард наконец прибыл в Йорк, он был встречен с позором. Томас Ланкастер снова настаивал, что король должен подчиниться ордонансам 1311 года. Хронист того времени отметил, что «король посулил исполнить все требования и не дал графам ничего».

Во время этого кризиса Ланкастер взял на себя управление государством, но показал себя не более эффективным и приобрел не больше популярности, чем его двоюродный брат; его считали

самонадеянным и чванливым. Он оставался в своих поместьях и с неохотой посещал различные государственные собрания. Он не следовал ничьим советам. Также ходили слухи, что он имел тайные контакты с Робертом Брюсом, основываясь на том принципе, что враги короля могут стать его друзьями. Король очнулся от своей слабости и бездеятельности и начал собирать сторонников. Для последователей короля и графа, соперничающих за власть, существовали два центра силы и преданности. Но в небе не может быть двух солнц.

Слабый король, кажется, всегда является предвестником или показателем слабости страны. В Средневековье существовала какая-то странная связь между состоянием государства и состоянием монарха. Урожаи трех последующих за 1314 годом лет погибли из-за длительных проливных дождей, и, согласно одному хронисту, это привело к нищете, «какую наше поколение никогда не видело». Этот период стал известен как «Великий голод», и именно с него началось постепенное снижение численности населения в Англии, продолжавшееся в XIV и XV веках. Летом 1315 года архиепископ Кентерберийский приказал, чтобы в каждом приходе провели

крестные ходы; священники должны были идти босиком под звон колоколов и пение гимнов, чтобы вымолить милость Господа.

Но Господь их не услышал. Цена пшеницы подскочила с 5 шиллингов до 40 за четверть (12,7 килограмма). Часто хлеба вообще нельзя было купить. Цена на основные товары взлетела так высоко, как никогда ранее. Скот и овцы гибли из-за вспышек ящура. Население, которое и так проредил голод, страдало от различных форм кишечных инфекций, которые часто оказывались смертельными. Ходили слухи о каннибализме, но они едва ли были правдоподобными. В английских казармах в Берике, если начинался падеж лошадей, кавалеристы варили трупы животных, чтобы съесть мясо, а кости доставались пехоте.

В Северной Англии ситуацию ухудшал растущий ужас перед бесконечными набегами шотландцев. Количество тяжких преступлений также возросло, поскольку люди пытались во что бы то ни стало спастись от голода и нищеты. Сохранились записи о бандах так называемых босяков, которые грабили и убивали. Сообщения о «гнилом воздухе» или странных знаках в небе появлялись достаточно часто. Человеческие существа, как и всегда, оказались бессильны перед

лицом великих природных катаклизмов. Трупы лежали на улицах. Согласно хронике «Брут» (Brut), «народ умирал так много и так быстро, что оставшиеся в живых [перепуганные] люди не успевали их хоронить». Жизнь большинства англичан была отвратительной, жестокой и короткой.

Тем не менее именно в этот период на два года ввели прямые налоги с населения, чтобы оплатить шотландские войны и содержание королевского двора. 12 000 четвертей (152 480 килограммов) зерна и солода было нужно, чтобы прокормить армию, при этом народ все более лишался необходимых продуктов. Король и благородные лорды не интересовались страданиями англичан; невзирая на их заявления о том, что они представляют общину королевства, они были озабочены только собственным богатством и властью. Жители Бристоля в отчаянии взбунтовались и осадили замок. Как было записано, «я продал свое зерно, чтобы найти серебро для короля».

К 1318 году самое худшее было позади, призрак голода отступил благодаря обильному урожаю. Рост цен остановился, а потом они упали. Но признаки всеобщего упадка все еще были заметны,

налицо было распространение болезней среди скота и сокращение общего количества сельскохозяйственной продукции. Полностью страна смогла исцелиться только через сто лет.

Король всегда полагался на сильного сторонника, который помогал бы ему вершить дела королевства; конечно, он не мог доверять Томасу Ланкастеру, потому что двоюродный брат открыто противостоял ему. Поэтому он обратился к своему новому фавориту. Преемником Гавестона стал Хью ле Диспенсер, который вместе со своим отцом, тоже Хью ле Диспенсером, приобрел значительную власть над нерешительным королем. Диспенсер вскоре получил земли и замки, в основном — в Уэльсе, где эта семья и ранее была сильна. В результате он отвратил от себя всех лордов Уэльской марки. Его подчиненные нападали на тех, кто стоял на их пути, или угрожали им; они сжигали амбары с зерном или выдвигали ложные обвинения против влиятельных землевладельцев.

Диспенсер как королевский канцлер пытался оправдать свои кражи и вымогательства, обосновывая их как необходимые для государства. В конце концов именно ему следовало навести в Уэльсе порядок. Но все знали, что он мошенник.

Королевский фаворит стал слишком заносчив и влиятелен в отношении других баронов. Тогда Томас Ланкастер выступил вперед и объявил, что не может быть никакого доверия ни королю, ни его придворным. Весной 1321 года на земли и владения Диспенсеров напали те, кого они лишили собственности; это была месть, которая опасно близко подошла к гражданской войне. Хронист Роберт из Рединга писал, что теперь королевская «дурная слава стала печально известной, так же как его глупость, трусость и безразличие к своему великому наследию».

В начале августа того же года великие лорды севера и запада вместе со своими вооруженными подданными прибыли в Лондон и начали требовать, чтобы Диспенсер был изгнан из королевства. Его и его отца обвинили в том, что они покушаются на королевскую власть и претендуют на то, чтобы контролировать доступ к королю. Они извращали законы и незаконно присвоили себе земли. Диспенсеры были удалены из Англии.

Но это было только началом того, что превратилось в полномасштабную гражданскую войну. Король решил избавляться от своих оппонентов по одному. Он осадил замок Лидс, принадлежа-

щий одному из мятежников, и казнил солдат его гарнизона. Такие расправы не соответствовали рыцарскому кодексу чести и были встречены всеобщим недовольством. Они показали, что король рассердился всерьез. После этого он вызвал Диспенсеров в страну и начал организовывать военную кампанию против тех, кого считал бунтовщиками против его власти. Собрав свои силы в начале марта 1322 года, Эдуард нанес Томасу Ланкастеру поражение в битве. После показательного суда король казнил своего старого врага. Это был первый случай, когда смертный приговор — пусть даже и по обвинению в измене — был вынесен члену королевской семьи. Ланкастер отрубил голову Пьеру Гавестону, а Эдуард, долго выжидавший часа своей мести, обезглавил Ланкастера.

Другие члены благородных семейств, принявшие сторону Томаса Ланкастера, теперь были отданы на милость короля. «О, какое великое бедствие, — писал неизвестный автор жизнеописания Эдуарда II, — видеть тех, кто только что был облачен в пурпур и бархат, в лохмотьях и закованными в цепи».

Многие из этих лордов были повешены в землях, которые им когда-то принадлежали. Всего

король подписал двадцать пять смертных приговоров. Ни один из английских королей не расправлялся со своими баронами с такой яростью.

Казнь Ланкастера привела к одному достаточно любопытному последствию. Многие воспринимали его как благородного оппонента злобного врага. Поэтому память принца почитали. На месте казни и на могиле Ланкастера в приорстве в Понтефракте возник священный культ и были зафиксированы настоящие чудеса. На самой могиле утонувший ребенок вернулся к жизни, а на месте казни ослепший священник прозрел. Слуга Хью Диспенсера решил опорожнить кишечник в этом месте, чтобы поглумиться над ним, а спустя время его выпотрошили. Другой центр почитания был организован в Лондоне, в соборе Святого Павла, где у каменной плиты, установленной в память Томаса Ланкастера, тоже стали вершиться чудеса. Король выпускал ордонансы, чтобы отговорить людей совершать паломничества в Понтефракт и собор Святого Павла, но не мог прекратить ставшее таким популярным поклонение.

В этот период неуверенности и беззакония по всей стране начались неожиданные всплески

насилия. В 1326 году главный судья казначейства Роберт Беллерс был схвачен около Мелтон-Моубрей и убит; хорошо известна была банда под предводительством Юстиса де Фолвилля. Пять сыновей владельца поместья Джона де Фолвилля образовали криминальное братство; они наводили страх на свое родное графство Лестершир многочисленными убийствами и ограблениями. Они становились наемниками и похищали влиятельных местных людей, требуя огромные выкупы. Они даже сражались на зарубежных войнах в свите своих именитых хозяев.

Один из братьев, Ричард де Фолвилль, по протекции своего старшего брата стал приходским священником в Тейи. Это было удобным прикрытием. Когда бандитов однажды преследовали служители закона, они нашли убежище в церкви Ричарда. С этой выигрышной позиции братья выпустили множество стрел, убив по крайней мере одного из преследователей. Но затем местные жители свершили правосудие буквально собственными руками; они выволокли Ричарда из церкви и тут же, на месте, отрубили ему голову. Другие братья сумели избежать наказания.

В первые десятилетия XIV века действовали и другие банды преступников. Один из атаманов

называл себя «Лионель, король дорожных стервятников» и писал письма с угрозами из «нашего ветряного замка в башне Зеленого леса». Таким образом, насилие из центра страны распространилось во все ее районы, и без того опустошенные голодом и болезнями.

Случались и более мелкие инциденты. Роберт Саттон оскорбил Роджера из Портленда, клерка шерифа Лондона, при всем честном народе; он засунул палец в нос и издал оскорбительный звук.

Джон Ашбернхам прискакал к суду шерифа, остановился на открытом месте и так угрожал шерифу, что тот бросился бежать; в этот момент Ашбернхам свистнул в два пальца, давая своим людям сигнал выбираться из засады.

Когда Агнес Мотт получила судебное предписание, она обратилась к своим соседям; угрожая оружием, они заставили приставов съесть это предписание — и воск, и пергамент.

Когда мэр Линна попытался изменить правила торговли, толпа торговцев под предводительством приора выволокла его из дома, бросила на прилавок на рынке и заставила поклясться телом Христовым, что никаких изменений не будет. Интересно, что приор Линна возглавил этот бунт. Но и другие священнослужители принимали

участие в беззакониях. Банда из шести монахов из приорства Раффорд нападала на местных джентльменов, а затем требовала выкуп.

Приходский священник из Манчестера пригласил на обед местную пару с дочерью. Слуги священника схватили дочь, сломали ей два ребра, а потом положили ее в постель ректора; в ту ночь он занимался с ней сексом, а через месяц несчастная девушка умерла от полученных травм.

Даже королевский суд в Вестминстере не избежал беззакония. Поверенный сидел за столом в большом зале — «неподалеку от продавцов драгоценностей», — когда представители другой стороны по его делу начали угрожать убийством, если он не бросит им заниматься; потом юриста выволокли из-за стола и ударили по голове. Кто-то еще пырнул его ножом. Поверенный вырвался из рук нападающих и бросился бежать, криками призывая на помощь; мужчины следовали за ним с обнаженными мечами, но судебные чиновники сумели запереть двери перед их носом. После этого нападающих разоружили и отправили в Тауэр.

Летом 1322 года король созвал в Йорке парламент, который выпустил статут о том, что дает Эдуарду полную и неограниченную власть.

Ордонансы 1311 года снова были отменены. У современников не было никаких сомнений по поводу этой ситуации. Магнаты теперь были слишком напуганы, чтобы противиться воле короля. Парламент вообще был не в счет. Попытки урезонить монарха вели к штрафам и наказаниям. То, что было угодно Эдуарду, теперь имело силу закона. Он усмирил бунтовщиков во всех ширах, конфисковав их земли или наложив на них огромные штрафы. Его казна все полнилась и полнилась. «Служите нам таким образом, чтобы мы разбогатели», — писал Эдуард служителям своего казначейства.

В битвах успехов он так и не достиг. Он провел кампанию в Шотландии против Роберта Брюса, но не добился ничего, кроме задержания шести шотландских военнопленных; при отсутствии провианта, тяжело сказывающемся на его войсках, Эдуард отправился через границу на юго-запад. Но шотландская армия неотступно следовала за ним и почти настигла у Бридлингтона в Восточном Йоркшире; в панике он бежал в Йорк — исключительно несчастливый конец всей бесполезной экспедиции. В начале 1323 года Эдуард был вынужден подписать с Робертом Брюсом соглашение, положения которого сам

немедленно нарушил. Незаконнорожденный сын короля Адам погиб в ходе этой кампании.

Проблемы с Францией из-за спорной территории Гаскони так и не были разрешены. Французы даже построили бастиду, или укрепленный городок, посреди герцогства. Поэтому король послал свою жену Изабеллу вести переговоры с французским королем Карлом IV; поскольку она приходилась Карлу сестрой, была некоторая надежда на успех. Но была одна проблема: Эдуард не доверял Изабелле, а Изабелла не чувствовала никакой приязни к Эдуарду. Так как они оказались разделенными Ла-Маншем, случиться могло все, что угодно. Король принял еще одно судьбоносное решение: он послал своего старшего сына Эдуарда к французскому двору принести присягу за Гасконь. Теперь его жена и сын оказались во Франции.

Король не поплыл туда сам, потому что был слишком озабочен стабильностью собственного королевства. В то же время говорили, что Диспенсеры посоветовали ему оставаться дома, потому что боялись гнева баронов, который обрушился бы на них в отсутствие короля. Им было чего бояться. Правление Эдуарда приобрело форму скрытой тирании. Согласно одному

хронисту, он стал «диким, как лев». Он лишил собственности многих магнатов, чтобы Диспенсеры могли получить их земли, в результате ни один из землевладельцев не чувствовал себя в безопасности. Когда король Англии не уважает права собственности, он долго не продержится. В течение четырех лет Эдуард награждал титулами и землями своих фаворитов. Он разорял и преследовал тех, кто решался противоречить его воле. Все было организовано так, чтобы доходы поступали непосредственно в собственную казну короля, минуя государственное казначейство, и король требовал абсолютной секретности от своих служащих. Он был похож на старого короля, запершегося в своей сокровищнице и считающего свои богатства. На деле его противники не могли ничего. После казни Ланкастера и заключения в тюрьму других влиятельных аристократов Эдуард имел исключительное положение.

У него были враги, находящиеся в изгнании, а именно — во Франции. Один из них — Роджер Мортимер — принимал участие в восстании против Диспенсеров, он сдался королю и был заключен в лондонский Тауэр. Мортимер при содействии друзей сумел бежать из крепости; рассказывали, что он усыпил своих охранников

и спустился из окна камеры по канату. Звучит это как вымышленная история, но, возможно, все так и было. Было очень мало других способов выбраться из Тауэра, если не считать, конечно, того пути, что вел на виселицу. Мортимер поплыл во Францию и предложил свои услуги французскому королю. Именно при дворе Карла IV английский лорд начал интригу — во всех смыслах — с Изабеллой. Там вокруг королевы собралась группа изгнанников — недовольных существующим положением дел баронов и епископов. Когда прибыл ее сын, чтобы принести присягу брату Изабеллы, в руках королевы оказалось прекрасное оружие. Король приказал ей возвратиться в Англию, но она отказалась, заявив, что вернется только в том случае, если будут изгнаны Диспенсеры. Королева предпочитала более благосклонную к ней атмосферу французского двора.

В 1325 году по Английскому королевству ходили слухи о возможном вторжении. Все думали, что Изабелла приплывет вместе с французским королем, но она была более озабочена тем, чтобы получить поддержку в родственных королевских семьях на северо-западе Европы. Она отправилась на север в Эно (фландрскую провинцию, которая находится на юго-западе современной

Бельгии), где местный граф был счастлив и польщен, когда руки его дочери Филиппы попросил лорд Эдуард, этот молодой человек четырнадцати лет, который, по всей вероятности, должен был стать следующим королем Англии. Получив приданое Филиппы, Изабелла и Мортимер подняли армию грядущего вторжения.

Пятнадцать сотен человек сели на корабли в голландском порту Дордрехт и, преодолев штормящее море, высадились в гавани Оруэлл в Суффолке 24 сентября 1326 года. Никто не пытался как-то помешать им или остановить их; было похоже на то, что Эдуард по-прежнему считал, что силы вторжения приплывут из Нормандии. Командующий королевским флотом на восточном побережье позволил королеве беспрепятственно высадиться. В прошлом он был противником короля и снова обратился против него. Также сообщалось, что английские моряки отказались сражаться с Изабеллой из-за ненависти, которую питали к Диспенсерам.

Королева быстро продвигалась по стране. Ее сторонники присоединялись к ней, и тайные противники короля теперь поднимались на защиту своих прав. По пути разоряя земли Диспенсеров, Изабелла добралась до Данстейбла, где узнала,

что король и его фавориты в панике бежали из Лондона и двинулись на запад; то, что они бросили почти все свои сокровища нетронутыми, показывает, в каком замешательстве они находились. Сторонники короля спешно переходили на другую сторону, оставшийся верным старший Диспенсер, граф Винчестера, был казнен в Бристоле по законам военного времени. Его сын Хью был схвачен и ждал суда.

С горсткой сторонников Эдуард бежал в Уэльс; последнее письменное свидетельство, оставшееся от его царствования, — это книга счетов, найденная в Кайрфилли. Ему некуда было бежать. Люди Изабеллы преследовали его и настигли где-то около Нита в середине ноября. Оттуда он был препровожден под надзором вооруженной охраны в королевский замок Кенилворт.

Попав в плен, Хью Диспенсер отказывался от еды и питья, возможно надеясь умереть от голода и не дождаться мучительной казни. Его перевезли в Рединг, где фаворит был коронован венком из крапивы, а на его коже были вырезаны проклятия. Под звуки барабанов и труб он был подвешен на виселице пятнадцати метров высотой; потом, все еще живой, сброшен вниз, оскоплен, и его половые органы сожгли перед его

лицом. Наконец, Диспенсер был обезглавлен.

Диспенсер был казнен в Рединге, а не в Лондоне, потому что столица была чересчур взволнована. Граждане, которые так долго пробыли под финансовым гнетом короля, наслаждались свободой и набрасывались на любых чиновников старого режима, кого только могли отыскать. Епископ Степлдон, бывший королевский казначей, был сброшен с лошади и зарезан. Купцов и банкиров, финансировавших короля, убивали.

Победители не могли сместить законного короля. Это было неправомерно и беспрецедентно. Предполагалось, что короля защищает сам Господь. Не просто было наложить руки на помазанника Божьего. В начале 1327 года собрался парламент — хотя, если учесть, что на нем не присутствовал, как полагается, король, это собрание следовало бы назвать ассамблеей или конференцией — от имени сына короля, принца Уэльского. Его назначили хранителем королевства на время, когда король находится «за границей», хотя, разумеется, Эдуард не уезжал никуда дальше замка Кенилворт. Было высказано шумное одобрение Изабелле и принцу Эдуарду, а также провозглашались различные воззвания в их пользу. Таким образом, было показано, что

власти Лондона целиком на стороне королевы и ее сына. Два епископа отправились в Кенилворт, но записи их разговора с королем не сохранились; рассказывали, что он осыпал их бранью и отказался вернуться вместе с ними в Лондон.

Под управлением Мортимера ассамблея снова собралась в Вестминстере. Тщательно подбирая слова, барон объявил, что магнаты страны свергают Эдуарда с престола на основании того, что тот не выполнял клятвы, данные во время коронации, и попал под влияние дурных советников; он нанес непоправимый ущерб церкви и многим своим знатным вассалам. Затем Адам Орлетон, епископ Херефордский, произнес проповедь на тему «Там, где нет настоящего правителя, народ гибнет». Казалось, согласие было достигнуто целиком и полностью.

К королю в Кенилворт направилась еще одна делегация. Ему поставили ультиматум. Адам Орлетон прочел Эдуарду еще одно наставление об изъянах его надменного и недостойного правления, заявив после этого: «Ваш сын займет ваше место, если только получит на это ваше одобрение». Одобрение было чрезвычайно важно для передачи власти, по крайней мере оно придавало видимость законности всей процедуре. Говори-

ли, что король, облаченный в черное платье, разразился слезами и причитаниями; увидев эту делегацию, он упал в обморок от страха. Вначале Эдуард не хотел отказываться от короны, но после приведенных аргументов неохотно согласился. Ему угрожали, разумеется, тем, что его могут насильно сместить и поставить на освободившееся место кого-то другого, а не его сына. О том, как происходило это отречение, нам никогда не узнать, но можно предположить, что все было сумбурно, непредсказуемо и ненадежно. На кону стояло так много интересов различных людей, что едва ли все могло пройти по-другому. Некоторые магнаты и епископы, например, сомневались в легальности всей этой процедуры.

Тем не менее отречение произошло. Свергнутый с трона король был перевезен из Кенилворта в замок Беркли в Глостершире. Кажется, поначалу с ним хорошо обращались, но король без короны не может чувствовать себя в безопасности. Были предприняты две попытки побега, одна из которых едва не удалась, и судьба короля была предопределена. Говорили, что «между тюрьмой и могилой для короля всего один шаг». Его убийство в сентябре 1327 года было настолько бесчеловечным, что ему едва ли можно найти

аналоги в истории Англии. Говорили, что Эдуарду воткнули в задний проход раскаленную кочергу. Или, как писал Ранульф Хигден в «Универсальной хронике» (Polychronicon), «он был пронзен раскаленным металлом, помещенным в тайное место сзади». Это могло быть просто поэтическим приемом, аллюзией на гомосексуальность короля. Сердце Эдуарда было извлечено из тела, помещено в серебряную шкатулку и позднее похоронено вместе с Изабеллой. Его тело было выставлено — на некотором расстоянии — для обозрения рыцарями и магнатами Глостершира. Для похорон в Глостерширском аббатстве пришлось построить огромные дубовые заграждения, чтобы сдержать толпу. Ни одного из тюремщиков Эдуарда никогда не обвиняли в смерти короля. Двое были признаны невиновными, третий поступил на службу к Эдуарду III, а четвертый был убит при странных обстоятельствах.

У этой истории есть необычное продолжение. В архивах французской провинции Лангедок было обнаружено письмо, адресованное Эдуарду III и написанное важным чиновником папы итальянским священником по имени Мануэло де Фиески. Он рассказывает о признании, сделанном одним отшельником, которого, обращаясь к Эдуарду III,

называет «ваш отец». Отшельник обстоятельно и детально описывал свое бегство, арест и заключение в Кенилворте и Беркли. Он рассказал, как один охранник в Беркли предупредил его, что два рыцаря — лорд Томас де Гурней и лорд Симон д'Эсберфорт [Бересфорд] собираются убить его. Опять же, были приведены подробности, которые мог знать только очевидец. Королю дали одежду, чтобы переодеться, и вывели из замка. Он убил привратника, спящего у последних ворот, и забрал ключи, прежде чем бежать в ночь.

В письме было сказано, что два рыцаря, жертва которых ускользнула, в ужасе перед гневом королевы вырезали сердце привратника и положили его тело в деревянный гроб. Потом они заявили, что этот орган и тело принадлежали Эдуарду II. Таким образом, получается, что королева была похоронена с сердцем привратника, а его тело все еще покоится под плитой гробницы Эдуарда II в Глостерском соборе.

Отшельник описал период заключения в замке Корф, а потом перешел к своим странствиям по Ирландии и Франции. В Авиньоне его приютил папа Иоанн, и бывший король оставался там в течение двух недель. В облике отшельника он пересек Германию и Ломбардию, где и записал

свое признание. Письмо кончалось припиской от Мануэло де Фиески, обращенной к королю: «В подтверждение всего вышесказанного я прилагаю печать для рассмотрения Вашей милостью». Возможно, это была личная печать короля. Все это выглядело как чистая мелодрама, недостойная серьезных размышлений, но автором письма был служащий папы, имеющий хорошую репутацию. Он бы не стал писать королю Англии просто из блажи. К тому же детали рассказа были достаточно точны, по крайней мере настолько, насколько их можно проверить по историческим записям. Так эта история и осталась в области домыслов и загадок. Возможно, но не более того, что король Эдуард II закончил свою жизнь отшельником в Италии. Это было бы душеспасительным концом не слишком душеполезной жизни.

Короткое правление королевы Изабеллы и Роджера Мортимера, продолжавшееся с осени 1326 года до осени 1330-го, было само по себе не слишком славным. Земли и богатство свергнутого короля и Диспенсеров поделили между собой победители. Львиную их долю получили, конечно, королева и ее любовник, остальное досталось их последователям. Также им пришлось выплатить награды наемникам, которых они привезли

из Эно. Поэтому финансовые запасы короны были быстро истощены; 61 921 фунт стерлингов, оставленные Эдуардом в 1326 году, к 1330 году превратились в 41 фунт. Единственными средствами пополнения казны оставались налоги и займы у флорентийских банкиров.

Молодой король был коронован в 1327 году, но его власть была номинальной, а не реальной. Он управлял с помощью совета баронов и епископов, а Роджер Мортимер стоял во главе всех дел. Роберт Брюс не мог упустить представившуюся ему возможность и захватил северные территории Англии; Мортимер и молодой король выставили против него армию, но никакого результата не добились. Говорили, что Эдуард III рыдал из-за провала военной кампании, закончившейся подписанием договора, признававшего титул Роберта Брюса как короля Шотландии. Эта капитуляция не предвещала ничего хорошего для его будущего царствования.

Новый король был совсем из другого теста, чем его отец. К восемнадцати годам он ощутил нетерпение и досаду. Как его дедушка Эдуард I, Эдуард III жаждал военной славы как исключительной привилегии властителя. Он мог винить Мортимера в поражении в Шотландии и возло-

жить на него ответственность за уменьшение английских владений. Мортимер стал еще одним «слишком сильным» аристократом, который был не в ладах со своим королем.

К тому же Изабелла носила под сердцем ребенка Мортимера, и Эдуард боялся, что ему навяжут изменения в порядке наследования. Как ему говорили, лучше съесть собаку самому, чем позволить собаке съесть себя. Поэтому планировалось убийство. Мортимер и Изабелла поехали в замок Ноттингем, в подлеске около стен которого укрылся отряд рыцарей под командованием самого Эдуарда. Один прислужник из замка провел их внутрь по потайному ходу прямо во внутренние покои; Мортимера застали врасплох и арестовали. Изабелла выбежала из своей спальни, причитая: «Сын мой, сын мой возлюбленный, заклинаю вас, пощадите нашего милого Мортимера!» Но в те времена милосердие было не в почете. Мортимера судили в Лондоне и казнили. Изабеллу отправили в один из ее замков. Эдуард III получил свое королевство.

22
Рождение и смерть

Уровень младенческой смертности в Средневековье был очень высок: одна треть мальчиков и одна четверть девочек умирали во время родов или вскоре после них. Именно поэтому крещение было особенно важно для семьи ребенка: если новорожденного не окрестить, он навечно попадет в туманный мир чистилища и никогда не получит блаженства небес. Когда смерть была неминуемой, повитухе разрешалось побрызгать водой на ребенка и произнести следующее: «Крещаю тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа». Если мать умирала в родах, то повитуха была обязана извлечь ребенка из ее чрева, чтобы спасти его душу. В крайних случаях ребенка могли окрестить даже до рождения, дав ему такие имена, как Виталис («относящийся к жизни»), Созданье или Дитя Божье.

Комната для родов должна была быть теплой и темной, в ней должно было пахнуть лепестками роз, но, разумеется, не все роды проходили в идеальных условиях. Это приводило к большо-

му количеству смертей. Мужчины на роды не допускались. Мужу в этот момент разрешалось только сымитировать символический акт освобождения, выпустив стрелу в воздух или открыв коробку.

Выжившие младенцы приходили в мир, который для некоторых из них был полон боли и страдания. Существуют многочисленные свидетельства широкого распространения анемии, синусита, проказы и туберкулеза; остеоартрит и диабет встречались часто, но не настолько, как в XXI веке. Глазные воспаления, покраснения, слезотечение и раздражения встречались повсюду.

Можно было пригласить доктора или лекаря за весьма ощутимую сумму. Их навыки в области медицины были довольно незначительными. Один из наиболее знаменитых врачей XIV века Джон Ардерн писал в своих медицинских трактатах, что молодой доктор должен выучить «хорошие поговорки, которые помогут ему в искусстве успокоить пациента. Дело идет быстрее, если лекарь может рассказать утешительные честные истории, которые заставят пациента смеяться, а также истории из Библии и другие трагедии».

Смех, возможно, был лучшим лекарством в любых обстоятельствах. От зубной боли рекомендовалось поджечь кусочек бараньего жира под больным зубом, чтобы «черви» выпали. Лекарством от мочекаменной болезни считалась кашица, изготовленная из жуков и кузнечиков, которую прикладывали к больной части тела. Рецепт приготовления средства от тонзиллита просто воодушевляет. «Возьмите толстую кошку, обдерите с нее кожу, выпотрошите ее, затем возьмите сало ежа и медвежий жир… Все это разотрите вместе, начините кошку, запеките ее целиком, соберите жир и немедленно намажьте им пациента». Вши домашних свиней были лучшим средством от чахотки. Если пользоваться расческой из слоновой кости, то улучшится память. Для излечения состояния, известного как птеригий, или складка на глазу, требовалось костный мозг крупной кости из гусиного крыла перемешать с соком цветов красной жимолости, причем цветки следовало срывать, «произнося девять „Отче наш“, девять „Аве, Мария!“ и Символ веры».

Так и хочется посмеяться над рецептами, которые выглядят абсурдными, но они принадлежат традиции, которая рассматривала мир человека

и мир природы как единое целое. Именно поэтому доктора предписывали питаться мясом домашних животных, а не диких; карп из пруда был предпочтительнее креветки с морского побережья. Он успокаивал, а не возбуждал пациента. Меланхоличные люди должны были избегать есть оленину: олень — это зверь, который живет в страхе, а страх только усиливает меланхолию. Если кто заболеет желтухой и увидит желтого дрозда, то человек выздоровеет, а птица умрет. Если судить по количеству чудесных исцелений на могилах святых, то сила внушения была очень велика. Большинство людей никогда в жизни в глаза не видели «лекаря»: они полагались на травы и зелья местных знахарок.

Существовали так называемые больницы, но, в сущности, они представляли собой огромные церкви, где размещали больных; молитва была здесь порой лучшим лекарством, чем медицина. В больницах не было никакого медицинского персонала, только монахи и капелланы. Если болезнь считалась наказанием, посланным Господом, то, возможно, неблагочестиво было пытаться ее исцелить. Здоровье души было куда важнее, чем здоровье тела, но больницы играли определенную роль. Возможно, время, когда че-

ловек мог отдохнуть и о нем заботились, лечило куда лучше большинства доступных лекарств.

В этот период медицинское лечение — там, где оно было доступно, — основывалось на фольклоре или на инструкциях Галена, древнеримского врача II века н. э., который поддерживал учение о четырех «телесных жидкостях», или гуморах. Так же, как Вселенная состоит из четырех элементов — земли, воды, воздуха и огня, — так и человеческое тело вмещает в себя четыре телесные жидкости — флегму, кровь, черную и желтую желчь — в различных пропорциях. Вместилище черной желчи, например, находится в селезенке. У здорового человека все четыре жидкости находятся в равновесии. После кровопускания, которое в те времена считалось необходимым, врач пробовал кровь пациента на вкус. Здоровая кровь должна была быть слегка сладковатой.

Изучение мочи, собранной в специальные стеклянные сосуды, или уриналы, также было важной частью медицинского протокола; все это имеет сходство с современными анализами мочи и крови. Анализ мочи по-прежнему является частью общего обследования состояния здоровья. Выделялось двадцать типов мочи, причем разделение основывалось на телесных жидкостях. Если, на-

пример, моча была светлой и прозрачной, то это означало черножелчие; черная желчь считалась холодной и сухой. Доктор рассматривал мочу, нюхал ее и пробовал на вкус, чтобы определить состояние пациента и узнать, какая часть тела находится в наибольшей опасности. Хороший врач также должен был быть астрологом. Когда Луна находилась в знаке Овна — огненный и умеренно сухой знак, — считалось правильным производить операции на голове и шее. Листья черной белены, полезные при подагре, следовало собирать только в день летнего солнцестояния.

Также всегда оставалась возможность обратиться к святым. Святой Власий исцелял от болезней горла, святой Губерт — от водобоязни, а святой Мартин — от чесотки. Первый сустав второго пальца на правой руке был посвящен святому Симону Клеопе, а второй сустав третьего пальца на левой руке находился под защитой святого Варфоломея. Посредством как религиозных, так и светских методов хороший врач умел подобрать такую диету и образ жизни, которые подходили бы к особенностям темперамента каждого пациента; если тело находилось в равновесии со звездами и элементами, то оно не страдало.

Ванны были роскошью, доступной для высших классов и тех, кто стремился им подражать; в крупных городах были мыльни, а у магнатов — собственные деревянные ванны, по форме напоминающие лохани, скрепленные ободами. Мыло было вполне доступно, так же как и инструменты для чистки зубов и ушей. Вода в ванне должна была быть чуть теплой, примерно той же температуры, как та, которая бежала из Христова бока на кресте[40]. В молитве Anima Christi («Душа Христова») было воззвание «Вода из бока Христова, омой меня».

Только четверо английских королей средневековой эпохи достигли шестидесятилетнего возраста, который можно считать близким к преклонному. Когда-то предполагалось, что в те времена мужчин и женщин, шагнувших за сорокалетний рубеж, считали пожилыми, но это было не так; эта характеристика использовалась только для описания людей старше шестидесяти. Полтора века спустя 30 % членов палаты лордов были в возрасте за шестьдесят, а 10 % — за семьдесят. В наши дни такое соотношение возрастов

[40] Примечания: 40

Согласно Евангелию, один из воинов, обнаружив Христа мертвым, пронзил ему ребра копьем, «и тотчас истекла кровь и вода» (Ин. 19:34). — *Прим. ред.*

по-прежнему считается приемлемым в этой палате парламента. Продолжительность жизни — это, разумеется, совсем другое дело; в описываемое время, по разным оценкам, она составляла от сорока до пятидесяти лет. В некоторых районах она могла быть даже ниже — тридцать лет.

Когда приходила смерть, тело заворачивали в саван, завязанный на голове и шее. Для простых смертных гробы не использовались. Лучшей частью церковного кладбища была южная, северная считалась сырой и болотистой. Священник встречал покойников у главных ворот кладбища, а затем вел процессию скорбящих на могилу, где служил заупокойную службу. Только богатые покойники удостаивались каменного монумента, который находился внутри церкви. Поэтому на самом кладбище могильных плит не было, если не считать нескольких деревянных памятников и маленьких резных камней, лежащих на могилах. Церковный двор и кладбище считались частью общих земель прихода, которые использовали для спортивных состязаний и торговли; там также могло быть пастбище для свиней или другого скота. Чем больше становилось мертвых, тем дальше расширялась территория церковного кладбища.

23
Национальное самосознание

Нового короля Эдуарда III сравнивали с израильтянами, освободившимися от уз рабства; наконец он был свободен от махинаций и уловок своей матери, которую иногда называли «французской волчицей». После того как Мортимер был схвачен в Ноттингеме, было выпущено публичное обращение, которое шерифы должны были зачитать на церковных дворах, на рынках и в судах. Помимо всего прочего, в нем заявлялось, что «дела короля и дела королевства велись так, чтобы обесчестить правителя и его государство и довести до обнищания его народ»; далее следовало обещание: новый король «будет отныне править своим народом в соответствии с правом и благоразумно, как это подобает его королевскому достоинству».

Эдуард был совершенно не похож на своего злосчастного отца. О нем всегда говорили как о человеке компанейском и общительном. Один из девизов, вышитый на его камзоле, гласил: «Как есть, так и есть». Другой, который также

носили его придворные, сообщал: «Эгей, белый лебедь, Божией милостью я твой человек». Также он говорил по-английски гораздо лучше своего предшественника.

Он был храбрым и отождествлял себя со всеми рыцарскими достоинствами. Поэтому Эдуарду были преданы магнаты. Он вернул земли, которые конфисковал его отец, и активно способствовал увеличению аристократии; четверо из высокопоставленных представителей его двора, например, получили графства. Вначале ему приходилось полагаться на советников и придворных, которых он унаследовал от предыдущего правления, но через несколько лет новый король собрал вокруг себя группу рыцарей и аристократов, которые оставались с ним до конца его царствования.

Главным признаком хорошего правителя оставались военные успехи. Новый король понимал, что отсутствие военных способностей у его отца было главной причиной его падения, и он очень старался избавиться от этого образа слабости. Именно поэтому его первая война была против Шотландии. Он не забыл те слезы, которые пролил, когда шотландцы победили его в юности. Скоро появилась возможность действовать. После

смерти Роберта Брюса в 1329 году на троне оказался его маленький сын, но Эдуард III поддержал требования его соперника Эдуарда Баллиоля; английский король стремился исправить неудачи предыдущей кампании, и в 1333 году он одержал значительную победу при Халидон-Хилл в двух милях от Берика. Тогда Баллиоль стал королем, принесшим Эдуарду оммаж; Берик и окружающие его территории были возвращены под власть Англии. Это было только началом дальнейших набегов и кампаний в приграничной области, но битва при Халидон-Хилл была единственной, где Эдуард сам сражался на английской земле. Поля его остальных сражений лежали по другую сторону Ла-Манша.

В то время короли Франции и Англии были двумя самыми сильными правителями Европы; бóльшая часть континента была поделена на герцогства и княжества, которые сражались только друг с другом. Поэтому, возможно, столкновение Англии и Франции за господство было неизбежным — таков закон жизни.

Отдельным поводом для конфликта снова стало герцогство Гасконь, которое было последней частью империи Плантагенетов, все еще остававшейся в руках Англии. По Парижскому договору,

подписанному более восьмидесяти трех лет назад, Генрих III уступил свои старинные французские владения в обмен на обладание этим герцогством. Гасконь все еще считалась частью Франции и, таким образом, новый король Англии, вступив на престол, должен был принести клятву верности (или оммаж, как ее тогда называли) как вассал короля Франции. Но как может правитель Англии клясться в верности иностранному правителю? Тогда он должен был бы поддерживать французского короля оружием и солдатами. Ему было бы запрещено вступать в союз с врагами Франции. Если бы он не выполнил условия присяги, Гасконь была бы конфискована.

Это было немыслимо. Это была ненормальность, нарушение структуры, которое могло кончиться только раздором. Эдуард III отказался признать, что является вассалом Филиппа VI Валуа, и вместо этого объявил себя королем как Англии, так и Франции. Он претендовал на то, что через свою мать Изабеллу является прямым потомком королевской династии Капетингов, если, конечно, не обращать внимания на тот факт, что по салическому закону, принятому во Франции, корона не могла наследоваться по женской линии. Это заявление было вызвано

отчасти бравадой, а отчасти — гордостью. Эдуард объявил, что сражается, «чтобы восстановить свои права за морем, а также чтобы спасти и защитить Английское королевство». Он искал оправданий, чтобы напасть на врага.

Если смотреть шире, то можно сказать, что Эдуард помог разрушить старый европейский феодальный порядок и заменить его новым пониманием могущества национальных государств; в тот период Англия и Франция стали более централизованными и бюрократизированными. Сам Эдуард III, скорее всего, воспринимал это по-другому. Он просто хотел сохранить свою честь и, возможно, получить какую-то военную добычу: «битвы и мужа пою»[41]. Его воинственный настрой, как бы то ни было, имел печальные последствия: начатый Эдуардом конфликт стал известен как Столетняя война. Противостояние длилось гораздо дольше. Только в XIX веке английские короли прекратили претендовать на французскую корону.

Война, стоившая стольких жизней и таких денег, имела совсем небольшие долговременные последствия. Англичане получили Кале, но этот

---

[41] Примечания: 41

Цитата из «Энеиды» Вергилия (пер. С. А. Ошерова). — *Прим. ред.*

город стал для них скорее тяжким грузом и не принес славы. На самом деле в интересах Англии было не вступать в конфликт, за исключением, возможно, сохранения доступа к винам из Гаскони. Но аппетиты короля, желавшего власти и славы, взяли верх над требованиями нации.

Ради справедливости следует отметить, что, когда война впервые была объявлена в 1337 году, кампания против Франции имела некоторую популярность, по крайней мере среди магнатов. На место вялости и унижений предыдущего царствования пришла возможность добиться военного успеха. Можно сказать, что война развлекала правителей государств и собирала вместе их разрозненные, а иногда и враждующие части. У магнатов не было нужды сражаться друг с другом, если они могли пожинать плоды битв во вражеской стране.

Недавно обретенная общая цель прояснилась, когда в 1348 году Эдуард III учредил орден Подвязки. Его знаменитый девиз *Honi soit qui mal y pense*, или «Пусть стыдится подумавший плохо об этом», соотносится с притязаниями Эдуарда на французский трон. Практически все из двадцати шести рыцарей, ставшие первыми кавалерами этого ордена и разделенные на две группы

для рыцарских турниров, приняли участие во французской кампании. Это был орден военного братства.

В любом случае король любил драматизировать и создавать сложные церемонии; он поддерживал пышность рыцарства и более чем за сто лет до того, как сэр Томас Мэлори написал «Смерть Артура», пытался восстановить артуровское понимание королевского сана. Вследствие этого король заработал популярность среди знати королевства. Они принимали участие в великом приключении, а Эдуард стал их королем-воином. Старший сын короля Эдуард, одетый как двоюродный брат Ланселота Лионель, принял участие в великолепном турнире. Хронист того времени Жан Фруассар писал, что «англичане никогда не будут любить и чествовать короля, который не побеждает в войнах и не любит воевать». Других европейских королей могли прославлять за их знания или их милосердие, но в Англии эти критерии никого не интересовали.

Щедрая поддержка королем строительства была частью рыцарской программы. Он родился в Виндзорском замке, но распорядился снести его и построить на этом месте еще более величественное здание. Таким образом он заявлял о

своей славе и превосходстве над королем Франции. Именно здесь в 1344 году был воссоздан Круглый стол; король и королева, одетые в красное, провели процессию рыцарей и баронов в замковую часовню, где было благословлено их стремление к мужеству и доблести. В круглом здании, которое по размерам превосходило Пантеон в Риме, давали роскошные пиры и устраивали танцы, где все участники одевались как герои романов о короле Артуре. Фундамент этого первого театра, или центра ритуалов, был обнаружен летом 2006 года.

Пока рыцари сидели на каменных скамьях вдоль стен и наблюдали за поединками и турнирами, главный конфликт этого периода медленно развивался. Первые два года Столетней войны (на самом деле конфликт длился 116 лет) прошли в маневрах; Эдуард поплыл в Нидерланды с целью начать вторжение через Фландрию и подкупить новых союзников. Говорили, что он бездумно тратит свое время и деньги вне страны. Все время возникали жалобы на непомерные налоги. Поэмы и хроники того периода полны недовольства из-за притеснений и ограничений: ни один фермер или купец не мог чувствовать себя в безопасности из-за притязаний короля. Это

уже стало знакомым рефреном XIV века. «Тот, кто берет деньги у нуждающихся без всякой на то причины, — писал один рифмоплет, — совершает грех». В частности, оплачивать армию короля обязали торговцев шерстью; выручка с продажи 30 000 тюков должна была быть передана королю, а также был введен временный запрет на экспорт, чтобы поддерживать цены высокими. Поскольку шерсть была одной из самых важных составляющих английской экономики, требования короля напрямую стали причиной безработицы и растущей бедности. Страна, в сущности, превратилась в дойную корову для военных нужд Эдуарда.

Его планы провести быструю кампанию провалились; финансирование войны с помощью шерсти привело к катастрофе: проблем как с купцами, так и со сборщиками налогов становилось все больше и больше. Финансисты короля выражали беспокойство и угрожали урезать поступления денег. К тому же при том, что короля не было в стране, ползли слухи о вторжении из Франции и из Шотландии. Члены совета, который создал Эдуард, чтобы управлять Англией в его отсутствие, все больше волновались: король обвинял их в том, что они утаивают от него

деньги, а они, в свою очередь, жаловались, что им приходится выполнять множество требующих денежных вливаний обязанностей, в том числе и защищать королевство. Говорили, что король становится таким же безрассудным и расточительным, как и его отец. «Я советую вам не начинать войну, рассчитывая только на свои богатства, — заявляет госпожа Пруденс в „Рассказе о Мелибее“ (The Tale of Melibee / The Canterbury Tales) Чосера, — поскольку их не хватит на ее поддержание».

В 1340 году, через три года после объявления войны Франции, в доме парламента произошел бунт налогоплательщиков. Было сказано, что «король не должен втягивать свое королевство в войну, если только община королевства не согласится на это». Парламент стал органом, который, согласно уложениям Великой хартии вольностей, дает согласие от имени всей страны на введение новых налогов. Последующие короли под давлением обстоятельств были вынуждены принять эту его роль. Рыцари и горожане уже начали направлять петиции из самых разных районов, и на эти петиции должна была быть соответствующая реакция в королевской законодательной деятельности. Это была система

взаимовыгодного обмена услугами.

Парламент уже одобрил тяжкие налоги в течение первых трех лет конфликта. Летом 1339 года король потребовал очередного платежа в 300 000 фунтов стерлингов. Палата общин, состоящая из горожан и рыцарей из широв, ответила уклончиво; их попросили вернуться в свои районы и посовещаться с людьми. Когда они снова собрались в начале 1340 года, они предложили выплатить эту сумму в обмен на определенные услуги со стороны короля. Они фактически отделили себя от лордов и начали ощущать свою силу.

Их главное требование касалось финансов государства, которыми должен был распоряжаться совет магнатов, отчитывающийся перед парламентом. Дела вести должен был Джон Стратфорд, архиепископ Кентерберийский. Король, которому отчаянно были нужны средства, чтобы продолжать войну, уступил этому требованию. Только в сражениях он был счастлив. Его согласие также отмечает момент, когда палата общин стала действующим как единое целое политическим собранием, которое постепенно начало формулировать собственные правила. Война и налоги объединили ее членов. Сам по себе парламент не

должен был собираться на регулярной основе; он также являлся собранием, на котором избирался совет государства и сборщики налогов. Тридцать пять лет спустя он стал достаточно силен, чтобы отстранить главных советников короля. Таким образом, сама идея о независимом парламенте в какой-то мере является последствием Столетней войны.

22 июня 1340 года Эдуард вернулся в Нидерланды, ожидая, что боевые действия вскоре возобновятся. Стратфорд заверил короля, что деньги поступят к нему. Новые поборы со стороны суверена вызвали враждебность и насилие по всей стране; сборщики должны были собрать 20 000 тюков шерсти с девяти самых производительных графств и продать собранное местным купцам. Но люди успешно сопротивлялись этому вымогательству. В результате король не получил финансирования, которого ожидал, не смог уплатить долги и заплатить своему войску, и военную кампанию пришлось свернуть.

В ярости он набросился на архиепископа Стратфорда. Король приплыл в Англию и в середине ночи 30 ноября неожиданно прибыл в лондонский Тауэр. Он потребовал к себе констебля, но отсутствие этого чиновника только подтвер-

дило опасения короля, что его королевство не управляется должным образом. Эдуард обвинил архиепископа в том, что тот сознательно удерживает деньги; он считал — или притворялся, что так думает, — что Стратфорд желал саботировать французскую кампанию, которую духовенство не одобряло. Старшие члены совета были смещены. Стратфорд нашел убежище в Кентербери, где теоретически он был неуязвим для королевского гнева.

Тогда Эдуард, несмотря на все свои предыдущие обещания парламенту, без консультаций с кем бы то ни было взял управление страной в свои руки. Он принялся за пересмотр всей системы управления и в особенности своих финансовых ресурсов; он назначил новых сборщиков шерсти; он наложил штрафы на отдельных людей и целые общины, которые избегали этого налога. 29 декабря Стратфорд взошел на кафедру Кентерберийского собора и на английском языке произнес проповедь, оправдывающую его действия. Он заявил, что только выражал коллективную волю парламента и что король попал под влияние злобных сборщиков налогов. Он сослался на Великую хартию вольностей, подразумевая, что король нарушил ее уложения. Архиепископ

знал, что народ его поддерживает, и требовал суда церковных пэров. Он фактически бросал королю вызов, провоцируя его сделать худшее, на что тот способен.

Король созвал парламент, на котором скрепя сердце позволил присутствовать и самому Стратфорду. Архиепископ официально помирился с королем и получил «королевскую милость», после чего началась работа по парламентским соглашениям. В обмен на дополнительные 10 000 тюков шерсти Эдуард согласился, что его главные министры впредь будут получать одобрение магнатов и совета. Каждая сторона пошла на уступки: король помирился с палатой лордов при условии, что в будущем будет им хорошим господином, и наконец достиг согласия с палатой общин при условии, что будет «править ими мягко и снисходительно». Он имел более дальновидное понимание политических реалий, чем его отец. Он знал, когда пойти на попятную. Было ожидаемо, что пять месяцев спустя король даст обратный ход всем своим уступкам, оправдывая это тем, что пошел на них против своей воли. В течение двух лет он вернул себе бóльшую часть власти. Из противостояния с парламентом Эдуард вышел победителем.

Война с Францией продолжалась, как играющая фоном музыка. Летом 1340 года английский флот неожиданно уничтожил французские корабли у побережья Фландрии при Слёйсе. Это была первая значительная победа в конфликте, и после битвы король выпустил золотую монету под названием нобль, где он изображен на борту военного корабля в образе хозяина морей. Его царствование начало ассоциироваться с военными успехами. Ни один из французских министров не решался сообщить Филиппу VI о победе англичан; министры решили, что только его шут может безнаказанно преподнести эту новость. Поэтому шут объявил своему повелителю, что англичане — презренные трусы; когда его спросили почему, он ответил, что они, в отличие от французов, не прыгают в море.

Поражение французского флота означало, что англичане могут начать вторжение через Ла-Манш, но из-за мелких дрязг Эдуарда с союзниками, а именно с фламандцами, успех не был закреплен. Французские силы увертывались и уклонялись, отказываясь принимать бой. Это уже становилось типичной схемой обороны французов. Осенью 1340 года было заключено перемирие. Но оно продлилось недолго. В течение

нескольких последующих лет в Гаскони и Бретани шли не приводящие ни к каким результатам военные действия, и в 1346 году Эдуард предпринял решительный шаг по захвату Нормандии; он надеялся, что его фламандские союзники присоединятся к нему в походе на Париж или марше по Гаскони. Он заставил французского короля теряться в догадках.

11 июля 1346 года 8000 человек (половину из них составляли лучники) поплыли на юг от Портсмута в Северную Францию. Они прошли через Нормандию, направляясь к Парижу, разоряя и уничтожая все на своем пути. Они дошли до пригородов столицы, повернув от них на север к Кале, чтобы соединиться с силами фламандских союзников. Филипп VI быстро провел армию по большой северной долине Соммы, пытаясь отвлечь войска противника или уничтожить их. В полдень 26 августа французский король атаковал англичан, когда они расположились около леса в Креси-ан-Понтьё. Стремительная армия, состоящая из генуэзских арбалетчиков и французской кавалерии, была отброшена английскими силами и в последующем бою фактически раздавлена.

Впервые в этом бою были использованы по-

роховые пушки, которые больше сеяли панику, чем смерть, но пальмовая ветвь победы должна была достаться лучникам Эдуарда, которые, имея в своем распоряжении только луки, нанесли поражение конным рыцарям. Это был день частичного солнечного затмения, грома и молний, и к его концу французские рыцари полегли на поле битвы. Многие из них были лишены жизни с помощью длинного тонкого кинжала, который называли «мизерикордом», или оружием милосердия, и который можно было вонзить через не защищенные броней подмышечные области прямо в сердце. Среди 30 000 погибших был Иоганн, слепой король Чехии, чей девиз *Ich dien*, или «Я служу», был присвоен последующими принцами Уэльскими.

Битва при Креси стала выдающейся победой, после которой Эдуард тут же воспользовался открывшейся возможностью: он отправился на север и девять дней спустя стоял у стен Кале. Этот город мог бы стать отличным плацдармом для дальнейшего вторжения на французскую территорию; также это был удобный порт для рейдов против французских пиратов. Жители Кале выдержали почти год голода. Командир французского гарнизона писал Филиппу VI: «В

городе нет больше никакой еды, нам остается только есть человеческую плоть… Это последнее письмо, которое Вы получите от меня, поскольку город будет потерян, и все мы вместе с ним». Письмо было перехвачено до того, как попало к французскому королю, и было доставлено Эдуарду; он прочел его, приложил свою личную печать и отправил адресату.

На одиннадцатый месяц осады женщины, дети и старики были высланы за ворота города как «бесполезные рты». Англичане не пропустили этих изгнанников через расположение своих войск и преследовали до рва вокруг города, где те умерли от жажды. Таким образом город принудили к сдаче. История о шести главах Кале, которые вышли с веревками на шеях и получили помилование от милосердного короля, вполне может быть правдой. По крайней мере, она относится к тому типу политического театра, в котором Эдуард достиг невероятных успехов.

Он покорил и еще одного старого врага. В год битвы при Креси Давид Брюс, или король Шотландии Давид II, начал вторжение в Англию; он получил в наследство «древний союз» с Францией и надеялся, что отсутствие Эдуарда деморализует английскую армию. Но в битве при Невиллс-

Кроссе неподалеку от Дарема шотландские силы были побеждены, а сам Давид Брюс препровожден в лондонский Тауэр, где оставался в течение одиннадцати лет. Шотландское Черное распятие — частица креста Христова, заключенная в черный футляр, — было с триумфом доставлено в собор Дарема. Таким образом, Эдуард III стал победителем на всех фронтах. Рыцари и лорды смотрели на него с восторгом. Он стал их идеальным монархом.

Означало ли это так много для простого английского народа? В этом можно сомневаться. Война с Францией представляла собой ссору между двумя монархами, которые были членами одной семьи и родным языком которых был французский. Какое отношение имеют дела принцев к жизни в Англии? У людей в любом случае были более серьезные проблемы, о которых стоило беспокоиться: в 1348 году вся мощь болезни и смерти соединилась в такой эпидемии, какой еще не бывало.

Это время называли «чумным». Сама болезнь называлась «чумой» или Черной смертью. Тем не менее, возможно, она не являлась бубонной чумой; в разных источниках болезнь описывалась как сибирская язва, грипп или какая-то

форма геморрагической лихорадки. Может быть, эта инфекция более не существует. Вопреки популярным заблуждениям, не похоже, чтобы ее переносили крысы.

Болезнь пришла из Центральной Азии в начале 1330-х годов и распространилась по всему известному миру по торговым путям. К 1347 году она добралась до Италии и летом следующего года коснулась Бристоля и других портовых городов. К осени 1348 года болезнь достигла Лондона, а затем двинулась на север. Первым ее признаком были бубоны — язвы, взбухающие в паху или под мышкой; современник писал, что такой бубон имел «форму яблока или головки лука… он полыхал, как тлеющие угли, а цветом напоминал пепел». В некоторых случаях тело человека покрывалось абсцессами, наполненными гноем. Все это сопровождалось болью в конечностях, рвотой и диареей; зараженные обычно умирали в течение трех дней.

Их хоронили в общих могилах, складывая бок о бок в длинные траншеи; родители несли своих мертвых детей на плечах. Все еще существует старинное поверье, что уголки некоторых кладбищ нельзя тревожить из страха «выпустить на волю чуму». И в этом поверье есть некое здравое зерно:

споры сибирской язвы могут сохраняться сотни лет. Кладбища Лондона вскоре переполнились, тогда власти приобрели на границе со Смитфилдом 5,2 гектара земли, чтобы превратить их в огромную общую могилу. Умерло от одной трети до половины населения. Никогда ранее и никогда после этого смертность не достигала таких размеров. По самым оптимистичным оценкам, население примерно в шесть миллионов человек сократилось до трех-четырех. На этом уровне оно оставалось до начала XVI века.

Похоже на то, что до начала чумы страна была перенаселена; возможно даже, что плохое питание увеличило количество смертельных исходов. Таким образом, если применить нечто вроде мальтузианских расчетов[42], чума высвободила энергию пережившего ее населения и повысила доступность ресурсов. Но в то время на это ничто не указывало. Согласно хронисту этого периода Генри Найтону, «из-за недостатка людей множество зданий, больших и малых, лежало в руинах в каждом городе, боро и деревне; подоб-

[42] Примечания: 42

Мальтузианство — демографическая теория Томаса Мальтуса (1766–1834). Согласно этой теории, если население растет в геометрической прогрессии, а производство продуктов питания — в арифметической, то неминуемы голод и социальные потрясения. — *Прим. ред.*

ным же образом многие селения и деревушки были опустошены, в них не осталось ни одного дома, а все жители умерли; возможно, многие из этих деревень никогда не будут населены вновь». Невозможно было найти мужчин для обработки земли, поэтому женщины и дети должны были идти за плугом. В школьном учебнике следующего поколения приводится предложение для разбора: «Вчера крыша старого дома едва не упала на меня». Разрушенные здания были знакомой частью любого пейзажа.

Монах-францисканец Джон Клин оставил описание этого периода. «Дабы те вещи, которые стоит помнить, не исчезли со временем, — писал он, — и не изгладились из памяти тех, кто придет после нас, я, видевший так много зла и весь мир, которым, как было тогда, овладел нечистый, и сам ждущий смерти среди мертвых [inter mortuos mortem expectans], который все слышал и испытал, записал все эти вещи. Дабы написанное пережило своего автора и работа не исчезла вместе с тем, кто ее выполнил, я оставил пергамент для продолжения работы, если какой-нибудь человек выживет и кто-нибудь из Адамова рода избежит чумы».

Некоторое время спустя Джон добавил два сло-

ва — *magna karistia*, или «великая смерть». Далее другой рукой приписано: «Кажется, автор умер».

Чуму все считали Божьей карой, наказанием грешникам за их гордыню и самонадеянность, тщеславие и неверие. Она представляла собой такое великое зло, что, как писал Уильям Ленгленд в «Видении о Петре-пахаре», «молитвы не имели силы, чтобы предотвратить эту чуму». Ленгленд также заявлял, что юго-западный ветер, дующий по вечерам, был зловещим знаком. Это было дыхание самого дьявола. Говорили, что у всех, родившихся после чумы, было на два зуба меньше, чем у тех, кто родился до нее. В 1361 году чумное время вернулось. Его называли «детской смертью». Третья эпидемия разразилась в 1369 году, а четвертая — в 1374-м. В то время заметили, что богатых людей болезнь поражает не так сильно, как остальное население: они не находились в таком близком и тесном контакте с больными.

Несмотря на эти жесточайшие удары, английское общество держалось. Суды были закрыты, и собрания парламента постоянно отменялись, но порядок не рухнул. Государственные и церковные записи демонстрируют удивительную преемственность и согласованность управления. Уровень экспорта шерсти, например, оставал-

ся стабильным. Тем не менее чума медленно изменяла английское общество, и ее влияние было долговременным. Недостаток рабочей силы немедленно привел к повышению жалований и увеличению шансов найти работу. Безземельные или доведенные до нищеты крестьяне исчезли как явление. Но требования рабочих людей, которые пережили пандемию, росли, их ценность увеличилась вдвое, и это вызвало реакцию землевладельцев и магнатов. Рыцари из широв в особенности осознавали угрозу привычному порядку вещей.

В 1349 году парламент выпустил ордонанс о рабочих и слугах, запрещающий нанимателю платить за одну и ту же работу больше, чем до чумы. Этот же акт объявлял незаконным отказ безработного человека от работы. Меры эти не имели ничего общего с реальностью. Многие работники и их семьи могли просто переехать в другое место, к более щедрому нанимателю, который не обращал внимания на закон. Некоторые, к примеру, перебрались в города, где был большой спрос на неквалифицированных рабочих, таких как каменщики и плотники. Пахарь мог стать кровельщиком. Работы было более чем достаточно. В судебных записях этого периода

есть следующие строки: «Томас Тигоу из Хейла — кровельщик на вольных хлебах, в 1370 году он несколько раз получал от Хью Скиннера из Литл-Хейла ежедневное жалованье в четыре пенса и обед, вопреки статуту; избыток 3 шиллинга 4 пенса… Уильям Дейе — пахарь на вольных хлебах, 2 декабря 1370 года он получил от Гилберта Дейе из Инголдсби 3 пенса и еду, и так продолжалось до конца недели; такие же деньги получал и от других в следующем году; излишек 12 пенсов… Джон Коупер, плотник, отказался работать поденно, чтобы заиметь дополнительный заработок, и получил единовременную выплату от Уильяма Боуртона из Садбрука; излишек оценивается в 2 шиллинга».

У многих молодых людей теперь были собственные участки. И лучшие земли недолго оставались свободными. Когда-то было слишком много малоземельных фермеров и рабочих, но теперь они рассеялись по стране. Некоторые лорды пытались привязать своих рабов к земле, налагая на них новые обязательства, но успехи в этом тут же уравновешивались проблемами с неохотно работающими и недовольными людьми. Поскольку рабочая сила уверилась в своей ценности, старые традиции ее использования

больше не работали.

Крестьяне побогаче были готовы брать больше земли; они оставляли написанные по-английски завещания, чтобы узаконить свои стремления. Относительно низкая стоимость продукции и распространение высоких жалований заставляли многих более крупных землевладельцев отказываться от производства и продавать свои фермы тому, кто даст лучшую цену. Или они превращали пахотные земли в пастбища; уход за овцами требовал меньше вложений труда, чем выращивание зерна.

Старые связи между поместьем и деревней ослабевали. Таким образом, чума понемногу начала развеивать старую уверенность в статусе и положении; традиционная система взаимоотношений внутри коммуны замещалась личными интересами. Есть доказательства того, что оставшимся в стране жителям теперь приходилось больше работать: отчеты поместий показывают, что количество работы, выполняемой каждым мужчиной, возросло и что женщины часто занимались тем, что раньше делали только мужчины. Их жалованья выросли еще больше, чем у мужчин.

В этот контекст мы можем поместить различ-

ные ордонансы и те меры, которые принимали палата лордов и палата общин, чтобы призвать к порядку распоясавшееся крестьянство. Принимались законы, запрещающие дорогую одежду и налагающие ограничения на ежедневное меню. Женщины должны были одеваться в соответствии с социальным положением их отцов и мужей, а женам слуг не позволялось носить платки стоимостью дороже одного шиллинга. Женам йоменов не разрешалось покупать шелковые платки, а сельскохозяйственные работники не должны были иметь одежду по цене более 12 пенсов за ярд ткани. Одежда рабочего человека должна была «скрывать его половые органы и ягодицы», а носки его туфель или ботинок быть «не длиннее 5 сантиметров». Это ограничение было направлено против моды на плотно облегающую и обтягивающую фигуру одежду, а также против пристрастия к туфлям с удлиненными носами. Во время обеда и ужина семьи из низших классов должны были удовлетворяться всего двумя блюдами. Также выпускались законы, запрещающие крестьянам носить оружие или участвовать в буйных играх. Могли наказать и за безделье, если оно было доказано. Несмотря на все эти неуклюжие упражнения по социальному

контролю, феодальной Англии XII и XIII веков приходил конец. Английский поэт Джон Гауэр в конце XIV века писал:

> *Мир изменился и опрокинулся,*
>
> *Перевернулся с ног на голову*
>
> *По сравнению с тем, что было много лет назад*[43].

Неизвестно, как Эдуард III отреагировал на наступление чумы. Можно не сомневаться, что он воспринимал эпидемию исключительно как угрозу численности его армии. Все мысли короля были о войне. После падения Кале было заключено перемирие, которое продлилось шесть лет, пока не было нарушено под предлогом предательства. Король участвовал в войне вместе со своим старшим сыном Эдуардом Вудстоком, принцем Уэльским. Молодого человека также называли Черным принцем, что было связано с цветом его доспехов, а не с его моральными качествами или характером. Эдуард Вудсток развязал то, что вполне можно назвать властью террора, при котором личный состав его армий был превра-

[43] Примечания: 43

The world is changed and overthrown / That it is well-nigh upside down / Compared with days of long ago.

щен в опустошительные отряды, действующие на территории Франции. Им было приказано грабить, сжигать и разрушать все, что лежит у них на пути; они были предназначены для уничтожения жизней и источников существования французов. В таких отрядах состояли не те люди, которые отзывались на традиционный феодальный призыв под знамена; это были либо насильно призванные в армию, либо наемники, которым платили посуточно. Многие из них были обычными ворами или убийцами, привлеченными возможностью грабить и разрушать. В своем амплуа они были чрезвычайно успешны. Народная память об английских набегах жила во французском национальном сознании многие сотни лет. Эдуард Вудсток хвастался тем, что за каких-то семь недель разорил пятьсот городов и деревень в регионе Бордо, который никогда за свою историю не знал войны. Такая стратегия уже успешно применялась в Шотландии.

Французы, казалось, стремились избегать прямого столкновения, но осенью 1356 года две армии сошлись: французский разведывательный отряд наткнулся на англичан. Нельзя было отказаться от боя, не уронив чести. Новый король Франции Иоанн II имел огромное преимущество

в численности: в его армии было 35 000 человек против 7000 у Черного принца, но позиция Черного принца в Пуатье находилась на склоне горы, покрытом изгородями и виноградниками.

Само по себе это расположение принципиальной трудности не представляло. Англичане всегда могли заявить о своем господстве на поле битвы, используя луки, и Черный принц повторил тактику своего отца при Креси, использовав лучников как основную боевую силу. Французская кавалерия двинулась против англичан только для того, чтобы быть срезанной дождем стрел; остальные французские рыцари пошли в атаку пешком, но также пали жертвами тисовых луков. В среднем такой лук имел длину 1,9 метра, а стрелы — 0,9 метра. Лучник натягивал его примерно около уха, а не у груди, и такой толчок позволял послать стрелу на 228 метров. Каждый лучник выпускал по десять стрел в минуту. Это можно назвать новой эпохой в военном деле.

Французский строй пошатнулся и распался, затем последовали отступление и паника. В этой суматохе французский король и его сын были захвачены англичанами в плен. Это стало еще одним бедствием для их армии. Черный принц доставил короля Иоанна в Англию, и на два года

было заключено перемирие. Когда короля Иоанна везли по улицам Лондона, для горожан это стало поистине праздничным событием. Захваченный король был с триумфом препровожден в Вестминстер-Холл, где его ждал, чтобы поприветствовать, Эдуард III. Это была чисто средневековая форма плена. Короля освободили под честное слово его сына, обещавшего не бежать из плена, но, когда сын все-таки бежал, Иоанн вызвался вернуться в заключение. Он не мог подвергнуть себя бесчестью из-за нарушения условий договора. Через четыре месяца после возвращения в Лондон Иоанн умер от неизвестной болезни. Тело короля было отправлено во Францию.

После окончания перемирия Эдуард возобновил военные действия, но кампания зимой 1359 года не принесла решающей победы, о которой он молился, хотя он все еще был в зените славы. Тогда было подписано соглашение 1360 года, по которому Эдуард согласился снять свои притязания на французский трон в обмен на полный суверенитет над Гасконью, Кале, Гиенью, Пуату и Пуатье в Северной Франции.

Черный принц завел свой двор в Бордо, столице герцогства Гиень. Казалось, дела за Ла-Маншем у англичан идут хорошо, но в 1369 году новый

французский король Карл V, известный как Карл Мудрый, заявил свои феодальные права на принадлежащие Франции территории. Черный принц отказался ему повиноваться, но все его военное бахвальство оказалось в конце концов бесполезным. Английский принц заболел водянкой и чувствовал себя слишком слабым, чтобы вести свои войска на поле битвы; никаких битв и не было, французский король действовал с помощью набегов, вылазок и внезапных нападений из засады. Это повторное завоевание французских земель втихомолку было чрезвычайно эффективным, и пять лет спустя Карл получил обратно практически все герцогства и провинции, которые были объявлены английскими. Снова заключили перемирие, которое продолжалось до смерти Эдуарда III. Все его военные трофеи, которые потребовали так много крови, страданий и денег, один за другим вернулись обратно к врагу. Остались только Кале и часть Гаскони. Его поход за французской короной был малоэффективным и не достиг цели. Эти постоянные качели — требование и выдвинутое в ответ на него контртребование — показывают тщетность всего конфликта. Его главные последствия, как мы видели, сказались по большей части на жиз-

ни самой Англии, где появился независимый парламент и сложилась национальная система налогообложения.

Эдуард Вудсток вернулся в Англию, где медленно увядал в болезнях шесть лет. Ухудшение его состояния только подчеркивало нездоровье самого двора, где отсутствие военных успехов создало атмосферу злобы и подозрений. Стареющий король больше не держал все дела в своих руках, и ходили слухи, что он вступил в любовную связь с Алисой Перрерс. Таким образом, бóльшая часть обязанностей по управлению королевством перешла к его младшему сыну герцогу Ланкастеру, известному как Джон Гонт. Тем не менее в отличие от своего старшего брата, Джон был не слишком популярен. Считалось, что группа королевских советников использует казну в своих целях. Когда весной 1376 года был созван парламент с целью введения новых налогов, палата общин отказалась продолжать обсуждения, пока некоторые «дурные советники» не будут изгнаны из окружения короля.

Добрый парламент, как его называли, желал «исправить ошибки и недостатки в управлении королевством, если таковые будут обнаружены». Он заявил, что собрался «от имени общины

королевства» и обрушился на придворных — взяточников и торговцев, которые вступили в сговор, чтобы присвоить государственные средства. Они были отстранены от должностей и вынуждены предстать перед судом палаты лордов. Несколько человек бежали из страны, остальные были смещены, заключены в тюрьму или лишены собственности. Это было первой проверкой эффективности палаты общин, которая показала себя способной на неожиданные действия, но это событие не говорит о появлении какой-то народной свободы, потому что палата общин с таким же успехом могла отвергать требования крестьян и рабочих. На следующий год она ввела подушный налог, который в равной мере внушал страх и ненависть. Члены парламента были озабочены интересами только своей «общины» королевства.

Черный принц умер во время заседаний Доброго парламента, а его отец скончался годом позже, в 1377-м. Говорили, что Алиса Перрерс сняла все кольца с его пальцев, когда он лежал на смертном одре во дворце Шин, но, возможно, это всего лишь поучительная история. От его славы победителя Франции уже почти ничего не осталось. Эдуард не достиг желаемого, но за время его пятидесятилет-

него царствования в самой Англии установилась более согласованная или, по крайней мере, более организованная государственная жизнь.

Еще одно последствие его правления не менее важно. Ранние победы Эдуарда III при Слёйсе и Креси и захват Кале повысили национальное самосознание. Народ могли не волновать притязания Эдуарда на французский трон, но они понимали силу оружия против «чужаков». Новости о битвах читали на рынках и с церковных кафедр, они быстро распространялись по всей стране. Теперь дела в стране вели английские купцы, а не итальянские или немецкие. В порту Гулля, к примеру, в 1275 году английские торговцы шерстью имели всего 4 % экспорта, тогда как в 1330-м в их руках было почти 90 %.

«Я не могу понять всего этого, — замечает один персонаж из „Видения о Петре-пахаре“, — ты должен повторить мне это по-английски». Стоит отметить, что Чосер начал свою поэтическую карьеру при дворе Эдуарда III. Его первые стихи были написаны на придворном французском, но сила родного языка победила литературный консерватизм поэта; теперь Чосер прославлял мощь разговорного и письменного английского как достойного сравнения с классическими языками.

В «Троиле и Хризеиде» (Troylus and Chryseide**)** и в особенности в «Кентерберийских рассказах» он создал или использовал язык, способный на самые великие лирические взлеты и на самые вульгарные комические эффекты. Этот язык уже стал языком Шекспира. За время жизни Чосера английский заменил французский в качестве языка, на котором учили в школе, и за время правления следующего суверена он стал языком двора.

Росла и человеческая изобретательность. Во время правления Эдуарда III в Англии появились первые механические часы. Это не менее значительный признак отхода от феодального, сезонного мира, чем изобретение длинного лука и уменьшение количества сервов. Первое упоминание о лебедке, работающей в порту, относится к 1347 году.

24
Ночные школы

В царствование Эдуарда III в церкви произошло самое большое потрясение с тех времен, когда святой Августин установил превосходство римской церкви над англосаксонской в конце VI века. За следующие 800 лет церковь стала частью системы управления Англией, приняв на себя всю ответственность и все опасности, которые это предполагает. Церковь разбогатела. Она оставалась сильной, а высшее духовенство занимало ведущие посты в администрации короля. Епископы фактически были королевскими служителями, их отбирали и продвигали в сложной иерархии государственной службы; у них были свои армии рыцарей и вассалов, иногда они водили эти армии в битву.

Церковь к тому времени была самым крупным землевладельцем в стране и, таким образом, самым крупным работодателем. В ней все еще можно было обнаружить набожных и посвящающих свою жизнь Господу прелатов, но большинство священнослужителей нашли свой путь

к мирской жизни. Епископы и аббаты по большей части жили в богатстве и роскоши. Монахи рангом пониже также жили в комфортабельных условиях, а их повседневные обязанности молиться и изучать науки сменились более привычными псовой или соколиной охотой. Они играли в азартные игры и пили; часто у них даже были женщины, если они не предпочитали им мальчиков.

Светское духовенство, более известное как приходские священники, часто было не слишком образованным. Они могли обрабатывать землю и собирать урожай вместе со своей паствой. Они жили на земле. Без сомнений, многие предлагали своей пастве духовное утешение и с полным тщанием совершали священные таинства, но иные не могли служить хорошим примером. Они открыто жили со своими служанками и пренебрегали своими обязанностями. Такие священники чаще появлялись на рынках и в пивных, чем в своей церкви. Жители Солтэша в Корнуолле, например, жаловались на своего приходского священника декану Виндзорского аббатства. «Он словно глухой, — писали они, — и не может выслушать исповедь, а только ругается с теми, кого исповедует; он раскрывает тайну

исповеди, потому что напивается и рассказывает, что ему говорили прихожане… Он торгует таинствами и отказывает в последнем соборовании умирающим, когда его об этом просят».

Во времена голода и чумы религиозность людей, проявлявшаяся в личной молитве и умерщвлении плоти, конечно, становилась более печальной, но и более страстной. Немного позднее среди грамотных людей большую популярность приобрели руководства по чтению молитв. Они не ставили под сомнение авторитет церкви. Значение этого института считалось само собой разумеющимся, но благочестивым людям требовались новые пути к достижению блаженства. Некоторые задавались вопросом о происхождении богатства церкви; например, были рыцари и лондонские купцы, возражавшие против вмешательства священников во все сферы социальной и экономической жизни. На парламенте 1371 года они заявляли, что у духовенства следует отнять земли и передать их в общественное пользование.

Жизнь и карьера Джона Уиклифа хорошо вписываются в этот контекст. Прежде чем стать главой Баллиол-колледжа, он сам состоял в святом братстве Мертон-колледжа Оксфордского

университета. Он был доктором теологии и в этой профессии заработал великолепную репутацию и как преподаватель, и как автор. Он стал известен как «украшение Оксфорда», и многие современники считали Уиклифа «величайшим священнослужителем из всех ныне живущих». Он получил две «бенефиции» — два сельских прихода, которые никогда не посещал, но с которых получал доходы. Также Уиклиф привлек внимание королевского двора, и за службу короне ему была пожалована рента.

Он был полезен некоторым придворным, среди которых был Джон Гонт, первый герцог Ланкастер и третий сын короля, открыто презиравший богатство и привилегии духовенства. Уиклиф демонстрировал истинное отвращение, которое разделяла часть аристократов и большинство джентри, к мирским владениям церкви. Но он был ученым, который высказывал свою точку зрения, легкомысленно не обращая внимания на то, что происходило в мире вокруг него; он следовал за светом — или блуждающим огоньком — мысли, куда бы она его ни заводила. Он писал на университетской латыни, и в книгах, названия которых можно перевести как «О евхаристии» (De Eucharistia) и «О власти папы» (De potestate

рарае**),** разоблачал притязания и развращенность церкви. Разумеется, тогда не было никаких печатных станков, чтобы распространить его книги, поэтому их старательно переписывали вручную.

В своих трактатах Уиклиф продвигал идею о важности Священного писания и предполагал, что Слово Божие гораздо важнее торжественной иерархии церкви. Он верил в предопределение, согласно которому выбор уже сделан самим Господом. Уиклиф не видел никакой нужды в сложной машине церковной власти, которая просто встает между отдельной душой и ее создателем. По его учению, источником благодати и милосердия на этой земле является король, а не папа и его епископы. В итоге Уиклиф объявил папу Антихристом, а монахов — отвратительными паразитами. Также он поносил почитание святых как идолопоклонничество.

Еще более значительным было то, что Уиклиф отрицал таинство преосвящения, благодаря которому хлеб и вино во время мессы чудесным образом превращаются в плоть и кровь Христову. Его враждебность по отношению к духовенству была достаточно типичной для того времени, но возражения против евхаристии навлекли на

него обвинения в ереси. Его называли порочным червем, сеющим зерна схизмы.

Точно неизвестно, есть ли хоть одно слово в предполагаемой «Библии Уиклифа» — первом полном переводе Священного писания на английский язык, — которое действительно была написано им самим; скорее эта работа была проделана его последователями из Оксфорда, но они, несомненно, двигались в указанном им направлении. Уиклиф хотел, чтобы между людьми и Словом Господа не было посредников в виде священников. В особенности он желал познакомить с Библией тружеников полей. Пахарь должен был иметь возможность услышать Слово Божие. Также он должен был быть в состоянии истолковать это слово, исходя из своего опыта и необходимости. Именно здесь церковь проводила границу, за которую нельзя заходить. Сам святой Петр сказал: «Никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою». (2 Петр. 1:20).

Уиклифа никогда ни в чем не обвиняли и не пытались обвинить, ему было позволено удалиться на покой в дом приходского священника в Латтерворте, где он мирно продолжал свои научные изыскания. Но ему фактически заткнули рот. В следующем веке, по приказу папы, его останки

были выкопаны и сожжены. Но в 1370-х годах не существовало никакого официального органа по борьбе с ересью. Также малоизвестно, что на самом деле в то время полагали: защита от нее не является необходимостью. Еретиками были странные одержимые, приплывшие откуда-то из-за моря, такие как катары из Лангедока или вальденсы из Лиона. Они не были и не могли быть англичанами.

Университетская доктрина, провозглашенная Уиклифом, вскоре была подхвачена популярными проповедниками и сектантами, которых радовали его нападки на папу и разрушение столпов святости. Это учение обсуждалось на маленьких собраниях, которые называли «ночными школами». Его последователи стали известны как лолларды — слово произошло от нижненемецкого слова *lollen* или *lallen*, означающего «петь». Неофициальная группа оксфордских ученых, собравшаяся вокруг Уиклифа, могла преподавать свои уроки очень восприимчивой аудитории, но эту связь между учениками и учителями теперь уже сложно проследить. «Они не представляют собой ничего, — писал один враждебно настроенный современник, — кроме воплощения принципа смирения: склоненная

голова, старая одежда, притворный пост; они прикрываются простотой слов, утверждая, что сгорают от любви к Богу и ближнему своему».

Сгорали они от любви или нет, но движение лоллардов, которые использовали аргументы Уиклифа и даже добавили к ним свои, все ширилось. Святыни были просто мертвыми символами. Не было другого мучения, кроме самой земной жизни, поэтому месса по умершим не имела никакой ценности. Хлеб не мог стать святее от того, что над ним бормочет священник. Исповедь могла быть эффективной, только если священник преисполнен благодати, а такого было днем с огнем не сыскать. Молитвы могли помочь усопшим не больше, чем дыхание человека может надуть паруса корабля. Паломничества не служили никакой цели: ни небесной, ни земной. Что представляет собой епископ без богатства? Это *Episcopus Nullatenus* — «епископ ниоткуда». Святой Фома Кентерберийский[44] заслуживал ада уже за то, что наполнил церковь материальными ценностями. Папа — это старый кобель, который

[44] Примечания: 44
Имеется в виду Томас Бекет. — *Прим. ред.*

сидит на водах многих с чашей яда в руках[45]. Куда больше выгоды можно получить от кружки эля, чем от четырех евангелистов. Некоторые выдвигали и более эксцентричные утверждения. Например, некий лоллард Уильям Уэйкхем считал, что земля находится над небом.

По-видимому, лолларды процветали в городах и около торговых путей между городами. Их вера была верой купцов и ремесленников, а не фермеров или крестьян. Таким образом, они были сильны в Лондоне и Бристоле, в Ковентри и Лестере. Мы говорим о сотнях, а не о тысячах последователей. Как бы то ни было, они существовали и в последующие царствования навлекли на себя королевскую немилость.

Уильям Смит из Лестера был калекой, который стал одним из первых приверженцев новой секты и основал школу в часовне Святого Иоанна Крестителя неподалеку от лепрозория в Лестере. Он не ел ни мяса, ни рыбы, не пил ни пива, ни вина, ходил босиком. Он сам научился читать и писать. Однажды вечером он и несколько его

---

[45] Примечания: 45

Аллюзия на Откровение Иоанна Богослова, глава 17, стих 1–4, где говорится о вавилонской блуднице, «сидящей на водах многих» и держащей «золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее».

учеников, сидя на местном постоялом дворе, ощутили голод. У них был запас овощей, собранных на полях, но не было огня, чтобы их приготовить. Тогда Уильям Смит вспомнил о деревянной иконе святой Екатерины, которая лежала в углу часовни. «Слушайте, друзья, — сказал он, — Господь обеспечил нас топливом, чтобы разжечь огонь; эта икона будет священным топливом. От топора и огня она претерпит еще одно мученичество и, возможно, из-за жестокой боли рано или поздно войдет в Царствие Небесное». Он взял в руку топорик и добавил: «Давайте посмотрим, настоящая ли это святая. Если она настоящая, то икона начнет кровоточить. Если нет, то мы вполне можем разжечь огонь и приготовить на нем еду». Это отражает настоящий дух лоллардизма, отвергающего изображения святых как бессмысленные идолы. Обычные люди, ставшие свидетелями этого происшествия, были шокированы и о словах Смита сообщили властям города. Ему было велено пройти босым и без головного убора крестным ходом от церкви Святой Марии в Лестере. В правой руке он должен был держать изображение святой Екатерины и преклонять колени в начале, в середине и в конце пути. Церемония должна была повторяться во время

субботнего рынка в городе.

Впрочем, не все, кто принадлежал к новой вере, были бедны или невезучи. Сир Лоуренс из Сент-Мартина, мировой судья, шериф и депутат парламента от Уилшира, весной 1381 года побывал на пасхальной службе и получил причастие; он не проглотил облатку, а сжал ее в кулаке. Он принес ее домой и разделил на три части. Одну он съел с устрицами, другую — с грибами, а третий кусочек проглотил с вином. Его грех был замечен и получил огласку. Сира Лоуренса обязали приносить публичное покаяние каждую пятницу до конца его жизни; он должен был преклонять колени у каменного креста, на котором было вырезано изображение его греха. Также его освободили от должности шерифа. Конечно, всегда были неверующие, и уже в 1200 году приор аббатства Святой Троицы в Олдгейте предполагал, что «есть много людей, которые не верят в то, что Господь существует, и в то, что человеческая душа продолжает жить после смерти тела. Они считают, что вселенная всегда была такой, как сейчас, и управляется волей случая, а не Провидением».

Другие заходили в своей ереси не так далеко. Некоторые рыцари и аристократы признавали только отдельные элементы нового учения. Не-

которые из них посещали проповеди лоллардов, вооружившись мечом и щитом, чтобы защищать проповедника от оскорблений собравшихся вокруг. Этих людей нельзя назвать еретиками в полном смысле слова; они куда больше интересовались нападками Уиклифа на духовенство и богатством церкви. Некоторые действительно искренне уверовали и приняли участие в широком движении мирян, известном как *devotio moderna*, которое сосредоточилось на внутренней жизни духа и любви отдельной личности к Богу.

В начале XV века собор духовенства, или генеральная ассамблея церкви, обратился к парламенту с просьбой принять меры против лоллардов. Они по-прежнему оставались маленькой сектой, но число последователей росло. Лолларды находили аудиторию среди недовольных, и духовная власть беспокоилась о возможных последствиях. Поэтому в 1401 году был выпущен акт против «некой новой секты, которая надругалась над Святыми Дарами и узурпирует кафедру проповедника». Лоллардов обвиняли в подстрекательстве к восстанию и мятежу. Епископам дали власть арестовывать и заключать в тюрьму любых нарушителей. Если они не отрекались от своих богомерзких верований, то могли

кончить жизнь на костре, «на высоком месте» перед собравшимся народом. Впервые сожжение заживо стало высшей мерой наказания за ересь. В следующем веке оно станет одним из самых популярных смертных приговоров в Англии.

Первым был казнен лондонский капеллан Уильям Сотре, который заявил, что хлеб после святой мессы остается всего лишь хлебом. 26 февраля 1401 года в Смитфилде его засунули в деревянную бочку и бросили в огонь.

В чем Уиклиф и лолларды предугадали общую религиозную Реформацию XVI века? Без сомнения, их доктрина была близка к некоторым учениям, которые позже проповедовали и лютеране, и кальвинисты. Протест против папы и церковной иерархии, отрицание таинства преосвящения, отказ от молитвы перед иконами и растущее значение перевода Библии на родной язык — все это варианты отречения от католической церкви. В XIV веке эти взгляды разделяло меньшинство. Они не распространились на бóльшую часть населения и отрицались многими людьми. «Чувствую запах лолларда на ветру», — такие слова говорит один из паломников в «Кентерберийских рассказах». Должен был сложиться другой ряд случайных обстоятельств

и собраться другой круг лиц, чтобы могла быть реформирована христианская вера в Англии.

В XIV веке религия подавляющего большинства англичан оставалась полностью традиционной и хорошо знакомой. Не было никакого желания перемен и ощущения конца. Церковь была частью жизни, такой же всеохватывающей и неизбежной, как погода. Англия в любом случае была островом святости, где культ местных святых поддерживался начиная с XII века, когда семнадцать мужчин и женщин были причислены к их лику.

Англия была страной, где церкви строились в стиле, известном как перпендикулярный, или вертикальный. Это была исключительно английская архитектурная форма, которая расцвела в царствование Эдуарда III. Как Чосер, который предпочел английский язык французскому, так и великие строения второй половины XIV века сменили французскую лучистую и пламенеющую готику. Величайший из английских архитекторов того времени Генри Йевель умер в один год с Чосером; его покровитель Джон Гонт был и покровителем поэта, так что можно провести некие параллели. Йевель работал в Виндзоре, Вестминстере, Кентербери, Дареме и соборе Святого Павла, а также руководил строительством мно-

гих замков, часовен и соборов по всей стране.

Перпендикулярная готика была полностью национальным, уникальным стилем, который впервые был применен при строительстве собора в Глостере. Король учредил его во время работ по перестройке Виндзора. Этот стиль стал образцом для множества приходских церквей и доминировал до конца Средневековья в Англии. Перпендикулярный стиль прост и упорядочен, в небо словно взлетают каменные стрелы. Тонкие пилястры и высокие арки создают просторное и величественное помещение. Всегда подчеркивается вертикальная линия. Мгновенно возникает эффект простоты и царственности. Это суровый и аскетический стиль, на который, возможно, повлияло скорбное настроение в стране после пришествия Черной смерти. Слишком изысканные украшения больше были не в моде; как доказывает неф Кентерберийского собора, акцент делался на общем впечатлении, а не на отдельных интересных деталях. Так проявлялось стремление к гармонии.

9000 приходских церквей по всей Англии были центром деятельности общин, где организовывалась жизнь и увековечивалась смерть. Церковь была местом, где прихожане крестились, жени-

лись или выходили замуж и где их хоронили. Королевские указы сообщали в церкви, там же, в нефе, проходили местные собрания и проверяли местные счета. Здесь в сундуках с замками хранилось и ценное имущество общины. Внутри стен с изображениями святых и апостолов разрешались споры и заключались сделки. Скульптуры ангелов и святых смотрели с готической крыши вниз на скопление людей. В каждой церкви была своя пивоварня, где изготавливали «церковный эль». Многие прихожане вступали в церковные гильдии, с помощью добровольных пожертвований которых алтарь или боковой придел поддерживались в надлежащем состоянии. В дни крестных ходов прихожане дружно ходили вокруг церкви, иногда их засыпали цветами и неосвященными облатками, которые называли поющими хлебами. Церковный двор по воскресеньям использовали как рыночную площадь, а также для таких состязаний, как борьба и футбол. Но одновременно это место было святым и даже пугающим. Ключ от церковных дверей считался лучшим средством от бешеных собак, а звон колоколов изгонял демонов, скачущих на громе и молнии. Церковная литургия таила в себе магию, иногда те, кто принимал причастие, сохраняли

облатку: освященный хлеб использовали, чтобы излечить порчу или бороться с ведьмами.

Месса была частью деревенской жизни; когда она творилась в алтаре за крестной перегородкой, люди обменивались сплетнями, зевали и шептались. За алтарем следил приходской священник, в то время как содержание нефа было обязанностью прихожан. Крестная перегородка, разделяющая неф и алтарь, представляла собой изукрашенную деревянную панель, на которой писали или вырезали изображения распятия или Судного дня. Служба сопровождалась постоянным бормотанием голосов и случайными смешками, за исключением священных моментов литургии. Проповедей, если они вообще имели место, было очень мало, а кафедры проповедников встречались еще реже.

Собаки и куры бродили между людьми, стоящими или коленопреклоненными на камышовых или соломенных циновках, положенных на земляной пол. Иногда прихожане переходили с места на место, разглядывая статуи Святой Девы или святых. В XIII веке были попытки усадить прихожан, но скамьи стали привычным предметом церковного интерьера только в XV веке. Часто случались споры из-за статуса: кто должен

первым идти к причастию? Кое-кто из паствы играл в шахматы или даже в кости. Женщины брали с собой рукоделие. Прямо во время мессы могли возникнуть споры, которые порой переходили в драки. Вора, залезающего в чужой карман, могли поймать за руку. Так проходила кипучая и бурная религиозная жизнь XIV века — времени, когда земля и небо были неразделимы.

25
Беспорядки

Когда Ричарда Бордоского короновали как Ричарда II, ему было десять лет. Он был сыном Черного принца и, таким образом, наиболее близок по крови покойному королю. Летом 1377 года его привезли в Вестминстерское аббатство, разодетого в голубой шелк, расшитый серебром, и он лежал навзничь перед алтарем, пока хор пел литанию. К концу длинной церемонии мальчик был утомлен, и его отвели в частные покои в Вестминстере, где он мог отдохнуть. На следующее утро прелаты и магнаты собрали великую ассамблею, чтобы избрать из своего числа двадцать четыре человека, которые должны были войти в совет управления государством. Можно было подумать, что старший из оставшихся в живых дядей юного короля Джон Гонт воспользуется случаем и возьмет верх, но, удостоверившись, что его сторонники вошли в совет, герцог Ланкастер вместе со своими последователями удалился в замок Кенилворт. Возможно, он ждал, как будут развиваться события.

Мальчик-король получил корону в то время, когда вокруг все недовольно роптали. Возникший после эпидемии чумы недостаток рабочей силы означал, что крупные землевладельцы попытаются заставить своих несвободных арендаторов работать так много, как только можно; закон, запрещающий какое-либо увеличение жалованья, хотя и был эффективен только отчасти, вызывал многочисленные жалобы. Всеобщее недовольство росло и из-за повышения налогов: нестабильные отношения с Францией требовали, чтобы в стране постоянно имелись военные ресурсы. Всего за несколько дней до коронации войска короля Карла V разграбили Рай и сожгли Гастингс.

Первая проверка юного короля на прочность произошла только четыре года спустя, когда он столкнулся с самым масштабным восстанием в истории Англии. На собрании парламента в ноябре и декабре 1380 года в Нортгемптоне по палате общин распространился «скандально известный» слух об «ужасной вещи», случившейся в Йорке: группа повстанцев, вооруженных мечами и топорами, вломилась в городскую ратушу и выгнала мэра. Они протестовали против размера налогов, наложенных на них королевским судом.

Как бы то ни было, собравшийся в Нортгемптоне парламент утвердил подушный налог, размер которого повысился втрое. Этот налог за четыре года собирали в третий раз. Подушный налог означает буквально налог с каждой «души» или головы, он являлся совершенно несправедливым видом налогообложения, потому что платить его должны были и богатые, и бедные, при этом у более состоятельных людей были средства и возможности от него уклониться, поэтому наибольшим грузом налог ложился на бедноту. Вслед за его введением последовало — что было вполне естественно — широко распространившееся недовольство, и в наиболее неспокойные районы послали судейских чиновников, чтобы они проследили за сбором налога. При этом те, кого откомандировали в Лондон, отказались выполнять эту неприятную обязанность, имея на то весьма веские причины: такая работа стала слишком опасной.

Первыми налог отказались платить жители Эссекса; 30 мая 1381 года в Брентвуде на королевского чиновника напали и выгнали его из города. Бунт быстро распространился на Кент, Суффолк, Норфолк и Хартфордшир, охватив 340 деревень. Уместно отметить, что эти графства сильнее

других пострадали от чумы, то есть являлись территориями, которые с большей вероятностью ощущали на себе экономическую нестабильность и ненадежность как следствие высокой смертности. Изменения в средневековом обществе всегда выбивали из колеи. Также в Эссексе и Кенте законы о жалованье рабочих выполнялись особенно строго. Именно в этом и только в этом были причины восстания.

Бунтовщики в Кенте заняли Кентербери и освободили всех заключенных, которые содержались в тюрьме архиепископа. Среди них был и священник, получивший известность как Джон Болл. Далее восставшие сожгли свитки, где были зафиксированы ставки налогов. На следующий день толпа выломала ворота тюрьмы Мейдстоуна и освободила заключенных. У них уже был боевой клич: «Джон Болл приветствует вас всех и сообщает, что уже ударил в ваш колокол».

Движение опасно разрослось, когда 11 июня повстанцы из разных регионов сговорились отправиться в Лондон — город, из которого шли все их неприятности, дом для юристов и королевских чиновников. По различным оценкам, примерно 30 000 человек двинулись в путь. Жители Кента, самые ожесточенные, шли на север, в то время

как жители Эссекса шли с востока, а повстанцы из Хартфордшира — с севера. Последние разбили лагерь в Хайбери, тогда как люди из Эссекса остановились и ждали в Майл-Энд. Именно в этот момент они узнали, что по всей Англии вспыхнули восстания. Бунтовали в Норвиче и Сент-Олбансе, в Винчестере и в Йорке, в Ипсвиче и Скарборо.

Люди из Кента под предводительством Уота Тайлера, или Уота-кровельщика, собрались 12 июня в Блекхите. Из соображений безопасности король укрылся в лондонском Тауэре, но 13 июня он и его самые доверенные советники согласились встретиться с предводителями бунтарей на пустоши. Королевская партия на четырех шлюпках поплыла по Темзе, чтобы пристать к берегу в Ротерхите, но на южном берегу реки собралось слишком много повстанцев, так что высаживаться было небезопасно. Теперь молодой король мог ясно слышать ужасные вопли и крики, эхо которых скоро докатится и до улиц Лондона. Хронист писал, что восставшие «производили так много шума, что казалось, сам дьявол присоединился к их компании». Шлюпки вернулись в Тауэр.

Королевское отступление вдохновило бунта-

рей. Тайлер повел своих людей на город. Они штурмовали тюрьму Маршалси в Саутуарке и выпустили всех заключенных. Другая группа сожгла налоговые записи в Ламбетском дворце. Затем повстанцы двинулись по Лондонскому мосту. Жители города отказались закрывать перед ними ворота; они относились к делу бунтарей с симпатией. Они тоже страдали от королевских податей, взимаемых ради непопулярной войны. Толпа заполонила Флит-стрит, открыла ворота Флитской тюрьмы и разорила квартал юристов Нью-Темпл. Вдохновленные этим примером лондонцы сожгли резиденцию Джона Гонта (Савойский дворец) и убили множество его людей. Гонта особенно ненавидели как одного из самых влиятельных людей в Англии при несовершеннолетнем короле.

Молодой король наблюдал за грабежами и поджогами из окна Тауэра и спросил, что теперь следует делать. Никто не знал. Но в свои четырнадцать Ричард был достаточно взрослым, чтобы думать самому: он поехал в Майл-Энд и обратился к бунтовщикам. Он надеялся выдавить их из города в восточные пригороды и таким образом позволить двору и слугам выбраться из Тауэра. Он добился лишь частичного успеха.

В пятницу 14 июня король совершил короткое путешествие в Майл-Энд верхом. Его сопровождали мэр Лондона Уильям Уолуорт и несколько придворных рыцарей. Ричард уже продемонстрировал личную храбрость, вполне достойную короля. Когда королевская партия приблизилась к бунтовщикам, те пали на колени и некоторые из них закричали: «Добро пожаловать, король Ричард! Мы не желаем никакого другого короля, кроме тебя!» Тогда Ричард спросил, чего еще они хотят. Они хотели наказания «предателям», под которыми имели в виду чиновников, душащих народ налогами и обирающих его без меры. Они хотели смещения правительства подлецов. Король ответил, что отдаст им любого человека, которого подозревают в измене согласно закону. Это был удобный ответ, позволяющий пойти на попятную. Еще повстанцы требовали освобождения всех сервов и сдачи земли в аренду по четыре пенса за акр (0,4 гектара). Ричард согласился на эти предложения. Некоторые «предатели», впрочем, уже понесли наказание. Группа бунтарей в отсутствие короля добралась до Тауэра и выволокла оттуда архиепископа Кентерберийского и других укрывающихся там чиновников. Все они были обезглавлены на Тауэр-Хилл, на месте

публичной казни.

В этой двухнедельной буре пролилось еще больше крови. Жители Лондона и пригородов сталкивались с группами повстанцев. Те спрашивали: «Ты с кем?» Если встреченные не отвечали «С королем Ричардом и народом», их избивали или даже обезглавливали. Бунтари заявили, что не потерпят короля по имени Джон — явная отсылка к Джону Гонту. По всей Англии разоряли поместья лордов, убивая их обитателей. Юристов и судей хватали, а налоговые записи сжигали. В этом плане показательны протоколы одного манориального суда; в заголовке документа можно прочитать *curia prima podt rumorem et combustionem rotulorum* — «первый суд после бунта и сжигания свитков».

Война и чума сделали свое дело. Примерно в то же самое время в XIV веке народные восстания произошли и в соседних странах. Во Фландрии народ пошел против своего графа Людовика и вышвырнул его из страны; во Франции была Жакерия — волна бунтов и кровопролитий в Париже, Руане и прилегающих землях. Во Флоренции народное восстание чесальщиков шерсти и других рабочих, так называемых чомпи, разрушило политическую структуру города.

15 июня, наутро после приезда в Майл-Энд, Ричард встретился с восставшими в Смитфилде. Уот Тайлер ждал его во главе 20 000 бунтовщиков. Как только Тайлер увидел Ричарда, он подъехал к нему на коне и начал переговоры. В этот момент могло создаться впечатление, что Тайлер угрожает королю или, по крайней мере, ведет себя неуважительно. Он начал играть с кинжалом, а потом как бы невзначай положил руку на узду королевской лошади. Тут, испугавшись предательского удара, мэр Лондона вонзил короткий меч в горло Тайлера. Тяжело раненный Тайлер ускакал прочь, и его забрали в больницу Святого Варфоломея неподалеку от Смитфилда.

Повстанцы были шокированы и разозлены из-за случившегося; некоторые из них подняли свои луки. Молодой король галопом поскакал к передней линии лучников. «Что вы делаете?! — закричал он. — Тайлер был предателем. Идите за мной, я буду вашим лидером!» Он повел их за собой на север, в Айлингтон, где мэр собрал 1000 вооруженных людей. Было похоже, что восставшие угодили в тщательно расставленную ловушку. Лидеры упали на колени и молили о помиловании. Некоторые придворные хотели наказать их на месте, но король поступил мудро и

не разрешил этого делать. Он приказал повстанцам вернуться в свои дома и запретил любым чужакам проводить ночь в городе. Вскоре после этого Тайлера привезли из больницы Святого Варфоломея и обезглавили в Смитфилде.

Несколько дней спустя Ричард отозвал хартию о свободах, которую пожаловал толпе в Майл-Энд, на основании того, что обещания вырвали у него силой. Он отправился в Эссекс, чтобы посмотреть на последствия теперь уже подавленного бунта. Группа крестьян обратилась к нему с просьбой оставаться верным клятвам, которые он дал им несколько дней назад. Его ответ, как писал один из современных Ричарду хронистов, стоит того, чтобы его увековечить, потому что в нем раскрывается характер короля. «Вы, жалкие твари, — сказал король, — отвратительны как на земле, так и на море. Вы хотите быть равными с лордами, но недостойны того, чтобы жить. Передайте своим приятелям следующее: смердами вы были, смердами всегда и будете. Вы останетесь в оковах, не таких, как раньше, но куда более суровых. Ибо пока живы, мы будем стремиться подавить вас, и ваши несчастья станут примером для следующих поколений». Позднее в том же году был созван парламент, на котором внесли

предложение уничтожить крепостничество. И палата лордов, и палата общин единодушно проголосовали против любых подобных действий, поскольку на кону стояли их интересы как землевладельцев. Это событие окончательно подвело итог восстанию.

На некоторых территориях, таких как упорствующее в неподчинении графство Эссекс, наказания были суровыми. Лидеры восставших были обезглавлены. Джона Болла арестовали в Сент-Олбансе, где его подвесили, вспороли живот, вынули все внутренние органы, а затем четвертовали. Уота Тайлера казнили еще раньше. После своей гибели они оба вошли в память народа как герои. В других же регионах страны реакция властей была более умеренной, чем можно было ожидать. Ясно, что они не желали подливать масла в огонь, поскольку ситуация все еще оставалась опасной.

Неудачное восстание позднее назвали «крестьянским» бунтом, предполагая, что бунтари относились именно к этому слою общества. Но записи судов показывают, что участники в основном были лидерами деревень, в своих районах занимали посты бейлифов, констеблей и заседали в качестве присяжных. Можно утверждать,

что эти люди участвовали в восстании не по воле случая и не из корысти, а действительно имели весомые поводы для недовольства. Разумеется, они протестовали против судейских комиссий, учрежденных для того, чтобы собрать подушный налог, но также они возражали против коррупции в судах местных магнатов. Ордонансы и статуты, касающиеся трудящихся и принятые после чумы, в существенной степени изменили роль закона. Он больше не был инструментом общественного правосудия, но вместо этого превратился в машину взысканий, созданную для того, чтобы контролировать и угнетать низшие классы. Бунтовщики также возражали против требующей все больших расходов войны, за которую их вынуждали платить. Они обвиняли алчных землевладельцев. Они жестоко противостояли классу аристократов, которые мало интересовались тем, в каких условиях живут люди в деревне.

И, когда их просьбы и требования соединились вместе, возникло более обобщенное чувство протеста против условий жизни в XIV веке. «Эх, добрые люди, — говорил Джон Болл в проповеди, обращенной к повстанцам в Блекхите, — в Англии дела не пойдут хорошо, пока все не будет

общим и пока не станет ни вилланов, ни джентльменов. Эти джентльмены сидят в красивых домах, а нам достается только боль и труд, дождь и ветер в полях. Давайте пойдем к королю. Он молод. Давайте покажем ему, в каком убожестве мы живем».

Другие странствующие проповедники также обращались к древней теме равенства и справедливости, странствуя от прихода к приходу и обращаясь к крестьянам сразу после того, как они выходили из церкви; их основной мыслью было положение о том, что все, находящееся под небом, должно быть «общим». 13 июня — в тот день, когда королевские шлюпки перед лицом восставших повернули обратно к Тауэру, — был праздник Тела Христова, когда вся община считалась символом священного тела. В этот день в деревнях проходили празднества и шествия, когда Святые Дары с ликованием проносили по улицам и лугам каждого селения. Таким образом, бунтари в каком-то смысле провозгласили себя священными, выйдя на дороги. Они заявляли о святости своего братства. Священный хлеб изготовлен из множества зерен, а Христос — мельник.

В то время было объявлено, что Болл был по-

следователем Уиклифа и что сам лоллардизм является одной из причин мятежа. Поскольку это движение никак нельзя было назвать популярным, связь выглядит весьма и весьма натянутой. Но идеи изменений и преобразований витали в воздухе. Уиклиф учил, что право собственности опирается на милосердие и что ни один грешный человек не должен возвышаться над другими; эти теории ученого было несложно превратить в лозунги народа. Так, Болл в своей проповеди в Блекхите учил, что все люди созданы равными, а ранги и социальная иерархия являются изобретениями их угнетателей. Господь хотел, чтобы они вернули себе изначальную свободу.

Песни и острые выражения разлетелись после восстания, как искры от огня. «Джек Трумэн, знаешь ли ты, что ложь и вероломство правили слишком долго? Правду посадили под замок. Ложь правит любым стадом… Грех распространяется, как необузданный поток, настоящая любовь в изгнании, а духовенство повергло нас в горе ради своей наживы… Тот, кто делает плохо, в каком бы месте он ни находился, причиняет вред нам всем… По праву и по силе, с умением и с желанием, пусть сила поможет праву, а умение идет перед желанием, а право перед силой, только

так наша мельница будет работать правильно… Народ — это самый лучший цветок, который Господь когда-либо помещал в земную корону».

Последствия бунта были непростыми и даже пугающими. Хронист, записавший беды, случившиеся через одиннадцать лет после происшедших событий, отмечал, что «люди по всей Англии был уверены: вскоре грядет еще одно восстание». Более чем две сотни лет власти пуще всего боялись мятежей. Народный бунт мог повергнуть страну в годину невзгод. После 1381 года отдельные восстания действительно случались, чаще всего они происходили в виде отказов вносить арендную плату жестоким землевладельцам. Тем не менее, когда напряжение становилось невыносимым, предпринимались попытки умиротворить крестьян и как-то приспособиться к их требованиям. Никогда более — по крайней мере, до конца средневекового периода — правительство не вводило подушный налог. Медленное уничтожение крепостничества и растущее процветание тех, кто занимался физическим трудом, создавали ощущение свободы, которое выражалось в бунте. Это способствовало все большим изменениям древних феодальных законов.

За одно поколение значительно повысился уровень жизни сельскохозяйственных работников. Фактически жалованья росли, несмотря на попытки запретить такой рост законодательно, и по таким стихотворениям, как «Как пахарь учил „Отче наш“» (How the Ploughman learned the Paternoster), можно судить, что на столе у крестьян появились мясо, рыба и молочные продукты:

> *Ноябрь: в Мартынов день я режу свинью,*
> *Декабрь: на Рождество вино я пью*[46].

Продолжительность жизни также выросла. Историки моды отмечают, что в последние годы XIV века одежда стала ярче и роскошней, а ювелирные украшения — более броскими.

Сам король прошел испытание огнем. Он столкнулся с первым и последним народным восстанием в истории Англии и сумел с ним справиться. По его дальнейшему поведению можно судить, что благодаря этому его вера в себя и в божественную сущность королевского сана увеличилась как минимум вдвое. В пятнадцать

---

[46] Примечания: 46

November: At Martinmas I kill my swine / December: And at Christmas I drink red wine.

лет он был настоящим королем, одного только присутствия которого было достаточно, чтобы огромные толпы людей подчинялись его воле. Он был высоким молодым человеком — 1,8 метра ростом, со светлыми волосами и круглым, чем-то напоминающим женское лицом; у него были раздувающиеся ноздри, высокие скулы и тяжелые веки. В начале правления Ричарда Джон Гауэр описывал его как «самого красивого из королей» и «прекраснейшего из мальчиков». Возможно, подданные ему несколько льстили, но все хронисты того времени в один голос прославляли красоту Ричарда. Он выглядел соответственно занимаемому положению.

Тем не менее его манеру поведения считали очень грубой. Он начинал заикаться, когда был возбужден, и легко мог вспыхнуть от гнева. Ему будто не хватало уверенности в себе, и он всегда отстаивал свое королевское достоинство. Слова Ричарда, обращенные к повстанцам из Эссекса, независимо от того, действительно ли он произнес их или нет, характеризуют его в этом плане. Другие примеры его речей и поведения согласуются с ними. «Я король, — сказал Ричард одному графу, — и ваш господин. Я и дальше буду королем. Мое величие будет только расти,

несмотря на происки всех моих врагов». Его гнев, как и у любого из Плантагенетов, был ужасен. Однажды Ричард бросился с мечом на архиепископа Кентерберийского и заколол бы его, если бы тот не отступил. Один хронист, известный только как «монах из Ившема», описывал короля как экстравагантного в одежде и деспотичного по нраву; он боялся войны и предпочитал проводить ночи, «пируя с друзьями» и доставляя себе удовольствие «немыслимыми» способами. Это высказывание очень часто принимают за намек на возможную гомосексуальность Ричарда, но монаху очень многое могло казаться «немыслимым».

Ричард подчеркивал свое королевское величие, что для него означало заботу о соблюдении церемониала и страсть к спектаклям. Он любил изысканно одеваться. По одному случаю король надел костюм из белого атласа, на котором висели раковины мидий и других двустворчатых моллюсков, оправленные в серебро; его камзол был украшен апельсиновыми деревьями, вышитыми золотой нитью. Он обожал красоваться на турнирах, но вовсе не испытывал такого энтузиазма по поводу настоящих сражений. Один из родственников короля, Томас Ланкастер, позднее

заявлял, что «у него слишком тяжелый зад, он только все время хочет пить, есть, спать, танцевать и скакать». В средневековых текстах глагол «скакать» упоминается очень часто, причем нигде не объясняется, что же это означает. Согласно хронисту Фруассару, Томас Ланкастер также говорил, что «такая жизнь не годится для людей, носящих оружие, которые должны завоевывать славу своими деяниями и заставлять свои тела служить им».

В 1383 году молодой король заявил, что готов лично править страной. В начале предыдущего года он предусмотрительно вступил в брак с Анной, дочерью императора Священной Римской империи. И жениху, и невесте было по пятнадцать лет, и хронист описывал Анну как «крошечный образчик человечности». Теперь, полагаясь на поддержку родственников со стороны жены и на собственное могущество, Ричард почувствовал, что может выбирать себе советников за пределами узкого круга наследных лордов. Это пришлось не по вкусу его дядюшкам Джону Гонту и Томасу Вудстоку — герцогам Ланкастеру и Глостеру соответственно, — которые покинули двор в знак протеста против тех, кого они называли «дурными советниками». Ричард боялся Гонта

и Вудстока как возможных претендентов на трон и наполнил свой дом фаворитами. Новый король был щедр, раздавая замки, земли и титулы; он столько задолжал, что был вынужден оставить в залог английскую корону. Старые лорды, лишенные милости и даров, становились все более беспокойными. Повторялась знакомая история зависти и подозрений, которая наложилась на скрытную и чувствительную натуру короля. Двор снова стал небезопасным местом.

Весной 1383 года была предпринята дерзкая кампания по освобождению Фландрии от французов; командующим был Генри ле Диспенсер, епископ Норвича, который показал себя не слишком хорошим командиром. Со всем воинским пылом епископ бросил свои войска против фламандских городов, но его жертвами стали обычные горожане. Согласно одному сообщению, «мужчины, женщины и дети были изрублены в одной огромной сече». Возможно, епископ считал, что таким образом спасает их души. Его армия в конце концов была окружена и сдалась, хотя Диспенсер так ни разу и не атаковал французов. Казалось, король сам планировал в тот год вторжение во Францию, но перспективы увеличения налогообложения и нового народного

восстания отвратили его от этой мысли.

Еще одно военное поражение последовало через два года. Франция и Шотландия, старинные товарищи по оружию, страстно стремились провести совместную кампанию на севере Англии. Поэтому летом 1385 года Ричард II собрал армию, чтобы противостоять им. Он объявил феодальный призыв — последний такой призыв в английской истории, — и наиболее крупные магнаты были вынуждены на этот призыв откликнуться. Части английской армии встретились в Ньюкасле и двинулись на север, по пути к Эдинбургу сжигая монастыри, в том числе аббатство Мелроуз. Тем не менее, прибыв в столицу, король обнаружил, что шотландцев в ней нет: их армия отошла в горы. Некоторые из его командиров пытались заставить короля преследовать их, но он отказался. Зачем тащиться в пустынную сельскую местность, где невозможно найти ни еды, ни питья? Поэтому Ричард вернулся домой. Это было в высшей степени мудрое решение. Иногда не делать ничего — это самый лучший образ действий. Но такое возвращение не способствовало репутации короля как героя-воина. У него была возможность проявить себя повелителем войны, что, бесспорно, было королевским

качеством, но удача его оставила.

Фиаско только усилило отвращение молодого короля к войне. За время своего царствования он больше никогда не водил армии ни против французов, ни против шотландцев. Не было ни знаменательных битв, ни осад, ни взятых городов и замков. В любом случае английская казна больше не могла себе позволить оплачивать разорительные военные приключения.

Слухи о войне шепотом передавали из уст в уста весной и летом 1386 года. На побережье Фландрии собралась французская армия в 30 000 человек, ее сравнивали с греческой армией, которая взяла древнюю Трою. Людям в Рае, Сануидже и Дувре было приказано оставаться внутри городских стен, а замки, находящиеся у южного побережья, были укреплены и перевооружены. Жителям Лондона было приказано запасти такое количество съестных припасов, чтобы хватило на три месяца. Сообщалось, что некоторые лондонцы покинули город. Ричард и сам планировал еще одну атаку на Францию, но палата общин отказалась наполнить его сундуки. Угроза вторжения исчезла к концу года. Французский двор, как и английский, не имел средств содержать такую огромную армию так долго. Осень сменилась

зимой. Отвратительная погода стала еще одним препятствием. Англичане могли наслаждаться радостями мира.

В октябре 1386 года парламент, как это уже стало традицией, собрался в Вестминстер-Холле, но на этот раз Ричард приготовил сюрприз для его членов. Зал украшали огромные — выше человеческого роста — статуи прежних монархов; на собравшихся смотрели тринадцать королей: от Эдуарда Исповедника до самого Ричарда. Таким образом Ричард понимал королевское величие. Власть суверенов должна была подавлять тех, кто стоял ниже в их королевстве.

Но на практике это не работало. Палата лордов послала королю несколько петиций, которые были разработаны для того, чтобы ограничить его власть и злоупотребление ею. Его обвиняли в том, что он нарушает закон и не обращает внимания на слова своих преданных советников. Его осуждали за то, что он выбирает и награждает неподходящих людей; Ричард раздавал посты и земли, не спрашивая ни у кого совета, и принимал решения о помиловании насильников и убийц только для того, чтобы пополнить казну. Теперь, по крайней мере, было ясно, что он стал достаточно силен, чтобы сопротивляться влия-

нию самых уважаемых лиц в королевстве.

Делегация парламента посетила короля во дворце Элтам, поскольку сам Ричард отказался ехать в Вестминстер. Они потребовали отставки королевского канцлера Майкла де ла Поля, одного из новых людей, которым Ричард покровительствовал в ущерб старой аристократии. Король разозлился на собравшихся представителей палат общин и лордов, обвинил их в неверности и даже в измене. Он сказал им в своей резкой и агрессивной манере, что из-за жалоб парламента не собирается выгонять даже последнего кухонного мальчишку. Повсюду ходили слухи о заговорах и интригах. Ричард действовал тайными путями, самовольно, и люди шепотом рассказывали друг другу, что он задумал обезглавить своих самых благородных врагов.

Настало время для более значительного вмешательства. Томас Вудсток, герцог Глостер, прибыл в Элтам на еще одну встречу с Ричардом; его сопровождал Ричард Фицалан, одиннадцатый граф Арундел, влиятельный и опытный аристократ. Эти двое магнатов проинформировали короля, что в управлении Англией он не проявляет мудрости и нарушает законы. Они сказали, что король и благородные лорды всегда правили страной в

согласии; это высказывание только отчасти соответствовало истине, но лорды подкрепили свое заявление практически неприкрытой угрозой того, что королей иногда смещают. Не так давно это произошло с прадедом Ричарда II Эдуардом II. Перед тем как его зверски убили, неудачливый монарх был вынужден отречься от престола в пользу своего сына. Томас Вудсток, один из дядюшек Ричарда, мог и сам желать заполучить трон.

Ричард близко к сердцу принял слова об Эдуарде II. Девять лет спустя он обратился к папе с просьбой канонизировать своего предка как одного из величайших святых королей Англии. Без сомнения, он во многом соотносил себя со своим невезучим предшественником. Но зимой 1386 года ему пришлось пойти на компромисс с врагами. Королю был всего двадцать один год, и он не был полностью уверен в себе. Он еще не мог допустить противостояния с ними. Поэтому Ричард принял их требования. Король приехал в Вестминстер. Он согласился, что его хозяйство и придворные службы должны быть изучены и переданы под управление комиссии из аристократов и епископов. Майкл де ла Поль был смещен с должности и позднее заключен в тюрьму. Томас Арундел, епископ Или и брат Ричарда

Фицалана, занял его место лорд-канцлера.

Парламент никогда не имел такой власти, как в последние месяцы 1386 года, но не совсем правильно было бы превозносить его членов слишком высоко. Они не обязательно были патриотами своей родины, борющимися против тирана. Они были точно так же озабочены только своими интересами, как и король и его приближенные; в стихотворении того периода говорится, что они пребывали в замешательстве и не были уверены в своих действиях. Некоторые из членов парламента сидели «как ноль в арифметике, который место занимает, но ничего не значит». Некоторые брали взятки от королевских чиновников и других заинтересованных сторон, а некоторые были нахлебниками на окладе, которые рта не открывали без приказа. Некоторые мялись и бормотали себе под нос, а другие спали на заседаниях или запинались во время своих речей, толком не понимая, что хотят сказать.

Короля раздражали ограничения, наложенные на него парламентом, который вскоре стал известен как Замечательный. Комиссия получила власть на год; Ричард решил подождать и посмотреть, пока что собирая свои силы. Он обратился к лондонским олдерменам и шерифам графств, но в

ответ получил только двусмысленные заверения. Его притязания ожесточили их сердца. Тогда он созвал судей. Самые главные из них встретились летом 1387 года и постановили, что король может изменить или отменить ордонансы парламента по своей воле. Это фактически свело власть палаты общин и палаты лордов к нулю. Также судьи заявили, что те, кто пытается ограничить власть короля, могут быть наказаны как предатели, даже если формально они в измене не виновны.

Это грозило серьезными последствиями для королевских противников. Графов могли казнить, а их земли — конфисковать. Осенью конфликт продолжался, лорды отказались явиться к королю после того, как он их призвал. Граф Нортумберленд попытался вести себя как посредник между двумя партиями, но вскоре стало ясно, что для переговоров и компромиссов места не осталось. Поэтому в ноябре лорды взялись за оружие. Они подняли свою армию и 20 декабря 1387 года в битве у Темзы около Рэдкота нанесли поражение посланным против них войскам. Затем они отправились в Лондон, где Ричард нашел убежище в Тауэре.

Создается ощущение, что король был низложен на два или три дня, фактически отстранен от

власти, но к соглашению об имени его преемника прийти не удалось. При таком количестве соперников единственное, что можно было сделать, — это снова посадить на престол молодого короля, должным образом сдерживая и ограничивая его. Быть отстраненным от трона, пусть даже всего на несколько дней, — это было серьезным ударом для самоощущения Ричарда как короля. Его фактически лишили части собственной личности.

Ричард в самом деле согласился на требования лордов. Они взяли в свои руки ведение его хозяйства и уволили нескольких придворных. Некоторые были арестованы. После этого лорды созвали к 3 февраля парламент, где хотели разобраться с другими своими врагами. Существует описание открытого заседания, где лорды, разодетые в золотые одежды, взялись за руки и медленно приблизились к трону, на котором сидел король; затем они поклонились ему и вернулись на свои места. Этот парламент стал известен как Безжалостный.

Первыми жертвами аристократов стали те судьи, которые объявили их предателями. Верховного судью Роберта Тресилиана пытали и приговорили к смерти, тогда как другие служи-

тели суда королевской скамьи были наказаны изгнанием в Ирландию. Тресилиан нашел убежище в церкви Вестминстерского аббатства, но его вытащили оттуда и доставили в Тайберн. Толпа вырезала на теле судьи изображения дьявола и знаков зодиака, прежде чем ему перерезали горло, а тело вздернули на виселице. Так же было казнено еще семь сторонников короля.

Новое правление лордов было не слишком успешным. Палата общин надеялась, что смещение «дурных» советников короля приведет к финансовой и судебной реформе в королевстве. Но лорды разделились; они преследовали свои интересы, которые расходились с интересами палаты общин. Финансовое состояние страны не улучшилось, а жестокость членов различных партий по отношению друг к другу значительно усилилась. Не смогли аристократы добиться и военной славы; запланированное вторжение во Францию превратилось в несколько набегов на побережье. Королевство могло как следует управляться только королем. Собрание аристократов не было эффективным.

И Ричард нанес ответный удар. Зимой 1388 года король предложил выступить посредником между палатами лордов и общин. Великие лорды

фактически действовали без оглядки на закон и могли легко избежать правосудия. Они, как писал Ленгленд, «носили волчьи шкуры». Используя банды своих сторонников, они вели себя как местные тираны, подавляя простых людей. Ричард объявил, что ограничит пользование ресурсами своих вассалов, и мило попросил лордов последовать его примеру. Он применил политику «разделяй и властвуй» и представлял одновременно силу и готовность к согласию.

Весной 1389 года король объявил своему совету в Вестминстере, что он решил снова полностью взять на себя обязанности по управлению государством. Практически все члены совета с этим согласились. Ричард утверждал, что двенадцать лет им и его королевством управляли другие. Что же получилось в результате? Люди страдали под гнетом непомерных налогов, которые не приносили выгоды никому. Теперь ему уже исполнилось двадцать два года, и он будет править один.

В последние дни 1388 года королевскому сану Ричарда угрожали и едва его не уничтожили; теперь он заявил о себе более агрессивно и вызывающе. Система титулований изменилась. Палата общин адресовала свои петиции «его

светлости королевскому величеству», а не «справедливому и милосердному лорду», как это было раньше. Королевские слуги начали обращаться к королю «ваша светлость», «ваше величество» и «в присутствии его королевского величества». Ричард сказал одному рыцарю из Уорикшира, сэру Уильяму Баготу, что хотел бы, чтобы его запомнили как того, кто «восстановит свой высокий сан, королевские права и привилегии и благородное положение», и того, кто обеспечит, чтобы его исключительное право «почтительно выполнялось… как это было при правлении любого другого короля».

Он считал себя источником справедливости и порядка, образцом правителя, поэтому он был благосклонен к палате общин точно так же, как и к палате лордов. Они все были в равной степени его подданными. Меру его чувства собственного величия можно определить по тому, что двор Ричарда II был в три раза больше, чем у Генриха I. Осенью 1390 года король также начал набирать себе гвардию, которая в качестве эмблемы использовала изображение белого оленя, взятое с герба его матери. Все это образовывало единое целое с любовью Ричарда к пышным зрелищам и роскошным нарядам. Двор стал аре-

ной для всего этого великолепия. На некоторых банкетах и церемониальных приемах, которые проводились три раза в год и во время которых король надевал корону и сидел на возвышении на троне, наблюдая за всеми и ни с кем не разговаривая, он оставался неподвижен и при всех королевских регалиях напоминал живую скульптуру. «И если он бросал на кого-то взгляд, — писал один хронист, — этот человек должен был упасть перед королем на колени».

Чувство королевского достоинства Ричарда также связано с его набожностью. Господь был его единственным господином. Он часто посещал усыпальницы святых и учредил новые культы; он восхищался сообщениями и слухами о чудесах; он покровительствовал картезианцам и жертвовал богатства на реконструкцию церквей и аббатств. Существует живописное панно, известное как «Уилтонский диптих». На левой панели Ричард изображен коленопреклоненным, он одет в красную мантию, расшитую золотом, а вокруг него стоят Эдуард Исповедник (святой), Иоанн Креститель (святой) и король Эдмунд (святой и великомученик). На правой панели написана Мадонна с Младенцем, окруженные одиннадцатью ангелами. Один из ангелов дер-

жит в руке знамя святого Георгия. Таким образом Ричард отметил преемственность своего царствования в череде святых англосаксонских предков, объединенных общим стремлением к миру и возрождению нации. Король обозначил свою связь с памятью Эдуарда Исповедника, включив в свой гербовый щит герб мертвого короля. Могло даже показаться, что Ричард считал себя достойным канонизации.

Известно, что чрезмерная вера в свое превосходство может превратиться в тиранию. Летом 1397 года Ричард пригласил к обеду графа Уорика, а после трапезы приказал его арестовать. Услышав об этой новости, граф Арундел согласился сдаться сам. Затем король со своими вооруженными вассалами поскакал в замок Плеши в Эссексе, который принадлежал Томасу Вудстоку, герцогу Глостеру. Глостера разбудили, а потом племянник лично арестовал своего дядюшку. Ричард организовал спешный арест этих трех великих лордов на основании того, что они плели против него заговор. Возможно, он также припомнил старые обиды, поскольку именно эти три человека подняли против него бунт и на время отстранили от престола в Тауэре. Теперь король считал себя достаточно сильным, чтобы их уничтожить. Он

доказывал свою зрелость с помощью мести своим старым противникам.

Хронист Томас Уолсингем писал, что королевство «неожиданно и без всякого предупреждения было повергнуто в замешательство». Тогда Ричард созвал парламент, который в общей атмосфере ужаса и подозрений был достаточно уступчив. У парламента имелись все причины соглашаться на сотрудничество. Вестминстер был переполнен войсками, а короля защищала стража из 300 лучников из его любимого графства Чешир. Здание, в котором собрался парламент, было окружено лучниками. Чтобы добиться своего, Ричард полагался на силу и угрозу насилия.

В начале заседания король через своего лорда-канцлера объявил, что требует всей полноты власти. Он помнил обо всех незаконных ограничениях, принятых в предыдущие годы, но теперь, из-за своего расположения к своим людям, дарует им королевское помилование, за исключением пятидесяти человек, которых он открыто называть не будет. Разумеется, благодаря такой политике каждый чувствовал себя в опасности. Ричард мог включить в этот список любого. При этом король был столь милостив, что удовлетворил прошение палаты общин и утвердил на

неограниченный срок пошлины, налагающиеся на шерсть и кожи.

После своего ареста Томас Вудсток был перевезен в английский бастион в Кале, где по прямому приказанию короля его без лишней шумихи убили. Предполагают, что его либо задушили полотенцем, либо задавили периной — результат в любом случае был одним и тем же.

Арундел был подвергнут суду, который сегодня назвали бы показательным процессом. Его записи частично дошли до нашего времени. На суде председательствовал Джон Гонт, герцог Ланкастер.

Ланкастер. Ваше помилование отменено, предатель.

Арундел. Неправду вы говорите. Я никогда не был предателем.

Ланкастер. Почему в таком случае вы нуждаетесь в помиловании?

Арундел. Чтобы заставить замолчать моих врагов, одним из которых являетесь вы.

Ричард. Отвечайте на вопрос.

Арундел. Теперь я все прекрасно понимаю. Вы, все, кто обвиняет меня, — лже-

цы. Я требую привилегии помилования, которую вы даровали мне, когда уже были совершеннолетним.

Ричард. Я даровал его, но при условии, что оно пойдет мне не во вред.

Ланкастер. Это помилование ничего не стоит.

Оно и в самом деле ничего не стоило. В тот же день Арундела отвезли на Тауэр-Хилл и там обезглавили. Граф Уорик получил более мягкий приговор — пожизненную ссылку на остров Мэн. Обширные земли, принадлежащие всем трем лордам, были конфискованы и переданы друзьям и сторонникам короля. Кажется, его враги были развеяны в прах.

Тем не менее Ричард был удручен. Его жена Анна Богемская умерла в 1394 году во время новой вспышки чумы; они были женаты двенадцать лет, но детей у них не было. Это был еще один знак судьбы, направленный против короля. Ему было двадцать семь лет, и он должен был иметь семью. Поддавшись непомерному горю, Ричард приказал сровнять с землей дворец Шин, где они с Анной когда-то были счастливы. К тому же, возможно, у него ухудшилось здоровье, поскольку

в королевских счетах отражены огромные суммы, уплаченные докторам. Ричард становился опасен.

Многие лорды позднее клятвенно утверждали, что действительно стали бояться короля. Используя свой список из пятидесяти предателей, которого никто не видел, он мог, как только пожелает, конфисковать земли и собственность. Он мог любого заточить в тюрьму. Согласно более поздним источникам, король объявил, что хранит закон Англии «в своей груди» и может устанавливать и отменять законы по собственному усмотрению. Ричард наложил крупные штрафы на города и ширы, поддержавшие мятежных лордов. Он затребовал дань от богатых аббатств и монастырей. Он, как и большинство королей, был алчным и жадным, но его жадность сопровождалась насилием и нарушением законов. «Тот есть порождение смерти, — писал он графу Голландии, — кто оскорбляет короля». Тем не менее, как и все тираны, Ричард боялся. Его постоянно защищали 300 чеширских лучников. Слышали, как их капитан говорил королю: «Спите спокойно, пока мы бодрствуем, Дик, и ничего не бойтесь, пока мы живы».

Превосходство воли Ричарда проявилось в

ссоре между двумя лордами в конце 1397 года. Томас Моубрей, герцог Норфолк, и двоюродный брат короля Генрих Болингброк, герцог Херефорд, недавно получили самые высокие пэрские титулы. Так они были вознаграждены за то, что поддерживали короля. Например, Моубрей был капитаном Кале, когда несчастный Томас Вудсток пребывал в заключении в этом гарнизонном городе; не было никаких сомнений, что герцог Норфолк был причастен к его удушению. В атмосфере страха и подозрений, в которой им теперь приходилось существовать, даже друзья короля начали опасаться за свою жизнь.

У лордов однажды состоялся разговор.

— Еще чуть-чуть, и уже ничего нельзя будет поправить, — сказал Моубрей Болингброку.

— Такого быть не может, — ответил Болингброк. — Король даровал нам помилование и объявил парламенту, что мы вели себя как хорошие и преданные слуги.

— Мир, в котором мы живем, удивителен, но в нем нет ни капли правды, — заметил Моубрей.

Далее он предположил, что Болингброк и его отец Джон Гонт чудом избежали смерти от рук людей короля, также он намекнул, что Ричард при попустительстве других лордов планирует

лишить обоих наследства и передать их земли другим.

— Упаси Бог! — воскликнул Болингброк. — Будет удивительно, если король одобрит такие деяния. Кажется, он сердечно относится ко мне и обещал быть мне хорошим господином. В самом деле, он поклялся именем святого Эдуарда [Исповедника] быть хорошим господином и для меня, и для других.

Моубрея трудно было уговорить.

— Он часто клянется при мне Телом Господним, но я больше ему в этом не доверяю.

В мире, где все шептались и плели заговоры, в мире лжи и тайны эти слова были почти что государственной изменой.

Пошли слухи. Болингброк сообщил своему отцу Джону Гонту об этом разговоре. Слова Моубрея дошли до короля. Похоже на то, что он вызвал к себе Болингброка и потребовал от него полного отчета о том, что было сказано. Услышав этот рассказ, король приказал, чтобы Генрих повторил его перед парламентом. Тогда Моубрей сам сдался на милость короля. Он отрицал все, что говорил Болингброк. Двум герцогам было велено предстать перед парламентской комиссией, собранной, чтобы разрешить этот спор. Тем не

менее противоречие так и не было преодолено и, в старомодной манере осуществления правосудия, комиссия постановила, что Томас Моубрей и Генрих Болингброк должны встретиться в поединке, где сам Господь выберет того, кто говорит правду, сделав его победителем. Так кто же из них говорил правду? Вполне возможно, что все было совсем наоборот, и именно Болингброк первый заговорил о недоверии к королю; когда его слова не нашли отклика у Моубрея, Генрих решил обвинить того в измене, чтобы прикрыть свою вину. Это один из вероятных вариантов развития событий. Также вполне возможно, что Моубрей начал распространять слухи о предательстве, желая обвинить в заговоре Болингброка, который, заподозрив неладное, решил покончить с конспирацией и выдать Моубрея. Сейчас правду уже невозможно восстановить.

Поединок был назначен на 16 сентября 1398 года в Ковентри. Состязание должно было пройти на поле Госфорд — оно до сих пор существует под названием Госфорд-Грин. Болингброк заказал доспехи в Милане, а Моубрей — в Богемии. Лорды королевства были охвачены возбуждением: эта дуэль должна была стать самой славной из всех, что они видели. Можно сказать, вернулись

дни короля Артура и рыцарей Круглого стола. Два герцога явились в назначенный день. Архиепископ Кентерберийский был среди тысяч зрителей. Генрих Болингброк прибыл в девять часов утра, с шестью конными оруженосцами. Когда его спросили, по какому делу он здесь, он громко объявил:

— Я, Генрих, герцог Херефорд, прибыл исполнить свой долг по отношению к лживому предателю Томасу, герцогу Норфолку.

После этого Генрих перекрестился и поехал к своему павильону, расположенному в конце арены. Далее прибыл король, окруженный чеширскими лучниками, и приблизился к своему трону, откуда мог наблюдать за действом. Затем появился Моубрей, которому задали тот же вопрос, что и его противнику.

— Господь да спасет правого! — выкрикнул он.

Два рыцаря были готовы выступить друг против друга. Болингброк пришпорил свою лошадь и двинулся вперед, тогда как Моубрей оставался на месте. Но король встал и крикнул:

— Остановитесь!

Герцоги вернулись в свои павильоны, а король удалился. Прошло два часа, за которые толпа собравшихся зрителей успела выдвинуть самые

разнообразные предположения. Затем появился спикер палаты общин и объявил многочисленному собранию королевское решение. Болингброк изгонялся из королевства на десять лет, а Моубрей — на всю жизнь. Приговор в отношении Болингброка вызвал громкие возгласы разочарования, но воля короля была законом.

В этом деле у короля действительно практически не было выбора. Победа любого из рыцарей ставила его в достаточно трудное положение. Если бы восторжествовал Моубрей, роль короля в убийстве Глостера могла бы стать предметом тщательного расследования. Если бы победил Болингброк, шансы Генриха стать преемником короля или даже свергнуть его с трона могли стать выше. У Ричарда не было наследника, и он только что женился на семилетней девочке Изабелле, дочери короля Франции, с помощью которой эту проблему пока что невозможно было решить. Это было самым печальным концом для того, что могло бы стать великим сказанием о рыцарстве. Но король взял верх. Двое герцогов отправились в изгнание. Томас Моубрей в следующем году умер в Венеции, но для Генриха Болингброка история только начиналась.

Он приплыл во Францию, ощущая огромную

несправедливость решения короля, и стал ждать там, надеясь, что события еще повернутся в его пользу. Король Франции Карл VI пожаловал Болингброку резиденцию в центре Парижа. Затем, через пять месяцев после отъезда Генриха из Англии, умер его отец. Джон Гонт, первый герцог Ланкастер, является основателем династии, позднее получившей известность как дом Ланкастеров. Гонту принадлежали обширные территории на севере Англии, он владел более чем тридцатью замками по всему королевству. Он был значительным, хотя и не выдающимся командиром и управленцем. В особенности Гонт заслужил ненависть жителей Лондона, а также тех, кто принимал участие в восстании 1381 года, как человек, фактически управляющий страной при несовершеннолетнем короле. В нем семейное величие сочеталось с личной посредственностью.

При нормальном развитии событий Генрих Болингброк мог бы ожидать, что унаследует земли и замки отца. Но он был в изгнании, а короля одолевала жадность. Ричард начал проводить политику, которая лишила его всей той поддержки, которую он приобрел за годы своего правления. Он продлил изгнание Генриха на неопределен-

ный срок и конфисковал все владения его отца. Это вмешательство в законы наследования в значительной мере шокировало общество, которое во многом полагалось на традиции и прецеденты. Ни один землевладелец (или его семья) не мог чувствовать себя в безопасности при таком короле. Любого монарха, который незаконно отчуждал собственность своих подданных вопреки уложениям Великой хартии вольностей, тут же начинали считать тираном.

В начале мая 1399 года Ричард отплыл в Ирландию в сопровождении войска, совершив демонстративный и не слишком умный поступок. Трудно понять, почему он решился оставить государство в такое трудное время; единственным объяснением может быть то, что он обманывал себя (или дал себя обмануть) ложным чувством безопасности. Разумеется, он считал, что Господь ему покровительствует и ни один земной враг не сможет сразить помазанного государя. Если Бог на его стороне, то кого ему бояться?

Генрих воспользовался отсутствием короля и в начале лета отплыл из Булони; 4 июля он высадился в Равенспуре в Йоркшире. С ним было всего 300 солдат. В его смелости и честности никто не мог усомниться. Он начал свою кампанию

по уничтожению тирании в Англии с ранее принадлежащих ему территорий на севере. Ричард оставил королевство на попечение Эдмунда, герцога Йорка, который был как его дядей, так и дядей Генриха. Йорк не был обременен ни излишними принципами, ни храбростью. У него не было никаких разведывательных данных о передвижениях Генриха, и он вначале повел войска на запад, а не на северо-восток. В этой суматохе Генрих укрепил замки на своей земле, и несколько тысяч человек поступили к нему на службу. В Донкастере Болингброк встретил самую влиятельную семью севера — Перси; Генри Перси, графа Нортумберленда, сопровождал его сын по прозвищу Горячая Шпора.

В их присутствии Генрих поклялся, что вернулся в Англию только для того, чтобы потребовать возвращения своих земель, и что не строит планов занять королевский престол. Возможно, он лгал, но, скорее всего, Болингброк был и сам до конца не уверен в своих планах. Он осторожно продвигался по стране, извлекая выгоду из каждого происшедшего события. Армия объединившихся восставших лордов и их вассалов двинулась на юг, захватывая Центральную и Восточную Англию при минимальном сопро-

тивлении. Возможно, именно в этот момент Генрих начал понимать, что король слишком непопулярен, чтобы его кто-нибудь спасал.

Сам Ричард все еще оставался в Ирландии. Он получил новости о вторжении к 10 июля, но отплыл в Англию только через две недели. Он не мог собрать достаточно кораблей. За это время его дело было проиграно. Когда король призвал уэльское дворянство поддержать его, они ответили, что уже сочли Ричарда мертвым. Генрих решил двигаться на запад, чтобы встретиться с королем, когда и если он вернется, и в приходской церкви Глостера герцог Йорка сдался захватчику. Йорк понимал, что надежды Ричарда сохранить корону тают день ото дня. Он присоединился к армии Генриха и пошел на Бристоль, где были казнены три самых известных королевских чиновника. Этот успех стал поистине триумфальным.

Ричард высадился на побережье Уэльса 24 июля. Там он оставался пять дней, и за это время получил новости и о сдаче его дяди, и о событиях в Бристоле. Говорили, что он был попеременно то подавлен, то неуступчив. В конце концов король решил встретиться с одним из своих сторонников, графом Солсбери, который находился в замке Конуэй в Северном Уэльсе.

Ричард облачился в одеяние бедного священника и вместе с пятнадцатью сторонниками отправился в путь глухой ночью. Ричарду потребовалось девять дней, чтобы добраться до пункта назначения. Один из современников писал, что к тому моменту король был удручен и сломлен. Он часто начинал плакать.

Генрих следовал за ним. Он тоже направился от Бристоля к северу, в сторону Честера. Таким образом, оба кузена были готовы к последней встрече. Король и граф Солсбери договорились послать к Генриху своих представителей, чтобы узнать его намерения. В свою очередь, Генрих отрядил своего посланца, графа Нортумберленда, чтобы поговорить с королем в замке Конуэй. Прежде чем отправиться к королю, Нортумберленд предусмотрительно укрыл свою армию. Говорили, что граф поклялся Ричарду в том, что Генрих желает только вернуть свои земли и будет защищать право короля быть на троне. Невозможно судить, обманывал ли Генрих Ричарда. После задержки в несколько дней король согласился покинуть замок в компании Нортумберленда, но этот ход был только тактической капитуляцией. Ричард тайно сообщил своим сторонникам, что Генрих «будет подвергнут за это предательство

еще более страшной смерти, чем те, которыми он казнил нас». Угроза должна была дойти и до самого Болингброка.

Ричард и Нортумберленд проехали всего несколько миль, когда король, поднимаясь на холм, увидел армию, которую его спутник укрыл заранее. Он запаниковал и потребовал вернуться в замок Конуэй. Нортумберленд на освященном хлебе еще раз поклялся, что у Генриха нет и мысли о свержении Ричарда с престола. Если это был обман, то обман святотатственный. Итак, отряд тронулся по направлению к замку Флинт в Северо-Восточном Уэльсе, где получивший срочные сообщения Генрих согласился встретиться с Ричардом. Возможно, королю пришло на ум, что он теперь фактически является пленником. Он прибыл в замок раньше Генриха и на следующее утро после своего приезда поднялся на стены; с этого положения Ричард увидел, что приближается армия Генриха. Говорили, что при этом король сказал: «Теперь я вижу, как приходит конец моих дней».

Он заставил Генриха ждать у огромной двери, пока ел свою последнюю трапезу на свободе в башне замка. Затем, по требованию Нортумберленда, Ричард спустился поговорить со своим

врагом. В пьесе Уильяма Шекспира «Ричард II» он появляется в этот момент со словами: «Вниз, вниз спускаюсь, Фаэтон блестящий, // Не обуздав своих строптивых кляч»[47]. Генрих снял шляпу и низко склонился перед своим сувереном.

— Мой государь, — сказал он, — я приехал прежде, чем вы за мной послали, и должен объяснить вам почему. Говорят, что вы управляли вашими подданными слишком сурово, и они несчастливы. Если это порадует Господа, я должен помочь вам управлять ими лучше.

В этих словах отчасти была правда. Генрих приложил все усилия, чтобы удостовериться: его слова были записаны точно. Также имеет большое значение то, что он говорил по-английски, а не по-французски. Таким образом он как бы представлял всю страну.

— Если это доставит удовольствие вам, дорогой кузен, — ответил Ричард, — то это доставит удовольствие и нам.

В тот же день двое мужчин в сопровождении армии выехали в Честер. Король был заточен в маленькой комнатке в замке; за ним следили сыновья Глостера и Арундела — двух людей, кото-

---

[47] Примечания: 47
Пер. А. Курошевой.

рых Ричард приговорил к смертной казни. Теперь Генрих задумался о будущем. От имени короля он созвал парламент в Вестминстере. 20 августа Болингброк вместе со своим пленником приехал в Лондон. Генрих в качестве своей резиденции выбрал епископский дворец, а Ричард был препровожден в Тауэр.

Возможно, именно в этот момент Генрих решил требовать себе английский трон. Он ждал, что произойдет дальше, но теперь видел, что путь перед ним открыт. Король был в его власти, и никакие королевские сторонники не могли освободить своего суверена. Возможно, свою силу пытались показать чеширские лучники, на которых король полагался, но их выступление ни к чему не привело. Теперь Генрих решил поискать прецеденты в истории королевства. Две недели спустя был учрежден комитет, состоящий из видных людей, которые должны были рассмотреть «дело об отстранении короля Ричарда и об избрании герцога Ланкастера на его место, а также то, как это должно быть сделано». (Генрих стал герцогом Ланкастером после смерти отца.) Комитет пришел к заключению, что Ричард должен быть свергнут с трона «властью духовенства и народа».

29 сентября к королю, поселившемуся в Тауэре или заключенному в нем, явилась делегация. В официальном парламентском докладе говорится, что делегаты «напомнили» королю о том, что в замке Конуэй он по доброй воле согласился отречься от трона; король, вспомнив об этом обещании, согласился. Не похоже, что дело обстояло именно так; в любом случае хронист того времени рисует совсем другую картину. Автор «Хроники предательства и смерти Ричарда II» (Chronique de la Trahison et Mort de Richard II) заявляет, что король разъярился на аристократов, которые явились к нему, и объявил, что «живьем сдерет кожу с этих людей». Другой хронист побывал у короля за восемь дней до этого события и рассказал, что тот был чрезвычайно зол на страну, которая его предала. Ради справедливости следует сказать, что Ричард не принял смиренно своей участи.

30 сентября парламент собрался в Вестминстере. Говорили, что зал был наполнен сторонниками Генриха, «самой разнообразной публикой, которая не относилась ни к аристократам, ни к джентльменам… в таком количестве, что чиновники едва могли войти в зал». Собравшимся было зачитано королевское отречение от трона. Хотя

в официальном докладе сообщается, что король согласился на условия договора и подписал отречение в присутствии свидетелей, существует возможность, что документ был подложным. По меньшей мере он был написан под принуждением. Ричард мог согласиться его подписать только потому, что это был единственный способ сохранить жизнь.

При одобрении всех присутствующих отречение было принято. Их спросили, имеет ли Генрих право быть королем. «Да! — закричали в ответ. — Да! Да!» Хотя официально у парламента не было полномочий свергать королей, Ричард лишился престола в результате того, что, в сущности, было государственным переворотом. Затем Генрих объявил, что в силу «прямого кровного родства с добрым господином королем Генрихом III» он пришел, чтобы «излечить» королевство в тот момент, когда его губили плохими законами. Нет никаких причин сомневаться в его искренности в тот момент. У него были очень большие основания требовать корону. В результате сложных генеалогических процессов только один восьмилетний мальчик Эдмунд Мортимер, граф Марч, имел на нее больше прав, но Англия не могла себе позволить и не хотела еще одного несовер-

шеннолетнего монарха.

Генриха провели к трону, на мгновение он замер, а потом опустился на колени в молитве. Затем поднялся, перекрестил трон сзади и спереди и сел на него под всеобщие аплодисменты. Он был помазан миром из чудесного фиала, который достался Томасу Бекету от самой Богоматери, — по крайней мере, так тогда считалось. Этот флакончик обнаружил двумя годами ранее Ричард II во время поисков в Тауэре ожерелья, которое когда-то носил король Иоанн. Говорили также, что после этого миропомазания в голове Генриха завелось множество вшей.

С самой ранней юности Генрих хорошо знал, как можно пользоваться властью и как ею можно злоупотребить; он был всего на три месяца старше Ричарда и нес перед ним королевский меч во время коронации летом 1377 года. Также Генрих был вместе с королем в Тауэре, когда Ричард и его свита укрывались в крепости от восстания крестьян. Тем не менее мира между двоюродными братьями никогда не было, и Ричард тоже предпочитал смотреть на Генриха как на своего личного врага. Он не давал ему высоких государственных постов и избрал своим преемником дядю Эдмунда Йорка, совершенно

недвусмысленно отказав Генриху. Теперь баланс сил в мире изменился. Ланкастер взял верх над Йорком, но насильственное смещение короля принесло много бед и крови королевству.

На следующий день после заседания парламента Ричарду сообщили о его свержении. Он ответил, что «надеется: его кузен будет ему хорошим господином». Вскоре он избавился от этих иллюзий. Новый король попросил у лордов совета по поводу низложенного монарха; ему порекомендовали заточить Ричарда в крепости под надзором доверенных людей и не давать ему видеться ни с кем, кроме тюремщиков. Поэтому Ричарда тайно перевезли в замок Лидс. В начале декабря оттуда его переправили в более укрепленную крепость Понтефракт в Йоркшире.

Некоторые из придворных Ричарда и его сторонники через две или три недели после этого подняли восстание, но Генрих расстроил их планы и свел все усилия на нет. Этот мятеж дал понять, что низложенный король все еще опасен. В начале февраля 1400 года король и Королевский совет собрались, чтобы решить судьбу Ричарда. Если его оставить в живых, решили они, его придется как следует охранять; если он умрет, его тело следует показать людям. Смерть снова

появилась на пороге. Неделю или две спустя тело Ричарда нашли в тюремной камере. Как он умер, неизвестно. Некоторые говорят, что тюремщики заморили бывшего короля голодом, другие считают, что в тоске он сам отказывался от еды и этим убил себя.

Его тело отвезли на юг в сопровождении кортежа или похоронной процессии, в нескольких удобных местах оно было выставлено на всеобщее обозрение, чтобы англичане могли удостовериться: король Ричард II действительно мертв. Изображение этой сцены можно найти в изукрашенном цветными рисунками наставлении того времени. На иллюстрации мы можем видеть короля, лежащего на носилках в черной одежде, над ним — черный балдахин, голова его не покрыта и покоится на черной подушечке. Две черные лошади и четыре рыцаря в траурных одеждах дополняют эту картину. По прибытии в Лондон тело доставили в собор Святого Павла, где отслужили заупокойную мессу. Затем гроб перевезли в доминиканский монастырь в Кингс-Лэнгли, в 33 километрах от Лондона. Следующий король, Генрих V, приложил усилия, чтобы тело Ричарда II было перезахоронено в Вестминстерском аббатстве; возможно, он сделал это, чтобы

искупить вину своего отца, Генриха Болингброка, свергнувшего законного короля.

В царствование Ричарда II, роскошного и опасного монарха, в Англии появились носовые платки.

26
В лесах

Робин Гуд был уроженцем Англии. Он и его «славные парни» жили в лесу, добывая себе средства к существованию с помощью различных дерзких преступлений, таких как грабеж богачей и охота на королевских оленей. Им всегда удавалось обмануть закон, который представлял собой шериф Ноттингема; они скрывались в Шервудском лесу, находящемся под юрисдикцией шерифа.

Эта история произошла в XIII веке и, возможно, вошла в моду в течение первых десятилетий после официально зарегистрированных событий. В 1216 году Робин Гуд, слуга аббата из Киренчестера, был обвинен в убийстве, но, возможно, совпадение имен было всего лишь случайностью. В 1225 году шериф Йоркшира забрал имущество Роберта Гуда, или Года, который бежал из Йорка из-за того, что имел огромные долги перед церковным судом. В том же году того же шерифа попросили содействовать поимке пользующегося дурной славой лица, известного как Роберт из

Уитерби; преступник в конце концов был закован в цепи. Были ли Роберт из Уитерби и Робин Гуд одним и тем же лицом? Имена Роберт и Робин более или менее похожи. Шериф Йоркшира ранее был шерифом Ноттингема. Таким образом, факты соединялись и видоизменялись, пока не возникла легенда о разбойнике и свободе.

Имя Робин Гуда впервые упомянуто как собирательное наименование лица, стоящего вне закона, в судебных свитках конца XIII века, где он появляется как *Robehod* или *Robinhood*. Сто лет спустя он был настолько известен, что ленивый священник Слот из «Видения о Петре-пахаре» признается, что не знает «Отче наш», но «может прочитать стишки о Робин Гуде». Среди этих песенок и стихов была одна, которую пели еще в начале XV столетия: «Робин Гуд в Шервудском лесу» (Robyn hode in scherewode stod). В тот же период он появляется и в английских хрониках. Один хронист утверждает, что этот преступник был соратником Симона де Монфора в борьбе против правления Генриха III в 1263 году; настоящий разбойник, находившийся вне закона и поддерживавший де Монфора, действительно жил в то время в Шервудском лесу. Но его звали Роджер Годберд. Впрочем, монахом оставлено

примечание, датируемое 1460 годом, на полях копии «Универсальной хроники». В заметке говорится о «неком разбойнике по имени Робин Гуд», который совершил бесчисленное количество грабежей в Шервудском лесу. Эндрю Уинтонский несколькими годами ранее писал, что такой разбойник действовал в Инглвуде около Карлайла, а затем — в Барнсдейле.

Очень скоро Робин Гуд начинает появляться повсюду, олицетворяя собой храброго и независимого англичанина, который отвергает деспотическую власть; он возникает в песнях и балладах, в пьесах и пантомимах. В конце концов в этих произведениях к нему присоединяются его самые известные лесные товарищи — Маленький Джон, дева Мэриан и брат Тук, которые все вместе представляли собой воистину прекрасное зрелище. Эти герои стали обязательной частью майских празднеств в XV и XVI веках, породив слухи о том, что, по сути, они, возможно, имеют языческое происхождение. Тем не менее лесные разбойники гораздо более интересны как представители английского народа XIII и XIV веков.

В ранних балладах Робин появляется как отважный йомен — человек, занимающий среднее положение между мелким фермером и джентль-

меном; его врагами являются шерифы, епископы и архиепископы. Он не желает причинять вред другим йоменам или даже рыцарям и сквайрам; он «бьет и кусает» только представителей светской и духовной аристократии, которых можно отнести к жадным землевладельцам. Робин Гуд воплощает в себе мечту всех угнетенных. Разумеется, он не принадлежал к числу аристократов, переживающих трудные времена, как это пытались представить его более поздние и романтично настроенные жизнеописатели. Он всегда был представителем простого люда, работающего на земле, и поэтому баллады о нем могли исполняться как в местной таверне, так и в рыцарской зале. Грубоватая справедливость или нравственное чувство лежат за драками и грабежами, возникают темы тайны и мести; мотив беззакония и свободы в лесах также был аспектом английской мечты в стране, которая последовательно и тщательно управлялась, причем особенно сурово осуждался королевский «лесной закон».

Английские леса были символами древней жизни, поэтому их в равной степени боялись и защищали. Англосаксонские грамоты указывают на леса, которые все еще существуют. Уэстграф,

упомянутый в 703 году как часть местности в Шоттери, в Уорикшире, — это сейчас лес Уэстгроув в приходе Хазелор. Ванелунд — название, которое использовали викинги, когда прибыли в Норфолк, — стал лесом Уэйленд немного южнее Уаттона. В грамоте 682 года описывается «знаменитый лес под названием Кантоквуду», который сейчас известен как лес Кванток в Сомерсете. Есть и много других образцов древних лесов.

Шир-вуд, ставший позднее известным как Шервуд, простирается от Ноттингема до центра Йоркшира. В современных березовых лесах можно обнаружить последние остатки средневекового дубового леса, который покрывал этот район страны; сейчас деревья искривились и высохли. Другой связанный с Робином лес Инглвуд тоже огромен и лежит между Пенритом и Карлайлом. Естественно, он стал убежищем для тех, кто прятался от королевского правосудия, для тех, на ком, как тогда говорилось, надета «волчья голова» и кого поэтому можно убить без суда и следствия. Как бы то ни было, англичане всегда делали героями воров и грабителей; так лесные разбойники стали представителями национальных борцов за свободу и равенство. В легендах предполагается, что Робин Гуд умер в Кирклисе

в Йоркшире. Но на самом деле он не умер. Он стал частью английского мифотворчества.

27
Страдающий король

Генрих Болингброк, с некоторых пор известный как король Генрих IV, получил трон с помощью насилия и, возможно, обмана. Корона на такой голове сидела не слишком хорошо и надежно. Генрих сам показал, что короля можно сместить по чьей-то воле, и придал законность всеобщему одобрению. Поэтому он искал расположения и палаты лордов, и палаты общин. Новый король обещал, что никогда не будет поднимать налоги, и отменил некоторые из самых жестоких законов предыдущего короля. Он поддержал образ воителя, дав торжественное обещание повести войска в Шотландию и Францию, и, таким образом, заимствовал стиль предыдущих воинственных королей. Также он попытался поставить на свою сторону Господа, пообещав епископам быть беспощадным к еретикам.

Тем не менее многие по-прежнему считали Генриха узурпатором. С самого начала его правления ходили слухи о том, что Ричард II жив, что он находится в Шотландии, что бежал в Уэльс, что

может быть где угодно. Доминиканцы и францисканцы читали на рынках и в тавернах проповеди, где говорилось о том, что поверженный король выжил. Одного такого францисканского монаха привели к королю.

Генрих. Ты слышал, что король Ричард жив, и этому рад?

Монах. Я радуюсь, как радуется человек, когда узнает, что его друг жив, поскольку я перед ним в долгу, как и все мои собратья, ибо он был нашим покровителем.

Генрих. Ты открыто заявляешь, что он жив, и этим возбуждаешь людей и настраиваешь их против меня.

Монах. Нет.

Генрих. Скажи мне правду от всего сердца. Если ты увидишь, как мы с королем Ричардом встретились на поле битвы, на чьей стороне ты будешь сражаться?

Монах. По правде говоря, на его стороне. Ибо я больше предан ему.

Генрих. Желаешь ли ты смерти мне и другим лордам королевства?

Монах. Нет.

Генрих. Что бы ты сделал, если бы одержал надо мной победу?

Монах. Я бы сделал вас герцогом Ланкастером.

Генрих. Тогда ты мне не друг.

Был и еще один интересный разговор короля с монахом.

Генрих. Так ты говоришь, что король Ричард жив?

Монах. Я не говорю, что он жив, я говорю, что, если бы он был жив, то был бы настоящим королем Англии.

Генрих. Он отрекся.

Монах. Он отрекся против своей воли, в тюрьме, и это было незаконно.

Генрих. Он был свергнут с престола.

Монах. Он был королем, его взяли силой, отправили в тюрьму и лишили королевства, а вы узурпировали его корону.

В завершение этой душеспасительной беседы король потерял терпение и завопил: «Клянусь своей головой, твоей тебе не сносить!» Так и произошло.

Тот факт, что Генрих считал необходимым и целесообразным лично допрашивать этих братьев, позволяет предположить, насколько серьезными он полагал любые подобные слухи. Он не мог быть в безопасности — не мог быть миропомазан-

ным королем, — если Ричард считался живым.

В первые месяцы 1400 года некоторые приверженцы Ричарда попытались устроить мятеж в Виндзоре. Их силы разогнали, и они бежали на запад, где в конце концов были окружены и схвачены жителями Киренчестера и Бристоля. Королевское наказание было далеко не милосердным. Один из обвиняемых, сэр Томас Блаунт, был повешен в Смитфилде примерно на минуту, а затем веревку перерезали. После этого ему приказали сесть перед огромным костром, а палач подошел к нему с бритвой в руке. Попросив у приговоренного прощения, он опустился на колени, бритвой вспорол несчастному живот и вытащил кишки. Блаунта спросили, не хочет ли он пить.

— Нет, — ответил он, — ибо не знаю, куда мне поместить это питье.

Палач перетянул кишки веревкой, чтобы, как сказал его современник, «ветер сердца никуда не делся», затем бросил их в огонь. Один из стоящих вокруг зевак крикнул, насмехаясь:

— Давай, ищи себе хозяина, который может тебя спасти!

— Я умираю, выполняя долг перед своим сюзереном — благородным королем Ричардом! — воскликнул в ответ Блаунт.

И палач отрубил ему голову.

Как бы то ни было, суровость наказания не остановила других бунтарей. Осенью 1401 года была предпринята попытка убить Генриха с помощью «дьявольской машины» с отравленными шипами, подложенной ему в постель. План сработал нисколько не лучше, чем попытка другого убийцы смазать его седло смертельным ядом, но теперь Генрих был предупрежден о том, что против него идет опасная игра.

Были протесты и другого рода. Несмотря на свои обещания не повышать налоги, вскоре король был вынужден нарушить слово. Во время заседания парламента в 1401 году лорд — главный судья сообщил, что сокровищница свергнутого короля, если таковая вообще была, бесследно растворилась в воздухе. Реальная стоимость защиты королевства и управления им повысилась до такой степени, что король уже и так был в долгах. В конце концов палата общин удовлетворила его запрос на сбор налогов, но взамен подала различные петиции и жалобы; только после их удовлетворения Генрих смог получить одобрение общин на необходимые ему налоги. Так действовали все парламенты во время царствования Генриха IV. Он получал деньги только после того,

как удовлетворял требования палаты общин. В этом смысле сильным королем он не был. Как бы то ни было, парламент 1399 года, созванный и действующий незаконно, фактически санкционировал коронацию нового правителя. Почему бы ему теперь не пытаться урезать власть этого монарха?

Летом 1403 года его бывшие союзники — семья Перси — восстали против Генриха. Они присоединились к уэльскому принцу Оуайну Глендуру, который официально бросил вызов английскому королю. Генри Перси, граф Нортумберленд, и его сын Горячая Шпора должны были защищать север от нападений шотландцев. Одними из первых поддержав вторжение Генриха, они надеялись насладиться плодами победы. Но, к их удивлению и тревоге, оказалось, что они должны обеспечивать защиту северных земель без соответствующей помощи со стороны Генриха. В парламенте ходили слухи, что семейство Перси получило 60 000 фунтов стерлингов от короля. Сами Перси это отрицали, заявляя, что получили только 20 000. Куда делись остальные деньги?

В конце 1402 года Горячая Шпора прибыл в Вестминстер и потребовал деньги в присутствии короля. В результате произошло ожесточенное

столкновение. Один хронист утверждает, что король ударил Горячую Шпору по лицу, тогда как другой заявляет, что король обнажил против него кинжал. Что бы ни произошло в действительности, их союз прекратил свое существование. У семьи Перси была и еще одна претензия к королю, которую можно было бы теоретически посчитать более серьезной, но на практике она была просто удобным оправданием их бунта. Они обвинили Генриха в нарушении клятвы. Во время первой высадки в Йоркшире он обещал им, что не желает завладеть троном. В последующие недели стало ясно, что это вовсе не так. Но с самого начала они должны были быть по крайней мере осведомлены о возможности свержения Ричарда.

Летом 1403 года Горячая Шпора собрал армию в Честере и заявил, что король Ричард все еще жив. Это был привычный лозунг для всех, кто выступал против короля. Оуайн Глендур должен был выступить из Уэльса, а Генри Перси сосредоточил свои силы на севере. Король отреагировал быстро и эффективно. Он послал армию в Шрусбери, город, который повстанцы собирались призвать к содействию. Когда Горячая Шпора прибыл туда, ворота перед ним захлопнулись. Пока он медлил возле стен города, подошла коро-

левская армия. Войска противников встретились на Берик-филд в трех километрах от Шрусбери. У Горячей Шпоры была тысяча лучников, и он разместил их на гребне холма, откуда они могли видеть приближение людей короля. Генрих предпринял предосторожности, попросив двух своих наиболее значительных сторонников надеть его одежды, поскольку хорошо знал, что настоящей мишенью для Горячей Шпоры является именно он; если бы на поле боя оказалось три Генриха, это могло бы запутать противника.

Люди короля двинулись по склону и были встречены градом стрел, выпущенных чеширскими лучниками. Небо потемнело, и кровавая бойня началась. По словам одного хрониста, люди короля падали «словно осенние листья после того, как ударит первый мороз». После гибели одного из королевских командиров, графа Стаффорда, наступление передового отряда захлебнулось, и люди начали отступать. Чтобы избежать жестокого и кровавого поражения, Генриху нужно было действовать правильно. Поэтому он отдал приказ наступать основным силам и сам бросился в атаку.

«Это была такая резня, — писал один хронист, — какой в Англии очень давно не видели».

Казалось, что королевские солдаты берут верх, и Горячая Шпора поставил все на то, чтобы напасть на короля. Генрих отступил, а Горячая Шпора и его сторонники растерялись в суматохе схватки. Стоило им только начать действовать неуверенно, и их сразили. Горячая Шпора оказался среди мертвых. Сын короля Генрих получил рану в голову, но он выжил и был среди победителей, празднующих триумф короля. Казалось, Генрих IV действительно помазан самим Господом.

Два года спустя после битвы на Берик-филд на севере вспыхнуло еще одно восстание. Архиепископ Йоркский Ричард Скроуп поднялся против королевского правительства и выпустил манифест — иначе говоря, список жалоб, — из которого можно было сделать вывод, что Генрих собирает слишком много налогов и такая ноша становится неподъемной для его подданных, как светских, так и духовных.

Это восстание не имело успеха, в течение нескольких дней сторонники архиепископа либо покинули его, либо были заключены в тюрьму. Граф Нортумберленд, переживший поражение своего сына в битве около Шрусбери, снова оказался замешан в восстании и бежал в Шот-

ландию. Сам Скроуп был схвачен и обезглавлен, поскольку Генрих предпринял грубую и жестокую попытку перебить всю оппозицию. Убийство архиепископа считалось святотатством, напрашивались сравнения с убийством Томаса Бекета в XIII веке. Генрих IV по большей части избежал публичного осуждения, павшего на Генриха II, но его личная репутация в значительной степени пострадала. К шаткому положению его трона добавилось пятно кощунства.

Смерть архиепископа тяжелым грузом легла на совесть короля. В полдень 8 июня 1405 года — день казни Ричарда Скроупа — король ехал на лошади, когда почувствовал, что его толкнула какая-то сила, настолько мощная, что «ему показалось: он действительно ощутил удар». Этой ночью у него были кошмары, в которых он кричал: «Предатели! Предатели! Вы обрушили на меня огонь!» Когда приближенные вбежали в спальню, Генрих пожаловался, что у него вся кожа горит. Именно в это время король заболел таинственной болезнью, которая, согласно слухам, была проказой. Если учесть, что болезнь без следа прошла несколько лет спустя, вряд ли этот диагноз был верен. Куда более вероятно, что Генрих заразился сифилисом. Молодым челове-

ком он участвовал в Крестовом походе в Святую землю, а крестоносцы были известны тем, что заносили в Европу венерические заболевания.

С 1406 года больше не предпринималось серьезных попыток сбросить Генриха с трона. Он оставался бдительным, упрямым, он всегда был настороже. Король понимал, что, в отличие от его предшественников, у него нет власти и ресурсов конфликтовать с великими магнатами своей страны, поэтому он уклонялся и шел на уступки. Он позволил аристократам наслаждаться свободой и влиянием, каких они были лишены в царствование Ричарда. Генрих допускал, чтобы им отчасти руководил совет аристократов. Он хорошо умел управлять людьми. Корона была бедна, казна истощилась, местные законы не соблюдались, а отдельные районы страны управлялись местными кликами. Всегда оставалась возможность бунта и разбоя. Король выстоял. Можно было бы сказать, что он выкарабкался кое-как, но это не совсем верно, поскольку его неизменной целью было сохранить свою власть и дать начало новой королевской династии. В этом отношении он был вполне успешен.

Все надежды Генрих возлагал на своего старшего сына Генриха Монмута, принца Уэльского,

который был ранен в голову во время битвы на Берик-филд, но эта рана нисколько не смягчила его воинственный нрав. Он обожал битвы и жил для войны. С четырнадцати лет принц успешно участвовал в различных боях и стычках с мятежниками из Уэльса. В 1406 году он по возвращении из Уэльса присоединился к Королевскому совету и тут же стал играть заметную роль в государственных делах. Ему было девятнадцать лет, и, разумеется, вокруг Монмута начали группироваться молодые аристократы. Один хронист отмечал, что «люди часто обращаются к нему, и двор принца стал более обширным, чем двор короля, его отца». Таким образом, Монмута воспринимали как неофициальную «оппозицию» уже стареющему королю и его советникам, развившую более целенаправленную и активную деятельность как в самой Англии, так и за ее границами. Живость молодости противостояла возрасту, надежда и оптимизм выступали против опыта и усталости.

Сам король, утомленный болезнью, постоянно уклонялся от вмешательства в государственную политику. Он оставил свой дворец в Вестминстере и удалился на покой в резиденцию архиепископа Кентерберийского в Ламбете; затем

он перебрался в Виндзор. В этот период с начала 1410 года до конца 1411-го принц Уэльский успешно управлял королевством от имени своего отца. Была послана экспедиционная армия, чтобы помочь герцогству Бургундскому справиться с бесчинствами французов. В то же время прилагались целенаправленные усилия, чтобы восстановить финансовое положение короля. В сентябре 1411 года сообщали, что принц обратился к своему отцу и посоветовал ему отречься от престола, «потому что он больше не мог служить для славы и блага королевства».

Но Генрих IV ответил ударом на удар. Он не мог подвергнуть риску свое королевское самосознание. Что еще ему оставалось делать после десяти лет слабого правления? Пока он может дышать, он будет править. В конце того же года некоторые сторонники принца были арестованы. Был созван парламент, в ходе которого подняли вопрос об отречении короля в пользу его сына. Это предложение обсуждалось с соблюдением всех должных правил приличия, но было отклонено. Казалось, принца переиграли. Распространился слух, что Монмут готовит бунт, что снова возбудило страхи гражданской войны. Слух задушили на корню. После этого начали шептаться о том,

что принц прикарманил деньги, полагающиеся английскому гарнизону в Кале. Летом 1412 года он приехал в Лондон, чтобы опровергнуть эти разговоры и защититься от нападок врагов, но привел с собой армию, или, как это называли, «много людей».

Также принца сопровождали его молодые лорды-фавориты. Он был одет в изысканный костюм из голубого атласа, который, согласно переводчику первой биографии Монмута на английский язык, был украшен небольшими отверстиями, в каждое из которых была вставлена игла с продетой в нее шелковой нитью. Смысл этого наряда сразу понятен не был.

Принц вошел в Вестминстер-Холл и велел своим сторонникам оставаться там, пока он встретится с королем. Он нашел отца в какой-то комнате и попросил о личной беседе; в присутствии четырех придворных Генрих попросил сына «сказать, что у него на уме». Тогда принц произнес длинную и страстную речь, в конце которой опустился на колени и достал кинжал.

— Отец, — как говорили, сказал он, — я желаю, чтобы вы во славу Господа и по велению вашего сердца здесь, у ваших ног, поразили меня этим кинжалом. Мой господин и отец мой, моя жизнь

не настолько дорога мне, чтобы я мог прожить один день, который вызовет ваше неудовольствие.

Было много сказано в том же духе, и эффектная концовка речи заставила больного короля прослезиться. Таким образом, отец и сын помирились.

Эта сцена вошла во вторую часть трагедии Шекспира «Генрих IV» — пьесы, которая вместе со следующей частью «Генрих V» более, чем какое-либо другое произведение, создает образ той эпохи. Другой вопрос в том, является ли этот образ верным. Портреты молодого Генриха, пирующего с Фальстафом и Бардольфом, судьи Шелло и мистрис Куикли, Пистоля и Доль Тершит фактически стали частью английской истории. Про принца говорили, что он одновременно молился около алтарей Венеры и Марса. Поскольку его молодость и начало зрелости прошли в войнах в Шотландии и Уэльсе, преобладал явно Марс.

Но взаимному согласию между отцом и сыном было не суждено длиться долго. Через шесть месяцев после их трогательной беседы Генрих IV, измученный виной и болезнью, умер в Иерусалимской палате Вестминстерского аббатства. В своем завещании, составленном за два года

до кончины, он описал себя на английском как «грешного негодяя», «грешную душу» и «недостойного называться человеком», чья жизнь была растрачена впустую. Это не те слова, которые традиционно включают в завещание, и они указывают на человеческое существо, жестоко страдающее духом. Генрих IV был единственным английским королем, убившим одного монарха и одного архиепископа. Он прошел через многое, хоть и прожил только до 46 лет. Он столкнулся с восстаниями и заговорами, были попытки покуситься на его жизнь и заставить его отречься от престола. Но в конце концов он справился со своими врагами и основал королевскую династию Ланкастеров — ответвление дома Плантагенетов, просуществовавшее три поколения.

Королевское тело обмыли, удалили мозг и внутренности; после этого его забальзамировали смесью мирры, алоэ, лавра и шафрана. Прежде чем одеть в длинные одежды, тело завернули в вощеное полотно. Его темную бороду пригладили у горла, а на голову возложили корону. Правая рука сжимала золотую державу, а в левой был скипетр. В таком виде короля перенесли в собор Кентербери, где он был похоронен и где до сих пор можно увидеть его могилу.

28
Старые привычки

Мир находился в состоянии упадка и разрушения; не существовало никакого «прогресса», «эволюции» и «развития». Если вы хотите представить себе развитие средневековой мысли, то наилучшим образом будет медленное движение сужающейся спирали. Куда бы вы ни взглянули, повсюду царили страдание, насилие и продажность. Таким было состояние мира. Лучшее, на что можно было надеяться, — это на стабильность и устойчивость; благодаря им распад останавливался на какое-то время. Четыре телесные жидкости должны были пребывать в равновесии, сама Вселенная основывалась на гармоничном союзе четырех элементов, например, холодная земля имела сродство с холодной водой. Очевидная неопределенность жизни и вызываемая ею тревога усиливали желание стабильности.

Порядок был первым принципом, поддерживающим великую цепь бытия. Именно поэтому люди придавали такое значение иерархии и рангу, которые тщательно поддерживались во всех

слоях общества. Ничто не должно было выходить из равновесия. Прошлое почиталось без меры. Исторические записи воспринимались как свод уроков или моральных наставлений. Великими считались те писатели, которые наиболее точно имитировали предшествующих им мастеров. Философы прошлого были более проницательными, архитекторы — более искусными, а правители — более красноречивыми. Средневековое восхищение ритуалами и церемониями само по себе являлось благоговением перед традицией.

Средневековым обществом правили привычки, точно так же, как средневековый закон был основан на прецеденте. Традиция была величайшим правилом жизни. Самые ранние письменные источники показывают ее важность. В VI веке Этельберт, король Кента, описал свои законы как те, которые давно приняты и установлены; на практике это значило, что люди Кента передавали из поколения в поколение большое количество устных традиций. Старейшина англосаксонской ассамблеи выбирался из самых мудрых людей, а именно из тех, кто «знал, как обстояли вещи на земле во времена их предков». Англосаксонские трактаты XI века подтверждают, что землевладелец должен «всегда знать

древнюю традицию земли и обычаи людей, живущих на ней». Разумеется, «обычаи» восходили к доисторическим временам. Этот атавизм указывал на глубоко коллективное общество, где связи между людьми были практически нерушимыми.

В феодальном обществе нормандцев серв или виллан также назывался *consuetudinarius* или *custumarius*, что означало «человек традиций». Его права и обязанности были определены традиционным законом, который не позволял прямого угнетения или порабощения. Возможно, лучше было бы сказать, что люди в Англии жили согласно традициям, а не согласно закону. Права и обязанности были вечны. Ни один лорд, сколь велик бы он ни был, не нарушил бы по своей воле такую традицию. Это было нарушением естественного хода вещей. На значительном процессе в 1072 году епископа Чичестерского Этельрика посадили на телегу, чтобы он изложил и разъяснил «старые традиции законов». То есть преемственность поддерживалась даже после вторжения Вильгельма Завоевателя. Иначе быть не могло. В этом была сущность жизни страны. Неопровержимая жалоба работника или крестьянина — «а раньше мы никогда этого не делали!».

Можно упомянуть еще об одном аспекте благо-

говения перед историей. Любое институционное или административное изменение, которое вводили король или Королевский совет, должно было объясняться как возвращение к какой-то давно утраченной традиции. Таким образом, любое нововведение, просуществовавшее двадцать или тридцать лет, в свою очередь, становилось частью древнего обычая. Ничто новое не могло быть хорошим. Хорошим оно становилось, если было старым, тогда оно оказывалось ближе к золотому веку. Поэтому существующий порядок вещей следовало защищать любой ценой. Любой законодательный акт объявлялся «декларацией» существовавшего закона, открытием чего-то, что ранее было скрыто. В царствование Генриха III бароны королевства заявили: *Nolumus leges Angliae mutari* — «Мы не хотим, чтобы законы Англии менялись». Само правительство существовало в привычных формах и институтах. «Черная книга» (Liber Niger / Black Book) — королевский регламент по ведению хозяйства, написанный в 1478 году, в царствование Эдуарда IV, — поощряла казначея разыскивать «хорошие, старые, грустные [серьезные], досточтимые и выгодные правила двора, которые использовали ранее».

Таким образом, традиция была извечной. Как

говорили в тот период, она шла «из тех забытых времен, от которых в человеческой памяти не осталось даже противоречивых воспоминаний». Ожидалось, что одни и те же методы и привычная деятельность будут продолжаться вечно, до конца света. Не было никаких причин предвидеть что-то другое. Этот последний день мог, по существу, быть тем днем, когда круг традиций износился бы и со скрипом остановился. Как знать?

Традиции могли нести в себе необъяснимую тайну. Если король проезжал через мост Шривенхем, в Уилшире, то местный землевладелец должен был поднести ему двух белых домашних петухов со словами: «Посмотрите, мой господин, на этих двух белых каплунов, которых вы получите в другой раз, но не сейчас». Если неподалеку от Чичестера выбрасывало на берег кита, то он принадлежал епископу весь целиком, кроме языка, который отдавался королю; если кита выбрасывало на берег в любом другом месте его епархии, епископ мог забрать только правый плавник. Традиции существовали как в городе, так и в деревне. В Киддерминстере, в Вустершире, в день избрания бейлифа город на час отдавался во власть населения; прежде чем закидать

бейлифа и его свиту яблоками, горожане развлекались бросанием вилков капусты друг в друга. Грузчики из Биллингстгейта заявляли, что каждый чужак, заходящий на рынок, должен отдать честь установленному на нем столбу и заплатить шесть пенсов; после этого человека усыновляли двое «крестных» из числа грузчиков. Когда неженатого человека приговаривали к смерти в Лондоне, его могли помиловать, если найдется женщина, которая попросит о его освобождении при условии, что он на ней женится.

Сама страна представляла собой наслоение одной традиции на другую, и эти традиции задавали направление привычной деятельности. Возможно, это была и не слишком веселая философия истории, но она была важна, чтобы избежать тайных примет движения вперед, ниспосланных провидением или судьбой.

29
Воитель

Генрих Монмут взошел на трон как Генрих V, твердо намереваясь восстановить королевские финансы и разобраться со старым врагом — Францией. Он рассчитывал восстановить *bone governaunce* (хорошее правительство), особенно нацеливаясь на то, чтобы справиться с несправедливостью правосудия и коррупцией. Он был молод и силен. Гость, прибывший ко двору из Франции, отметил, что новый король скорее напоминает священника, а не солдата: он был худощавым, хрупкого телосложения, с овальным лицом и коротко подстриженными темными волосами. Разумеется, выглядел он аскетом. В ночь смерти отца Генрих обратился за советом к отшельнику в Вестминстерском аббатстве, которому исповедался во всех своих грехах.

Он был коронован в пятое воскресенье Великого поста 9 апреля 1413 года. В этот день шел град со снегом. Как говорили, такая погода предрекает царствование холодной суровости. Не было никаких сомнений, что Генрихом V движет как

чувство долга, так и ощущение божественного права. Все изменилось. Он бросил привычки своей молодости и, по словам хронистов, буквально в одну ночь стал мрачным и серьезным королем. Он приобрел репутацию благочестивого короля, тщательно соблюдающего все церемонии; до своей женитьбы, которая состоялась семь лет спустя, Генрих хранил целомудрие. Он учредил несколько монастырей, в которых ежедневное вознесение молитв должно было поддерживать династию Ланкастеров. Также король ревностно относился к красоте. Летописец Джон Стоув писал, что «он восхищался песнями, стихами и музыкальными инструментами в такой мере, что в своей часовне среди прочих молитв любил читать „Отче наш“, некоторые из псалмов Давида, а также разнообразные гимны и акафисты». Отправляясь на войну во Францию, Генрих взял с собой органиста и певцов.

В отличие от своего отца он говорил на английском как на родном языке, и в этом отношении установил стандарт для языка документов в стране. Он был кем-то вроде ревнителя строгой дисциплины, властного и не допускающего возражений. Одно из королевских писем послу сэру Джону Типтофту начинается очень лако-

нично: «Типтофт, во имя веры я поручаю вам…» Здесь ключевым является краткое приветствие — «Типтофт». «Король, — писал Томас Хокклив, — воздерживался от длинных речей». Он говорил четко и точно. Он был эффективным управленцем, который вникал в детали проводимой им политики: он облагал королевство высокими налогами, но никогда не тратил деньги бездумно. Генрих поддерживал сердечные отношения с самыми значительными аристократами и хорошо управлялся с обеими палатами парламента. Он доказал, что при твердой руке средневековое правительство не обязательно должно быть шатким или бестолковым.

Проверка его религиозных убеждений произошла через несколько месяцев после коронации, когда Генриху пришлось противодействовать еретикам. Деятельность лоллардов, которую мы рассмотрели в предыдущих главах, достигла критической точки в первые месяцы 1413 года. Во время первого заседания парламента при новом короле на дверях лондонских церквей появились листовки, где говорилось, что если члены религиозного братства будут подвергаться преследованиям и гонениям, то на их защиту встанет 100 000 человек. Из-за этого возникло

ощущение тревоги и незащищенности, и один из друзей короля, сэр Джон Олдкасл, был обвинен в укрывательстве еретиков и покровительстве им. Есть некая доля иронии в том, что первоначально Фальстафа в пьесе Шекспира «Генрих V», написанной почти через 200 лет после описываемых событий, звали Олдкасл. Шекспир описал его как веселого товарища Генриха в годы, проведенные в пивных и притонах.

Прослеживалась связь между листовками на церковных дверях и этим теперь разом посерьезневшим человеком. Один из его капелланов проповедовал лоллардизм, а у самого Олдкасла обнаружили несколько еретических трактатов. Король пытался спорить с ним и убедить его покаяться, но сэр Джон отказался. Осенью 1413 года его препроводили в Тауэр, и на последовавшем за арестом процессе Олдкасл повторил, что лолларды отвергают исповедь и учение о пресуществлении. Его признали еретиком и передали в руки светской власти для казни через сожжение на костре. Король вмешался еще раз и дал Олдкаслу сорок дней для покаяния, но за это время сэру Джону удалось бежать из своего узилища.

Два месяца он скрывался где-то в окрестностях

Лондона и за это время задумал заговор с целью убить короля и его братьев, чтобы не допустить полного истребления лоллардов. Олдкасл тайно передавал послания членам братства, назначая им встречи в церкви Святого Жиля в Полях, расположенной за городской стеной. Но тайна стала известна кому-то, стоящему у власти. Вечером 9 января 1414 года король вывел солдат. Выходящих из города лоллардов хватали и отправляли в тюрьму Ньюгейт. Тридцать восемь из них вывезли на волокушах из Ньюгейта и повесили в полях на специально построенных для этого виселицах.

Нельзя сказать, что этот мятеж был особенно популярным: в нем участвовало не более нескольких сотен человек. Тем не менее он уничтожил любую симпатию к движению лоллардов, какую могло бы питать к ним население: теперь ересь сама по себе считалась чем-то вроде восстания.

Самому Олдкаслу удавалось скрываться почти четыре года; в конце концов его схватили в окрестностях Уэлшпула и доставили в Лондон, где сэра Джона повесили над пылающим огнем, который поглотил виселицу вместе с жертвой. Своими последними словами перед мучительной смертью он предрек, что воскреснет через три

дня. На самом деле на это потребовалось несколько больше времени. В XVI веке Олдкасла стали прославлять как одного из первых мучеников протестантизма — это было одной из причин, по которой Шекспир изменил его имя на Фальстафа.

В некотором роде восстание сыграло отвлекающую роль. Царствование молодого короля в основном определялось войной. Он собрал вокруг себя группу молодых людей, которые воспринимали битвы и победы как способ добиться славы. Среди них главными были три брата Генриха, которые полностью посвятили себя успехам своей династии. Война считалась высочайшим долгом и величайшим достижением любого короля. Это рвение привело к возобновлению военных действий Столетней войны после перерыва, затянувшегося на два предыдущих царствования. Практически сразу после вступления на престол новый король выступил против Франции. В 1399 году он стал герцогом Аквитанским, унаследовав этот титул от своего отца; теперь Генрих желал заявить свои требования на земли Гаскони, Кале, Гиени, Пуату и Пуатье, которые отошли английской короне по соглашению 1360 года.

К лету 1415 года все было готово к вторжению

во Францию. Парламент выделил необходимые средства без своих обычных отговорок; были затребованы войска и корабли, и казалось, вся страна поддерживает эту демонстрацию силы и решительности со стороны молодого короля. Впрочем, не все его подданные были готовы платить ему верностью. Некоторые все еще задавались вопросом о законности правления дома Ланкастеров, и в дни перед отправлением военной экспедиции некоторые аристократы попытались организовать восстание. Король предвосхитил их действия, и их быстро казнили. Больше никто и никогда не пытался угрожать царствованию Генриха V.

Он отплыл во Францию с армией в 8000 человек. Она состояла из лучников, как пеших, так и конных, и тяжеловооруженных всадников — рыцарей и эсквайров в полной броне с копьями, мечами и кинжалами. В войске были пехотинцы, мастера по изготовлению луков и стрел, плотники, священники, хирурги, артиллеристы и инженеры. Две последние категории солдат были необходимы для ведения осадной войны — метода, который Генрих опробовал в Уэльсе. Также на борту был королевский офицер, которого называли «большим сержантом», — его единственной

обязанностью было держать голову короля, если государя будет тошнить. Было подсчитано, что во Францию отправили примерно 15 000 лошадей. Женщинам, которые обычно следовали за военными, не позволили отплыть с армией. В наказание у любой проститутки, обнаруженной среди солдат, отбирали все ее деньги и ломали одну из рук, прежде чем прогнать ее палками.

Экспедиция, которую сопровождала стая лебедей, покинула Саутгемптон 11 августа и отправилась к берегам Нормандии; герцогство принадлежало семье Генриха — по крайней мере, так он утверждал, — и высадиться на этой земле уже само по себе означало заявить о своем праве собственности. Генрих осадил город Арфлёр в устье Сены, но эта победа далась ему нелегко: город продержался пять недель, и все это время люди Генриха страдали от поноса из-за незрелых фруктов. Тем не менее он взял верх; лидеры города сдались, и Генрих немедленно начал строить планы превратить город в английскую колонию. Поскольку Арфлёр был связан рекой с Руаном и Парижем, он был желанной позицией.

Во время кампании король был несгибаемым и суровым ревнителем дисциплины; именно поэтому он добивался успеха. Он тщательно все

планировал, одновременно поддерживая управление администрацией в Вестминстере. Кроме всего прочего, он обладал огромной энергией; на турнире, на охоте, на поле битвы он был быстрым и безжалостным. Как будто бы странным образом предчувствуя свою раннюю кончину, Генрих производил впечатление человека, который всегда торопится.

Из Арфлёра он повел своих людей на северо-восток к Кале; они прошли 75 километров, но тут король получил неприятные новости о том, что французская армия ждет его на правом берегу Соммы. Он был вынужден изменить маршрут, пройдя по левому берегу Соммы до того места, где можно было безопасно двигаться дальше. Путь до Кале предполагалось пройти за восемь дней, но английская армия перешла через реку только две недели спустя. Люди короля были утомлены и голодны, но, несмотря на присутствие французской армии, тенью следующей за ними, Генрих приказал им идти на Кале. Все понимали, что, прежде чем добраться до города, ему придется столкнуться с врагом.

24 октября Генрих увидел французов; согласно автору «Деяний Генриха V» (The Deeds of Henry V), они, как стая саранчи, собрались около деревни

Азенкур. Один из английских командиров громко взмолился Богу о том, чтобы у него появилось еще 10 000 лучников, но король сказал ему, что они и без того находятся под защитой Господа. На эту ночь Генрих разместил своих людей на отдых и строго приказал соблюдать тишину; музыка и песни, доносившиеся из французского лагеря, были слышны очень хорошо. На рассвете король, прежде чем сесть на коня, прослушал три мессы; на шлем он надел золотую корону. Затем он приказал армии выдвигаться на позиции. У него было примерно 8000 человек против французского войска из 20 000. Была и еще одна очень значительная разница: среди англичан было 6000 лучников с длинными луками, в то время как среди французов их было очень мало. Они полагались на защиту своей брони. Итак, англичане выстроились в тонкую линию, тянущуюся вдоль поля битвы, выставив стену из щитов, как когда-то делали англосаксы, или «тонкую красную линию», как в битве при Балаклаве в 1854 году. Прошедший ночью сильный дождь превратил землю в жидкую грязь. В течение трех часов — с девяти утра до полудня — две армии, не двигаясь, стояли лицом друг к другу.

Затем Генрих взял на себя инициативу, опа-

саясь, что враг может ждать подкреплений. «Пришло время, вся Англия возносит за нас молитвы! — закричал он. — Так не падайте духом, и двинемся вперед! Во имя всемогущего Господа и святого Георгия! Знаменосец, вперед! Святой Георгий, помоги нам в этот день!» Его солдаты преклоняли колена, каждый из них клал в рот щепотку земли как напоминание о том, что все смертны и однажды всем предстоит обратиться в прах; это была альтернативная форма Святого причастия. Английские лучники выдвинулись вперед примерно на 600 метров, остановились и воткнули в мягкую землю заостренные колья для защиты от лошадей и вооруженных рыцарей. После этого они прицелились и обрушили град стрел на сбившихся в кучу французов, немедленно устроив в их рядах кровавую бойню. Французская кавалерия атаковала, но люди и лошади натыкались на колья.

Основные силы французской армии двинулись вперед, но из-за большого количества людей они были неповоротливы и действовали бестолково. Стрелы английских лучников делали свое дело, и лошади, оставшиеся без наездников, только вносили еще бóльшую панику во французские ряды. Мертвые тела уже лежали грудами на

грязной земле, и более проворные английские солдаты смогли прорваться внутрь огромной стенающей массы врагов. Две трети от оставшейся армии французов обратились в бегство. Генрих все еще не был полностью уверен в победе: треть вражеской армии оставалась на поле боя и было захвачено множество французских пленников, лишившихся оружия и находившихся в тылу. Опасаясь угрозы с их стороны, король приказал перебить этих людей. Это приказание шло вразрез с кодексом рыцарства, который запрещал казнить безоружных пленников, и было невыгодно для английских солдат, рассчитывавших получить значительный выкуп за тех, кого захватили в бою. Тем не менее Генрих приказал отряду из 200 лучников убить всех французов. Можно только сказать, что в крови и пылу битвы он объяснил себе свои действия какой-то насущной необходимостью. Что это было, мы не знаем. К счастью, королевское распоряжение было выполнено не полностью, и много сотен благородных пленников пережили резню во время битвы при Азенкуре.

После боя король беспрепятственно добрался до Кале, откуда после нескольких дней отдыха отплыл в Англию. Его прибытие в Лондон 23 но-

ября стало большим событием в государстве. 20 000 горожан встречали Генриха в Блекхите, приветствуя его как «властителя Англии, цвет всего мира, солдата Христова». На Лондонском мосту для встречи короля были воздвигнуты две огромные фигуры мужчины и женщины; на всем пути по городу его сопровождали королевские гербы с изображениями льва и антилопы и хор ангелов, поющих: «Благословен будь тот, кто приходит во имя Господа». Путь к собору Святого Павла украшали другие гигантские фигуры, телеги с живыми картинами и затейливые за́мки; короля, одетого в простую пурпурную мантию, приветствовали группы певцов, держащих венки. В тот же год Генрих начал носить куполообразную, или императорскую, корону, сделанную по образцу той, которую носил император Священной Римской империи; она представляла собой «имперскую диадему из золота и драгоценных камней» и указывала на то, что Генрих воссоздавал императорский сан.

Несущий выгоды мир не сразу последовал за успехом в бою. Ни одна победа, пожалуй, не приносила такого ничтожного результата. Мышцы, которые были напряжены, теперь снова расслабились, и кровопролитию было дозво-

лено прекратиться. Правда, репутация короля значительно укрепилась; теперь он выглядел любимцем самого Господа, человеком, находящимся под его защитой. Право его династии на царствование было очевидным образом подкреплено. Единым духом он стал одной из ведущих фигур европейских королевских дворов. На практическом уровне это выразилось в том, что парламент даровал ему новые преимущества в налогообложении и гарантировал пожизненную пошлину на экспорт шерсти и кож.

Французы попытались отбить Арфлёр по земле и по морю, но судьбоносное морское сражение летом 1416 года доказало их бессилие. Генрих гордился своими морскими успехами: он был первым королем после Альфреда, который создал национальные морские силы. К концу 1416 года ему принадлежали шесть огромных кораблей, восемь баркасов и десять одномачтовых парусных судов, известных как балингеры.

Со всеми этими силами Генрих начал второе вторжение во Францию в феврале 1417 года. Он пришел, чтобы затребовать французский трон «де факто и в реальности»; он принадлежал ему по праву. Король провел ряд осад, начав с города Кан и медленно двигаясь на юг, пока не добрался

до Фалеза, хорошо известного как место рождения Вильгельма Завоевателя. Он вернулся на землю своего теперь уже отдаленного многими поколениями предка и при этом фактически завоевал Нормандию. Потом Генрих двинулся на столицу герцогства Руан; осада продолжалась почти полгода, причинив ужасные страдания жителям города. Согласно популярному стихотворению того времени:

Они ели собак, они ели кошек,
Они ели мышей, лошадей и крыс,
И крыса шла за тридцать пенсов…[48]

Руан сдался 19 января 1419 года. Путь на Париж теперь был свободен. Между сторонами состоялись некие переговоры, которые не привели ни к каким решениям. Генриху противостояли король Франции Карл VI вместе со своим сыном и наследником дофином. Их поддерживал герцог Бургундский, который заключил с дофином необычный союз в попытке остановить англичан. Но союз оказался непрочным: во время встречи на мосту один из сторонников дофина

[48] Примечания: 48
They ate dogs, they ate cats, / They ate mice, horses and rats / For thirty pence went a rat.

убил герцога. Возможно, это стало результатом заговора, а может быть, действительно несчастным случаем, как об этом объявили, но результат в любом случае был одним и тем же. Воспользовавшись замешательством своих врагов, Генрих подошел к воротам Парижа и потребовал французскую корону. Кто теперь мог отказать ему? Новый герцог Бургундский был неопытен, дофин был в опале, а король Франции время от времени страдал приступами безумия.

После множества споров весной 1420 года было заключено соглашение, в котором подтверждалось, что Карл VI лишает сына права наследования и объявляет своим преемником английского короля. Генрих V должен был жениться на дочери французского короля Екатерине Валуа, таким образом, любой их потомок мужского пола автоматически становился королем как Англии, так и Франции. При поверхностном взгляде можно было бы говорить о великой победе: Генрих добился большего, чем любой из его предшественников. Впрочем, последующие события доказали, что соглашение оказалось чрезвычайно непрочным. Почему французы должны были согласиться на то, что ими будет править какой-то король из Вестминстера? Да

и в некоторых кругах английского парламента существовали серьезные сомнения в том, что захват Франции является для Англии мудрым решением: война обходилась слишком дорого. Цена армии, поддерживающей порядок в завоеванной стране, также должна была быть очень велика. Не было никакого резона драться из-за французских дел.

В начале 1417 года духовенство прекратило молиться за успехи короля в войне за морем; парламенты 1420 и 1421 годов вернулись к прежним методам и отказались давать деньги на это предприятие. Хронист этого периода Адам из Аска закончил свой рассказ восклицанием: «Но горе мне! Великие люди и сокровища королевства будут истощены этим делом!» Можно было рассчитывать на какую-то компенсацию, которая была особенно значима для выдающихся рыцарей и солдат удачи, которые возвращались домой с награбленным добром. Томас Монтегю, граф Солсбери, писал королю: «Мы привезли домой великолепную, никогда не виданную доселе добычу». Иначе говоря, он вернулся богачом. Но воодушевляло ли это английских священников и йоменов — совсем другой вопрос.

Были страхи и по поводу суверенности самой

Англии. Что, если, к примеру, будет существовать один казначей, управляющий финансами обеих стран, переплетенными, как сложный кружевной узор? А что, если король или его преемник назначит на эту должность французского аристократа? Эти страхи могли быть совершенно беспочвенными, но, как бы то ни было, они существовали. Стало очевидно, что король уже проводит во Франции больше времени, чем в Англии, и ущемляет национальные интересы.

Основанием для таких мыслей был тот факт, что Генрих был вынужден совмещать свои цели во Франции с дальнейшими военными кампаниями. Он овладел — или завоевал — герцогством Нормандским вместе с территорией под названием Вексен — областью в Северо-Западной Франции на правом берегу Сены. Но все еще существовали провинции, которыми управлял герцог Бургундский, и провинции под управлением дофина. На земле, разделенной на части, мира быть не могло.

Генрих женился на Екатерине Французской — Екатерине Валуа — вскоре после заключения соглашения с ее отцом; они с помпой въехали в Париж и поселились в Лувре. Разумеется, король желал короновать свою жену в Вестмин-

стере, и 23 февраля 1421 года она вошла под своды аббатства. Династии Валуа и Плантагенетов соединились.

Четыре месяца спустя Генрих снова был во Франции, чтобы противостоять сопротивлению и бунтам французов. Ему приходилось сражаться ради своих целей, но во время осады города Мо он заболел. Короля лихорадило, и он все сильнее слабел. Чувствуя, что смерть подступает, Генрих выразил свою последнюю волю. Теперь у него был сын восьми месяцев от роду, и ребенок был передан под защиту одного из братьев Генриха V. Герцог Глостер должен был воспитывать и поддерживать маленького Генриха VI. В последний день августа 1422 года король умер. Его тело перевезли в Лондон и с надлежащими почестями похоронили в Вестминстерском аббатстве.

Ни одного короля так не превозносили его современники, как Генриха V. Все сомнения по поводу войн во Франции были забыты ради его воинской славы. Он был благочестив и величествен, он был целомудренным и истовым. Он был так же щедр к своим друзьям, как беспощаден к врагам; он был предусмотрительным и великодушным, скромным и умеренным. Он был образцом средневекового короля, но существова-

ли и другие мнения. Пьесу Шекспира «Генрих V» можно интерпретировать и несколько по-другому — как рассказ о военном тиране, который поставил все на хвастливое завоевание Франции. Чего же он достиг в конце концов? Когда все, захваченное во Франции, было отвоевано назад, мечта о двойной монархии рассеялась, и трофеев осталось очень мало. Все было сделано ради гордости принца.

Можно отметить еще одно трудноуловимое и неожиданное последствие возобновления Генрихом V Столетней войны. На английском языке теперь говорили все подданные короля. Все его письма написаны на английском, и автор «Деяний Генриха V» обращается к «Anglia nostra» — «нашей Англии». Первый документ королевской администрации, написанный по-английски, датирован 1410 годом. Лондонская гильдия пивоваров стала делать свои записи на английском языке с начала 1420-х годов, ссылаясь на тот факт, что «бóльшая часть палаты лордов и заслуживающие доверия члены палаты общин начали вести свои дела на родном языке».

Теперь архиепископ Кентерберийский привычно говорил об «английской церкви» как о неотъемлемом элементе Вселенской церкви,

и церковный собор 1414 года заявил, что «если понимать нацию как людей, отличающихся от других кровными связями и привычкой к единству или особенностями языка… то англичане — настоящая нация». Тот факт, что об этом заговорили, позволяет предположить, что в предыдущие периоды единство нации не казалось самоочевидным. В XV веке также постоянно предпринимались попытки противопоставить процветающую Англию и бедственное положение Франции. Это был способ отдалиться от наследия франкоговорящей королевской семьи и франкоговорящего двора, которые правили страной последние три столетия.

Первое дошедшее до нас письмо на английском датируется зимой 1392 года. Но больший интерес с точки зрения изучения повседневных забот людей представляет несколько более поздняя записка, тоже написанная по-английски. Она была «написана в Кале, на этой стороне моря, в первый день июня, когда все идут обедать и часы бьют полдень. Из всех домов кричат вслед за мной и зовут спускаться. Немедленно спускайся обедать! И ты давно знаешь, какой ответ я им дам». Так и слышится: «Спускайся! Спускайся!»

30
Какими другие видят нас

Другие народы часто обвиняли англичан в грехе гордыни; эта черта считается характерной для всей нации. Французский хронист XIV века Жан Фруассар описывал «великое высокомерие англичан, которые обходительны только с представителями своего народа и больше ни с кем». Немецкий рыцарь Николас фон Поппелау побывал в Британии в 1484 году и жаловался, что «англичане считают себя самыми умными людьми в мире», а также думают «что за пределами Англии мир не существует». Пятнадцать лет спустя путешественник из Венеции заявил, что «англичане очень любят самих себя и все, что им принадлежит». Стоит им только увидеть симпатичного иностранца, как они заявляют: «Он выглядит, как англичанин».

Жители других стран были уверены, что у англичан есть хвосты. Греки с Сицилии, которым пришлось пережить нашествие английских крестоносцев в 1190 году, отзывались о них как о «хвостатых англичанах». В конце XIII века шот-

ландские солдаты, осажденные в замке Данбар, кричали с крепостных стен: «Вы, английские собаки с длинными хвостами! Мы убьем вас всех и отрежем ваши хвосты!» Возможно, первоначально подобные оскорбления были связаны с длинными волосами, которые завязывали сзади в хвост, и постепенно стали выражать негодование и возмущение в целом.

Французы обвиняли англичан в том, что последние много пьют и вероломно строят козни; понятие о «коварном Альбионе», актуальное в XVIII и XIX веках, имеет длинную предысторию. Англичане были холодными и флегматичными, они были нечувствительны к страданиям других и к своим несчастьям. Они не боялись смерти. Именно поэтому они сражались с такой яростью; они, практически не скрываясь, воровали друг у друга и убивали друг друга. Иногда они даже убивали своих королей. Так они стали известны своей жестокостью.

Сами англичане признают за собой многие из этих грехов. Автор «Жизнеописания Эдуарда II» (Vita Edwardi Secundi) в начале XIV века утверждал, что его соотечественники отличались «гордостью, ремеслами и вероломством». Ранульф Хигден из Честера в тот же период опи-

сывал своих сограждан как пьяных, заносчивых и нечистых на руку. Эта неумеренность в употреблении крепких напитков была частой причиной для жалоб, ее так часто описывали и проклинали, что она стала почти карикатурной. В 1473 году папский легат в Англии писал, что «по утрам они благочестивы, как ангелы, но после обеда больше похожи на дьяволов». Возможно, некоторые характерные черты нации не меняются никогда.

31
Простой человек

Если бы сын Генриха был объявлен королем сразу после смерти отца, его бы пришлось короновать прямо в пеленках, поэтому было решено, что разумным будет подождать с миропомазанием до того времени, пока мальчик не достигнет сознательного возраста. Ничто так не навлекает на страну несчастья, как малолетний король, окруженный магнатами, которых не волнует ничего, кроме их интересов. В самом деле, за время долгого правления Генриха VI, продолжавшегося почти сорок лет, судьба правящих домов Англии прошла через огромное количество ошеломляющих злоключений — так много было перестановок и сюрпризов, так много побед и поражений, что критик XIX века Уильям Хэзлитт описывал страну как «прекрасный пример медвежьего садка». Это была эпоха, когда состоялся ряд битв, ставших известными как Война Алой и Белой розы.

Три брата осуществляли управление страной за несовершеннолетнего короля. Их можно пред-

ставить как драматических персонажей. Первым из них, самым младшим дядей, был герцог Глостер, тот, которому Генрих V доверил жизнь и безопасность своего сына. Старший дядюшка, герцог Бедфорд, был выбран умирающим королем, чтобы защищать и расширять завоеванные у Франции территории; война продолжалась, как и раньше. Генрих Бофорт, сын Джона Гонта и, таким образом, двоюродный дед короля, был епископом Винчестерским; он стал лорд-канцлером Англии и, таким образом, главным чиновником страны. Он был незаконнорожденным, но последующая женитьба Джона Гонта на матери Бофорта Екатерине Суинфорд придала его статусу законность.

Но братья, законные или незаконные, могут ссориться. Глостер пожелал получить титул регента, который фактически подразумевал под собой контроль над страной. Вместо этого, по требованию Бедфорда, его именовали только «лордом-протектором», обязанным уступать старшинство всякий раз, когда старший брат возвращался из Франции в Англию. Также Глостер ссорился с Бофортом по поводу того, в каком направлении должно следовать королевство, и их соперничество зашло так далеко, что в 1452 году

они были практически в состоянии междоусобной войны. Бофорт собрал армию в Саутуарке, где находился его дворец, а Глостер приказал мэру Лондона не пускать это войско на Лондонский мост. Бедфорду пришлось приехать из Франции, чтобы добиться соглашения между ними. Они были словно собаки, дерущиеся за кости власти.

Новый король Генрих VI был официально коронован зимой 1429 года. Восьмилетнего мальчика на руках отнес в аббатство его наставник; можно было подумать, что ребенок слаб, но он сумел выдержать длинную церемонию и в конце ее без посторонней помощи пройти по нефу. Говорили, что Генрих всю свою жизнь оставался ребенком. В конце 1431 года его привезли во Францию, где по соглашению, заключенному его отцом, мальчик был коронован как король Франции в соборе Парижской Богоматери. В этом маленьком мальчике королевские династии Валуа и Плантагенетов сошлись вместе. Едва достигнув возраста десяти лет, он уже был единственным монархом мужского пола, который являлся королем и Англии, и Франции.

Следует отметить, что за год до его прибытия во Францию появилась Жанна д'Арк, вдохновившая французских воинов и вложившая в их душу

надежду. Именно это было одной из причин, по которой так стремились продемонстрировать Генриха Парижу. В мае 1429 года в результате ряда великолепно проведенных вылазок Жанне д'Арк удалось снять осаду с Орлеана и приступить к возврату других французских городов, которые сдались врагу. Орлеан был ключевым городом для стратегии англичан, его падение означало, что полное поражение французской армии не заставит себя долго ждать. Теперь победу выхватили буквально из-под носа. В письме, которое Жанна написала в конце июня жителям Турне, она заявила: «Орлеанская дева дает вам знать, что за восемь дней выгнала англичан из тех мест, которые они захватили на Луаре, нападая на них или используя другие средства; теперь они мертвы, попали в плен или потерпели поражение в битве». Она начала процесс, давший обратный ход всем победам, которые англичане одержали за время предыдущего царствования. Жанна убедила дофина Карла прибыть на миропомазание в Реймсский собор, где он был коронован как Карл VII. Теперь на господство над Францией претендовали сразу два короля: Генрих VI и Карл VII. Потребовалось еще двадцать лет, чтобы победа окончательно перешла к одному из них.

После смерти Генриха V делами Франции никто особенно не интересовался. Без вызывающего вдохновение короля энтузиазм, связанный с завоеванием соседнего государства, кажется, понемногу сходил на нет. Споры между Бедфордом и Глостером не предвещали ничего хорошего; также Бедфорду отказывали в финансировании, которое ему было необходимо. В парламенте, да и повсюду говорили о том, что дела, связанные с Францией, должны финансироваться французскими налогоплательщиками. Сами англичане открыто сомневались в достоинствах и преимуществах царствования в двух королевствах. Какой смысл в присвоении территорий во Франции или владении ими, когда в Англии так много проблем? Король Англии должен оставаться в своей стране, а не сидеть в Париже или Нормандии.

Война продолжалась; ни у англичан, ни у французов не было ни желания, ни ресурсов, чтобы как-то разрешить эту проблему. Карл VII заключил союз с новым герцогом Бургундии, официально принес извинения за убийство предшественника герцога и пообещал наказать виновных. Таким образом, теперь те территории Франции, которые находились под влиянием Бур-

гундии, стали поддерживать Валуа, и Карл мог действительно объявить себя королем если не всех французов, то по крайней мере большинства. При этом Бургундия бросила своих английских союзников, и этот шаг до глубины души потряс маленького короля; Генрих заплакал, прочтя письмо от герцога Бургундского, отменяющего свою клятву верности. Более чем двадцать лет спустя он все еще вспоминал об этом событии. «Он бросил меня, когда я еще был ребенком, — говорил король, — несмотря на все его клятвы, при том, что я ему не сделал ничего плохого». Здесь мы можем отметить характерную для Генриха простоту высказывания.

История Жанны д'Арк хорошо известна. Бедфорд повел против нее войну словами, объявив девушку ведьмой и колдуньей, служащей дьяволу. Она заявила, что ее миссия состоит в том, чтобы освободить Орлеан и организовать коронацию французского монарха; после того как цель была достигнута, Жанна, казалось, очутилась в тупике. Она была ранена во время военного столкновения в Париже, а потом захвачена солдатами Иоанна Люксембургского. Он продал ее Бедфорду, затребовав крупную сумму, и Орлеанскую деву судили по обвинениям в колдовстве.

Французский король не сделал даже попытки спасти ее и, кажется, считал все, происшедшее с нею, всего лишь одной из превратностей войны. Весной 1431 года Жанну д'Арк сожгли на костре на рыночной площади в Руане.

Совет аристократов собрался, чтобы продлить несовершеннолетие молодого короля; все они служили Генриху V и сохранили память о короле, который был, по крайней мере, так же силен, как и их пристрастие к собственным интересам. Непростой триумвират трех братьев просуществовал до смерти Бедфорда в 1435 году. В 1437 году, когда Генриху исполнилось шестнадцать лет, он объявил, что стал совершеннолетним и теперь может управлять государством самостоятельно, но, похоже, это решение кто-то принял за него. Король полагался на суждения и советы других, и говорили, что он всегда соглашается с мнением человека, с которым разговаривал последним. В течение двух лет он изучал права и обязанности короля, а теперь пришло время выйти на сцену. Бофорт и Глостер, самые видные аристократы после смерти Бедфорда, теоретически были обязаны преклоняться перед желаниями короля. За одиннадцать лет до этого епископ Бофорт стал кардиналом, но даже это возвышение не давало

ему того ранга и той власти, какие были у его суверена. Летом 1437 года Генрих VI отправился в большое путешествие по своему королевству.

Так что теперь мы можем описать молодого короля. На дошедших до нас портретах, которые, возможно, в чем-то его идеализируют, мы можем видеть мужчину с выдающейся челюстью и довольно благочестивым или невинным выражением лица. Что касается его характера и суждений, то здесь мнения расходятся. Он был честной и простой натурой, но добродетели обычного человека не слишком хорошо подходят монарху. Для некоторых хронистов Генрих стал образцом святого короля, «без какой-либо хитрости или неправды», «чистого и праведного», скромного в успехе и терпеливого в неудачах. Другим он казался простофилей, идиотом, недалеким, воистину «позором» своей семьи. Папа Пий II говорил об этом преданном сыне церкви, что он «трусливее любой женщины и полностью лишен разума или духа». Английские священнослужители распространяли о короле различные слухи. Настоящий король XV века должен был быть агрессивным и грубым, он должен был обладать присущей ему от рождения властью; он должен был быть хитроумным и храбрым.

У Генриха VI, очевидно, не было ни одного из этих качеств. Те, кто называл его идиотом и дураком от природы, просто выражали свое разочарование. В любой другой сфере Генрих, без сомнения, мог бы проявить себя как вполне компетентный и добрый человек.

Только в его благочестии можно не сомневаться. Он никогда не вел дела и не менял местоположение своего двора по воскресеньям. Генрих делал замечание любому из своих лордов, кто богохульствовал или сквернословил, а самым крепким выражением в его устах было: «Воистину! Воистину!» Его выдающийся современник Уильям Кекстон писал, что король «ввел правило, что до любых других кушаний его олмонер[49] должен был ставить на стол особое блюдо, которое олицетворяло собой пять ран, нанесенных Христу, красных от крови. Его должны были принести, когда он желал подкрепиться. Созерцая эту картину с большой горячностью, он благодарил Господа с особым рвением».

После того как герцог Бургундский присоединился к французам, бесконечная война стала не слишком успешной для англичан. Они все еще

[49] Примечания: 49

Олмонер — лицо, занимающееся раздачей милостыни при английском дворе.

удерживались в Нормандии, а также в некоторых частях Гаскони и Мэна, но их стремлениям к господству над всей Францией пришел конец. Оказалось, что Бедфорда, командующего английскими силами во Франции, просто невозможно заменить. Никто в Англии не испытывал никакого воодушевления по поводу французского мероприятия. Шаг за шагом Нормандия переходила к французам. К несчастью, сам Генрих VI не имел никакого военного опыта и не стремился к войне. Он посетил Францию единственный раз, когда его короновали, и ни разу не водил свои войска в битву. Он решительно был человеком мира, предпочитал сидеть дома, занимаясь своими научными изысканиями или благочестивыми делами; он больше интересовался основанным им колледжем в Итоне или строительными работами в Кембридже. В этом он добился определенных успехов. Итонский колледж и Королевский колледж в Кембридже остаются самыми долгоживущими материальными воплощениями его царствования.

Когда весной 1436 года Париж пал перед Карлом VII и в Нормандии начались беспорядки, Генрих еще сильнее озаботился миром, но переговоры между двумя сторонами не привели

практически ни к чему. Французы медленно продвигались по захваченным территориям. У англичан не было ни людей, ни ресурсов, чтобы одновременно защищать и Гасконь, и Нормандию, тогда как главному рыночному городу Кале, где находился гарнизон, постоянно угрожали силы герцога Бургундского. Французский король предложил перемирие, по условиям которого Англия сохраняла контроль над Гасконью и Нормандией, но Генрих VI должен был отказаться от своих притязаний на французскую корону. Король и его совет увиливали от прямого ответа и отослали ряд уклончивых посланий. Совет Генриха в Нормандии заявил, что остался в смятении и тревоге, как «корабль, который швыряют по морю разные ветра и у которого нет капитана, нет лоцмана, нет руля и нет парусов». Под отсутствием капитана и лоцмана, руля и парусов подразумевали короля.

Многие заинтересованные в деле партии, разумеется, были готовы высказать свое мнение. Бофорт и Глостер присоединились к третьей из них. Ричард, герцог Йорк, занял место Бедфорда как командующий английскими войсками; он был племянником Бедфорда и продолжил фракционную борьбу, которая к тому времени уже

стала характерной чертой английской политики. В сложном хитросплетении наследных прав Ричард теперь был одним из самых вероятных наследников трона, поскольку приходился прямым родственником пятому сыну Эдуарда III; сам же Генрих вел свое происхождение от четвертого сына Эдуарда. Современному читателю это может показаться до крайности запутанным, но в то время все действующие на политической арене лица твердо знали свое положение в иерархии власти и наследования; это было буквально в их крови и определяло их действия. Генрих никогда не доверял Йорку.

Возникла и еще одна сложность. Джон Бофорт, племянник кардинала Бофорта, ставший герцогом Сомерсетом, был отправлен во Францию, чтобы защищать Гасконь, что привело в ярость Йорка, который уже сталкивался с огромными трудностями в Нормандии и отчаянно нуждался в подкреплении. Легко увидеть, что английская политика была в полном беспорядке. Йорк и Глостер принадлежали к партии, которая предпочитала агрессию и решительное противодействие атакам французов; кардинал Бофорт предпочитал политику соглашений и переговоров. Король, который по своей приро-

де больше склонялся к миру, колебался между двумя фракциями. Сомерсет отплыл во Францию летом 1443 года, но ничего не добился на поле битвы; в конце концов он попал в унизительное положение, поскольку был вынужден просить убежища у Йорка в Руане. Армия Сомерсета была распущена, и он вернулся в Англию. Он умер весной следующего года, и ходили слухи, что герцог покончил с собой. Последнее великое английское предприятие потерпело фиаско. Члены «партии мира» в Вестминстере чувствовали себя так, как будто доказали свою правоту.

В этих печальных обстоятельствах Генрих VI отправил посла на переговоры лично с Карлом VII, французским королем. Уильям де ла Поль, герцог Суффолк, уже проявил себя в войнах с Францией и стал одним из самых любимых советников короля. Весной 1444 года он отправился в Тур, к французскому двору, где обе стороны, утомленные войной и издержками, достаточно легко заключили перемирие на десять месяцев. Договор был скреплен поцелуем. Одним из условий соглашения была женитьба Генриха VI на дочери герцога Анжуйского — эта семья была одной из самых влиятельных при французском дворе, к тому же девушка приходилась племянницей

французскому королю. Маргарита Анжуйская в сопровождении Суффолка приплыла в Англию на следующий год.

Так в Англии появилась одна из самых властных ее королев. Оставалось совсем немного времени до того момента, когда повсюду начали говорить, что она управляет своим мужем; лондонский хронист Джон Блокинг заявил, что Маргарита умнее Генриха и имеет более сильный характер. Он была «великой, сильной и активной женщиной, которой без усилий удавалось устраивать свои дела». Ее любовником стал Суффолк, который организовал ее брак, и вместе они контролировали политику, проводимую советом. Именно Маргарита, к примеру, играла ведущую роль в переговорах с французами; она пыталась примирить всех своих родичей. Так, ее муж тайно согласился передать провинцию Мэн французскому королю в обмен на гарантии мира. Мэн как часть анжуйского наследства был английским владением с тех пор, как в 1154 году отошел Генриху II, который родился в столице графства Ле-Мане. Новость об этой потере вызвала недовольство и разочарование Королевского совета, даже королевские посланники, отправлявшиеся во Францию, возражали против этой уступки,

о которой они должны были вести переговоры, и настаивали на подписанной декларации, где говорилось о том, что они прибыли только ради более высокой цели — мира. Соглашение, после большой неразберихи и подозрений, возникших в результате нерешительности Генриха, наконец было подписано.

Глостер, лидер партии, которая когда-то желала войны с Францией, теперь не пользовался особой популярностью. Его власть и авторитет в значительной степени разрушились. Здесь сыграло свою роль и судебное преследование его жены за колдовство на основании того, что она якобы пыталась вызвать смерть короля с помощью темных искусств. Возможно, что он планировал выступить против Суффолка или каким-то другим путем захватить власть над королем. В 1447 году парламент был созван в Бери-Сент-Эдмундс, где обычно ассамблею никогда не собирали. Глостер прибыл в город, чтобы открыть собрание, но на следующий день после своего приезда был арестован по обвинению в измене. Несколько дней спустя его нашли мертвым в постели. Все считали, что он заболел сразу после ареста и был сражен тревогой и разочарованием. Возможно, он умер от естественных причин в этом самом

странном из миров. Но, разумеется, это могло быть и «убийство по суду» — в те времена такие вещи были достаточно распространены.

Смерть Глостера не укрепила власть короля. Генрих никак не показал себя во время единоличного правления; он был настолько же беспечен в отношении английских дел, насколько нерешителен в ведении войны. Он отдал своим фаворитам больше королевских земель, чем любой из его предшественников; его долги становились все больше и больше, в то время как всем было известно, что королевские слуги и домочадцы воруют деньги из его бюджета. Все льготы и привилегии, даруемые королем, — в том числе должности, пенсии и попечительство — иссякли. Иной раз Генрих жаловал одну и ту же должность двум разным людям.

Кроме того, король щедро раздавал новые титулы: за восемь лет с 1441 по 1449 год он пожаловал десять баронских, пять графских, пять герцогских и два титула маркиза. Даже самый непредвзятый наблюдатель должен был прийти к выводу о том, что Генрих неумеренно распространяет свой патернализм. Старые бароны и герцоги могли подозревать, что их ранг, если уж на то пошло, не обязательно их возвышает. Генрих никогда

не интересовался никаким положением, кроме положения монарха; он раздавал свое богатство и свою власть. Он не понимал ценность и важность того, что дарит. Он был всегда готов прощать и даже жаждал этого, следуя примеру Спасителя. Но великодушие короля не внушало любви тем, кто считал, что с ним поступают несправедливо.

Генрих был слишком слабым, чтобы выступать арбитром в спорах более могущественных аристократов королевства; это поощряло их к тому, чтобы брать дела в свои руки и решать силой или угрозами те споры, которые должен был разрешить более сильный король. В результате вооруженные конфликты между влиятельными семьями предвосхитили более масштабную гражданскую войну, известную как Война Алой и Белой розы. Предполагалось, что король должен руководить своими аристократами и направлять их; это было частью их договора с двором. Естественным образом они должны были поддерживать миропомазанного монарха. Дворяне не желали слабого короля, они чувствовали себя в большей безопасности, если король был силен. Но если хозяина не было, весь заведенный порядок рушился.

Последствия были очевидны всем. После

смерти герцога Глостера герцог Йоркский стал прямым наследником престола, но Генрих все еще не доверял ему, и, чтобы ослабить его влияние при дворе, Йорка отправили в Ирландию как лорда-наместника. Два года герцог отказывался принять это назначение, но летом 1449 года он пересек Ирландское море. Тогда командование английскими войсками во Франции было передано новому герцогу Сомерсету Эдмунду Бофорту, брату предполагаемого самоубийцы. Суффолк и Сомерсет теперь состояли в союзе против Йорка. Достаточно скоро Йорк и Сомерсет станут соперниками, и это соперничество продлится почти до самой их смерти. Такими были плоды «единоличного правления» Генриха, которое закончилось самой кровавой династической войной за всю историю Англии.

Все больше распространялось мнение о том, что закон временно бездействует. «В эти дни закон больше ничему не служит, — заявляли люди Кента в декларации 1450 года, — но только действует во вред». Все это проделывалось с помощью «взяточничества, страха или покровительства». Дошедшие до нас письма этого периода, в особенности письма семьи Пастон, наполнены рассказами о нарушениях, которые

оставались безнаказанными, и об аристократах, которые творили правосудие (если его вообще можно так назвать), руководствуясь собственными интересами. Рассказывали бесконечные истории о вооруженных бандах, угрожающих арендаторам, осаждающих имения и захватывающих суды.

Джон Пастон писал об одной банде наемников: «Ни один бедный человек не решается высказать свое неудовольствие, поскольку то, что они делают, благодаря их мечам становится законом». Он узнал о подобной жестокости на своем опыте. В петиции архиепископу Йоркскому Пастон писал об «огромном количестве мятежных людей числом до тысячи или больше», которые «разрушили, разорили и разграбили» дом в его поместье в Грэшеме; они «выгнали мою жену и слуг, которые там находились, и обыскали дом с целью грабежа, забирая и унося с собой все имущество». После этого банда укрепилась в имении и вышибла из него самого Пастона и королевского мирового судью.

Еще одна банда, под командованием Уильяма Тейлбойза, находилась под защитой Суффолка; следует вспомнить, что Суффолк вместе с королевой помогал контролировать Королевский совет.

Тейлбойз и его «головорезы» обвинялись в трех убийствах, а также в посягательстве на чужое имущество и угрозах, но Суффолк помог им избежать правосудия. Как тогда говорилось, «от того, кто твой господин и твой друг, зависит закон и выгода». Дух анархии воцарился над всей страной, и король ничего не мог с этим поделать.

Когда поместье Пастона было разграблено и захвачено, его соперник добыл королевское письмо, где шерифа Норфолка просили сделать «одолжение». В таких обстоятельствах Пастон был бессилен, и ему посоветовали попросить о покровительстве герцога Йоркского. В 1454 году один из рыцарей Генриха сэр Джон Фастольф, хорошо показавший себя в войнах во Франции, отложил деньги на взятку шерифу; ему нужен был суд присяжных, которые были бы на его стороне в судебном деле. Вполне понятно, что присяжных того периода обыкновенно подкупали или запугивали.

Во вставке к своей версии «Игры в шахматы» (The Game and the Playe of the Chesse) Уильям Кекстон сурово осуждает «адвокатов, людей закона и прокуроров суда», описывая, «как они поворачивают законы и статуты к своей выгоде, как поедом едят людей, как разоряют общину». Для

примера мы можем прочитать великолепный юридический текст этого периода «Похвалу законам Англии» (De laudibus legum Angliae) Джона Фортескью и даже восхититься развитием, или «эволюцией», юриспруденции, но на практике закон весь прогнил и был изъеден червями. То же самое мы можем сказать и о парламенте, и о дворе. Не следует ожидать, что любой созданный человеком институт будет всегда находиться в порядке и полностью исполнять свои обязанности; только в историях они без затруднений движутся к предопределенному им концу.

Все эти беспорядки и несправедливости достигли критической точки в 1449 году. В тот год власти Генриха был нанесен смертельный удар, когда Карл VII на основании того, что англичане нарушили условия официального перемирия, согласованные два года назад, вошел в Нормандию, намереваясь полностью освободить эти территории от английского владычества; его успех был очевидным и очень быстрым. Города, до этого времени занятые англичанами, сдавались без боя трем французским армиям, которые шли на них по трем различным направлениям.

В ноябре 1449 года парламент собрался из-за печальных новостей из Франции, и на его второй

сессии в начале 1450 года герцога Суффолка обвинили в измене. Утверждали, что он планировал способствовать вторжению Карла VII в Англию и что желал отдать свой замок в Уоллингфорде в распоряжение французского короля. Обвинение могло выглядеть далеким от реальности, но во времена упадка и подозрений в него поверили. Те, кто был ответственен за фиаско во Франции, должны были так или иначе ответить за него. В то же самое время лорд-канцлер Англии архиепископ Стаффорд отказался от должности. Суффолка поместили в Тауэр, где против него выдвинули обвинение в государственном преступлении; король вмешался и положил этому конец. Генрих не мог одобрить спектакль, поносящий его первого министра и советника.

Тем не менее палата общин не перестала выражать общественный гнев и желание мести. Они выдвинули вторую серию обвинений, среди которых был неопровержимый факт: Суффолк защищал Уильяма Тейлбойза от ареста и тюремного заключения. Тогда король созвал лордов во внутренних покоях дворца в Вестминстере, где отказался признать юрисдикцию парламента, взяв Суффолка под свое «господство и покровительство». Это была чрезвычайно неуклюжая

манера действовать, но в то время казалось, что другого выбора нет. Несколько недель спустя Генрих объявил, что Суффолк будет изгнан из королевства на пять лет. Суффолк отплыл из Ипсуича в конце апреля, направляясь в Нидерланды, но не достиг порта назначения. Корабль, на котором он плыл, был захвачен, и герцога забрали на борт другого судна, где моряки быстро провели над ним суд. Суффолк был обезглавлен ржавым мечом, а тело его выбросили на берегу около Дувра.

Французский король вернул себе Нормандию за год и шесть дней. К лету 1450 года английские силы были изгнаны из большинства городов и городков Франции, во владении Англии остались только некоторые части Гаскони и Кале. В то время Карла VII описывали как «победоносного короля Франции». Французский хронист отмечал, что «никогда еще такая великая страна не была завоевана за такой короткий промежуток времени и с такими малыми потерями среди населения и солдат». Женитьба Генриха на Маргарите Анжуйской очень мало способствовала укреплению английского правления во Франции, и Маргариту многие даже обвиняли в том, что она приложила руку к окончательному пораже-

нию Англии. В те времена было распространено крылатое выражение: «Сын короля потерял все победы отца». Столетняя война была близка к завершению.

Едва ли можно преувеличить ущерб, который происшедшее нанесло королю. Он не только потерпел поражение в битвах, он на самом деле был вынужден сдать все территории, которыми английские монархи ранее владели по праву. С этого времени Генрих фактически потерял контроль над своим королевством, и без лидера неразбериха превратилась в хаос. Также на собрании парламента в 1450 году сообщали, что долги короля за шестнадцать лет увеличились более чем в два раза; с этого момента лондонские купцы — как отдельные банкиры, так и члены корпораций — прекратили свою финансовую поддержку. Была и еще одна причина династической Войны Алой и Белой розы: у короля не было денег, чтобы управлять страной. Боялись, что эта ситуация перейдет в то, что называли «диким миром». Человек, который называл себя Королевой Фей, проповедовал в городах и деревнях Кента. В Кентербери сукновал по прозванию Синяя Борода пытался собрать вокруг себя братство. Важно то, что дело происходило в Кенте.

То, что голову Суффолка нашли около Дувра, и то, что в его казни участвовали моряки из Кента, неизбежно навлекало подозрения на этот независимый и временами строптивый шир. Королевский представитель угрожал, что все графство будет опустошено и превращено в олений парк, но у людей из Кента и без этого были причины для жалоб. Безуспешная война против Франции крайне отрицательно сказалась на морской торговле, на которой строилось процветание жителей шира. На побережье безнаказанно нападали пираты из Франции и Бретани. Агнес Пастон писала, что друг их семьи «во время прогулки по побережью был захвачен врагами». Она возносила молитвы о том, чтобы «Господь даровал свою милость и побережье лучше охранялось, чем сейчас, иначе жить около моря станет чрезвычайно опасно».

В конце мая 1450 года преследуемые люди из Кента собрались на пустоши Калехилл-Хит неподалеку от Ашфорда; они встретились на месте собраний, которое использовалось для этих целей в течение многих сотен лет. Древний дух этого места заявлял о себе во времена неопределенности и опасности. На этой пустоши бунтовщики выбрали в качестве своего лидера и представите-

ля Джека Кэда и под его руководством двинулись на Лондон; к 11 июня они встали лагерем в Блекхите, в виду столицы. В своей декларации они заявляли: «Они зовут нас бунтовщиками, предателями и врагами короля, но мы являемся истинно преданными ему людьми». Напротив, они нападали на королевских советников, или, как их все называли, «дурных советников»; в результате их махинаций «было утрачено королевское господство, королевские товары, простой народ страдает, море потеряно, Франция потеряна, а он сам так беден, что не может позволить себе мясо и пиво». По передаваемым шепотом слухам, народ знал о бедственном состоянии королевских финансов. Также повстанцы объявили о вопиющих нарушениях местной судебной власти и угнетении со стороны местных магнатов, косвенным образом изобличая запутанное состояние дел во всем королевстве.

Некоторые среди них высказывали критику в отношении лично Генриха. Уильям Мерфилд на рынке в древней деревушке Брайтлинг в Восточном Суссексе заявил, что король «в самом деле болван и часто держит в руках какую-то штуку с птичкой на конце, играя ею как дурачок». Должно быть, речь шла о какой-то детской игрушке; от-

куда Мерфилд мог узнать об этом, неясно. Гарри Мейз, ткач из Или, говорил, что король «выглядит скорее как ребенок, а не взрослый мужчина» и в скором времени корабль, изображенный на монетах, будет заменен на овцу.

Одним из выражений, слетевших с губ людей Кэда, было «всеобщее благосостояние» или «общее благо» как форма правления для короля и королевства, лордов и простолюдинов; подданные клянутся поддерживать короля, но король также должен печься о благополучии своих людей. Все сословия и земли государства должны быть объединены долгом и обязанностями. Именно эта связь, как предполагали, разрушалась Генрихом и его советниками.

Силы короля довольно быстро отреагировали на угрозу; 13 июня королевские эмиссары прибыли в Блекхит и приказали последователям Кэда разойтись. Они привезли бунтовщикам королевское прощение. Король хотел выйти к недовольным лично, повторив храбрый поступок юного Ричарда II семьдесят лет назад, но его советники поначалу возражали. Собралось несколько тысяч человек; было роздано по меньшей мере 3000 помилований. Утром 18 июня Генрих прибыл в Блекхит с большим количе-

ством солдат и пушками, но повстанцы уже разбежались под покровом темноты прошлой ночью: их предупредили о прибытии королевской армии. В определенном смысле это было мерой предосторожности: сражаться против королевского флага означало открытую измену. Некоторые из людей короля под командованием сэра Хамфри Стаффорда и сэра Уильяма Стаффорда попытались преследовать бунтовщиков, но те завели их на пустошь, где Стаффорды были убиты. Первая кровь была пролита руками людей из Кента.

Эта кровь вскоре была отомщена. Несколько лордов приехали в Кент, где потребовали возмездия; эта мера только спровоцировала повстанцев на дальнейшие выступления. Последовал период замешательства, когда лорды, столкнувшись с нарастающей реакцией народа, сражались друг с другом и когда некоторые солдаты присоединились к бунтовщикам. Король и его компаньоны, а также судьи королевства бежали из Лондона и так быстро, как только могли, укрылись в безопасности центральных графств; мэр Лондона умолял короля оставаться в столице, но Генрих отказался. Вот еще один пример отсутствия мужества у короля.

Услышав новости о бегстве короля, Кэд и его последователи в конце июня снова собрались в Блекхите; на следующий день они вошли в Саутуарк и заняли все постоялые дворы и гостиницы этого района. Сам Кэд, который был известен как Капитан или Джон Измени-все (John Amend-All), остановился на главной улице, на постоялом дворе «Белый олень», который стал штаб-квартирой повстанцев. Белый олень, разумеется, был эмблемой Ричарда II.

3 июля Кэд и его люди перешли Лондонский мост, перерезав канаты подъемного механизма так, чтобы позже мост не могли поднять за их спинами, и попытались захватить ратушу. Там нескольких королевских слуг заподозрили в страшных преступлениях против Англии и без долгих рассуждений казнили их в фонтане напротив Хани-Лейн, известном как Чипсайд-Стандард. Шерифа Кента, вызывавшего особенную ненависть, притащили на Майл-Энд, где и обезглавили. Кэд вернулся в «Белого оленя», чтобы разработать план действий.

Лондонцы, встревоженные тем, каких масштабов достиг бунт, и разрушениями на улицах их города, вознамерились не позволить Кэду снова войти в Лондон через мост. Силы горожан

пошли на бунтовщиков, и произошла уличная битва или ряд столкновений. Кэд, исполнению планов которого помешали, вознамерился сжечь разводной мост; лондонцы же, к которым присоединились оставшиеся королевские слуги, избежавшие народного правосудия, сумели закрыть городские ворота. Многие погибли в огне, зажженном Кэдом.

Перемирие между двумя сторонами, оказавшимися теперь на разных берегах Темзы, было установлено группой священнослужителей, возглавляемой архиепископами Йорка и Кентербери; во время восстания они укрывались в Тауэре. Также было решено, что бунтовщики, представившие на рассмотрение свои требования, получат королевское помилование, скрепленное печатью, при условии, что разойдутся по домам. Большинство из них так и поступили, но Кэд отказался или раскаялся в своей прежней покорности. Он снова поднял флаг мятежа, но последователей у него осталось слишком мало, чтобы они представляли собой серьезную угрозу. Он бежал на юг, где его преследовали и в конце концов загнали в угол; он был арестован в саду в Хитфилде, в Суссексе, и вскоре умер от полученных ран. Бунт был подавлен, но не в результате

каких-либо действий короля.

В этот поворотный момент герцог Йоркский оставил свой нежеланный пост в Ирландии и вернулся в Англию. Интересно, что Джек Кэд называл себя Джоном Мортимером, таким образом приобщаясь к Йоркской семье; Йорк унаследовал земли и титул Мортимера за двадцать пять лет до описываемых событий, когда его мать, Анна Мортимер, умерла во время его появления на свет. Некоторые из последователей Кэда распространяли слух о том, что он приходится герцогу двоюродным братом. Едва ли это было правдой, но в то время подозревали, что Йорк опосредованно помогал восстанию против королевской власти. Он вернулся в Англию без разрешения короля и немедленно увидел потенциальную угрозу в царствовании Генриха; именно в это время король назначил врага Йорка Сомерсета коннетаблем Англии. В ряде официальных публичных деклараций, которые передавали от короля к Йорку и от Йорка к королю, герцог заявил, что вернулся, чтобы очистить свое имя от ничем не подтвержденных подозрений, касающихся последнего восстания; он объявил, что возвратился, чтобы помочь реформировать королевский двор. Генрих надлежащим образом

пригласил его присоединиться к «грустному [мудрому или серьезному] и важному совету».

Все это никак не решало реально существующую проблему, касающуюся вражды между Йорком и Сомерсетом, возникшей после разгрома в Нормандии. Они обвиняли друг друга в плохом выполнении обязанностей во время войны, когда на самом деле сам король должен был взять на себя бóльшую часть ответственности за это поражение. Поскольку Генрих VI все еще оставался бездетным, Йорк был законным наследником престола, но верховенство Сомерсета в Королевском совете заставляло Йорка бояться, что он вот-вот будет лишен этого наследства.

В сентябре 1450 года герцог Йоркский прибыл в Вестминстер с 5000 людей; он потребовал отстранения Сомерсета, а также других людей, которые, как он считал, ему угрожали. Но он слишком близко подошел к анархии и гражданской войне; сторонники Йорка устроили шумную демонстрацию в Вестминстер-Холле, а также предприняли попытку убить Сомерсета. Тогда вмешались палаты лордов и общин, распространив проект реформирования королевского хозяйства; билль, по которому Йорка признавали наследником престола, очевидно, был отклонен.

Йорк, которому нанесли поражение, удалился в свои наследные земли, а Сомерсет по-прежнему главенствовал.

Далее последовал ряд стычек и столкновений, в которых ни одна из сторон не смогла одержать победы; герцог Йоркский применил силу против других магнатов, ни о чем не спрашивая короля, и в начале 1452 года обвинил Сомерсета в падении Нормандии и заявил, что его соперник готов сдать Кале французам. Йорк со своими сторонниками выступил на юг, но был вынужден отказаться от осуществления планов перед огромными силами, поднятыми остальными аристократами. Крупная йоркистская «партия» не была готова сражаться за его дело, а большинство остальных магнатов не одобряло происходящее, слишком напоминающее вооруженное восстание. Йорку пришлось отступить и попросить о прощении, оправдывая свое поведение тем, что он действовал «во благо Англии».

Казалось, Генрих VI победил, но, как это всегда происходило в истории Англии, в ход событий вмешались неожиданные, никем не предвиденные обстоятельства. Летом 1453 года король впал в оцепенение, или, как говорили в то время, его разум и сознание отдалились. Происхождение

его болезни точно не известно и, возможно, как-то связано с рядом унижений и несчастий, обрушившихся на короля с начала его царствования. Но была и одна непосредственная причина. Последняя битва Столетней войны недавно была проиграна англичанами. Граждане Бордо обратились с просьбой о возвращении под власть Англии, и на помощь им немедленно послали армию под командованием графа Шрусбери; в последовавшей битве англичане были разбиты наголову, а сам Шрусбери, придавленный упавшей лошадью, погибшей от пушечного ядра, был зарублен топором. Именно после этой битвы Гасконь окончательно сдалась Франции.

Итак, Генрих впал в состояние кататонии, молчал и не двигался, и так продолжалось восемнадцать месяцев. Он не мог ходить и без посторонней помощи не мог даже подняться со стула; он не сознавал время и потерял способность говорить. Осенью того же года у него и Маргариты Анжуйской родился сын, но даже появление наследника престола не оживило короля. Герцог Бекингем принес младенца к Генриху в Виндзорский дворец и, по словам современника событий, «в прекрасной манере представил его королю, умоляя короля благосло-

вить наследника, но король не дал ясного ответа». Далее читаем следующее: «Герцог снова поднес принца к королю и снова не получил ясного ответа, после этого подошла королева и представила принца так же, как это только что сделал герцог, желая, чтобы король благословил сына. Но весь их труд был напрасным, поскольку не добились они ни ответа, ни какого-либо действия, кроме того, что один раз король посмотрел на принца и вновь опустил глаза».

Если представить, что король знал или мог предсказать судьбу новорожденного принца Уэльского, то его горе можно понять. Два месяца спустя к Генриху пришли старшие члены Королевского совета, но «не смогли получить ни слова, ни знака».

В отсутствие лидера Королевский совет был вынужден обратиться к герцогу Йоркскому; согласно постановлению парламента, он больше не был наследником престола, но был самым знатным аристократом королевства. Йорк не забыл и не простил ничего; он возвратился в Лондон, но сердце его было полно злобы. Его главный враг Сомерсет был заключен в Тауэр по обвинению в том, что сдал английские владения во Франции. Также Йорк заявил, что Сомерсет, как и король

с королевой, фактически пытались изолировать его и заставить молчать. Маргарита Анжуйская всегда противостояла Йорку, но ее неприязнь стала гораздо более ощутимой, когда показалось возможным, что Йорк займет место ее малолетнего сына. Здесь и зародились ростки предстоящей кровавой распри. Королева превратила Йорка во врага, поскольку обращалась с ним соответственно. Она выпустила билль, который даровал ей власть управлять страной и назначать главных чиновников государства, но в марте 1454 года Йорк был объявлен лордом-протектором королевства.

Для присмотра за больным королем назначили пять врачей. Считалось, что голубиный помет, нанесенный на подошвы его ног, вызовет исцеляющий сон. Молоко было очень полезно при меланхолии. Но употребление в пищу фундука расстраивало мозг. При этом зеленый имбирь улучшал память. Медленно и постепенно к Генриху возвращалось сознание. Сообщалось, что «король хорошо поправляется, и идет на поправку с Рождества… Днем в понедельник к нему пришла королева и принесла с собой лорда-принца; тогда он спросил, как зовут принца, и королева ответила, что его имя — Эдуард; тогда

король сложил руки на груди и возблагодарил Господа. Он сказал, что до этого времени он не знал, кто он такой, не знал, что ему говорят, и не знал, где находился с тех пор, как заболел… Он сказал, что теперь чувствует на себе милость всего мира…».

Не ясно, удалось ли королю полностью оправиться от своей болезни; по докладам о его состоянии в последующие годы можно предположить, что в какой-то степени он оставался слабоумным. Протекторату Йорка пришел конец. Он передал свои обязанности королю во дворце в Гринвиче; Сомерсет был освобожден из Тауэра и вернулся в ряды сторонников монарха. Также Генрих теперь с радостью вернул в свой совет заклятых врагов Йорка; король вел себя скорее как лидер фракции, а не как правитель страны. Вполне естественно, что Йорк считал, что ему угрожает опасность. Он чувствовал необходимость нанести упреждающий удар, но при этом начал конфликт, который вошел в историю под названием Войны Алой и Белой розы.

32
Знакомство с одной семьей

В отсутствие мужа Маргарет Пастон решила напасть на тех, кто выгнал ее из поместья в Грэшеме, — об этом преступлении было упомянуто в предыдущей главе. Она обратилась к мужу, чтобы он прислал пистолеты, арбалеты, луки и топоры; ее слуги надели доспехи. В том же письме она просит фунт (450 граммов) миндаля, фунт сахара и какой-нибудь материи, чтобы сшить накидки для детей. Обычная жизнь продолжалась, даже когда люди сталкивались с насилием. Или можно сказать, что насилие было таким же обычным и незначительным, как миндаль или сахар.

Иногда предполагают, что в XV веке эмоции выражали иначе по сравнению с тем, как это делают в наше время. Но где проходит граница, если она вообще существует? В письмах Пастонов мы можем обнаружить утонченную выразительность, которую не всегда можно обнаружить в записях современной речи. О слугах Пастонов мы узнаем, что «они грустные [серьезные] и благоразумные люди, правда, один из них, лысый

по имени Уильям Пенни, настолько же хорош, насколько бывает любой человек, пришедший на землю, если не считать того, что он немного — как я понимаю, совсем немного — выпивает. Но он не дебошир и очень вежлив...». Очевидна также огромная практичность и проницательность. «Джон Осборн льстит мне, — писал Джон Пастон, — потому что занял у меня денег. Так что теперь при продаже леса трудно будет ему доверять. Он нуждается». В другом письме мы узнаем, что один человек «сказал всего несколько слов, но я почувствовал, что он злобно настроен по отношению к пастору и к вам, но следит за своим языком».

Во многих отношениях этот мир был жесток и полон угроз. «Я молюсь, чтобы вы были осторожны, когда выходите из дома, если он будет здесь, потому что он жестокосердечен». О значении последнего слова можно только гадать, оно навсегда вышло из употребления. Один муж был уверен, что у его жены ребенок не от него. «Я слышал, как он говорил, что, если она придет к нему просить прощения, он должен отрезать ей нос, чтобы она поняла, кто она такая, а если он увидит ее ребенка, то, как он сказал, убьет его». Разумеется, вполне возможно, что все эти

слова были пустыми угрозами. В тот период можно обнаружить склонность к преувеличениям. Джон Пастон пишет о графе Арране, что «он самый храбрый, благородный, мудрый, добрый, дружелюбный, независимый, великодушный и щедрый рыцарь».

Также можно найти в этих письмах и юмор, и иронию. Когда один из сыновей Пастона подхватил простуду в сыром Норвиче, он писал: «Я никогда не был так хорошо вооружен для войны, как сейчас вооружился против своей простуды». Смирение и безропотность были знакомой темой. «Стало быть, если это продолжится, то я не погублен, как и мы все, а при ином обороте дела…» Все это означает только одно: если мы все погибнем, то пусть так и будет. Были в письмах и эффектные фразы, такие как «Я знаю, какое у тебя доброе сердце», и саркастические выражения, например: «Эта страна великолепно расположена», «И вот стою я перед тюремщиком, закованный в кандалы», «О, это просто тошнотворный мир!». О несдержанном человеке говорили, что «он может ужалить». Хвалить своего врага иногда было просто необходимо, потому что «человек должен порой ставить свечку дьяволу». *Towards me* писали как *to me-wards*.

Синтаксис часто был сложным и перегружен такими выражениями, как «сего ради», «настолько, что» и «в вышеуказанном»; предложения сплошь и рядом были длинными и витиеватыми, но в них чувствовалась энергия или искренность выражений, которая вела рассказ вперед. Замысловатые конструкции, снабженные на каждом шагу двойными отрицаниями, позволяют сделать предположение об очень формализованном мире, оживленном настоящей борьбой за выживание. Это придает переписке срочность и безотлагательность.

Сам статус семьи Пастон указывает на социальные изменения. Клемент Пастон был женат на крепостной женщине (хотя из-за некоего средневекового парадокса она стала наследницей своего брата, который был поверенным), ему принадлежала только маленькая ферма в Норфолке; благодаря своим сбережениям, а также займам Клемент сумел послать своего сына Уильяма в Итонский колледж. В свою очередь, Уильям Пастон стал юристом и был назначен судьей в суд общих тяжб. Хотя официально его мать была из вилланов, он женился на девушке из семьи джентри. Следующее поколение Пастонов само превратилось в джентри, а мужчины стали рыца-

рями шира. За три поколения семья изменилась. Это можно считать характерной чертой английского общества.

Собранные вместе подробности из переписки Пастонов открывают перед нами целый мир. «Я прошу тебя, чтобы Пит привез сундук, который я оставил в твоей комнате в Лондоне, мое темно-желтое верхнее платье, подбитое черным мехом, камзол из пурпурного атласа, камзол из черного атласа, мой кипарисовый ящик для письма и книгу о встрече герцога и императора…»

Можно даже услышать, как люди говорят.

— Воистину, когда я вошел в комнату, первым, что я услышал, было то, что вы сказали моему хозяину Джону Пастону: «О том, кто так скажет, я скажу, что в голове у него ложь».

— Да. Вам, должно быть, сказали, почему я так говорил.

— Я не могу сказать о том, чего не слышал.

— Вы должны были изучить дело.

— Сэр, я не должен изучать дело, поскольку я очень хорошо знаю, что не должен быть судьей по делу, ибо только судья изучает illam Sacre Scripture clausam[50], где святой Иов говорит: «Causam quam

[50] Примечания: 50

Это Священное Писание кляуз (дословно: закрытое) (*лат.*). — *Прим. ред.*

nesciebam diligentissime investigabam»[51].

Таким образом, мужчины были способны вставить в разговор латинское выражение и были склонны это делать.

Латынь также использовалась и в разговорах о более грубых материях. Про двух мужчин, состоящих в тесном союзе, писали: «Singuli caccant uno ano», что означает: «Они испражняются из одного зада». Очень много говорилось о *worship* (в современном английском — поклонение, почитание), причем имелись в виду личная честь и бесчестье (*disworship*). Предполагалось, что те, кто находится у власти, «покажут себя хорошими хозяевами» или поведут себя иным образом по отношению к своим просителям. Это был мир сплетен и слухов, когда по всему Лондону «летали» слова. Также это был мир заговоров и махинаций, удобных альянсов и случайных событий, бесконечных тяжб и просьб о покровительстве.

По деталям из частной жизни, отмеченным в переписке Пастонов, можно предположить, что природа человеческой жизни не слишком-то изменилась. Беременная Маргарет Пастон пишет мужу: «Молю тебя прислать мне фиников и

[51] Примечания: 51

«Тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно» (Иов. 29:16). — *Прим. ред.*

корицы так быстро, как только сможешь… Твоя стонущая женушка». В предыдущем письме она написала: «Молю тебя отвечать мне побыстрее; я была бы так рада получать от тебя по письму каждый день». «Простите меня, — написал один мужчина, — я пишу, чтобы развеселить вас».

Письма часто начинались словами: «Шлю вам приветствие». Обычно последние фразы носили религиозный характер: «Да окажет вам покровительство Святая Троица» или «Пусть Господь хранит и оберегает вас!».

Как бы то ни было, одно из достоинств переписки Пастонов состоит в том, как она демонстрирует жизнь тех далеких дней. События, записанные в истории, могут быть занятными или угнетающими — в зависимости от восприятия читателя, — но благодаря происшествиям, отмеченным в анналах и хрониках, можно услышать живое биение пульса человеческого существования. Настоящая жизнь и дух времени скрываются в бесчисленных замечаниях и встречах с людьми, которые занимаются своим делом на рынке и в городе, в деревне и в поле. Те, кто следует по своему жизненному пути, — это миллионы людей, неприметно творящих историю и традиции страны; они формируют язык и сохраняют ста-

бильность государства.

Итак, в период войны и волнений внутри Англии ее экономика росла очень быстро. Сокращение численности населения во время Черной смерти в 1348 году означало, что теперь на меньшее количество людей приходилось больше земли и больше работы. Уже это само по себе создало обстановку, в которой стал возможен относительно новый опыт процветания. Все отмечали, что английский сельскохозяйственный работник питается и живет лучше, чем французский крестьянин. В 1497 году венецианский дипломат отметил, что Англия — страна, где не хватает населения, но «богатств в Англии больше, чем в любой другой европейской стране, о чем я могу судить по разговорам с самыми старыми и опытными купцами, а также из того, что я сам видел. Этой стране принадлежит первое место по плодородности почвы, что означает: ее жителям, чтобы прокормиться, не приходится ничего импортировать из-за границы, за исключением вина… Любой, кто приедет на этот остров, скоро оценит его великое богатство».

Приходские церкви этого периода, которые все еще можно заметить на английских просторах, — самые заметные признаки изобилия.

Приходы соревновались друг с другом своими храмами; художественная ковка и резные украшения кровли были высочайшего качества. Это была великая эпоха церковных башен, начиная с Фулхэма в Лондоне и заканчивая церковью Сент-Мауган-ин-Пайдар в Сент-Маугане, в Корнуолле. В XV веке большинство каменных мостов в стране было улучшено и перестроено; даже Лондонский мост реконструировали и расширили. В первой половине века можно отметить моду строить библиотеки в соборах, а также в колледжах двух университетов. Прекрасные примеры этого можно найти в Мертон-колледже и в Новом колледже в Оксфорде, а также в соборах Йорка, Линкольна, Уэльса, Кентербери и соборе Всех Святых в Бристоле. Здание факультета богословия в Оксфорде начало возводиться в 1424 году, а в 1466-м его покрыли крышей.

По всему королевству строились школы, странноприимные дома и больницы. Наступила эпоха крупных и никак не укрепленных деревенских резиденций графов, где постепенно все больше использовались кирпичи, а не каменная кладка. Стена, сооруженная вокруг города Гулля во второй половине XIV века, была первым городским укреплением, построенным целиком из кирпи-

чей. Здания общественных институтов больших и малых городов перестраивались или строились заново; к примеру, между 1411 и 1440 годами было воздвигнуто то здание ратуши, которое сегодня стоит в Лондоне. Ратуша Йорка была построена в 1450-е годы. Мы уже упомянули неустанные заботы Генриха о строительстве Итонского колледжа и Королевского колледжа в Кембридже; первый камень необыкновенной часовни Королевского колледжа был заложен королем летом 1446 года. Архитектура могла наиболее полно выразить дух страны, запечатленный в камне. Она как бы уравновешивает исторические описания, почти всегда неизбежно изобилующие насилием и ненадежностью. Бóльшая часть тех строений, которые сейчас считаются «средневековыми», появилась в XV веке и позднее, и мы можем с уверенностью сказать, что они остаются нам близкими физически. Церкви и библиотеки, ратуши и мосты все еще используются.

Периоды высокой экономической активности сменяли периоды застоя, так что уже знакомый нам круговорот чрезмерной уверенности и тревоги всегда находился в движении, тем не менее тот показатель, который мы сейчас называем валовым национальным продуктом страны,

существенно вырос. Корабль из Дьепа, вставший на якорь в гавани Уинчелси в 1490 году, был гружен атласом и бочками с вином, клинками и дамасскими кинжалами, иглами и мантиями из шкур леопардов, пятью гроссами (12 дюжин) игральных карт и восемью гроссами пластинок с изображением Агнца Божьего. Процветала торговля обезьянами из Венеции, которых описывали как «мартышки, попрыгунчики и хвостатые прыгунки». Опись предметов повседневного спроса сэра Джона Фастольфа показывает, что он купил ткани из Зеландии (часть современных Нидерландов), серебряные кубки из Парижа, кольчуги из Милана, горшки с патокой из Генуи, ткани из Арраса и корсеты из Германии. В старинном стихотворении говорится:

Хмель и пиво, карпы, вино
Прибывают в Англию очень давно[52].

На самом деле к концу XV века пиво экспортировали из Англии. Когда-то оно ввозилось из Пруссии, но английские купцы вскоре стали поставлять лондонское пиво во Фландрию.

Экономическая деятельность развивалась во

[52] Примечания: 52
Hops and turkies, carps and beer, / Came into England all in a year.

множестве различных сфер. В Ромси, в Гемпшире, появилось небольшое местное производство росписи по стеклу, а также мастерские, изготавливающие ковры. Крупные торговцы теперь соперничали со своими конкурентами в Генуе и Венеции. В 1461 году Уильям Каннингс из Бристоля владел десятью кораблями и нанимал 800 моряков и 100 ремесленников. Купеческие корабли часто использовали в королевских военно-морских силах, чтобы патрулировать морские просторы и защищать берега. Большие и малые города, участвовавшие в морской торговле, такие как Бристоль и Саутгемптон, естественным образом процветали. Джон Кэбот в поисках новых торговых рынков отплыл из Бристоля в Новый Свет в 1497 году. Коммерческие интересы приносили успех и в другом смысле: самые богатые купцы города теперь могли бывать в парламенте и требовать исключительных прав в торговле, которая не обязательно была честной.

Железо из Уилда в Кенте и леса из Дина в Глостершире пользовались большим спросом; разрабатывались и другие лесные массивы — древесина использовалась для получения древесного угля, необходимого для плавки руды. Только в лесу Дин стояло семьдесят два горна.

В церкви Всех Святых в деревне Ньюленд на западном краю леса имеется медная гравюра шахтера. Его кожаные бриджи перевязаны под коленями, а на плече он держит деревянный ящик для переноски железной руды; в правой руке у него мотыга или небольшое кайло, а в зубах он держит подсвечник. Разумеется, за пределами шахты он работал и одевался как мелкий фермер. Серебряные шахты Корнуолла и Девона, Дорсета и Сомерсета расширялись. В то время говорили, что «королевство располагается больше под землей, чем на ее поверхности». Росло производство на корабельных верфях, в оружейных и колокольных мастерских.

Во время правления Генриха VI и его преемника господство шерсти достигло новых высот. Годовой экспорт шерсти немного снизился по сравнению с его пиком в XIV веке, но это возместило соответствующее повышение экспорта сукна. Вместе они составляли приблизительно 80 % всего экспорта страны. Английские ткани добрались до берегов Черного моря и продавались как на ярмарках в Новгороде, так и в квартале Риальто в Венеции; их везли в Данию и Пруссию. К концу столетия купцы-авантюристы, контролирующие торговлю тканями, экспортировали

примерно 60 000 рулонов в год.

В этом бизнесе была занята значительная часть населения страны; деревенские женщины чесали и пряли шерсть до того, как она попадала к ткачам; по сей день незамужнюю женщину называют пряхой. После того как шерсть превращалась в ткань, ее передавали красильщикам для окраски, а затем — ворсорезчикам. Именно из-за такого господства шерсти лорд-канцлер Англии до 2005 года сидел в палате лордов на мешке с шерстью. Города, которые участвовали в торговле тканями, — в особенности Колчестер — становились больше и сильнее. Сукновальни в Вест-Райдинге и на западе Англии работали все быстрее. Тонкое черное сукно поставлялось из Котсуолда и долины Страуд. Йорк и Ковентри приходили в упадок, при этом богатели такие деревни, как Лавенем в Суффолке, где широко известная церковь была построена на доходы с продажи шерсти.

Шерсть и обработка шерсти были в самом деле основой экономики Англии XV века, и в результате все больше и больше земли отводилось под разведение овец. Это, в свою очередь, привело к огораживанию участков для этой цели. Деревни меняли свое местоположение или

даже уничтожались, чтобы освободить место для овечьих пастбищ, выращивание зерна уступило место разведению овец. Овчары жили в домиках на колесах, в которых следовали за отарами. В конце XV века хранитель древностей из Уорвикшира Джон Роуз жаловался в своей «Истории английских королей» (Historia Regum Angliae) на «современное разрушение деревень, что приведет к гибели общего благосостояния. Корень этого зла — алчность… Как рыдал Христос в Иерусалиме, так и мы будем рыдать над разрушениями нашего времени». В его графстве было более сотни заброшенных деревень, большинство из которых было опустошено в XV веке. Права свободных землевладельцев и наследственных арендаторов были защищены, но тех, кто селился на земле по традиции, могли безнаказанно выселить. Бóльшая часть населения откочевывала на несколько миль и продолжала работать на земле. Некоторым так не везло. Этот феномен безземелья, известный как «здоровяк-попрошайка», впервые был упомянут в 1470-х годах.

Все находится в движении, неустанно образуя бесконечные сочетания. В истории человечества действует закон контрастов, по которому одно изменение становится причиной противополож-

ного. Многие страдали от скорости экономических преобразований, но другие получали от них выгоду. Успешный мелкий фермер теперь не выполнял трудовую повинность, а платил за свою землю как арендатор; также более заметную роль стали играть мелкие землевладельцы, которых называли йоменами. Класс вилланов или сервов сменили получающие жалованье работники. Феодальная экономика в значительной мере была замещена товарно-денежным хозяйством.

Богатства Англии ни в коей мере не распределялись равномерно, и важно не забывать о невообразимых противоположностях бедности и ощутимого процветания некоторых городов и регионов. Контрасты жизни обострились, и хрупкость существования стала более ощутимой, и это делало людей более страстными и несдержанными. Их жизнь была более трудной и напряженной по сравнению с нашей.

33
Разделенное королевство

Согласно авторам английских хроник, в середине XV века признаки и предзнаменования, предвещающие гражданские беспорядки, все нарастали. В различных регионах прошел кровавый дождь, а священные воды целебных источников перелились через край. В водах около Уэймута наблюдали огромного петуха, который «приплыл из моря, с гигантским гребешком на голове, громадной красной бородой и ногами длиной в полметра». Многие люди слышали между Лестером и Банбери исходящие прямо из воздуха странные голоса, выкрикивающие: «Луки! Луки!» Женщина из графства Хантингдон «чувствовала, как зародыш в ее чреве рыдает и издает что-то вроде всхлипывающих звуков», как будто боится появиться на свет в дни бедствий.

Династии Йорков и Ланкастеров, в сущности, представляли собой две ветви одного и того же правящего дома. Ветвь Ланкастеров происходила от четвертого сына Эдуарда III Джона Гонта, герцога Ланкастера; ветвь Йорков происходила

от пятого сына того же короля — Эдмунда, герцога Йоркского, чей младший сын женился на правнучке третьего сына Эдуарда. Иногда прародителей этих династий называют соответственно третьим и четвертым сыновьями Эдуарда, но так можно сказать, только если не учитывать еще одного ребенка мужского пола, который прожил всего полгода. Как бы то ни было, это близкое родство принесло с собой только вражду и злобу. Голубая кровь — зачастую дурная кровь. События развивались словно драка в маленьком собрании, которая медленно распространяется во все стороны и захватывает все больше и больше людей. Но всегда есть и большая толпа зрителей, стоящих около арены, которые молча и без всякого любопытства смотрят на драку или начинают заниматься своими делами.

После того как король оправился от помутнения рассудка и Сомерсет вернулся к власти, Йорк и его сторонники удалились в свои поместья, но весной 1455 года они собрались на большой совет в Лестере. Йорк боялся, что найдется повод для его ареста или привлечения к суду, поэтому он решил опередить события, собрав своих сторонников и двинувшись на Лондон. К нему присоединились представители одной из самых великих семей

Северной Англии; шурином Ричарда Йорка был Ричард Невилл, граф Солсбери, сын графа, еще один Ричард Невилл был графом Уориком. Их заклятые враги на севере — семья Перси — приняли сторону Сомерсета. Таким образом, местная вражда обострила общий конфликт. Солсбери и Уорик, который стал известен как Делатель королей, заявили, что они берут в руки оружие, чтобы сразить «наших давних врагов, которые притворяются верными слугами и прячутся под крылышком Вашего королевского Величества».

Они любой ценой старались поддерживать вымысел о том, что выступают вовсе не против короля, но против королевских советников, иначе навлекли бы на себя обвинение в государственной измене. Тем не менее армия Йорка встретилась в открытом сражении с королевской армией около Сент-Олбанса. Была предпринята некая попытка предварительных переговоров, но Ричард боялся, что Генрих полностью находится под контролем Сомерсета и поэтому ему нельзя доверять. Итак, силы герцога вошли в город в десять часов утра 22 мая 1455 года, после чего произошел ряд коротких стычек на главной улице и в других общественных местах. Сторонники Йорка искали своих врагов. Сомерсет и Генри

Перси, граф Нортумберленд, были обречены на смерть. Их выследили и убили на месте с выдающейся, но отнюдь не уникальной свирепостью. Сам король был ранен в шею, когда сидел под своим флагом на рыночной площади, но рана не была серьезной. В бою, который продолжался всего пару часов, погибло шестьдесят человек.

Когда в победе можно было не сомневаться, Йорк и двое Невиллов покорились королю. Сообщалось, что они «умоляли Его Величество принять их как его верных вассалов и говорили, что никогда не намеревались причинить боль ему лично». Тогда Генрих «даровал им свою милость и очень желал, чтобы они остановили своих людей и больше никому не причиняли вреда». Затем Йорк с эскортом препроводил короля в Лондон, если, конечно, можно назвать эскортом сопровождавшую его вооруженную охрану, и через четыре дня продемонстрировал Генриха в короне в соборе Святого Павла. С полным основанием можно было спросить, кто же теперь главный. В тот день друг написал Джону Пастону: «Я пока еще не знаю, кто же теперь будет нами править». Королевским силам открыто бросили вызов, сам король был ранен, мир перевернулся с ног на голову, правительство королевства на-

ходилось в крайней опасности. Кто же мог знать или хотя бы предположить, что битва при Сент-Олбансе была только прелюдией к гражданской войне, которая будет продолжаться еще тридцать лет, приведет к семи или восьми крупным сражениям на английской земле и гибели примерно восьмидесяти аристократов королевской крови? В ней уже были все составные части трагедии мести. «Будьте вы прокляты! — кричал один аристократ из партии Ланкастеров сыну Йорка на одном из полей следующих сражений. — Ваш отец убил моего, и я сделаю то же самое с вами и всем вашим родом!» Создается ощущение, что мы вернулись в дни англосаксов, а все годы, отделявшие от них Ланкастеров и Йорков, были просто сном.

Вскоре после битвы король снова заболел какой-то болезнью, природа которой так и остается неизвестной. Несложно прийти к выводу, что он впал в то же состояние замешательства, что и раньше. Возможно, он был травмирован своим поражением, но, кажется, все-таки не полностью отстранился от мира. Генрих даже сумел открыть заседание парламента летом 1455 года. После отсрочки в несколько месяцев Йорк возобновил протекторат, но король — или его жена,

действующая от его имени, — дал знать своим советникам, что желает, чтобы его информировали «о всех делах, касающихся его чести, славы и безопасности». Теперь королевская семья была более осмотрительной и настроенной защищаться; они боялись, что Йорк хочет стать королем во всех отношениях, кроме титула.

Главной задачей герцога Йоркского было защитить южное побережье от французских набегов, а северную границу — от шотландцев; также ему приходилось оборонять последнее из оставшихся английских поселений в Кале. Поэтому он назначил своего союзника Уорика капитаном города. Для всех этих приготовлений Йорку нужны были деньги, которые он мог получить только с одобрения парламента. Это оказалось сложной и трудоемкой задачей, бесконечно усложнившейся, когда в феврале 1456 года лорды привезли короля в Вестминстер, чтобы отменить существующий порядок и фактически сместить лорда-протектора. В этот момент Йорк, возмущенный и раздосадованный, сложил с себя обязанности или, по крайней мере, был вынужден это сделать.

Теперь король снова номинально стоял во главе страны, но реальная власть принадлежала

его жене. Маргарита Анжуйская была, по словам современника, «великой и самостоятельно мыслящей женщиной», которая все организовывала согласно «своим намерениям и умозаключениям». Разумеется, она была куда более властной, чем ее муж. Теперь ее главной целью стало защищать интересы своего малолетнего сына и удостовериться, что он станет наследником своего слабого здоровьем отца. В этом отношении главным врагом королевы по-прежнему был Йорк, ставший значительно более опасным после смерти Сомерсета.

Королева перевезла короля и двор в центр своих земель около Ковентри. Ее главной крепостью был замок Кенилворт, где она и сосредоточила свои силы в противовес Йорку, который оставался в Лондоне. Жители города приняли его сторону, и королева не чувствовала себя в безопасности среди них. Советники королевства были разобщены, и делами, кажется, вообще никто не занимался. Один современник отметил, что «великие принцы страны [прежде всего, Йорк и Уорик] не призывались на совет, а только отдалялись».

Следующие три или четыре года о короле мало что было известно; бóльшую часть времени

он проводил в путешествиях по центральным графствам, останавливаясь в столь любимых им различных аббатствах и приорствах. Говорили, что, помимо всего прочего, он много спал. Неизвестно, произносил ли король какие-то речи в это время. Он был «простым»: не вел хозяйство и не занимался войной. Не предпринималось практически никаких попыток управлять государством, за исключением рутинных дел, связанных с финансами и назначением на должности, и даже в этих сферах предпочтение отдавалось желаниям и решениям королевы. Ланкастерский двор и лорды из партии Йорков смотрели друг на друга нетерпеливо и подозрительно, сам воздух был пропитан угрозой.

Зимой 1457 года двор вернулся в Вестминстер в сопровождении армии в 13 000 лучников; все считали, что король и королева возвратились, чтобы свергнуть Йорка и вернуть себе город. Политическая жизнь всегда была некой формой войны банд, схватившихся за земли и богатства. Теперь она показала свое настоящее лицо. Улицы города были заполнены сторонниками Ланкастеров и Йорков; молодые родственники Ланкастеров, погибших при Сент-Олбансе, требовали мести.

Зимой появился еще один источник волнений. Летом того же года французский флот высадился в Сануидже и разорил город. Это свидетельствовало одновременно и о провале английской политики, и о слабости Англии. Лондонские купцы были в особенности испуганы и разъярены этой угрозой морской торговле. В такой обстановке никто не мог чувствовать себя в безопасности.

Столкнувшись с угрозой гражданской войны, раскалывающей столицу на два лагеря, главные политические фигуры достигли некоего компромисса, по которому родственники погибших должны были получить денежные компенсации за их утраты. В Англии деньги всегда были лучшим политическим средством. За этим соглашением последовал так называемый «день любви», когда заклятые враги буквально пожали друг другу руки и отправились слушать службу в соборе Святого Павла. Но любовь продолжалась недолго. Королевский двор не демонстрировал никакой приязни ни к Йорку, ни к Невиллам, и весной 1459 года Генрих приказал верным ему аристократам собраться в Лестере и привести с собой «так много людей, как только позволяет им чин». Другими словами, король велел своим вассалам вместе с вооруженным войском прибыть в

его распоряжение. В июне в Ковентри состоялся большой совет, на который не пригласили Йорка и его сторонников. На этой ассамблее лорды-изменники были обвинены в предательстве.

Тогда Йорк и Уорик собрали свои силы и отправились в Вустер, где держали свой совет. Ричард Невилл, граф Солсбери, намеревался присоединиться к ним и привести 5000 человек, но армия королевы перехватила его на дороге из Ньюкасла-андер-Лайм. Солсбери отбил атаку, убил командующего войсками королевы и обратил в бегство тех, кого теперь уже со всеми основаниями можно было назвать врагами. Битва продолжалась более четырех часов и унесла жизни 2000 человек; поле этого боя приобрело известность как «Приют мертвецов». Таким оно и стало. Англичане сражались с англичанами и убивали англичан; люди из Йоркшира шли против людей из Шропшира, люди из Уилтшира — против людей из Чешира.

Несмотря на победу Солсбери, теперь Йорку и его союзникам предстояло противостоять большой королевской армии, надвигающейся на них. Они отступили из Вустера в Ладлоу, где встали военным лагерем. Было ясно, что Йорка тревожит возможность столкновения с королем в откры-

том сражении, из-за чего его могут обвинить в государственной измене. Затем силы Уорика, набранные в Кале, дезертировали, и, сознавая свою уязвимость, Йорк и Невиллы бежали под покровом темноты; Йорк вернулся в свое старое владение — Ирландию, а Уорик и Солсбери отплыли в Кале. Их земли были конфискованы королем, а они сами объявлены предателями. Начатое ими дело, казалось бы, кончилось без всякой славы.

Береговую охрану страны усилили, поскольку были возможны атаки как со стороны Кале, так и со стороны Дублина; между тем весной 1460 года Уорик отплыл в Ирландию, чтобы обсудить с Йорком следующие шаги. Они приняли форму вторжения. В начале лета 1460 года Уорик и Солсбери высадились в Кенте и начали продвигаться к дружественным землям Лондона. Лидеры столицы встретили их с распростертыми объятиями и даже предложили денег. Невиллы сказали, что прибыли «спасти» короля от его дурных советников; сами они не желали Генриху ничего, кроме добра; они были не бунтовщиками, а политическими реформаторами; они желали облегчить бремя налогов и уменьшить королевские долги; они жаждали реформировать разработку законов

и снизить непомерное давление на королевских подданных. Это были обычные речи того времени, но их с теплом встретили горожане и жители Юго-Восточной Англии. Представляется вероятным, что Йорк и Уорик вынашивали мысль об убийстве короля вместе с его женой и сыном. Не стоит забывать, что все они были жестокими и безжалостными людьми.

Уорик оставался в Лондоне только три дня, прежде чем отправиться на север в поисках королевской армии. Он нашел ее около Нортгемптона и, до того как послать свои силы в бой, приказал им выследить и уничтожить приближенных к королю лиц, будь это высшие аристократы или простые рыцари. Битва продолжалась менее часа и принесла Уорику победу после того, как вырезали самых близких к королю людей. Сам Генрих был взят в плен и снова препровожден в Лондон, где он только назывался королем. «Я следую за лордами, — говорил он в поэме того времени, — и даже не знаю зачем». Он был марионеткой в чужих руках. Королева и ее сын, юный принц Эдуард, все еще оставались на свободе.

Йорк возвратился из Ирландии через десять недель после битвы и присвоил себе все атрибуты королевской власти. Он больше не датировал

свои письма в соответствии с годами правления Генриха, как это было принято, и поместил английские гербы на свои флаги. Герцог прибыл, когда парламент, созванный Уориком в Вестминстере, начал свои заседания; трубы протрубили, когда он подошел к входу, а перед ним несли обнаженный меч. Затем Йорк прошел к пустующему трону и положил на него руку, как будто заявляя свои требования на него; это неожиданное и незаконное действие собравшиеся лорды встретили с удивлением и разочарованием. Все выглядело так, как будто Йорк недооценил свою популярность и верность, сохранившуюся в отношении законного короля.

Герцог Йоркский покушался на место монарха. Когда его попросили нанести положенный по придворному этикету визит Генриху, он ответил: «Я не знаю ни одного человека в королевстве, которому менее следовало бы приходить ко мне, чем мне стоит идти к нему с визитом». Сам король слишком боялся столкновения с Йорком. Лорды не соглашались на требования герцога и передали их в суд; судьи, в свою очередь, отказались разбираться в «таких высоких материях» и вернули их лордам. Вопрос находился «вне действия закона и за пределами их знаний». В любом

случае ни одному человеку не хотелось нарушать свою клятву верности миропомазанному государю. В своей немощи Генрих стал символом своей эпохи; самых влиятельных людей королевства поразило бедствие нерешительности. В сердце парламента воцарилась пустота.

В конце концов лорды, в английской манере, предложили компромисс. Генрих сохранит корону, но после его смерти или отречения, написанного по его воле, Йорк и его потомки наследуют престол. Поскольку герцог был на десять лет старше короля, лорды решили сыграть в игру «подождем и посмотрим, кто останется». Приняв это предложение, король фактически лишал престола своего сына и нарушал законный порядок наследования. Но он был не в том положении — а возможно, и не в том состоянии, — чтобы диктовать свои условия. Вполне понятно, что могла думать по этому поводу королева Маргарита, но в тот момент она была в бегах. Вместе с сыном она укрылась в Уэльсе, а затем бежала в Шотландию; командующим своей армией Маргарита оставила Джаспера Тюдора, графа Пембрука, сводного брата короля. Так Тюдоры должным образом вошли в историю Англии. Джаспер Тюдор появился на свет в результате неравного брака,

когда Екатерина Валуа, вдова Генриха V, вышла замуж за одного из придворных Оуэна Тюдора. Таким образом сын Тюдора присоединился к королевской фамилии. Тем не менее никто не мог и ожидать, что в конце концов именно эту ветвь семьи ждет успех.

К концу 1460 года королева снова появилась на севере Англии, убедив великих лордов этого региона поддержать ее против лондонцев и жителей юго-востока. Она собрала 10 000 вооруженных человек, а Йорк и Солсбери двинулись навстречу им, на север. Битва произошла около Уэйкфилда, в ней погибли и Йорк, и Солсбери; можно сказать, ланкастерцы получили в некотором роде компенсацию за резню в Сент-Олбансе и Нортгемптоне. Голова Йорка была увенчана бумажной короной и выставлена на южных воротах города Йорка, известных под названием Миклгейт-Бар. На короне была надпись, гласящая: «Пусть Йорк следит за Йорком».

Итак, казалось, что Маргарита Анжуйская победила и все привилегии достанутся ее сыну, равно как и слабому и ничтожному королю, но сам Генрих оставался в Лондоне в полной зависимости от милости Уорика. Этот магнат не отправился вместе со своими союзниками в поход на север,

но остался защищать то, что можно было назвать йоркской администрацией в Вестминстере. По соглашению, достигнутому с помощью лордов между королем и Йорком, наследником трона теперь стал сын герцога Эдуард Марч. Таким образом, за корону соперничали два молодых Эдуарда: принц Эдуард семи лет и Эдуард Марч восемнадцати лет.

Эдуард Марч уже побывал на поле битвы, защищая наследство Йорков. Он выступил во главе своей армии, чтобы предотвратить соединение уэльских сил под предводительством Джаспера Тюдора с основными войсками Ланкастеров на севере. В начале февраля 1461 года он столкнулся с Тюдорами в Херефордшире, в месте под названием Мортимерс-Кросс. Перед началом битвы можно было наблюдать необычайное явление паргелия, или ложного солнца, когда из-за мельчайших кристалликов льда в воздухе кажется, что в небе появляется второе солнце. Солдаты, разумеется, ничего не знали о ледяных кристаллах, но появление двух солнц предполагало серьезные изменения в мировом устройстве. Два сына ссорились между собой, и в Англии было, можно сказать, два короля.

Победу одержал Эдуард Марч; Джаспер Тюдор

бежал, но его отца удача оставила. Оуэну Тюдору пришлось положить голову на плаху, где, как слышали, он прошептал: «На колоду должна лечь голова, которая имела обыкновение склоняться к коленям королевы Екатерины», — имея в виду вдову Генриха V, на которой Тюдор женился. Отрубленную голову достали из-под эшафота и выставили на рыночном кресте в соседнем городе. Там нашлась сумасшедшая женщина, которая причесала Тюдору волосы и вытерла кровь с его лица.

Маргарита уже направлялась к Лондону, окрыленная смертью Йорка; Тюдоры, конечно, не могли присоединиться к ее войску, неуклонно продвигавшемуся на юг. Тем временем королева разрешила грабить и разорять встречавшиеся по пути земли ее йоркских врагов. Уорик собрал свою армию в Лондоне, чтобы не дать Маргарите войти в столицу, где были сосредоточены почти все его ресурсы и силы; он взял с собой короля, который должен был послужить чем-то вроде страхового полиса. Также он надеялся, что Маргарита не будет атаковать армию, которая фактически держит ее мужа в заложниках.

Его надежды не оправдались. 17 февраля 1461 года Йорки и Ланкастеры еще раз встрети-

лись у Сент-Олбанса, но в этот раз успех был на стороне Ланкастеров. Король был спасен; для безопасности его отвезли на милю от поля боя, где, как говорили, он сидел под деревом, смеялся и пел. В бою погибли многие лидеры партии Йорков. Уорик бежал с поля битвы всего лишь с горсткой сторонников.

Рассказывали, что Генрих был так рад снова увидеть свою семью, что в возбуждении посвятил маленького сына в рыцари. Семилетний мальчик, в свою очередь, посвятил в рыцари тридцать своих последователей. Маргарита, которой теперь принадлежал король, стояла у ворот Лондона. В хрониках говорится, что «лавки были закрыты, и ни торговцы, ни купцы ничего не делали. Мужчины не задерживались на улицах и опасались уходить далеко от дома». До них дошли новости о разрушениях, которые совершили солдаты Маргариты на севере Англии. Джон Пастон писал своему отцу, что они «разорили всю эту страну, забирали у людей товары и средства к существованию, везли это все на юг и много бед этим натворили».

Услышав о приближении Маргариты, Эдуард Марч, который после смерти отца стал герцогом Йоркским, оставил место победной битвы

у границы Уэльса и направил свои силы на перехват королевы; в Оксфордшире, неподалеку от Котсуолда он встретил Уорика, и вместе они отправились к Лондону. Теперь их целью было занять город и объявить Эдуарда законным королем. Горожане решились принять их, и ворота захлопнулись перед Маргаритой Анжуйской.

Лондонцы с восторгом встретили прибывшего в столицу Эдуарда; улицы были полны его сторонниками, и корону он получил под их радостное одобрение. Его право на королевский титул было провозглашено у креста Святого Павла и в других местах; Генрих VI был объявлен лишенным трона из-за нарушения соглашения, которое делало Йорка его наследником. 4 марта Эдуард вошел в собор Святого Павла, а затем с процессией прошел к Вестминстеру, где был коронован как Эдуард IV. Пока он держал в руках скипетр Эдуарда Исповедника, все присутствующие принесли ему клятву верности. Они хором декламировали:

Verus Vox, Rex Edwardus
Rectus Rex, Rex Edwardus[53].

То есть он был гласом истины и королем по

[53] Примечания: 53

Глас истины, король Эдуард, / Справедливый правитель, король Эдуард.

праву. Ему было девятнадцать лет, он имел рост 190 сантиметров и прекрасную фигуру. До последнего дюйма Эдуард был настоящим королем. Бургундский посол сказал: «Я не могу припомнить, видел ли когда-нибудь более прекрасного человека».

Тем не менее Генрих VI по-прежнему оставался миропомазанным сувереном; он не умер и не отрекся от престола. Таким образом, Англией фактически правили два короля. На небе были видны два солнца. Историк XVII века Томас Фуллер особенно живо изложил это в своем сочинении «Государство священное и мирское» (The Holy State and The Profane State), где он заметил: «Они жили в беспокойном мире, где колода карт так перемешалась, что вдруг выпало два козырных короля, и люди недоумевали, как теперь играть в их игры».

Чтобы разрешить эту неприятную ситуацию, Эдуард принял меры, бросившись в погоню за Маргаритой и Генрихом. 29 мая обе армии встретились у Таутона в Йоркшире, королевская семья из осторожности вернулась в Йорк, чтобы подождать развития событий. И они поступили правильно. Эдуард одержал блестящую победу; в битве, которая происходила во время снежной

бури, как считалось, принимало участие около 50 000 человек, из которых примерно четверть погибла. Многие преданные Ланкастерам аристократы были уничтожены. Генрих и Маргарита вместе с сыном бежали в Шотландию. Старый король, если мы можем его так назвать, был на свободе еще четыре года, оставаясь символом притязаний Ланкастеров на трон. Пока что завершилась только первая часть Войны Алой и Белой розы.

34
Мир в игре

В местах, где стояли средневековые жилища, находят большое количество миниатюрных фигурок, которые принято считать детскими игрушками. У сына Эдуарда I была маленькая тележка, а также крохотная модель плуга. Во время раскопок в Лондоне была обнаружена игрушечная птичка, изготовленная из свинца и олова; в своем первоначальном состоянии она должна была крутиться на горизонтальном стержне, а ее язык — появляться и исчезать в открытом клюве. Из олова делали миниатюрные лица с большими ушами, глазами и торчащими волосами. Для самых маленьких делали погремушки. Были широко распространены перчаточные куклы. Куклы из дерева или ткани именовали *poppets*, «марионетками». Волчки назывались *scopperils*, «штучками, которые подпрыгивают». Были распространены маленькие деревянные лошадки. Итак, дети играли, как они всегда это делают. Но зов большого мира был не очень далеко. Мальчики тренировались в борьбе и в стрельбе из лука.

Их учили подражать голосам птиц и определять время по теням, которые отбрасывали предметы в солнечный день. Девочки практиковались в вязании, шитье и стирке.

Детство продолжалось не слишком долго. Во времена саксов считалось, что человек становится взрослым в возрасте двенадцати лет. С этого времени девочку или мальчика могли нанимать на целый день на работу в деревенских полях или на рынках городов. В последующие времена мальчик нес ответственность за совершенные преступления с семи лет и мог выразить свою волю с четырнадцати.

Те, кому улыбалась удача, получали образование. Некоторых в очень раннем возрасте отдавали в монастыри, и им уже больше никогда не приходилось носить светскую одежду. Мальчику выбривали волосы по кругу, так что он сразу начинал напоминать монаха с тонзурой. Его одежду отбирали во время специального богослужения, при этом аббат произносил слова: «Пусть Господь избавит тебя от ветхого человека». После этого ребенку торжественно вручали монашескую рясу, говоря: «Пусть Господь оденет тебя как нового человека». Один пожилой монах вспоминал, как в 1080 году в возрасте пяти лет он

начал учиться в городе Шрусбери, где «Сивард, прославленный священник, пять лет учил меня буквам, псалмам, гимнам и другим необходимым знаниям». К тому времени уже сложилась долгая традиция обучения священнослужителей.

С VII по XI век основными местами получения образования были школы при монастырях. Там обучали грамматике, риторике и естественным наукам, а также искусству пения. Эти школы так до конца и не исчезли. Монастырская школа в Сент-Олбансе, основанная в X веке, все еще существует в начале XXI столетия. Грамматическая школа в Или, сейчас известная как Королевская школа, также ведет свою историю с англосаксонской эпохи, одно из ее общежитий считается самым древним жилым зданием в Европе. Ныне существующая грамматическая школа в Норвиче появилась в XI веке. Можно привести и много других подобных примеров.

Было широко распространено мнение о том, что священники также должны быть и учителями, и церковное уложение 1200 года требовало, чтобы «священники держали школы в городах и бесплатно обучали маленьких мальчиков. Такие школы должны существовать в их домах… Священники не должны ничего ожидать от роди-

телей учеников, кроме того, что те согласны им дать по доброй воле». Такие школы работали в течение всего периода, описанного в этой книге.

В XII веке в связи с тем, что обычно называют «ренессансом» гуманитарных наук, также появился ряд крупных школ. Они возникали при монастырях, при домах каноников или в городах, расположенных около крупных монастырей. Их влияние и репутация крепли, и в период между 1363 и 1400 годами были основаны двадцать четыре новые школы. Они стали называться «грамматическими», несмотря на то что грамматика была далеко не единственным изучаемым в них предметом. Помимо нее, изучалось искусство составления писем, а также ведение бухгалтерских книг и торговое счетоводство. Можно сказать, что обучение ведению бизнеса началось в средневековый период.

Удачливый ребенок мужского пола получал образование при дворе короля или какого-нибудь аристократа. Его учили снимать шляпу, если к нему обращался вышестоящий, стоять прямо и смотреть в лицо собеседнику, не двигая ни ногами, ни руками. Его учили прикрывать рот рукой, прежде чем зевнуть, и не чесать голову. Он был обязан заботиться о чистоте своих рук и ногтей.

Были доступны и другие формы образования. Юноша от четырнадцати до семнадцати лет мог пойти в ученики или подмастерья. Заключалось формальное соглашение о том, что он должен провести со своим хозяином от семи до десяти лет, чтобы узнать все секреты выбранной профессии. В те времена это было самым распространенным путем, которым подростки входили во взрослый мир, хотя и на нем были свои препятствия. Некоторые хозяева обращались со своими подмастерьями очень грубо, или подмастерья сбегали от них без разрешения. Также подмастерья имели репутацию весьма необузданных и даже жестоких молодых людей: когда они собирались группами, одним из самых любимых развлечний было разбежаться и разбить дверь головой.

К середине XII века Оксфорд стал известен как колыбель знаний. В самом начале этого столетия Теобальд Этампский называл себя «магистром Оксфорда». Согласно Джеральду из Уэльса, который в 1187 году написал там диссертацию по топографии Ирландии, Оксфорд был тем самым местом в Англии, «где духовенство особенно расцветало». К тому времени в списках университета значилось более двадцати преподавателей искусств, а также десять пре-

подавателей канонического права и теологии; в 1192 году сообщалось, что город так переполнен клириками, что власти Оксфорда не знают, как их содержать. Дело по передаче собственности на Кэт-стрит около 1200 года потребовало присутствия переплетчика, писца, трех иллюстраторов и двух изготовителей пергамента, таким образом, существовало много «второстепенных» отраслей образования.

Так случилось, что на формирование университетов гораздо сильнее, чем жажда знаний, повлияло одно преступление. В 1209 году студент убил женщину из города и бежал. В ответ власти Оксфорда арестовали соседей по комнате этого студента и повесили их. Все преподаватели и студенты Оксфорда с отвращением покинули университет и рассеялись по стране. Значительное их количество осело в Кембридже, где тогда был основан второй английский университет.

Когда преподавателей Оксфорда в 1214 году убедили вернуться, они настояли на том, чтобы появился официальный документ, регулирующий отношения между, как стали говорить позднее, городом и университетом. Этот документ, выражающий намерение избрать канцлера (главу университета), стал основой для универ-

ситетской корпоративной структуры власти. Кембридж последовал тем же принципам, что и Оксфорд, и запись о его первом канцлере датируется 1225 годом. Также ученые сообщества существовали в Нортгемптоне и Солсбери, и если бы их представители не так сильно увлекались выпивкой, в этих двух древних городах тоже могли бы быть великие университеты.

У университетов не было общественных зданий, и лекции читали в церквях или в специально снятых для этой цели комнатах. Студенты жили в меблированных комнатах или на постоялых дворах. Магистр искусств мог снять большое помещение и предоставить его студентам; так он создавал «холл», где учащиеся жили и учились. Тэкли-Инн, Инг-Холл, Лайон-Холл, Уайт-Холл и Катберт-Холл были помещениями, где изучали грамматику. Каждый из «холлов» специализировался на определенной дисциплине или ряде дисциплин, но, в сущности, их никто не контролировал. Иногда там случались бунты и разгул.

Первоначально колледжи Оксфорда были созданы для бедных студентов. Баллиол-колледж, например, служил для них домом с 1266 года. Основателями колледжей были самые известные священнослужители и аристократы, в основном

королевской крови; это считалось религиозной обязанностью, и студенты колледжа должны были служить бесчисленные мессы за души своих покровителей. Главной целью колледжа было обучение духовенства, и, таким образом, он принадлежал церкви во всех отношениях. Братья Куинз-колледжа носили пурпурные одежды в память о крови, пролитой Христом. Преподаватели со временем все больше и больше упорядочивали жизнь в этих колледжах, которые к XV веку стали отдельными учебными заведениями.

Сами студенты делились на северных и южных, границей считалась река Нин (она берет свое начало в Нортгемптоншире и тянется на 4,8 километра между Кембриджширом и Норфолком); северные и южные студенты часто жестоко враждовали, и самый тривиальный инцидент в таверне или меблированном доме мог спровоцировать массовые драки, в которых принимали участие даже преподаватели. Серьезное противостояние между «северянами» и «южанами» произошло в Кембридже в 1290 году и привело к общей миграции в университет Нортгемптона. Страна все еще в какой-то мере была разделена на древние королевства.

В 1389 году некие студенты Оксфорда из Север-

ной Англии ополчились на своих товарищей из Уэльса, нападая на них на лужайках и улицах города; они выкрикивали: «Война, война, убей, убей, убей уэльских собак и их щенков!» Некоторых действительно убили, других ранили, остальных оттащили к воротам. Прежде чем выбросить валлийцев из города, студенты мочились на них и заставляли «целовать место, из которого мочатся». Хронист добавил, что «если вышеназванные валлийцы отказывались целовать этот орган, то их безжалостно били головами о ворота».

Также жестокие стычки случались между студентами и горожанами. В 1354 году схватка в таверне «Свайндлсток» в центре Оксфорда закончилась кровопролитием. Друзья землевладельца прозвонили в колокол церкви Святого Мартина, подав сигнал тревоги жителям города. Толпа собралась и угрожала школярам различного рода оружием, в то время как канцлер университета звонил в свой колокол на университетской церкви Святой Марии. Поднятые по тревоге студенты достали свои луки и стрелы; уличный бой между противниками продолжался до ночи. На следующий день горожане послали восемьдесят вооруженных людей в приход Сент-Гил, где

жили многие школяры; они стреляли и убили нескольких человек, пока снова не зазвонил университетский колокол и огромное количество студентов Оксфорда не бросилось на горожан с луками и стрелами. Но последних было больше. 2000 горожан вышли под черным флагом, крича «Убей! Убей!», «Разгром! Разгром!» или «Бей сильнее, отвесь хороший пинок!». Такими были военные кличи в средневековый период. Была ужасная резня с множеством жертв. Кажется, всем студентам Оксфорда пришлось бежать, и университет на какое-то время опустел.

Можно рассказать и о менее жестоких происшествиях. Инспекция студентов Магдален-колледжа в Оксфорде в первые годы XVI века выявила, что «Стоукс был застигнут с женой портного… Стокайсли окрестил кота и занимался колдовством… Грегори вскарабкался по башне на главные ворота и пропустил в колледж чужака… Горшки и чашки моют очень редко и держат такими грязными, что нормальный человек содрогнется, если ему предложат испить из них… На Рождество Кифтайл играл в карты с мясником на деньги». Других студентов обвиняли в том, что в качестве домашних питомцев они держали хорька, ястреба-перепелятника и ласку.

Вероятно, нет ничего удивительного в том, что в обществе очень молодых людей время от времени происходили случайные вспышки насилия. Студенты начинали учиться в университете в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет, курс обучения занимал семь лет. В первые три года изучали грамматику, риторику и диалектику; за этими дисциплинами следовали арифметика, астрономия, музыка и геометрия. Студенты посещали лекции и семинары, а также участвовали в организованных диспутах. Споры были важным аспектом любой сферы средневековой жизни. Даже экзамены сдавали только устно, и продолжались они четыре дня. Успешно прошедший испытания кандидат получал звание магистра искусств. Те, кто продолжал обучение, переходили к изучению теологии; это требовало до известной степени посвятить академической жизни еще шестнадцать или семнадцать лет.

В Оксфорде и Кембридже давали не только схоластическое образование. Менее формальные школы, также основанные в этих двух городах, чтобы воспользоваться их репутацией в сфере образования, давали уроки по гражданскому праву, бухгалтерии и коммерческому праву; их часто посещали сыновья крупных фермеров и земле-

владельцев, а также управляющие поместьями, чтобы не отставать от все усложняющегося мира собственности и афер с нею. В этот период можно наблюдать большой энтузиазм по поводу изучения практических предметов.

Интерес к учению в любом случае был на уровне подсознания, он являлся естественным продолжением соперничества и стремлений в мире, который становился все просторнее. К началу XIII века в каждом городке была своя школа.

Вот бы учитель стал зайцем,
А все его книги — гончими,
А я был бы веселым охотником,
Трубил без устали бы в рог,
Коль он умрет, я не заплачу[54].

Так писал автор стихотворения XV века «Выпоротый школьник» (The Birched Schoolboy). Учитель обычно сидел на высоком стуле, часто держа книгу на коленях, а мальчики сидели на простых скамьях вокруг него. Он диктовал, к

[54] Примечания: 54
I would my master were an hare, / And all his books were hounds, / And I myself a jolly hunter: / To blow my horn I would not spare! / If he were dead, I wouldn't care.

примеру, латинские грамматические правила, а ученики записывали их на восковых табличках или повторяли хором. Уроки начинались в шесть утра и с несколькими перерывами продолжались до шести вечера. Еще одно стихотворение описывает жизнь мальчика вне классной комнаты. Возможно, Джон Лидгейт[55] вспоминал собственное детство:

> *Бегал по садам, яблоки там рвал,*
>
> *И не держала меня ни изгородь, ни стена,*
>
> *Чтобы сорвать гроздь винограда в чужом саду,*
>
> *И это было веселее, чем твердить молитвы,*
>
> *Хотелось мне шутить, и зубоскалить,*
>
> *И насмешничать, как веселая мартышка*[56].

В мире, где насилие было непринужденным и

---

[55] Примечания: 55
Лидгейт Джон — английский поэт, последователь Чосера.

[56] Примечания: 56
Ran into gardens, apples there I stole, / To gather fruits I spared not hedge nor wall, / To pluck grapes from other men's vines / I was more ready than to say my matins, / My lust was to scorn folk and jape, / To scoff and mock like a wanton ape.

беспричинным, битье детей было, можно сказать, традицией. Агнес Пастон била свою дочь Элизабет «раз или два в неделю, а иногда и пару раз в день, и голова у нее была проломлена в двух или трех местах». Элизабет в то время было двадцать лет. Также Агнес Пастон приказывала учителю своего сына «как следует его отхлестать», если мальчик не будет слушаться. Такие чувства ожидались от любящей матери. Советовали бить ребенка до тех пор, пока он или она не признает своей вины и не взмолится о милости. Но детство состояло не только из порки и побоев. Многие руководства по воспитанию поддерживали идею о мягкости, соединенной с твердостью; чрезмерные наказания не рекомендовались.

Томас Мор, который родился в 1478 году, считал, что трое из пяти англичан умеют читать. Возможно, он несколько переоценил это количество, опираясь в своих суждениях только на жителей Лондона, но тенденция к повышению грамотности в стране бесспорна. Развитие ранее неизвестного способа печати в последние десятилетия XV века создало новую аудиторию с новыми умениями. Это была эпоха, когда в употребление вошли афиши и объявления и когда в некоторых крупных городах появились библио-

теки. Библиотека ратуши, основанная в 1423 году, существует до сих пор. За один год в Лондоне были открыты четыре новые грамматические школы. В последние годы XV века бесплатные школы появились в Гулле, Ротереме, Стокпорте, Макклсфилде и Манчестере.

Школьникам не разрешалось играть в кости или пользоваться луком и стрелами на территории школы, зато им предоставлялось время и возможности участвовать в более подходящем спорте, таком как петушиные бои. «И-го-го!» — таким был радостный вопль освобождения в классных комнатах. Наступало время прыжков, бега и борьбы. Птиц ловили или сбивали камнем из рогатки. Беда вспоминал, как в юности принимал участие в неких примитивных скачках на лошадях.

Средневековый школьник играл в крокет, футбол, кегли, шарики. В теннис тогда играли у стены, а не через сетку, ладонью, а не ракеткой; ракетки были придуманы только в конце XV века. Камбука представляла собой вид гольфа, в который играли изогнутой палкой под названием «банди». Популярным было катание на коньках, которые делали из кости. Игра под названием «столы» походила на триктрак. Были

широко распространены шахматы, в которых использовались круглые доски; в средневековых жилищах находили отдельные фрагменты шахматных фигур. Карты появились только в середине XV века. Стрельба из лука была очень важным занятием, в игре «пенни-прик» участники должны были попасть стрелой в подвешенную монетку в один пенс. Часто играли в дротики. «Ты должен попасть, — говорил один школьник другому в учебнике 1420-х годов, — в пуговицу на твоем обшлаге». Игра стара как мир и так же, как и он, постоянно обновляется.

35
Лев и агнец

Новый король Эдуард IV, согласно Томасу Мору, «был добрым человеком и держался очень царственно… Лицом он был красив, телом складен, крепок и силен»[57]. Современный Эдуарду хронист Доминик Манчини, который писал сразу после смерти короля, дал более неоднозначное описание: «Эдуард имел мягкую натуру и веселый характер, тем не менее если он злился, то мог казаться очевидцам просто ужасным». Конечно, одна из королевских обязанностей — это внушать ужас, особенно если этот король наследует Генриху VI: ведь предыдущий король был скорее агнцем, а не львом. Манчини сообщал, что «с ним легко было общаться друзьям и другим людям, даже менее родовитым. Часто король приглашал к себе совершенно неизвестных людей, если ему казалось, что они пришли с намерением обратиться к нему или узнать его ближе». «Входите, — возможно, говорил он. — Посмотрите на

[57] Примечания: 57
Пер. М. Л. Гаспарова и Е. В. Кузнецова.

меня. Да, я ваш король». «Он желал показать себя тем, кто хотел на него смотреть, и не упускал ни одной возможности… продемонстрировать свою прекрасную фигуру заинтересованной аудитории». У Эдуарда был великолепный аппетит, и, как и многие гурманы, в процессе приема пищи он мог извергнуть уже съеденное, чтобы продолжить трапезу. Со временем это сказалось на объеме его талии; Мор отмечал, что в последние годы король стал «довольно тучным и жирным, но привлекательность свою тем не менее не утратил».

В молодости его гордость граничила с тщеславием, и, как и многих королей до него, Эдуарда увлекали театральные и зрелищные стороны королевского сана. В первый год его правления хранитель королевского гардероба потратил чуть больше 4784 фунтов стерлингов на меха и одежды для одного короля — огромная сумма, если учесть, что среднее годовое жалованье работника составляло примерно шесть фунтов. Эдуард одевался в расшитые золотом одежды и красный бархат, песочный шелк и зеленый атлас. Ему принадлежали сотни пар туфель и сапог, шляпы и береты; он в большом количестве носил аметисты, сапфиры и рубины. Они служили не только

ювелирными украшениями, но и талисманами. Аметист давал твердость и мужество, сапфир сохранял в целости конечности, если яд оказывался неподалеку от рубина, камень становился влажным, на нем выступала испарина. Эдуарду принадлежала золотая зубочистка, украшенная бриллиантом, рубином и жемчужиной.

Эта роскошь была связана не только с личным стремлением к возвеличиванию, хотя, конечно, большое значение имело и приращение богатств. Стать королем означало стать самым богатым человеком в стране. Но тщеславие было и способом показать богатство и статус королевства, оно демонстрировало мощь нации. Поэтому самолюбие и стремление к величию можно рассматривать как выполнение королевских обязанностей.

Разумеется, королевство все еще оставалось раздробленным или, по крайней мере, нестабильным. То, что Генрих и его сын оставались в живых, было серьезным препятствием для нового монарха, особенно из-за того, что династия Ланкастеров имела верных последователей как на западе, так и в центральных районах страны. У Эдуарда не было вообще никакой власти на севере, где старый король скрывался за границей Шотландии. Бóльшая часть Уэльса поддерживала

Генриха, у которого также было больше сторонников среди магнатов страны. Тридцать семь семей аристократов сражались за него и рядом с ним, и только трое перешли на сторону Эдуарда.

Поэтому новому королю приходилось укреплять свою оборону настолько, насколько возможно, отчасти это делалось для того, чтобы не позволить французам воспользоваться преимуществом внутренней смуты. Молодой король привлек к себе многих прежних сторонников Ланкастеров, под личиной доброго господина раздавая им земли; он был вынужден доверять тем, кто выступал против него, и, более того, оказывать им милости. Там, где приверженцев Ланкастеров не удавалось перевербовать, их арестовывали или уничтожали. Граф Оксфорд и его сын, например, были обезглавлены на Тауэр-Хилл по обвинению в измене.

Комиссия судей проехала через двадцать пять широв и восемь крупных городов, чтобы выявить недовольных новой политикой. Не было крупных сражений, но за первые два года царствования Эдуарда, возможно, произошло больше стычек, чем за всю войну; в 1461 году он взял под свое управление поместья 113 врагов. Эти территории были дарованы сторонникам нового короля. В

тот же год он пожаловал семь новых баронских титулов.

Далее король решил, что будет удобно создать кризис в международных отношениях; это помогло бы ему получить деньги для собственных целей и объединить подданных перед общим врагом. Весной 1462 года Эдуард объявил, что новый король Франции Людовик XI собирается уничтожить «народ, имя, язык и кровь Англии». Эдуарда можно считать первым английским королем, который полностью отказался от Франции, у него там не было владений, чтобы их защищать, если не считать гарнизона в Кале. Он действительно был королем только Англии.

На следующий год от казначейства потребовали обеспечить требуемые суммы, чтобы поднять армию и флот против множества врагов внутри страны и вне ее. Предполагалось, что король выступит против сторонников Ланкастеров в Нортумберленде или где-то еще или что он вторгнется в Шотландию; на деле ни того ни другого не произошло. Он так и не повел войска в бой. «Что за жалкий финал! — восклицал один хронист XV века. — Стыд и срам!» Впрочем, было бы неправильно считать Эдуарда неактивным королем. Он организовал перемирия и с Францией,

и с Шотландией. Он перевез двор в Йорк и оттуда начал медленно устанавливать господство над северными ширами.

С самого начала Эдуард показал себя сильным королем; он был прекрасным администратором, вполне способным прийти к умозаключению о том, что удержание трона зависит от финансовой и политической стабильности. В эпоху единоличного правления монарху было необходимо нести очень тяжелую ношу: его присутствие требовалось повсюду, а власть осуществлялась напрямую. Он строго контролировал торговлю и таможенные сборы; он созывал членов лондонских гильдий, чтобы руководить ими или произносить перед ними речи. Каждый год к королю поступали тысячи прошений. Говорили, что он знал «имена и земли» практически всех людей, «рассеянных по ширам этого королевства», даже тех, кто были простыми джентльменами. Король, который завоевал трон силой, не мог быть равнодушным и держаться от всего в стороне; ему приходилось оставаться в курсе дел своих подданных. Ему нужно было проявлять добрую волю, равно как и покорность. Именно поэтому Доминик Манчини описывал Эдуарда как «легкодоступного». Считается, что Эдуард

начал двигаться к «централизованной монархии», которая характеризует период Тюдоров, но на деле у него практически не было выбора в этом вопросе. Это решение не являлось бюрократическим или административным, оно было принято благодаря внутреннему, природному чутью короля.

Эдуард также интересовался отправлением правосудия и первые пятнадцать лет своего царствования путешествовал по всему королевству, чтобы проинспектировать его юридическую систему. Например, за пять месяцев от начала 1464 года он посетил суды в Ковентри и Вустере, в Глостере, Кембридже и Мейдстоуне. Для этой деятельности у него могло быть несколько причин. Главной среди них была попытка пресечь и наказать насилие между семьями дворян: у Эдуарда был личный интерес в том, чтобы предотвращать бунты или беспорядки, которые могли угрожать безопасности в различных графствах. Он, к примеру, вмешался в борьбу между Греями и Вернонами в Дербишире и тщательно допросил вассалов обеих сторон. Король часто использовал комиссии, которые назывались *oyer et terminer* («выслушать и решить»), созданные для того, чтобы заслушивать и разрешать дела,

связанные с тяжкими преступлениями или другими правонарушениями, в манере выездных сессий. Эти комиссии состояли из людей короля, принадлежащих к его дому или двору, а также из местных магнатов, которых не так-то легко было к чему-нибудь принудить.

Члены этих комиссий не всегда добивались успеха в сборе свидетелей. Наиболее знатные рыцари Херефордшира заявили, что «они не решаются присутствовать на суде и говорить правду о проступках перед собравшимися из-за того, что боятся: их убьют или нанесут вред их домам, а это вполне может случиться, если учесть, сколько вышеупомянутых злодеев без всяких препятствий разгуливает на свободе…». В первые годы правления Эдуарда, когда были сомнения в окончательном исходе борьбы Йорков и Ланкастеров, насилие в стране никоим образом не умерилось.

Как бы то ни было, юридическая практика самого короля была далека от идеальной. Он регулярно вмешивался в судебные процессы, чтобы решения принимались в пользу наиболее сильных его сторонников. Он никогда не наказывал приверженцев тех людей, на чью верность полагался. Это, разумеется, обычное дело для

любого короля, чье правление строится скорее на политических, а не на юридических принципах. У Эдуарда также был вполне обоснованный интерес к эффективному или, по крайней мере, быстрому правосудию, поскольку от доходов с судов во многом зависел его бюджет.

Можно отметить еще одну сторону его характера. Один современный Эдуарду хронист писал, что король имел пристрастие к «оживленной компании, роскоши, дебоширству, экстравагантности и чувственным удовольствиям». Для монарха это вовсе не смертные грехи, а, напротив, правильные установки, необходимые, чтобы поддерживать власть и величие. В следующем предложении, как бы то ни было, хронист переходит к восхвалению прекрасной памяти Эдуарда и его внимания к деталям. Но однажды Эдуард принял решение, связанное с его личной жизнью, и оно имело довольно серьезные последствия. Весной 1464 года он тайно вступил в брак с женщиной, в чьих жилах не текла королевская кровь, и этот брак говорил скорее о его страсти, чем о стремлении к справедливости. Елизавета Вудвилл была вдовой с двумя детьми, и, в отличие от большинства королевских невест, она являлась англичанкой. Как бы то ни было, она не

относилась совсем уж к простолюдинам, поскольку ее отец был рыцарем, а мать — вдовствующей герцогиней. Рассказывали, что, решив, что она станет королевой, а не королевской любовницей, Елизавета сопротивлялась посягательствам короля. Эдуард был известен своей любвеобильностью и множеством сексуальных связей, но, кажется, Елизавета была первой, кто ему отказал. При европейских дворах ходили слухи, что в отчаянии он даже приставил ей нож к горлу. Тем не менее Елизавета была неприступна, пока не добилась получения статуса, который ее устраивал.

Выбор короля стал причиной некоторого разочарования среди тех, кто считал, что король должен жениться только на особах королевской крови. Тот факт, что Эдуард вступил в брак с Елизаветой тайно, бежав от своих придворных в первый день мая 1464 года под предлогом того, что отправился на охоту, позволяет предположить, что он сам сознавал, что совершает мезальянс. Также считалось, что предпочтительнее жениться на девственнице. В письме с новостями из Брюгге, написанном осенью 1464 года, говорится, что «бóльшая часть лордов и народа, кажется, весьма разочарована этим браком и изыскивает средства, чтобы его ан-

нулировать, все аристократы держат большой совет в городе Рединге, где находится король». Ричард Невилл, граф Уорик, уже начал переговоры с французским королем по поводу женитьбы Эдуарда на свояченице Людовика XI. Теперь все эти планы пошли прахом. «Совещания» лордов были совершенно бессмысленны. Как отмечал друг Уорика, «мы должны быть терпеливы друг к другу». 29 сентября 1464 года Уорик и герцог Кларенс, младший брат короля, сопроводили Елизавету Вудвилл в часовню аббатства в Рединге, где собравшиеся аристократы чествовали ее как законную королеву.

Следующим летом Генрих VI был захвачен в плен; после поражения в Таутоне он скрывался в Шотландии и в замках оставшихся ему верными людей в Северной Англии. Он фактически являлся королем в изгнании, настолько незаметным, что Эдуард даже не был уверен, в каком именно графстве прячется Генрих. Маргарита же нашла убежище в землях своего отца в Анжу. Старого короля заметили на обеде, который его сторонники давали в Рибблсдейле; он бежал из этих мест, но был предан монахом. В конце концов Генриха схватили в лесу под названием Клитервуд, практически на границе Ланкашира,

и привезли в Лондон на лошади, привязав его ноги к стременам; рассказывали, что на нем была соломенная шляпа и какие-то злобные горожане бросали в него мусором. Следующие пять лет Генрих оставался в Тауэре с небольшим штатом придворных, которые должны были прислуживать узнику, известному просто как Генрих Виндзорский.

Семья новой королевы, Вудвиллы, приобрела влияние при дворе и могла стать угрозой положению Уорика и других Невиллов. Также король организовал ряд браков между близкими родственниками Елизаветы и различными аристократами; поскольку у нее было пять братьев и семь сестер, то эти браки уничтожили перспективу построения родственных связей для многих более видных семей. Младший брат Елизаветы, к примеру, в возрасте двадцати лет женился на шестидесятипятилетней герцогине Норфолк; герцогиня была богатой вдовой, уже успевшей похоронить трех мужей, также она являлась и теткой самого Уорика. О чувствах Уорика по поводу того, что в те времена описывали как «дьявольский брак», история умалчивает. В мыслях он мог рассудить, как говорилось на языке того времени, что честь его семьи запятнана и

что его пожилая родственница выставлена на посмешище. На деле пожилая леди пережила своего юного супруга, который кончил жизнь на плахе. Людовик XI предал огласке тот факт, что он получил письмо, где описывалось разочарование Уорика поведением Эдуарда; он даже намекал, что Уорик может пытаться свергнуть своего суверена, но все это пропало в тумане дипломатических предположений и фразерства. Французский король прославился прежде всего тем, что его прозвали «король-паук».

Более ощутимым источником разногласий была внешняя политика страны. Уорик превыше всего желал союза с Францией, тогда как Эдуард предпочитал согласие с Бургундией и Бретанью. Использовались самые разные политические средства. Уорик получал множество милостей от Людовика XI, тогда как Вудвиллы имели родственные связи с бургундскими аристократами. Также Бургундия была самым крупным рынком для экспорта английских тканей и, таким образом, важным торговым партнером английских купцов. В любом случае французы были старыми врагами, которые теперь принимали послов от Маргариты Анжуйской.

В 1467 году было подписано торговое согла-

шение между Англией и Бургундией, за ним незамедлительно последовало мирное соглашение и брак сестры Эдуарда Маргариты с герцогом Бургундским. Разочарованный поражением Уорик удалился в свои поместья в Йоркшире, где, судя по слухам, начал плести интриги против своего суверена; говорили, что он сумел вовлечь герцога Кларенса в заговор против трона. Французский хронист Жан де Ваврен сообщал, что Уорик обещал Кларенсу корону его брата. Старый союз разрушился.

Весной и осенью 1467 года ходили и другие слухи. Самый удивительный из них состоял в том, что двое непримиримых врагов Уорик и Маргарита Анжуйская заключили союз и собираются вторгнуться в Англию с целью свержения Эдуарда IV. Не ясно, кто предложил эту сделку, но многие подозревали, что король Франции сделал бы все, что угодно, чтобы поддерживать беспокойство и бунты во вражеской стране. Тем не менее Уорик и его рыцари еще бывали при английском дворе и с виду находились с королем в хороших отношениях.

Перелом наступил летом 1469 года. В июне в северных ширах вспыхнуло восстание, подготовленное «Робином из Ридсдейла», также

известным как Робин Исправь-все (Robin Mend-All), или сэр Джон Коньерс, двоюродным братом самого Уорика; отчасти это восстание было народным, его организовали те, кто был недоволен правлением Эдуарда. Король отправился в паломничество в Уолсингем, но, услышав новости о беспорядках, прервал свое богоугодное путешествие и вместе со свитой двинулся в Ноттингем. Со всех сторон до Эдуарда доходили слухи о коварных замыслах как Уорика, так и его младшего брата; также говорили, что в заговоре участвовал брат Уорика Джордж Невилл, архиепископ Йоркский. Он отправил всем троим вызывающие послания, требуя безусловной верности и подтверждения того, что они «не замышляли ничего против нас, как об этом говорят слухи».

Но ответа король не дождался. Вместо этого он узнал, что герцог Кларенс собирается жениться на дочери Уорика, несмотря на то что Эдуард запретил этот союз, и что все заинтересованные стороны отплыли в Кале, чтобы там провести церемонию. Это было открытым неповиновением и вызывающим поведением.

Из Кале Уорик и его союзники распространили обращение о том, что они становятся на сторону северных бунтовщиков против короля, чье прав-

ление было «лживым, алчным и направлялось некими растлевающими его личностями». Под этими личностями, разумеется, имелись в виду Вудвиллы, которых король ради безопасности уже попросил вернуться на их земли. Уорик пригласил своих сторонников встретиться с ним в Кентербери 16 июля. Возможно, он намеревался объявить правление Эдуарда незаконным и заменить его Кларенсом. Это уже была не борьба между Йорками и Ланкастерами, а схватка между двумя ветвями Йорков.

Уорик и его недавно увеличившаяся армия пересекли Ла-Манш и направились к Лондону, в котором граф был чрезвычайно популярен; затем они двинулись на Ковентри, где собирались присоединиться к людям Робина из Ридсдейла. Королевская армия бросила им вызов, но неожиданная атака сил повстанцев заставила ее разбежаться. Некоторые из командиров армии короля подчинялись приказам Уорика, и в потрясающем акте неблагодарности он казнил их на следующий день.

Сам Эдуард в это время двигался навстречу своей армии и не знал об этом поражении до тех пор, когда уже поздно было поворачивать назад. Его люди спешно покинули его — только это и

можно было понять из сбивчивых рассказов. Король решил вернуться в Лондон в сопровождении небольшого отряда, когда, к его удивлению, появилась армия архиепископа Йоркского. Эдуард со всей полагающейся учтивостью был взят в плен и спешно заключен в замке Уорика. Двоих самых влиятельных членов семьи Вудвилл — отца и младшего брата королевы — схватили и обезглавили по приказу Уорика. Теперь он контролировал и страну, и короля.

Но он ничего не мог поделать ни с государством, ни с монархом. Граф фактически был правителем страны, но ему не хватало легитимности и морального авторитета. Едва ли он мог править от имени короля, если держал короля в качестве пленника в замке. Совет Эдуарда, кажется, принимал указания Уорика весьма неохотно, а упущения в национальных делах вызвали на местах вспышки насилия и восстания. Вновь великие семьи королевства безжалостно убивали друг друга. От этого было только одно средство — освободить короля из заключения и позволить ему восстановить свою власть. Поэтому Эдуард IV вернулся. Его встретили мятежный граф, архиепископ и младший брат, хором уговаривающие короля, что действовали исключительно в ин-

тересах королевства. Эдуард и его сторонники направились к Лондону, где их встретили мэр и олдермены в своих пурпурных одеждах. «Сам король, — писал Джон Пастон, — хорошо поговорил с лордом Кларенсом, лордом Уориком и с моими лордами из Йорка и Оксфорда. Он сказал, что они останутся лучшими друзьями». Но добавил, что «с домочадцами будет говорить на другом языке». Другими словами, домочадцев ждала месть.

Король понимал, что стабильности в королевстве следует добиваться любой ценой. Согласно хронисту Полидору Вергилию, «он не искал ничего, кроме как снова завоевать дружбу тех аристократов, которые теперь отстранились от него…». Эдуард пригласил Кларенса и Уорика присоединиться к совещаниям большого совета, который был созван, чтобы добиться «мира и всеобщего забвения разногласий с обеих сторон». Также он предложил обручить свою четырехлетнюю дочь Елизавету и племянника Уорика, то есть племянника того, кто не так давно убил деда девочки по материнской линии и ее дядю.

Тем не менее граф получил жестокий удар: оказалось, что он не может поддерживать свой авторитет без короля. Весной 1470 года он снова принял участие в вооруженном восстании.

Мятеж начался в Линкольншире, где несколько семей, опасаясь королевского правосудия или оскорбленные его притеснениями, восстали, намереваясь передать корону Кларенсу. Когда Эдуард вышел против них на поле битвы, они кричали: «Кларенс! Кларенс! Уорик! Уорик!» Король получил все доказательства, которые ему только требовались. Его армия легко справилась с людьми из Линкольншира, а место битвы стало известно как «Поле потерянных курток» из-за большого количества брошенной одежды с отличительными знаками Уорика и Кларенса. Солдаты сбрасывали куртки прямо в бою. После убедительной победы Эдуарда двое противников короля, спасая свою жизнь, бежали во Францию, ко двору Людовика XI. Некоторым из их сторонников повезло меньше. Один из кораблей Уорика был задержан в Саутгемптоне, и всех джентльменов и йоменов на его борту обезглавили. После этого каждое из тел проткнули острым колом, а на его верхушку насадили голову.

Уорик и Кларенс теперь присоединились к Маргарите Анжуйской. Она покинула владения своей семьи и прибыла ко двору французского короля. У Людовика в руках имелось три синицы, но Маргарита и Уорик долгое время были непри-

миримыми врагами. Теперь же король Франции начал длительные переговоры, чтобы заставить королеву помириться с человеком, который являлся «главным виновником падения Генриха, а также ее сына и ее самой». Он каждый день вел с ней долгие споры, и в конце концов Маргарита подчинилась его желаниям. Она согласилась сотрудничать со своими старыми врагами и свергнуть с трона Эдуарда IV. Ее муж, все еще пребывающий в Тауэре, вернется на трон, ее сын Эдуард, принц Уэльский, женится на одной из дочерей Уорика и, таким образом, сроднится с Кларенсом. Таким образом, Йорки и Ланкастеры наконец объединятся. Молодая пара вступила в брак в соборе Анжера.

Уорик и его новая союзница начали подготовку к грандиозному вторжению в Англию. Эдуард приглядывал за побережьями, но летом 1470 года его отвлекли новости об очередных восстаниях на севере, вдохновленных Уориком; королю пришлось выступить с войском в Йорк и Рипон. Он не мог с уверенностью сказать, где высадится флот Уорика — а он мог высадиться в любом месте от Уэльса до Нортумберленда, — и король пошел на рассчитанный риск, выступив на север. В середине сентября, когда он, успешно

справившись с зарождающимся восстанием, задержался в Йорке, пришли новости о том, что Уорик и Кларенс высадились в Эксмуте, в Девоне, откуда сразу же двинулись на Эдуарда. Король в любом случае находился во враждебном краю, и вскоре стало ясно, что Уорик, продвигаясь вперед, собирает сторонников.

Записи архива Ковентри показывают, что Кларенс и Уорик к тому времени, когда добрались до города, «собрали множество людей», «их было тридцать тысяч». Эдуард оставил Йорк и перебрался в Ноттингем, но обстоятельства все еще ему не благоприятствовали. Он «послал за лордами и другими людьми», но, к его величайшему разочарованию, «собралось так мало людей, что он не мог выйти с ними на поле битвы». Согласно архивным записям, Эдуард «отправился в Линн». Фактически он быстро отступал в то место, которое сейчас называется Кингс-Линн, где мог сесть на корабль и отплыть в Нидерланды. Людей у короля было мало, денег тоже немного; он так нуждался, что ему пришлось отдать свою меховую накидку, чтобы заплатить за транспорт.

В конце концов Эдуард добрался до Голландии, губернатора которой он хорошо знал; король находился на территории Бургундии, а герцог

Бургундский был его союзником. Герцог, женившийся на Маргарите Йоркской два года назад, также являлся зятем короля. Поэтому Эдуард на какое-то время мог не опасаться своих врагов. Елизавета Вудвилл и ее мать уже нашли убежище в святилище Вестминстерского аббатства. Это святилище находилось в дальнем конце церковного двора, к западу от аббатства. Его описывали как «мрачное здание, такое прочное, что оно могло выдержать осаду». Именно там королева родила сына.

Чтобы утвердить свое превосходство, Уорик вернулся в Лондон. Маргарита и ее сын оставались во Франции, ожидая, когда Генрих VI вернется на трон. Итак, всеми покинутый и забытый король был извлечен из своей темницы в Тауэре, где он томился пять лет, облачен в длинные одежды из голубого бархата, но «относились к нему не так, как следовало бы обращаться со столь знатной особой». В заточении Генрих иногда цитировал седьмой псалом, который гласит: «Помощь мне от Бога, спасающего правых сердцем»[58]. И вот Господь совершил неожиданное чудо. Воистину пути Его неисповедимы.

---

[58] Примечания: 58
Пс. 7:10.

Открывая парламент, созванный Генрихом, архиепископ Йоркский произнес проповедь, основанную на тексте из Книги пророка Иеремии «Возвратитесь, дети-отступники»[59].

Но Генрих снова был королем только по имени, кукловодом же был Уорик. Согласно современному ему хронисту, Генрих был не более чем «коронованным тельцом, тенью на стене». Уорик теперь соблюдал равновесие различных интересов, чтобы сохранить за собою правление; ему приходилось удовлетворять как своих ланкастерских сторонников, так и тех приверженцев Йорков, которые предпочитали Эдуарда IV. Также граф должен был сдерживать амбиции Кларенса, который мог желать короны для себя. Подобные напряженность и раздробленность не способствуют хорошему правлению. Английские дворяне в любом случае все больше начинали презирать обе партии и просто становились на сторону той, которая в данный момент была сильнее. «В наши дни не стоит особенно доверять обещаниям лордов, — говорила Маргарет Пастон своему сыну, — поскольку для этого нужно быть более уверенным в благоволении таких людей.

---

[59] Примечания: 59
Иер. 3:14.

А сегодня человеческая жизнь стоит очень мало. Поэтому опасайся притворщиков, поскольку они говорят тебе то, что обернется для тебя бедствиями».

Достаточно скоро к этой истории, и без того уже наполненной несчастными случаями и странными поворотами судьбы, добавился еще один. Ранней весной 1471 года герцог Бургундский согласился профинансировать вторжение Эдуарда в Англию, и 14 марта изгнанный монарх высадился в Равенспуре на побережье Йоркшира; вначале его появлению никто особенно не радовался. «За ним пошло очень мало жителей страны [Йоркшира], — писал современный Эдуарду историк, — или почти никого». Люди Холдернесса отвергли его, ему разрешили войти в Йорк лишь при условии, что он будет претендовать только на герцогство своего отца, а не на английскую корону.

Эдуард продолжал двигаться к Лондону. Он прошел через Донкастер и, узнав, что Уорик собирает свои силы в Ковентри, повернул на этот город. Герцог Кларенс бросил графа и перебежал к своему брату; при том, что Генрих VI снова был на троне, а Маргарита Анжуйская собиралась вернуться в Англию вместе со своим сыном, он

понимал, что его шансы получить корону стали практически ничтожными. Также герцога подозревали его старые враги; он находился, как писал его современник, «под огромным подозрением, презираемый и ненавидимый всеми лордами… которые являлись приверженцами и сторонниками Генриха». Но в действиях Кларенса могло вообще не быть никакой логики: он был очень молод, впечатлителен и импульсивен, плохо контролировал, что говорит и что делает. Он, словно флюгер, вертелся во всех направлениях.

Эдуард, оставив Уорика строиться в боевой порядок в Ковентри, решил быстро продвигаться к столице и снова объявить себя королем. Архиепископ Йоркский, брат Уорика, попытался создать своей партии поддержку, устроив торжественное шествие Генриха VI через Лондон; король все еще был в голубой бархатной мантии, которую на него надели, когда он вышел из Тауэра. Эдуард вошел в город и срочно встретился со старым королем. «Мой кузен Йорк, — сказал ему Генрих, — я очень рад вас видеть. Я знаю, что в ваших руках моя жизнь не будет в опасности». Тут он, как выяснилось, ошибался. Несчастный монарх снова оказался за холодными стенами Тауэра, а Эдуард воссоединился со своей женой

и новорожденным сыном, освобожденными из убежища. Но на ликование ему оставалось очень мало времени, и уже следующим утром король «попросил совета великих лордов своей крови и других членов совета, чтобы понять, как могут развиваться события». События достигли высшей точки 14 апреля в Барнете, маленьком городке к северу от Лондона, где сторонники Йорков одержали победу в ряде беспорядочных стычек, проходивших в густом тумане; во время последовавшего за ними хаотичного отступления был убит сам Уорик. Делатель королей был повержен армией короля.

Графа Уорика нельзя назвать благополучным человеком. Чрезмерно щедрый монарх даровал ему земли и богатства, и в результате он стал вздорным и приобрел слишком много власти; он заявлял, что борется за права Англии, но оставался лишь орудием своей партии и семьи; он жаждал славы, но, одерживая победу, становился жестоким и мстительным; он был политиком, не способным ни на какую политическую стратегию, и государственным человеком, который мог в любой момент пойти против национальных интересов. Тщеславие и амбиции разрушили его. В этом отношении Уорик не слишком отличался

от своих знаменитых современников.

Маргарита Анжуйская и ее семнадцатилетний сын принц Эдуард отплыли из Франции, не зная о победе Эдуарда IV над Уориком. Новость добралась до них вскоре после высадки в Веймуте, в Дорсете. Бежать было слишком поздно, королева могла только сражаться. Она отправилась на север по направлению к Бристолю, собирая по пути сторонников, но армия Эдуарда приближалась с востока. В тот момент Джон Пастон писал своей матери Маргарет: «Уверяю вас, мир так непрочен». 4 мая 1471 года на лугу к югу от Тьюксбери, в Глостершире, Ланкастеры потерпели поражение от Йорков; в последовавшей за битвой свалке принц Эдуард был убит, а Маргарита стала пленницей.

Менее чем через три недели Эдуард IV с триумфом вернулся в Лондон. В тот же самый день Генрих VI был убит в Тауэре. Говорили, что он скончался от тоски, но правда, без сомнения, была куда более прозаической. Генриха убили по приказу короля-победителя, который пожелал, чтобы у него больше не было соперников. Позже было объявлено, что убийцей был младший брат Эдуарда герцог Глостер, но, возможно, это предположение связано с более поздней славой Глостера

как покрывшего себя позором Ричарда III. Так или иначе, казалось вполне приемлемым, чтобы он вошел в историю Англии как человек-призрак.

Королевская династия Ланкастеров, ведущая свое происхождение напрямую от Генриха IV, теперь прервалась. Тело Генриха VI перевезли из Тауэра в собор Святого Павла, где оно лежало «в открытом гробу» так, чтобы любой мог узнать старого короля. Маргарита Анжуйская была заключена в Тауэр, где провела четыре года, пока ее не выкупил Людовик XI; остаток своих дней она жила в бедности во Франции. По ее жизни пролетел шторм, уничтоживший и сына, и мужа.

Здесь можно рассказать еще один короткий эпизод из жизни Генриха VI. Однажды в 1450-е годы он посетил Вестминстерское аббатство, чтобы отметить место для своей будущей гробницы. Он приказал каменщику набросать с помощью ломика место и положение будущей усыпальницы, которую он пожелал построить в полу аббатства. Королю не требовался монументальный мавзолей, он хотел покоиться под простым камнем. Ведя переговоры с аббатом, он оперся на плечо своего камергера; королю тогда было только за тридцать, но он уже устал от всех требований, которые предъявлял к нему мир. В Англии редко

бывали мудрые короли, не говоря уж о хороших правителях, но человек, который совершенно не подходил для исполнения обязанностей суверена, может в какой-то мере показаться вполне симпатичным.

Часто говорят, что в Войне Алой и Белой розы враждующие стороны схлестнулись во взаимном уничтожении друг друга и что благородные семьи Англии заметно поредели в результате этой борьбы. На самом деле давление времени и обстоятельств всегда работало против любого аристократического дома. Было даже подсчитано, что если взять любой период в двадцать пять лет, то за это время четверть родовой знати не оставляла потомков мужского пола, которые могли бы унаследовать титул, поэтому наследование пресекалось. Чтобы сохранить правительство страны в добром здравии, был постоянно необходим приток новой крови. Война не прервала этот, в сущности, постоянный процесс.

Мир всегда двигается собственным путем, какие бы войны его ни сотрясали. Конфликт, разумеется, ослабил правящий класс и разорвал связи между королевством и аристократией, но нет никаких признаков запустения или беспорядка. В немногих больших и малых городах были

волнения, и от борьбы партий пострадали только те, кто погиб или был ранен в битвах. Обширные богатства церкви остались нетронутыми, и в целом духовенство наблюдало за конфликтом со стороны. Судебные органы продолжали свои заседания в Вестминстере, а судьи по-прежнему колесили по дорогам страны. Французский хронист и историк Филипп де Коммин в то время отмечал, что «не было зданий, разрушенных или уничтоженных войной, но бедствия и несчастья войны пали на головы солдат, а в особенности — на аристократов».

Также нет никаких признаков экономического упадка, связанного с войной. К 1470-м годам торговля даже выросла — тенденция, к которой сам король проявил активный интерес. Автор «Хроники Кройланда» (Crowland Chronicle) заявляет, что Эдуард «лично снарядил корабли с грузами — самой лучшей шерстью, тканями, оловом и другими товарами из своего королевства и, как человек, живущий торговлей, обменивал одни товары на другие…». Появление короля-купца позволяет развеять любые сомнения в отсутствии экономического упадка. «Нет ни одного хозяина трактира, как бы беден и жалок он ни был, — писал итальянский путешественник, — который

не сервировал бы столы серебряной посудой и кубками…»

В любом случае жизнь страны можно скорее сравнить с морем, чем с прудом. Упадок и возрождение, спад и подъем происходят одновременно. Так случилось, что в 1476 году Уильям Кекстон представил в месте для раздачи милостыни Вестминстерского аббатства первый печатный станок в Англии. Десять лет спустя в угольной шахте в Финчейле около Дарема появился первый водяной насос. В 1496 году в Бакстеде, в Суссексе, начала работать первая доменная печь в Англии. Эта индустриальная революция уже вызывала жалобы. Парламентский билль от 1482 года постановил, что шляпы, береты и кепи, сделанные «человеческими усилиями, то есть руками и ногами», намного превосходят те, которые «валяют и набивают сукновальные машины». В то же время очень много людей низкого происхождения жили на земле в тех же условиях, что и их саксонские предки.

36
Основа жизни

Среди голых полей и пустынных садов заброшенных римских вилл росли дикий чеснок и лук. «Я вырос прямо вверх, высок на грядке, — так говорит одна англосаксонская загадка о луке, — и заставляю течь слезу из глаз хозяйки. Что я такое?» Как бы то ни было, основным блюдом на бедных столах была вызывающая насмешки «чечевичная похлебка», за которую бедняки могли продать душу. Более богатые англосаксы ели пшеничные булки, но больше был распространен ржаной или ячменный хлеб. Также они употребляли в пищу множество свиней, откормленных желудями и буковыми орешками, которые в огромных количествах можно было найти в лесах страны. Мелкий фермер мог также держать несколько полосатых свиней на общинной земле. Оленина и домашняя птица были популярны среди более состоятельных англичан. Рыба, в том числе лосось и сельдь, была в изобилии. Иногда ели конину. Многие века эталоном сервировки считались большие ножи и грубые деревянные

ложки, часто все ели из одной миски. Как писал один хронист, «после обеда они припадали к своим чашам, к которым англичане имеют большую привязанность». Слабый эль, приправленный различными специями, был повсеместно любимым напитком. Но англосаксы пили и так называемый «морат» — сок шелковицы, подслащенный медом.

Диета нормандцев не слишком отличалась от меню англосаксонской эпохи, поскольку земледелие после их вторжения практически не изменилось. Статус лорда давал возможность есть только пшеничный хлеб. Когда король даровал ему земли, они должны были быть годными для выращивания пшеницы; земля, где эта культура расти не могла, имела небольшую ценность. Именно поэтому очень мало нормандских поселений появилось в более высоких и холодных землях Пеннинских гор, Камбрии и других северных регионов. Нормандцы жили среди пшеницы. Они делали хлеб в форме булок или караваев, часто с крестом наверху. Особенно им нравился хлеб с добавлением имбиря, который стали называть «перченым хлебом».

Очевидным было одно различие: нормандцы предпочитали вино местному элю и меду, поэто-

му из Франции вино экспортировалось в большом количестве. Философ XII века Александр Некам заявил, что вино должно быть прозрачным, как слезы кающегося грешника. Также он говорил, что хорошее вино должно быть сладким, как миндаль, скрытным, как белка, пылким, как самец косули, крепким, как цистерцианский монастырь, сверкающим, как огненная искра, прочным, как логика ученых из Парижа, нежным, как тонкий шелк, и холодным, как кристалл. Язык ценителей вина не слишком-то изменился за прошедшие столетия.

В средневековый период был достаточно небольшой интерес к продуктам питания, которые тогда называли «белой пищей», — сыру, маслу и молоку. Они были в рационе простолюдинов, поэтому дворянам их следовало избегать, но молоко использовалось при изготовлении сладостей. Для приготовления пищи чаще употребляли оливковое, а не сливочное масло. Свежие фрукты считались вредными для здоровья, а самыми распространенными овощами пренебрегали все, кроме бедняков, которые считали их бесплатной пищей. Земля была так плодородна, что в сезон урожая бедняк или бродяга мог полностью прокормиться с чужих полей и садов. Горох и

бобы, лук-порей и капусту можно было украсть и с небольших огородов, прилегающих к каждому коттеджу. «У меня нет денег, — жаловался Петр-пахарь в месяц перед урожаем. — У меня есть пара кусков свежего сыра, немного творога и сливок, овсяная лепешка и две буханки хлеба из гороха и отрубей, которые испекли для детей. У меня есть петрушка, лук-шалот и много капусты». Вполне возможно, что рацион бедного человека был куда здоровее, чем питание богачей.

К XIII–XIV векам мясо стали щедро приправлять специями, такими как анис и лакрица. Богатые семьи предпочитали сильный и даже грубый вкус блюд. Иначе трудно объяснить то, что мясо серых и бурых дельфинов подавали даже к королевскому столу. Морская корова, которую позже стали называть тюленем, также была деликатесом. Язык кита, еще одно королевское лакомство, отваривали с горохом или зажаривали. В меню входили и птицы с ярко выраженным вкусом мяса, такие как павлин, цапля или выпь. «Припудренной лососиной» называли лосося, посыпанного солью. Запах морского угря, по мнению одного из любителей, был так прекрасен, что мог заставить принюхиваться мертвого.

Первая поваренная книга в Англии «Способы

приготовления еды» (The Forme of Cury) была написана в конце XIV века мастер-поварами Ричарда II. По их мнению, блюдо из очищенных устриц и мяса зайца должно было приправляться медом. Свинину следовало жарить и посыпать шафраном и изюмом. Фазанов можно было украсить корицей и имбирем. Специи нужны были не для того, чтобы замаскировать несвежее мясо, а ради них самих, для того, чтобы добиться сильного вкуса. Также они использовались, чтобы придать мясу и другим блюдам различные цвета: индиго делал еду синей, шафран — желтой, кровь и подпаленные сухари давали красный и черный.

Интересно, что в «Способах приготовления еды» и в других собраниях рецептов редко упоминается о том, какое количество продуктов необходимо взять. Средневековые единицы измерения действительно были достаточно расплывчатыми и неточными. Не было никакой нужды в точности и никакого стремления к ней. Эта эпоха не была «научной». Поэтому часто с размерами и количеством промахивались в ту или иную сторону, по крайней мере, если брать современные требования к точности. Например, монахи с Или считали, что их остров имеет величину 11,2 на

6,4 километра, тогда как в действительности его размеры 19,3 на 16 километров. Заявляли, что в царствование Эдуарда III в Англии было 40 000 приходов, тогда как на самом деле их было менее 9000 — огромная ошибка в одном из самых основных параметров страны. Когда мы читаем в источниках о том, что в местах паломничеств происходили «бесчисленные чудеса», или о том, что король стоял во главе армии в 50 000 человек, возможно, нам стоит усомниться в подобных заявлениях.

Пространство и время были расплывчатыми и, в сущности, неопределенными. Акр земли (0,4 гектара) можно было измерить тремя различными способами. Существовали различные системы измерения времени, например по годам царствования, по избранию папы, по церковным событиям (литургический год). Хартии и меморандумы до XIII века часто вообще не датировались, иногда на договорах указывался год относительно какого-то события: «после свадьбы сына короля Англии с королевской дочерью» или «после того, как Гилберт Фолио стал епископом Лондона», что, как мы знаем, было в 1163 году. Многие не были уверены в том, сколько им точно лет: один старый солдат Джон де Сюлли заявлял,

что ему 105 лет и что он участвовал в битве при Нахере в 1367 году. Если это было правдой, то он взял в руки оружие в возрасте восьмидесяти семи лет. Об отце другого старого солдата, Джона де Тервилля, говорили, что он умер в возрасте 145 лет. Время дня измеряли по тому, как падали тени, отбрасываемые предметами, на которые светило солнце, часы появились только в XV веке, и они были тяжелыми, громоздкими и не обязательно точными. Звон церковного колокола отмерял канонический день от заутрени до вечерни. И все знали, что один ярд равен длине королевской руки. А чему же еще он мог быть равен?

37
Король весны

Эдуард IV наконец стал королем, у которого не было соперников. Рождение сына в святилище в Вестминстере, а также последовавшее вскоре после этого появление на свет другого младенца мужского пола означали, что линия Йорков может продолжаться до бесконечности. Но у Эдуарда было два брата — Джордж, герцог Кларенс, и Ричард, герцог Глостер, — которые когда-нибудь могли заявить свои права на верховное владычество.

Младший брат, герцог Глостер, был вознагражден за свою верность во время волнений предыдущих лет. С осени 1469 года он был коннетаблем Англии и вел своих людей в сражения за короля против повстанцев; также он сопровождал Эдуарда в его плавании из Кингс-Линн в Голландию, а во время судьбоносной битвы в Тьюксбери командовал передовым отрядом. За оказанные королю услуги весной 1471 года он получил титул лорда — великого камергера, который ранее принадлежал Уорику. Также

Глостер был вознагражден большой частью земель Уорика на севере Англии и с этого времени стал самым крупным землевладельцем и военно-феодальным правителем северных регионов, чьим главным замком был Миддлхэм в Северном Йоркшире. Он получил руку леди Анны Невилл, младшей дочери Уорика, которая была замужем за несчастным принцем Эдуардом. Пятнадцатилетняя девушка теперь вступила в союз с человеком, который помогал уничтожить ее семью, но, разумеется, куда более предусмотрительно было выйти замуж за одного из победителей. В королевской семье романтическая любовь встречалась довольно редко.

Старший из двух братьев короля Кларенс представлял собой более значительную угрозу, или, вернее, от него было больше неприятностей. Он уже показал свою неверность королю, вступив во временный союз с Уориком и Маргаритой, а теперь обратил свою злость на младшего брата. Он хотел быть лордом — великим камергером, он хотел земли Уорика на севере и земли самой леди Анны Невилл. Братья постоянно бросали друг другу вызов в спорах перед Королевским советом, и каждому аплодировали за его красноречие. Как бы то ни было, на время Кларенс стал

победителем, получив поместья Уорика в центральных графствах и титул лорда — великого камергера. Глостер же сохранил свое господство над севером.

После победы Эдуард очень быстро покарал своих заклятых врагов. Он говорил, что богатые будут подвешены за свой кошелек, а бедные — за шею, но на деле был больше заинтересован в том, чтобы отнять деньги, а не жизни. Города, которые противостояли ему, такие как Гулль и Ковентри, были лишены своих свобод и заплатили большие деньги за их восстановление; на отдельных магнатов, поддерживавших Маргариту или Уорика, также наложили штрафы. Парламентские записи были наполнены сообщениями о налогах, актами о распоряжении имуществом, о конфискации и о насильственных контрибуциях в пользу королевской казны, которые без тени иронии называли «благотворительностью». Эдуард мог быть как суровым, так и великодушным: многие бывшие недруги получили «королевское прощение», и известные священнослужители из партии Ланкастеров, такие как Джон Мортон, поступили к королю на службу. Мортон позднее стал епископом Или и архиепископом Кентерберийским.

На континенте оставалась огромная проблема

с Людовиком XI. Французский король помогал Уорику и поддерживал Маргариту Анжуйскую в их притязаниях на английский трон; он по-прежнему поощрял мятежных Ланкастеров, нашедших убежище в его королевстве. Людовик являлся угрозой, от которой следовало избавиться. Но если у Эдуарда и было желание это сделать, то никакими средствами он не располагал. Он начал переговоры о тройном вторжении с соседями Франции герцогами Бретани и Бургундии. Оба герцогства являлись феодальными подданными Франции, но на практике были независимыми. Эдуарду удалось добиться успеха по крайней мере в отношении Карла Смелого, герцога Бургундского.

4 июля 1475 года крупная английская армия отплыла в Кале из Дувра, готовясь к встрече с силами бургундцев. Эдуарда сопровождало большинство аристократов, в целом войско составляло 15 000 человек. Они везли 779 каменных ядер и более 10 000 связок стрел; также у короля были шитые золотом ткани для того, чтобы продемонстрировать свою роскошь, и он приказал построить из дерева маленький домик, покрытый кожей, который мог использовать на поле битвы. Это были его портативные королевские

покои.

Карл Смелый не оправдал своего имени и прибыл в Кале всего с несколькими сторонниками. Большинство своих людей он оставил на осаде города во Фландрии. Эдуард, очевидно пришедший в большую ярость, немедленно начал переговоры с Людовиком XI, чтобы выторговать хоть какой-то мир. Французский король был готов пойти навстречу, не желая вторжения чужих солдат на свои земли, и месяц спустя оба короля встретились на мосту в Пикиньи неподалеку от Амьена.

Чтобы избежать любого нежданного нападения, посередине моста поставили деревянный барьер, с каждой стороны которого собрались солдаты обоих суверенов. Двойник, одетый в одежды французского короля, шел за спиной Людовика. Трое из подданных Эдуарда были одеты в те же золотые одежды, что и их господин. Это было мерой предосторожности. Эдуард подошел к барьеру, приподнял шляпу и низко склонился к земле; Людовик ответил столь же изысканным жестом.

— Мой господин, мой кузен, — сказал Людовик, — добро пожаловать! В мире нет ни одного человека, с которым я бы хотел встретиться больше, чем с вами.

Эдуард отвечал на очень хорошем французском.

Было подписано мирное соглашение, по которому Людовик согласился выплатить английскому королю огромную сумму в 75 000 крон, а также ежегодный пенсион в 50 000 золотых монет при условии, что английские войска покинут страну. Удовлетворенный этим выкупом, Эдуард вернулся в Англию. Также было решено, что его старшая дочь Елизавета Йоркская выйдет замуж за старшего сына французского короля. В обычной манере подобных заранее согласованных королевских браков эта договоренность ни к чему не привела.

В результате своей экспедиции Эдуард стал богаче, хотя славы и не приобрел. Перед вторжением он говорил, что хочет восстановить английские владения во Франции и даже претендовать на французский престол. Так было принято заявлять в то время, и всем этим словам не обязательно стоило верить. В любом случае амбиции не увенчались успехом. Но если Эдуард отправился в плавание, намереваясь получить крупную сумму от французского короля, то он полностью добился того, чего хотел. Подтверждение этому можно найти у французского историка,

который в то время находился при дворе Людовика XI. Филипп де Коммин заявляет, что Эдуард начал переговоры с Людовиком еще до того, как отплыл из Дувра. Затем Коммин делает предположение о том, что Эдуард хотел присвоить себе все деньги, которые собрал в Англии для королевского похода.

В таком случае король совершил бы очень крупный обман; за те месяцы, пока шла подготовка к вторжению, по списку жалованных грамот и патентов можно отследить совместные усилия «плотников, столяров, резчиков по камню, кузнецов, слесарей, судостроителей, бондарей, пильщиков, мастеров по изготовлению луков и стрел, каретников, мастеров по изготовлению конской сбруи и других рабочих» по приготовлению к войне. Правда может состоять в том, что английский король был готов к различным вариантам развития событий. Он просто ждал, что произойдет, чтобы посмотреть, какие шансы ему даст судьба, полагаясь на принцип: кто не рискует, тот не пьет шампанского. Исторические записи состоят из неожиданных последствий и поворотов судьбы.

Эдуард не обнародовал все положения соглашения, заключенного в Пикиньи, но вскоре

парламенту и народу Англии стало ясно, что в результате прерванной экспедиции во Францию король стал богаче, а они — беднее. Эдуард теперь был достаточно силен, чтобы справляться с трудностями.

Вскоре он продемонстрировал силу на своем брате. Кларенс фактически стал неуправляемым. Согласно «Хронике Кройланда», самому надежному источнику информации об этом периоде, он «теперь, казалось, сильнее и сильнее чурается присутствия короля, едва выдавливает из себя слово на совете, не ест и не пьет в королевской резиденции». У него были причины для недовольства. После смерти его жены, которая скончалась в родах, предполагалось, что Кларенс должен жениться на дочери Карла Бургундского, но Эдуард отказался одобрить этот союз, потому что при поддержке Бургундии его брат стал бы слишком силен. По тем же причинам Эдуард не позволил Кларенсу жениться на сестре короля Шотландии.

В апреле 1477 года Кларенс обвинил одну из служанок жены, Анкаретту Твинихо, в убийстве хозяйки с помощью «смертоносного напитка из эля, смешанного с ядом»; вооруженная банда его людей схватила несчастную женщину и достави-

ла в город Кларенса Уорик, где ее и повесили. Это была форма узаконенного убийства. Три месяца спустя один из сквайров из дома Кларенса был обвинен в некромантии с целью вызвать смерть короля. Его объявили виновным и вздернули на виселице в Тайберне. На следующий день Кларенс пришел на Королевский совет и заставил зачитать заявление о невиновности этого человека; после этого Кларенс покинул зал заседаний. Он фактически бросал вызов королевской честности и королевскому правосудию. Тогда Эдуард потребовал, чтобы Кларенс явился к нему, и в присутствии мэра и олдерменов Лондона заявил, что тот действовал «неуважительно по отношению к закону страны и угрожал судьям и присяжным королевства».

В начале 1478 года была созвана сессия парламента, где перед всеми лордами король обвинил своего брата в различных преступлениях против трона; выступило несколько свидетелей, но было понятно, что их заранее проинструктировали, что следует говорить. Герцог защищался, как только мог, даже умолял разрешить дело с помощью поединка, но собравшиеся лорды признали его виновным в измене. В этом деле лорды парламента, без сомнений, были вынуждены встать на

сторону короля, и их вердикт никого не обманул. Как бы то ни было, доказательства были слабыми и, возможно, выдуманными. Кларенса заключили в Тауэр, где его через несколько дней тайком убили. Часто заявляют, что герцога утопили в бочке с мальвазией. Эта любопытная деталь, как ни странно, может быть точной, но она может указывать на то, что его утопили в ванне: ванны в те времена часто делали из распиленных винных бочек.

Король убил старшего из двух своих братьев, преследуя сомнительные цели. Это жестокое действие устанавливало верховную власть короля. Некий прорицатель предсказал, что царствованию Эдуарда будет препятствовать человек, чье имя начинается с «G». Поэтому Джордж (George), герцог Кларенс, был устранен. Имя младшего брата Ричарда Глостера (Gloster), очевидно, не пришло королю на ум. В то время также говорили, что королева и ее родственники Вудвиллы также мечтали уничтожить Кларенса: в случае смерти Эдуарда его красноречие и приятный вид могли составить конкуренцию юным сыновьям короля. Один слух накладывался на другой; кровавый двор был наполнен призраками и подозрениями. Путь Эдуарда IV к славе проходил по трупам его

врагов, теперь к ним добавилось и тело его брата. Согласно «Хронике Кройланда», король «правил своим государством такой тяжелой рукой, что, казалось, внушал смертельный страх всем своим придворным, тогда как он сам не боялся никого».

Помимо укрепления своего правления и обеспечения королевской выгоды, Эдуард тратил огромное количество времени, устраивая для своих ближайших родственников браки, выгодные настолько, насколько это было вообще возможно. Его купеческие вложения в шерсть и ткань были ничтожны по сравнению с вложениями в семью. Всего у него было три сына и семь дочерей; двое из них умерли в младенчестве, таким образом, у него осталось два сына и шесть дочерей. Началась карусель сватовства, в результате которой дочери были обручены с наследниками престолов Шотландии, Франции и Бургундии. Принц Уэльский Эдуард был разыгран как предмет торговли с Бретанью. Король хотел взамен звонкую монету, в частности, он не желал давать приданое за своими дочерьми и поэтому заводил длительные переговоры, чтобы избежать этой необходимости. На деле никто из детей не вступил в брак на момент его смерти, в основном по той причине, что все они были слишком молоды

для этого. Все его планы, намерения и наметки пошли прахом. Тысячи слов, потраченных на речи и дипломатию, растворились в воздухе.

Младший брат короля был в большей безопасности, чем когда-либо. Ричард Глостер оставался самым сильным лордом Северной Англии. Семья Перси главенствовала в Нортумберленде и Ист-Райдинге в Йоркшире, но весь остальной север находился под прямым управлением Глостера. У Эдуарда не было причин сомневаться в его верности, и, казалось, на тот момент он сделал лучший выбор, назвав Ричарда лордом-протектором Англии и опекуном старшего сына короля.

Переломный момент наступил быстрее, чем этого ожидали. Весной 1483 года Эдуард IV таинственно и опасно заболел. Говорили, что он простудился на рыбалке. Коммин утверждает, что король умер от апоплексического удара. «Хроника Кройланда» заявляет, что он пал «сраженный не годами и не какой-либо из известных болезней». Есть предположения о смерти от яда. В действительности его единственной болезнью могло быть потакание своим желаниям: он ел и пил в немыслимых количествах, стал жирным и распущенным. Только очень благочестивые короли могут избежать такой судьбы. Эдуард IV

скончался, когда ему было чуть за сорок.

Эдуард умер, не оставив после себя долгов, он был первым кредитоспособным королем за последние двести лет. Возможно, это и было его величайшим достижением. Он не совершил значительных законодательных или юридических реформ, но, по крайней мере, сумел укрепить королевское правление. Он смог заставить работать королевскую власть после слабого царствования Генриха VI. Подытоживая, можно сказать, что это все, что он сделал. Тот факт, что после царствования Эдуарда Англия стала более процветающей, чем ранее, полностью объясняется стоящей за этим силой и целеустремленностью растущей нации.

В любом случае Эдуард не был достаточно силен, чтобы быть уверенным, что его сына коронуют как королевского преемника. Ректор Таттершел-колледжа в Линкольншире писал епископу Винчестерскому: «Поскольку сейчас наш сюзерен король мертв и душа его предстала перед Иисусом в надежде на Его великое милосердие, мы не знаем, ни кто теперь будет нашим лордом, ни кто будет править нами». Впрочем, переход произошел очень быстро и изящно. Эдуард, принц Уэльский, был объявлен королем

Эдуардом V.

Ко времени смерти своего отца юный наследник, очевидно, находился в Ладлоу, около границы с Уэльсом; он был в компании своего дяди Энтони Вудвилла, графа Риверса, когда мать призвала принца вернуться в Лондон. В столице собрался совет, в котором главную роль играл лорд Гастингс. Как и Глостер, он был верен скорее йоркской монархии, чем семейству Вудвилл; когда Гастингс узнал, что королева попросила своего брата охранять ее сына по пути в Лондон и привести с собой столько людей, сколько он сможет собрать, лорд почувствовал, что это может обернуться нежелательной демонстрацией силы. Он угрожал удалиться в Кале, если Вудвиллы будут пытаться захватить город, и в то же время написал Глостеру, чтобы сообщить тревожные новости.

Тогда Елизавета Вудвилл согласилась на компромисс, по которому юного короля могли сопровождать не более 2000 человек. Глостера предупредили о возможности того, что Вудвиллы могут попытаться контролировать короля, но они признали его в качестве полноправного лорда-протектора королевства. В конце апреля Глостер прибыл с севера и присоединился к своему сто-

роннику герцогу Бекингему в Нортгемптоне. Это было всего в десяти милях к северу от того места, где по пути в Лондон остановилась королевская партия; Стони-Стратфорд находился на пересечении Уотлинг-стрит и дороги в Нортгемптон.

Стороны обменялись заверениями в дружбе. Риверс и его спутники поприветствовали двух герцогов и встретились с ними в доме неподалеку от Нортгемптона; они весело провели вечер, но на следующее утро Риверса арестовали по обвинению в измене и отправили в тюрьму на север. Затем Глостер и Бекингем поехали в Стони-Стратфорд и сообщили юному королю, что дядя и другие люди из его окружения плели заговор против молодого человека. Эдуард возражал и протестовал, говорил, что «не видел от них ничего плохого и хотел бы сохранить их при себе, если только обвинения не будут доказаны». Но четырнадцатилетний мальчик не мог тягаться с Глостером, сообщившим королю, что Риверс играл определенную роль в дебошах покойного Эдуарда, и эти развлечения смертельно ослабили короля-отца. Эти слова хорошо сочетались с высокой моралью самого Глостера. Молодой король отметил, что он полностью полагается на суждения своей матери, и Бекингем возразил,

что не стоит доверять женщинам.

Когда новости об аресте достигли Лондона, семейство Вудвилл и его сторонники встревожились. Они попытались поднять армию, но Лондон для них был чужой землей. Тогда королева взяла своего второго сына и дочерей и укрылась с ними в убежище в Вестминстерском аббатстве. Второй раз в жизни она искала защиты в этом святом месте, но теперь ситуация была куда более опасной. Две семьи боролись за власть, не было сильного совета или группы аристократов, которые могли бы встать между ними. Эдуард IV должен был предвидеть такие последствия своих действий, когда создал две группы подданных, обладающих большой властью, но не сделал никаких попыток предотвратить подобную ситуацию. Поэтому теперь королева сидела на полу среди разбросанных камышовых подстилок, а вокруг нее «с грохотом перетаскивают тяжелые вещи в святилище. Среди них ящики, сундуки, мешки, узлы, тюки, все это — на спинах мужчин, ни один из которых не стоит без дела. Одни нагружают, другие несут, третьи сбрасывают ношу; кто-то идет за новым грузом, а кто-то ломает стены, чтобы пройти кратчайшим путем».

Глостер немедленно предпринял действия,

чтобы обезопасить монарха и подчеркнуть свою власть в любом столкновении с Вудвиллами. Он написал совету и мэру Лондона, настаивая на том, что действует, чтобы сохранить жизнь королю, и не претендует на корону. 4 мая Глостер привез Эдуарда в Лондон и, в знак своих добрых намерений, настоял на том, чтобы все лорды и олдермены принесли клятву верности своему новому монарху. Эдуарда вначале поместили во дворце Или, а потом перевезли в Тауэр как более подходящее место для того, чтобы подготовиться к коронации.

Шесть дней спустя Глостер стал лордом-протектором, хотя срок и объем его протекторства не были точно определены. Коронация Эдуарда V должна была состояться 22 июня, и с этого момента юный король мог объявить, что готов править самостоятельно. Возможно, этого желала его мать. Генрих VI приступил к управлению государством в возрасте пятнадцати лет, Ричард II принял на себя королевские обязанности в семнадцать. Таким образом, теоретически у Глостера оставалось очень мало времени, чтобы утвердить свою власть. Возможно, он также боялся, что Вудвиллы пожелают его уничтожить.

Тот факт, что сама королева-мать оставалась в

убежище, подчеркивал всю зыбкость и опасность ситуации. Одним из первых действий Глостера как лорда-протектора было удаление родных и союзников Вудвиллов с должностей, где они имели какое-то влияние. Решение, казалось, поддержало большинство в Королевском совете, который не считал эти отстранения частью заговора с целью заполучить корону. Также Глостер наградил своих союзников. Герцог Бекингем, например, получил управление Уэльсом и граничащими с ним землями; возможно, по случайному совпадению он также узурпировал власть Вудвиллов в этом регионе.

Хронисты того периода соглашаются, что к концу мая Глостер приготовился захватить корону; но, возможно, здесь именно оценка прошедших событий задним числом позволяет судить здраво. Возможно, сам Глостер не знал или был не уверен, что делать; из истории своей семьи он, как никто другой, знал о том, какую власть имеют шансы и неожиданные обстоятельства.

Первые реальные признаки его намерений появились в письме к северным союзникам от 10 июня, где герцог просил их прибыть к нему «и оказать помощь против королевы, ее кровных родственников и приближенных, которые

намереваются и постоянно вынашивают планы убить и полностью уничтожить нас и нашего кузена герцога Бекингема, а также старую королевскую кровь этого государства…». Из его слов можно в равной мере предположить и страх, и неуверенность. Он не упомянул Гастингса как возможную жертву этих интриг, потому что уже имел причины подозревать и его. Было похоже, что Гастингс знает о решении Глостера свергнуть юного короля и намерен сопротивляться этой попытке; все хронисты подчеркивают верность Гастингса Эдуарду.

13 июня в 9 часов утра Глостер присоединился к совету в Белой башне Тауэра, продемонстрировав при этом свое чувство юмора. Томас Мор очень живо представил это собрание в жизнеописании Ричарда III; к этой записи часто относятся со скептицизмом, но для Мора главным источником, без сомнения, был Джон Мортон, который в качестве епископа Или присутствовал при происшедшем.

«Глостер обратился к епископу Эли с такими словами:

— Милорд! В вашем саду в Холберне растет отменная земляника. Я прошу вас, позвольте мне взять оттуда корзину ягод!

— С радостью, милорд, — отозвался тот, — и дай

бог, чтобы я мог с такою же готовностью преподнести вам на радость что-нибудь и получше»[60].

Епископ отослал слугу, а Глостер удалился в свои покои. Час спустя герцог вернулся к совету в совершенно другом состоянии духа. Теперь он был раздражен и зол; в минуты ярости или смущения у него была привычка кусать нижнюю губу.

«Он начал так:

— Какого наказания заслуживают те, кто замышляет и готовит гибель мне, — мне, столь близкому родичу короля и протектору его королевской особы и всего королевства?

Гастингс ответил первым:

— Они заслуживают смерти, мой лорд, кем бы они ни были.

— Чародейством этим занимается, — сказал тогда протектор, — не кто иной, как жена моего брата и вместе с ней другие!»

После этого он назвал Елизавету (Джейн) Шор, которая была любовницей Эдуарда IV и наименее вероятным кандидатом в наперсницы королевы. В этот момент Ричард подтянул рукав своего

---

[60] Примечания: 60

Здесь и далее цитируется по книге Томаса Мора «Эпиграммы. История Ричарда III». Пер. М. Л. Гаспарова и Е. В. Кузнецова. Сохраняем написание *Элли* при цитировании.

камзола и показал совету изуродованную левую руку. Это увечье было далеко не свежим — более того, рука, как говорит Мор, «всегда такой и была», но она послужила цели доказать колдовство оппонентам Глостера. После этого герцог повернулся к самому Гастингсу и с яростью обвинил его в измене. Гастингса быстро увели и без долгих рассуждений казнили, отрубив ему голову на бревне, которое лежало неподалеку от входа в часовню Тауэра.

«Великая хроника Лондона» (Great Chronicle of London), составленная к концу столетия, приходит к выводу, что «этот благородный мужчина был убит из-за верности и преданности, которые он питал к своему хозяину», этим «хозяином» был юный король, которого держали в Тауэре. С помощью напора и неожиданности Глостеру удалось уничтожить человека, которого он подозревал в том, что тот преграждает ему путь к трону. Также похоже, что Глостер получил информацию о том, что Гастингс решил попытаться спасти молодого короля из заключения; это может объяснить его страстное письмо к своим северным союзникам, написанное 10 июня.

16 июня личное войско Глостера окружило святилище в Вестминстерском аббатстве, где

все еще находился младший брат короля. Саму королеву убедили поверить уговорам архиепископа Кентерберийского, который утверждал, что наследнику престола нужна компания его младшего брата, и выпустить сына. Прелат поклялся своим разумом и честью в том, что обеспечит безопасность мальчика и вернет его обратно в убежище после коронации. «Если вы считаете, что я слишком боюсь, — ответила королева, — то лучше убедитесь, что ваш страх не слишком мал». Возможно, Елизавета пришла к этому решению, сознавая, что войско Глостера может ворваться в святилище и силой забрать сына.

Она проводила герцога Ричарда словами: «Прощайте, мой любимый сын, да хранит вас Господь, дайте поцеловать вас еще раз до того, как вы уйдете, ибо один только Бог знает, когда мы снова сможем поцеловать друг друга». После этого принца препроводили в Тауэр, где он присоединился к своему брату в ожидании коронации. Девять дней спустя брат королевы граф Риверс был обезглавлен в замке Понтефракт. «Я считаю, что вам повезло выбраться из-под гнета [из Лондона], — писал советник лорд-канцлеру, — поскольку здесь много волнений, и каждый человек сомневается в других».

Новости о смерти Гастингса уже стали причиной ужаса в Лондоне, развеянного только мягкими заверениями мэра, который заявил, что заговор против жизни лорда-протектора существовал на самом деле. Теперь для Глостера наступило время оправдать себя перед горожанами и подготовить их к узурпации короны. 22 июня покорный Ричарду доктор теологии Ральф Шоу произнес проповедь у креста Святого Павла — главного центра правительственных заявлений того времени. В ней Шоу объявил, что Глостер является единственным законным сыном Ричарда, герцога Йоркского, и, таким образом, единственным настоящим кандидатом на трон. В другом докладе, своевременно распространенном, говорилось, что два принца, находящиеся в Тауэре, также были незаконнорожденными. Не похоже, что хотя бы под одним из этих заявлений была какая-то почва, но, возможно, Глостер верил в одно из них или даже в оба. Во всех случаях, когда речь шла о высоких моральных устоях, он проворно хватался за них.

Например, он мог легко убедить себя, что Эдуард IV имел то, что называли «предварительной договоренностью» с другой женщиной, и, таким образом, его брак с Елизаветой Вудвилл не имел

законной силы. Также он из первых рук знал о дебошах при дворе Эдуарда и мог подозревать, что тот, кто занимал трон, на самом деле не был никаким королем. Амбиции могли дать Ричарду фальшивое ощущение того, что он выполняет свой долг. Страх также играл роль в этих расчетах. Если бы Эдуард V был коронован, не было бы от него никакой пощады человеку, убившему его дядю. Глостер был вынужден действовать быстро.

Через два дня после проповеди Шоу герцог Бекингем, главный союзник Глостера, произнес перед мэром и олдерменами Лондона в ратуше речь, оказавшую похожий эффект. Сомнительная претензия на трон снова была высказана со всей искренностью и почтительностью и, как заявляет «Великая хроника Лондона», «без всякой лишней болтовни». По всем отзывам, реакция лондонцев была не особенно теплой; несколько возгласов «Да! Да!», раздавшихся в конце, выражали «больше страха, чем любви». Слуги Бекингема подбили нескольких подмастерий, чтобы они крикнули: «Бог хранит короля Ричарда!» — и в результате считалось, что событие имело огромный успех.

На следующий день парламент собрался в Вестминстере, и палатам лордов и общин был пред-

ставлен свиток пергамента, где заявлялись права Ричарда на трон. Он получил единодушное одобрение этих видных людей из различных городов и широв, и 26 июня в лондонском особняке Глостера (в замке Байнард) при большом стечении публики, которую собрал Бекингем, свиток был прочитан вслух, затем Глостера призвали взять себе корону. Поразмыслив с нарочито скромным видом, он согласился. Тогда герцог был объявлен королем Ричардом III.

Король Ричард торжественно прибыл в Вестминстер-Холл, где с помпой уселся на мраморный трон суда королевской скамьи — здесь монарх должен был находиться, когда творит суд. Ричард немедленно принял образ мудрого и справедливого короля. Он произнес речь, обращенную к палатам лордов и общин, в которой клялся творить правосудие, основываясь на справедливости и равенстве. Ни один человек не окажется вне закона. Ко всем партиям должны относиться одинаково. Это можно было воспринимать как упрек Эдуарду IV, который превыше всего ставил интересы своей семьи, и это часто заставляло его нарушать законы или придумывать новые ради немедленной выгоды.

Некоторые на самом деле приветствовали

вступление Ричарда на трон. Он был известен как хороший администратор и великолепный солдат. Разве его царствование не превзойдет царствование четырнадцатилетнего мальчика под руководством его матери и оставшихся родственников из семейства Вудвилл? Эдуард V был королем восемьдесят восемь дней, королем весны и раннего лета. Таким образом, он снискал себе печальную славу самого короткого царствования среди всех английских суверенов, но своей смертью, как мы увидим далее, оказал чрезвычайно значительное влияние на последующие события.

38
Идем в город

В Англии XV века по-прежнему преобладало сельское население: только одна пятая часть англичан проживала примерно в 800 городах. С городами на Европейском континенте мог сравниться лишь Лондон; остальные были, в сущности, не слишком большими поселениями, в которых проживало около 10 000 человек. Исключениями среди них были Йорк и Норвич, где проживало соответственно 30 000 и 25 000 человек. Самые важные города, такие как Йорк или Честер, были обнесены стенами; стены были и у портовых городов, например у Саутгемптона. На другом конце этой демографической статистики находилось большинство маленьких городов, обитатели которых исчислялись сотнями, а не тысячами человек. Вместо ограды у многих из этих городков были рвы.

В конце XV века путешественник из Венеции отметил, что страна «очень редко населена» и «в ней мало значительных городов». Мы можем представить себе землю, по которой неравно-

мерно распределены достаточно маленькие поселения, что совершенно не походило на территории городов-государств в Северной Италии. Городки еще не достигли зрелости, они были частью великого бессознательного Англии.

Самые значительные общественные здания строили из камня, каменными были церкви, а также и мосты. Но только самые богатые купцы могли себе позволить дома из этого материала. Остальным, как и раньше, приходилось строить деревянные или глинобитные жилища. Улицы между этими строениями были очень узкими, грязными и зловонными, они сочетали самые худшие признаки фермерского жилища и продукты разложения городской жизни. По улицам и в домах бродили свиньи и цыплята; существует дело Гиртона из Кембриджшира, где в 1353 году курица вызвала пожар в доме, так как рылась в пепле от очага, и искры из него попали на детскую постель из соломы. В садах около некоторых городских домов держали скот, а задние дворы напоминали «полосы» общей фермерской земли, где выращивали овощи и фрукты. Фруктовые сады и ручейки создавали иллюзию сельской жизни. Во многих городках всегда был слышен шум бегущей воды.

Вокруг царил гам, достигая крещендо в рыночный день, но прогулка продолжительностью всего в несколько минут позволяла погрузиться в тишину полей и лесов. Город постепенно переходил в деревню, жилища и дворы попадались все реже и реже, пока их место полностью не занимали пастбище, поле или лес. Здесь воздух был более свежим, не пропитанным отвратительным смрадом и страхом заразы, а земля мягче ложилась под ноги. Впрочем, было бы опрометчиво создавать картину сельской благодати; в деревенских домишках размещалось множество предприятий, в том числе по изготовлению сукна и выделке кож. Очень немногие изготовители сукна предпочитали селиться в городе, а не в деревне, поскольку в сельской местности труд был дешевле и менее подчинен законам.

Города являлись центрами торговли и управления, а также местами собраний и публичных увеселений. Рыночный перекресток был местом, где делались объявления о делах внутри города и во всем королевстве; на этот перекресток королевские герольды выходили с новостями о битвах. Также здесь находились городская плаха и «тюрьма» или клетка для нарушителей закона. Некоторые города строились в тени замка или

аббатства, в которых жители находили своих самых надежных и процветающих клиентов. Как бы то ни было, отношения между ними не всегда были ровными, например, монахи и горожане из Бери-Сент-Эдмундс участвовали в нескольких жестоких столкновениях, а аббаты не были хорошими землевладельцами.

Другие города строились в местах слияния рек, где расцветала торговля. Ряд городов совмещал в себе самые разные функции. Они росли естественным образом, без какого-либо плана или согласования, новые улицы появлялись, когда торговцев становилось больше, дома и лачуги вырастали за городскими стенами, когда в этом возникала необходимость. Они продолжали существовать и становились освященными временем. В таких разных городах, как Винчестер и Сафрон-Уолден, по-прежнему существуют отведенные под застройку участки, сохраняется прежняя ширина улиц, расположение рынка, и все это заметно до сих пор.

Как уже отмечалось, обитатели городов считались свободными, прожив в них год и один день, но сами города никак нельзя было счесть центрами вольного житья. Многие из них принадлежали лордам или епископам, которые

собирали арендную плату и налоги. Внутреннее управление городов осуществлялось с помощью такой же жесткой и суровой властной структуры, какую можно было наблюдать и в официально считающихся феодальными деревенских районах; мэр и советники избирались из числа самых богатых купцов и фактически управляли всеми сферами городской жизни. Они руководили гильдиями, они организовывали суды, они регулировали правила торговли. Купцы, у которых была собственность, были «фрименами», или гражданами. Они жили в одной части города, часто бок о бок; для них привычным делом было вступать в брак друг с другом.

Если говорить более определенно, в большинстве случаев городские ремесла пользовались спросом. Гончар работал рядом с каменщиком и кровельщиком; перчаточника и торговца мануфактурой можно было найти на одной и той же улочке; кожевник и дубильщик тесно сотрудничали; плотник и бондарь делили один лесной склад. На рынке в Солсбери был овсяной ряд, ряд мясников и ряд быков. В Ньюкасле имелись Скиннергейт (ворота кожевников), Спарриергейт (ворота шпорников) и Сэддлергейт (ворота седельников). Эти люди создавали свои гильдии,

отчасти для того, чтобы защититься от требований гильдий купцов, но статус мастеровых был куда более низким по сравнению с богатыми торговцами, которые распоряжались ими и в целом организовывали их трудовую деятельность. Между членами этих двух групп часто возникали неприязнь или даже открытое противостояние, но торговые связи гарантировали, что масштабного или продолжительного нарушения порядка не произойдет.

Ниже торговцев и мастеровых на иерархической лестнице находились подмастерья, рабочие и домашние слуги. Всегда имелись те, кто был силен, и те, кто им подчинялся. Ничто в средневековой Англии не существовало вне формальной социальной дисциплины, делящей людей на вышестоящих и нижестоящих. В этом была природа мира. В самом низу находились бедные и больные люди, которых привлекала в город возможность жить за счет попрошайничества или благотворительности. Конец XIV и начало XV века представляют собой эпоху расцвета богаделен и больниц. В более крупных городах к XIV веку были школы, а в следующем столетии несколько из них могли похвастаться даже библиотеками. В этом состояло значительное отличие между горо-

дом и деревней — в первом уровень грамотности был гораздо выше. Общественные здания сами по себе выражали городской патриотизм, также воплощающийся в возрастающем значении городских торжеств и шествий. Мэр становился «нашим лорд-мэром», за ним следовал церемониальный строй сержантов, несущих меч и жезл города. Зрелища и грязь обитали, как водится, на одних и тех же улицах.

Колокол, призывающий к чтению молитвы *Angelus* или *Gabriel*, звонил на рассвете, чтобы разбудить горожан. В каждом городе раздавался звон изрядного количества колоколов, их особые сигналы побуждали людей начинать или заканчивать различные дела. После *Angelus* сразу же начиналась деловая жизнь, разносчики воды собирались у колодцев, а мясники готовили мясо для своих первых покупателей, но никому из торговцев не разрешалось открывать магазины до шести часов утра, и до этого времени нельзя было продавать никакие товары. На улицах Лондона запрещалось продавать рыбу до того, как в нескольких определенных церквях отслужат мессу. В более крупных городах другие колокола звонили в девять или десять часов, чтобы обозначить время, когда «пришлые» или чужаки

могут начать торговлю на рынках. Это был час первого за день приема пищи. Колокола звонили в полдень, чтобы дать разрешение на полуденную выпивку. В это время строителям и другим рабочим разрешалось часок вздремнуть.

День был менее оживленным периодом, чем утро; те, кто приезжал в город со своей деревенской продукцией, теперь отправлялись в обратный путь. Большинство лавок закрывалось в сумерки, но повара и мясники могли работать до девяти часов вечера. В это время раздавался вечерний звон, приказывающий жителям города вернуться в свои жилища. Полевые работники должны были поторопиться покинуть город, пока не закрыли ворота. Колокол звонил, пока ворота не оказывались на запоре. Город засыпал перед тем, как начать очередной круг своей обычной жизни.

39
Король-фанатик

Ричард III был официально коронован 6 июля 1483 года, после того как в сопровождении пышного кортежа добрался из Вестминстер-Холла до аббатства. На мгновение непредсказуемые события истории мира превратились в упорядоченный ритуал и спектакль. Под звуки труб вышли герольды, несущие королевские геральдические знаки отличия; за ними следовали епископы и аббаты, увенчанные митрами и с епископскими посохами в руках. Епископ Рочестера нес крест перед епископом Кентерберийским. За прелатами следовал граф Нортумберленд, который нес меч милосердия с обломанным острием; за ним шли лорд Стэнли с жезлом и лорд Суффолк со скипетром; граф Линкольн сопровождал их с крестом и державой, а графы Кент и Суррей несли другие церемониальные мечи. Граф-маршал Англии герцог Норфолк вышел на передний план, держа в руках корону. За ним следовал сам король, одетый в платье из пурпурного бархата с отделкой из меха горностая, покрытое сверху

мантией из темно-красного атласа. Когда он шел к огромным западным дверям аббатства, четыре лорда несли над его головой балдахин. Это было то, чего желал Ричард. Анна Невилл, его жена, ставшая теперь королевой Англии, следовала за мужем со своей свитой благородных дворян.

Вскоре после коронации Ричард объехал королевство, чтобы одновременно продемонстрировать свое величие и примириться с теми подданными, которые, возможно, упорствовали в неподчинении. Он совершил путешествие от Оксфорда до Глостера и Вустера. В Йорке он решил, что следует короноваться второй раз по причине того, что будто бы во время церемонии в Лондоне он принял клятву верности только от половины своих подданных. Во многих отношениях Ричарда можно считать главным образом лордом северных земель.

Образ Ричарда III был обрисован огненными письменами Уильяма Шекспира, который, в свою очередь, многое почерпнул из истории Томаса Мора. Возможно, последний и был святым, но, кроме того, пускал в ход фантазию. У Мора были веские причины, имеющие отношение к его интересам, чтобы подвергнуть суровой критике память о последнем короле из Йорков перед во-

царением династии Тюдоров. Таким образом, для Мора и для Шекспира Ричард стал улыбающимся коварным злодеем, горбуном, преследующим сомнительные цели, недоношенным младенцем, исторгнутым из лона матери. В этом изображении, возможно, есть доля истины, но от этого оно не перестает быть карикатурой.

Король, к примеру, не был горбуном. В результате напряженной военной подготовки одно плечо и рука у него были развиты слишком сильно, это привело к небольшой диспропорции, и ничего больше. Шекспир предполагал, что он «не создан… для нежного гляденья в зеркала»[61], но на двух ранних портретах можно увидеть лицо, не лишенное привлекательности. Ричард был относительно невысоким и хрупким, по крайней мере по сравнению со старшими братьями; он выглядел озабоченным, если не сказать беспокойным. Путешественник из Германии отметил, что у короля хрупкие руки и ноги, но в то же время «великое сердце» — под этим он имел в виду великодушие. По наблюдениям архиепископа Сент-Эндрюса, «природа никогда не помещала в такую крошечную оболочку столь великий ум и

[61] Примечания: 61
Пер. А. Радловой.

такие значительные силы».

Это «величие сердца» очень быстро пришлось поставить под сомнение. Вскоре после церемонии коронации распространились слухи о том, какая судьба постигла принцев в Тауэре. В начале года видели, как мальчики стреляют и играют в саду замка. Но затем они исчезли из виду. К тому времени, когда лето 1483 года превратилось в осень, сомнения высказывались все более настойчиво и громко. Полидор Вергилий, историк, который был настроен против Ричарда так же сильно, как и Томас Мор, сообщал, что король принял решение о смерти принцев еще во время своей поездки по северу Англии. По сведениям Вергилия, король написал констеблю Тауэра сэру Роберту Брэкенбери и потребовал, чтобы мальчиков убили. Когда Брэкенбери отказался это сделать, Ричард обратился к более покладистому слуге сэру Джеймсу Тиреллу, с помощью двух сообщников организовавшему убийство. Они «внезапно набросили на них [принцев] одежду и так закрутили и запутали их, зажав им рты периной и подушками, что в недолгий срок задушили их и прикончили. Дыхание их ослабело, и они

отдали Богу свои невинные души...»[62]. В других рассказах о судьбе мальчиков говорилось, что их отравили или утопили.

Самый достоверный комментарий можно обнаружить у другого хрониста, Доминика Манчини, который сообщает, что мальчиков переводили все в более дальние помещения Тауэра, а их личные слуги постепенно исчезали. При упоминании имени Эдуарда V у многих людей на глазах появлялись слезы, но «как бы то ни было, мне пока что не удалось разузнать, расправился ли он с ними и какая именно смерть их настигла». Это было тайной того времени, и таковой она осталась до сих пор.

Не вызывает сомнений тот факт, что мальчиков больше никогда не видели за стенами лондонского Тауэра. Об их судьбе шло много разговоров, но единственное, что можно сказать определенно, — это то, что они были убиты, когда находились в заключении. То, как они умерли, точно не известно. Называли и других кандидатов на роль заказчика убийства, среди них были герцог Бекингем и Генрих Тюдор, который унаследовал престол после Ричарда. В более позд-

---

[62] Примечания: 62
Пер. М. Л. Гаспарова и Е. В. Кузнецова.

них источниках говорится, что Генрих приказал убить принцев после победы в битве при Босворте. Но это не что иное, как вымысел. Едва ли можно сомневаться в том, что мальчиков убили по явному или тайному приказу Ричарда III. Он мог убедить себя в том, что они действительно являются незаконнорожденными, и их зловещее присутствие являлось постоянной угрозой его правлению.

Дом Плантагенетов от Генриха II до самого Ричарда III был залит потоками крови. В своей жажде власти члены семьи ополчались друг на друга. Король Иоанн убил или распорядился о том, чтобы убили его племянника Артура; Ричард II разделался с дядюшкой Томасом Глостером и, в свою очередь, погиб по приказу двоюродного брата Генриха Болингброка; Генрих VI был убит в Тауэре по приказу кузена Эдуарда IV; Эдуард IV умертвил своего брата Кларенса, а его сыновья были уничтожены их дядей. Трудно представить себе семью, сильнее погрязшую в кровопролитии и жажде мести, в череде которых Война Алой и Белой розы была только одним эпизодом. Кажется, что на династию Плантагенетов было наложено какое-то проклятие, если только не принимать во внимание того, что в мире королей

пальмовая ветвь победы всегда достается самому жестокому и безжалостному. Можно было бы сказать, что королевская семья была вдохновителем организованной преступности.

И раньше были узурпаторы, проложившие себе кровавый путь к трону, но Ричард III был первым, кто не проявил достаточной предусмотрительности и не одержал военной победы; он потребовал корону на основании тайного убийства двух мальчиков, а не благодаря своей доблести на поле битвы. И это отметили его современники. Бог войны был не на стороне Ричарда. Впервые на зыбкость его статуса указало восстание нескольких благородных аристократов на юге осенью 1483 года. Они были влиятельными магнатами из широв к югу от Темзы и Северна, многие из них служили при дворе Эдуарда IV. Возглавил восставших герцог Бекингем, который ранее был одним из самых верных и неутомимых сторонников Ричарда. Предполагали, что Бекингем, считая, что Эдуард V еще жив, решил, что лучшей стратегией будет поддержать дело молодого короля. Тем не менее он мог и желать заполучить корону для себя. Или, возможно, ужас, охвативший его после новостей о смерти принцев, заставил герцога решиться на опрометчивый поступок. Реакцией

Ричарда была ярость на «его преступное намерение, которое лучше всего объяснить, — как писал король, — тем, что он является самым лживым из всех живых существ». В любом случае восстание не имело успеха. Ричард и его командующие настигли бунтовщиков, и Бекингем, захваченный в плен в Солсбери, был казнен.

В этом первом восстании участвовала еще одна фигура, достойная особого упоминания. Генрих Тюдор, граф Ричмонд, был потомком Эдуарда III через незаконную связь Джона Гонта, которая позднее была признана законной. Когда Генрих VI умер в Тауэре, Тюдор фактически стал главой ветви Ланкастеров. В результате он решил бежать во Францию, где мог избежать внимания Эдуарда IV и защитить себя, пока дом Йорков был на подъеме.

Когда власть перешла к Ричарду III, Генрих Тюдор стал самым значительным противником нового режима, таким образом приобретя еще больше влияния из-за неприятных обстоятельств, сопутствующих восхождению Ричарда на престол. Также Генриха поддерживала его мать. При посредничестве доктора из Уэльса, который пользовал обеих знатных дам, леди Маргарита Бофорт связалась с Елизаветой Вудвилл,

все еще пребывавшей в убежище в Вестминстерском аббатстве. Они пришли к соглашению о том, что Генрих Тюдор должен жениться на дочери Елизаветы Вудвилл Елизавете Йоркской и, таким образом, соединить дома Йорков и Ланкастеров. Это соглашение явно указывало на то, что вдовствующая королева знала: ее сыновья умерли. По какой бы еще причине она стала поддерживать притязания другого человека на трон?

Получив эти гарантии, Генрих отплыл в Англию во время восстания Бекингема; только два из его пятнадцати кораблей не были сокрушены бурей во время плавания, и, когда он подошел к побережью Дорсета, выяснилось, что восстание закончилось с позором. Поэтому Генрих вернулся в Бретань, и за ним последовали бунтовщики, сумевшие избежать королевской расправы. Тюдор фактически учредил еще один двор во Франции.

Некоторое время Ричард был в безопасности. Он попытался укрепить свои позиции, выдвигая северян на те должности, которые ранее занимали магнаты с юга, хотя, конечно, среди южан он был непопулярен. Они не хотели «чужаков» в своих ширах, где управление обычно осуществлялось тесной группой родственников. Каждый шир, в сущности, был семейным бизнесом. Теперь

король отнимал у них имущество и денежные средства — так сказать, активы их компаний.

Вполне возможно, что о сущности дальнейшего правления Ричарда судили несправедливо из-за не предвещающего ничего хорошего начала. У него были все задатки жесткого и даже безжалостного администратора. Король учредил «совет севера», чтобы сплотить свои силы в этом регионе, и этот совет показал себя настолько необходимым инструментом управления, что продолжал существовать в середине XVII века. О его рвении к общественным делам говорит то, что за два года через руки Ричарда прошло более 2000 официальных документов. Все привлекало его внимание — от приготовлений к битве до косьбы сена в Уорике. На синоде 1484 года видные деятели церкви обращались к его «благороднейшему и священному расположению». Возможно, таким был стандартный язык прошений, но он столь значительно отличается от привычных описаний Ричарда III, что достоин упоминания. Более доброжелательное восприятие короля подчеркивают и слова народной баллады «Шотландское поле» (Scottish Field), где говорится:

> *Ричард — богатый лорд; в своей сверкающей броне*

Он не проявил ни единого признака трусости, ибо был благородным королем[63].

Также король приобрел репутацию хорошего законодателя. Когда позднее лондонский олдермен не согласился с кардиналом Уолси насчет предложенного тем насильственного взыскания, он напомнил прелату, что такие чрезмерные налоги запрещены статутом Ричарда III.

— Сэр, — сказал Уолси в своей обычной высокомерной манере, — я восхищаюсь тем, что вы ссылаетесь на Ричарда III, который был узурпатором и убил собственных племянников! Как же человек, который сделал столько зла, может издавать хорошие постановления?

Олдермен ответил: «Хотя он совершал зло, в его время вышло множество хороших постановлений, которые король создавал не единолично, но с согласия всего органа, управляющего королевством, то есть парламента». Таким образом, вопреки созданному Тюдорами мифу о злобном горбуне, воспоминания о добром царствовании Ричарда III жили в Лондоне в течение пятидесяти

[63] Примечания: 63

Richard that rich lord: in his bright armour. / He held himself no coward: for he was a noble king.

лет после его смерти. Фрэнсис Бэкон, лорд-канцлер другого короля, комментировал «политику и разумные законы», принятые первым и единственным парламентом Ричарда III.

Благочестие, граничащее со страстью к морализаторству, кажется, были самым устойчивым свойством его характера. В акте, заявляющем его притязания на трон, король объявил правление Эдуарда IV царствованием того, кто из-за «лести и подхалимства, сладострастия и излишеств следовал за советом людей высокомерных и порочных, а также неумеренных в своей алчности и презирал людей добродетельных и благоразумных…». Похоже на то, что он действительно считал Вудвиллов «похотливым» скотом и поэтому считал убийство двух принцев средством очищения правящей элиты.

Через два месяца после выхода в свет этой нападки на Вудвиллов король разослал английским епископам циркулярное письмо, где заявил, что горячо желает «увидеть, как растет добродетель и чистота жизни». Возможно, это было всего лишь актом публичного благочестия, но после смерти жены и единственного сына Ричард составил более личную молитву, в которой просил Господа: «Освободи Твоего слугу короля Ричарда от всего

горя, страдания и муки, которые я несу с собой». Его сын Эдуард умер в возрасте одиннадцати лет, весной 1484 года; ненадежность линии Йорков была ясна всем. Жена Ричарда последовала за своим ребенком в могилу в начале следующего года. Король, по сути, остался один на свете, терзаемый «горем и страданием», на которые он горько жаловался в своей молитве.

Можно обнаружить и еще один интересный аспект его религиозности. Ричарду принадлежала копия Нового Завета в переводе Уиклифа, а также «Видение о Петре-пахаре» Уильяма Ленгленда; обе эти книги были запрещены церковным синодом 1408 года. Это отдавало лоллардизмом и более аскетической версией католицизма. Можно смело заключить, что Ричард интересовался неортодоксальным и более строгим вероисповеданием, что полностью согласуется с тем, что можно предположить о его жестком характере. Если он вершил дело Господа, то его не терзали угрызения совести.

Смерть жены освободила его и заставила искать другие брачные союзы. В то время появились нешуточные сообщения о том, что Ричард планирует жениться на Елизавете Йоркской, старшей дочери Елизаветы Вудвилл, таким образом раз-

рушив ее помолвку с Генрихом Тюдором. Ходили даже слухи, что король отравил свою жену, чтобы вступить в новый брак, но не похоже, что он был способен жениться на девушке, чьих братьев убил. Даже по нормам той суровой и жестокой эпохи такой союз не мог считаться освященным Господом. В любом случае его презрение к Вудвиллам было хорошо известно.

Слухи не прекращались, и Ричард даже был вынужден созвать совет, на котором отрицал, что когда-либо собирался жениться на Елизавете Йоркской. Даже его самые близкие сторонники были в ужасе от подобной перспективы и, по словам одного из хронистов, заявили королю прямо в лицо, что народ «поднимет против него восстание и обвинит его в смерти королевы». Недоверие к Ричарду распространилось повсюду, в особенности этому способствовал его суровый и непреклонный нрав. Перед нами парадокс человека веры, который одновременно был неистовым убийцей. Но так ли уж парадоксален такой характер? Люди, придерживающиеся аскетичных религиозных убеждений, бывают особенно жестокими и нетерпимыми, если считают, что действуют богоугодно. Ричарда III часто обвиняли в двуличии, но, возможно, в

действительности его пороком был фанатизм, уничтожающий все живое, а также вера в то, что он окружен врагами.

Елизавета Йоркская, разумеется, была помолвлена с другим человеком. В Рождество 1483 года в соборе Руана Генрих Тюдор принес клятву, что женится на ней, когда будет коронован как король Англии. Его сторонники, число которых постоянно возрастало, затем принесли клятву верности ему и его притязаниям на трон. Полидор Вергилий заявил, что из-за этого Ричард III теперь «постоянно гневался, дергался и терзался от страха». Он путешествовал по королевству, надолго не задерживаясь ни в одном замке или монастыре. Король собрал войско, чтобы изгнать Генриха Тюдора из герцогства Бретань, но Генрих, предупрежденный заранее, бежал через границу с Францией.

Именно из этой страны он начал вторжение в Англию летом 1485 года. Продолжавшееся двадцать два года изгнание вот-вот должно было окончиться. Ричард, разумеется, не мог предсказать место вторжения, несмотря на то что в свите Генриха были его шпионы. Поэтому он расположился в Ноттингеме — удобном городе для двора, который теперь, в сущности, представлял собой

военный лагерь. Ноттингем находился в центре королевства и в любом случае был близко к северным землям, которые, без сомнения, должны были поддержать Ричарда. В начале лета того года король выпустил всеобщее воззвание, в котором объявил Генриха Тюдора бастардом обеих ветвей семьи и миньоном короля Франции; если он получит трон, то «совершит самые жестокие убийства, побоища, кражи и лишения наследства, какие когда-либо видели в христианском мире».

7 августа Генрих прибыл в Милфорд-Хейвен в Пембрукшире с семью кораблями и тысячью человек. Французы с радостью профинансировали его предприятие как способ отвлечь Ричарда от планов помочь их старым врагам в Бретани. Генрих двинулся на север через Хаверфордвест на Кардиган, где его силы присоединились к войскам союзников из Уэльса; Генрих был племянником Джаспера Тюдора, графа Пембрука, и поэтому жители Уэльса считали его своим. По долинам полетела песня бардов:

Джаспер вырастил для нас дракона,

В его жилах течет счастливая кровь Брута,

Он доберется до быка из Англси;
Он надежда нашего народа[64].

Чтобы подкрепить свои ненадежные притязания на трон, Генриху был нужен миф. В любом случае родственные связи с Уэльсом были для него жизненно важны. Когда его войска шли через Уэльс, над ними развевался красный дракон Кадваладара, потомком которого он себя объявил, нарисованный на бело-зеленых знаменах Тюдоров. Генрих вошел в Англию через Шрусбери, и в Ньюпорте, в Стаффордшире, его приветствовали первые английские приверженцы. Армия Тюдора все еще была уязвимой, в ней состояли как люди из Франции и Бретани, так и выходцы из Англии и Уэльса. Возможно, ее нельзя было считать достаточно мощной для того, чтобы противостоять королю Англии. Уже к тому времени, когда Генрих добрался до Шрусбери, королю было понятно, что армия бунтовщиков вторглась в страну, не встречая какого-либо серьезного сопротивления.

Сам Ричард не мог полагаться на преданную поддержку магнатов; он отдалил от себя вла-

[64] Примечания: 64

Jasper will breed for us a dragon — / Of the fortunate blood of Brutus is he / A Bull of Anglesey to achieve; / He is the hope of our race.

детельные семьи юга и центральных графств, навязывая их ширам северных аристократов. У него было скорее феодальное, а не национальное понимание королевства, и его действия в прошлом сделали невозможным объединение народа в единое целое. Из Ноттингема Ричард отправился в Лестер, где объявил призыв под свои знамена, побуждая подданных присоединиться к нему перед лицом величайшей угрозы. Он отказывался двинуться на Лестер до праздника Успения Богородицы, что еще раз говорит о его высокомерном благочестии. Своим вассалам король велел «явиться с тем количеством людей, какое вы обещали, с достаточным числом лошадей и упряжи».

Герцог Норфорлк и граф Нортумберленд были среди тех, кто откликнулся на этот призыв. Люди с севера тоже отреагировали быстро, в том числе и город Йорк, который послал восемьдесят человек «со всей поспешностью». Герцог Суффолк даже не пошевелился. Еще один крупный аристократ лорд Стэнли послал в ответ извинение или отговорку, заявив, что страдает потливой лихорадкой; тогда Ричард схватил его сына и сообщил Стэнли, что если он не прибудет со своим войском, то молодому человеку отрубят

голову. В итоге лорд Стэнли и его брат прибыли с достаточным количеством людей, но их верность навсегда была поставлена под сомнение. Король не знал, пойдут ли они в бой как его друзья или как его враги.

Когда армии встретились на Босвортском поле 22 августа, преимущество было на стороне короля. В его армии насчитывалось 10 000 человек, тогда как у Генриха людей было в два раза меньше. Документально подтвержденных описаний этой битвы не существует, известно только, что она началась со звука выстрелов: у обеих сторон была артиллерия, в том числе пушки и недавно вошедшее в моду ручное огнестрельное оружие. Выстрелы ничего не решили, и последовала схватка врукопашную. В какой-то момент Ричард решил двинуться вперед и атаковать Генриха Тюдора самому. Это было обдуманное решение, позволяющее прекратить конфликт так быстро, насколько это было возможно. На войне, как правило, армия разбегалась или отступала, как только погибал ее командир. Возможно, король также считал, что некоторые из его людей вот-вот его покинут.

Взяв только своих самых преданных сторонников, Ричард галопом поскакал на людей,

окружавших Генриха Тюдора, раня и убивая всех, до кого мог только добраться его меч. Говорили, что он кричал: «Измена! Измена! Измена!» Король сделал ошибку, отделившись от главных сил своей армии, но на какое-то время могло показаться, что его атака возымела эффект; затем в бой на стороне Генриха Тюдора вступил сэр Уильям Стэнли, который до этого стоял в стороне. В последовавшем за этим хаосом люди Генриха взяли короля в кольцо и напали на него; Ричард был окружен, и под ним убили лошадь. Кровь короля пролилась в маленький ручей, и еще в XIX веке рассказывали, что никто из местных жителей не пьет воду из этого источника. Позже в палатке на поле битвы нашли книгу молитв погибшего короля.

Часа сражения оказалось вполне достаточно. После боя корону, которую Ричард надел на свой шлем, нашли лежащей в поле. Ее подняли и надели на голову Генриха Тюдора. Тело Ричарда освободили от доспехов и на лошади доставили во францисканский монастырь в Лестере, где он был похоронен в каменном гробу без всяких церемоний. Позже гроб использовали как кормушку

для лошадей, и кости Ричарда пропали[65]. Со времен Нормандского завоевания он был единственным английским королем, чьи останки так и не поместили в королевскую усыпальницу. Он правил чуть больше двух лет и все еще оставался тридцатидвухлетним молодым человеком. Великая династическая война закончилась. Белая роза и красная роза лежали в пыли.

[65] Примечания: 65

Утраченная могила Ричарда III была найдена только в 2012 г. Его останки перезахоронены в кафедральном соборе Лестера. — *Прим. ред.*

40
Король подозрений

Жизнь Генриха Тюдора, графа Ричмонда, прошла в бедности и скитаниях. После того как Эдуард IV одержал триумфальную победу, Генрих поспешил бежать из Уэльса в Бретань, подгоняемый своим дядюшкой Джаспером Тюдором. Для родни из Ланкастеров он оставался отвергнутым и презираемым потомком, отпрыском-бастардом (хотя и позже признанным) по линии Джона Гонта, пока ошибки Ричарда III не сделали Тюдора претендентом на английский трон. То, что короля перестали поддерживать, особенно после убийства двух принцев, дало Генриху возможность выдвинуться вперед. Настало его время.

После победы при Босворте Генрих VII медленно двинулся на юг. Согласно Полидору Вергилию, который его знал, Тюдор был «стройным, но хорошо сложенным и сильным», ростом выше среднего; его наружность — «в высшей степени привлекательной, а лицо — светлым, особенно когда он говорил»; глаза у него были «маленькими и голубыми». У Генриха были высокие скулы,

глаза с нависшими веками, заостренный нос с высокой переносицей и тонкие губы. Искусство создания портрета короля во всем величии начало развиваться. Вергилий также отмечает, что в последние годы волосы Генриха поседели, зубы поредели и были тронуты разрушением, а кожа приобрела желтоватый цвет.

Коронацию назначили на 30 октября, а созыв парламента — на 7 ноября. Палатам лордов и общин объявили, что царствование Генриха началось 21 августа, за день до битвы при Босворте; с помощью этой уловки Ричарда, хотя он в тот момент и был законным королем, можно было обвинить в государственной измене, так как он противостоял своему суверену. В своде законов редко попадались более абсурдные ситуации. Также Генрих желал, чтобы коронация прошла до того, как соберется парламент, потому что не хотел, чтобы считалось: королевская власть дарована ему этим собранием; то, что парламент дал, он же может и отнять.

Но по какому праву Генрих потребовал корону и получил ее? Никак не по праву рождения. Он получил право наследования от своей матери, и, поскольку она еще была жива, трон должен был достаться ей. Его обещание жениться на

Елизавете Йоркской и таким образом соединить две главных семьи королевства было никоим образом не достаточным и даже ни в какой мере не приемлемым; оно могло означать, что Генрих коронуется только из-за своей связи с домом Йорков. Если бы Елизавета Йоркская умерла раньше его, не оставив детей, то Тюдор теоретически обязан был оставить трон и передать его следующему по порядку наследования. Подобное не должно было никому прийти в голову. Именно по этой причине Генрих отложил свадьбу до того, как пройдет коронация. Он должен был стать королем раньше, чем мужем Елизаветы.

В сущности, единственным обоснованием того, что он присвоил корону, была победа в битве при Босворте; бог войны унес Ричарда. Торжество в бою всегда рассматривалось как знак божественного расположения, хотя ошеломляющее количество сюрпризов и поворотов в сражениях Войны Алой и Белой розы заставило некоторых усомниться в этом. За предыдущие тридцать лет корона переходила из рук в руки пять раз, и, таким образом, ее обретение теперь могло рассматриваться как каприз удачи, а не милость небес. Уход поверженного короля не оплакивали, но новый король был узурпатором, чье правле-

ние, возможно, придется терпеть стиснув зубы. Сила и значительность самой короны, возможно, несколько потускнели. Не было никакого ощущения славного расцвета нового царствования. В конце концов король почувствовал, что ему необходимо испросить у папы буллу, чтобы гарантировать свою власть.

Таким образом, в качестве короля Генрих не мог чувствовать себя в безопасности. Только в последние десять лет своего правления он достиг этого благополучного состояния. Он провел свою жизнь в изгнании и был слабо знаком с Англией и англичанами, если вообще имел о них хоть какое-то представление. Он никогда не был в составе правительства и никогда не владел большими участками английской земли. Он лучше говорил по-французски, чем по-английски. Семьи аристократов страны едва ли воспринимали Генриха как одного из своих и по большей части держались в стороне от его борьбы с Ричардом. На деле они были нейтральными наблюдателями за его победой. Только двое из аристократов сражались вместе с новым королем при Босворте, и оба, как и он сам, были изгнанниками. Так в возрасте двадцати восьми лет Генрих принял на себя королевскую ношу без всякой подготовки

и обучения.

Ему пришлось шаг за шагом создавать для себя поддержку. Он был всегда осторожен и действовал продуманно, руководствуясь в равной степени сдержанностью и подозрительностью. Во время коронации он учредил королевскую стражу из 200 человек, которые стали известны как телохранители короля; они были одеты в бело-зеленые камзолы и носили оружие, отчасти напоминающее копье, а отчасти — боевой топор, под названием «алебарда». Эти люди стали прообразом постоянной армии следующих поколений. Генрих подражал французскому королю, у которого была своя личная гвардия; в этом и во многом другом он взял французский двор за образец для подражания. Именно его он знал лучше других. Также он защищал себя и другими средствами и послал гарнизоны в Плимут и Берик на случай возможного вторжения.

Генрих облачился в мантию роскоши и власти, чтобы лишить оружия любую оппозицию своему правлению. Он объявил, что ведет свое происхождение от Брута Троянского, основателя Лондона, и соотносил себя с Генрихом VI, который предположительно считался святым. Тюдор потратил много времени и сил, пытаясь кано-

низировать погибшего короля. Он стал первым правителем Англии, который поместил оттиск своего настоящего изображения на монетах страны; на серебряном шиллинге имелся его профиль, а золотой соверен украшало изображение короля, сидящего во всем величии на готическом троне с императорской короной на голове. Это был один из многих монументальных портретов короля, ставших популярными во время его царствования. Несмотря на якобы присущую ему бережливость, Генрих щедро тратил деньги на роскошь двора, что было заметно по церемониям и его хвастовству. Он обновил и королевский герб, использовав мотив орнамента в виде алой и белой роз, соединенных друг с другом в знак единения королевства. Красная роза никогда не была особо значимой эмблемой Ланкастеров, но Генрих использовал ее как символ. Так начался миф о возрождении при Тюдорах, прославляемый Холиншедом и Шекспиром.

У Генриха были все причины подтверждать и расширять свое королевское достоинство; узурпатор всегда находится в опасности, и йоркистская фракция почти сразу начала плести заговоры против нового короля. Некоторые из бывших сторонников восстали против короля в Вустере

и Уэльсе, но их легко удалось остановить. Трон еще больше укрепился после того, как в 1486 году в Винчестере родился наследник престола; именно в этом городе должен был находиться знаменитый Круглый стол, и ребенка назвали Артуром. Генрих с готовностью использовал любые королевские связи, которые только мог найти, и даже злоупотреблял ими.

Еще одно покушение на его трон было предпринято йоркистами в конце того же года. Они заявили, что спасли из длительного заключения молодого графа Уорика, сына герцога Кларенса и, следовательно, законного наследника престола. Этого было достаточно, чтобы возродить все надежды потерпевших поражение. Тот факт, что настоящий граф Уорик в то время томился в лондонском Тауэре, никоим образом не уничтожил их энтузиазма. Мальчик появился в Дублине и в этом же городе 24 мая 1487 года был объявлен королем Эдуардом VI. Корону сняли со статуи Девы Марии и во время церемонии надели ему на голову.

По-настоящему предполагаемого короля звали Ламберт Симнел. О его раннем периоде жизни мало что известно. Кажется, он отличался приятным внешним видом и незаурядными манерами,

что заставило некоторых смельчаков поверить, что он действительно сможет изображать графа. Также Ламберт привлек внимание сестры Эдуарда IV Маргариты Бургундской, которая в следующие годы делала все, что было в ее силах, чтобы восстановить династию Йорков. Другие сочувствующие Йоркам, среди которых были граф Линкольн и лорд Ловел, жаждали принять участие в заговоре. Как бы то ни было, наибольшее удивление должно вызывать то, что к ним примкнула теща Генриха. Елизавету Вудвилл, вдову Эдуарда IV, могли считать выше подозрений. Ее дочь Елизавета Йоркская была царствующей королевой. Какую цель преследовала мать, пытаясь свергнуть с престола своего зятя и лишить трона собственную дочь?

Похоже на то, что Елизавета Вудвилл чувствовала, что она сама и ее род унижены тем, что Генрих захватил корону. Ходили слухи, что Тюдор не обращается с женой с должным почтением или с добротой. Он долго тянул со свадьбой и все еще откладывал коронацию королевы. Его не прельщала связь с Йорками. Генрих женился на Елизавете ради короны, поэтому ее мать ополчилась на него и поддержала притязания Ламберта Симнела.

Генрих, встревоженный угрозой своему правлению, извлек настоящего графа Уорика из Тауэра и заставил его пройти с процессией по улицам Лондона. Молодой человек также посетил торжественную мессу в соборе Святого Павла, где ему было позволено поговорить с теми, кто знал его лично. Сторонники Симнела в Дублине, разумеется, объявили настоящего графа самозванцем. Маргарита Бургундская из своего дворца во Фландрии призвала 2000 немецких наемников под командованием графа Линкольна. Хронист Тюдоров Эдуард Холл называл ее «дьявольской герцогиней» и «собакой, возвращающейся к своей старой блевотине»; этот поток был направлен против Генриха Тюдора.

Немецкие наемники высадились в Дублине как армия провозглашенного королем Эдуарда VI, там им удалось набрать еще солдат и наемников. Они морем отправились в Англию вместе с самозванцем, и Генрих выступил против них со своей армией. Два войска встретились около Ист-Стоука 16 июня, и 12 000 солдат Генриха нанесли поражение армии из 8000 человек под командованием графа Линкольна. Сам Линкольн был убит в сражении, а Симнела захватили в плен. Ловел бежал с поля боя. Фрэнсис Бэкон в

жизнеописании Генриха VII отмечает, что после этого Ловел жил еще долго «в подвале или погребе». Говорили, что в начале XVIII века во время строительных работ в Минстер-Ловелл-Холле в Оксфордшире была обнаружена подземная комната, где находился сидящий на стуле скелет человека, голова которого лежала на столе. Фортуна ему не благоволила.

Как бы то ни было, битва при Стоуке многое объективно продемонстрировала. Примечательно, что некоторые джентри уклонились от поддержки Генриха под тем или иным предлогом, а также распространялось множество слухов — и суматохи — по поводу судьбы короля. Исход битвы всегда непредсказуем, и хрупкость правления Генриха только подчеркивалась тем, что всего через два года после Босворта он был вынужден снова сражаться за свою корону. Битву при Стоуке можно считать последней в Войне Алой и Белой розы. Победитель был достаточно милостив. Король взял Ламберта Симнела поворачивать вертела на королевской кухне, а потом юный самозванец стал королевским сокольничим. Елизавету Вудвилл поместили в монастырь в Берсмондее, где она провела остаток жизни. На пиру с ирландскими лордами Генрих заметил:

«Мои властелины Ирландии, в конце концов вы коронуете обезьяну».

Королю было важно упрочить и укрепить свою власть. Он предпочитал править с помощью закадычных друзей, а не посредством великих лордов королевства; он оставил аристократов в своем совете, но полностью им не доверял. Вместо этого Генрих окружил себя приближенными, которых возвысил он сам и которые были ему преданы всей душой. Он предпочитал юристов магнатам и охотнее слушал советы богатых купцов, чем великих лордов. Конечно, ему была нужна аристократия и лорды, чтобы контролировать графства, которые им принадлежали; в отсутствие полиции и регулярной армии он полагался на них. Но король был осторожен и не увеличивал их число: за все свое царствование он пожаловал титулы только трех графов и пяти пэров.

Также король действовал с помощью судов и трибуналов, которые полностью им контролировались. Главным среди них был особый орган под названием Звездная палата, использовавшийся для того, чтобы удерживать некоторых зарвавшихся высокопоставленных подданных в подчинении. Если они были виновны в том, что нарушали отправление правосудия, обза-

водились небольшой армией сторонников или разжигали беспорядки, их быстро наказывали. Судья Шеллоу в «Виндзорских насмешницах» (The Merry Wives of Windsor) говорит: «Я подам жалобу в Звездную палату… Этим делом займется Королевский совет! Это больше чем оскорбление. Это мятеж!.. Рыцарь, вы побили моих слуг, подстрелили моего оленя и ворвались в дом моего лесничего»[66]. Члены палаты собирались в зале, потолок которого был расписан звездами. Там не было присяжных и не было апелляций. *Camera stellata*, или Звездная палата, впервые упоминается в царствование Эдуарда III, но Генрих VII расширил ее полномочия к своей выгоде.

Также Генрих включился в тщательное управление королевскими финансами, и на статьях расходов в счетных книгах стоят его инициалы; он изучал их строку за строкой. Во время царствования король стремился добиваться исполнения любого возможного своего притязания и получения всех прав, которыми он обладал; как бы то ни было, этим он не слишком отличался от своих предшественников. С помощью денег он укреплял свое личное влияние, переправляя

[66] Примечания: 66
Пер. С. Маршака и М. Морозова.

поступления из государственной казны — официального органа — в свою сокровищницу. Доходы от земель короны, оплата за судебные распоряжения, штрафы, наложенные на заключенных, старинные феодальные выплаты — все это попадало прямо к нему в руки.

Иностранные авантюры Генриха никоим образом не закончились. Он постоянно поддерживал Бретань в ее борьбе против власти Франции: в конце концов именно Бретани он был обязан своей свободой в прошлом. Король разместил в герцогстве войска, полностью вооруженные и готовые к войне с королем Франции Карлом VIII. Генрих собрал флот и убедил парламент поднять налоги, чтобы профинансировать это предприятие. Он знал, что угроза или обещание войны всегда могут пополнить его сокровищницу. Карл VIII, разумеется, желал сбить с толку английского короля и нарушить его устойчивость, поэтому пошел на переговоры одновременно с шотландцами и ирландцами, чтобы спланировать совместную кампанию. Врагам Англии нужен был только повод.

Так, в конце осени 1491 года молодой человек семнадцати лет появился в Корке, назвавшись Ричардом, герцогом Йорка, — младшим из двух

принцев, убитых в лондонском Тауэре. Как Ричард IV он был истинным йоркистским королем Англии. Юноша подробно и убедительно вспоминал жизнь при дворе отца, а также детали заключения в Тауэре. Он даже вспомнил, что сказал убийцам брата: «Почему вы убиваете моего брата? Убейте лучше меня и оставьте ему жизнь!» Он был привлекателен и хорошо одевался.

«Ричард» заявлял, что его забрали из Тауэра и доставили для казни к одному лорду, который, пожалев невинного и уважая королевскую кровь, отправил его за границу, взяв клятву, что мальчик не откроет никому тайну своей личности, пока не пройдет несколько лет. Но теперь пришло время выйти на сцену законному королю. Некоторые убеждались в том, что юноша — тот, за кого себя выдает, едва увидев его. В нем было естественное благородство и величие королевской крови. На самом деле его звали Перкин Уорбек, и он, как считалось, был сыном фламандского лодочника.

Представитель Ирландии граф Килдэр был не в восторге от присутствия в стране этого молодого человека; четыре года назад Килдэр поддерживал притязания на трон Ламберта Симнела и — что вполне понятно — не желал вновь впутываться в йоркистскую интригу. Но у великолепного

претендента на престол друзья были повсюду. Уорбек с готовностью принял предложение отправиться ко двору Карла VIII, где был принят как единственный король Англии. Его называли Ричардом Плантагенетом, и количество его приближенных росло.

Генрих заболел, возможно от раздражения и страха. Счета от различных фармацевтов выросли в семь раз. Он заключил с Карлом VIII, который и сам хотел избежать войны из-за Бретани, соглашение, по которому король Франции не должен был давать убежище кому-либо из врагов Генриха. Уорбек безотлагательно пересек границу и отправился ко двору Маргариты Бургундской в Мехелен. «Я узнала его, — писала она, — так легко, как будто видела только вчера». Другие придворные старого двора Эдуарда IV практически в едином порыве также заявили, что узна́ют его. Теперь Маргарита Бургундская называла Уорбека Белой Розой — чистым и восхитительным символом йоркистов.

Также герцогиня позаботилась, чтобы Уорбек обзавелся богатыми и влиятельными союзниками. Его отправили на похороны императора Священной Римской империи Фридриха III в Вену, где он встретился с сильными мира сего, среди

которых был сын Фридриха Максимилиан, который теперь управлял всей империей Габсбургов. Максимилиан и Белая Роза быстро стали закадычными друзьями. Претендент на английский престол вскоре уже чеканил серебряные монеты от своего имени; у него была вооруженная охрана, одетая в красное и синее.

Но Генрих не зевал. Опасность была слишком велика, чтобы не обращать на нее внимания. Он ввел торговые санкции против бургундских территорий, где Уорбек нашел убежище. В свою очередь, было запрещено ввозить английские товары, и в частности английское сукно, как в Нидерланды, так и в другие государства. Финансовые последствия для купцов и работников с обеих сторон были чрезвычайно тяжелы, но династическая вражда взяла верх над экономическими соображениями. Также Генрих потратил много денег на то, чтобы собрать сведения о настоящем происхождении Перкина Уорбека, и королевские посланцы в Европе собирали информацию о предполагаемой семье самозванца, принадлежащей к низшим слоям общества.

Король боялся, что вторжение неизбежно; он послал патрулировать море вдоль побережья Суффолка столько кораблей, сколько смог отыс-

кать, и приказал войскам охранять главные порты королевства. Он попросил своих сторонников снарядить тяжеловооруженных всадников, чтобы они были готовы сражаться в тот день, когда их известят о необходимости.

У Генриха в свите Уорбека были шпионы, прислушивающиеся к любому разговору. О короле говорили, что он в любых обстоятельствах поступает «осмотрительно и с соответствующим усердием вербует себе сторонников, но все еще не раскрыл суть дела своей партии… держит ее при себе и продолжает искать дальше». Выяснилось, что маленькие группы сторонников Йорков в Кале, Суффолке и других местах готовы восстать, поддержав требования «Ричарда Плантагенета». Некоторые из них все еще служили при дворе Генриха и у него в доме. Настал момент арестовать их и отправить в тюрьму.

Самым старшим из всех заговорщиков оказался лорд-канцлер Генриха сэр Уильям Стэнли — тот самый человек, который обеспечил королю победу при Босворте. На последовавшем за арестом процессе он, как предполагается, сказал, что «если бы он с уверенностью знал, что молодой человек — сын короля Эдуарда, то никогда не поднял против него оружие». При других об-

стоятельствах это посчитали бы безупречным выражением чувств, но в царствование Генриха такие слова означали смерть предателя.

3 июля 1495 года Белая Роза и его армия наемников высадились в Диле, в Кенте, но вторжение оказалось нежизнеспособным. Силы претендента на трон были разбиты, и Уорбек отступил в относительно безопасное море. Его солдаты, захваченные в плен, отправились прямиком в Ньюгейт или в Тауэр. Генрих мог успокоиться еще и из-за того факта, что англичане не встали под знамена Уорбека, они нисколько не были возбуждены его высадкой и не желали его поддерживать.

Уорбек получил резкий отпор, но отправился в старый приют всех йоркистов — Ирландию. К несчастью, он сделал неудачный выбор, высадившись в Уотерфорде, где горожане активно сопротивлялись любой попытке отправить их на войну. В течение нескольких месяцев самозванец бродил по Ирландии, мнимый король без королевства, живущий в тайне и страхе. Фортуна снова сменила свое настроение, когда его пригласили — или он пригласил сам себя — ко двору короля Якова IV в Эдинбурге. Молодой король Шотландии — приблизительно одного возраста

с Уорбеком — был рад воспользоваться любой возможностью смутить и ослабить своего старого врага Англию. В лице лже-Ричарда ему представился подходящий случай. Уорбек прибыл зимой 1495 года, и шотландцы приветствовали его как героя-победителя. Он получил больше чем просто обещания поддержки, он получил невесту. С Уорбеком была помолвлена близкая родственница шотландского короля леди Кэтрин Гордон. Она была не совсем принцессой, но, безусловно, невестой высшего сорта.

Итак, Белая Роза и король Шотландии, породнившись благодаря этому браку, начали вторжение в Англию. Возможно, Якову IV оно виделось одной из тех пограничных войн, которые всегда вели англичане и шотландцы, может быть, он допускал, что после этого англичане поднимут восстание в поддержку молодого Ричарда IV. Сам Генрих не был так уверен в исходе. Он выставил против шотландцев армию в 20 000 человек и флот из семидесяти кораблей; к всеобщему яростному недовольству, он поднял налоги и насильно заставил давать ссуды, чтобы оплатить эту кампанию. На деле вторжение потерпело фиаско, и Белая Роза открыто признался, что был в ужасе от кровавых налетов шотландских войск до того,

как они бежали к себе через границу. Вновь он показал себя как неудачливый принц.

Уорбек задержался в Шотландии еще на несколько месяцев, причем двор Якова IV встречал его с все меньшим радушием, а затем поставил все на попытку еще раз пригрозить Англии. Вместе с женой и несколькими сторонниками они отправились в Корнуолл через Ирландию. Самозванец получил информацию о том, что на юго-западе Англии его ждет армия корнуоллских повстанцев. Жители Корнуолла несколько месяцев назад пошли на Лондон, протестуя против того, что считали несправедливым налогообложением. К ним присоединились люди из других западных графств, которые тоже отказывались платить за войну с Шотландией. Почему они должны финансировать далекую борьбу, которая их никоим образом не касается? Тем не менее, как и многие другие повстанцы, они добрались только до Блекхита, где их лидеров сразили. Теперь представилась другая возможность. Они поверили, что нашли себе лидера королевской крови.

И снова Уорбек был потрясающе невезучим; к нему присоединилось некоторое количество людей из Девона и Сомерсета, но город Эксе-

тер отказался открыть перед ним ворота. Его сторонники, уставшие и голодные, начали дезертировать из армии; король слал им послания, обещая прощение, если они сложат оружие. Уорбек, ощущая скорое поражение, попросил убежища в аббатстве Бьюли. Генрих окружил церковь, и претендента на трон убедили сдаться. Он вышел из убежища, одетый в золото, но вскоре гордость ему пришлось поумерить. Уорбека доставили в Лондон, перед ним скакал герольд, оглашая воздух насмешливыми фанфарами, и вскоре его саморазоблачение стало публично известно. Похоже, что оно было написано королевскими советниками и имело к истине такое же отношение, как и первоначальное требование Уорбека. Вскоре по Англии и Европе распространилось несколько версий того, как протекала его жизнь. Никто на самом деле ничего точно не знал о его происхождении и воспитании; возможно, его избрали на роль принца в раннем возрасте, а затем растили при дворе Маргариты Бургундской. В то время говорили, что на самом деле он был незаконным сыном Эдуарда IV. Генрих заявлял, что считает Уорбека незаконным ребенком Маргариты и местного епископа. Личность Перкина по-прежнему покрыта туманом.

С тем, как закончилась его жизнь, все ясно. Он бежал из-под стражи в Вестминстерском дворце, где, кажется, жил как лишенный свободы гость короля, но его снова поймали. Тогда Уорбека отправили в Тауэр, где он более года был королевским гостем в более суровом смысле. Страхи и подозрения не отпускали Генриха. Уорбек был обвинен в заговоре с целью измены с другим заключенным, не кем иным, как юным графом Уориком, личину которого надевал на себя Ламберт Симнел. Теперь король воспользовался удобной возможностью избавиться сразу от двух молодых людей, которые угрожали его трону. Уорбек был повешен, а Уорик обезглавлен.

Граф Уорик был заключен в тюрьму и казнен только за то, что являлся наследником престола со стороны Йорков. Он был ни в чем не виновен, и, после того как провел в заключении пятнадцать лет, про него говорили, что он «не отличит и гуся от каплуна». Но он все равно должен был умереть. Вдова Уорбека, Кэтрин Гордон, поселилась при английском дворе и впоследствии несколько раз выходила замуж.

Теперь Генрих считал, что прочно сидит на троне. «Теперешнее состояние, — писал миланский посол, — наиболее стабильно даже для

королевских потомков, поскольку не осталось никого, кто претендовал бы на корону… Его Величество может стоять, как дозорный на вершине башни, взирая на то, что происходит на равнине». Вид с башни, разумеется, отличается от вида с равнины, где могут быть разногласия и недовольство. Двое испанских послов предположили именно это, когда пришли к выводу, что король «установил в Англии образцовый порядок и держит людей в таком подчинении, какого раньше никогда не было».

В следующем месяце после казни Генрих заболел; он выздоровел, но его здоровье существенно пошатнулось. Он стал настолько же набожным, насколько раньше был подозрительным. Каждый день он посещал мессу, но одновременно консультировался и с астрологами, и с предсказателями. Во времена, когда его одолевали личные несчастья, он жадно вслушивался в пророчества, касающиеся короны и его королевства. Весной 1502 года старший сын Генриха и наследник престола Артур умер от какой-то болезни. После его смерти наследником стал сильный и умный младший брат Артура Генрих. За шесть месяцев до этого Артур женился на Екатерине Арагонской, связав таким образом английский и испанский

престолы, теперь молодой Генрих, в свою очередь, был с ней помолвлен. Король постоянно откладывал свадьбу, надеясь, что у сына появится лучшая брачная перспектива. Молодая испанская дама попала в ловушку международных отношений и страдала от отсутствия денег и любви.

Через год после смерти своего старшего сына королева Англии Елизавета Йоркская перенесла выкидыш и умерла от послеродовой инфекции. На Генриха очень подействовали обрушившиеся на него несчастья, говорили, что он «тайно удалился в уединенное место, и ни один человек не должен был его беспокоить». Тело Елизаветы торжественно выставили в Тауэре, а затем с надлежащими церемониями похоронили в Вестминстерском аббатстве. Два года спустя король начал подыскивать другую невесту. Он выбрал королеву Неаполя из-за ее приданого, а также предполагаемой привлекательности. Генрих послал в Италию послов со следующими вопросами: «Красится ли она? Толстая она или худая? Видны ли волосы около ее губ? Носит ли она высокие туфли, чтобы увеличить свой рост? Свежее ли у нее дыхание? Много ли она ест и пьет?» Затем он обратил свой взор на Иоанну Кастильскую, надеясь управлять ее страной как

регент, хотя об этой даме было известно, что она сумасшедшая. Все это сватовство ни к чему не привело, и Генрих так и не женился.

Он добился определенных успехов, самым значительным из которых был брак его старшей дочери с королем Шотландии. Свадьба Якова IV и Маргариты Тюдор была бальзамом на рану, нанесенную во время защиты интересов Уорбека. Режиссированием династических браков Генриху действительно удалось укрепить положение Англии среди правящих семей Европы. Благодаря этому он отказался от агрессивной захватнической политики королей из династии Плантагенетов. Мы можем рассматривать династические союзы как победу его «внешней политики». В любом случае война стоила дорого и требовала налогов, которые не нравились народу.

Несмотря на короткий перерыв в торговле между Англией и Нидерландами, который произошел из-за покровительства Маргариты Бургундской Уорбеку, Генрих приложил все усилия, чтобы поощрять рынок необработанной шерсти и готовых тканей; теперь эти товары были главными предметами экспорта, и король желал устранить все препятствия торговле. Также он развивал

английскую коммерцию на новых территориях, и едва ли в Европе была хоть одна страна, с которой Тюдор не установил торговых отношений; Исландия, Португалия и страны Балтии попали в сферу его деятельности.

Едва ли он был государственным человеком, который печется об общем благе; Генрих желал только наслаждаться плодами роста таможенных сборов, которые пополняли его сундуки. Он также торговал и от своего имени, и в один год заработал 15 000 фунтов стерлингов на импорте квасцов, которые использовались при производстве мыла. Теоретически эта торговля была монополией папы, но Генрих рассудил, что риск отлучения куда менее важен по сравнению с получением прибыли. Фигура короля, считающего свои деньги в конторе, из колыбельной «Песенки в шесть пенсов» (Sing a Song of Sixpence), скорее всего, навеяна образом Генриха VII.

Возможность получения выгоды заставила его финансировать экспедицию купцов из Бристоля за моря, на «остров Бразил», куда лучше известный как Ньюфаундленд, где они обнаружили колоссальные районы рыбного промысла. Также король дал Джону Кэботу и его трем сыновьям лицензию на путешествие и поиск новых земель

в западных океанах, начав таким образом историю английских географических исследований. Кэбот добрался до побережья Северной Америки, считая, что достиг Азии, и поставил колониальный флаг. Хаклюйт[67] говорит, что бристольские купцы привезли из Ньюфаундленда ко двору Генриха трех индейцев; они были одеты «в звериные шкуры, ели сырое мясо и по поведению напоминали грубых животных». Генрих позаботился о том, чтобы им обеспечили подходящие помещения в Вестминстере, и через два года «они были одеты, как англичане, и стали неотличимы от англичан». Хаклюйт добавляет: «Что же касается речи, то я никогда не слышал ни от одного из них ни единого слова». К тому времени, когда в следующем путешествии Себастьян Кэбот (сын Джона Кэбота) добрался до залива Гудзон, король уже умер.

В последние годы жизни его подозрительность дошла до такой степени, что к тому времени, когда он умер, многие считали Генриха тираном Англии. Он удалился в свой собственный мир величия. Встревоженный осознанием того, что сеньоры его двора вступили в сговор с Перкином

---

[67] Примечания: 67
Хаклюйт — британский писатель Елизаветинской эпохи.

Уорбеком, пытаясь реставрировать династию Йорков, король решил отгородиться от тех, кто, согласно традициям, составлял его свиту. Он удалился в частные покои, куда допускали только самых близких ему людей. Он жил и работал в этих уединенных комнатах, отделенных от более открытых помещений Большого зала и приемной; теперь он действительно мог держаться на расстоянии и, разумеется, хранить свои секреты. Королевский двор средневекового периода, состоящий по большей части из свиты вооруженных людей, окружавших короля и разделявших его занятия, наконец сменился частным двором, управляемым слугами и королевскими чиновниками. За последние тринадцать лет своего царствования Генрих созвал только один парламент в 1504 году.

Впрочем, он поддерживал великолепие двора; как и полагается великому королю, Тюдор с размахом организовывал состязания, процессии и турниры. Перед ним представали акробаты и певцы, он покупал (или ему дарили) животных для королевского зверинца, он любил устраивать парады «уродов» для увеселения придворных. Король обожал азартные игры и играл в такие карточные игры, как «Мучения», «Проклятие»

и «Победитель проиграл». Он любил соколиную охоту и охотился каждый день, в его свите состояли пять сокольничих. В особенности Генрих, кажется, наслаждался компанией «дураков», или шутов, — в любой момент при дворе было по крайней мере пятеро таких, в том числе Скот и Дик, «главные дураки», и Рингли, «аббат анархии».

Средневековый юмор теперь, возможно, мало кому понятен. В XIV веке расхожим выражением стала одна фраза. «Как говорит Хендинг» или «по словам Хендинга» — с этого следовало начать, чтобы кратко изложить шутку или мудрость. «Тот, у кого нет друзей, мертв, по словам Хендинга», «как сказал Хендинг, никогда не говори своему недругу, что у тебя болит нога» или «Хендинг говорит, что лучше отдать яблоко, чем его съесть» — эти фразы повторяли на улицах и в полях.

Существовало много шуток и загадок, а также игра в вопросы и ответы под названием «Озадаченный Балтазар». Какую самую широкую воду безопаснее всего переходить? Росу. Какой лист самый чистый среди всех листьев? Остролист, ибо никто не будет подтирать им задницу. Сколько бычьих хвостов понадобится, чтобы добраться

с земли до неба? Хватит и одного, лишь бы был достаточно длинным. Что самое хорошее и самое плохое среди людей? Слово может быть и тем и другим. Что некоторые любят, а другие ненавидят? Правосудие.

В воздухе витали тысячи пословиц и поговорок.

Кто может добавить жара огню, радости небесам и боли в аду?

Кольцо у монахини — как кольцо в носу у свиньи.

Твой лучший друг все еще с тобой. Кто это? Ты сам.

Солнце не становится хуже оттого, что светит на навозную кучу.

Волей-неволей поплывешь, если тебя держат за подбородок.

Час холода высосет семь лет тепла.

Последнее предложение наводит на мысли обо всем средневековом периоде.

В более спокойное время король работал со своими советниками, и его никто не тревожил. Двое самых известных из них — Ричард Эмпсон и Эдмунд Дадли — были назначены, чтобы изводить и привлекать к ответственности самых крупных аристократов королевства. Они

властвовали в маленьком комитете, который назывался ученым советом при судах, специально учрежденном для того, чтобы отстаивать права короля и взыскивать королевские долги. Но были у этого совета и другие, менее официальные способы действия. Если занимающая высокое положение семья мало тратила и не выставляла свое богатство напоказ, она могла выкроить средства на денежный подарок королю; если семья щедро тратила деньги и вела роскошную жизнь, то могла себе позволить поделиться своим великолепием с королем. Вот в такую ловушку Генрих ловил своих жертв.

Эмпсон и Дадли также налагали штрафы или долговые обязательства на тех аристократов, которые каким-то образом нарушали закон. Граф Нортумберленд был оштрафован на 5000 фунтов стерлингов за незаконные удержания. Лорд Абергавенни был за ту же самую вину оштрафован на 70 000 фунтов; из этой огромной суммы Генрих получил только 5000, угрожая затребовать остальное, если лорд не будет себя правильно вести. Любого могли призвать предстать перед судьей, и если он не являлся, то его имущество могло быть конфисковано, а он считался виновным, которого могли заключить в тюрьму, если

король того пожелает. Таким образом король добивался повиновения тех высокопоставленных подданных, кому он не доверял. Но он не мог купить их преданность. Его все боялись, но немногие любили его и восхищались им. «Все вещи, — писал Томас Мор о царствовании Генриха VII, — имеют скрытый смысл: выглядят они как одно, а значат другое».

Как позднее сказал Дадли, задним числом делая глубокомысленные выводы из своей тюремной камеры, «наслаждения и умственная деятельность его королевского величества во многом определялись тем, чтобы его опасались, к его вящему удовольствию, в связи с чем много самых разных людей были должны передавать ему огромные суммы денег». Дадли также признался в том, что незаконно отнял деньги в пользу короля у восьмидесяти жертв. Король фактически установил финансовую автократию, абсолютизм, пугающий еще больше из-за непомерных штрафов и угрозы бесконечного тюремного заключения. Такое наследство он оставил своему сыну и преемнику, ставшему королем Генрихом VIII. Король хранил записные книжки, где набрасывал свои язвительные и полные подозрений мысли и наблюдения о тех, кто находился

вокруг него; когда ручная обезьяна разорвала одну из таких книжек, двор, по словам Фрэнсиса Бэкона, «едва не умер от веселья»[68].

Можно сказать, что, как скряга Скрудж, Генрих VII слишком боялся мира. Разумеется, он, как и Скрудж, пытался защитить себя стеной денег. Как бы то ни было, он был целенаправленно корыстолюбив; он сказал одному из своих советников: «Короли, мои предшественники, ослабили свою казну и этим сделали себя слугами своих подданных». Он не собирался просить или занимать, он отбирал угрозами. При этом ежегодный королевский доход вырос примерно на 45 %, и Генрих был одним из немногих монархов в английской истории, который умер, не оставив долгов. Также он был первым королем со времен Генриха V, передавшим трон без споров.

Деньги были силой. Они позволяли королю защищать свой трон и династию; Генрих сказал испанскому послу, что в его намерения входило держать своих подданных в бедности, потому что богатство только сделало бы их высокомерными. Возможно, в свои последние годы он стал суровее и ненасытнее, но в равной степени вероятно,

---

[68] Примечания: 68

Пер. В. Р. Рокитянского, Н. А. Федорова, А. Э. Яврумяна.

что его естественные наклонности усилились с возрастом. У короля разрушалось здоровье, и в последние три года своего царствования он был в большей или меньшей степени инвалидом. В своем завещании он потребовал в течение месяца отслужить 2000 месс за спасение его души, по шесть пенсов за одну мессу. Генрих VII умер в своем дворце в Ричмонде 21 апреля 1509 года, и его смерть вызвала всеобщее облегчение, если не сказать — радость. «Алчность, — писал один аристократ, — покинула страну». Однако, дни королевского корыстолюбия только начинались.

Заключение

Оглядываясь на человеческие деяния в прошлом, мы склонны искать в них не только ошибки и неразбериху. Написание истории — это зачастую еще один способ упорядочить хаос. На самом деле, можно сказать, что история человечества, как она в целом описывается и понимается, — это общая сумма случайностей и неожиданных последствий.

Так, может показаться, что великие изменения в период, описанный в этом повествовании, происходили без всякой цели и не имеют никакого объяснения, кроме сиюминутной выгоды некоторых участников событий, а следовательно, якобы не обладают историческим значением. В ретроспективе создается ощущение, что самые великие и важные изменения прошли незамеченными в свое время. В качестве примера мы можем взять медленное развитие английского парламента. Правление короля вместе с этим органом не было организовано по какому-то образцу; различные части и силы национальной ассамблеи появились из случайных действий,

значительности которых никто не понимал, или из решений, вызванных практическими соображениями или частными интересами. Вступление в парламент рыцарей и горожан, которые позже стали называться палатой общин, не вызвало никакого интереса или удивления. Оно было воспринято как незначительное дело.

Все вырастает из случайных обстоятельств. Действующей силой изменений становится удобство, а не традиционные убеждения о прогрессе или эволюции. Вследствие этого ошибка и неверное суждение играют большую роль в том, что мы любим называть «развитием». Использование и злоупотребление постепенно обрастают панцирем обычаев и становятся частью традиции. Следует отметить, что и исход большинства сражений в средневековой Англии определялся случаем — неожиданная атака или случайная буря решающим образом изменяли результат. Это не должно вызывать никакого удивления. Неразбериха, случайность и совпадение — это часть любой человеческой жизни. Они становятся и постоянными темами романов, поэзии и драмы.

Один из результатов исторических изысканий — это признание скоротечности; самые яростные убеждения в один прекрасный день подвергают-

ся сомнению, а самые надежные доказательства — отвергаются. Мнения так же непостоянны и мимолетны, как ветер. Вслед за Джорджем Мередитом мы можем сказать: «О Изменение, самый сильный отпрыск жизни!»

История Англии — это история непрерывного движения и постоянных изменений. Томас Бабингтон Маколей однажды, исследуя ход английской истории, писал, что за семь столетий «никудышная, пришедшая в упадок раса стала самым великим и цивилизованным народом, который когда-либо видел мир»; в начале XXI века, возможно, трудно будет сделать англичанам такой комплимент. Мы вряд ли найдем то, что Маколей называет «прогрессом» в морали и культуре английской нации.

Тем не менее мы обнаруживаем нечто, вызывающее гораздо больший интерес и имеющее бóльшую важность. С самого начала мы видим признаки глубокой преемственности, которая простирается в невообразимо далекое прошлое; кажется, здесь всегда существовало иерархическое общество с разделением труда и обязанностей. Как бы то ни было, есть и другой вид преемственности, который часто не замечают. Сам народ представляет собой связь традиции с

традицией, все время находящийся в движении уклад повседневной деятельности. Возможно, это не слишком захватывающая философия истории, но нам важно избежать мифа о каком-то предопределенном судьбой или провидением движении вперед. Под кипящими на поверхности событиями лежит глубокое — почти геологическое — спокойствие.

В этом томе можно найти много подобных примеров. Например, политика Англии всегда была очень централизованной, политическая система всеобъемлющей, а юридические и административные системы единообразными. Мы уже видели, что по крайней мере с того времени, как был построен Стоунхендж, Англия была хорошо организована и четко управлялась. В отличие от провинций и подчиненных королевств Франции или Испании, распадающихся на части королевств и герцогств Северной Европы и городов-государств Италии Англия была единым целым.

Можно заметить и другие формы преемственности. Современные дороги проходят по местам старых тропинок и трактов. Границы многих современных приходов повторяют расположение прежних поселений, где все еще можно обна-

ружить древние захоронения. Наши далекие предки по-прежнему вокруг нас. Существует история священных мест, почти такая же древняя, как история самой страны. Церкви и монастырские общины размещались рядом с местами, где стояли мегалитические памятники, а также находились священные источники и ритуальные места начала бронзового века. Я уже отмечал, что на церковном дворе приходской церкви в Радстоне, в Восточном Йоркшире, имеется самый высокий в Англии менгир эпохи неолита. Маршруты пилигримов в средневековом Кенте проходят по тем же путям, которыми люди доисторического периода шли к священным водам и местам поклонения. Мы все еще живем глубоко в прошлом.

Мерилом истории страны является скорее преемственность, а не изменения. Предполагается, что в конце римской оккупации большие и малые города Англии пришли в упадок. Но это чистой воды домысел. Они могли просто изменить функции, но сохранить свою роль в качестве центров управления. Городское население сохранилось, таким образом продолжив традицию жизни в городах, которую можно проследить до поселения эпохи неолита в Корнуолле; в 3000 году до

н. э. на огороженном месте, окруженном крепкой каменной стеной, проживало 200 человек. Можно ли считать это одним из первых английских городов? Деревня или маленький город Тэтчем в Беркшире простоял на одном месте 10 000 лет.

В деревне можно найти еще больше свидетельств преемственности. Англосаксонское вторжение, к примеру, когда-то считалось событием, которое, бесспорно, оторвало страну от прошлого. На деле в методах ведения сельского хозяйства каких-либо значительных изменений не было. С точки зрения истории никаких «разрывов» с прошлым не существует. Мы уже видели, что германские переселенцы использовали ту же систему полей, пришельцы сохранили прежние границы, и, скажем, в Дареме германская планировка повторяла местоположение маленьких полей и стен сухой кладки, созданных в доисторическом прошлом. Возможно, куда более удивительно, что германские переселенцы сформировали группы, которые соблюдали границы древних племенных королевств. Они с уважением относились к тому, как распределена земля. Джуты в Гемпшире и на острове Уайт заняли доисторические земли белгов; восточные саксы присвоили древние территории тринован-

тов, а южные саксы учредили свое государство в доисторических границах регнов. Все они даже сохранили прежние столицы. Немного позже святыни саксов заняли места, где были расположены монументы неолита. Прошлое все принимает в свои объятия. По этой причине можно предположить, что корни страны уходят очень глубоко и сейчас они не менее прочны, чем прежде.

В этом томе читатели увидели бесконечные вариации на одну и ту же главную тему: неустойчивое равновесие между правителем и более сильной аристократией, желание воевать, противопоставленное непомерной цене конфликта, борьба за господство между церковью и сувереном, ненадежное единство государя и парламента — все это части одного рассказа. Также в ходе истории страны постоянно возникают неочевидные проблемы, влекущие за собой разногласия и трудности. Здесь мы можем упомянуть безуспешные попытки регулирования социальной жизни, медленный упадок феодального порядка, неприязнь центрального правительства к ширам, соперничество благородных семей в делах на местах, неумелые попытки регулировать внешнюю и внутреннюю торговлю. Сходные политические и конституционные проблемы возникали снова

и снова; можно даже сказать, что изменение происходит только тогда, когда одни и те же факторы сочетаются иными путями.

В истории Англии можно увидеть и еще одну закономерность: все монархи со времен Нормандского завоевания по мужской линии были иностранцами по происхождению. Только последний из описанных в этом томе королей, Генрих VII, имел исторические корни на острове: его предки происходили из древней уэльской семьи аристократов. Это не очень хорошо сочетается с понятием об английской независимости. Нормандцев сменили анжуйцы, на смену которым, в свою очередь, пришли валлийцы, за валлийцами последовали шотландцы, которым наследовали ганноверцы. Англичане были колонизированным народом. Я уже писал о неоднородности английской культуры в книге «Альбион: происхождение английского воображения» (Albion: The Origins of the English Imagination), но, возможно, стоит вспомнить еще раз, что великие литературные произведения страны во многом имеют европейские корни.

Далее следует прояснить еще один вопрос. Я думал о том, чтобы включить в этот том историю Уэльса, Шотландии и Ирландии, но слишком

велик был риск того, что они покажутся только продолжениями Англии в историческом процессе. Уэльс вступил в политический, имеющий законную силу союз с Англией в 1536 году, а Шотландия — в 1707 году, но, как и в случае с Ирландией, их культура и национальное самосознание слишком отличаются, чтобы оправдать включение в это исследование. Это может, в свою очередь, привести к так называемой «англоцентрической» версии прошлого, но в истории Англии такого смещения трудно избежать. С этой проблемой может справиться только мировая история.

Ни один философ — древний или современный — еще не сумел понять побудительные причины человеческого поведения или источники формирования характера, поэтому, в более общем масштабе, мы едва ли можем доверять историкам, которые с уверенностью описывают причины и последствия таких событий, как Столетняя война или подписание Великой хартии вольностей. В тщетных усилиях следовать за огнями святого Эльма или за призрачной надеждой на определенность их попытки в лучшем случае оказываются недостоверными, а в худшем — противоречивыми. Самые мудрые

историки признают, что их размышления могут не заслуживать доверия, а их объяснения — быть неверными.

Суть истории заключается в страстном желании и обладании. Она связана с необходимостью постоянства и ощущением преемственности. Она касается атавистического желания найти глубинные источники самоопределения. Мы снова будто живем в XII или в XV веке, находя отголоски и отклики прошлого в нашем времени; мы можем понять, что некоторые понятия, такие как благочестие и страсть, всегда оставались неизменными. Еще мы можем прийти к выводу, что вечная драма человеческого духа никогда не устаревает и разыгрывается снова и снова. Именно поэтому некоторые великие писатели предпочитали воспринимать английскую историю как драму или эпическую поэзию, которые в не меньшей степени способны выразить силу и движение истории, чем прозаическое повествование; как что-то вроде баллады, которую пели, собравшись вокруг костра. Драма или стихотворение, разумеется, становятся объектами многочисленных переосмыслений в зависимости от суждений и воображения читателя, но в таком смысле они напоминают о событиях, описанных

в этом томе. Мы можем повторить слова Джона Мильтона в «Потерянном рае»:

Возлюбивший злых
И пагубный для добрых, этот мир
Сам горько восстенает под своим
Невыносимым бременем…[69]

Теперь мы обратим свой взор в будущее, к царствованиям Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии I и Елизаветы I, сопровождающим великую Реформацию церкви в XVI веке. При этом мы сможем бросить взгляд на поэзию истории и, возможно, восстановить ее.

[69] Примечания: 69
Пер. А. А. Штейнберг.

Библиография

Безусловно, перед вами очень разносторонний список, но он представляет собой те книги, которые я нашел особенно полезными при создании этого тома.

Воспетые в камне

Bradley Richard. The Passage of Arms. Cambridge, 1990.

_____. An Archaeology of Natural Places. London, 2000.

Collis John. The Celts. Stroud, 2003. (*Коллис Джон*. Кельты: истоки, история, миф. М.: Вече, 2007.)

Cunliffe Barry. Iron Age Communities in Britain. London, 1991.

_____. Facing the Ocean. Oxford, 2001.

Darvill Timothy. Prehistoric Britain. London, 1987.

Harper M. J. The History of Britain Revealed. London, 2002.

Hawkes Christopher and *Jacquetta*. Prehistoric Britain. London, 1943.

Hills Catherine. Origins of the English. London, 2003.

James Simon. The Atlantic Celts. London, 1999.

Mercer Roger. Farming Practice in British Prehistory. Edinburgh, 1981.

Oppenheimer Steven. The Origins of the British. London, 2006.

Pryor Francis. Britain BC. London, 2003.

Slack Paul and *Ward Ryk* (eds.). The Peopling of Britain. Oxford, 2002.

Stringer Chris. Homo Britannicus. London, 2006.

Путь римлян

Arnold C. J. Roman Britain to Saxon England. London, 1984.

Burnham B. C. and *Johnson H. B.* (eds.). Invasion and Response. Oxford, 1979.

Dark Ken. Britain and the End of the Roman Empire. Stroud, 2002.

Faulkner Neil. The Decline and Fall of Roman Britain. Stroud, 2004.

Frere Sheppard. Britannia: A History of Roman Britain. London, 1967.

Millett Martin. The Romanization of Britain. Cambridge, 1990.

Reece Richard. My Roman Britain. Cirencester, 1988.

Salway Peter. Roman Britain. Oxford, 1981.

_____. The Roman Era. Oxford, 2002.

Todd Malcolm (ed.). A Companion to Roman Britain. Oxford, 2004.

Webster G. The Roman Invasion of Britain. London, 1980.

Изменения климата

Fox Cyril. The Personality of Britain. Cardiff, 1938.

Jone Martin and *Dimbleby Geoffrey* (eds.). The Environment of Man. Oxford, 1981.

Mackinder H. J. Britain and the British Seas. London, 1902.

Parry M. L. Climatic Change, Agriculture and Settlement. Folkestone, 1978.

Rackham Oliver. The History of the Countryside. London, 1986.

Наконечники копий

Abels R. P. Lordship and Military Obligation in Anglo-Saxon England. London, 1988.

Arnold C. J. An Archaeology of the Early Anglo-Saxon Kingdom. London, 1988.

Blair John. The Anglo-Saxon Age. Oxford, 1984.

_____. The Church in Anglo-Saxon Society. Oxford, 2005.

Campbell James (ed.). The Anglo-Saxons. London, 1982.

Chadwick H. M. The Origin of the English Nation. Cambridge, 1924.

Charles-Edwards Thomas (ed.). After Rome. Oxford, 2003.

Higham N. J. Rome, Britain and the Anglo-Saxons. London, 1992.

_____. An English Empire. Manchester, 1995.

Hill Paul. The Age of Athelstan. Stroud, 2004.

Hodges Richard. The Anglo-Saxon Achievement. London, 1989.

Jackson Kenneth. Language and History in Early Britain. Edinburgh, 1953.

Jolliffe J. E. A. Pre-Feudal England. Oxford, 1933.

Kirby D. P. The Making of Early England. London, 1967.

Loyn H. R. The Governance of Anglo-Saxon England. London, 1984.

Morris John. The Age of Arthur. London, 1973.

Myres J. N. L. The English Settlements. Oxford, 1986.

Pryor Francis. Britain AD. London, 2005.

Randers-Pehrson Justine Davis. Barbarians and Romans. London, 1983.

Reynolds Andrew. Later Anglo-Saxon England.

Stroud, 1999.

Stenton F. M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971.

Tatlock J. S. P. The Legendary History of Britain. New York, 1974.

Thomas Charles. Celtic Britain. London, 1986.

Wood Michael. In Search of the Dark Ages. London, 1994.

Кровавый орел

Cavill Paul. Vikings. London, 2001.

Dark K. R. Civitas to Kingdom. London, 1994.

Davies Wendy. From the Vikings to the Normans. Oxford, 2003.

Faith Rosamond. The English Peasantry and the Growth of Lordship. London, 1997.

Foot P. G. and *Wilson D. M*. The Viking Achievement. London, 1970.

Hadley D. M. and *Richards J. D.* (eds.). Cultures in Contact. Turnhout, 2000.

Loyn H. R. The Vikings in Britain. London, 1977.

Sawyer P. H. The Age of the Vikings. London, 1971.

Smyth A. P. King Alfred the Great. Oxford, 1995.

Stafford Pauline. Unification and Conquest. London, 1989.

Whitelock Dorothy. The Beginnings of English Society. London, 1952.

Королевская мера

Poole A. L. From Domesday Book to Magna Carta. Oxford, 1955.

Harvey Barbara. The Twelfth and Thirteenth Centuries. Oxford, 2001.

Wormald Patrick. The Making of English Law. Oxford, 1999.

Приход захватчиков

Barlow Frank. Edward the Confessor. London, 1979.

_____. The English Church, 1000–1066. London, 1979.

Brown R. A. The Normans and the Norman Conquest. London, 1969.

Clarke P. A. The English Nobility under Edward the Confessor. Oxford, 1994.

Fleming Robin. Kings and Lords in Conquest England. Cambridge, 1991.

Garmonsway G. M. Canute and his Empire. London, 1964.

Lawson M. K. Cnut. Stroud, 2004.

_____. The Battle of Hastings. Stroud, 2007.

Loyn H. R. Anglo-Saxon England and the Norman

Conquest. London, 1962.
McLynn Frank. 1066. London, 1998.
Walker I. W. Harold. Stroud, 1997.
Williams Ann. Ethelred the Unready. London, 2003.

Дьяволы и нечестивцы

Barlow Frank. William Rufus. London, 1983.
Douglas D. C. The Norman Achievement. London, 1969.
_____. William the Conqueror. London, 1964.
Freeman E. A. A History of the Norman Conquest of England. Oxford, 1870–1879.
_____. The Reign of William Rufus. Oxford, 1882.
_____. William the Conqueror. London, 1898.
Green Judith. The Government of England under Henry I. Cambridge, 1986.
_____. The Aristocracy of Norman England. Cambridge, 1997.
_____. Henry I. Cambridge, 2006.
Hicks Carola (ed.). England in the Eleventh Century. Stamford, 1992.
Hollister C. W. Henry I. London, 2001.
Maitland F. W. Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897.
Mason Emma. William II. Stroud, 2005.

Rex Peter. Hereward. Stroud, 2005.

_____. The English Resistance. Stroud, 2006.

Rowley Trevor. The Norman Heritage. London, 1983.

Strickland Matthew (ed.). Anglo-Norman Warfare. Woodbridge, 1992.

Дорога

Cox R. H. The Green Roads of England. London, 1914.

Gelling Margaret. Signposts to the Past. London, 1978.

Hoskins W. G. The Making of the English Landscape. London, 1955.

Jusserand J. J. English Wayfaring Life in the Middle Ages. London, 1889.

Закон мертв

Appleby J. T. The Troubled Reign of King Stephen. London, 1969.

Brooke Z. N. The English Church and the Papacy. Cambridge, 1931.

Chibnall Marjorie. The Empress Matilda. Oxford, 1991.

Cronne H. A. The Reign of Stephen. London, 1970.

Crouch David. The Reign of King Stephen. London, 2000.

Matthew Donald. King Stephen. London, 2002.

Мятежный поп

Amt Emilie. The Accession of Henry II in England. Woodbridge, 1993.

Barber Richard. Henry Plantagenet. Ipswich, 1964.

Barlow Frank. Thomas Becket. London, 1986.

Bloch Marc. Feudal Society. London, 1961–1962.

Dark Sidney. St Thomas of Canterbury. London, 1927.

Grary H. L. English Field Systems. London, 1959.

Hall Hubert. Court Life under the Plantagenets. London, 1899.

Norgate Kate. England under the Angevin Kings. London, 1887.

Pain Nesta. The King and Becket. New York, 1964.

Roberts B. K. The Making of the English Village. London, 1987.

Salzman L. F. Henry II. London, 1917.

Vinogradoff Paul. The Growth of the Manor. London, 1904.

_____. Villainage in England. Oxford, 1927.

Warren W. L. Henry II. London, 1973.

Потерянная деревня

Beresford Maurice. The Lost Villages of England. London, 1969.

Oswald Alastair. Wharram Percy. York, 2004.

Великая хартия

Appleby J. T. England without Richard. Ithaca, 1965.

Brundage J. A. Richard Lionheart. New York, 1974.

Church S. D. (ed.). King John. Woodbridge, 1999.

Gillingham John. Richard the Lionheart. London, 1978.

Holt J. C. The Northerners. Oxford, 1961.

_____. Magna Carta. Cambridge, 1992.

Jolliffe J. E. A. Angevin Kingship. London, 1956.

Turner R. V. King John. Stroud, 2005.

Warren W. L. The Governance of Norman and Angevin England. London, 1987.

_____. King John. Berkeley, 1961.

Wilkinson Bertie. The High Middle Ages in England. Cambridge, 1978.

Преступление и наказание

Harding Alan. The Law Courts of Medieval England. London, 1973.

Musson Anthony. Medieval Law in Context. Manchester, 2001.

_____ and *Ormrod W. M*. The Evolution of English Justice. London, 1999.

Salzman L. F. English Life in the Middle Ages. London, 1926.

Простой король

Burton Janet. Monastic and Religious Orders in Britain, 1000–1300. Cambridge, 1994.

Carpenter D. A. The Minority of Henry III. London, 1990.

_____. The Reign of Henry III. London, 1996.

_____. The Struggle for Mastery. London, 2003.

Clanchy M. T. From Memory to Written Record. Oxford, 1993.

Harding Alan. England in the Thirteenth Century. Cambridge, 1993.

Harvey Barbara. The Twelfth and Thirteenth Centuries. Oxford, 2001.

Hennings M. A. England under Henry III. London,

1924.

Lloyd Simon. English Society and the Crusade. Oxford, 1988.

Maddicott J. R. Simon de Montfort. Cambridge, 1994.

Powicke F. M. King Henry and the Lord Edward. Oxford, 1947.

_____. The Thirteenth Century. Oxford, 1962.

Stacey Robert. Politics, Policy and Finance under Henry III. Oxford, 1987.

Сезонный календарь

Hutton Ronald. The Rise and Fall of Merry England. Oxford, 1994.

Postan M. M. The Medieval Economy and Society. London, 1972.

Powicke J. M. Medieval England. London, 1931.

Император Британии

Jenks Edward. Edward Plantagenet. London, 1902.

Knowles David. The Religious Orders in England, Volume One. Cambridge, 1948.

Morris J. E. The Welsh Wars of Edward I. Oxford, 1901.

Morris Marc. A Great and Terrible King. London,

2008.

Ormrod W. M. (ed.). England in the Fourteenth Century. Woodbridge, 1986.

Pasquet D. An Essay on the Origins of the House of Commons. Cambridge, 1925.

Plucknett T. F. T. Legislation of Edward I. Oxford, 1949.

Prestwich Michael. Politics and Finance under Edward I. London, 1972.

_____. The Three Edwards. London, 1980.

Salzman L. F. Edward I. London, 1968.

Stones E. L. G. Edward I. Oxford, 1968.

Wilkinson B. Studies in the Constitutional History of the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Manchester, 1937.

Молот

Julius Anthony. Trials of the Diaspora: A History of Anti-Semitism in England. Oxford, 2010.

Mundill R. R. England's Jewish Solution. Cambridge, 1998.

Королевские фавориты

Davies J. C. The Baronial Opposition to Edward II. Cambridge, 1918.

Fryde Natalie. The Tyranny and Fall of Edward II. Cambridge, 1979.

Haines R. M. King Edward II. London, 2003.

Hamilton J. S. Piers Gaveston, Earl of Cornwall. London, 1988.

Howell Margaret. Eleanor of Provence. Oxford, 1998.

Johnstone H. Edward of Carnarvon. Manchester, 1946.

Maddicott J. R. Simon de Montfort. Cambridge, 1994.

Raban Sandra. England under Edward I and Edward II. Oxford, 2000.

Tout T. F. The Place of the Reign of Edward II in English History. Manchester, 1936.

Рождение и смерть

Carey H. M. Courting Disaster, Astrology at the English Court and University in the Later Middle Ages. London, 1992.

Clay R. M. The Medieval Hospitals of England. London, 1909.

Finucane R. C. Miracles and Pilgrims. London, 1977.

Getz Faye. Medicine in the English Middle Ages. Princeton, 1998.

Hunt Tony. Popular Medicine in Thirteenth Century England. Woodbridge, 1990.

Rawcliffe Carole. Medicine and Society in Later Medieval England. Stroud, 1995.

Национальное самосознание

Carpenter D. A. The Reign of Edward III. London, 1996.

Edwards G. The Second Century of the English Parliament. Oxford, 1979.

Given-Wilson C. J. The English Nobility in the Late Middle Ages. London, 1987.

Haines R. M. The Church and Politics in Fourteenth Century England. Cambridge, 1978.

Hewitt H. J. The Organisation of War under Edward III. Manchester, 1966.

Horrox Rosemary (ed.). The Black Death. Manchester, 1994.

Keen M. H. England in the Later Middle Ages. London, 1973.

McFarlane K. B. The Nobility of Later Medieval England. Oxford, 1973.

McKisack May. The Fourteenth Century. Oxford, 1959.

Mortimer Ian. The Perfect King. London, 2006.

Ormrod W. G. The Reign of Edward III. Stroud,

2000.

Prestwich Michael. Plantagenet England. Oxford, 2005.

Rubin Miri. The Hollow Crown. London, 2005.

Stubbs William. The Constitutional History of England. Oxford, 1874.

Waugh S. L. England in the Reign of Edward III. Cambridge, 1991.

Ночные школы

Aston Margaret. Lollards and Reformers. London, 1984.

Dahmus J. H. The Prosecution of John Wycliffe. New Haven, 1970.

Lambert M. D. Medieval Heresy. London, 1977.

McFarlane K. B. John Wycliffe and the Beginnings of English Nonconformity. London, 1952.

_____. Lancastrian Kings and Lollard Knights. Oxford, 1972.

Robson J. A. Wycliffe and the Oxford Schools. Cambridge, 1961.

Thomson J. A. F. The Later Lollards. Oxford, 1965.

Workman H. B. John Wycliffe. Oxford, 1926.

Allmand C. T. (ed.). War, Literature and Politics in the Late Middle Ages. Liverpool, 1976.

Bevan Bryan. King Richard II. London 1990.

Bird Ruth. The Turbulent London of Richard II. London, 1949.

Du Boulay F. R. H. and *Barron C. M.* (eds.). The Reign of Richard II. London, 1971.

Fletcher Christopher. Richard II. Oxford, 2008.

Fryde E. B. The Great Revolt of 1381. London, 1981.

Gillespie J. L. (ed.). The Age of Richard II. Stroud, 1997.

Jones R. H. The Royal Policy of Richard II. Oxford, 1968.

Mathew Gervase. The Court of Richard II. London, 1968.

Oman Charles. The Great Revolt of 1381. Oxford, 1969.

Ormrod W. G. (ed.). England in the Fourteenth Century. Woodbridge, 1986.

Saul Nigel. Richard II. London, 1997.

Scattergood V. J. and *Sherborne J. W.* (eds.). English Court Culture in the Later Middle Ages. London, 1983.

Tuck Anthony. Richard II and the English Nobility.

London, 1973.

В лесах

Keen M. H. The Outlaws of Medieval Legend. London, 1961.

Westwood Jennifer and *Simpson Jaqueline*. The Lore of the Land. London, 2005.

Страдающий король

Bennett Michael. Richard II and the Revolution of 1399. Stroud, 1999.

Dodd Gwilym and *Biggs Douglas*. Henry IV. Woodbridge, 2003.

Kirby J. L. Henry IV of England. London, 1970.

McNiven Peter. Heresy and Politics in the Reign of Henry IV. Woodbridge, 1987.

Mortimer Ian. The Fears of Henry IV: The Life of England's Self-made King. London, 2007.

Williams Daniel (ed.). England in the Fifteenth Century. Woodbridge, 1987.

Wylie J. H. History of England under Henry IV. London, 1884–1898.

Воитель

Allmand Christopher. Henry V. London, 1992.

Burne A. H. The Agincourt War. London, 1956. (*Бёрн А.* Битва при Азенкуре. История Столетней войны с 1369 по 1453 год / Пер. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2004.)

Earle Peter. The Life and Times of Henry V. London, 1972.

Harriss G. L. (ed.). Henry V. London, 1985.

Hutchinson H. F. Henry V. London, 1967.

Keen M. H. England in the Later Middle Ages. London, 1973.

Labarge M. W. Henry V: The Cautious Conqueror. London, 1975.

Lindsay Philip. King Henry V: A Chronicle. London, 1934.

Myers A. R. England in the Later Middle Ages. London, 1952.

Perroy Edouard. The Hundred Years War. New York, 1965. (*Перруа Э.* Столетняя война / Пер. М. Некрасова. СПб.: Евразия, 2002.)

Seward Desmond. Henry V. New York, 1987. (*Сьюард Д*. Генрих V. Смоленск: Русич, 1996.)

Sumption Jonathan. The Hundred Years War. London, 1990–2009.

Wylie J. H. and *Waugh W. T.* The Reign of Henry V. Cambridge, 1914–1929.

Простой человек

Bagley J. J. Margaret of Anjou. London, 1948.

Gasquet F. A. The Religious Life of Henry VI. London, 1923.

Griffiths R. A. The Reign of Henry VI. London, 1981.

_____. The Fourteenth and Fifteenth Centuries. Oxford, 2003.

Harriss Gerald. Shaping the Nation. Oxford, 2005.

Jacob E. F. The Fifteenth Century. Oxford, 1961.

Macfarlane K. B. The Nobility of Later Medieval England. Oxford, 1963.

_____. England in the Fifteenth Century. London, 1981.

Wolffe Bertram. Henry VI. London, 1981.

Знакомство с одной семьей

Davis Norman (ed.). Paston Letters and Papers of the Fifteenth Century. London, 1971–1976.

Richmond Colin. The Paston Family. Cambridge, 1990–1996.

Разделенное королевство; Лев и агнец

Carpenter M. C. The Wars of the Roses. Cambridge, 1997.

Gillingham John. The Wars of the Roses. London, 1981.

Goodman Anthony. The Wars of the Roses. Stroud, 2005.

Hicks Michael. The Wars of the Roses. New Haven, 2010.

Lander J. R. Conflict and Stability in Fifteenth Century England. London, 1969.

_____. The Wars of the Roses. London, 1965. (*Лан-дер Джек Р.* Войны Роз / Пер. с англ. А. А. Кралиной. СПб.: Филол. факультет СПбГУ; Нестор-История, 2013.)

Pollard A. J. (ed.). The Wars of the Roses. London, 1995.

Seward Desmond. The Wars of the Roses. London, 1995.

Storey R. L. The End of the House of Lancaster. London, 1966.

Мир в игре

Egan Geoff (ed.). The Medieval Household. London,

1998.

Fleming Peter. Family and Household in Medieval England. London, 2001.

Hanawalt B. A. Growing Up in Medieval London. Oxford, 1993.

Herlihy David. Medieval Households. Cambridge, Mass., 1985.

Leach A. F. The Schools of Medieval England. London, 1915.

Orme Nicholas. Medieval Schools. London, 2006.

Salusbury G. T. Street Life in Medieval England. Oxford, 1939.

Shahar Shulamith. Childhood in the Middle Ages. London, 1990.

Основа жизни

Abram Annie. English Life and Manners in the Later Middle Ages. London, 1913.

Dyer Christopher. Standards of Living in the Later Middle Ages. Cambridge, 1989.

Henisch B. A. Fast and Feast. Pittsburgh, 1976.

Король весны

Baldwin David. Elizabeth Woodville. Stroud, 2002.

Brown A. L. The Governance of Late Medieval

England. Stanford, 1989.

Chrimes S. B., Ross C. D. and *Griffiths R. A.* (eds.). Fifteenth-century England. London, 1972.

Dockray Keith. Edward IV. Stroud, 1999.

Goodman Anthony. The New Monarchy. Oxford, 1988.

Myers A. R. The Household of Edward IV. Manchester, 1959.

Ross Charles. Edward IV. London, 1974.

Thomson John. The Transformation of Medieval England. London, 1983.

Thornley I. D. (ed.). England under the Yorkists. London, 1920.

Идем в город

Beresford Maurice. New Towns of the Middle Ages. London, 1967.

Britnell R. H. The Commercialisation of English Society, 1000–1500. Cambridge, 1993.

Dyer Christopher. Making a Living in the Middle Ages. New Haven, 2002.

Green Alice. Town Life in the Fifteenth Century. London, 1894.

Nicholas David. The Later Medieval City. London, 1997.

Palliser D. M. (ed.). The Cambridge Urban History

of Britain, 600–1540. Cambridge, 2000.

Platt Colin. The English Medieval Town. London, 1976.

Reynolds Susan. An Introduction to the History of English Medieval Towns. Oxford, 1977.

Король-фанатик

Dockray Keith. Richard III. Stroud, 1997.

Hammond P. W. (ed.). Richard III. London, 1986. (*Хэммонд П.* Ричард III и битва при Босворте / Пер. М. Степанова. М.: Евразия, КЛИО, 2014.)

Hanham Alison. Richard III and his Early Historians. Oxford, 1975.

Hicks Michael. Richard III. London, 1991.

Hughes Jonathan. The Religious Life of Richard III. Stroud, 1997.

Kendall P. M. Richard III. New York, 1956.

Pollard A. J. Richard III and the Princes in the Tower. Stroud, 1991.

Ross Charles. Richard III. London, 1981.

Король подозрений

Bevan Bryan. Henry VII. London, 2000.

Chrimes S. B. Henry VII. London, 1972.

Grant Alexander. Henry VII. London, 1985.

Hunt Jocelyn and *Towle Carolyn*. Henry VII. London, 1998.
Loades D. M. Politics and the Nation. London, 1973.
Lockyer Roger. Henry VII. London, 1968.
Rogers Caroline. Henry VII. London, 1991.
Temperley Gladys. Henry VII. Boston, 1914.
Wroe Anne. Perkin Warbeck. London, 2003.

Заключение

Andrews J. P. The History of Great Britain. London, 1794.
Buckle H. T. History of Civilization in England. London, 1908.
Churchill W. S. A History of the English-Speaking Peoples. London, 1956.
Clark Jonathan (ed.). A World By Itself. London 2010.
Davies Norman. The Isles. London, 1999.
Fraser Rebecca. A People's History of Britain. London, 2003.
Green J. R. History of the English People. London, 1878–1880.
Hibbert Christopher. The English. London, 1987.
Keightley Thomas. The History of England. London, 1837.
Lingard John and *Belloc Hilaire*. The History of

England. New York, 1912.

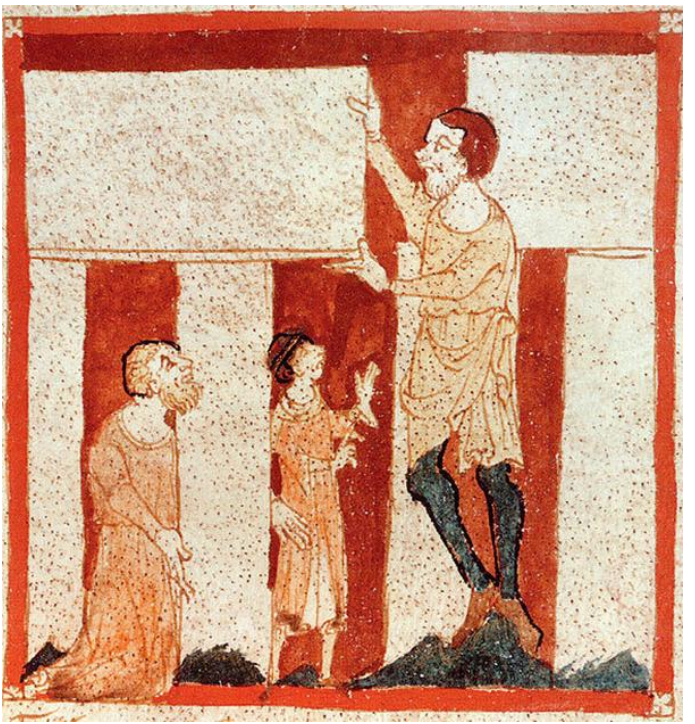
Mackintosh James, Scott Walter and *Moore Thomas*. The Cabinet History of England, Scotland and Ireland. London, 1831.

Smollett Tobias and *Hume David*. The History of England. London, 2008.

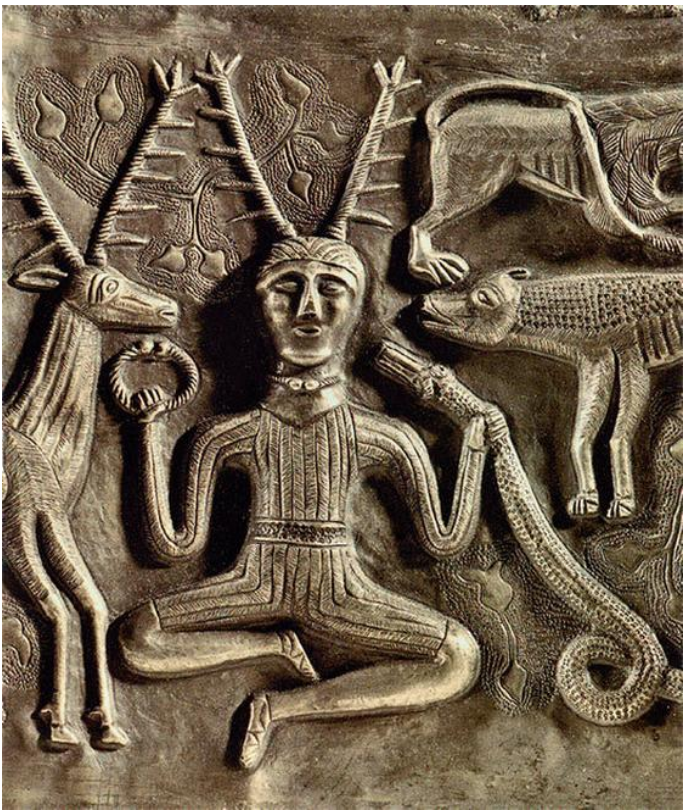
Trevelyan G. M. History of England. London, 1945.

Wood Michael. In Search of England. London, 1999.

Фотоматериалы



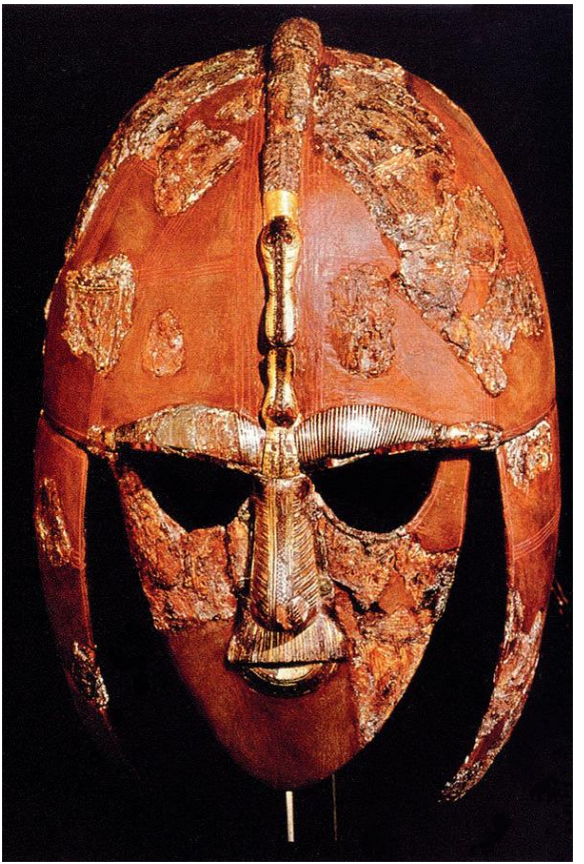
Строительство Стоунхенджа — крупнейшая программа общественных работ в истории Англии. Фрагмент иллюминированной рукописи



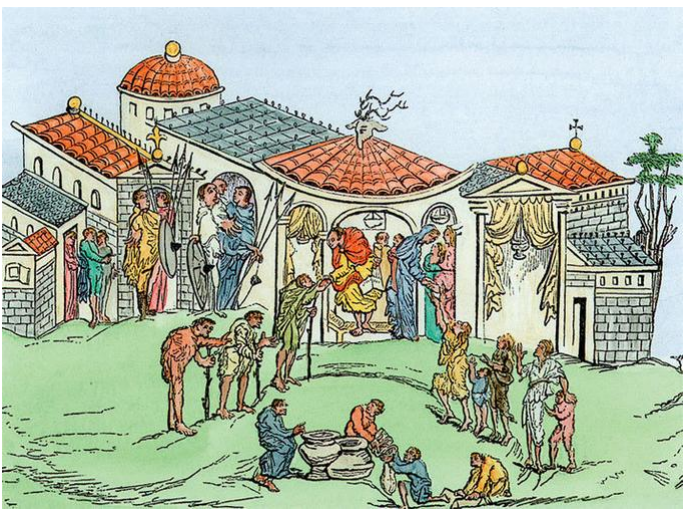
Серебряный рельеф с изображением рогатого бога Цернунны, считавшегося божеством плодородия

Мозаика с римской виллы Биньор (III в.) в Западном Суссексе

Стилизованное изображение некоторых протагонистов римского завоевания Британии

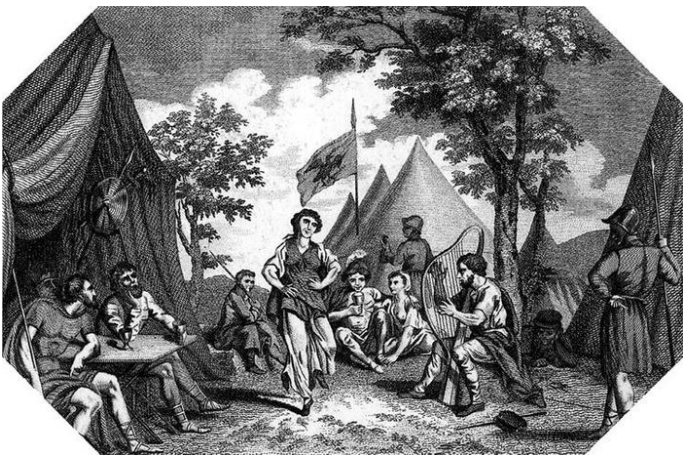


Шлем короля германцев, предположительно Редвальда. Саттон-Ху, начало VII в.

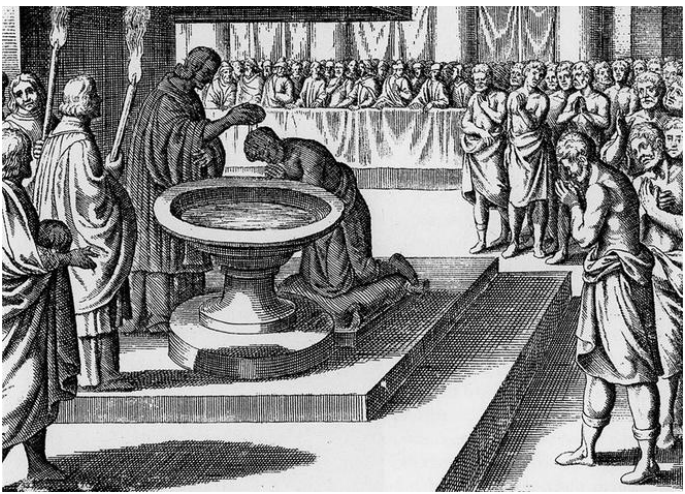


Гравюра XIX в. с изображением саксонского поместья. На самом деле это был деревянный главный дом с несколькими хозяйственными постройками

Саксонские солдаты готовятся вступить в бой. Римский хронист V в. заявил, что «сакс превосходит всех своей жестокостью»

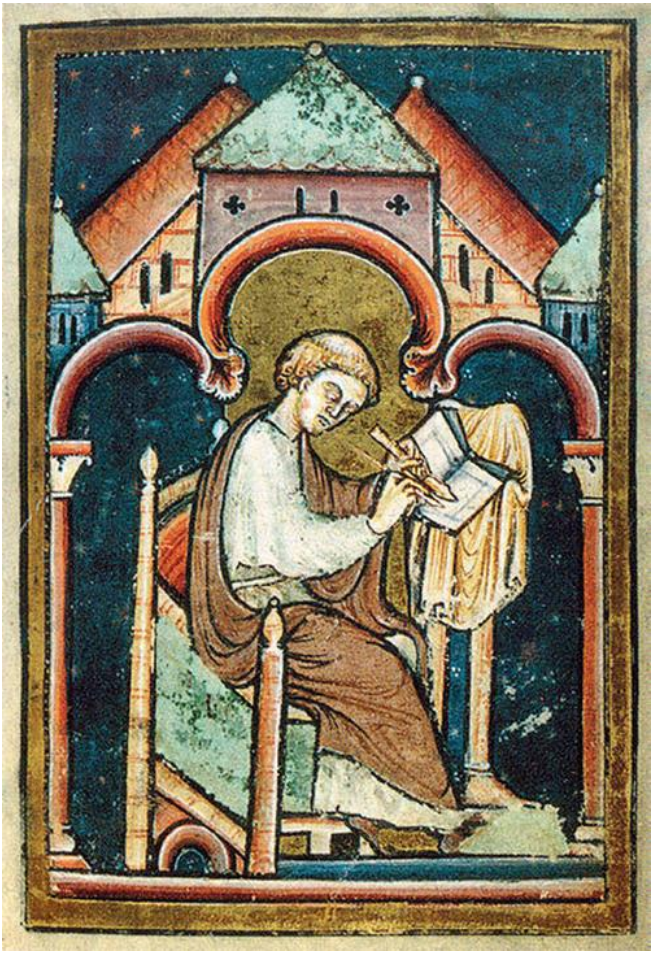


Альфред в лагере данов. Согласно легенде, король проник в лагерь Гутрума под видом менестреля



Этельберт, великий король Кента, изображен

здесь во время обряда крещения, проведенного святым Августином в 597 г. Это было началом миссии по обращению германцев в христианство



Беда Достопочтенный в скриптории. Благодаря его самой известной работе «Церковная история народа англов» Беду Достопочтенного часто называют «отцом английской истории»

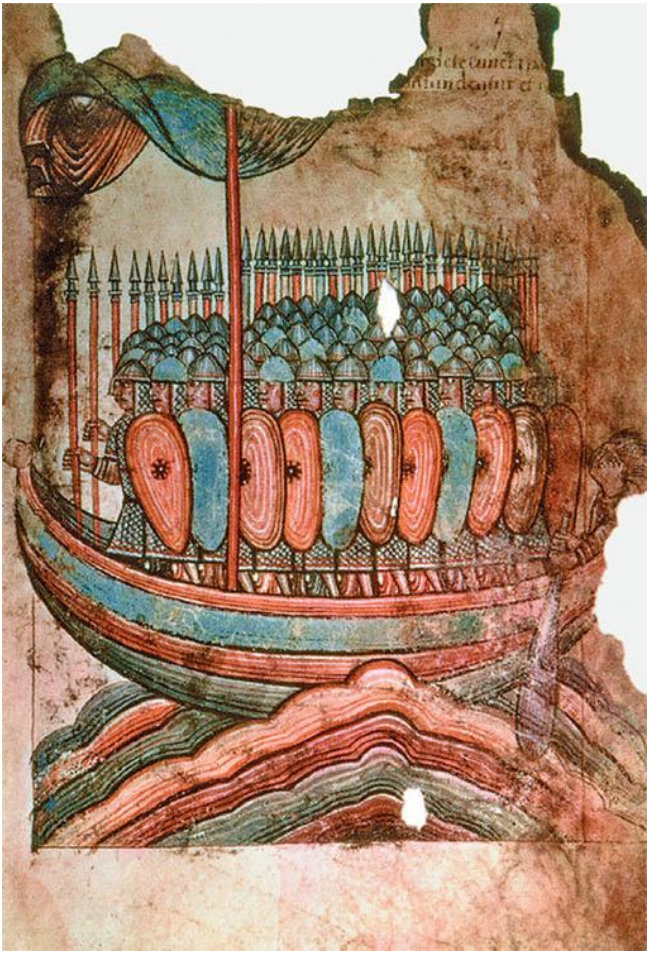
ihs xps · Matheus homo
liber generationis

Начало Евангелия от Матфея из так называемого Евангелия из Линдисфарна. Богато иллюстрированная рукопись была изготовлена в Линдисфарне, в Нортумбрии, в конце VII или начале VIII в.

Корабль викингов как главная сила вторжения, начавшегося в 790 г.

Изображение Этельреда, известного как Неразумный король. Он был королем Англии в конце X и начале XI в. Большой меч, без сомнения, призван подчеркнуть его мужественность и доблесть

Эдуард Исповедник, король Англии с 1042 по 1066 г. Считалось, что он был истым поборником христианской веры, но на самом деле он не был особо набожным



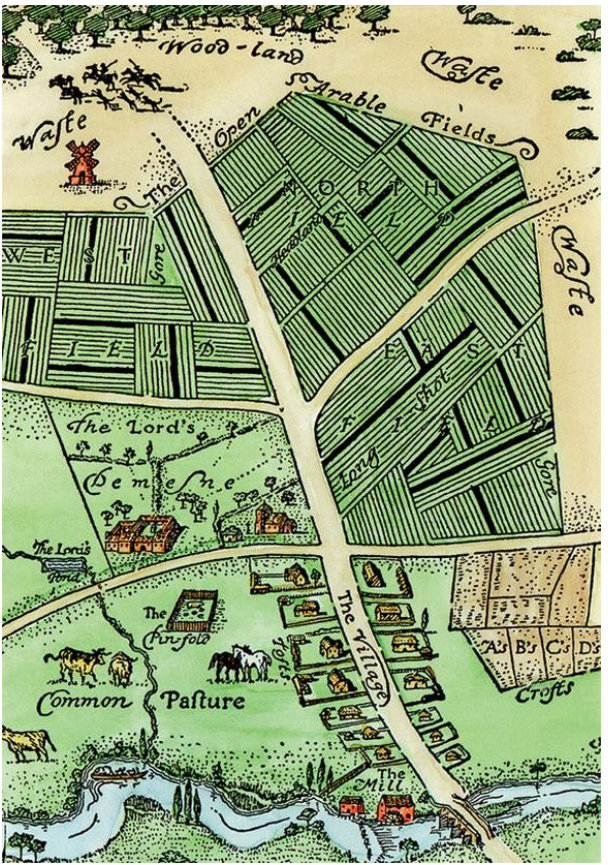
Норманны пересекают Ла-Манш в 1066 г. 14 000 человек были призваны Вильгельмом для нападения на Англию

Смерть Гарольда в бою, с гобелена из Байё. С гибелью короля все было потеряно

Иллюстрация «Человек с топором в руках» из Topographia Hibernica была создана Джеральдом Уэльским в 1188 г. и включает в себя замечание о том, что ирландцы позволяют «волосам и бородам расти чрезвычайно неуклюже»

Изображение человека и собак из Псалтири Латтрелла, иллюминированной рукописи, ко-

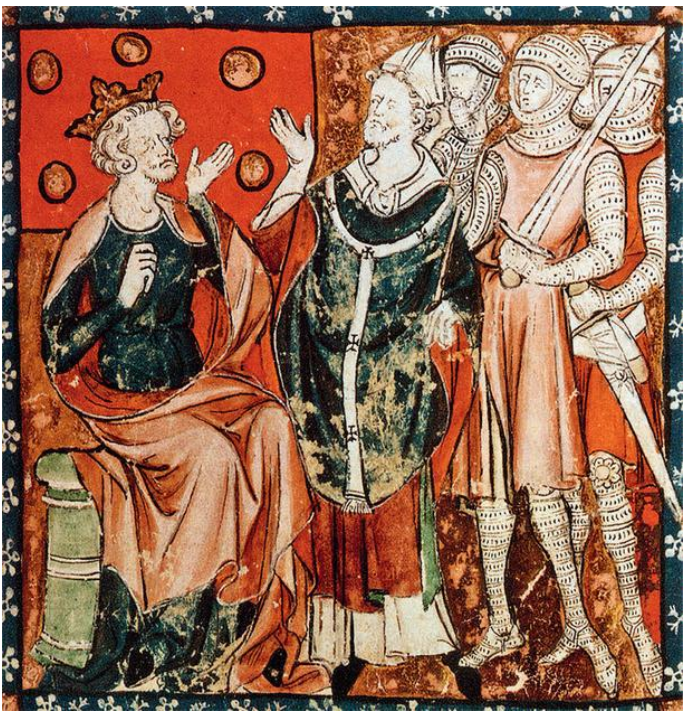
торая была написана и проиллюстрирована в Линкольне ок. 1330 г.


Wood-land
Waste
Waste
Open Arable Fields
The
NORTH FIELD
Gore
WEST FIELD
Waste
Gore
The Lord's Demesne
The Lord's Pond
The Pinfold
The Village
Lane
Lane
Crofts
Common Pasture
The Mill

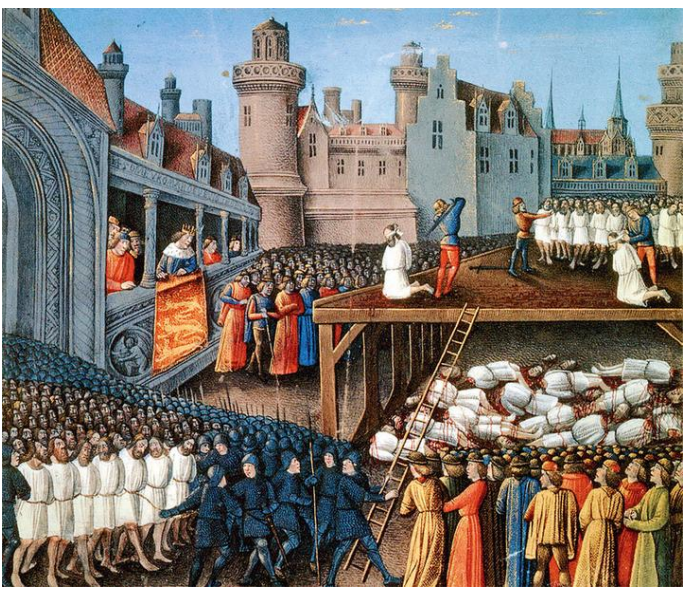
Гравюра на дереве (XIX в.), изображающая средневековое поместье, с четко очерченными владениями лорда, деревней и церковью. Обратите внимание на участки «отходов» сразу за полями

Изображение Матильды, фактической королевы Англии с марта по ноябрь 1141 г., держащей в руках хартию. Иллюминированная рукопись из «Золотой книги Сент-Олбанса»

Томаса Уолсингема. Ок. 1380 г.



Противостояние Генриха II и Томаса Бекета. Изображение солдат рядом с ними наводит на размышления о тех, кто убил архиепископа 29 декабря 1170 г.



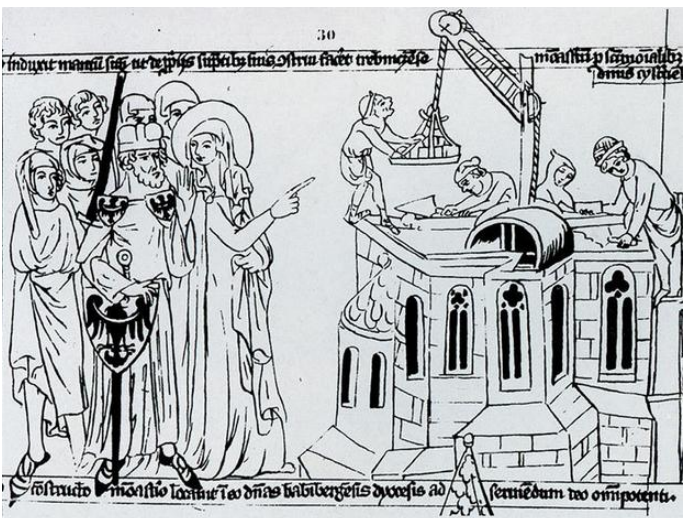
Ричард I, более известный как Ричард Львиное Сердце, наблюдал за казнью 3000 пленных, которых он захватил при осаде Акры в Хайфском заливе во время Третьего крестового похода

Иоанн Безземельный с мечом в руке, верхом на лошади

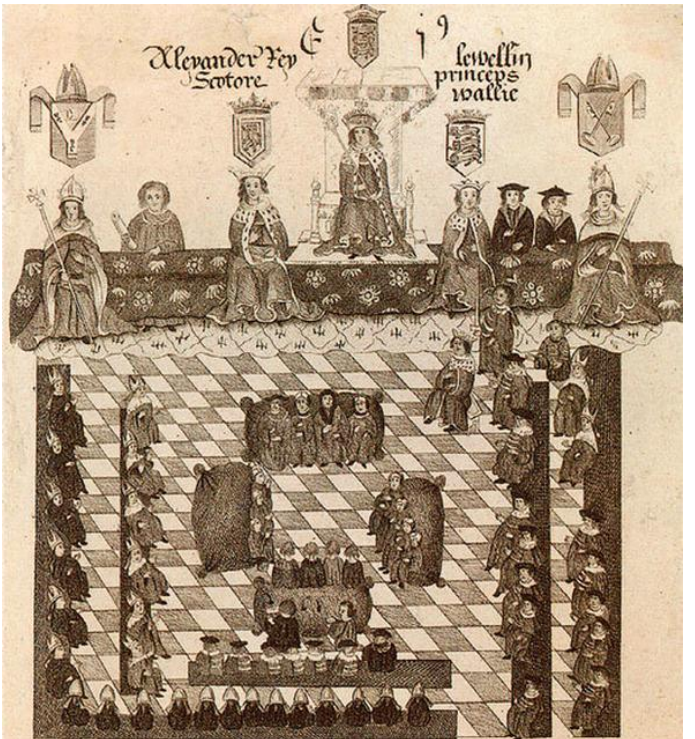
Март из Часослова Бедфорда начала XV в. По срав нению с современностью в Средние века и сельскохозяйственные животные были меньше размером, и продуктивность почвы ниже

Разнообразие сельскохозяйственного труда. Изображенные здесь инструменты (в частности, серп, косу и плуг) можно увидеть на иллюстрациях во многих средневековых рукописях

Монахи средневекового монастыря были историками, учеными и просветителями. Они способствовали сохранению преемственности



Строительство монастыря, изображенное на миниатюре XIV в.



PARLIAMENT

Эдуард I обращается к парламенту. Первый парламент, собранный им в 1275 г., насчитывал около 800 представителей

Вид на замок Харлех, один из валлийских замков, созданных для Эдуарда I под руководством архитектора Джеймса из Сент-Джорджа. Этот замок кажется продолжением скалы, на которой стоит

Charles le bel recevant la Reine d'Angleterre

Ronjat pinx! Imp. Fraillery Pralon, chromolith.

Королева Изабелла, жена Эдуарда II, прибывает во Францию к своему брату Карлу Красивому

Черная смерть, достигшая Англии осенью 1348 г., унесла жизни примерно 2 миллионов

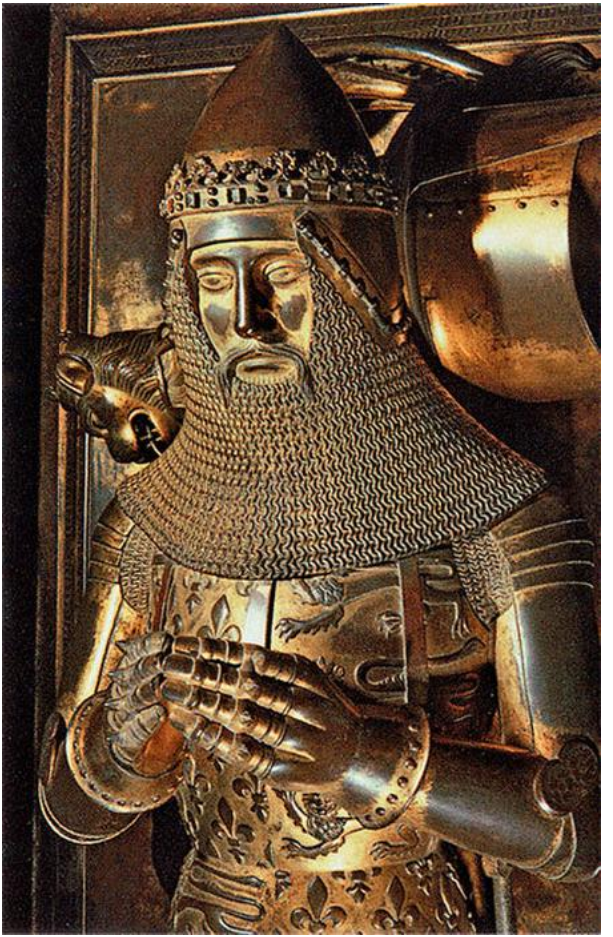
человек. Ни до, ни после не было такого высокого уровня смертности

Женщина, заразившаяся проказой. Прока-

женный носил с собой колокольчик, чтобы предупреждать о своем приближении

Доктора пробовали на вкус кровь пациентов после кровопускания. Здоровая кровь была слегка сладковатой

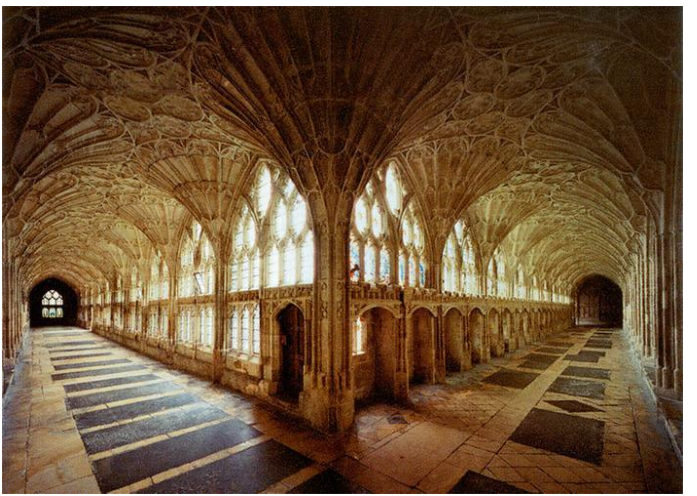
Битва при Креси, которая состоялась 26 августа 1346 г., была одним из самых важных сражений Столетней войны. Армия Эдуарда III фактически разгромила французов. Это было сражение, в котором впервые были применены пороховые пушки



Фрагмент надгробия Черного принца в Кентерберийском соборе. Его эпитафия начинается так: «Таким, как ты, когда-то был я. Таким, как я, будешь и ты»

Изображение Ричарда II с Уилтонского диптиха. Рядом с ним стоят Эдмунд Мученик, Эдуард Исповедник и Иоанн Креститель. Он считал их своими предками и защитниками

Страница из Библии Уиклифа. Перевод на среднеанглийский язык был создан не самим Уиклифом, а несколькими авторами, вдохновленными примером Уиклифа



Галерея Глостерского собора с самой ранней и, возможно, лучшей арочной сводчатой крышей в Англии была построена во второй половине XIV в. Сам собор нормандского происхождения и основан на англосаксонском оригинале, как и многие другие английские соборы

Сцена Крестьянского восстания 1381 г. Это был величайший народный бунт в английской истории

Коронация Генриха IV в Вестминстерском аббатстве, октябрь 1399 г.

Битва при Азенкуре (осень 1415 г.) завершилась ошеломляющей победой Генриха V над французами. По возвращении с поля боя англичане приветствовали его как «властителя Англии, цвет всего мира, солдата Христова»

R: DE: FRANCE:
.h: LE: CINQVIESME:

Свадьба Генриха V и Екатерины Валуа, дочери короля Франции, состоялась летом 1420 г. в Кафедральном соборе в Труа. Генрих умер чуть больше двух лет спустя, но Екатерина успела родить ему наследника мужского пола

Жанна д'Арк, или Орлеанская дева, чьи победы в 1429 г. предвосхитили изгнание англичан из городов Франции двумя десятилетиями позже

Генрих VI в полном боевом облачении. По правде говоря, он был не очень хорошим солдатом и не очень способным королем

Генеалогическое древо Уориков, составленное Джоном Роузом в «Истории английских королей» (Historia Regum Angliae)

Эдуард IV, величайшим достижением которо-

го было укрепление королевской власти после слабого и шаткого правления Генриха VI

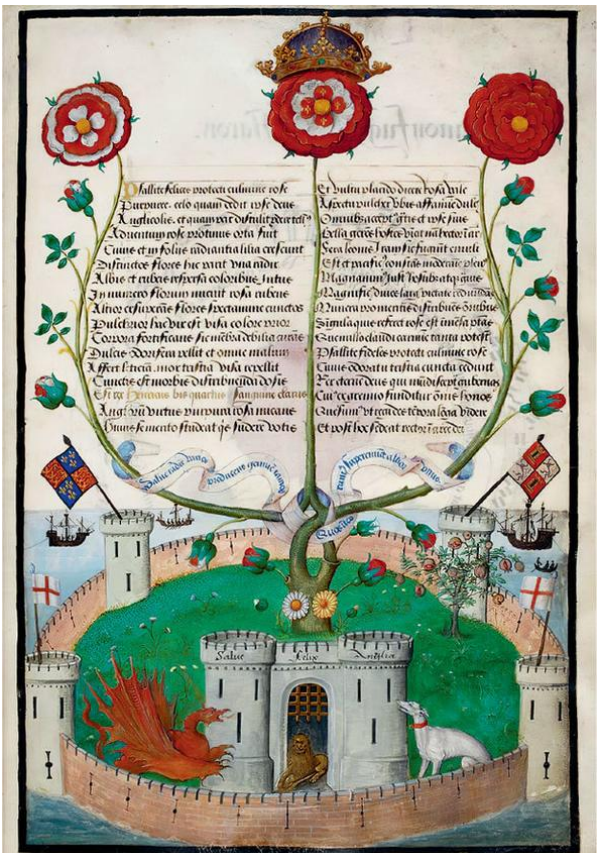
ELISABETH WYDVILLE
Queen-Consort of Edward 4th of England.
Married to King Edward 1464.
An authentic portrait engraved
VOL. XX.
N.° 6 of the series
exclusively for the Gent. Magaz
of ancient portraits.
N.° 11, Carey street
Lincoln's Inn, London.

Елизавета Вудвилл, жена Эдуарда IV, в отличие от большинства королевских невест, была англичанкой и к моменту своего замужества уже вдовой с двумя детьми

Несчастный Эдуард V, который правил всего два месяца, прежде чем был убит в лондонском Тауэре. Он так и не был коронован

Ричард III, стоящий на белом кабане; белый кабан был его эмблемой

Елизавета Йоркская и Генрих VII на иллюстрации XIX в. От их союза произошла следующая ветвь династии Тюдоров


Salutis
Felix
Dextera

Аллегорическое изображение династии Тюдоров. Красный дракон слева означает валлийское происхождение Генриха VII, а белая борзая справа взята с герба его отца. Над всем возвышается роза Тюдоров, соединяющая белую розу Йоркшира с алой розой Ланкашира

1. Строительство Стоунхенджа.

© *akg-images/British Library*.

2. Серебряный рельеф с изображением Цернунны.

© *akgimages/Erich Lessing*.

3. Мозаика с римской виллы Биньор.

© *akgimages/Florian Monheim/Bildarchiv Monheim*.

4. Стилизованное изображение некоторых протагонистов римского завоевания Британии.

© *Mary Evans Picture Library*.

5. Шлем короля германцев, предположительно Редвальда.

© *akgimages/British Museum*.

6. Гравюра XIX в. с изображением саксонского поместья.

© *akg-images/North Wind Picture Archives*.

7. Саксонские солдаты готовятся вступить в бой.

© *Mary Evans Picture Library*.

8. Альфред в лагере данов.

© *Mary Evans Picture Library*.

9. Этельберт, великий король Кента.

© *akg-images*.

10. Беда Достопочтенный в скриптории.

© *akg-images/British Library*.

11. Начало Евангелия от Матфея из так называемого Евангелия из Линдисфарна.

© *akg-images/British Library*.

12. Корабль викингов.

© *akg-images/British Library*.

13. Изображение Этельреда, известного как Неразумный король.

© *akg-images/British Library*.

14. Эдуард Исповедник, король Англии с 1042 по 1066 г.

© *akgimages/British Library*.

15. Норманны пересекают Ла-Манш в 1066 г.

© *Getty Images/Bibliothèque Nationale*.

16. Смерть Гарольда в бою, с гобелена из Байё.

© *Mary Evans Picture Library*.

17. Иллюстрация «Человек с топором в руках» из Topographia Hibernica.

© *akgimages/British Library*.

18. Изображение человека и собак из Псалтири Латтрелла.

© *akg-images/British Library*.

19. Гравюра на дереве (XIX в.).

© *akg-images/North Wind Picture Archives*.

20. Изображение Матильды, фактической королевы Англии с марта по ноябрь 1141 г.

© *akg-images/British Library*.

21. Противостояние Генриха II и Томаса Бекета.

© *akg-images/British Library*.

22. Ричард I, более известный как Ричард Львиное Сердце.

© *akgimages/Erich Lessing*.

23. Иоанн Безземельный.

© *akg-images/British Library*.

24. Март из Часослова Бедфорда начала XV в.

© *akgimages/British Library*.

25. Разнообразие сельскохозяйственного труда.

© *Mary Evans Picture Library*.

26. Монахи средневекового монастыря.

© *akg-images/British Library*.

27. Здание монастыря.

© *akg-images*.

28. Эдуард I обращается к парламенту.

© *Mary Evans Picture Library*.

29. Вид на замок Харлех.
© *IAM/akg-images*.
30. Королева Изабелла, жена Эдуарда II.
© *Mary Evans Picture Library*.
31. Черная смерть.
© *Mary Evans Picture Library*.
32. Женщина, заразившаяся проказой.
© *akg-images/British Library*.
33. Кровопускание.
© *akg-images/British Library*.
34. Битва при Креси.
© *akg-images/British Library*.
35. Гробница Черного принца в Кентерберийском соборе.
© *akg-images/Erich Lessing*.
36. Изображение Ричарда II с Уилтонского диптиха.
© *akg-images/Erich Lessing*.
37. Страница из Библии Уиклифа.
© *IAM/akg-images*.
38. Галерея Глостерского собора.
© *akg-images/Bildarchiv Monheim*.
39. Сцена Крестьянского восстания 1381 г.
© *akg-images/British Library*.
40. Коронация Генриха IV в Вестминстерском аббатстве.

© *IAM/akg-images*.

41. Битва при Азенкуре.

© *akg-images/Bibliothèque Nationale*.

42. Свадьба Генриха V и Екатерины Валуа.

© *akg-images/British Library*.

43. Жанна д'Арк.

© *akg-images/Archives Nationales, Paris*.

44. Генрих VI в полном боевом облачении.

© *Mary Evans Picture Library*.

45. Генеалогическое древо Уориков.

© *akg-images/British Library*.

46. Эдуард IV.

© *Mary Evans Picture Library*.

47. Елизавета Вудвилл.

© *Mary Evans Picture Library*.

48. Несчастный Эдуард V.

© *Mary Evans Picture Library*.

49. Ричард III, стоящий на белом кабане.

© *Mary Evans Picture Library*.

50. Елизавета Йоркская и Генрих VII на иллюстрации XIX в.

© *Sarah, Countess of Essex/Getty Images*.

51. Аллегорическое изображение династии Тюдоров.

© *akg-images/British Library*.